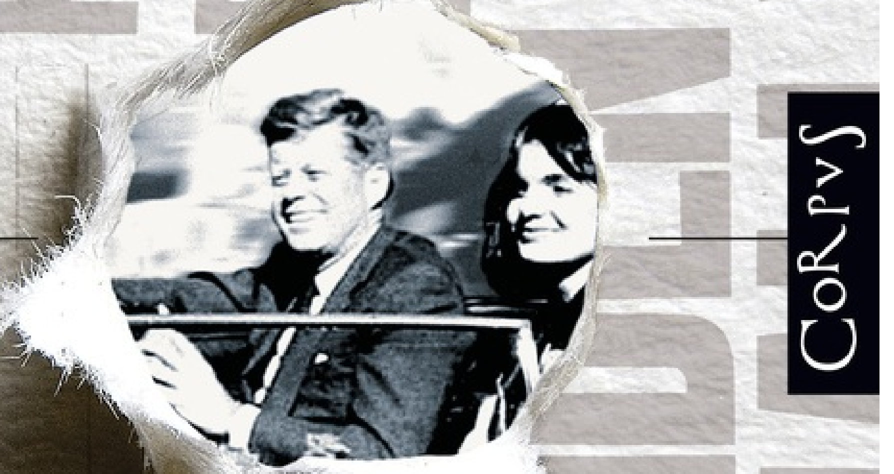
Филип Шенон

Анатомия убийства. Гибель Джона Кеннеди. Тайны расследования

ФИЛИП ШЕНОН

АНАТОМИЯ УБИЙСТВА

CoRpvS

ГИБЕЛЬ ДЖОНА КЕННЕДИ. ТАЙНЫ СЛЕДСТВИЯ

СЕНСАЦИОННЫЕ ПОДРОБНОСТИ О РАБОТЕ КОМИССИИ УОРРЕНА

Филип Шенон

Филип Шенон

Анатомия убийства. Гибель Джона Кеннеди. Тайны расследования

Published by arrangement with The Robbins Office, Inc.

В память о моем отце Питере Уоррене Шеноне, который стал добрым и справедливым человеком в Калифорнии, созданной Эрлом Уорреном

Убийство Джона Фитцджеральда Кеннеди 22 ноября 1963 года было актом жестокости и насилия, направленным против человека, семьи, народа и всего человечества

Заключительный отчет Президентской комиссии по расследованию убийства президента Джона Кеннеди

24 сентября 1964 года

Вопрос: Он рассказывал что-нибудь о своей поездке в Мехико?

Марина Освальд: Сказал, что побывал в двух посольствах, но ничего не добился, потому что там одни бюрокарты.

Вопрос: Вы спрашивали его, что он делал в оставшееся время?

Миссис Освальд: Он, кажется, говорил, что сходил на бой быков и почти все время проводил в музеях, и еще осматривал достопримечательности.

Вопрос: Он рассказывал о ком-нибудь, с кем там встречался?

Миссис Освальд: Нет. Сказал, мексиканки ему не нравятся.

Показания Марины Освальд, данные президентской комиссии

3 февраля 1964 года

Пролог

Никто не знает, в какой момент Чарльз Уильям Томас задумал самоубийство. Кто может судить о таких вещах? Годы спустя следователи

из комиссии Конгресса смогли высказать лишь обоснованную догадку, почему Томас, бывший дипломат, большую часть карьеры отслуживший в посольствах Африки и Латинской Америки, решил покончить с собой. В понедельник, 12 апреля 1971 года, около четырех часов дня, он приставил к голове пистолет[1]. Томас находился на втором этаже дома, который его семья арендовала в Вашингтоне, поблизости от реки Потомак. Супруга, остававшаяся внизу, сперва решила, что взорвался бойлер.

Двумя годами ранее, летом 1969 года, у Томаса появилась причина для отчаяния: ему исполнилось 47 лет, на руках жена и две дочери, а карьере в Госдепартаменте пришел конец. Это было уже очевидно, хотя Томас так и не понял, почему его гонят с любимой работы, которую, как ему казалось – да нет, он точно знал, – он делал хорошо. В Госдепартаменте издавна действовал тот же принцип, что и в армии – «либо вверх, либо вон». Если не получишь вовремя следующий чин, карьера оборвется, и поскольку Томаса не отправили дипломатом более высокого ранга в очередное посольство и не усадили в начальственный кабинет в Вашингтоне, он был «отчислен»[2], как на оруэлловский лад говорили в Госдепартаменте о намеченных к увольнению. Восемнадцать счастливых, полных работы лет – жизнь в разных уголках земли на службе родины, – а теперь он больше не нужен.

Сначала, по словам жены Томаса Синтии, он думал, что это какая-то ошибка[3]. Послужной список у него был на зависть, в отчете после очередной проверки его назвали «одним из наиболее ценных служащих» Госдепартамента, «давно заслужившим» повышение. Но теперь, когда его формально «отчислили», не так-то просто было добиться отмены приговора, а Томасу, человеку самолюбивому, еще и нестерпима была сама роль просителя. Он начал помаленьку собирать свои вещи, чтобы освободить кабинет, и прикидывал, где в его возрасте возможно найти работу.

Но перед тем как уйти, ему нужно было закончить в Госдепартаменте одно дело. 25 июля 1969 года Томас допечатал служебную записку на трех страницах и одну страницу сопроводительного письма, адресованного главному своему начальнику, госсекретарю при президенте Никсоне Уильяму Роджерсу[4]. Коллеги могли бы сказать Томасу, что ему, чиновнику средней руки, неуместно обращаться напрямую к главе Госдепартамента, однако у Томаса были основания полагать, что только

так он сумеет привлечь внимание. Таким способом он не пытался сохранить свою работу – для этого, как он сказал близким, было уже слишком поздно. Служебная записка стала последней попыткой разгадать величайшую – за исключением загадки его увольнения – и давно томившую Томаса тайну, связанную с его карьерой. Роджерс был в Госдепартаменте человеком новым, он пришел всего за шесть месяцев до этого письма, вместе со всей командой Никсона. Томас понадеялся, что Роджерс захочет разобраться в действиях профессиональных дипломатов из Госдепартамента: те вот уже почти четыре года отмахивались от поразительной истории, которую Томас пытался им рассказать.

На каждой странице служебной записки Томас напечатал и подчеркнул слово «КОНФИДЕНЦИАЛЬНО».

«Уважаемый господин секретарь, – так он начал, – завершая свою работу в Госдепартаменте, я хотел бы указать на дело, как мне кажется, заслуживающее вашего внимания».

У служебной записки имелся заголовок: «Тема: Расследование деятельности Ли Харви Освальда в Мексике».

Чарльз Уильям Томас придерживался в этой служебной записке привычного для него делового и вместе с тем вежливого тона. Даже в официальной переписке он полностью указывал свое среднее имя, чтобы его не перепутали с коллегой, Чарльзом У. Томасом5. Томас хотел оставаться дипломатом – а значит, дипломатичным – до конца. Он понимал, что в своем послании затрагивает взрывоопасную, угрожающую национальной безопасности тему, и не желал показаться безответственным. Мало приятного – уйти из Госдепартамента с репутацией сумасшедшего, которому всюду чудятся заговоры. Под конец 1960-х годов и без него хватало «правдоискателей», стремившихся писать в передовицах про очередные теории заговора, который-де и привел к убийству президента Кеннеди. Томас не хотел оказаться на одной странице с этими людьми в исторических монографиях, или на одной полке в архиве личных дел Госдепартамента. В его служебной записке нет и намека на одержимость, которая два года спустя приведет Томаса

к самоубийству.

Госсекретарь Роджерс в любой момент мог запросить послужной список Томаса – весьма, кстати говоря, неплохой. Томас самостоятельно пробился в жизни, он рано осиротел (рос Томас в Техасе) и воспитывался в доме старшей сестры в Форт-Уэйне (Индиана)6 . Во Вторую мировую войну он сражался на истребителе ВМФ, а затем поступил в Северо-Западный университет в Эванстоне, штат Иллинойс, и там получил сперва диплом бакалавра, а затем юриста. Иностранные языки давались Томасу без труда, он свободно говорил по-французски и по-испански, впоследствии выучил также немецкий, итальянский, португальский и креольские наречия, что особенно пригодилось во время работы на Гаити. Окончив Северо-Западный университет, Томас поехал учиться в Европу и получил в Парижском университете степень доктора международного права. В 1951 году он поступил на службу в Госдепартамент и сперва получал назначения в опасные места Западной Африки – там, хоть и переболев малярией, он не терял веселого нрава и энтузиазма и этим запомнился. Друзья говорили, что ему «нужно сниматься в роли дипломата» – блондин, рост метр восемьдесят, красив и щеголеват, красноречив, обаятелен. Поначалу все думали, что он дослужится до ранга посла, возглавит представительство США в какой-нибудь стране.

В 1964 году Томас был направлен в Мексику сотрудником политического отдела посольства и занимал этот пост почти три года. В 1960-е годы такое назначение считалось особо важным, поскольку Мехико сделалось столицей холодной войны – латиноамериканским эквивалентом Берлина и Вены. Там располагались крупнейшие в Латинской Америке посольства Кубы и Советского Союза, а США, с помощью обычно соглашавшихся на сотрудничество мексиканских правоохранительных органов, могли пристально следить за деятельностью советских и кубинских дипломатов и многочисленных шпионов под маской дипломатов. ЦРУ считало советское посольство в Мексике базой для «мокрых операций» КГБ в Западном полушарии – так на жаргоне спецслужб именовались убийства. (Вести подобные операции с территории советского посольства в Вашингтоне было бы для КГБ слишком рискованно.) Мехико и в прошлом не раз становилось ареной организованного Кремлем насилия. В 1940 году Иосиф Сталин отрядил сюда убийц, чтобы покончить со своим соперником Львом Троцким, эмигрировавшим в Мексику.

Репутация Мехико как средоточия интриг холодной войны укрепилась, когда выяснилось, что Ли Харви Освальд наведывался сюда всего за несколько недель до убийства президента Джона Ф. Кеннеди в Далласе в пятницу 22 ноября 1963 года. Подробности поездки Освальда в Мексику раскрывались в новостных репортажах, опубликованных в первые же дни после убийства президента, и отсюда возникли первые теории заговора и причастности каких-то зарубежных кругов к убийству. Многое в этом шестидневном пребывании Освальда в Мексике казалось подозрительным. Освальд, сам себя аттестовавший марксистом и не скрывавший симпатий к коммунизму даже во время службы в корпусе морской пехоты США, наведался в Мехико и в советское, и в кубинское посольства. Как выяснилось, он просил визы, чтобы перебраться на Кубу. Это стало бы его второй попыткой эмигрировать – однажды Освальд уже пытался отречься от гражданства США (в 1959 году, когда переехал в Советский Союз), но через три года вернулся в США и заявил, что проникся презрением к советской разновидности коммунизма с мелочной коррупцией и бесконечными ярусами бюрократии. Теперь он надеялся, что сподвижники Фиделя Кастро окажутся ближе к идеалам Карла Маркса.

В сентябре 1964 года президентская комиссия во главе с председателем Верховного суда Эрлом Уорреном (в народе ее называли комиссией Уоррена), расследуя убийство Кеннеди, пришла к выводу, что убийцей был Освальд и действовал он в одиночку7 . В заключительном отчете после десяти месяцев расследования было сказано, что никаких доказательств существования внутреннего или международного заговора не обнаружено. «У комиссии нет доказательств того, что кто-то помогал Освальду в планировании или осуществлении убийства», – сообщалось в отчете. И хотя с полной уверенностью установить мотив Освальда не удалось, в отчете высказывалось предположение, что он был эмоционально нестабилен и мог вознамериться убить президента из-за «укоренившейся ненависти к любым авторитетам» и «потребности занять место в истории».

И вот в последние дни своей службы в Госдепартаменте, летом 1969 года, Чарльз Томас попытался убедить кого-нибудь наверху перепроверить эти выводы. Могла ли комиссия Уоррена допустить ошибку? В служебной записке госсекретарю Роджерсу содержалась информация о визите Освальда в Мексику, которая «побуждала вернуться к вопросу

об истинных причинах убийства Кеннеди и ставила под сомнение выводы комиссии Уоррена…» «Поскольку я получил эту информацию, будучи сотрудником политического отдела посольства, на мне лежит ответственность за то, чтобы передать ее на рассмотрение, – пояснял Томас. – При нынешних обстоятельствах кажется маловероятным новое исследование этого дела, если его не санкционирует кто-то из вышестоящих лиц в Вашингтоне».

Сведения, полученные Томасом, были настолько запутанными, что он счел необходимым пронумеровать каждый абзац записки. К записке он приложил еще несколько документов, в которых упоминались множество испанских имен с проставленными для удобства чтения ударениями и малоизвестные уголки Мехико: эти документы восстанавливали подробную хронику давних событий. Но суть сообщения Томаса сводилась к следующему: комиссия Уоррена просмотрела (или даже не имела шанса увидеть) информацию, указывавшую, что заговор с целью убийства Кеннеди был составлен или по крайней мере благословлен кубинскими дипломатами и шпионами из мексиканской столицы, что Освальда ввела в это шпионское гнездо в сентябре 1963 года красивая и энергичная мексиканка – тоже, как и он, сторонница кубинской революции.

Эта женщина, по сведениям Томаса, в Мехико была недолгое время любовницей Освальда.

Составляя служебную записку, Томас отдавал себе отчет в том, сколь невероятным, даже абсурдным покажется этот текст его коллегам – скоро уже бывшим коллегам – в Госдепартаменте. Если информация была достоверной, как могло случиться, что комиссия Уоррена ее пропустила?

В основном тексте записки Томас назвал по имени главный источник этой информации: Елена Гарро де Пас, популярная, любимая критикой мексиканская писательница 1960-х годов8 . Ее слава приумножилась благодаря браку с одним из знаменитейших писателей и поэтов Мексики, Октавио Пасом, который позднее получил Нобелевскую премию по литературе. Остроумная, живая, Елена говорила на нескольких языках и прожила несколько лет в Европе, прежде чем в 1963 году вернулась в Мексику. Когда они встретились с Томасом, ей было за сорок. Елена писала диплом в Калифорнийском университете в Беркли и, как Томас, в Парижском университете.

В активной светской жизни Мехико эти двое познакомились и стали друзьями, а в декабре 1965 года женщина поведала американскому дипломату тревожную историю. Она открыла ему – по словам Томаса, как бы даже против своей воли, – что встретила Освальда на вечеринке приверженцев Кастро, когда Освальд осенью 1963 года приезжал в Мексику.

То была вечеринка твиста – Чабби Чекер и его песня «Твист» пользовались в Мехико не меньшей популярностью, чем на родине, – и кроме Освальда там, как говорила Гарро, были и другие американцы: с ним вместе явились двое «битников». «Эти трое явно были друзьями, поскольку на следующий день она видела их вместе на улице», – писал Томас. На вечеринке Освальд был в черном свитере, «больше молчал и смотрел в пол», как запомнилось Гарро. Сама она не разговаривала с американцами и даже не знала их имен – по ее словам, имя Освальда она узнала после убийства, когда увидела его фотографию в мексиканских газетах и по телевидению.

На той же вечеринке присутствовал кубинский дипломат высокого ранга, рассказывала Гарро. Консул Эусевио Аске руководил визовым отделом посольства. (В служебной записке Томас указал, что в обязанности Аске входил также шпионаж: в американском посольстве его считали высокопоставленным офицером разведслужбы Кастро, Dirección General de Inteligencia, DGI .) Именно в консульскую службу Аске обращался Освальд, хлопоча о визе на Кубу.

Гарро, ярая антикоммунистка, ненавидела этого кубинского дипломата. До убийства Кеннеди она, по ее словам, слышала, как Аске открыто выражал надежду, что кто-нибудь покончит с американским президентом, представляющим угрозу для правительства Кастро. Карибский кризис в октябре 1962 года и организованная ЦРУ годом ранее неудачная операция в заливе Свиней все еще были свежи в памяти кубинца. На одной вечеринке и сама Гарро, и другие гости слышали «оживленную дискуссию», в которой Аске высказывал мнение, что «единственным решением будет убить его», то есть президента Кеннеди.

На той же вечеринке, где был Освальд, присутствовала, согласно рассказу Гарро, и замечательно красивая 26-летняя мексиканка Сильвия Тирадо де Дюран, которая работала в консульстве под руководством Аске, – с Гарро она состояла в родстве по мужу. Дюран не скрывала своих

социалистических убеждений и яро поддерживала Кастро – потому-то и получила работу у кубинцев. В библиотеке посольства Томас отыскал экземпляр отчета комиссии Уоррена и убедился, что имя Дюран повторяется в нем достаточно часто: комиссия пришла к выводу, что именно Дюран беседовала с Освальдом, когда тот наведывался в кубинское посольство в Мексике. Сильвия помогла Освальду заполнить анкету на визу и, по-видимому, всячески за него хлопотала. Имя и телефонный номер Дюран были обнаружены в записной книжке, попавшей в руки властей вместе со всем личным имуществом Освальда.

Гарро сказала Томасу, что Дюран ей всегда была противна – и из-за ее левых убеждений, и из-за скандальной любовной жизни. Она была замужем за кузеном Елены Гарро, но ни для кого в Мехико не оставался тайной ее бурный роман с кубинским послом в Мексике, случившийся за два года до той вечеринки. Посол тоже состоял в браке, но готов был бросить жену и жить с Дюран. «Гарро никогда не имела дела с Сильвией, которую она презирает и считает шлюхой», – писал Томас.

Лишь после убийства Кеннеди Гарро, по ее словам, узнала, что Дюран на короткое время стала и любовницей Освальда. Гарро сказала Томасу, что Дюран не только спала с Освальдом, но и познакомила его с жившими в Мехико сторонниками Кастро, кубинцами и мексиканцами. Именно Дюран привела Освальда на вечеринку твиста. «Она была его любовницей», – утверждала Гарро. Как она говорила Томасу, «все знали, что Сильвия Дюран – любовница Освальда».

Томас спросил Гарро, кому еще она рассказывала об этом. Она ответила, что почти год после убийства молчала, опасаясь за собственную безопасность и за свою 26-летнюю дочь, которая также видела и запомнила Освальда на той вечеринке. Однако осенью 1964 года, как раз после того, как комиссия Уоррена закончила свою работу, Гарро собралась с духом, встретилась с работниками американского посольства в Мехико и рассказала им все, что знала. К ее изумлению, больше к ней из посольства не обращались.

В служебной записке госсекретарю Томас из осторожности оговорился: эти показания насчет Освальда и кубинцев могли быть и вымыслом, сочиненным исключительно талантливой мексиканской писательницей. Гарро отличалась пылким воображением, и на ее восприятии

действительности сказывались ее политические пристрастия – она могла принять за Освальда другого молодого человека на той вечеринке. «Я знал, что Гарро профессиональная антикоммунистка, которая за любым неблагоприятным политическим событием видит коммунистический заговор, – писал Томас. – Возможно, тщательное расследование опровергло бы ее показания». Тем не менее проверить рассказ Гарро, по его мнению, было необходимо. «Было бы легко и удобно замять дело, заявив, что мисс Гарро – ненадежный источник, поскольку она пристрастна, эмоциональна, творческая натура, – писал Томас, – но с учетом представленных мной фактов полагаю, что этот вопрос требует дальнейшего расследования».

Как утверждал в этой служебной записке Томас, его начальству в посольстве было хорошо известно сообщение Гарро, поскольку «он их известил». После каждого разговора с ней в 1965 году он подавал им подробные доклады. В тот год он даже на Рождество писал служебную записку, датированную 25 декабря, излагая все, что услышал от Гарро утром на праздничном мероприятии. Он проследил за тем, чтобы его доклады попадали напрямую к Уинстону Скотту, главе резидентуры ЦРУ в Мексике9 . Скотт, любезный 56-летний уроженец Алабамы, располагал источниками на высшем уровне мексиканского правительства: сменявшие друг друга мексиканские президенты обращались к нему за покровительством, а их ближайшие помощники становились его высокооплачиваемыми информаторами. Даже мексиканские чиновники считали Скотта, занявшего этот пост в 1956 году, гораздо более могущественным человеком, чем американские послы, с которыми он формально сотрудничал. Заместителям Скотта было известно, что и в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли он пользуется необычайным влиянием, в том числе благодаря многолетней дружбе с Джеймсом Энглтоном, главой отдела контрразведки ЦРУ, главным в Управлении «охотником на кротов». Эти двое служили в ЦРУ с момента его основания в 1947 году.

В служебной записке Роджерсу Томас заявил, что Скотт и сотрудники посольства не стали проверять информацию о связи Освальда с кубинцами. Сперва Скотт выразил некоторый интерес, но потом перестал обращать внимание на добытую Томасом информацию, даже когда в 1967 году, перед тем как уехать из Мексики в Вашингтон, Томас попытался вновь поднять этот вопрос.

Томас готов был признать, что, «даже если все сведения в прилагаемой служебной записке соответствуют истине, сами по себе они не служат доказательством заговора с целью убить президента Кеннеди», однако письмо Роджерсу он завершал предостережением на случай, если показания Гарро, неподтвержденные, но и не расследованные, просочатся когда-либо за пределы ЦРУ и Госдепартамента: «Если они сделаются известны, все, кто пытался дискредитировать отчет комиссии Уоррена, окажутся на коне и смогут делать из них любые выводы, – рассуждал Томас. – Доверие к отчету Уоррена будет подорвано, в особенности если выяснится, что о сообщении Гарро знали, но не проявили к нему должного внимания».

31 июля 1969 года стало последним рабочим днем Томаса в Госдепартаменте. Прошло всего шесть дней с отправки служебной записки Роджерсу. Из документов Госдепартамента трудно понять, был ли Томас сразу же информирован о судьбе этой записки. 29 августа в письме под грифом «Конфиденциально» отдел внутренней безопасности Госдепартамента обратился к ЦРУ с просьбой прокомментировать представленный Томасом материал. Госдепартамент передал в ЦРУ как служебную записку Томаса, так и некоторые сопутствующие документы.

Примерно три недели спустя ЦРУ дало не слишком любезный ответ. Вот он, от начала до конца: «Тема: Чарльз Уильям Томас. По поводу вашей служебной записки от 28 августа 1969 г. Мы проверили прилагаемые документы и не видим нужды в дальнейших действиях. Копия ответа направлена в Федеральное бюро расследований и в Секретную службу Соединенных Штатов». На ответе стоит подпись Энглтона, главы контрразведки ЦРУ, и одного из его заместителей, Реймонда Рокки. Об этой отповеди из ЦРУ Томаса проинформировали и, насколько он мог судить, на том все и кончилось – больше ничего он сделать не мог.

Когда через два года Томас покончил с собой, The Washington Post опубликовала некролог из 186 слов, где о причине смерти упоминалось лишь мимоходом: «Причиной смерти, по заключению полиции, являются огнестрельные раны»10 . (На самом деле в свидетельстве о смерти упоминается лишь одна огнестрельная рана – в правый висок.)

По ходатайству родственников умершего следователи из Конгресса подняли его личное дело и убедились, что Томаса «отчислили» из Госдепартамента по ошибке. По-видимому, карьеры он лишился из-за бюрократической ошибки: инспекторский отчет, рекомендовавший повысить Томаса, по причинам, так и оставшимся неразъясненными, не попал в папку с его личным делом.

Следователи Конгресса заподозрили, что решение выдавить Томаса со службы могло быть вызвано и другими факторами, в том числе его настойчивыми и нежелательными требованиями добиться рассмотрения показаний Гарро. «Я всегда считал, что это как-то связано с его расспросами об Освальде, – говорил бывший следователь Конгресса, – но доказать это было невозможно. Если его уволили из-за событий в Мехико, то кто-то кому-то подал знак – и все»11 . В Мексике ходили слухи, что работавший в посольстве заместитель Уина Скотта развязал кампанию слухов и клеветы против Томаса, а зачем – большинство мексиканских друзей Томаса даже не догадывались.

Бывший сенатор от Индианы Берч Бэй, возглавлявший с 1979 по 1981 год сенатский Комитет по разведке, помог семье Томаса получить пенсию, в которой ей после самоубийства Томаса отказали. По словам Бэя, заступился он за родных Томаса главным образом потому, что Томас был родом из Индианы. В интервью 2013 года бывший сенатор признался, что причины отставки Томаса он так и не постиг. «Бессмыслица какая-то», – сказал Бэй, в очередной раз повторив, что о связи между Томасом и расследованием убийства Кеннеди ему ничего не известно. Бывший сенатор сказал также, что увольнение Томаса может иметь, а может и не иметь отношения к тем сведениям, которые он получил в Мехико и пытался расследовать. «Но кое-что с Чарльзом Томасом случилось, – заключил Бэй. – Собственное правительство затравило его насмерть»12 .

Как-то раз весной 2008 года, во второй половине дня, в моем кабинете в вашингтонском отделении The New York Times раздался звонок. Звонил человек, с которым я никогда не встречался прежде – известный юрист, чья карьера началась почти пятьдесят лет назад, когда он совсем молодым работал в штате комиссии Уоррена13. «Напишите о нас! – потребовал он. –

Мы не молоды, но многие еще живы, и это – последний шанс рассказать, как все было на самом деле». Позвонил он мне, прочитав хорошие отзывы на предыдущую мою книгу – о правительственной комиссии, расследовавшей теракт 11 сентября 2001 года. Этот юрист предложил мне любую помощь в составлении аналогичной истории комиссии Уоррена, с тем условием, что я не признаюсь его коллегам, от кого именно исходила инициатива. «Не хочу отвечать, когда вы наткнетесь на кое-какие нелицеприятные моменты», – пояснил он и добавил, что закулисная история сама по себе – «прекрасный детективный сюжет, о котором вы и понятия не имеете».

Так начался занявший пять лет проект журналистского расследования: собрать воедино внутреннюю историю самого важного и наиболее неверно трактуемого расследования убийства за весь XX век – историю комиссии Уоррена, расследовавшей убийство президента Кеннеди. Тогдашний председатель Верховного суда Уоррен и остальные шесть членов комиссии умерли задолго до того, как я взялся за книгу, – последний из них, бывший президент Джеральд Форд, скончался в 2006 году, – но человек, позвонивший мне, справедливо заметил, что все еще живо большинство юристов, в ту пору молодых, которые и проделали в 1964 году основную следственную работу. И я благодарен им за то, что почти все согласились встретиться и поговорить со мной.

К сожалению, и эти люди уходят. Несколько членов комиссии и другие люди, сыгравшие в той истории ключевые роли, успели дать мне интервью для этой книги, но теперь их уже нет в живых. Особенно чувствительна потеря бывшего сенатора из Пенсильвании Арлена Спектера, который работал юристом в штате комиссии. Тем самым эта книга превращается в их завещание и последнее свидетельство о работе комиссии и об убийстве Кеннеди. Я оказался последним, кто взял интервью у бывшего спецагента ФБР Джеймса Хости, одного из главных свидетелей, представших перед комиссией Уоррена: он вел наблюдение за Освальдом в Далласе в месяцы перед убийством. Хости пришлось отвечать на непростые вопросы о том, почему он и его коллеги в ФБР не смогли остановить Освальда. В интервью в июне 2011 года, незадолго до смерти, Хости сказал, что и ФБР, и комиссия Уоррена старались превратить его в козла отпущения, свалить на него последствия некомпетентности и двуличия более высокопоставленных лиц14 .

Английское название книги, The Cruel and Shocking Act , позаимствовано из фразы, которой открывается вступление к заключительному отчету комиссии: «Убийство Джона Фицджеральда Кеннеди 22 ноября 1963 года стало актом жестокости и насилия против человека, семьи, народа и всего человечества»15 . Первоначально эта книга задумывалась как первая всеобъемлющая внутренняя история комиссии Уоррена, но со временем она разрослась в нечто большее и более существенное. Эта книга передает мое ощущение того, сколь многого мы до сих пор не знаем об убийстве Кеннеди, каким образом важные улики, относящиеся к этому убийству, скрывались или уничтожались – шредером, огнем и так далее, – прежде чем до них успевала добраться комиссия. Старшие офицеры ЦРУ и ФБР скрывали от юристов комиссии часть информации, очевидно, стараясь затушевать тот факт, что им было заранее известно о Ли Харви Освальде и о том, какую он представлял собой угрозу. Эта книга впервые расскажет о том, как ключевых свидетелей, которые могли бы пролить свет на сопутствовавшие убийству события, либо не выслушивали, либо запугивали. Собирая материал для книги, я познакомился с такими людьми и побывал в таких местах, о которых и не догадывался, что они имеют отношение к смерти президента Кеннеди. Как всякий, кто пытался подобраться к истине об этом убийстве, я сделался жертвой двойного проклятия: слишком мало информации и в то же время слишком много. Ошеломляющее открытие: как много ценных улик, относящихся к убийству президента Кеннеди, бесследно исчезло! Не менее ошеломляющее открытие: как много улик сохранилось! Ныне в публичном доступе находится такое количество материала об этом убийстве, в том числе миллионы страниц некогда секретных правительственных документов, что ни один журналист и ни один академический ученый не в силах просмотреть все. Большие массивы документов все еще, спустя пятьдесят лет после тех событий, не были подняты исследователями. Например, я оказался первым, кто получил полный доступ к бумагам Чарльза Томаса, в том числе к хронике его борьбы за то, чтобы коллеги обратили внимание на «вечеринку твиста» в Мехико и присутствие там Освальда. Эти документы я увидел лишь в 2013 году.

Протоколы комиссии Уоррена – официально она именовалась Президентской комиссией по расследованию убийства президента Джона Ф. Кеннеди – заполняют 12 кубических метров охраняемого хранилища с климат-контролем в принадлежащем Национальному архиву здании в Колледж-Парке (Мэриленд, на границе Вашингтона)16 .

Там представлены тысячи собранных комиссией улик, в том числе 6,5-миллиметровая итальянская винтовка Освальда Mannlicher-Carcano – найденное на шестом этаже техасского склада школьных учебников орудие убийства, – а также почти целая трехсантиметровая пуля со свинцовым сердечником и медной оболочкой, которая была найдена около каталки в Мемориальной больнице Паркленда (Даллас) в день убийства. Штатные сотрудники комиссии – существенная оговорка: сотрудники, но не сами члены – пришли к выводу, что эта пуля, вылетевшая из винтовки Освальда (он заказал ее по почте и уплатил 24 доллара), прошла и сквозь тело президента Кеннеди, и сквозь тело губернатора Техаса Джона Коннелли, так называемая версия одной пули.

Розовый костюм, в котором Джеки Кеннеди ехала в президентском лимузине в день убийства, тоже хранится в этой современной крепости в пригородном Мэриленде. Пошитая в США копия модели от Chanel, которая особенно нравилась президенту (миссис Кеннеди «выглядит в ней сногсшибательно», сказал он другу17), хранится в вакуумном контейнере в помещении без окон. В хранилище поддерживается температура между 65 и 68 градусами по Фаренгейту (от 18,3 до 20 градусов Цельсия), влажность 40 %. Не менее шести раз в час в хранилище через фильтр обновляется воздух, чтобы уберечь тонкую ткань, запятнанную кровью президента. Местопребывание знаменитой розовой шляпы миссис Кеннеди – загадка: в последний раз ее видели у бывшего личного секретаря первой леди. В отдельном помещении при температуре –4°C покоится маленький обрывок пленки – по данным архива, мировой рекорд просмотров принадлежит именно этому короткому фильму18 .
На 486 кадрах 8-миллиметровой цветной пленки Kodachrome фабрикант женской одежды Эйбрахам Запрудер с помощью любительской камеры Bell & Howell запечатлел страшные кадры убийства президента.

Многие личные бумаги Уоррена, относящиеся к периоду его работы в комиссии, названной его именем, хранятся в Библиотеке Конгресса на Первой стрит, всего в нескольких минутах ходьбы от его бывшего кабинета в Верховном суде19 . Скончавшийся в 1974 году Уоррен мог бы и огорчиться, узнав, что миллионы американцев вспоминают о нем главным образом благодаря комиссии, а не воздают честь его исторической роли председателя Верховного суда, хотя эту должность он исполнял на протяжении 16 лет.

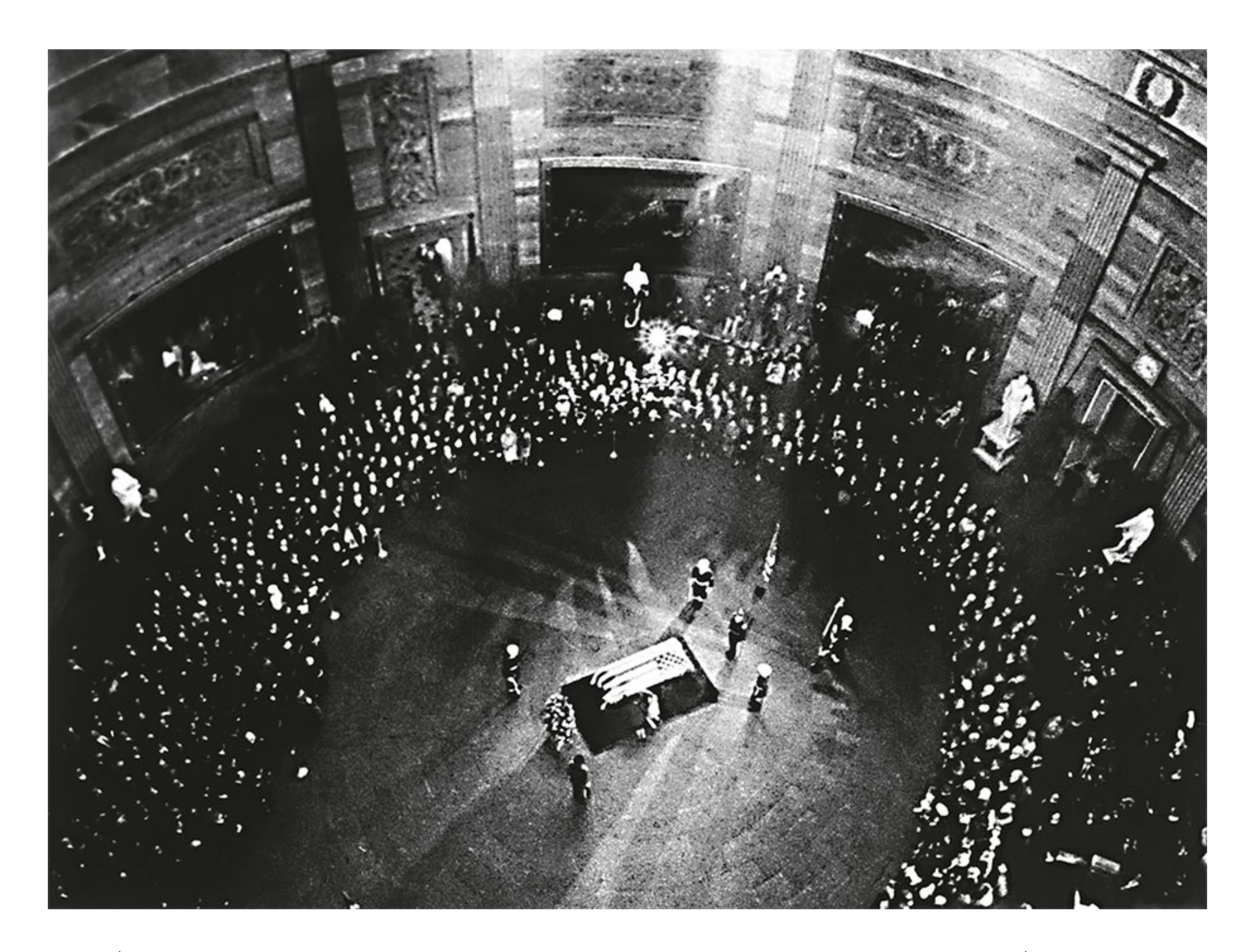
Решение сохранить обширный архив рапортов и отчетов по следствию, а также собранные комиссией материальные улики, которые ныне можно видеть в Национальном архиве и в Библиотеке Конгресса, было принято для умиротворения общественности – как доказательство тщательной работы комиссии и ее открытости. Только в архиве собралось более пяти миллионов страниц документов, связанных с убийством. И все же добросовестные историки и другие серьезные исследователи, даже те, кто безусловно разделяет выводы комиссии, вынуждены признать, что ее работа с самого начала была обречена на существенные недостатки. Комиссия допускала серьезные промахи, она не проверила важные улики и ключевых свидетелей, потому что глава комиссии, председатель Верховного суда Уоррен, во многих отношениях сдерживал и ограничивал ее работу. Зачастую Уоррен больше пекся о репутации своего покойного друга президента Кеннеди и его близких, чем о задаче собрать всю информацию об убийстве президента.

Но история еще воздаст штатным юристам комиссии и их бывшему «придворному» историку: в этой книге они рассказывают о том, что на самом деле происходило за кулисами комиссии Уоррена. Основу сюжета составляет их работа, показанная с их точки зрения. В ту пору этим юристам было двадцать с чем-то лет, а кому-то тридцать с небольшим. Их приглашали в штат комиссии из известных юридических фирм, из школ права и офисов прокуроров разных городов страны. Большинство из них сейчас завершают многолетнюю карьеру в адвокатуре или на государственной службе. Для некоторых интервью со мной стало первой возможностью подробно обсудить – тем более обсудить с журналистом – работу комиссии. Многие хранили молчание десятилетиями из страха перед тяжелыми и обычно обреченными на провал спорами с ордами теоретиков различных «заговоров». Все эти мужи закона (единственная среди них женщина-юрист, Альфреда Скоби, умерла в 2001 году) гордились своим вкладом в работу комиссии, но многие из них были также возмущены, когда поняли, как много улик от них скрыли. Эти скрытые улики, по их мнению, все еще вынуждают писать и переписывать историю убийства Кеннеди.

Часть первая

22–29 ноября 1963 года

22–25 ноября 1963 года

Гроб с телом президента Кеннеди в ротонде Капитолия. 25 ноября 1963 г.

Глава 1

Дом коммандера Джеймса Хьюмса

Бетесда, штат Мэриленд

23 ноября 1963 года, суббота

Через несколько часов после того, как тело президента было доставлено

в Вашингтон, из дела начали исчезать документы, касавшиеся убийства. Записи, сделанные военным патологоанатомом в ходе вскрытия, а также подлинник отчета о вскрытии были уничтожены.

Впоследствии командующий флотом военный врач Джеймс Хьюмс рассказывал, что его работа над медицинским заключением в ночь субботы, 23 ноября, может быть представлена как первая попытка властей замести следы. Впрочем, признавал он, этого и следовало ожидать. «Случившееся было целиком и полностью моим решением, – говорил он. – Только моим»1 .

Около 11 часов вечера 38-летний патологоанатом сел в просторной гостиной своего дома, расположенного в предместье Вашингтона, городке Бетесде, штат Мэриленд, и приготовился читать записи, сделанные им в морге. Полагая, что на написание и редактирование отчета уйдет масса времени, он разжег камин – вечер был прохладный2 .

Минувшей ночью он руководил работой команды из трех патологоанатомов, проводивших вскрытие тела президента в Медицинском центре ВМФ в Бетесде. Днем в субботу времени на оформление документов не было, рассказывал он позже. Он рассчитывал, что в одиночестве, в спокойной обстановке сумеет сосредоточиться и завершить дело. Необходимо было подготовить окончательный экземпляр отчета и передать его на подпись коллегам: они получили приказ доставить отчет в Белый дом в воскресенье вечером.

Силы Хьюмса были на исходе. После обеда ему удалось поспать несколько часов, но ночь пятницы была бессонной. «Я находился в морге с 19.30 до 5.30 утра. Не покидая помещения».

Во второй половине дня пятницы, когда из Далласа продолжали поступать леденящие душу сообщения, Хьюмс, один из лучших патологоанатомов, специалист Медицинского центра ВМФ Бетесды, узнал, что ему предстоит руководить процедурой вскрытия трупа президента. Его проинформировали, что тело должны доставить через несколько часов. Вначале Жаклин Кеннеди была против вскрытия; она с ужасом представляла себе тело мужа на холодной стали анатомического стола. «Этого не следует делать», – говорила она личному врачу президента, адмиралу Джорджу Беркли, на борту президентского самолета по пути

из Далласа в Вашингтон[3]. Она сидела в хвостовом отсеке рядом с гробом. Беркли, зарекомендовавший себя верным и тактичным другом семьи Кеннеди, мягко убеждал ее в необходимости вскрытия. С ним ей всегда было спокойнее: он был собратом по вере, исключительно набожным католиком, и в такой момент его совет был для нее, быть может, важнее мнений других. Он напомнил, что ее супруг пал жертвой преступления, поэтому вскрытие провести необходимо[4]. Он предложил ей выбрать один из двух госпиталей: Медицинский центр Уолтера Рида в Вашингтоне и центр в Бетесде. Эти центры находились всего в десяти километрах друг от друга.

– Президент же служил во флоте, – напомнил Беркли.

– Да, конечно, – ответила она. – Пусть будет Бетесда.

Этот выбор поставили под сомнение даже некоторые врачи ВМФ. Опытные патологоанатомы Центра Уолтера Рида понимали в пулевых ранениях больше, чем их флотские коллеги. (Просто потому, что солдаты погибали от пуль чаще, чем моряки.) Коммандер Торнтон Босуэлл, еще один патологоанатом из Бетесды, был назначен ассистентом Хьюмса; он также счел «глупостью» проводить вскрытие в военно-морском госпитале, притом что были и другие варианты. Он считал, что тело президента должно было быть отправлено в Институт патологии ВС США в центре Вашингтона, в исследовательский центр Министерства обороны, который занимался сложными патологоанатомическими и юридическими экспертизами во всех родах войск[5]. Ни Хьюмс, ни Босуэлл не имели квалификации по судебно-медицинской патологии, занимающейся случаями насильственной и внезапной смерти[6]. Поэтому в команду был назначен третий медицинский эксперт – доктор Пьер Финк, судебный патологоанатом из Института патологии ВС США в звании подполковника военно-медицинской службы.

Главным преимуществом Медицинского центра Бетесды было помещение прозекторской[7]. Здание морга только недавно модернизировали, снабдив новейшим медицинским оборудованием и системами связи. «Мы месяца два как туда переехали, – вспоминал Хьюмс, – там все было с иголочки». По стандартам военных госпиталей прозекторская была просторная, примерно 7,5 на 10 метров; в центре – стальной секционный стол, привинченный к полу[8]. Помещение также использовали

как анатомический театр: вдоль одной из стен тянулся ряд сидений, человек на тридцать – обычно сюда приходили врачи-резиденты или коллеги из других клиник, чтобы следить за ходом операций. Кроме того, имелась телекамера, транслирующая изображение по закрытому каналу для тех, кто работал через дорогу – в Национальном институте здравоохранения, а также для врачей на авиабазе Эндрюс, располагавшейся на той же улице. (Впоследствии Хьюмс рассказывал, как ему хотелось, чтобы в тот вечер кто-нибудь включил эту камеру – это положило бы конец «абсурдным домыслам» о том, что там произошло.) В морге были два холодильных отсека на шесть тел, а также душевые кабины для врачей. В ночь, когда происходило вскрытие Кеннеди, в морге был задействован каждый сантиметр пространства.

Тело президента было доставлено около 19.309 . По пандусу с улицы вкатили бронзовый гроб. Из него бережно извлекли погибшего, произвели детальную рентгено– и фотосъемку и положили на секционный стол, где тело оставалось на протяжении десяти последующих часов. Ранений в голову видно не было – в Далласе голову прикрыли простынями. Удалив пропитанную кровью материю, Хьюмс приказал немедленно выстирать все простыни. «У нас в морге была стиральная машина, – вспоминал Босуэлл, – и он все их туда засунул». С самого начала Хьюмса беспокоило то, что любая вещь, вынесенная из секционного зала, может стать сувениром на провинциальной ярмарке. «Он не хотел, чтобы через некоторое время эти простыни очутились в каком-нибудь канзасском амбаре».

Вскрытие обернулось настоящим «светопреставлением», сетовал Босуэлл10 . Собрались десятки людей – врачи военно-морского флота, офицеры, представители администрации госпиталя, – кто-то уже был в морге, кто-то толкался у дверей, чтобы туда попасть. Патологоанатомы утверждают, что агенты спецслужб, сопровождавшие тело президента до Бетесды, включая тех, кто оказался в Далласе в момент убийства, были в совершенном исступлении. Человек, которого они под присягой обязались охранять буквально ценой собственной жизни, был мертв. Что им теперь было охранять? «Все эти люди находились в таком эмоциональном состоянии, что носились как безголовые курицы, и нам было понятно, что они переживают», – позднее вспоминал Босуэлл11 .

Беркли, личный врач президента, сопровождал тело до Бетесды и поначалу

пытался контролировать процедуру вскрытия. Как контр-адмирал в обычных условиях он мог отдавать приказы военно-морским патологоанатомам, стоящим ниже его по званию, но по специальности он был терапевтом и кардиологом, и его рекомендации Хьюмс и другие патологоанатомы сразу же приняли в штыки. Сначала Беркли выступал против полного вскрытия. Предполагаемый убийца был арестован, вина его была почти неоспорима, поэтому Беркли заявил, что в процедурах, которые могут существенно обезобразить тело президента, нет необходимости. Ему было известно, что в семье Кеннеди обсуждался вопрос о похоронной церемонии с открытым гробом12 .
По воспоминаниям Босуэлла, доктор Беркли хотел свести вскрытие к «обнаружению пуль».

Предложение адмирала Хьюмс отверг как абсурдное: в ходе поспешного вскрытия велика была опасность упустить что-то важное, поэтому Беркли пришлось уступить, хотя он продолжал торопить патологоанатомов. «Джорджа Беркли волновало только одно: как бы поскорее покончить со всем этим», – не без раздражения вспоминал Хьюмс. Кроме того, Беркли беспокоился о том, как долго придется ждать миссис Кеннеди, которая вместе с Робертом Кеннеди, другими членами семьи и друзьями находилась в номере для высокопоставленных гостей на 17-м этаже госпиталя. Миссис Кеннеди заявила, что не покинет госпиталя до тех пор, пока не сможет забрать тело своего мужа. Хьюмс говорил, что внутри у него все сжималось при мысли о том, каково ей было в тот момент; он знал, что на ней все еще был залитый кровью розовый костюм, в котором он увидел ее по телевизору. («Пусть видят, что сделали», – сказала она Беркли с вызовом.)13 Хьюмс, конечно, сочувствовал миссис Кеннеди, однако понимал, что торопится именно из-за нее. «Ее присутствие нас терзало и только усложняло ситуацию», – вспоминал он.

Беркли выдвинул патологоанатомам еще одно требование, проявив при этом изрядную непреклонность14 . Он потребовал от Хьюмса обещания, что в заключении патологоанатомов будет скрыт важный факт о здоровье президента, не имеющий отношения к убийству. В заключении не должно было быть никаких упоминаний о состоянии надпочечников Кеннеди. Врач Белого дома знал: осмотр надпочечников выявит, что президент – невзирая на многолетние публичные опровержения – страдал болезнью Аддисона, тяжелым хроническим заболеванием, при котором надпочечники не производят достаточно гормонов. Кеннеди

выглядел розовощеким здоровяком, но зачастую лишь благодаря гриму и постановочной съемке перед камерами, о чем Беркли знал. Президент жил благодаря ежедневному приему гормонов, включая тестостерон в высоких дозах.

Хьюмс, который торопился приступить к делу, согласился. «Он пообещал Джорджу Беркли, что мы не будем обсуждать надпочечники, пока будут живы тогдашние члены семьи Кеннеди, или что-то вроде этого», – вспоминал Босуэлл, который согласился действовать по предложенному плану, хотя это и было грубейшим нарушением протокола15 . Через несколько дней после вскрытия Беркли вновь приехал к Хьюмсу с еще одной конфиденциальной просьбой, на этот раз касавшейся мозга президента, который был после вскрытия извлечен из черепа для анализа16 . По просьбе Беркли Хьюмс доставил мозг – в Бетесде он был погружен в формалин и заключен в стальной контейнер – в Белый дом, где он мог быть предан земле на могиле президента[1].

Глава 58

1975 год и далее

В феврале 1975 года Дэвид Слосон, который уже почти десять лет преподавал в Школе права в Университете Южной Калифорнии, не уставал радоваться, что не принял в 1966 году предложения работать на сенатора Роберта Кеннеди1 . Когда Слосон еще не ушел из Министерства юстиции в Вашингтоне, Джо Долан, помощник Кеннеди в Сенате, передал ему это предложение – Кеннеди хотел взять Слосона юридическим советником в свою команду в Сенате с перспективой работы на его президентскую кампанию в 1968 году. Слосон вздрагивал от ужаса при мысли о том, что если бы он занимался предвыборной кампанией, то стал бы свидетелем убийства Роберта Кеннеди в отеле «Амбассадор» в Лос-Анджелесе. Этот отель был как раз через дорогу от кабинета Слосона в университете.

И когда пошла волна разоблачений о возможной роли Кеннеди в планах ЦРУ по уничтожению Кастро, он тоже радовался, что не стал связываться с Кеннеди. В 1975 году специальный комитет Сената под руководством

сенатора от штата Айдахо Фрэнка Черча подтвердил, что ЦРУ действительно готовило заговоры против нескольких зарубежных лидеров. Главный инспектор ЦРУ обнаружил восемь разных заговоров против Кастро за время правления Эйзенхауэра и Кеннеди; некоторые словно были почерпнуты из низкопробных шпионских романов: в качестве орудий убийства в Гавану тайно провозились отравленные ручки, отравленные таблетки, зараженный опасным грибком гидрокостюм и взрывающаяся сигара.

Джеймса Энглтона, главного свидетеля комитета Черча, не связывали с заговорами против Кастро напрямую, хотя комитет нашел по крайней мере одного высокопоставленного чиновника из ЦРУ, который не сомневался, что Энглтон к этому как-то причастен. Это был ветеран ФБР Джон Уиттен, которого Энглтон в 1964 году отстранил от расследования дела Освальда. Как сказал Уиттен следователям от Конгресса, он понял, что Энглтон «был одним из той небольшой группы людей в Управлении, которые пытались использовать для кубинских операций мафию»2 . Уиттен вспомнил, как однажды, задолго до покушения на Кеннеди, его заставили прекратить операцию ЦРУ по поиску банковских депозитов американских гангстеров в Панаме, потому что «Энглтон запретил». Уиттену тогда объяснили, что «сам Энглтон имеет обязательства перед мафией и не хочет ее подводить». В конце 1974 года Энглтона отправили в отставку из-за другого скандального дела: стало известно, что он долгие годы руководил противозаконной массовой внутренней шпионской операцией по сбору информации об американских гражданах, не останавливаясь даже перед перлюстрацией их почты.

В Лос-Анджелесе в 1970-е годы Слосон не мог следить за каждым поворотом расследования Конгрессом преступлений ЦРУ. Он преподавал в Университете Южной Калифорнии, и порой ему казалось, что Южная Калифорния и Вашингтон существуют в разных мирах. Тем не менее всякий раз, читая новые разоблачения деятельности ЦРУ, он возмущался: почему все это, особенно подготовка заговоров против Кастро, не открылось на десять лет раньше, во время работы комиссии Уоррена?! Хотя эти заговоры могли и не иметь отношения к убийству Кеннеди, все же ЦРУ было обязано уведомить о них комиссию. «Решение утаить такую информацию было неправильным с моральной точки зрения», – сказал Слосон.

И все же Слосон был не настолько задет, чтобы участвовать, как он выразился, «в этом цирке», то есть в общенациональной дискуссии об убийстве Кеннеди. Публичные дебаты он охотно предоставлял своим старым друзьям Уэсли Либлеру и Дэвиду Белину, которые стали постоянными участниками теле– и радиопередач, где защищали комиссию Уоррена; Белин впоследствии даже написал на эту тему две книги.

Однако в феврале 1975 года заговорил и Слосон3 . К нему обратился вашингтонский корреспондент The New York Times с просьбой посмотреть один загадочный документ ФБР, который ему удалось раскопать в Национальном архиве. Это была служебная записка Эдгара Гувера, направленная в Госдепартамент в 1960 году, за три года до убийства Кеннеди, – об Освальде, который тогда жил в России. В записке ставился вопрос: мог ли какой-нибудь «самозванец» воспользоваться свидетельством о рождении Освальда? По-видимому, впервые подняла этот вопрос, озадачив далласское ФБР, мать Освальда Маргерит, женщина легковозбудимая и всюду подозревающая заговоры.

Когда Слосон читал этот фэбээровский документ пятнадцатилетней давности, он знал о матери Освальда достаточно, чтобы понимать: все это почти наверняка чушь. За время работы в комиссии ни разу не слышал предположения, что в России за Освальда выдавал себя кто-то другой. Тем не менее Слосона новость огорчила: он точно никогда раньше не видел этой записки Гувера от 1960 года, а работая в комиссии, он должен был ее видеть, он бы ее запомнил.

Он согласился дать интервью под запись для газеты The Times , чтобы выразить свое недовольство ЦРУ и показать, что он солидарен с теми, кто требует нового расследования убийства президента – хотя бы для того, чтобы узнать, почему этот документ и многое другое, особенно информацию о заговорах против Кастро, десять лет назад скрывали.
Для бывших штатных сотрудников комиссии выступление Слосона стало поворотным пунктом: главный человек в комиссии Уоррена, изучавший вопрос о возможном заговоре в деле об убийстве Кеннеди, теперь считал, что этот вопрос нужно пересмотреть. «Не знаю, куда привело бы нас замечание о самозванце, вероятно, никуда, как и большинство других зацепок, – сказал Слосон корреспонденту The Times . – Но дело в том, что мы о них не знали. А почему?» Он задумался, не по указке ли ЦРУ решено было скрыть этот документ 1960 года, как скрывали информацию

о покушениях на Кастро? «ЦРУ вполне могло это утаить», – сказал он.

Через несколько дней после выхода этой статьи в The Times в доме Слосона в Пасадене зазвонил телефон. Насколько он помнит, это было утром в воскресенье.

Раньше он не слышал этого голоса – зычного, хорошо поставленного и поначалу звучавшего дружелюбно.

– Это Джеймс Энглтон, – представился звонивший.

Тогда Слосон еще не знал точно, кто это такой. «Знал только, что какой-то высокий чин в ЦРУ». Роль Энглтона во внутренней шпионской операции – операции «Хаос» – The Times раскрыла всего на несколько месяцев раньше, что и привело к отставке Энглтона в декабре 1974 года.

Однако еще несколько месяцев после отставки Энглтон не покидал штаб-квартиры ЦРУ. И объяснил Слосону, что, даже будучи в вынужденной отставке, продолжает контролировать, как пресса изображает его и ЦРУ, особенно в связи с убийством Кеннеди.

Энглтон хотел поговорить о статье в The Times, посвященной Освальду и записке Гувера. Он кратко рассказал о себе. «О том, какой он важный и благородный», – вспоминал Слосон.

Затем Энглтон перешел к тому, что ректор Университета Южной Калифорнии, бывший американский дипломат и нынешний начальник Слосона Джон Хаббард – его старый друг. «Он спросил, как поживает ректор, словно мы с ним закадычные дружки», – вспоминал Слосон, который на самом деле с Хаббардом был едва знаком.

Затем тон разговора стал угрожающим. Энглтон хотел знать, верно ли цитировали Слосона в The Times . Хотел знать точно, что тот говорил журналисту The Times и правда ли, что Слосон настаивает на новом расследовании некоторых эпизодов убийства Кеннеди.

Угроза была скорее в голосе Энглтона, чем в словах, вспоминал Слосон.

Энглтон сказал, что ЦРУ нужна помощь Слосона, постоянная помощь,

«партнерство».

– Партнерство в чем? – удивился Слосон.

– Мы хотим, чтобы вы знали, как мы ценим работу, которую вы проделали вместе с нами, – сказал Энглтон.

Слосон подумал про себя, что он никогда не работал на ЦРУ: наоборот, он расследовал работу ЦРУ.

– Мы надеемся, что вы останетесь нашим другом, – сказал Энглтон. – Мы надеемся, вы будете нашим партнером.

Энглтон говорил медленно, с расстановкой, чтобы Слосон лучше понял, о чем идет речь.

Слосон вспоминал, что похолодел.

Повесив трубку, Слосон подумал, что смысл этого звонка очевиден: «Он хотел сказать: мы узнаем обо всем, что бы ты ни сделал. Помни об этом. ЦРУ следит за тобой». Он и его жена Карен были оба напуганы этим звонком. Такой важный, судя по всему, чиновник ФБР ни с того ни с сего предупреждает Слосона, что тот задает слишком много вопросов по поводу убийства Кеннеди – что бы это могло значить? Слосон уверен, что Энглтон предостерег его: «Не открывай рта».

Тем летом в Вашингтоне директор ФБР Кларенс Келли, третий год стоящий во главе Бюро, полагал, что благодаря его стараниям ведомству удалось отгородиться от мрачного наследия его предшественника, покойного Эдгара Гувера[4]. «Мы очень сожалеем, – скажет потом во всеуслышание Келли, после того как станет известно о злоупотреблении властью со стороны бывшего директора ФБР, в том числе о неправомерном притеснении участников протестных движений и лидеров движения за гражданские права: эти притеснения продолжались десятилетиями и закончились лишь со смертью Гувера в 1972 году. – Ни один директор ФБР не должен допускать посягательств на права и свободы граждан», – сказал Келли[5].

И все же за годы работы в ФБР Келли, бывшему начальнику полиции Сент-Луиса, штат Миссури, решительному, с волевой челюстью, приходилось вновь и вновь расследовать ошибки, а зачастую и преступления агентов и других сотрудников ФБР, допущенные при Гувере. Среди этих преступлений, как с удивлением обнаружил Келли летом 1975 года, было уничтожение далласскими агентами ФБР важнейшей улики, относящейся к делу о покушении на Кеннеди.

В июле того года Том Джонсон, владелец газеты The Dallas Times Herald , второй по значимости газеты в этом городе, попросил о личной встрече с Келли, и немедленно6 . Директор ФБР согласился, и на следующий день Джонсон прилетел в Вашингтон. Войдя в кабинет Келли, вспоминал Джонсон позднее, он сел и с ходу изложил суть дела: в редакции его газеты готовят материал, из которого следует, что далласское отделение ФБР участвовало в чудовищном укрывательстве данных о жизни Ли Харви Освальда за недели до убийства Кеннеди.

Джонсону, по его словам, за долгие годы приходилось выслушивать «столько безумных историй, столько конспирологических теорий» о покушении, однако эта «жуткая» история была похожа на правду: в начале ноября 1963 года, всего за несколько недель до покушения, Освальд заходил в далласское отделение ФБР и оставил записку с угрозами. В этой записке Освальд, по-видимому, жаловался на слежку ФБР за его семьей; что именно он написал – и кому угрожал – так и осталось тайной, потому что записка каким-то образом исчезла. Комиссия Уоррена, по-видимому, ничего об этом не знала. ФБР не сообщило комиссии о визите Освальда – «и после убийства память о той записке похоронили», как выразился Джонсон. О том, что такая записка была и ее уничтожили, Джонсон услышал от одного из сотрудников ФБР – имя его он отказался назвать – и теперь собирается написать об этом статью, взяв в соавторы журналиста Хью Эйнсворта, известного мастера сенсаций из The Dallas Morning News , который теперь перешел работать в конкурирующую с ней The Times Herald .

«Келли был не просто потрясен услышанным, – вспоминал Джонсон. – По глазам было видно: он в замешательстве». Келли клятвенно пообещал расследовать это дело. «Пришлите мне полный текст статьи и дайте некоторое время для проверки», – попросил он Джонсона.

Келли не потребовалось много времени, чтобы определить: «как ни больно, все это правда»7 . Ему удалось установить, что Освальд в начале ноября 1963 года действительно принес записку в отделение ФБР в Далласе, но специальный агент Джеймс Хости разорвал ее и обрывки спустил в унитаз – по приказу своего начальника, старшего специального агента Гордона Шэнклина – в первые часы после убийства Освальда Джеком Руби.

Келли, по его словам, был в ужасе. «Тайную операцию ФБР похоронили на 12 лет, – писал он позднее. – Почему фэбээровцы так поступили? Причину легко понять, по крайней мере, в самом начале: чтобы скрыть это от Гувера». Он представил, как запаниковали Хости и Шэнклин из-за этой записки после убийства. «Ведь для всего мира, рассудили они, это должно было выглядеть так, словно ФБР держало убийцу в руках, но потом почему-то отпустило. Эдгар Гувер в Вашингтоне уж точно посмотрел бы на это именно так». Келли понимал: если бы это открылось, то «наказание их ждало бы адское».

Келли позвонил Джонсону в Даллас и сказал, что статью можно печатать: все это правда. Статья вышла 31 августа 1975 года и «стала сенсацией на всю страну – от побережья до побережья», как выразился Келли.

После этого случая Келли потихоньку стал выяснять, какие внутренние материалы расследования убийства Кеннеди скрыты в архивах ФБР – что еще решили не показывать комиссии Уоррена. По его словам, он всегда считал себя чем-то вроде кабинетного сыщика-эксперта по покушению на президента. «Это было мое личное незавершенное дело». Как большинство сотрудников органов правопорядка, Келли «был свидетелем множества душераздирающих трагедий… … Не скажу, что сердце черствеет, просто в каком-то смысле начинаешь абстрагироваться». Но тогда, в ноябре 1963 года, не смог, признавался он. «Смерть президента Кеннеди меня подкосила».

Келли изучил множество конспирологических версий этого убийства. «Я прочел некоторое количество так называемых книг о заговоре, – писал он позднее. – В ФБР дело об этом убийстве стало самым объемистым документом за всю историю Бюро. … Как директор, я имел доступ ко всему этому и, насколько позволяло время, просматривал материалы по частям».

С годами, по мере того как он собирал и просматривал внутренние документы Бюро, особое беспокойство у него стала вызывать одна история: поездка Освальда в Мексику. Келли прочел о том, как проводилась операция ЦРУ, целью которой было наблюдение за Освальдом в этой стране, – и как бездарно распорядились этой информацией в ЦРУ осенью 1963 года, когда она туда поступила. Что-то важное произошло в Мексике, решил Келли. «Пребывание Освальда в Мехико, по-видимому, окончательно изменило мировоззрение этого человека».

Келли наткнулся на сверхсекретное письмо Гувера, датированное июнем 1964 года и адресованное комиссии – юристы комиссии свидетельствуют, что это письмо до них так и не дошло, – о том, что Освальд во всеуслышание заявил в кубинском посольстве в Мехико, что убьет Кеннеди. Судя по тому, что читал Келли, в том, что этот случай имел место, не приходилось сомневаться. «Освальд определенно предложил убить президента Кеннеди», – сказал он. Из других архивов ФБР Келли узнал, что Освальд высказывал подобную угрозу и при встрече с советскими дипломатами – и шпионами – в посольстве СССР в Мехико. В их числе был и внушавший ужас агент КГБ Валерий Костиков. «Важность присутствия Костикова трудно переоценить», – сказал Келли. Задолго до убийства Кеннеди и ЦРУ, и аналитики советского отдела в штаб-квартире ФБР знали Костикова как специалиста по заказным убийствам.

Келли подчеркнул, что это вовсе не значит, что за убийством Кеннеди стоят кубинцы либо СССР, ведь Костиков для прикрытия занимался в посольстве также и обычной дипломатической работой. «Лично я думаю, Советы ответили Освальду, что не хотят принимать участия в этом деле», – сказал Келли. Что же касается Кастро, ФБР установило: «диктатор тогда подумал, что это предложение – провокация со стороны правительства США или что Освальд просто сумасшедший», и потому кубинские дипломаты в Мехико решили с ним не связываться.

И все же эти материалы ФБР, которых так и не увидела комиссия Уоррена, потрясали воображение. Из них следовало, что и в кубинском, и в советском посольствах в Мексике за несколько недель до убийства слышали, как Освальд открыто говорил о своем намерении убить президента.

После поездки Освальда в Мексику череда бюрократических проволочек и промахов внутри ФБР привела к тому, что большая часть этой информации, включая факт встречи Освальда с экспертом по убийствам из КГБ, не дошла до отделения в Далласе. В Вашингтоне у ФБР и ЦРУ «в общей сложности было достаточно информации о поездке Освальда в Мехико, чтобы внести его имя в список лиц, представляющих собой угрозу для безопасности президента», – сказал Келли. Но Хости «оставили в неведении». Далласскому агенту передали лишь отрывочные сведения о поездке в Даллас, а кто такой Костиков на самом деле, ему не сказали. «По-видимому, внутри структуры Бюро те, кто за это отвечает, не сумели достаточно быстро сообразить что к чему», – резюмировал Келли.

А после убийства президента начальство ФБР в Вашингтоне и в Далласе – и наверняка Джонсон в Белом доме тоже, подумал Келли, – решило не сообщать этих подробностей Хости и его коллегам в Далласе, опасаясь, что подозрения о коммунистическом заговоре в деле об убийстве президента могут вызвать международный скандал. Келли установил, что по меньшей мере две служебные записки о событиях в Мексике были изъяты из подшивки материалов об Освальде в Далласе в первые дни после убийства в надежде, что Хости их еще не прочел. Келли установил, что приказ изъять записки исходил от третьего лица в ФБР – помощника директора Уильяма Салливана, а Салливан, в свою очередь, действовал по приказу Белого дома, где, «по-видимому, сочли, что риск конфронтации с Советским Союзом после убийства Кеннеди слишком велик».
В мемуарах Салливана, опубликованных в 1979 году, через два года после его смерти (он погиб в результате несчастного случая на охоте), он признавал, что ФБР и ЦРУ так и не разгадали многие загадки убийства Кеннеди, особенно связанные с поездкой Освальда в Мехико и его взаимодействием с кубинским посольством. «В этом деле есть громадные пробелы, которых мы не заполним уже никогда, – писал Салливан. – Мы никогда не узнаем, что произошло между кубинцами и Освальдом тогда в Мехико»..

Келли понял, что Хости был жертвой. Он был уверен: если бы Хости сообщили все, что было известно в штаб-квартире ФБР о поездке Освальда в Мехико, он бы предупредил Секретную службу, что Освальд представляет угрозу. В этом случае ФБР, считал Келли, «без сомнения, предприняло бы все необходимые шаги для нейтрализации Освальда».
И главный вывод, к которому пришел Келли: убийство президента

Кеннеди можно было предотвратить, причем легко. Хотя Гувер и настаивал на том, что Освальд был одиночкой, чьи планы убить президента не были известны Бюро, это неправда. Если бы далласскому отделению стало известно об Освальде то, о чем в тот момент знали другие в ФБР и ЦРУ, «Джон Кеннеди, без сомнения, не погиб бы 22 ноября 1963 года, – сказал Келли. – И ход истории изменился бы».

От автора

В 1977 году бывший посол США в Мексике Томас Манн направил следователям от Конгресса необычный запрос. После выхода в отставку, уже живя в Техасе, он сообщил штатным сотрудникам Комитета Палаты представителей по расследованию убийств, что собирается рассказать всю правду о том, что происходило в Мехико сразу после убийства Кеннеди, – он скрыл эту информацию от комиссии Уоррена и готов обнародовать лишь в том случае, если президент Джимми Картер лично гарантирует ему защиту от судебного преследования[1] . Как и Энглтон, Манн, похоже, знал, что в деле об убийстве Кеннеди есть много такого, что правительство, и в особенности ЦРУ, не хотело бы обнародовать никогда. И он не собирался оглашать эти сведения, не получив одобрения из Овального кабинета.

Из составленного следователями от Конгресса отчета, который долгие годы после их поездки в Техас для беседы с Манном оставался засекреченным, следует, что бывший посол был готов показать под присягой – разумеется, если ему гарантируют неприкосновенность, – следующее: сразу после гибели Кеннеди госсекретарь Дин Раск лично поручил ему сворачивать любые расследования в Мехико, которые могли бы «подтвердить или опровергнуть слухи о возможном участии Кубы в этом убийстве». Манн сказал, что, по его мнению, такой же «невероятный» приказ получили от своего американского начальства глава местного отдела ЦРУ Уинстон Скотт и атташе ФБР по правовым вопросам Кларк Андерсон. «Манн не верил, что правительство США приостановит

расследование только на том основании, что это чревато конфликтом с кубинцами, – так было написано в засекреченном отчете об этой беседе. – Манн говорил… что это только его догадки, но с 99-процентной вероятностью расследование свернули, потому что в результате оно могло бы раскрыть некие тайные действия правительства США» в Мексике, каким-то образом направленные против Кастро. Он пришел к выводу, что Сильвия Дюран, «вероятно, была агентом ЦРУ». Он также заявил, что Роберт Кеннеди «в 1964 году был по уши замешан в дела контрразведки», правда, в отчете о беседе с Манном нет никаких подробностей касательно этого.

Манн умер в 1999 году. Двух следователей от Палаты представителей, которые с ним беседовали, тоже уже нет в живых. Ныне здравствующие члены комитета Палаты представителей уверяют, что не могут припомнить, почему комитет не добился от Белого дома гарантий неприкосновенности, которые позволили бы Манну выступить с показаниями. И хотя штатные юристы комиссии Уоррена провели с Манном краткую беседу, его никогда не вызывали в комиссию для официальной дачи показаний. Вместо него главным свидетелем от Госдепартамента перед комиссией выступил госсекретарь Раск, который поклялся под присягой, что не знает ни о каких фактах, которые позволили бы предположить заговор с участием Кубы или другого государства. Раск умер в 1994 году.

В 1978 году комитет Палаты представителей выслушал – и засекретил – показания Рея Рокки, который случайно представил им новые доказательства того, что ЦРУ обманывало комиссию Уоррена. Даже заверяя комиссию в 1964 году, что резидентура ЦРУ в Мехико никогда всерьез не рассматривала возможность существования заговора, Уинн Скотт своим коллегам из ЦРУ говорил прямо противоположное. Он высказывал сомнения, что Освальд действовал в одиночку, не только в своих неопубликованных мемуарах, он поделился этими соображениями и с Роккой. «Уин был совершенно уверен – это было его личное мнение, – что тут замешана Куба», – вспоминал Рокка, который, похоже, не знал, что комиссии Уоррена Скотт говорил совсем другое. – Я не верю, просто не верю, что он стал бы это скрывать»2 .

Я беседовал с Джеймсом Энглтоном только один раз в жизни, когда был молодым начинающим журналистом вашингтонского отделения The New York Times. Не помню, над чем именно я тогда работал, но дело было в начале 1980-х и тема была как-то связана с ЦРУ. Редактор нашего отдела полагал, что Энглтон, который много лет был в дружеских отношениях с рядом зубров из Times, может подсказать что-нибудь полезное. Как Энглтон и многие другие сотрудники ЦРУ, мой редактор по праву гордился тем, что окончил Йельский университет. В то время Энглтон уже несколько лет был не у дел: его вынудили уйти в отставку.

Из того интервью я помню только, что Энглтон говорил загадками и не ответил ни на один мой вопрос, зато посоветовал мне заняться более масштабным выяснением всей правды о защите США от врагов за «железным занавесом». Наш диалог был очень странным (и не слишком отличался от телефонной беседы, которую описал в 1975 году Дэвид Слосон). На самом деле я даже решил, что Энглтон нетрезв: для его коллег-разведчиков не было секретом, что к концу службы Энглтон стал запойным пьяницей. Он умер в 1987 году в возрасте 69 лет.

За годы, прошедшие после того необычного телефонного разговора, по мере того как всплывало все больше и больше подробностей о тридцатилетней шпионской карьере Энглтона, становилось очевидно, что он оставил ЦРУ тяжелое наследие. Он считался охотником на «кротов», но ни одного так и не поймал. Его параноидальные идеи по поводу коммунистов, проникших в разведку и другие властные структуры, сломали жизнь многим, в том числе и тем его коллегам, которых он фактически обвинил в предательстве. К советским агентам он также причислял и Генри Киссинджера, и бывшего премьер-министра Великобритании Гарольда Уилсона, и даже своего последнего начальника в Управлении – директора ЦРУ Уильяма Колби.

Судя по всему, Энглтону нравилось представлять себя этакой зловещей и таинственной фигурой, он намеренно создавал вокруг работы контрразведки мрачный и романтический ореол – и эти его старания, несомненно, увенчались успехом. После смерти его образ стал элементом поп-культуры. Его сыграл актер Мэтт Деймон в фильме The Good Shepherd («Добрый пастырь», в российском прокате известен под названием «Ложное искушение»)3 . Было написано несколько солидных биографий Энглтона, и наверняка появятся новые. Думаю, его бы позабавило –

а может быть, даже порадовало, – что спустя полвека после смерти Кеннеди журналист вроде меня готов потратить годы на изучение созданных им миражей и иллюзий.

Когда я начал собирать материал для этой книги, мне и в голову не приходило – и думаю, многие историки тоже этого не знали, – что Энглтон сыграл какую-то роль в расследовании убийства Кеннеди. Не знали этого ни Дэвид Слосон, ни другие штатные юристы комиссии Уоррена, получавшие информацию от ЦРУ только после того, как она проходила через руки Энглтона и его команды. И только когда я поделился результатами своего исследования со Слосоном, он понял, как именно Энглтон – чье имя в 1964 году ему было еще неизвестно – управлял действиями комиссии.

И это не просто догадки: Энглтон и его коллеги, в частности его старый друг Уин Скотт в Мехико, действительно умалчивали часть информации об убийстве, так что в наши дни уже невозможно узнать всю правду, и особенно в главном вопросе: подтолкнул ли кто-то – или даже приказал – Освальду в Далласе взять в руки винтовку. Есть множество примеров того, как Энглтон и Скотт подправляли и даже искажали официальную историю убийства.

Нам известно следующее.

• В начале 1964 года Энглтон потеснил своего старшего коллегу, чтобы взять под контроль поток информации, передаваемой комиссии Уоррена, и в то же самое время он поддерживал связи со своими друзьями из ФБР и с одним из членов комиссии, Алленом Даллесом, прежним своим начальником в ЦРУ. Джон Уиттен, тот самый коллега по ЦРУ, которого Энглтон потеснил, был уверен, что Энглтон как-то связан с операциями ЦРУ по свержению Кастро.

• В 1971 году, сразу же после смерти Скотта, Энглтон примчался в Мехико, чтобы, пока не поздно, перехватить мемуары покойного, в которых тот говорил о том, как много информации скрывали от комиссии, а также высказывал свои подозрения, что гибель Кеннеди вполне могла быть связана с иностранным заговором.

• В 1969 году Энглтон подписал письмо, отклоняющее запрос дипломата Чарльза Томаса о новом расследовании утверждения Елены Гарро о «вечеринке твиста» в Мехико и об интимной связи Освальда и Сильвии Дюран. Это решение Энглтона привело к тому, что заявления Гарро не рассматривались вплоть до ее смерти – и смерти большинства людей, которые могли бы подтвердить ее слова.

Что же касается Скотта, его бывшие коллеги в Мехико помнят о магнитофонных записях и фотографиях слежки за Освальдом, которых, как впоследствии утверждал Скотт, никогда не существовало. Судя по служебным материалам, он неоднократно отказывался принимать в расчет рассказ Елены Гарро, о котором знал со слов Томаса, даже после того как самостоятельно собрал разведданные, частично подтверждающие ее историю – в том числе и то, что Скотт позже назовет «установленным фактом» интимной связи между Освальдом и Дюран. В то же время Скотт составил письменный отчет, в котором ставил под сомнение психическое здоровье Гарро, тогда как бывший помощник Скотта начал негласную кампанию в Мехико по дискредитации Чарльза Томаса.

Вот предположения, которые я бы особо выделил4 . Может быть, Энглтон или Скотт причастны к исчезновению «взрывоопасного» письма Эдгара Гувера в комиссию Уоррена, написанного в июне 1964 года, где сообщалось, что Освальд ворвался в кубинское посольство в Мехико, заявляя о том, что убьет президента Кеннеди? Эта история предположительно стала известна ФБР непосредственно из уст самого Фиделя Кастро. Письмо Гувера, судя по всему, так и не поступило в комиссию, хотя десятки лет спустя было обнаружено в архивах ЦРУ.

И еще один потрясающий документ, подготовленный в ЦРУ где-то после 1968 года, он важен для понимания того, что происходило на самом деле и что скрывало Управление5 . Это подробный, занимающий 132 страницы, строго засекреченный хронологический перечень: что и когда стало известно об Освальде в резидентуре в Мехико. Первая запись относится к 27 сентября 1963 года, когда Освальд впервые был замечен у посольства СССР в Мехико. По документам ЦРУ можно предположить, что эту хронологию по просьбе Скотта подготовила его бывшая помощница Энн Гудпасчур. В хронологии отмечено, по крайней мере Скотт так это

преподносил, когда поступали заявления Гарро о «вечеринке твиста» и о том, что Дюран была любовницей Освальда. Сбоку от дат – краткие машинописные комментарии, сделанные составителем, который явно недоумевает: почему в Управлении не верят Гарро, даже после того как некоторые ее заявления получили стороннее подтверждение. «Как Елена ГАРРО узнала о том, что Сильвия была любовницей ОСВАЛЬДА? Это 1965 год», – говорится в одном из комментариев: имеется в виду, что в 1967 году в ЦРУ услышат то же самое от собственного информатора. В хронологии отмечается, что ФБР в конце концов также установило, что Гарро говорила правду о том, что в течение восьми дней после убийства Кеннеди ей пришлось скрываться в маленькой гостинице в Мехико – это подтвердил человек, о котором впоследствии станет известно, что он был платным информатором ЦРУ. «Елена рассказывала об этом, но ей никто не поверил», – сказано в комментариях к этому пункту. В другом месте составитель хронологии пишет: «Комиссия Уоррена плохо вела расследование. … Комиссия Уоррена оказала обществу медвежью услугу. Вместо того чтобы покончить со слухами, она создала почву для новой, более серьезной волны домыслов и предположений».

Из других рассекреченных документов ЦРУ мы знаем еще один секрет об Освальде, который Энглтон отчаянно пытался скрыть: что назначенная им особая группа контрразведчиков следила за Освальдом – неофициально – еще в 1959 году, за четыре года до убийства президента. В ноябре 1959 года, через месяц после того, как Освальд прибыл в Москву и сказал, что хочет остаться в СССР, люди Энглтона внесли Освальда в список «ТОЛЬКО ДЛЯ ТАЙНОГО НАБЛЮДЕНИЯ», где числилось примерно триста американских граждан, зарубежная корреспонденция которых подлежала перлюстрации6 . То есть слежка за Освальдом началась за год до той даты, которую разведуправление сообщило комиссии Уоррена. Стремление скрыть то, что наблюдение за Освальдом началось намного раньше, можно объяснить только тем, что операция по перлюстрации почты, известная под кодовым названием HK-LINGUAL , даже в самом ЦРУ считалась нелегальной: Управление не имело судебных санкций на то, чтобы вскрывать почту американских граждан. (В разные годы в ходе этой операции под наблюдением находились Мартин Лютер Кинг, Джон Стейнбек и бывший вице-президент Хьюберт Хамфри.) Почему сотрудники Энглтона установили слежку за Освальдом почти сразу после того, как он оказался в России, тогда как другие перебежчики

в этот список так и не попали? Это еще один вопрос, на который нет четкого и однозначного ответа.

Я приступил к работе над книгой в 2008 году, а пишу эти строки в конце лета 2013 года. За это время я беседовал с сотнями людей, с некоторыми не по одному разу, в поисках материала исколесил всю страну, побывал за рубежом. Мне позволили просмотреть засекреченные документы, частные письма, расшифровки судебных стенограмм, фотографии, фильмы и разные другие материалы, которые, насколько мне известно, не показывали другим авторам, пишущим об убийстве Кеннеди. Каждое утверждение и каждая цитата в этой книге полностью соответствуют первоисточнику, о чем наглядно свидетельствуют ссылки и авторские примечания. Мне ясно одно: за последние пятьдесят лет – на самом деле даже больше, поскольку часть повествования отсылает к происходившему задолго до 22 ноября 1963 года – высшие должностные лица во властных структурах США, особенно в ЦРУ, не говорили правды об этом убийстве и о событиях, которые к нему привели.

Несколько бывших чиновников несут сугубую ответственность за появление конспирологических теорий, поразивших наше общество, как зараза. Во главе этого списка еще один ветеран ЦРУ, бывший директор Центрального разведывательного управления Ричард Хелмс, который принял решение не рассказывать комиссии Уоррена о заговорах ЦРУ с целью убийства Кастро. И разумеется, именно Хелмс поручил вероломному Энглтону контролировать, какую информацию можно передавать комиссии, а какую нет. В ФБР Эдгар Гувер и его заместители также делали все возможное – с первых же часов после покушения, – чтобы исключить из расследования свидетельства, которые могли бы привести к открытию, что Освальд действовал не один, а был участником заговора. Гуверу было гораздо проще обвинить в убийстве неуравновешенного юнца, ранее не замеченного в жестоких преступлениях, чем признать, что заговор с целью убийства президента существовал и ФБР могло его пресечь, причем без особого труда. И только преемник Гувера Кларенс Келли со всей определенностью заявил, что президент Кеннеди не погиб бы, если бы ФБР элементарно действовало с учетом информации, имевшейся у этого ведомства в ноябре 1963 года.

В этом списке есть и еще два имени – это люди, общественными заслугами которых принято восхищаться: председатель Верховного суда Эрл Уоррен и Роберт Кеннеди. Председатель Верховного суда поначалу проявил достаточно благоразумия, отказавшись от поручения президента Джонсона возглавить комиссию: он справедливо опасался, что деятельность комиссии может запятнать его блестящую биографию, как оно и оказалось, к большому огорчению тех, кто, подобно мне, с детства почитал его за достижения в Верховном суде. Но что можно сказать о президентской комиссии, если ее выводы в конце концов отверг сам президент? Уоррен виноват прежде всего в том, что не позволил штатным сотрудникам комиссии ознакомиться с главными уликами и свидетельствами. Одна из его самых поразительных ошибок – запрет показывать сотрудникам комиссии фотографии из анатомического театра и рентгеновские снимки тела убитого президента – в результате в наши дни медицинские свидетельства находятся в полном беспорядке. И второе, еще более странное решение: он не позволил штатным юристам допросить Сильвию Дюран.

Я не могу не восхищаться упорством тех молодых штатных юристов комиссии, которые явно старались узнать правду о покушении. Среди них Дэвид Слосон, Берт Гриффин и Дэвид Белин – я уверен, они направлялись в Вашингтон, даже отдаленно не представляя, с каким сопротивлением им придется столкнуться. Поведение Уэсли Либлера не заслуживает похвалы, если хотя бы часть того, что говорилось о его сексуальных домогательствах при работе со свидетельницами, правда. Однако я уверен, что если бы обнаружилось, что у Освальда имелись соучастники, он рьяно принялся бы за расследование и наверняка нашел бы их. Арлен Спектер не боялся пойти наперекор председателю Верховного суда США, порой чересчур запальчиво отстаивая свидетельства, которые, как считал Спектер, были ему нужны для работы. Если бы Спектеру позволили взглянуть на рентгеновские снимки и фотографии, сделанные при вскрытии тела Кеннеди, многие споры по поводу медэкспертизы и относительно версии одной пули давно бы разрешились.

Но что еще удивительнее – совершенно ясно, что Роберт Кеннеди отчасти повинен в том, что через полвека после покушения опросы общественного мнения показывают: большинство американцев до сих пор уверены, что от них скрыли правду об убийстве президента. Роберт Кеннеди как никто другой имел право требовать установления истины – сначала

как генеральный прокурор, затем как сенатор США, а главное – как брат убитого президента. Тем не менее в течение без малого пяти лет – после убийства брата и до собственной кончины – Роберт Кеннеди в публичных заявлениях утверждал, что полностью согласен с выводами президентской комиссии, и в то же время в кругу родных и друзей говорил, что комиссия ошиблась. Если искренность Кеннеди в этом вопросе и раньше вызывала у некоторых сомнение, то в январе 2013 года повода для сомнений не осталось, после того как его сын Роберт Кеннеди-младший потряс слушателей в Далласе – на конференции, посвященной наследию его отца, – заявив, что, оказывается, отец считал отчет комиссии «грубо состряпанной подделкой»7 . По его словам, Роберт Кеннеди не исключал, что убийство организовали гангстеры в отместку за то, что Министерство юстиции при администрации Кеннеди принимало крутые меры против организованной преступности, не исключал он и того, что это как-то связано с Кубой или даже с «отколовшимися агентами ЦРУ».

Роберт Кеннеди-младший объяснил, почему его отец годами вводил общественность в заблуждение, заявляя, что согласен с выводами комиссии. Отец, сказал он, в середине 1960-х чувствовал, что ему не под силу вести собственное независимое расследование и опасался, что, высказав публично свои подозрения о заговоре в деле об убийстве брата, он отвлечет внимание общественности от более насущных государственных вопросов, в особенности от движения за гражданские права. «В то время он действительно ничего не мог сделать, – объяснил Роберт Кеннеди-младший. – Как только Джек погиб, он утратил все свое влияние».

Но есть на земле одно место, где до сих пор жива надежда на то, что некоторые загадки, связанные с убийством президента, будут разгаданы. Это Мехико. Честно признаться, я ничего не знал – вообще ничего – о поездке Освальда в Мексику, пока не начал работать над этой книгой. За время двух продолжительных журналистских командировок в столицу Мексики я пытался повторить маршрут Освальда – повторить все его перемещения по этому огромному городу. Я делал именно то, что, по-видимому, отказались делать ФБР и ЦРУ в первые недели после покушения, в том числе найти и расспросить Сильвию Дюран. Мне не терпелось отыскать людей, которые знали покойную Елену Гарро (она

скончалась в 1998 году от эмфиземы легких в возрасте 77 лет).

В апреле 2013 года мой феноменальный внештатный корреспондент в Мехико – Александра Ксаник фон Бертраб, получившая в этом году Пулитцеровскую премию за работу в The New York Times, – разыскала Дюран в Мехико, где та до сих пор живет, выйдя на пенсию (она работала в системе социального обеспечения). В ноябре 2013 года Дюран исполнится 76 лет, день ее рождения выпадает на годовщину убийства Кеннеди. Вначале она не хотела давать интервью и вообще о чем бы то ни было мне рассказывать, не отвечала на телефонные звонки и письма. Тогда я отправил Дюран большую пачку касающихся ее лично документов, которые я нашел в рассекреченных архивах властных структур в США и в Мексике. Среди них был подробный отчет ЦРУ за 1967 год, в котором некий информатор Управления – мексиканский художник, которого Дюран считала другом, – описывал, как Дюран поведала о своем непродолжительном романе с Освальдом. Я также предоставил Дюран записи наблюдений, проводившихся тайной мексиканской полицией, где, судя по всему, зафиксированы ее внебрачные отношения с мужчинами в год, предшествовавший убийству Кеннеди, в том числе еще с двумя американскими туристами, приезжавшими в Мексику. Я также дал ей отчеты ЦРУ, в которых говорилось о романе Дюран с бывшим послом Кубы в Мексике. Похоже, задолго до покушения она попала в поле наблюдения ЦРУ и Министерства внутренних дел Мексики – это было связано с ее работой в кубинском консульстве, а до этого – в учреждении, занимающемся кубинско-мексиканскими культурными связями. Отчеты о слежке были, естественно, отвратительны с этической точки зрения и служили доказательством того, что тайна частной жизни Дюран годами бесцеремонно нарушалась. Но я счел, что лучше и честнее показать Дюран эти записи, чтобы она увидела, что в них меня так встревожило и заинтриговало. Если она захочет опровергнуть хоть что-либо из этого, я охотно ее выслушаю.

В ожидании ответа от Дюран мы с Ксаник разыскали дочь Елены Гарро – Хелену Пас, теперь ей было 74 года и жила она в доме для престарелых всего в часе езды от Мехико. Хотя, по словам знавших ее людей, Хелена пребывала в здравом уме и памяти, здоровье ее было сильно подорвано после случившегося несколько лет назад инсульта. Ее двоюродный брат и официальный опекун передал нам, что та отказывается от интервью8 . Мы стали уговаривать его хотя бы спросить у Хелены, подтверждает ли

она свой рассказ – и рассказ своей матери – о встрече на «вечеринке твиста» с Освальдом и двумя американскими «битниками», а также с Сильвией Дюран. И та подтвердила. «То, что я говорила в 1960-е годы, правда, – передала нам ее слова опекунша. – Все это так и было».

Я решил задержаться в Мехико еще на несколько дней в надежде побеседовать с Дюран, но так и не дождался от нее ответа после отправки документов. Поэтому в последней, отчаянной попытке услышать хоть какой-то ответ во вторник, 19 апреля, мы поехали к ней домой: она жила вместе с многочисленной родней. Но ее родные сказали нам, что ее не будет до вечера, и мы решили подождать на улице, пока она не вернется. Наконец она приехала – на такси, с пакетами продуктов из супермаркета. Завидев нас, она с недовольным видом прошла мимо и стала торопливо открывать чугунную калитку. Но мы умоляли ее уделить нам хотя бы пару минут, и она уступила. Хмурясь, она согласилась ответить на несколько вопросов, вероятно, в надежде, что после этого мы оставим ее в покое.

Даже спустя много лет это была все та же Сильвия Дюран. Ее лицо было нетрудно узнать даже по фотографии начала 1960-х. На ней была удобная и модная одежда, облик дополнял длинный струящийся шарф пастельных оттенков и очки Chanel . И хотя темные прежде волосы теперь заметно поседели, у нее была та же короткая стрижка, что и в 1960-е. Ее английский был безупречным, хотя в ходе разговора, обернувшегося почти часовой беседой у чугунной калитки, она часто переходила на испанский. Даже в споре она казалась очаровательной, находчивой и проницательной. К нашему удивлению, нам недолго пришлось ее уговаривать сфотографироваться.

Она по-прежнему, как и много лет подряд, отрицала, что находилась в интимных отношениях с Освальдом – хотя бы потому, пояснила она, что он казался ей совсем непривлекательным9 . И предположение, что она могла спать с ним, было для нее ужасно обидно. «Я вас умоляю! – сказала она насмешливо по-английски. – Значит, говорят, он был моим любовником? Ну-ну. Освальд был вот такого росточка. – И протянула руку, показывая, что он был коротышкой. (Рост Освальда был 1 метр 75 сантиметров.) – Как могла я взять в любовники такую серость?» Она категорически отрицала все слухи и утверждения – а их после тщательной проверки сочли бездоказательными и комиссия Уоррена, и следователи

от правительства США, – что она якобы шпионила в пользу Кубы, или Мексики, или даже ЦРУ.

Она сказала, что помнит вечеринку с танцами, описанную Еленой Гарро, и что Освальда среди гостей не было. Американцы на вечеринке присутствовали, сказала она, в том числе «кинозвезда», правда, имени она не назвала, поскольку полагала, что тот актер еще жив, и она не хочет впутывать его в неприятности. На вопрос, для чего Елене Гарро понадобилось выдумывать такую странную историю про ее роман с Освальдом, Дюран ответила, что ее кузина была «помешанная – совершенно безумная… … Не думаю, что это она со злости наговорила. Скорее по глупости». Но почему дочь Гарро твердила то же самое? «У нее была куча психологических проблем», – отвечала Дюран. Елена и ее дочь были обе «с большим приветом, причем всегда».

Я напомнил ей, что не только обе Гарро рассказывали о романе Дюран с Освальдом. Отчеты о расследовании, подготовленные мексиканской тайной полицией, показывают, что после убийства президента ее неоднократно расспрашивали, действительно ли у нее были «интимные отношения» с Освальдом и имеются ли у полиции доказательства этого. Почему ее друг-художник в 1967 году заявлял, что она рассказывала ему об этом романе? Она ответила, что стала жертвой ревности – все это выдумки ее поклонников, которые хотели переспать с ней, но получили от ворот поворот. «Я была замужем, – сказала она. – Поэтому я так разозлилась, когда прочла эти сплетни. … По их словам выходит, все были моими любовниками – посол, консул…» И снова повторила то, на чем настаивала все эти годы, – что виделась с Освальдом только в кубинском консульстве, когда он два раза в течение одного дня заходил туда в сентябре 1963 года. «Ничего сверх положенного я не делала», пытаясь помочь ему с документами для визы, уверяла она. «Я виделась с ним только в стенах консульства. А за пределами консульства – ни разу, никогда-никогда».

Лишь спустя несколько недель нам удалось разыскать нового свидетеля, который сообщил нам нечто противоречащее тому, что накануне поведала нам Дюран, – это была ее бывшая золовка Лидия Дюран Наварро, известный мексиканский хореограф. Лидии сейчас 85 лет, и в ее памяти

стерлись многие подробности событий, относящихся к неделям до и после покушения на Кеннеди10. Хотя ее покойный брат и Сильвия Дюран развелись несколько десятков лет назад, Лидия сохранила добрые отношения к Сильвии. Лидия сказала, что она всегда сомневалась в том, что Сильвия могла завести роман с Освальдом. По той же самой причине, которую называла ее бывшая невестка: Освальд, сказала Лидия, был физически крайне непривлекателен, чтобы брать его в любовники. «Это нелепо, – сказала Лидия, – он был слабак с лицом идиота».

Однако Лидия ясно помнит, что Сильвия рассказала ей по секрету десятки лет назад – что, хотя Сильвия это отрицает, у нее все же было по крайней мере одно свидание с Освальдом. По словам Лидии, расстроенный Освальд пригласил Сильвию на ланч в ресторане Sanborns возле кубинского консульства. (Она точно помнит название Sanborns – сетевой мексиканский ресторан.) И Сильвия, сказала она, приняла приглашение. «Ей не следовало принимать приглашение от американцев, – вспоминала Лидия. – Дипломаты в кубинском посольстве очень возмущались, узнав, что Дюран осмелилась появиться на свидании с американцем, даже с таким, кто подавал себя как горячий сторонник кубинской революции. – Кубинцы сделали ей выговор».

Если рассказ Лидии соответствует действительности, Сильвия солгала, когда уверяла, что «никогда-никогда» не встречалась с Освальдом вне стен кубинского консульства и что она обсуждала с Освальдом только визовые вопросы. На самом деле, по словам Лидии, Сильвия сходила – по крайней мере один раз – на дружеское, даже можно сказать романтическое свидание с человеком, который явно хотел произвести на нее впечатление своими заявлениями о поддержке кубинской революции и который менее чем через два месяца убьет президента США.

В июне 2013 года мы с Ксаник нашли двух людей – оба выдающиеся мексиканские журналисты, оба дружили с Сильвией Дюран в 1960-е, – которые заставили усомниться и в других деталях ее истории. Первый из них Оскар Контрерас, обозреватель мексиканской газеты El Manana, был тем самым журналистом, который в 1967 году заявил, что четырьмя годами раньше, будучи студентом юридического факультета в университете в Мехико и горячим сторонником режима Кастро, он встретился

с Освальдом, который попросил его помочь с получением кубинской визы11. Эту часть истории Контрерас уже рассказывал много лет назад.

Но то, что он поведал нам в 2013 году, выходило далеко за рамки известного прежде и заставляло предположить, что у Освальда были более обширные и серьезные связи с кубинскими агентами в Мексике – связи, которых, по словам Дюран, не было и быть не могло. Контрерас сказал, что он виделся с Освальдом не только в университете, он встретился с ним снова несколько дней спустя на приеме в кубинском посольстве. На этом приеме, сказал Контрерас, «я видел его лишь издалека, он беседовал с какими-то людьми», – и добавил, что не подошел тогда к Освальду, поскольку кубинские друзья предупредили его, что Освальд, возможно, провокатор, подосланный ЦРУ. Почему Контрерас ничего не сказал американским представителям в Мексике о таинственном появлении Освальда на кубинском дипломатическом приеме? Ответ простой, сказал Контрерас: американские дипломаты никогда не спрашивали его об этом.

А потом мы нашли, возможно, самого важного, во всяком случае, больше всех заслуживающего доверия свидетеля. Это племянник Гарро, Франсиско Герреро Гарро, известный мексиканский журналист, который в год убийства Кеннеди был 23-летним студентом университета, и он полвека хранил молчание о том, что ему было известно о Ли Харви Освальде.

Теперь Франсиско Герреро, основателю и бывшему главному редактору ведущей левой мексиканской газеты La Jornada , 73 года, и он говорит, что десятки лет ничего не рассказывал об Освальде, опасаясь поставить под угрозу свою семью12 . «Я и не собирался рассказывать. Мы тогда так перепугались, когда поняли, что многие из тех, кто был причастен к делу об убийстве Кеннеди, умирали» при загадочных обстоятельствах.

Какой же секрет хранил Герреро? Он сказал, что был на той вечеринке, где его тетушка встретила Освальда и Сильвию Дюран. На самом деле его привезли на вечеринку тетушка и мама – Деба Герреро, сестра Елены. Он уверен, что тоже видел Освальда. «Он стоял там, возле печной трубы, – вспоминает Герреро. – У него запоминающееся лицо… он был очень мрачен. Просто стоял там, глядел на людей, словно изучал… … Готов поклясться, это был он».

В первые часы после убийства Кеннеди, когда в прессе появились фотографии Освальда, вспоминает Герреро, состоялся примечательный разговор между его матерью и тетушкой, Еленой Гарро, – женщины были в панике.

«Я слышал, как мама сказала в трубку: “Это невозможно! Невозможно! Правда, Елена, это невозможно. Ты уверена?.. Я подъеду”». По словам Герреро, его мать велела ему взять семейный автомобиль. “Потом говорит: “Отвезешь меня к Елене”». Герреро сказал, что возразил было, что ему нужно ехать на занятия, но мать ответила: «Это неважно. Мы едем к Елене домой».

И они поехали домой к Елене Гарро, у которой был телевизор, и вместе стали смотреть фоторепортаж из Далласа, в том числе увидели мелькнувшие в новостях первые снимки Освальда, взятого под стражу. Герреро вспоминает, как его мать и Елена Гарро испуганно переглянулись, сообразив, что за несколько недель до этого видели убийцу президента на вечеринке. «“Да-да, это он, точно он!”» – восклицали они в панике. «Его лицо вновь и вновь появлялось на экране, – вспоминает Герреро. – И мама все твердила: “Это он, это он!”»

Франсиско помнит, как спросил вслух: может ли мексиканская полиция обвинить его семью в причастности к делу об убийстве Кеннеди, если станет известно, что они были на той вечеринке вместе с Освальдом. «Господи, да мы же не имеем к этому ни малейшего отношения! Мы всего лишь пошли на вечеринку, где был тот человек. Мы же туда его не отвозили».

Его мать поклялась никогда не рассказывать о том, что видела на вечеринке, вспоминает Франсиско. Она была коммунисткой – то есть политическим противником своей сестры Елены – и умела хранить тайны: в те времена в Мексике заявлять о своих марксистских взглядах было небезопасно. Все остальные, присутствовавшие на той вечеринке, тоже решили помалкивать, говорит Франсиско. «Все поняли, что это был он [Освальд], – сказал Франсиско. – Но никто не хотел об этом заговаривать. Я думаю, от страха. Я сам испугался».

Эта тема стала запретной, сказал он. «Никто больше не упоминал об этом».

По словам Франсиско, единственный, кто все же проговорился представителям власти о той вечеринке и об Освальде, это его тетушка Елена: она беседовала с кем-то в посольстве США – «не знаю, с кем именно» – в первый же день после покушения либо на следующий день. Ее отвез туда его дядя, Альбано Гарро, брат Елены, теперь его уже нет в живых. Франсиско вспоминает, что дядя был сердит, потому что Елена, собиравшаяся лишь на пятнадцать минут заглянуть в американское посольство, провела там почти четыре часа. Он слышал, как мать говорила, что после этого Елене Гарро «несколько раз» звонили из посольства вроде бы «по важному делу».

В архивах ЦРУ или мексиканского правительства не обнаружено убедительных доказательств того, что Сильвия Дюран была чьей-то шпионкой, хотя в 1963 и 1964 годах такие подозрения высказывались многими. Сегодня Дюран, как и прежде, настаивает, что не встречалась с Освальдом за пределами кубинского консульства. Но если Дюран все эти годы говорила правду, тогда выходит, что множество людей лгали, в том числе ее родственники и даже бывшие близкие друзья, один из которых до сих пор жив. «И зачем им врать спустя полвека?» – думаю я.

Я считаю, что людям, которых я, готовя эту книгу, отыскал в Мексике, можно верить, хотя бы потому что никто из них не пытался, в отличие от многих других в США и других странах, якобы мельком видевших Освальда, нажиться на том, что им известно об убийце президента. Они не писали «разоблачительных» книг, не пытались продать свои истории разным СМИ. То же относится к родным и близким Чарльза Томаса. Его вдова Синтия и другие члены его семьи десятки лет отказывались говорить с журналистами и прочими сторонними лицами о том, что случилось с этим достойным человеком, чья блестящая карьера, а затем и вся жизнь закончились так трагически по причинам, которые им до конца были неясны. Для меня большая честь, что все эти люди взяли на себя риск побеседовать со мной, не попросив ничего взамен, кроме обещания выяснить, правда ли то, что много лет назад рассказала Елена Гарро Чарльзу Томасу: что Сильвия Дюран пригласила Ли Харви Освальда на вечеринку с танцами, где также присутствовали кубинские дипломаты и шпионы, а также мексиканские сторонники правительства Кастро,

и что некоторые гости открыто высказывали надежду, что кто-нибудь убьет президента Джона Кеннеди – хотя бы в знак поддержки революционной Кубы, которую Кеннеди мечтал сокрушить.

– Факт остается фактом: мы видели Освальда на той вечеринке, – говорит сегодня Франсиско Герреро Гарро. – Мы встретились и говорили с тем, кто потом пошел и убил президента Соединенных Штатов.

Вашингтон, округ Колумбия

Сентябрь 2013 года

Фото

Борт номер один, только что прилетевший из Далласа, на авиабазе Эндрюс, штат Мэриленд, 22 ноября 1963 г.

John F. Kennedy Presidential Library and Museum, Boston

EASTERN AIR LINES

EASTERN AIR LINES

Линдон Джонсон не послушал агентов Секретной службы, советовавших ему вылететь из Далласа сразу же, как только он взойдет на Борт номер один. Вместо этого самолет оставался на аэродроме лишние 35 минут – Джонсон дожидался, когда прибудет Жаклин Кеннеди и доставят гроб с телом ее мужа. Миссис Кеннеди поднялась на борт вскоре после того, как гроб с телом покойного погрузили в самолет. Затем Джонсон был официально приведен к присяге – в присутствии миссис Кеннеди, все еще в окровавленной одежде, и Леди Берд Джонсон.

Cecil Stoughton/John F. Kennedy

Presidential Library and Museum, Boston

LBJ Library photo by Cecil Stoughton

Председатель Верховного суда Эрл Уоррен и его жена Нина на следующий день после покушения. Снимок сделан возле Белого дома, когда они вместе с другими членами Верховного суда ходили к гробу президента, помещенному в Восточном зале. 24 ноября, в воскресенье, Уоррен, стоя рядом с миссис Кеннеди и ее дочерью Кэролайн, прочел панегирик Кеннеди в ротонде Капитолия США, где был выставлен гроб.

Art Rickerby/Time Life Pictures/Getty Images

AP Photo

Генеральный прокурор США Роберт Кеннеди терпеть не мог президента Джонсона, но согласился остаться в его правительстве. Эти двое высокопоставленных лиц, запечатленные на снимке, сделанном в Белом доме в октябре 1964 года, были освобождены от дачи показаний перед комиссией Уоррена.

LBJ Library photo by Yoichi Okamoto

6 декабря 1963 г. Роберт Кеннеди и его жена Этель покидают новый дом Жаклин Кеннеди в Джорджтауне, после того как помогли ей переехать.

AFP/Getty Images

Супруги Кеннеди на яхте береговой охраны Manitou в заливе Наррангасетт, снимок сделан 8 сентября 1962 г. В руках у миссис Кеннеди – биографическая книга Уильяма Манчестера «Портрет президента» о ее муже, и, как можно заметить, она курит.

Robert Knudsen. White House Photographs. John F. Kennedy Presidential Library and Museum, Boston

Хотя Кеннеди требовал Даллеса после провала операции в заливе Свиней в 1961 году, он сохранял дружеские отношения с Даллесом, как явствует из этого снимка, сделанного 27 сентября 1961 г., когда был объявлен преемник Даллеса (слева) на посту главы ЦРУ – промышленный магнат из Калифорнии Джон Маккоун (справа) .

Robert Knudsen. White House Photographs. John F. Kennedy Library and Museum, Boston

Даллас, 25 октября 1963 г. Постоянного представителя США в ООН Эдлая Стивенсона (в центре) обступили полицейские, после того как на демонстрации одна из активисток, выступавших с антиооновскими лозунгами, ударила его по голове плакатом. Это происшествие, случившееся за месяц до покушения на Кеннеди, показывает, с какой враждебностью порой встречали заезжих политиков в консервативном Далласе.

AP Photo/Carl E. Linde

WANTED

FOR

TREASON

THIS MAN is wanted for treasonous activities against the United States:

1. Betraying the Constitution (which he swore to uphold):
   He is turning the sovereignty of the U. S. over to the communist controlled United Nations.
   He is betraying our friends (Cuba, Katanga, Portugal) and befriending our enemies (Russia, Yugoslavia, Poland).
2. He has been WRONG on innumerable issues affecting the security of the U.S. (United Nations-Berlin wall-Missle removal-Cuba-Wheat deals-Test Ban Treaty, etc.)
3. He has been lax in enforcing Communist Registration laws.
4. He has given support and encouragement to the Communist inspired racial riots.
5. He has illegally invaded a sovereign State with federal troops.
6. He has consistantly appointed Anti-Christians to Federal office: Upholds the Supreme Court in its Anti-Christian rulings.
   Aliens and known Communists abound in Federal offices.
7. He has been caught in fantastic LIES to the American people (including personal ones like his previous marraige and divorce).

WELCOME MR. KENNEDY

TO DALLAS...

. . . A CITY so disgraced by a recent Liberal smear attempt that its citizens have just elected two more Conservative Americans to public office.

. . . A CITY that is an economic "boom town," not because of Federal handouts, but through conservative economic and business practices.

. . . A CITY that will continue to grow and prosper despite efforts by you and your administration to penalize it for its non-conformity to "New Frontierism."

. . . A CITY that rejected your philosophy and policies in 1960 and will do so again in 1964—even more emphatically than before.

MR. KENNEDY, despite contentions on the part of your administration, the State Department, the Mayor of Dallas, the Dallas City Council, and members of your party, we free-thinking and America-thinking citizens of Dallas still have, through a Constitution largely ignored by you, the right to address our grievances, to question you, to disagree with you, and to criticize you.

In asserting this constitutional right, we wish to ask you publicly the following questions—indeed, questions of paramount importance and interest to all free peoples everywhere—which we trust you will answer . . . in public, without sophistry. These questions are:

WHY is Latin America turning either anti-American or Communistic, or both, despite increased U. S. foreign aid, State Department policy, and your own Ivy-Tower pronouncements?

WHY do you say we have built a "wall of freedom" around Cuba when there is no freedom in Cuba today? Because of your policy, thousands of Cubans have been imprisoned, are starving and being persecuted—with thousands already murdered and thousands more awaiting execution and, in addition, the entire population of almost 7,000,000 Cubans are living in slavery.

WHY have you approved the sale of wheat and corn to our enemies when you know the Communist soldiers "travel on their stomachs" just as ours do? Communist soldiers are daily wounding and/or killing American soldiers in South Viet Nam.

WHY did you host, salute and entertain Tito — Moscow's Trojan Horse — just a short time after our sworn enemy, Khrushchev, embraced the Yugoslav dictator as a great hero and leader of Communism?

WHY have you urged greater aid, comfort, recognition, and understanding for Yugoslavia, Poland, Hungary, and other Communist countries, while turning your back on the pleas of Hungarian, East German, Cuban and other anti-Communist freedom fighters?

WHY did Cambodia kick the U.S. out of its country after we poured nearly 400 Million Dollars of aid into its ultra-leftist government?

WHY has Gus Hall, head of the U.S. Communist Party praised almost every one of your policies and announced that the party will endorse and support your re-election in 1964?

WHY have you banned the showing at U.S. military bases of the film "Operation Abolition"—the movie by the House Committee on Un-American Activities exposing Communism in America?

WHY have you ordered or permitted your brother Bobby, the Attorney General, to go soft on Communists, fellow-travelers, and ultra-leftists in America, while permitting him to persecute loyal Americans who criticize you, your administration, and your leadership?

WHY are you in favor of the U.S. continuing to give economic aid to Argentina, in spite of that fact that Argentina has just seized almost 400 Million Dollars of American private property?

WHY has the Foreign Policy of the United States degenerated to the point that the C.I.A. is arranging coups and having staunch Anti-Communist Allies of the U.S. bloodily exterminated.

WHY have you scrapped the Monroe Doctrine in favor of the "Spirit of Moscow"?

MR. KENNEDY, as citizens of these United States of America, we DEMAND answers to these questions, and we want them NOW.

THE AMERICAN FACT-FINDING COMMITTEE

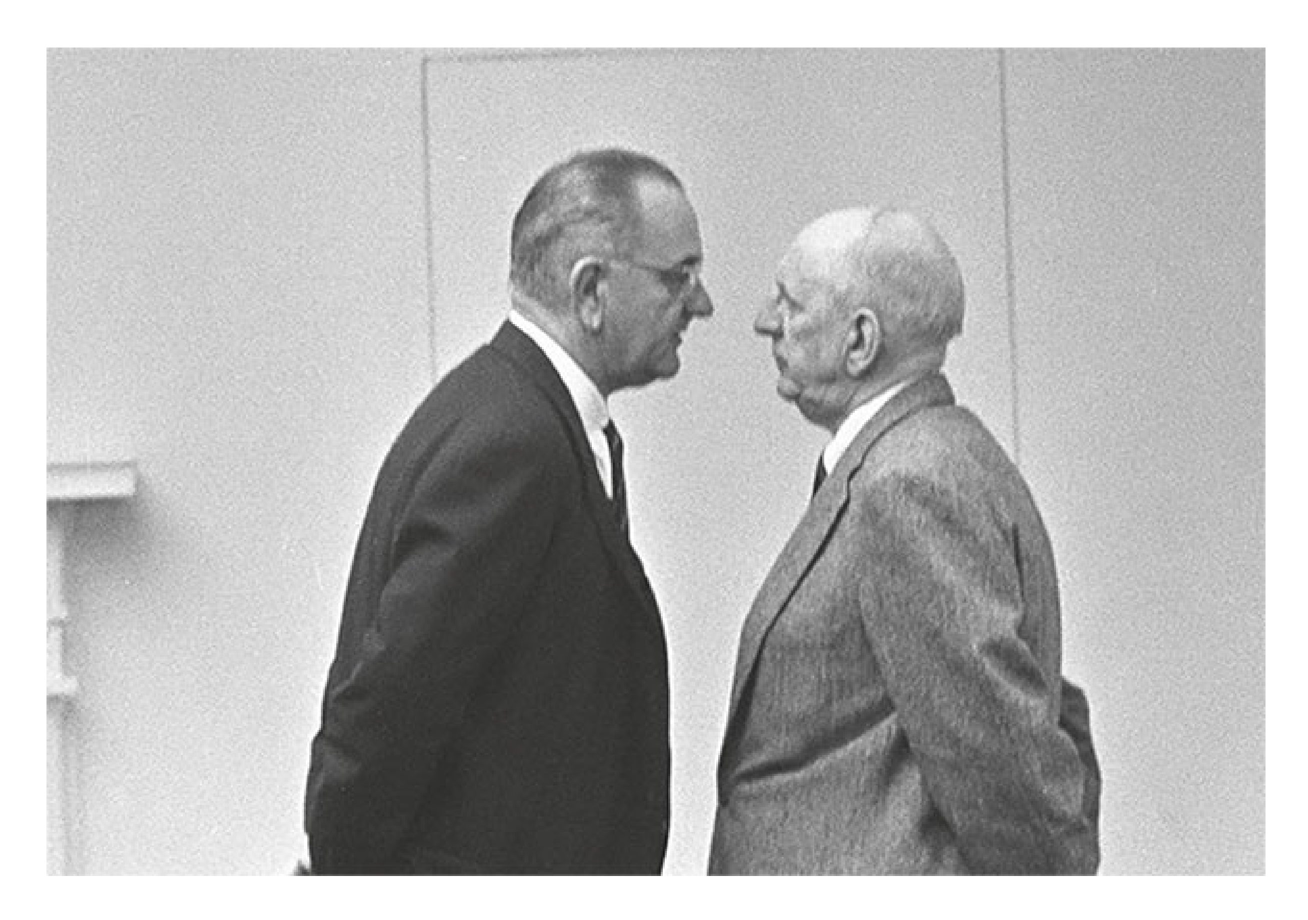
"An unaffiliated and non-partisan group of citizens who wish truth"

BERNARD WEISSMAN,
Chairman

P.O. Box 1792—Dallas 21, Texas

Commission Exhibit No. 1031

Утром в день покушения Кеннеди сказал своей жене, что они едут «в страну дураков», увидев в The Dallas Morning News объявление в черной рамке под заголовком: «Добро пожаловать, мистер Кеннеди». В этом объявлении администрацию Кеннеди обвиняли в «потворстве коммунистам, их попутчикам и крайним левым в Америке». На улицах появились листовки «Разыскивается за измену» с фотографиями Кеннеди в профиль и анфас, как фотографируют преступников.

Похоже, президент применяет «метод Джонсона» к своему наставнику в политике – сенатору от штата Джорджия Ричарду Расселу. Снимок сделан в Белом доме 12 декабря 1963 г., через три недели после убийства Джона Кеннеди.

LBJ Library photo by Yoichi Okamoto

На этой недатированной фотографии президент Джонсон встречается с председателем Верховного суда Эрлом Уорреном. Джонсон уговаривал Уоррена возглавить комиссию, пригрозив, что иначе он будет в ответе, если разразится ядерная война и погибнут миллионы американцев.

Джонсон на лужайке перед Белым домом 16 апреля 1964 г. дает интервью журналисту Эндрю Пирсону, мастеру скандальных разоблачений и близкому другу председателя Верховного суда Эрла Уоррена.

LBJ Library photo by Cecil Stoughton

О том, что директор ФБР Эдгар Гувер и генеральный прокурор Роберт Кеннеди недолюбливают друг друга, хорошо знали их помощники. Именно Гувер через несколько минут после выстрелов на Дили-Плаза уведомил Кеннеди по телефону, что на его брата было совершено покушение. Фотография сделана 7 мая 1963 г. на одном из мероприятий в Белом доме.

Президент Джонсон в Овальном кабинете встречается с Ричардом Хелмсом, кадровым разведчиком, которого Джонсон выдвинул на пост главы ЦРУ. Хелмс позже признал, что ему настойчиво советовали не сотрудничать с комиссией Уоррена: по его словам, он ничего не рассказывал комиссии о планах уничтожения Кастро, которые вынашивало ЦРУ.

LBJ Library photo by Yoichi Okamoto

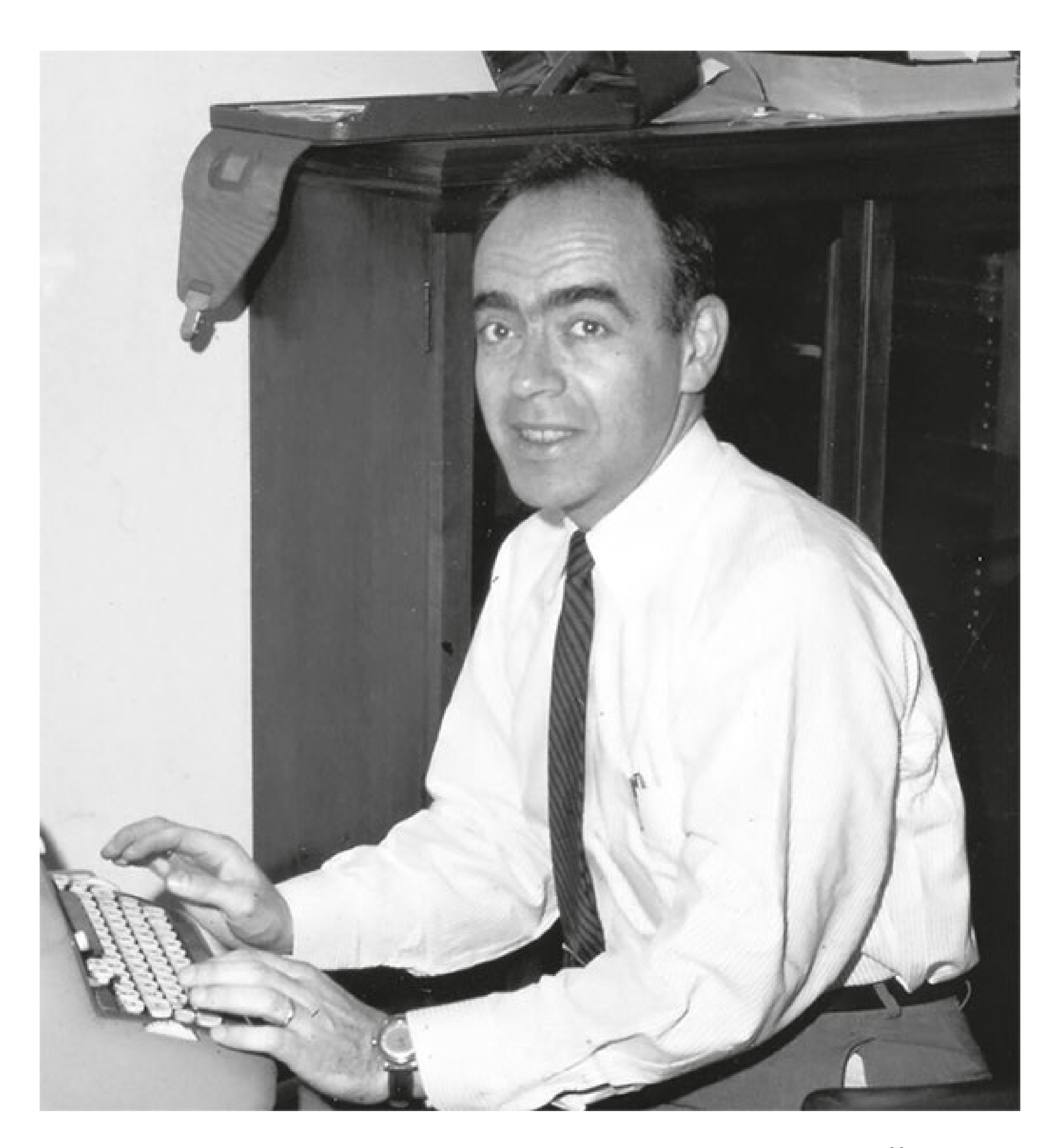

Официальный групповой портрет членов комиссии Уоррена, сделанный в зале заседаний в Вашингтоне, округ Колумбия, в здании Организации ветеранов зарубежных войн, где размещался офис комиссии. слева направо: депутат Палаты представителей США от штата Мичиган Джеральд Форд, депутат Палаты представителей США от штата Луизиана Хейл Боггс, сенатор от штата Джорджия Ричард Рассел, председатель Верховного суда Эрл Уоррен, сенатор от штата Кентукки Джон Шерман Купер, бывший президент Всемирного банка Джон Макклой, бывший директор Центрального разведывательного управления Аллен Даллес и главный юрисконсульт комиссии Джеймс Ли Рэнкин.

Джеймс Ли Рэнкин, главный юрисконсульт комиссии и бывший замминистра юстиции США, руководил штатом юристов комиссии, разделенных на команды из двух сотрудников – «старшего юридического советника» и его младшего напарника. В большинстве случаев большая часть работы ложилась на плечи младших юристов.

Estate of David Belin

Норман Редлик, преподаватель юриспруденции из Нью-Йоркского университета, был основным редактором и автором заключительного отчета. Решение Рэнкина взять на работу Редлика, которого ФБР подозревало в связи с антиправительственными группировками левых активистов, встретило бурные возражения у членов комиссии.

Estate of David Belin

Штатные сотрудники комиссии позируют для группового портрета в офисе в здании Организации ветеранов зарубежных войн. в первом ряду, слева направо: Альфред Голдберг, Норман Редлик, Джеймс Ли Рэнкин, Дэвид Слосон (в очках) , Говард Уилленс (без очков) , Дэвид Белин. во втором ряду: Стюарт Поллак, Арлен Спектер, Уэсли Либлер (с сигаретой) , Сэмюэл Стерн, Альберт Дженнер, Джон Харл Или и Берт Гриффин.

Estate of David Belin

Дэвид Слосон, один из младших юристов, стоит рядом с председателем Верховного суда Эрлом Уорреном. Слосон в комиссии отвечал за расследование версии о возможном иностранном заговоре.

Estate of David Belin

Арлена Спектера, которому пришлось фактически без помощи старшего напарника восстанавливать события в день покушения, стали называть «создателем версии одной пули».

Estate of David Belin, Arlen Specter Center for Public Policy

Дэвид Белин был младшим напарником в группе, занимавшейся установлением личности убийцы – предполагалось, что это Освальд.

Все фотографии на этой странице – David Belin

Берт Гриффин был младшим в паре юристов, изучавших биографию Джека Руби.

Альфред Голдберг, историк ВВС, помогал выстраивать и писать отчет.

Мелвин Эйзенберг, помощник Редлика, стал собственным экспертом комиссии по криминологии и сумел доказать несостоятельность многих версий заговора.

Джозефа Болла, старшего юриста в группе, занимавшейся установлением личности убийцы, хвалили за старательность.

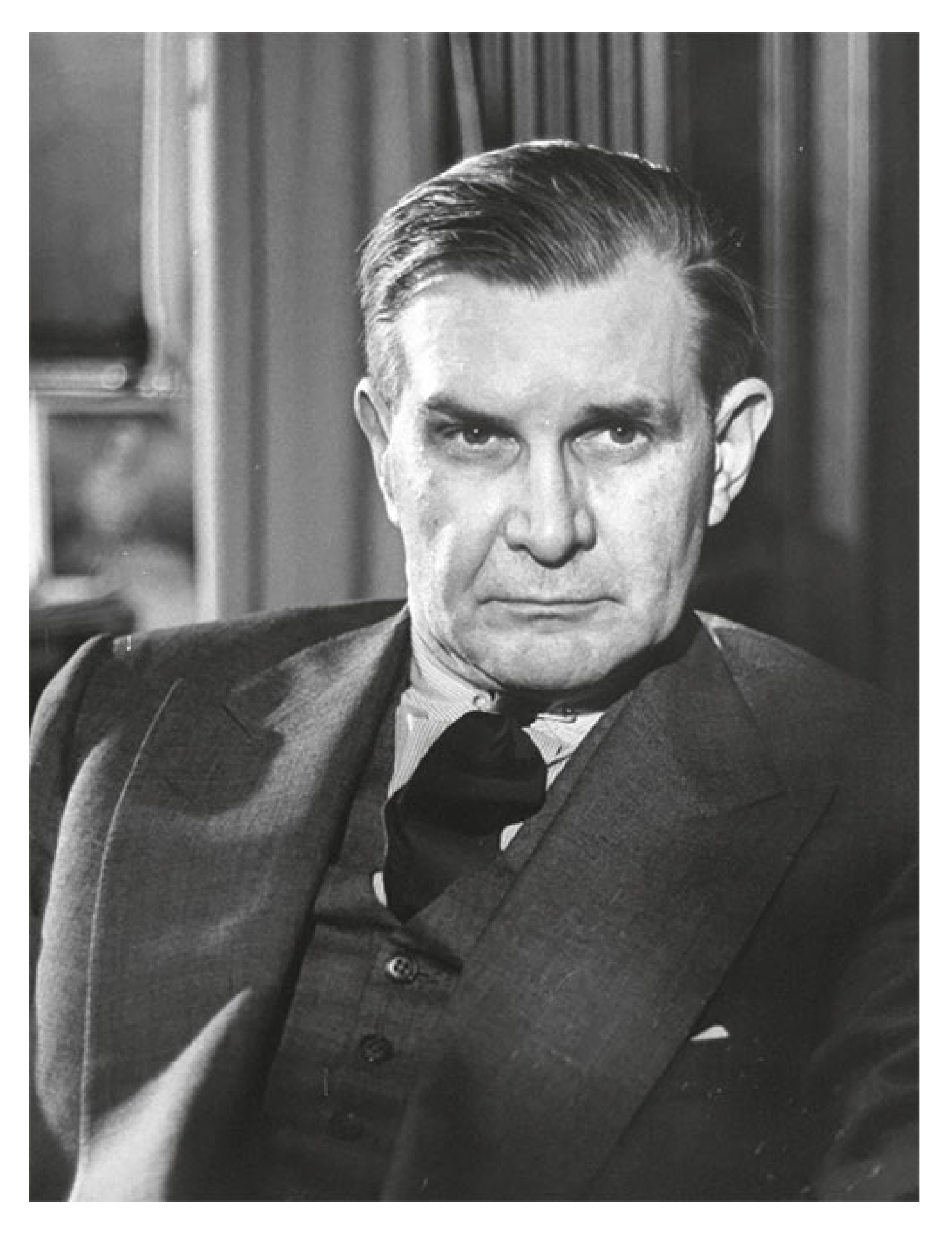

Ричард Моск готовил исследование о стрелковых навыках Освальда и о его причудливом выборе литературы для чтения.

Уильям Коулмен, старший юрист в команде, занимавшейся версией заговора, был активным участником движения за гражданские права, на снимке он стоит рядом с Мартином Лютером Кингом.

Courtesy of William T. Coleman Jr.

Фрэнсис Адамс, бывший комиссар полиции Нью-Йорка, быстро отстранился от расследования.

Michael Rougier/Time Life Pictures/Getty Images

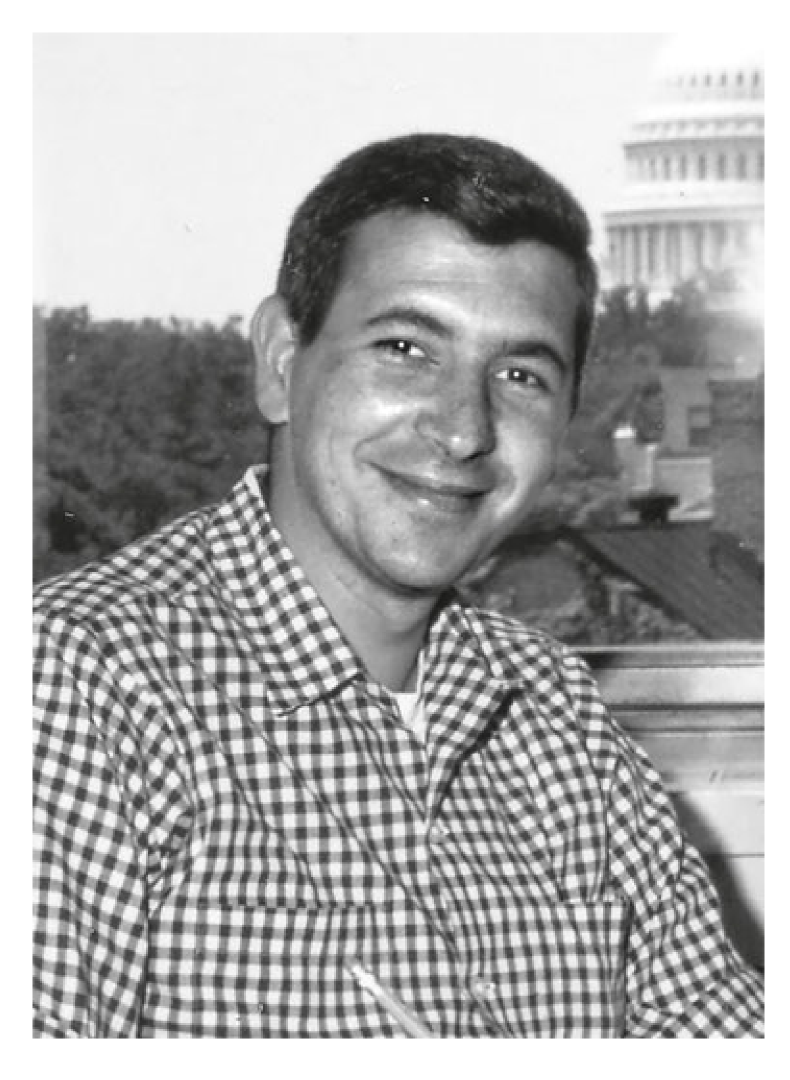
Леон Хьюберт, бывший окружной прокурор Нового Орлеана, почти сразу же уволился из штата комиссии, раздосадованный тем, что на его расследование по делу Джека Руби почти не обратили внимания.

Estate of David Belin

Альберт Дженнер был старшим юристом в команде, восстанавливавшей историю жизни Освальда.

Estate of David Belin

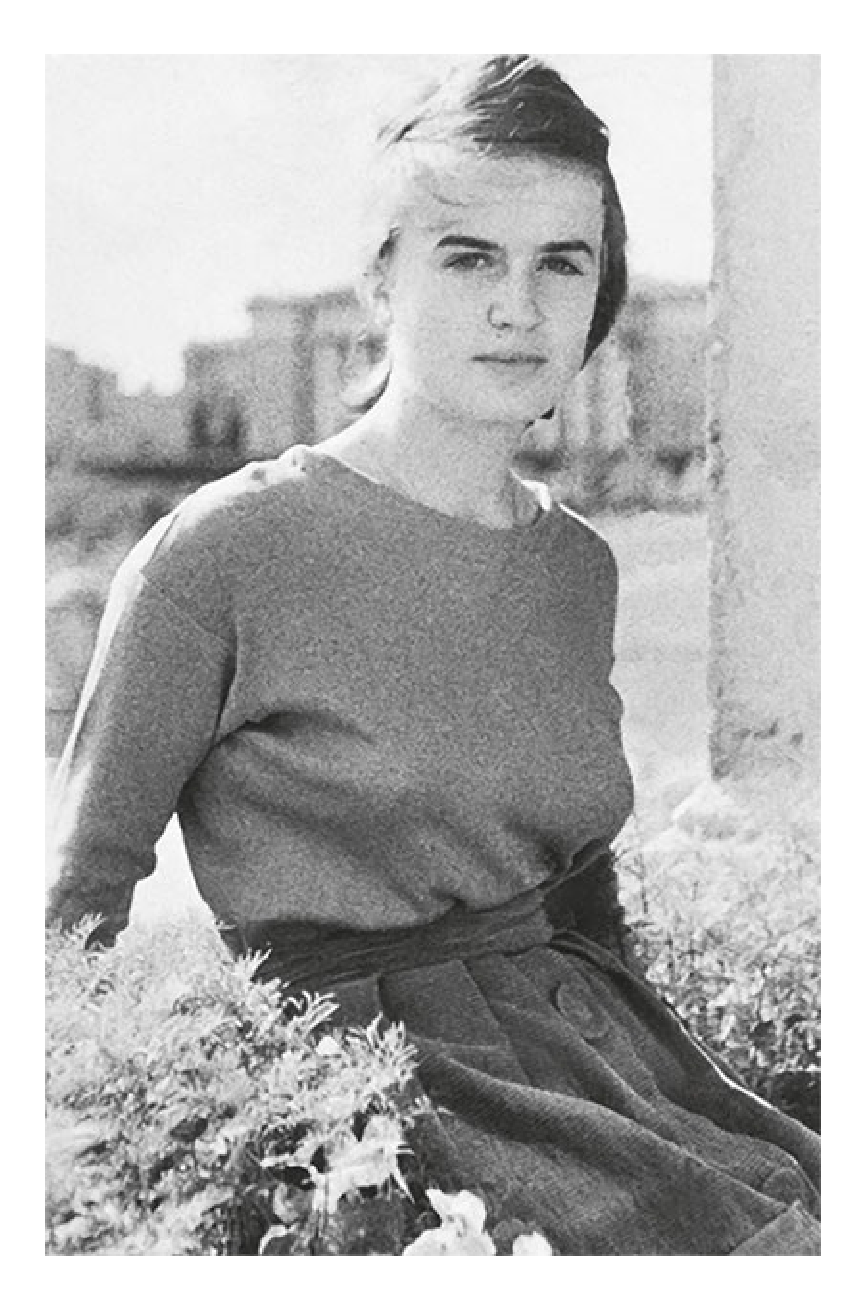
Сэмюэл Стерн был единственным в штате комиссии, кому было поручено изучить и оценить работу Секретной службы по защите президента.

Estate of David Belin

Джулия Айде, умный и грозный секретарь Рэнкина.

Estate of David Belin

Марина Освальд в Минске

Марина и Ли в Минске.

Чета Освальдов с маленькой Джун в Техасе.

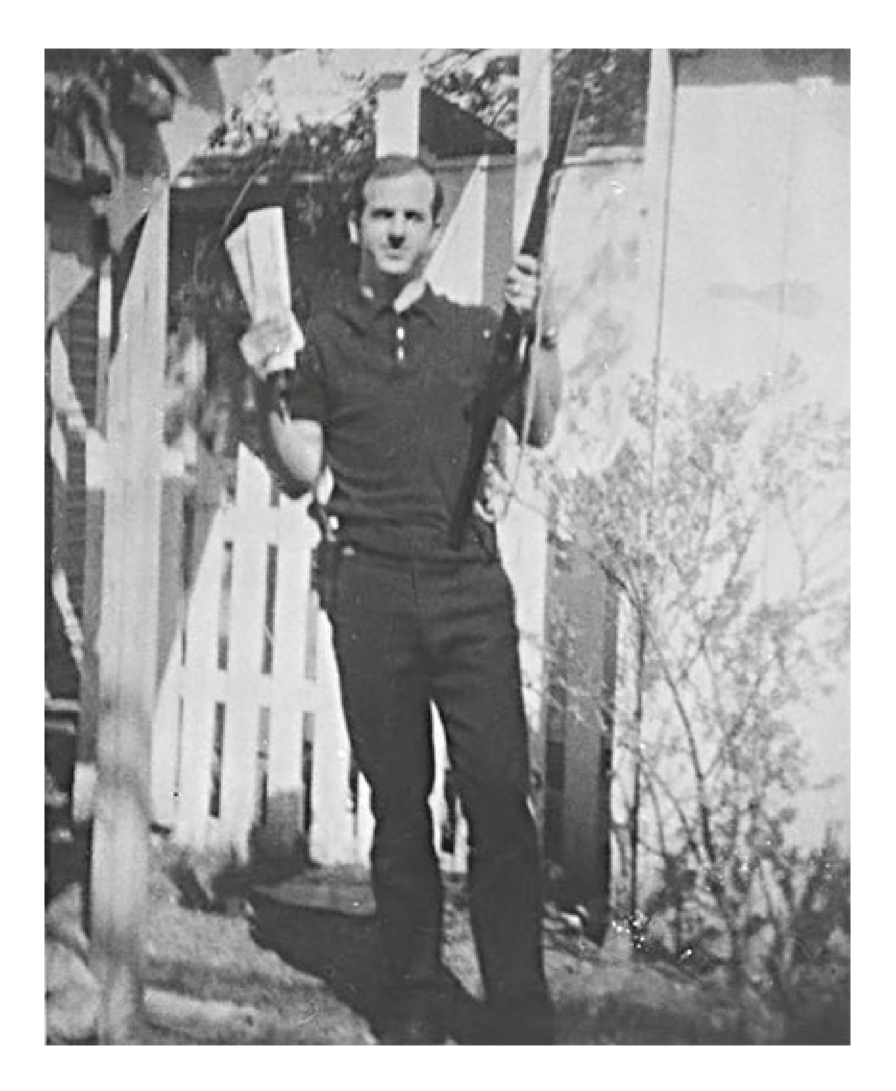

CERTIFICATE OF SERVICE
ARMED FORCES OF THE UNITED STATES

THIS IS TO CERTIFY THAT
ALEK JAMES HIDELL
HONORABLY SERVED ON ACTIVE DUTY IN THE
United States Marine Corps

DD FORM 217 MC 1 JAN 51

Поддельное удостоверение морского пехотинца, выданное на имя Алекса Хиделла, которое предъявлял Освальд

Освальд с винтовкой и пистолетом в Новом Орлеане в 1963 году.

National Archives and Records Administration

Освальд в форме морского пехотинца

Освальд с друзьями в России, справа вверху – Элла Герман, отказавшаяся выйти за него замуж

Освальд с товарищами по работе в Минске.

Освальд в Новом Орлеане в 1963 г. раздает листовки «Руки прочь от Кубы».

SELECTIVE SERVICE SYSTEM

NOTICE OF CLASSIFICATION

Approval not required

ALEK JAMES HIDELL

(First name) (Middle name) (Last name)

Selective Service No. 42 | 224 | 59 | 5321 has been classified in Class ______ (Until ______ 19______) by ☐ Local Board ☐ Appeal Board, by vote of ______ to ______ ☐ President

(Show vote on appeal board cases only)

______, 19____ ______

(Date of mailing) (Member or clerk of local board)

(Registrant must sign here)

The law requires you, subject to heavy penalty for violation, to carry this notice, in addition to your Registration Certificate on your person at all times—to exhibit it upon request to authorized officials—to surrender it to your commanding officer upon entering the armed forces.

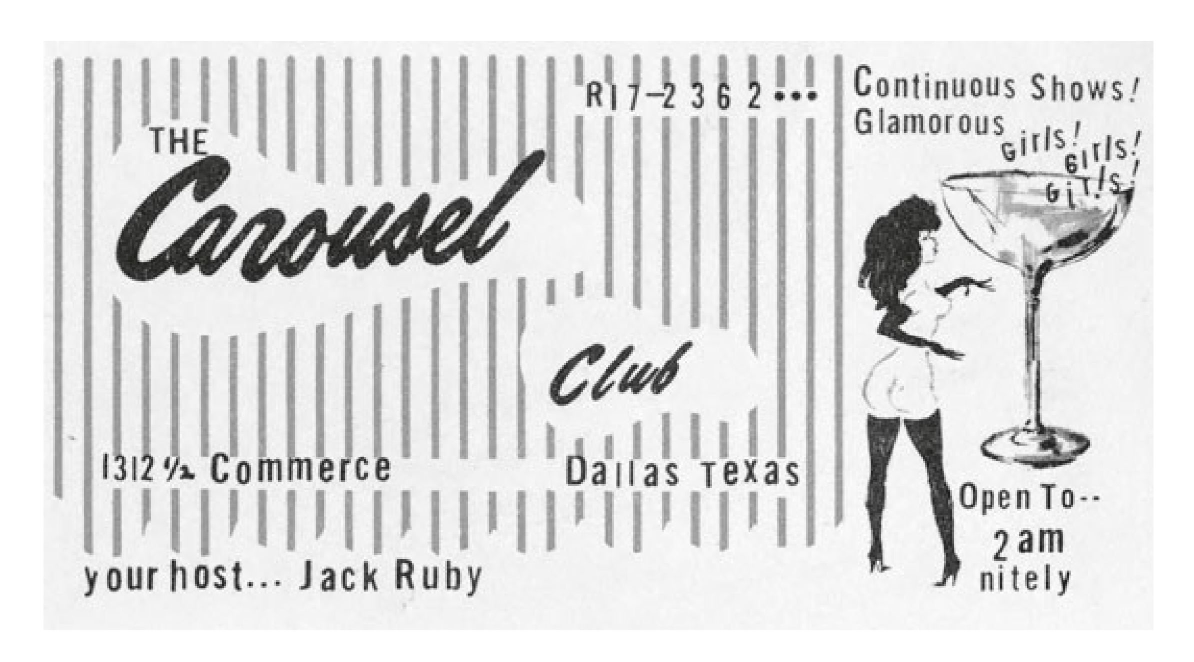
The law requires you to notify your local board in writing (1) of every change in your address, physical condition, and occupational, marital, family, dependency, and military status, and (2) of any other fact which might change your classification.

FOR ADVICE, SEE YOUR GOVERNMENT APPEAL AGENT

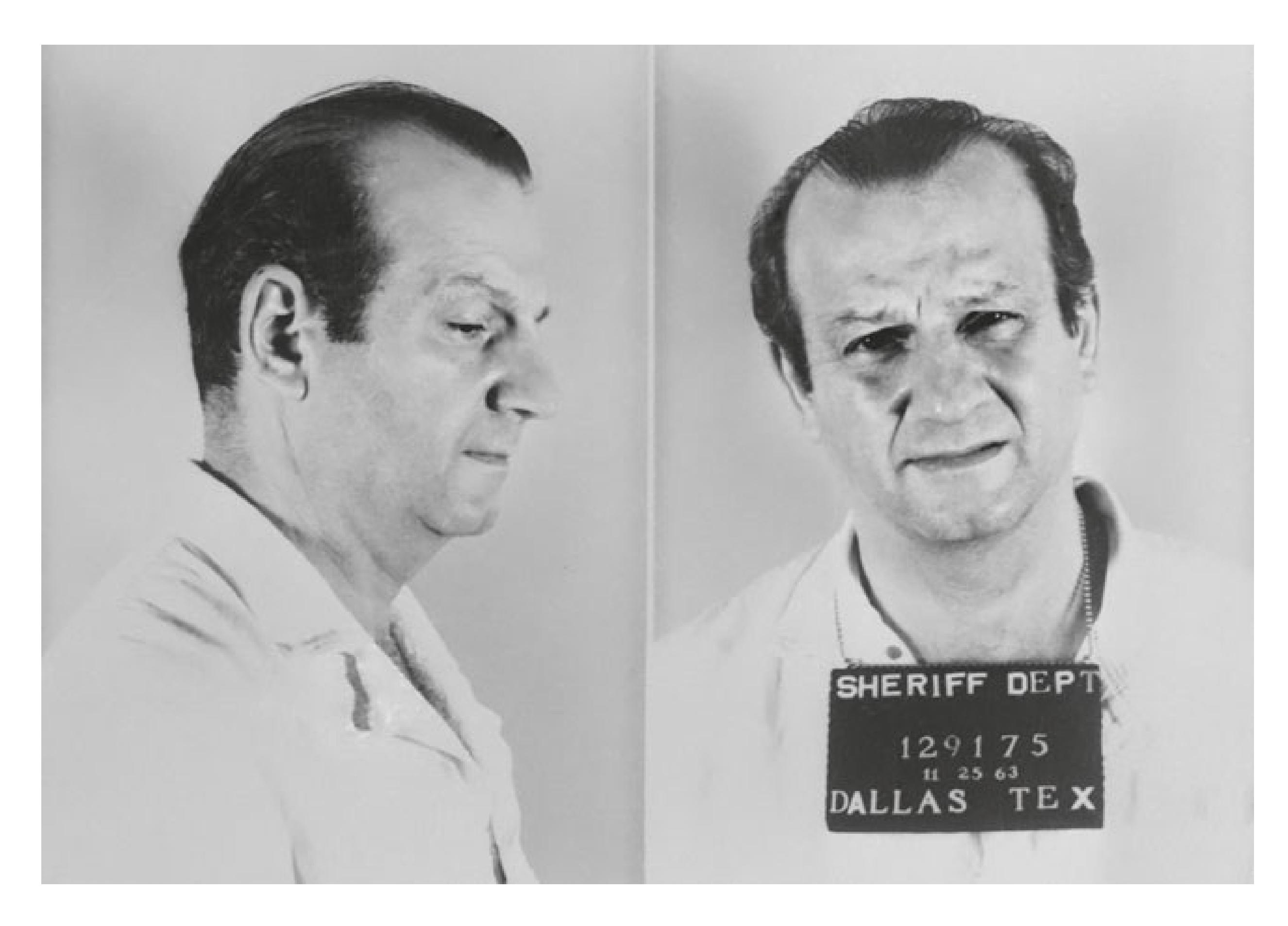
Поддельное удостоверение личности Освальда, оформленное на имя Алекса Хиделла.

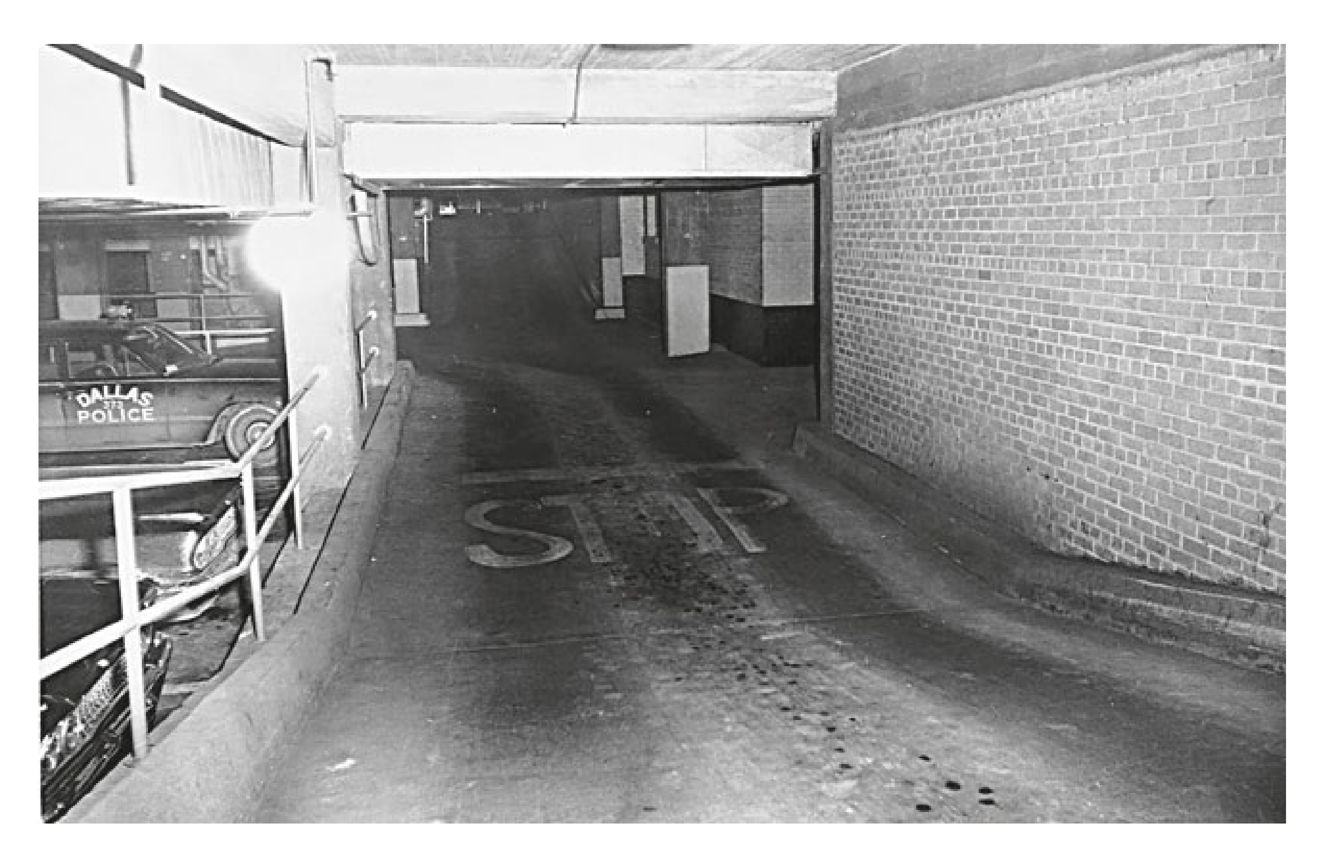
Джек Руби, «хозяин» стриптиз-клуба «Карусель» в Далласе, как знали многие в Далласе, отчаянно заискивал перед полицией и журналистами. Руби позирует рядом с тремя клубными танцовщицами.

Визитная карточка Руби

Протокольные снимки, сделанные в полиции после его ареста в связи с убийством Освальда

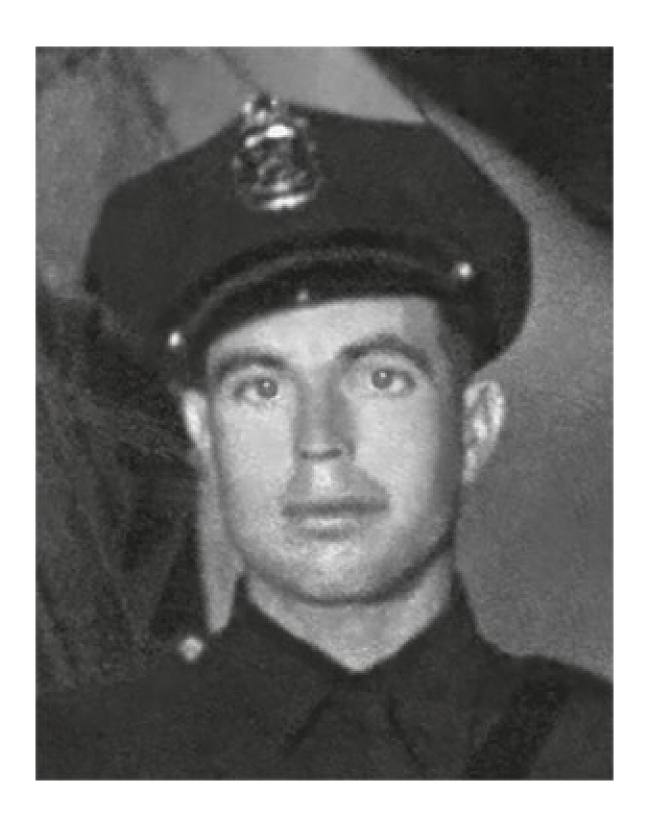

Переход, по которому, как считается, Руби проник в подвал полицейского управления Далласа с целью убийства Освальда.

Dallas Municipal Archives

24 ноября, в воскресенье, Руби убил Освальда на глазах у изумленных телезрителей всей страны, пробравшись сквозь толпу репортеров и фотографов и выстрелив в жертву в упор.

Хладнокровное убийство офицера далласской полиции Типпита (на снимке он в полицейской форме) навело юриста комиссии Дэвида Белина на мысль, что Освальд, вероятно, виновен и в убийстве президента.

Dallas Police Department

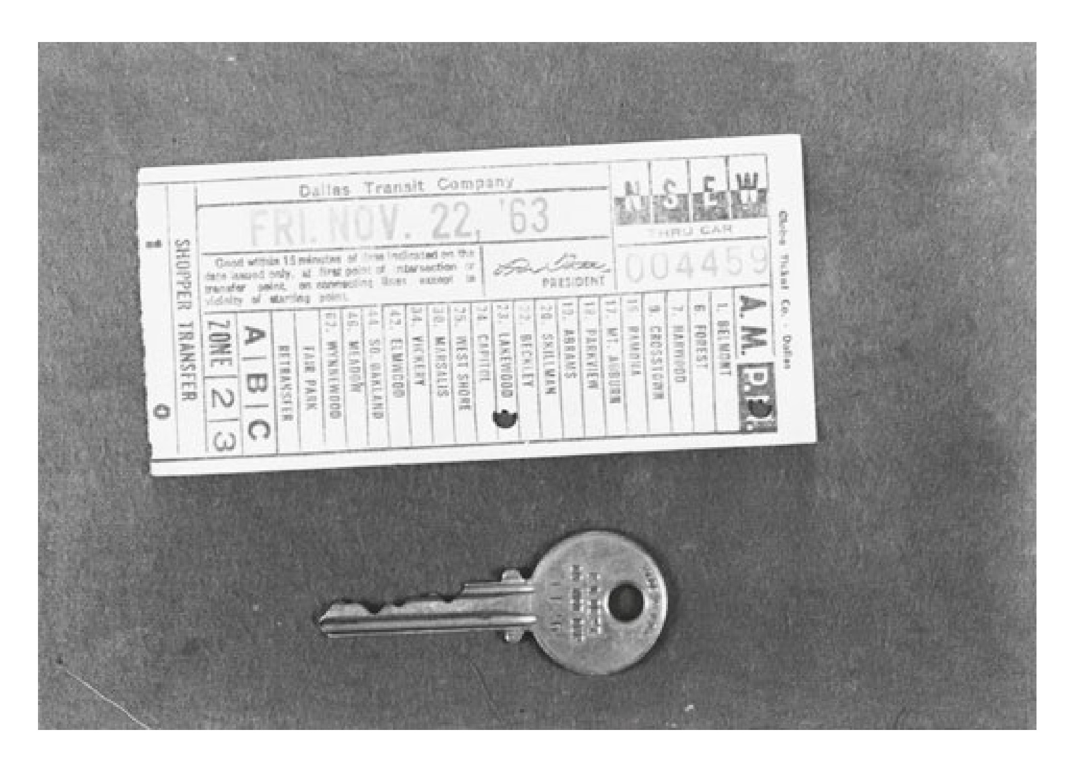

POLICE
PATROLMAN
HELEN
D.P.D.
POLICE

Свидетельницей убийства Типпита стала официантка Хелен Маркем (на фото она рядом с неизвестным полицейским) ; позже в тот же день на опознании, устроенном полицией, она указала на Освальда как на убийцу.

Courtesy of The Sixth Floor Museum at Dealey Plaza

Dallas Muncipal Archives

Вскоре после убийства Типпита Освальд был арестован, когда пытался спрятаться в темном зале ближайшего кинотеатра «Техас». У него в кармане был обнаружен пересадочный талон (на фото он рядом с ключом) , из-за чего Белин заподозрил, что Освальд собирался пересесть на другой автобус, чтобы бежать в Мексику.

Dallas Muncipal Archives

Губернатора Техаса Джона Коннелли навещает в больнице Паркленда его жена Нелли: губернатор поправляется после пулевых ранений, полученных на Дили-Плаза во время поездки в президентском лимузине.

Репортер The Dallas Morning News Хью Эйнсворт берет интервью у Марины Освальд, ее дочь Джун Освальд играет на полу.

Courtesy of The Sixth Floor Museum at Dealey Plaza

Патологоанатомы анатомического театра: коммандер Джеймс Хьюмс был ответственным за вскрытие, ему помогали коммандер Торнтон Босуэлл (слева) и подполковник Пьер Финк (справа) . Решение Хьюмса уничтожить первоначальный отчет о вскрытии и собственные записи спровоцировало появление версий заговора, согласно которым он пытался что-то утаить от следствия.

National Archives and Records Administration

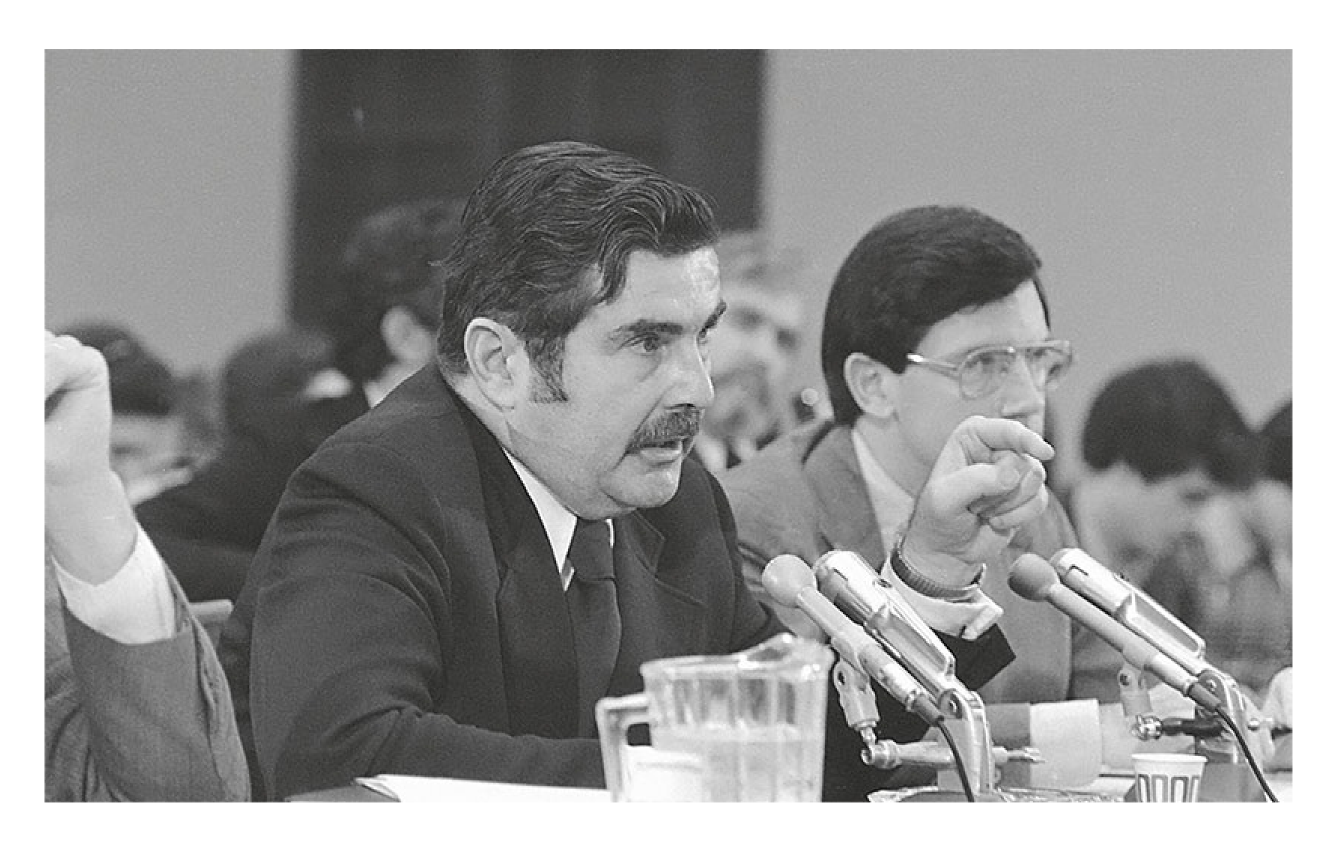

Адмирал Джон Беркли, врач Белого дома, настаивал на том, чтобы военные патологоанатомы поспешили со вскрытием тела Кеннеди в Медицинском центре ВМФ в Бетесде в ночь покушения.

Robert Knudsen. White House photographs. John F. Kennedy Presidential Library and Museum, Boston

Директор Секретной службы Джеймс Роули подвергнется самому нелицеприятному допросу со стороны комиссии из-за того, что он не наказал за пьянку накануне покушения агентов своего ведомства, ехавших в кортеже.

Служебная карьера специального агента ФБР Джеймса Хости в Далласе рухнет из-за того, что он вел наблюдение за Освальдом во время покушения и не распознал угрозы, которую тот представлял.

Маргерит Освальд часто казалась довольной тем, что стала знаменитостью. Улыбаясь, она беседует с далласским судьей Джо Брауном, который председательствовал на суде над Джеком Руби по обвинению в убийстве ее сына.

Donald Uhrbrock/Time Life Pictures/Getty Images

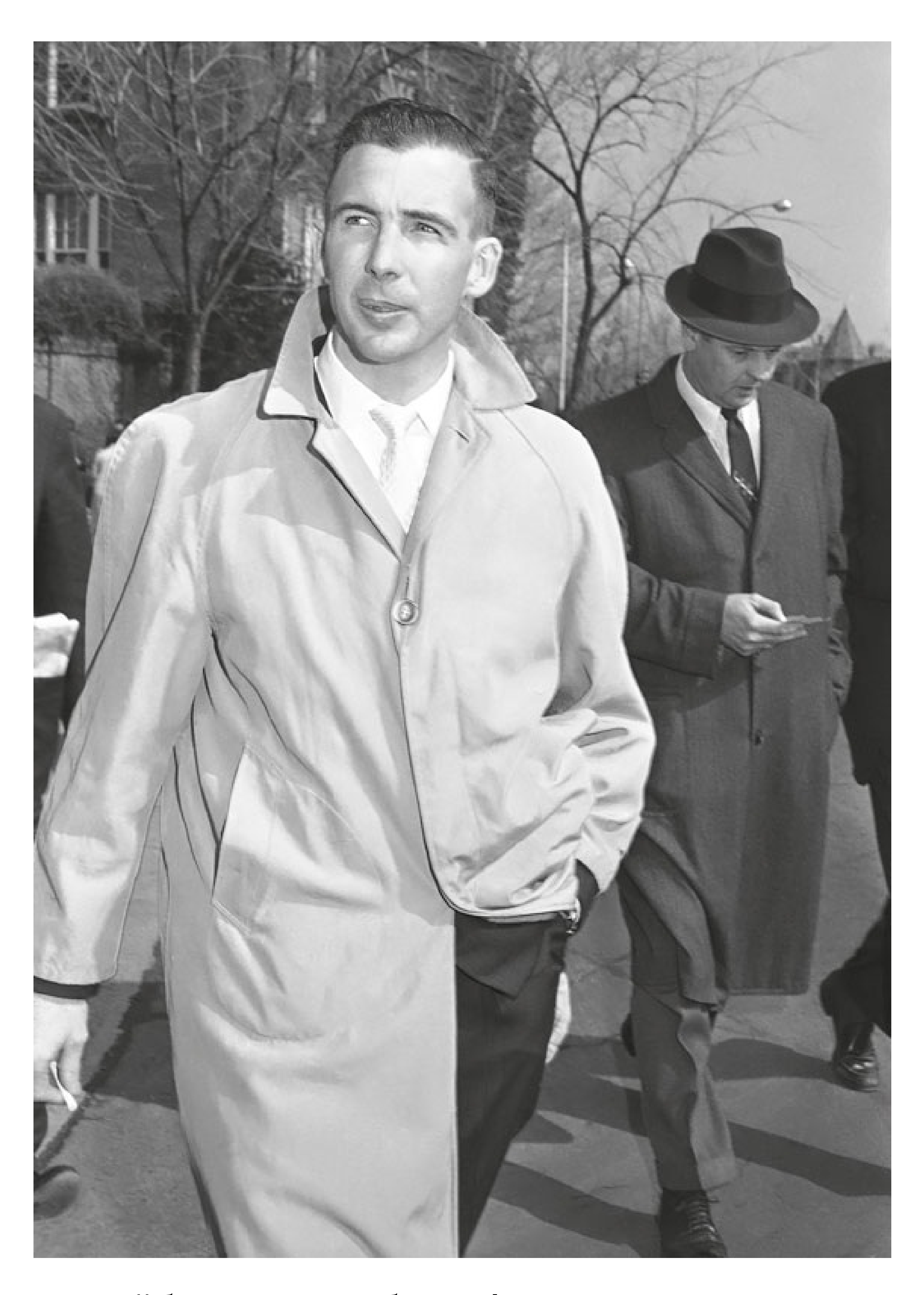

Она пригласила представлять свои интересы нью-йоркского адвоката Марка Лейна, который вскоре стал главным критиком комиссии Уоррена.

Во время поездки в Вашингтон для первой дачи показаний перед комиссией Марину сопровождал ее коммерческий менеджер Джим Мартин, чья интимная связь с Мариной вскоре оказалась в числе вопросов, рассматривавшихся комиссией.

Dallas Morning News

Старший брат Освальда Роберт 20 февраля 1964 г. в Вашингтоне, после дачи показаний перед комиссией.

AP Photo/William J. Smith

AP Photo/William J. Smith

Марина Освальд, давая в Вашингтоне показания перед комиссией Уоррена, выразила уверенность в том, что ее муж убил президента и что сделал это в одиночку.

© Bettmann/CORBIS

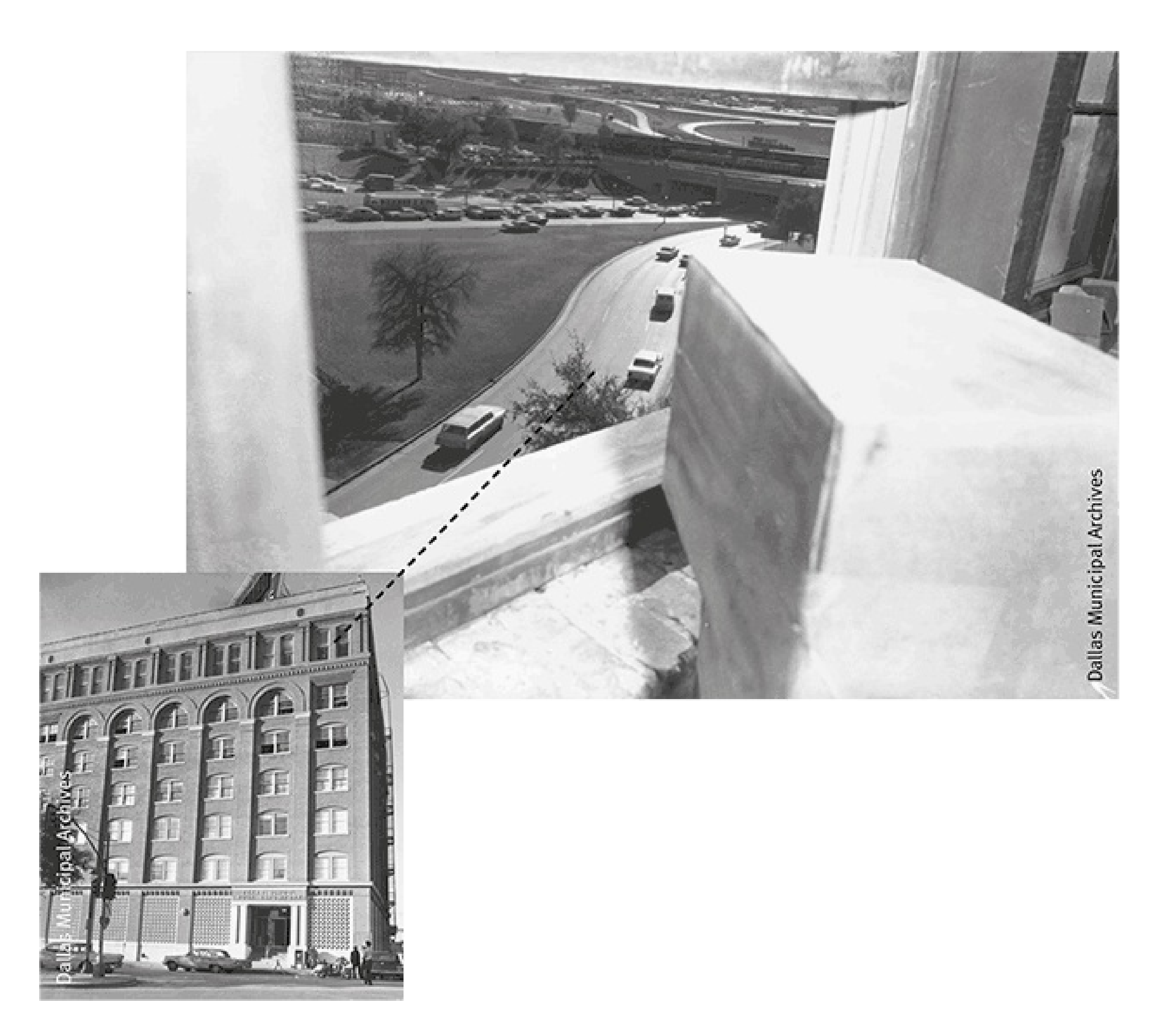

Подруга Марины Рут Пейн в Вашингтоне со своим мужем Майклом (к тому времени жившем отдельно от нее), супруги были привлечены к расследованию.

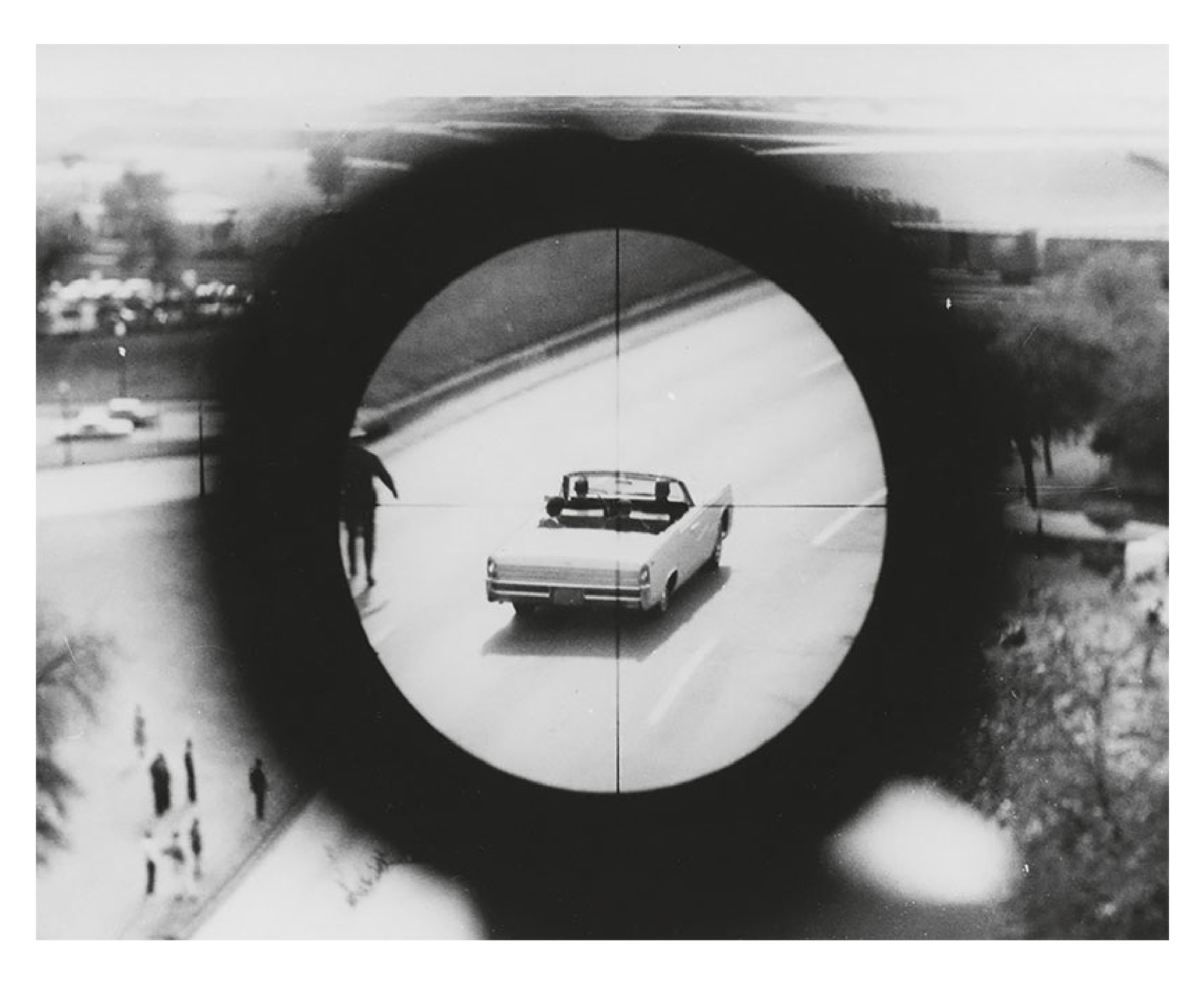

Джордж Моренширльдт, инженер-нефтяник родом из России, который пытался помогать влачившей нищенское существование чете Освальд, сказал, что прекратил дружбу с Мариной после того, как она стала открыто насмехаться над мужем, обвиняя его в импотенции.

© Bettmann/CORBIS

Комиссия установила, что Освальд произвел выстрел из своего ружья из «снайперского гнезда» возле углового окна на шестом этаже Техасского склада школьных учебников, выходящего на Дили-Плаза; штабеля из коробок с книгами не позволяли видеть, что он делает.

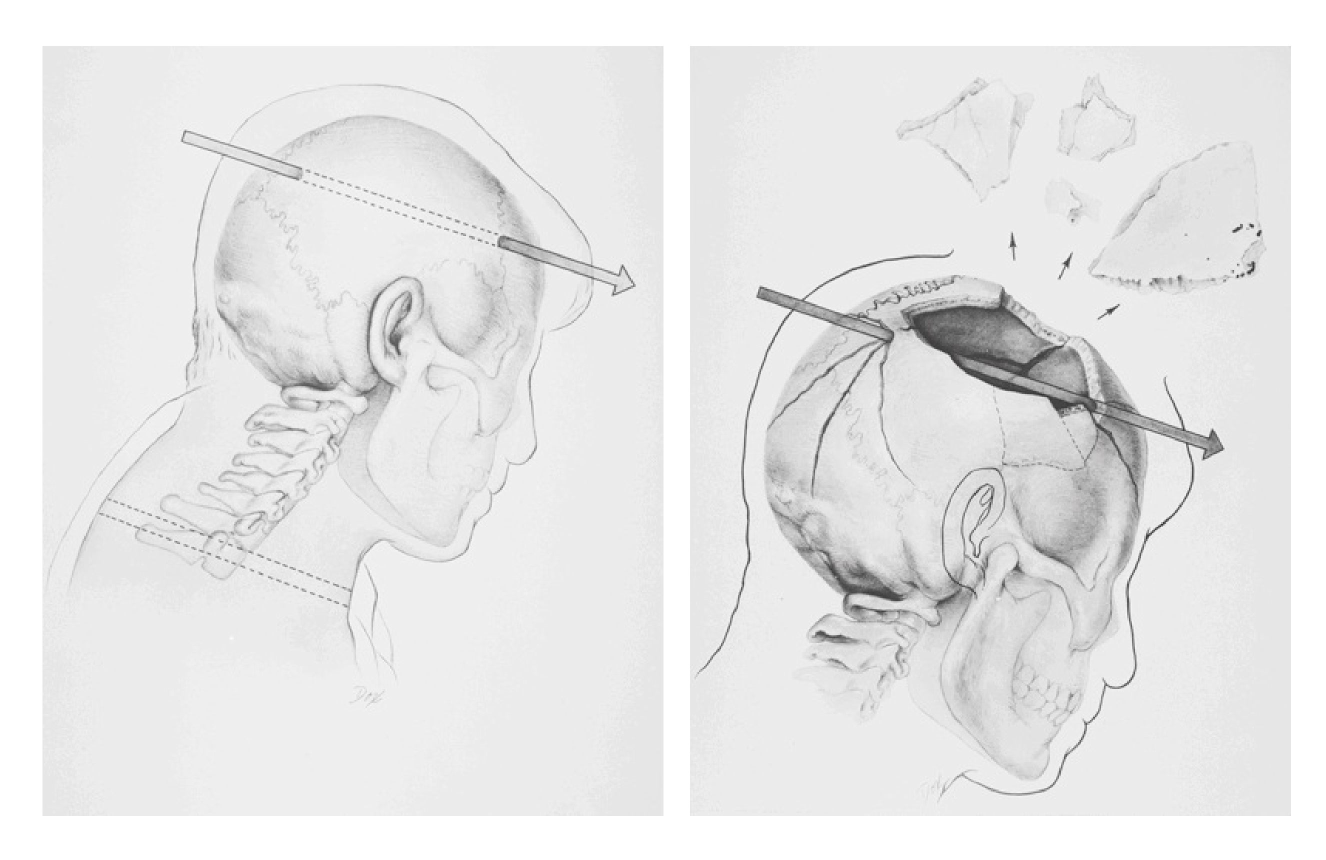
Прикрепив камеру к винтовке Освальда, сотрудники ФБР пытались понять, что видел из окна преступник в тот момент, когда выстрелил в голову президенту.

National Archives and Records Administration

Принадлежавшая Освальду винтовка Mannlicher -Carcano итальянского производства.

National Archives and Records Administration

Две выполненные художником реконструкции смертельной раны в голову.

National Archives and Records Administration

Окровавленная рубашка президента.

National Archives and Records Administration

Пуля, которая, по убеждению штатных сотрудников комиссии, попала в Кеннеди и в Коннелли.

National Archives and Records Administration

Выполненная художником на основании фотографий вскрытия реконструкция полученного президентом ранения в голову, череп пробит справа.

National Archives and Records Administration

Председатель Верховного суда Эрл Уоррен и Джеральд Форд приехали в Даллас 7 июля 1964 г., чтобы произвести осмотр Дили-Плаза и взять показания у Джека Руби. На снимке они выходят из Техасского склада школьных учебников, за ними следуют главный юрисконсульт Джеймс Ли Рэнкин и штатный юрист комиссии Джозеф Болл.

В сентябре сенатор Ричард Рассел (в центре) посетил Даллас, чтобы лично увидеть Дили-Плаза и побеседовать с Мариной Освальд. Перед Техасским складом школьных учебников к нему присоединились члены комиссии Хейл Боггс (крайний слева) и Джон Шерман Купер (крайний справа, в шляпе).

AP Photo/Ferd Kaufman

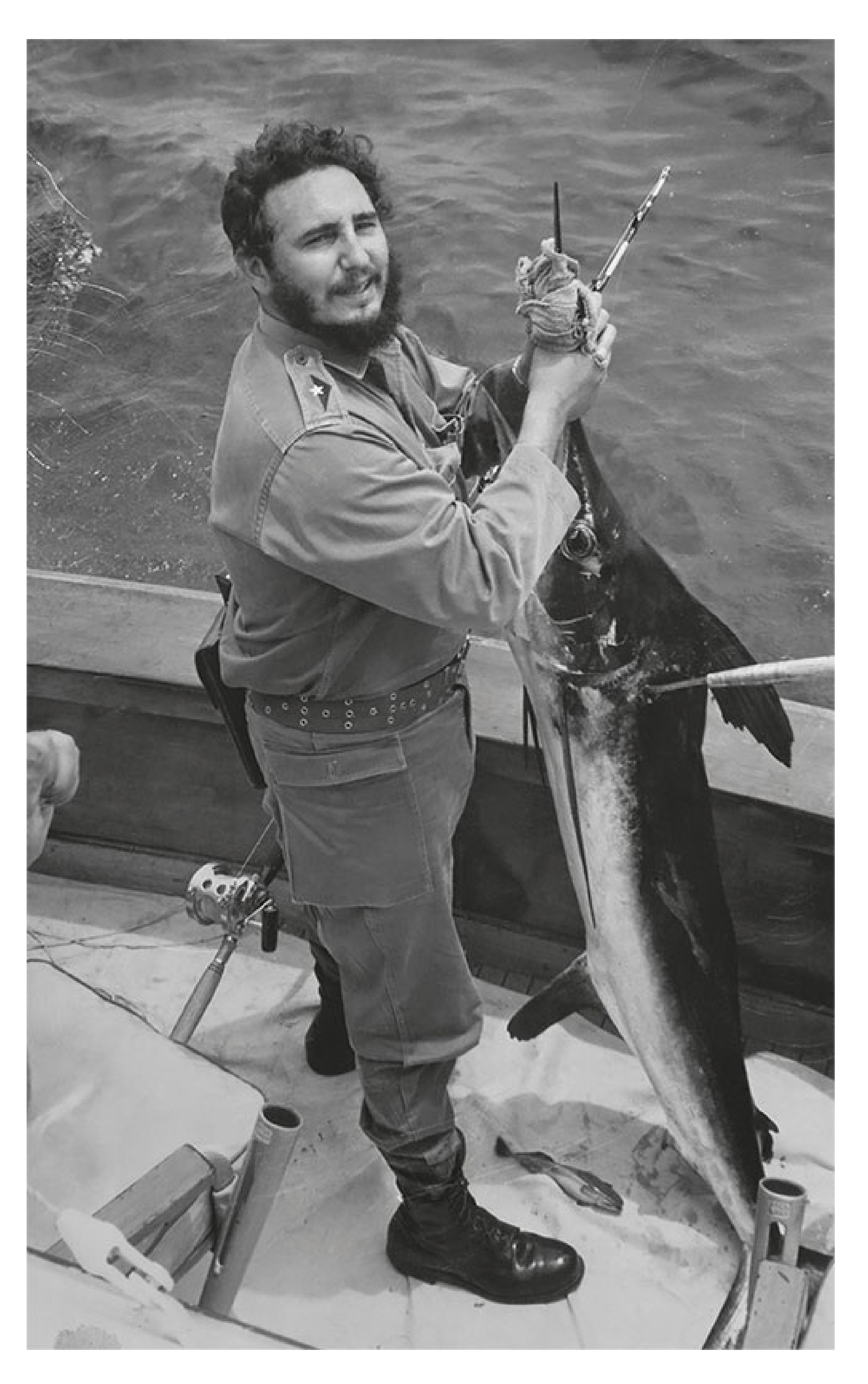
Штатные юристы комиссии несколько раз проводили ситуационные исследования, реконструируя события на Дили-Плаза. На фото Дэвид Белин в окне пятого этажа Техасского склада школьных учебников в ходе эксперимента, целью которого было установить, что именно было видно и слышно оттуда, когда из окна этажом выше были произведены выстрелы.

Courtesy of The Sixth Floor Museum at Dealey Plaza

Арлен Спектер поясняет версию одной пули, правительственные агенты находятся в лимузине в тех местах, где сидели президент Кеннеди и губернатор Коннелли.

Courtesy of The Sixth Floor Museum at Dealey Plaza

Хотя высшие должностные лица в ЦРУ и ФБР исключали версию о причастности Кубы к покушению, посол США в Мексике и некоторые другие были убеждены, что убийство связано с правительством Фиделя

другие были убеждены, что убийство связано с правительством Фиделя Кастро (на снимке он демонстрирует выловленного в Карибском море марлина).

AFP/Getty Images

На фотографии, сделанной 7 сентября 1963 г., Кастро делает заявление корреспонденту Associated Press Дэну Харкеру (тот стоит скрестив руки) во время аудиенции в Гаване. Харкер писал в статье по следам этой встречи, что Кастро грозился отомстить американскому правительству, которое обвиняло кубинских руководителей в насилии.

AP Photo

Решение штатного юриста комиссии Уэсли Либлера отрастить бороду возмутило председателя Верховного суда Уоррена, и тот приказал ее сбрить. Со временем Либлер станет «белой вороной» в комиссии и самым отчаянным нарушителем спокойствия. Будучи женат, он, работая в комиссии, хвастался своим успехом у женщин.

Estate of David Belin

Сильвия Одио, проживавшая в Далласе кубинская эмигрантка, казалось, твердо стоит на своем, заявляя, что за несколько недель до покушения видела Освальда в компании активистов, настроенных против Кастро, и год спустя жаловалась следователям от Конгресса, что Либлер пригласил ее в свой гостиничный номер и пытался соблазнить.

National Archives and Records Administration, through the Mary Ferrell Foundation

В декабре 1965 года американский дипломат Чарльз Томас (крайний справа) услышал от мексиканской писательницы Елены Гарро де Пас (в центре) , что та встретила Освальда на вечеринке с танцами в Мехико за несколько недель до покушения. Гарро уверяла, что ее двоюродная сестра Сильвия Тирадо де Дюран, сотрудница кубинского посольства, также присутствовавшая на той вечеринке, недолгое время была любовницей Освальда. Слева – дочь Гарро Хелена, она тоже рассказала, что видела Освальда на той вечеринке. Мужчина, стоящий между Еленой Гарро и ее дочерью, так и остался неизвестен.

Cynthia Thomas

Томас и его жена Синтия на вечеринке в Мехико.

Cynthia Thomas

Чарльз и Синтия Томасы на пороге своей гасиенды в Мехико, у Чарльза на руках дочь Зельда, родившаяся в Мехико в 1965 г.

Cynthia Thomas

За Сильвией Дюран, которая называла себя социалисткой и работала в кубинском консульстве в Мехико, в течение нескольких месяцев, предшествовавших покушению на Кеннеди, велась слежка как со стороны ЦРУ, так и со стороны мексиканского правительства.

Archivo General de la Naci n (Mexican national archives)

Фотографии из личного дела Дюран, сделанные после того, как мексиканская полиция арестовала ее по запросу ЦРУ.

Улыбающаяся Дюран в 1970-е годы, фотография попала в распоряжение Комитета Палаты представителей по расследованию убийств, члены которого беседовали с Дюран.

National Archives and Records Administration

«Охотник за кротами» Джеймс Энглтон оттеснил своего коллегу по Управлению, чтобы взять под контроль информацию, передаваемую комиссии Уоррена.

Глава резидентуры ЦРУ в Мехико Уинстон Скотт запечатлен на любительском видео 1962 года в день своей свадьбы, на которой присутствовал президент Мексики Адольфо Лопес Матеос (крайний слева от Скотта).

Dolph Briscoe Center for American History, The University of Texas at Austin

На следующем фото сотрудник ЦРУ Дэвид Филлипс слева от Лопеса Матеоса. Справа от Скотта будущий президент Мексики Густаво Диас Ордас.

Dolph Briscoe Center for American History, The University of Texas at Austin

Dolph Briscoe Center for American History, The University of Texas at Austin

Посол США в Мексике Томас Манн в беседе с президентом Джонсоном выразил уверенность, что Куба причастна к покушению.

LBJ Library

Окружной прокурор Нового Орлеана Джим Гаррисон утверждал в 1967 г., что раскрыл заговор в деле об убийстве Кеннеди, который комиссия Уоррена не стала расследовать – может быть, намеренно. На снимке, сделанном 28 марта 1967 г., он запечатлен вместе с Марком Лейном в Новом Орлеане.

AP Photo/Jack Thornell

В числе свидетелей Гаррисона были колоритный новоорлеанский адвокат Дин Эндрюс, который ранее рассказывал комиссии, что в первые же часы после покушения некий таинственный покровитель Освальда – Клей Бертран – попросил его отправиться в Даллас и защищать подозреваемого. Эндрюса, которого на снимке, сделанном в августе 1967 г., сопровождает шериф Нового Орлеана, впоследствии уличат в лжесвидетельстве.

Сильвия Дюран возле своего дома в 2013 г. Она по-прежнему настаивает, что никогда не встречалась с Освальдом за пределами кубинского консульства.

Alejandra Xanic von Bertrab

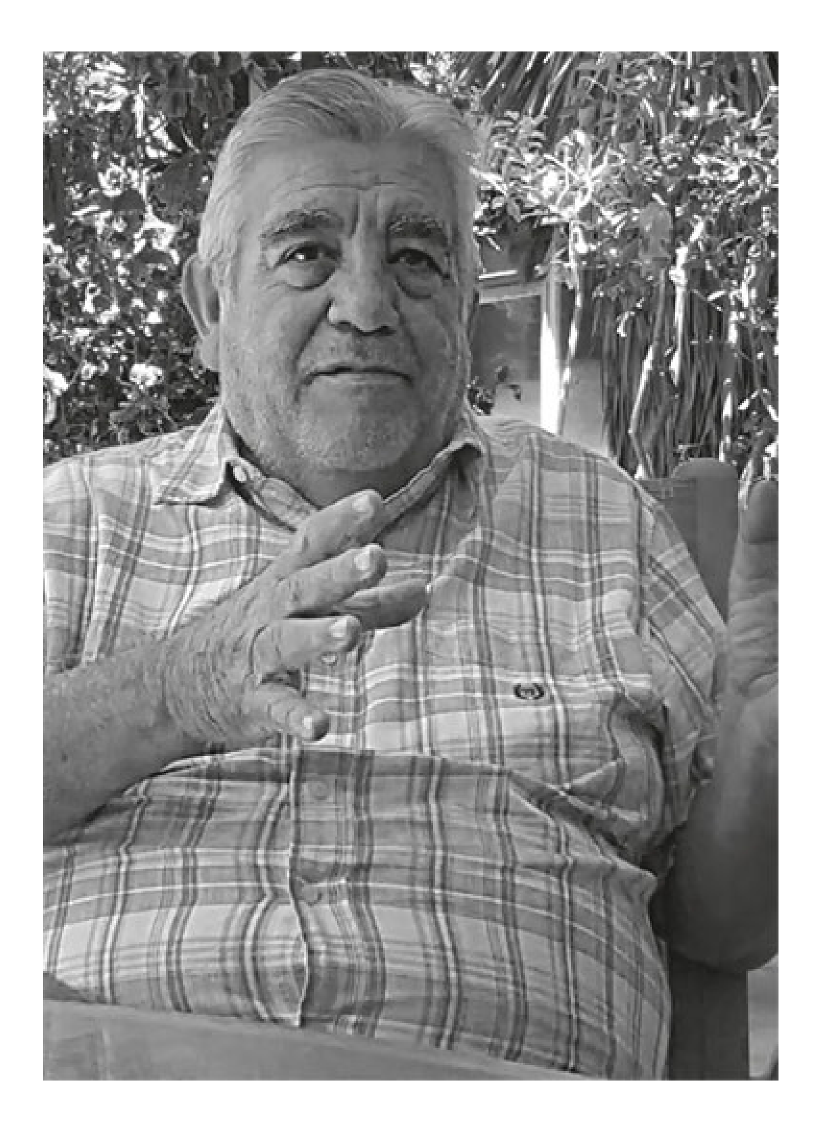
Хелена Гарро, дочь Елены Гарро, в 2013 г. в Мехико на конференции памяти ее покойной матери; она говорит, что видела Освальда на семейной вечеринке у Дюран.

Jorge Vargas/Conaculta

Сказанное Дюран опровергает ее бывшая золовка Лидия Дюран Наварро, которая хорошо помнит, как Сильвия говорила о предстоящем свидании с Освальдом.

Leticia S nchez Medel

Франсиско Герреро Гарро, известный мексиканский журналист, рассказал в 2013 году, что тоже видел Освальда на той вечеринке.

Alejandra Xanic von Bertrab

В январе 2013 г. Роберт Кеннеди-младший заявил, что его отец никогда не признавал выводов комиссии Уоррена. На фотографии с ним и с его сестрой Рори беседует телеведущий Чарли Роуз.

Carter Rose, Courtesy of ATT. Performing Arts Center, Margot and Bill Winspear Opera House, Dallas

Примечания

Комиссия Уоррена (Президентская комиссия по расследованию дела об убийстве президента Кеннеди) опубликовала заключительный 888-страничный отчет, а также 26-томное приложение с расшифровками стенограмм допросов и свидетельских показаний. В данных примечаниях для простоты основной текст отчета комиссии Уоррена назван просто «заключительный отчет», а приложение – Warren Appendix (vol. 1–26). В 1970-е годы Конгресс США санкционировал два крупных расследования, в ходе которых была пересмотрена работа комиссии Уоррена. Для первого был создан Специальный комитет палаты Конгресса по изучению правительственных операций в области разведывательной деятельности (более известный под названием комитет Черча – назван по имени председателя этого комитета сенатора Фрэнка Черча, демократа из Айдахо), в примечаниях условно назван «комитет Черча» (Church Committee). Второе расследование проводил Специальный комитет Палаты представителей по расследованию убийств (House Select Committee on Assassinations , в примечаниях сокращенно: HSCA). В 1992 году, в ответ на распространение версий заговора, популярность которых возросла после выхода на экраны фильма Оливера Стоуна JFK («Джон Ф. Кеннеди: выстрелы в Далласе»), Конгресс США учредил Совет по пересмотру материалов дела об убийстве Кеннеди – с целью пересмотра и публикации документов, имеющих отношение к этому убийству. Далее в примечаниях этот совет (Assassination Records Review Board) назван сокращенно ARRB . Большая часть материалов комиссии Уоррена хранится в Национальном управлении архивов и документации (National Archives and Records Administration , в примечаниях сокращенно: NARA). Другие ценные документальные материалы о работе комиссии обнаружены в Библиотеке Конгресса США (Library of Congress , сокращенно: LOC), в Президентской библиотеке Джеральда Форда в г. Анн-Арбор, штат Мичиган (Gerald R. Ford Presidential Library , сокращенно: Ford Library), Президентской библиотеке Линдона Джонсона (Lyndon Baines Johnson Presidential Library , сокращенно: LBJ Library), Президентской библиотеке Джона Кеннеди в Бостоне (John F. Kennedy Presidential Library , сокращенно: JFK Library) и в Библиотеке Ричарда Рассела в библиотеке Университета Джорджии в г. Атенс, штат Джорджия (Richard B. Russell Library , сокращенно: Russell Library).

Через десятки лет после убийства Кеннеди буквально все документы ФБР для внутреннего пользования, имеющие отношение к комиссии Уоррена и делу об убийстве президента, были рассекречены и в наши дни доступны

широкой общественности. Большая их часть представлена в электронном виде, в основном в хронологическом порядке, при поддержке Фонда Мэри Феррелл (Mary Ferrell Foundation) и других организаций, занимающихся историей убийства Кеннеди, а также Национального архива. Некоторые архивы ФБР, в которых представлены документы, связанные с делом об убийстве президента Кеннеди (в примечаниях этот источник назван для краткости FBI – ФБР), можно найти на веб-сайте Фонда Мэри Феррелл по адресу:

http://www.maryferrell.org/wiki/index.php/JFK_Documents_-_FBI.

Я был первым из исследователей, кто получил доступ к расшифровкам интервью, которые покойный сенатор Арлен Спектер давал в 2000 году для своих воспоминаний Passion for Truth («Стремление к правде»). Эти записи хранятся в Университете Филадельфии, в Центре общественной политики имени Алена Спектера. Центр открылся в 2013 году. В этих записях есть материал, который сенатор решил не включать в книгу, в том числе критические замечания в адрес Эрла Уоррена и работы комиссии. Поэтому интервью, данные Спектером для его воспоминаний, называются Расшифровкой воспоминаний Спектера, а материалы из моих интервью называются Интервью Спектера.

Пролог

1 Свидетельство о смерти, выданное отделом здравоохранения округа Колумбия; интервью Синтии Томас.

2 Термин «отчислен» рассматривается в анонимной статье Undiplomatic Reforms. Time, 15 ноября 1971 г.

3 Интервью Синтии Томас.

4 Копии служебных записок Томаса предоставлены его женой Синтией. Копии имеются также в архиве Комитета Палаты представителей по расследованию убийств, NARA .

5 Интервью Синтии Томас.

5 Интервью Синтии Томас.

6 Личное дело Чарльза Томаса в Госдепартаменте было получено от Синтии Томас; интервью Синтии Томас.

7 Warren Report , pp. 21, 24.

8 Биографические данные Гарро получены из нескольких источников, в том числе: Cypess. Uncivil Wars и из некролога Гарро в The New York Times от 28 августа 1998 г.

9 Биографические данные Скотта и информация о его дружбе с Энглтоном приводятся в: Morley. Our Man in Mexico (биография Скотта).

10 The Washington Post , 14 апреля 1971 г.

11 Интервью бывшего следователя Палаты представителей. Источник пожелал остаться анонимным.

12 Интервью Бэя.

13 Интервью с бывшим юристом из комиссии Уоррена. Источник пожелал остаться анонимным.

14 Интервью Хости.

15 Warren Report , p. 1.

16 Introduction to the Records of the Warren Commisison , веб-сайт NARA , http://www.archives.gov/research/jfk/warren-commission-report/intro.html.

17 The Washington Post от 5 февраля 2011 г. Слова президента Кеннеди приводятся в статье ‘Remembering Jackie’. The New Yorker, 30 мая 1994 г.

18 Associated Press , 2 апреля 1997 г.

19 Collection Summary: Earl Warren, 1864–1974, веб-сайт LOC , http://lccn.loc.gov/mm82052258

Глава 1

Глава 1

1 Показания доктора Джеймса Хьюмса (далее: Показания Хьюмса). ARRB , February 13, 1996, p. 138. Хьюмсу пришлось давать показания и интервью о процедуре вскрытия в ходе нескольких правительственных расследований, включая интервью комиссии медицинских экспертов, нанятых HSCA 16 сентября 1977 г. в Вашингтоне, а затем менее подробные показания для HSCA 7 сентября 1978 г. (далее: Свидетельство Хьюмса).

2 Показания Хьюмса, p. 135. Описание дома из интервью с сыном Хьюмса – Джеймсом-младшим.

3 Слова Жаклин Кеннеди процитированы Беркли в интервью, опубликованном в JFK Library , October 17, 1967, p. 8. (далее: Интервью Беркли для JFK Library).

4 Наиболее достоверно этот разговор на Борту номер один был передан Уильямом Манчестером в его книге The Death of a President (pp. 349–350), авторизованной членами президентской семьи. См. также: Интервью Беркли для JFK Library , passim.

5 Допрос Торнтона Босуэлла. ARRB , February 26, 1996, p. 15 (далее: Показания Босуэлла).

6 Ibid., p. 18.

7 Показания Хьюмса, p. 51.

8 Ibid., p. 57.

9 Показания Хьюмса, p. 14.

10 Ibid., p. 46. См. также: Показания Хьюмса, Интервью Хьюмса.

11 Показания Босуэлла, p. 101.

12 Ibid., p. 24. Интервью Беркли для JFK Library .

13 Manchester. Death , p. 348.

14 Показания Хьюмса, p. 29.

15 Показания Босуэлла, p. 11.

16 Показания Хьюмса, p. 38.

17 Ibid., p. 148.

18 Показания Босуэлла, p. 109.

19 Интервью Хьюмса, p. 243.

20 Показания Хьюмса, pp. 34, 113.

21 Интервью Хьюмса, p. 257.

22 Показания Хьюмса, pp. 125, 126; Boswell Deposition, p. 111.

23 Свидетельство Хьюмса, p. 5.

24 Показания Хьюмса, p. 126.

25 Ibid., pp. 133–135.

26 Интервью Хости; Hosty. Assignment: Oswald , pp. 59, 29.

Глава 2

1 Warren. The Memoirs of Chief Justice Earl Warren , p. 351.

2 Цитата приведена в данном виде в: Warren. Memoirs , p. 351. (Некрологи Макхью передают это иначе: «Сообщается, что президент был застрелен в кортеже, проезжавшем через Даллас, штат Техас».)

3 Warren. Memoirs , p. 352.

4 Ibid., pp. 351–52.

5 Ibid.

6 Manchester. Death , p. 205.

7 Цитата из Уоррена по: Weaver. Warren, the Man, the Court, the Era , p. 300.

8 Недатированное письмо Уоррена к журналисту Джиму Бишопу. Warren Commission correspondence files, Earl Warren papers, LOC .

9 Warren. Memoirs, p. 260.

10 Данное высказывание часто приписывалось Эйзенхауэру, в том числе в его некрологе, написанном Эрлом Уорреном, опубликованном в The New York Times 10 июля 1974 г. Несмотря на то что друзья и советники Эйзенхауэра считали, что это высказывание отражало его отношение к Уоррену, есть сомнения, что Эйзенхауэр когда-либо это говорил.

11 Warren statements, November 22, 1963. Earl Warren papers, LOC .

12 Warren. Memoirs, p. 352; Johnson. The Vantage Point , p. 26; Warren. Memoirs , p. 352.

13 Warren. Memoirs, pp. 352–53.

14 По версии, опубликованной в Warren. Memoirs , pp. 353–354.

15 Записка Рассела от 5 декабря 1963 г., Russell Library .

16 Holland. The Kennedy Assassination Tapes , pp. 196–206.

17 Thomas. Robert Kennedy: His Life , p. 276.

18 Manchester. Death , p. 196.

19 Schlesinger. Robert Kennedy , p. 608.

20 Guthman. We Band of Brothers , p. 244.

21 The New York Times , 25 апреля 1966 г. В статье сообщалось: «Когда вся масштабность катастрофы в заливе Свиней дошла до сознания президента Кеннеди, он сказал одному из своих высокопоставленных сотрудников,

что хотел бы “расколоть ЦРУ на тысячу частей и развеять их по ветру”».

22 Walter Sheridan. RFK Oral History Project . JFK Library, 12 июня 1979 г. Процитировано в Schlesinger. Robert Kennedy , p. 616.

23 Thomas. His Life , p. 277.

Глава 3

1 Выражение «Дядюшка с Юга» помощниками Кеннеди несколько раз упоминается в: Caro. The Passage of Power , passim.

2 По словам Джонсона в телефонном разговоре с помощником Баллом Мойерзом 26 декабря 1966 г.; опубликовано в: Holland. The Kennedy Assassination Tapes , p. 363.

3 Manchester. Death , p. 220.

4 Johnson. The Vantage Point , p. 12.

5 Отдельные элементы данной сцены передаются в Johnson. The Vantage Point ; Manchester. Death и Caro. Passage.

6 Manchester. Death , p. 320.

7 Отдельные элементы данной сцены передаются в: The Vantage Point , а также в: Manchester. Death и Caro. Passage.

8 Caro. Passage , p. 410.

9 Guthman and Shulman (eds.). Robert Kennedy, in His Own Words , pp. 417, 411.

10 Дневники Пирсона за ноябрь 1963 г. Архив Пирсона, LBJ Library . (Пирсон неверно указывает дату: 2 ноября было не пятницей, а четвергом).

11 Слова Джонсона с похвалой Гуверу. 8 мая 1964 г. По запросу с сайта

American Presidency Project , http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=26236.

12 Time , 5 февраля 1973 г.

13 Телефонный разговор между Джонсоном и Гувером 29 ноября 1963 г. Holland. The Kennedy Assassination Tapes , p. 147.

14 Caro. Passage , p. 374.

15 Holland. The Kennedy Assassination Tapes , pp. 68–73.

16 Ibid., pp. 87–89.

17 Телефонный разговор Джонсона с журналистом Джозефом Алсопом 25 ноября 1963 г. Holland. The Kennedy Assassination Tapes , p. 98.

18 Johnson. The Vantage Point , p. 26.

Глава 4

1 История семейства Освальдов, включая биографию Маргерит Освальд, подробно изложена в: Warren Report , pp. 69–80.

2 Robert Oswald. Lee: A Portrait of Lee Harvey Oswald , pp. 32–33.

3 Ibid., p. 33.

4 Bob Schieffer. A Ride for Mrs. Oswald . Texas Monthly, январь 2003 г.

5 Oswald. Lee: A Portrait , p. 178.

6 Показания Роберта Эдварда Ли Освальда. 20 февраля 1964 г. Warren Appendix , vol. 1, p. 346.

7 Заявление Марины Освальд, 19 февраля 1964 г., сделанное в Далласе, штат Техас. Расшифровка записи ФБР опубликована в: Aynesworth. JFK: Breaking the News , p. 146.

8 Lewis. The Scavengers and Critics of the Warren Report , p. 65.

9 Интервью Лейна. Lewis. Scavengers , p. 24.

Глава 5

1 Johnson. The Vantage Point , pp. 26–27.

2 Warren. Memoirs , pp. 355–356.

3 Time . 17 ноября 1967 г.

4 Warren. Memoirs , p. 356.

5 Conot. Justice at Nuremberg , p. 63.

6 Johnson. The Vantage Point , p. 27.

7 Warren. Memoirs , p. 356.

8 Подробнее об «обращении по Джонсону» см.: Tom Wicker. Remembering the Johnson Treatment . The New York Times, 9 мая 2002 г.

9 Warren. Memoirs , p. 357.

10 Johnson. The Vantage Point , p. 27; Warren. Memoirs , p. 357.

11 Warren. Memoirs , p. 357.

12 Johnson. The Vantage Point , p. 27; Warren. Memoirs , p. 358.

13 Warren. Memoirs , p. 358.

14 Телефонный разговор между Джонсоном и сенатором Томасом Качелом. 29 ноября 1963 г. Цитируется по: Holland. The Kennedy Assassination Tapes , p. 193. См. также: Интервью Джонсона, опубликованное Дрю Пирсоном. Архив Пирсона, LBJ Library .

В недатированном интервью Пирсона Джонсон говорит, что предупредил Уоррена о донесениях по поводу 6,5 тысяч долларов, заплаченных Освальду.

15 Warren. Memoirs , p. 358.

16 Johnson. The Vantage Point , p. 27.

17 Ibid.

18 Holland. The Kennedy Assassination Tapes , pp. 153–159.

19 Warren. Memoirs , p. 356.

20 Дневники Пирсона. Ноябрь 1963 г., Архив Пирсона, LBJ Library .

Глава 6

1 Служебная записка Гувера Толсону, 22 июня 1964 г. FBI .

2 Gentry. J. Edgar Hoover: The Man and the Secrets , p. 410.

3 Подборка неопубликованных материалов об Уоррене сделана Дрю Пирсоном на основе многочисленных интервью с ним. Архив Пирсона, LBJ Library .

4 Телефонный разговор между Джонсоном и Гувером 25 ноября 1963 г. Holland. The Kennedy Assassination Tapes , p. 95.

5 Служебная записка Делоака Мору 7 февраля 1964 г. Тема: «Убийство президента: Освальд как осведомитель ФБР». Несмотря на то, что Гувер отрицал ответственность ФБР за снятие кандидатуры Олни, служебные записки и другие документы говорят об обратном.

6 Протоколы закрытых заседаний комиссии Уоррена. 5 декабря 1963 г., NARA .

7 Служебная записка Белмонта Толсону. 3 декабря 1963 г., FBI.

8 Associated Press . «Отчет ФБР об Освальде почти готов» по публикации в Star News (Пасадена, Калифорния), 3 декабря 1963 г. (доступ через newspaperarchive.com).

9 Протоколы закрытых заседаний комиссии Уоррена, 5 декабря 1963 г., NARA .

10 Протоколы закрытых заседаний комиссии Уоррена, 6 декабря 1963 г., p. 8.

11 Протоколы закрытых заседаний комиссии Уоррена, 5 декабря 1963 г., NARA ., p.8.

12 Ibid., p. 1.

13 Ibid., pp. 1–3.

14 Ibid., pp. 1–2.

15 Ibid., p. 2.

16 Ibid., p. 40.

17 Ibid., pp. 40, 2.

18 Ibid., p. 2

19 Esquire , май 1962 г. Хотя эта статья была написана не без иронии, сомневаться не приходилось, что Макклой заслуживал это прозвище.

20 Протоколы закрытых заседаний комиссии Уоррена, 5 декабря 1963 г., p. 37.

21 Ibid..

22 Ibid..

23 Ibid..

24 Ibid..

24 Ibid..

25 Ibid., p. 39.

26 Ibid., p. 53.

27 Ibid..

28 Ibid., p. 39.

29 Ibid., pp. 43–46, 55.

30 Ibid., p. 45.

31 Ibid., pp. 46–47.

32 Ibid., p. 46.

33 Ibid., p. 48.

34 Ibid., p. 50.

35 Ibid., pp. 55, 62.

36 Ibid., p. 62.

37 Ibid., p. 68.

38 Протоколы закрытых заседаний комиссии Уоррена, 6 декабря 1963 г., p. 21.

39 Ibid., pp. 4–6.

40 Ibid., p. 4.

41 Ibid., p. 6.

42 Ibid., p. 6.

43 Brown v. Board of Education , 347 U. S. 483 (1954).

44 Протоколы закрытых заседаний комиссии Уоррена, 6 декабря 1963 г.,

p. 6.

45 Ibid., p. 10.

46 Ibid., p. 20.

47 Ibid., p. 12.

48 Ibid.

49 Ibid.

50 Ibid.

Глава 7

1 Служебная записка Делоака Мору, 12 декабря 1963 г. FBI . После публикации служебных записок Делоака через несколько десятилетий Форд не вступал в полемику относительно их содержания, однако отрицал, что у него были какие-либо контакты с ФБР по поводу работы комиссии после декабря 1963 года.

2 Gerald R. Ford Biography. Ford Library, http://www.fordlibrarymuseum.gov/grf/fordbiop.asp.

3 Речь Форда 8 июля 1949 года. Congressional Record, House of Representatives .

4 Служебная записка Делоака Мору, 12 декабря 1963. FBI .

5 Sullivan. The Bureau , p. 53.

6 Служебная записка Дженкинса, 24 ноября 1963 г., цитируется по: Church Committee , vol. 5, pp. 32–43.

7 Слова Гувера, зафиксированные в заключительном отчете Комитета Палаты представителей по расследованию убийств. HSCA final report ,

p. 244.

8 Ibid.

9 Полный отчет ФБР «Расследование убийства президента Джона Ф. Кеннеди». 9 декабря 1963 г., доступен на сайте Mary Farrell Foundation, http://www.maryferrell.org/mffweb/archive/viewer/showDoc.do?docId=10402relPageId=4.

10 Протоколы закрытых заседаний комиссии Уоррена. 16 декабря 1963 г. NARA .

11 Ibid., pp. 1–2.

12 Ibid., p. 2.

13 Ibid., p. 12.

14 Ibid., p. 11.

15 Ibid., p. 12.

16 Ibid.

17 Ibid., p. 33.

18 Ibid., pp. 19–20.

19 Ibid., p. 22.

20 Ibid., p. 24.

21 Ibid., pp. 25–26.

22 Ibid., p. 10.

23 Ibid., pp. 35, 55.

24 Ibid., p. 54.

25 Ibid., p. 55.

26 Ibid., p. 57.

27 Ibid., p. 59.

28 Служебная записка Гувера Толсону. 22 декабря 1963 г. FBI.

29 Служебная записка Толсона Мору. 17 декабря 1963 г. FBI.

Глава 8

1 Интервью Джеймса Рэнкина.

2 Интервью Сары Рэнкин.

3 The New York Times , 30 июня 1996 г.

4 Интервью Джеймса и Сары Рэнкин.

5 Интервью Сары Рэнкин

6 Показания Д. Л. Рэнкина HSCA , 17 августа 1978 г. NARA.

7 Интервью Джеймса и Сары Рэнкин.

8 Показания Говарда Уилленса HSCA , 17 ноября 1977 г., p. 312.

9 Ibid., p. 327.

10 Ibid., p. 322.

11 В своих показаниях для HSCA Редлик признавал, что ему не хватает опыта в уголовном праве и ведении расследований. HSCA , 8 ноября 1978 г., p. 109.

12 См.: Некролог Редлика, написанный деканом Школы права Университета Нью-Йорка, 13 июня 2011 г., опубликованный на сайте школы:

https://www.law.nyu.edu/ecm_dlv3/group./public/@nyu_law_website__news__r

Глава 9

1 Warren. Memoirs , p. 371.

2 Вскрытие тела президента Джона Фитцджеральда Кеннеди. FBI . 26 ноября 1963 г. Доступ через веб-сайт history-matters.com. http://www.history-matters.com/archive/jfk/arrb/master_med_set/md44/html/Ima

3 Warren. Memoirs , pp. 371–372.

4 Интервью Спектера. См. также: Specter. Passion for Truth , p. 36. См. также: The New York Times , 10 ноября 1964 г.

5 Интервью Спектера. Specter, Passion , pp. 43–45.

6 Интервью Спектера. См. также: Specter. Passion , passim.

Глава 10

1 Интервью Слосона.

2 Интервью Слосона.

3 Интервью Коулмана. См. также: Coleman. Counsel for the Situation , pp. 171–78.

4 Guthman and Shulman. Robert Kennedy , p. 252.

5 Helms. A Look over My Shoulder , pp. 59–60.

6 Schlesinger. Robert Kennedy , p. 446.

Глава 11

1 Подробные сведения о заседании – в свидетельских показаниях Уиттена, данных комитету Черча 7 мая 1976 г. (далее: Показания Уиттена в Сенате), а также в его показаниях, данных HSCA 16 мая 1978 г. (далее: Показания Уиттена в Палате представителей;), NARA .

2 Показания Уиттена в Сенате, passim.

3 Описание характера и личности Уиттена по Jefferson Morley. The Good Spy. Washington Monthly, December 2003, pp. 40–44; описание должности и обязанностей Уиттена в ЦРУ по: Показания Уиттена в Сенате.

4 Тот факт, что Уиттен проработал дело Освальда в документах ЦРУ, засвидетельствован в: Показания Уиттена в Палате представителей, passim.

5 Хелмс действительно сообщил о том, что «полномочия Уиттена будут расширены». Показания Уиттена в Палате представителей, passim.

6 Показания Уиттена в Сенате, p. 76000140417

7 Цитируется по: Показания Уиттена в Палате представителей, p. 1–112/001894.

8 Имена присутствовавших на совещании перечислены в Показаниях Уиттена в Сенате, p. 76000140429.

9 Показания Уиттена в Сенате, p. 76000140459; Показания Уиттена в Палате представителей, p. 1–71/001852.

10 Цитата по: Показания Уиттена в Палате представителей, p. 1–74/001855.

11 Энглтон был склонен к паранойе. Показания Уиттена в Палате представителей, p. 1–167/001949.

12 Martin. Wilderness of Mirrors , p. 10.

13 Показания Уиттена в Сенате, р. 76000140459.

14 Обе цитаты в данном абзаце по Показаниям Уиттена в Палате представителей, р. 1–71/001852.

15 Ibid., р. 1–50/001831

16 Показания Уиттена в Палате представителей, р. 1–167/001949

17 Показания Уиттена в Палате представителей, р. 1–169/001951

18 Показания Уиттена в Сенате, р. 76000140452.

19 Цитаты об отношениях между Энглтоном и Гувером и ФБР по: Показания Уиттена в Палате представителей, р. 1–169/001951.

20 Показания Уиттена в Сенате, р. 76000140472.

21 О тесных контактах Энглтона с Алленом Даллесом сообщается в Показаниях Уиттена в Сенате, р. 76000140469; Показания Уиттена в Палате представителей, р. 1–73/001854.

22 Показания Уиттена в Палате представителей, р. 1–131/001913.

23 Ibid.

24 Ibid., р. 1–135/00191725 Показания Уиттена в Сенате, р. 76000140473; Whitten House Testimony, pp. 1–30/001811 и 1–47/001828.

26 Показания Уиттена в Палате представителей, рр. 1–15/001796 и 1–103-А/001885.

27 Ibid., р. 1–50/001832.

28 Ibid., р. 1–18/001799.

29 Показания Уиттена в Сенате, р. 76000140458.

30 Показания Уиттена в Палате представителей, рр. 1–51/001833 и 1–56/001837.

31 Показания Уиттена в Палате представителей, p. 1–136/001918.

32 Ibid., pp. 1–129/001911 до 1–131/0013.

33 Ibid., p. 1–163/001945

34 Ibid.

35 Показания Уиттена в Палате представителей, pp. 1–61/001837 до 1–68/001849.

36 Биография Скотта см.: Morley. Our Man in Mexico.

37 Интервью с Энн Гудпасчур, HSCA , 20 ноября November 1978 г. JFK Records , RIF: 180-10110-10028, NARA .

38 Morley. Our Man , p. 84.

39 Показания Энн Гудпасчур, ARRB , p. 36, NARA . См. также: Morley. Our Man .

40 Показания Энн Гудпасчур, p. 31.

41 Показания Энн Гудпасчур, p. 14.

42 См.: Morley. Our Man , passim. См. также: Показания Энн Гудпасчур, интервью с Энн Гудпасчур, passim.

43 Интервью Морли с Гудпасчур, 2–3 мая 2005 г., цитируется по Morley. Our Man , p. 257.

44 Служебная записка от офицера ЦРУ Скотта Брекинриджа «Беседа с Энн Гудпасчур», 18 июля 1978 г. NARA (document: 1993.08.09.10:37:28:500060). См. также: Показания Энн Гудпасчур, pp. 27, 32. См. также: Morley. Our Man , passim.

Глава 12

1 Показания Джона Сельсо (псевдоним Джона Уиттена). Показания Уиттена в Сенате, p. 76000140416, NARA . См.: www.maryferrell.org (доступ открыт с 13 мая 2013 г.).

2 Показания Уиттена в Палате представителей, pp. 1–114/001896–1–116/001898.

3 Показания Уиттена в Сенате, pp. 76000140443, 76000140446.

4 Показания Уиттена в Сенате, p. 76000140417; Показания Уиттена в Палате представителей, p. 1–73/001854.

5 Показания Уиттена в Палате представителей, p. 1–74/001855.

6 Показания Уиттена в Сенате, p. 76000140469; Показания Уиттена в Палате представителей, pp. 1–73/001854–1–74/001855.

7 Показания Уиттена в Палате представителей, p. 1–74/001855.

8 Показания Уиттена в Палате представителей, pp. 1–74/1855, 1–114/001896–1–116/001898; Показания Уиттена в Сенате, pp. 76000140417–76000140418.

9 Показания Уиттена в Палате представителей, p. 1–114/001896.

10 Показания Уиттена в Сенате, p. 76000140473. Об этом эпизоде см. также: Показания Уиттена в Палате представителей, pp. 1–115/001897–1–116/001898.

11 Эпизод описан в: Показания Уиттена в Палате представителей, pp. 1–115/001897–1–116/001898.

12 Показания Уиттена в Сенате, p. 76000140472.

13 Ibid.

14 О возмущении Уиттена: Ibid., см. ibid., pp. 76000140441, 76000140466, 76000140495; Показания Уиттена в Палате представителей, pp. 1–137/001918, 1–153/001935.

15 Показания Ричарда Хелмса HSCA , 1978. JFK Assassination Files , CIA NARA , record number: 104-10051-10025, p. 9. См. также: Показания Уиттена в Сенате, pp. 76000140471–76000140471 и Показания Уиттена в Палате представителей, pp. 1–115/001897–1–116/001898.

16 Показания Уиттена в Палате представителей, pp. 1–4/001784, 1–5/001785.

17 Powers. The Man Who Kep. the Secrets , p. 3.

18 Показания Хелмса в Палате представителей, p. 10.

19 Ibid., 22 сентября 1978 г., HSCA , p. 172.

20 Интервью Слосона. См. также: Показания Дэвида Слосона от 15 ноября 1977 г., HSCA . Цит. по: HSCA Security Classified Testimony, получено из Assassination Archives and Research Center (доступ открыт 22 мая 2013 г.).

21 Интервью Слосона.

22 Интервью Слосона. См. также: Показания Реймонда Рокки от 17 июля 1978 г. HSCA . Цит. по: HSCA Security Classified Testimony, получено из Assassination Archives and Research Center (доступ открыт 22 мая 2013 г.).

23 См.: Некролог Рокки. Raymond Rocca, CIA Deputy and Specialist on Soviets, 76. The Washington Post , 14 ноября 1993 г.

24 Интервью Слосона.

25 Church Committee , vol. 5, pp. 57–58.

26 Memorandum for Chief, Subject; Documents Available in Oswald’s 201 file. 20 февраля 1964 г. Воспроизведено по стенограмме показаний Хелмса от 22 сентября 1978 г.

Глава 13

1 Интервью Уоррена, данное Альфреду Голдбергу 26 марта 1974 г. Найдено в материалах комиссии Уоррена, Warren papers, LOC .

2 Там же.

3 Показания Рэнкина.

4 Belin. Final Disclosure , p. 50.

5 Belin. November 22, 1963: You Are the Jury , p. 4.

6 Интервью Гриффина.

7 Интервью Гриффина.

8 Интервью Гриффина. См. также: Показания Гриффина HSCA 17 ноября 1977 г.

9 Интервью Гриффина.

10 Интервью Гриффина.

11 Интервью Гриффина.

12 Интервью Эйзенберга.

13 Интервью Гриффина, Слосона и Спектера.

14 Интервью Спектера.

Глава 14

1 Интервью Эйнсворта. См. также: Aynesworth. JFK: Breaking the News , passim.

2 Интервью Эйнсворта.

2 Интервью Эйнсворта.

3 Интервью Эйнсворта; Aynesworth. JFK: Breaking , p. 7.

4 Интервью Эйнсворта; Aynesworth. JFK: Breaking , pp. 6–7.

5 История газеты Dallas Morning News доступна на сайте Исторической ассоциации штата Техас, http://www.tshaonline.org/handbook/online/articles/eed12 (взято 15 июня 2013 г.).

6 Manchester, Death , p. 121.

7 Описания Эйнсворта, взято из: William Broyles. The Man Who Saw Too Much. Texas Monthly, March 1976.

8 Интервью Эйнсворта; Aynesworth. JFK: Breaking , p. 22.

9 Интервью Эйнсворта; Aynesworth: JFK: Breaking , p. 29.

10 Aynesworth, JFK: Breaking , p. 33.

11 Интервью Эйнсворта; Aynesworth. JFK: Breaking , p. 47.

12 Интервью Эйнсворта; Aynesworth. JFK: Breaking , pp. 104–116.

13 Интервью Эйнсворта.

14 Aynesworth. JFK: Breaking , p. 69.

15 Ibid., p. 217; Интервью Эйнсворта.

16 Интервью Эйнсворта; Aynesworth. JFK: Breaking , pp. 222–223.

17 Aynesworth. JFK: Breaking , pp. 126–127.

18 Houston Post , 1 января 1964 г.

19 Washington Merry-Go-Round от 2 декабря 1963 г., материалы доступны в архивах Дрю Пирсона, хранящихся в Американском университете; http://dspace.wrlc.org/doc/bitstream/2041/50086/b18f09-1202zdisplay.pdf#searc

20 Показания Джеймса Роули. Warren Appendix, vol. 5, 18 июня 1964 г., passim.

21 Дневники Пирсона, декабрь 1963 г. Источник: документы Пирсона в Президентской библиотеке Линдона Б. Джонсона.

22 Washington Merry-Go-Round , от 14 декабря 1963 г.; http://dspace.wrlc.org/doc/bitstream/2041/50099/b18f09-1214zdisplay.pdf#searcl

Глава 15

1 Служебная записка Уилленса Рэнкину от 30 декабря 1963 г.: «План работы комиссии». Рабочие материалы комиссии Уоррена. NARA .

2 Инструкция Рэнкина для штатных юристов от 13 января 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена. NARA .

3 Протоколы закрытого заседания комиссии Уоррена 21 января 1964 г. NARA , p. 8.

4 Ibid., pp. 34–35.

5 Ibid., p. 12.

6 Ibid., pp. 24–25.

7 Church Committee , vol. 5, p. 47.

8 Показания Рэнкина, pp. 15–16.

9 Ibid., p. 129. См. также: Протоколы закрытых заседаний членов комиссии Уоррена 22 и 27 января 1964 г. NARA .

10 Ford. Portrait of the Assassin , pp. 15–16.

11 Ibid., p. 21.

12 Протоколы закрытого заседания комиссии Уоррена 22 января 1964 г. NARA , p. 6.

13 Ibid. (В стенограмме не указаны имена выступающих.)

14 Ibid., p. 12.

15 Протоколы закрытого заседания комиссии Уоррена 27 января 1964 г. NARA , p. 152.

16 Ibid., p. 139.

17 Ibid., pp. 160, 137.

18 Ibid., p. 137.

19 Ibid., pp. 152–154.

20 Ibid., p. 158.

21 Ibid., p. 164.

22 Ibid., p. 171.

Глава 16

1 Расписание встреч Гувера за 24 января 1964 г., ФБР. Получено через Фонд Мэри Феррелл, http://www.maryferrell.org/mffweb/archive/viewer/showDoc.do?docId=141177relPageId=16.

2 DeLoach. Hoover’s FBI , p. 12.

3 Ibid., p. 29.

4 Ibid., p. 13.

5 Ibid., p. 24.

6 Показания Ли Рэнкина HSCA 21 сентября 1978 г., p. 19.

7 Служебная записка Гувера Толсону от 31 января 1964 г.,FBI .

8 Показания Рэнкина, p. 19.

9 Биографию Гувера см.: Сайт Фонда Гувера, http://www.jehooverfoundation.org/hoover-bio.asp (взято 15 июня 2013 г.).

10 Показания Эдгара Гувера, 14 мая 1964 г. Warren Appendix , vol. 5, p. 112.

11 Church Committee , vol. 5, p. 50.

12 О том, что Гейлу дали прозвище Барракуда, известно из интервью Хости. См. также: Hosty. Assignment: Oswald , p. 179.

13 Church Committee , vol. 5, pp. 50–51.

14 DeLoach. Hoover’s FBI , p. 149.

15 Church Committee , vol. 5, pp. 51–52.

16 Показания Эдгара Гувера. Warren Appendix , vol. 5, p. 159.

17 Church Committee , vol. 5, p. 37.

18 Castro Blasts Raids on Cuba, The New Orleans Times-Picayune , 9 сентября 1963 г.

19 Свидетельство Кларка Андерсона Комитету Черча, 4 февраля 1976 г..

20 Ibid., p. 15.

21 Свидетельство Андерсона, p. 59.

22 Ibid., p. 24.

23 Ibid., p. 22.

24 Название и цены на номера гостиницы «Отель де Комерсио», Warren Report , p. 433.

25 Свидетельство Андерсона, p. 32.

26 Депеша Манна Государственному департаменту: AMEMBASSY MEXICO CITY to SECSTATE, 28 ноября 1963 г. RIF: 104-10438-10208, NARA (далее: Депеши Манна).

27 Ibid.

28 Church Committee , vol. 5, p. 40.

29 Подробнее об Альварадо см.: Bugliosi, Reclaiming History , p. 1286.

30 Депеши Манна.

31 Депеша «Перевод расшифровки телефонного разговора между президентом Кубы и послом Кубы», 26 ноября 1963 г., ЦРУ. RIF: 14-10429-10227, NARA .

32 Депеши Манна.

33 Church Committee , vol. 5, p. 42.

34 Интервью Кинана. Большинство откровений Кинана впервые обнародовано в немецком документальном фильме «Рандеву со смертью» (2006) режиссера Вильфрида Гюисманна. Фильм транслировался по немецкому телеканалу ARD в январе 2006 г. См.: The Financial Times , от 6 января 2006 г.

35 Показания Лоуренса Кинана, 8 апреля 1976 г. Church Committee , vol. 1, p. 7, RIF: 157-10014-10091, NARA .

36 Ibid., pp. 42, 9, 10, 83, 61.

37 Депеша «Заявление Хильберто Альварадо о получении денег Освальдом в посольстве Кубы оказалось ложью», 30 ноября 1963 г. RIF: 104-10404-10098, NARA .

38 Показания Кинана. Комитет Черча, vol. 1, p. 58.

39 Ibid., pp. 71, 53.

40 The New York Times, 15 декабря 1963 г.

41 Телеграмма: «Мексиканские власти сообщили нам, что никарагуанец…». Манн – Госдепартаменту, 30 ноября 1963 г. RIF: 104-104380-10210, NARA .

42 Интервью Томаса Манна, данное Дику Расселу 5 июля 1992 г. Цит. по Morley. Our Man , p. 334. См. также: Russell. The Man Who Knew Too Much.

Глава 17

1 Интервью Спектера. Specter. Passion , pp. 49–58.

2 Некролог Адамса. The New York Times, 21 апреля 1990 г.

3 Specter. Passion , pp. 49–58.

4 Josep. Ball and Judith Fischer. A Century in the Life of a Lawyer . California Western Law Review, Fall 1999.

5 Интервью Спектера.

6 Belin. You Are the Jury , p. 15.

7 Specter. Passion , pp. 57, 76–78.

8 Вопросы для Марины Освальд. Недатированный документ, найденный в материалах штатных сотрудников комиссии Уоррена, NARA .

9 Служебная записка Спектера Рэнкину «Предложения по вопросам для Марины Освальд», 30 января 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

10 Интервью Голдберга.

11 Интервью Слосона.

Глава 18

1 The New York Times, 15 января 1964 г.

2 The New York Times , 8 января 1964 г.

3 Time , 14 февраля 1964 г.

4 Все цитаты из показаний Марины Освальд от 3 февраля 1964 г. Warren Appendix , vol. 1, pp. 1–126.

5 См.: Телефонный разговор между мистером Норманом Редликом и миссис Маргерит Освальд. 4 февраля 1964 г. Рабочие материалы о Маргерит Освальд. Комиссия Уоррена. Warren Commission, NARA .

6 Разговор между мистером Рэнкином и миссис Освальд. 5 февраля 1964 г. Рабочие материалы о Маргерит Освальд. Warren Commission, NARA .

7 Показания Маргерит Освальд. 10 февраля 1964 г. Warren Appendix , vol. 1, pp. 127–264.

8 Ford. Portrait , pp. 61–62.

9 Time , 21 февраля 1964 г.

10 The New York Times , 19 февраля 1964 г.

11 См.: Комментарии Макклоя на закрытых заседаниях комиссии Уоррена. Стенограмма. Декабрь 1963 г. – январь 1964 г., NARA .

12 См.: Некролог Жаклин Кеннеди. The New York Times , 20 мая 1994 г.

13 Телеграмма Кеннеди Уоррену. Архив корреспонденции. Earl Warren

papers, LOC .

14 Manchester. Controversy and Other Essays in Journalism , p. 5.

15 Ibid., pp. 6–7.

16 См.: Неподписанная служебная записка от штатного сотрудника Уоррену в Верховном суде. 2 мая 1964 г. «Мистер Рэнкин явно не разделяет Ваших взглядов о предоставлении доступа к некоторым документам комиссии мистеру Манчестеру. Манчестер говорит, что в сложившейся ситуации оставит этот вопрос, если только не получит разрешения от Вас или от мистера Рэнкина». Рабочие материалы комиссии. Earl Warren papers, LOC .

Глава 19

1 См.: Письмо Рассела Полу Р. Иву. 17 января 1967 г. в разделе корреспонденции Рассела. Russell Library .

2 Записка Рассела. 7 января 1964 г. Russell Library .

3 Черновик заявления об уходе Рассела на имя президента Джонсона. 24 февраля 1964 г. Рабочие документы Рассела. Russell Library .

4 Устный рассказ председателя Верховного суда Эрла Уоррена. 21 сентября 1971 г. LBJ Library , p. 13. См. также: Интервью Уоррена, данное Альфреду Голдбергу. 26 марта 1974 г. Архив Эрла Уоррена. LOC .

5 Показания Рэнкина, p. 6.

6 См.: Некролог Скоби. The Atlanta Constitution , 9 декабря 2001 г.

7 The New Republic , 29 февраля 1964 г.

8 The New York Times, 6 марта 1964 г.

9 Belli. Dallas Justice , passim.

10 Ibid. См. также: Brown. Dallas and the Jack Ruby Trial , p. 60.

11 Associated Press , 19 февраля 1964 г.

12 The New York Times , 15 марта 1964 г.

13 Интервью Гриффина.

14 Служебная записка от Хьюберта и Гриффина членам президентской комиссии. 20 марта 1964 г. Рабочие документы сотрудников. Warren Commission, NARA .

15 Интервью Гриффина.

16 Служебная записка от Хьюберта и Гриффина членам президентской комиссии. 20 марта 1964 г. Рабочие документы сотрудников. Warren Commission, NARA .

17 Интервью Гриффина.

18 Служебная записка Хьюберта Рэнкину «Проверка лиц, пересекавших границу США». 19 февраля 1964 г. Также: Служебная записка Хьюберта Рэнкину. 27 февраля 1964 г. Рабочие документы сотрудников. Warren Commission, NARA .

19 Интервью Гриффина.

Глава 20

1 Устный рассказ Эрла Уоррена для LBJ Library , 21 сентября 1971 г., p. 14.

2 Служебная записка Уилленса Рэнкину. «Ответ: Марк Лейн». 26 февраля 1964 г. Рабочие документы штатных сотрудников, Warren Commission, NARA .

3 Служебная записка Уилленса Рэнкину. «Ответ: Дознание Марка Лейна». 27 февраля 1964 г. Рабочие документы штатных сотрудников, Warren

Commission, NARA .

4 Телефонное интервью, взятое Марком Лейном у Хелен Маркем. Опубликовано в Warren Appendix , vol. 20, p. 571.

5 Показания Марка Лейна. 4 марта 1964 г., Warren Appendix , vol. 2, p. 51.

6 Интервью Эйзенберга. См. также: Служебные записки Эйзенберга о криминалистике. 4 марта 1964 г. (баллистика) и 7 марта 1964 г. (достоверность показаний свидетелей). Рабочие документы сотрудников, Warren Commission, NARA .

Глава 21

1 Письмо Рэнкина Маккоуну 12 февраля 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

2 Служебная записка Уилленса Рэнкину, 9 марта 1964 г., NARA .

3 Служебная записка Слосона для протокола: «Переговоры с ЦРУ» от 12 марта 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

4 Служебная записка Коулмена и Слосона для протокола: «Мексика: вопросы посла Манна» от 2 апреля 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

5 Интервью Стерна; служебная записка Стерна Рэнкину: «Материалы ЦРУ по Освальду» от 27 марта 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

6 Интервью Слосона.

7 Биографию Носенко см.: Некролог в The New York Times от 28 августа 2008 г. См. также: Martin. Wilderness.

8 The New York Times , 15 февраля 1964 г.

9 Martin. Wilderness , passim.

10 Интервью Слосона.

11 The Washington Post , 1 сентября 2008 г.

12 Показания Дэвида Слосона. HSCA , 15 ноября 1977 г., passim.

Глава 22

1 Показания Нормана Редлика. HSCA , 8 ноября 1977 г.

2 Интервью Слосона.

3 Specter. Passion , p. 93; Интервью Спектера.

4 Письмо Рэнкина Гуверу от 20 февраля 1964 г.

5 Интервью Хости. Hosty. Assignment: Oswald , p. 234.

6 Письмо Гувера Хости от 13 декабря 1963 г. Перепечатано в: Hosty. Assignment: Oswald , p. 101.

7 Hosty. Assignment: Oswald , p. 118.

8 Ibid., p. 36.

9 Ibid., p. 83.

10 Ibid., pp. 132–134.

11 Показания Сильвии Одио 9 июля 1964 г. Warren Appendix , vol. 11, p. 367 и passim.

12 Служебная записка Гриффина Слосону от 12 июля 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA . См. также: Hosty. Assignment: Oswald , p.132 passim.

13 Показания доктора Бертона Эйншпруха HSCA , 11 июля 1978 г., passim.

14 Hosty. Assignment: Oswald , p. 133.

Глава 23

1 Интервью Слосона.

2 Служебная записка Редлика Рэнкину от 11 февраля 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

3 См. фотокопию первой страницы Tocsin , обнаруженную в рабочей корреспонденции конгрессменов, Ford Library.

4 Письмо Болдуина Форду от 12 февраля 1964 г. Рабочая корреспонденция конгрессменов, Ford Library.

5 См. письмо Фрэнсиса Макнамары, главы Комитета Конгресса по расследованию антиамериканской деятельности, Форду от 27 февраля 1964 г… Рабочая корреспонденция конгрессменов. Ford Library .

6 The New York Times , 5 февраля 1964 г.

7 Интервью Спектера. Specter. Passion , p. 59.

8 Приложение к письму от Гарольда Келэвея Форду от 10 февраля 1964 г. Рабочая корреспонденция конгрессменов, Ford Library .

9 См. запись реплик Йохансена 6 февраля 1964 г., обнаруженную в рабочей корреспонденции конгрессменов, Ford Library .

10 Письмо Грэм Уоррену от 18 февраля 1964 г. и письмо Бернстайна Уоррену от 14 февраля 1964 г. Папка с корреспонденцией. Warren Papers, LOC .

11 Письмо Гувера Рэнкину от 17 февраля 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

12 Письмо Рэнкина Гуверу от 18 февраля 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

13 См. служебную записку Чарльза Шеффера от 17 февраля 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

14 Показания Марины Освальд ФБР 19 февраля 1964 г., перепечатанные в Aynesworth. JFK: Breaking . См. также письмо Гувера Рэнкину от 20 февраля 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

15 Ford. Portrait , p. 511.

16 Показания Роберта Освальда от 20 февраля 1964 г. Warren Appendix , vol. 1, pp. 264–502.

17 Служебная записка Гувера Толсону и др. от 24 февраля 1964 г. ФБР.

18 Служебная записка из отделения ФБР в Далласе в штаб-квартиру ФБР: «Рекомендации по установлению микрофонов и прослушиванию телефона» от 2 марта 1964 г. ФБР.

19 Показания Джеймса Герберта Мартина от 27 февраля 1964 г. Warren Appendix , vol. 1, pp. 469–502.

20 Служебная записка Редлика Рэнкину от 28 февраля 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

21 Служебная записка Делоака Форду от 14 февраля 1964 г. Рабочая корреспонденция конгрессменов, Ford Library .

Глава 24

1 Интервью Стерна.

2 Историю Секретной службы см. в: Kessler. In the President’s Secret Service , passim.

3 Историю лимузина Кеннеди можно прочесть на сайте Музея Генри Форда. www.thehenryford.org/research/kennedylimo.aspx.

4 Интервью Стерна; Служебная записка Стерна Рэнкину: «Доклад о мерах безопасности по защите президента» от 17 февраля 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

5 Интервью Стерна.

6 Отчет Уоррена, p. 430. Служебная записка Стерна для отчета от 17 февраля 1964 г. и «Меморандум о допросе» Стерна от 20 марта 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

7 Интервью Стерна.

8 Интервью Стерна. Описание встречи в клубе «Метрополитен» см. в: Peppers and Ward. In Chambers: Stories of the Supreme Court Law Clerks and Their Justices.

Глава 25

1 Письмо Форда Рэнкину от 28 марта 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

2 Specter. Passion , p. 56.

3 Биографию Стайлса см. в некрологе в: Grand Rapids (Michigan) Press , 15 апреля 1970 г.

4 «Список вопросов по Марку Лейну» от 6 марта 1964 г. Рабочая корреспонденция конгрессменов, Ford Library.

5 Письмо Уивера Форду от 23 апреля 1964 г. Рабочая корреспонденция конгрессменов, Ford Library .

6 Анонимная служебная записка Форду: «Меморандум достопочтенному

Джеральду Р. Форду» от 17 марта 1964 г. Рабочая корреспонденция конгрессменов, Ford Library .

7 Письмо Поффа Форду от 20 апреля 1964 г. Рабочая корреспонденция конгрессменов, Ford Library .

8 Записка Джорджа Какаски, доктора медицины, Форду от 23 апреля 1964 г. Рабочая корреспонденция конгрессменов, Ford Library .

9 Письмо Рэнкина Форду от 3 апреля 1964 г. Рабочая корреспонденция конгрессменов, Ford Library .

10 Письмо Форда Рэнкину от 7 апреля 1964 г. Рабочая корреспонденция конгрессменов, Ford Library .

11 Письмо Форда Рэнкину от 24 апреля 1964 г. Рабочая корреспонденция конгрессменов, Ford Library.

12 Служебная записка Рэя Форду, без даты. Рабочая корреспонденция конгрессменов, Ford Library.

13 «Заметки: по поводу м-ра Р.» от 7 апреля 1964 г. Рабочая корреспонденция конгрессменов, Ford Library.

14 Письмо Ханта Форду от 25 января 1964 г. Рабочая корреспонденция конгрессменов, Ford Library.

15 Интервью Голдберга.

16 Историю написания книги Форда Portrait of the Assassin см. в: Рабочая корреспонденция Форда, Ford Library . Там же находится копия договора на эту книгу.

Глава 26

1 Письмо Белина коллегам в Herrick, Langdon, Sandblom Belin от 27 января

1964 г. Материалы Белина в комиссии Уоррена. Ford Library.

2 The Des Moines Register, 15 июня 2000 г.

3 Письмо Белина коллегам в Herrick, Langdon, Sandblom Belin от 11 января 1964 г. Материалы Белина в комиссии Уоррена, Ford Library .

4 Belin. You Are the Jury , p. 175.

5 Ibid., pp. 4–5.

6 Ibid., pp. 5–8.

7 Письмо Белина коллегам в Herrick, Langdon, Sandblom Belin от 26 марта 1964 г. Материалы Белина в комиссии Уоррена, Ford Library .

8 См. The New York Times от 25 ноября 1963 г., а также подробный биографический материал на мемориальном сайте семьи Типпит www.jdtippit.com.

9 Belin, You Are the Jury , pp. 139–140.

10 Ibid., pp. 261–263.

11 Ibid., p. 42.

12 Показания Говарда Бреннана 24 марта 1964 г. Warren Appendix , vol. 3, pp. 140–211.

13 Belin. You Are the Jury , p. 136.

14 Показания С. М. Холланда 8 апреля 1964 г. Warren Appendix , vol. 6, pp. 239–248.

15 Интервью Стерна.

16 Belin. You Are the Jury , p. 69.

17 Рукописная записка без даты обнаружена в папке переписки конгрессмена Форда и опознана как записка председателя Верховного суда, переданная Форду во время допроса Маркем.

18 Показания Хелен Маркем 26 марта 1964 г. Warren Appendix , vol. 3, pp. 304–322.

19 Belin. You Are the Jury , pp. 340–342.

20 Ibid., pp. 302–325

Глава 27

1 Интервью Спектера. Specter. Passion , p. 107.

2 Служебная записка Спектера Рэнкину «Предложение по вопросам, которые следует задать миссис Жаклин Кеннеди», 31 марта 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

3 Интервью Спектера. См. также: Specter. Passion , passim.

4 Ibid.

5 Gallagher. My Life with Jacqueline Kennedy , p. 341. Мэри Барелли Галлахер была личным секретарем миссис Кеннеди в Белом доме.

6 Manchester. Death , p. 290.

7 Specter. Passion , pp. 63–69.

8 Показания Клинта Хилла, 9 марта 1964 г., Warren Appendix , vol. 2, pp. 132–143.

9 Manchester. Death , p. 222.

10 Ibid., p. 165.

11 Specter. Passion , p. 77.

12 Первоначальный отчет ФБР о вскрытии, послуживший источником существенной информации, перепечатанной в декабре и в январе, был

подготовлен агентами Фрэнсисом О’Нилом и Джеймсом Сибертом, которые наблюдали за вскрытием. Полный отчет, датированный 26 ноября 1963 г., был издан ARRB и доступен онлайн http://www.history-matters.com/archive/jfk/arrb/master_med_set/md44/html/Ima

13 Specter. Passion, p. 78. См. также: показания Хьюмса, интервью с Хьюмсом.

14 Specter. Passion , p. 80.

15 Показания Джеймса Хьюмса, 16 марта 1964 г. Warren Appendix , vol. 2, pp. 347–376.

16 Belin. You Are the Jury , pp. 345–346.

17 Specter. Passion , p. 84.

Глава 28

1 Интервью Спектера. Specter. Passion , pp. 90–99.

2 Показания Рональда Джоунса, 24 марта 1964 г. Warren Appendix , vol. 6, pp. 51–57.

3 Показания Даррелла Томлинсона, 20 марта 1964 г. Warren Appendix , vol. 6, pp. 128–134.

4 Интервью Спектера. Specter. Passion , pp. 69–75.

5 Connally N. From Love Field , p. 119.

6 Ibid., pp. 120–121.

7 Интервью Спектера. Specter. Passion , p. 72.

8 Belin. You Are the Jury , pp. 308–309.

9 Connally. From Love Field , p. 120.

10 Интервью Спектера.

11 Показания губернатора Джона Коннелли, 16 марта 1964 г. Warren Appendix , vol. 4, pp. 131–146.

12 Интервью Спектера.

13 Интервью Уоррена Альфреду Голдбергу, 26 марта 1974 г. Обнаружено в материалах комиссии Уоррена, Warren papers, LOC .

Глава 29

1 Интервью Поллака.

2 Интервью Голдберга.

3 Интервью Поллака.

4 Интервью Моска.

5 Служебная записка Моска Слосону, 23 апреля 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

6 См. некролог Или в The New York Times , 27 октября 2003 г.

7 Служебная записка Или Дженнеру и Либлеру: «Служба Ли Харви Освальда в корпусе морской пехоты», 22 апреля 1964. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

8 Служебная записка Или Рэнкину, 5 мая 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

Глава 30

1 Показания Патрика Дина, 24 марта 1964 г… Warren Appendix , vol. 12, pp. 415–449. См. также: The Dallas Morning News , 25 марта 1979 г.

2 Aynesworth. JFK: Breaking , pp. 176–179. См. также Huffaker. When the News Went Live , passim.

3 Показания Патрика Дина, 24 марта 1964 г. Warren Appendix , vol. 12, pp. 415–449.

4 Dallas Morning News , 25 марта 1979 г.

5 Показания Патрика Дина, 8 июня 1964 г. Warren Appendix , vol. 5, pp. 254–258.

6 Служебная записка Гриффина Уилленсу, 4 апреля 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

7 Ibid.

8 Служебная записка Уилленса Рэнкину, 6 апреля 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

9 Служебная записка Хьюберта и Гриффина Рэнкину «Об адекватности расследования по Руби», 14 мая 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

10 Служебная записка Уилленса Гриффину «Re: Об адекватности расследования по Руби», 1 июня 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

11 Служебная записка Хьюберта Рэнкину, 1 июня 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

12 Belin. Final Disclosure , p. 46.

13 Письмо Луиса Уэста Генри Уэйду от 7 мая 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

14 Письмо Роберта Стабблфилда судье Джо Брауну от 15 мая 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

Глава 31

1 Интервью Слосона.

2 Служебная записка Слосона для отчета «Поездка в Мехико», 22 апреля 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

3 Интервью Слосона; см. также показания Дэвида Слосона HSCA 15 ноября 1977 г.

4 Служебная записка Слосона для отчета «Поездка в Мехико», 22 апреля 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

5 Интервью Слосона.

6 Интервью Коулмена.

7 Интервью Слосона.

Глава 32

1 Manchester. Controversy , pp. 11–15.

2 Manchester. Death , pp. x – xiii.

3 Показания президента Линдона Джонсона 10 июля 1964 г. Warren Appendix , vol. 5, pp. 561–564.

4 Устная история председателя Верховного суда Эрла Уоррена, 21 сентября 1971 г. LBJ Library , p. 12.

5 Показания миссис Линдон Джонсон, 16 июля 1964 г. Warren Appendix , vol. 5, pp. 564–565.

6 Manchester. Death , pp. x – xi.

7 Manchester. Controversy , p. 10.

8 Дневники Пирсона, ноябрь и декабрь 1963 г. Архив Пирсона, LBJ Library .

9 Washington Merry-Go-Round , 10 декабря 1963 г., доступно в архиве Дрю Пирсона в Американском университете. Эта колонка находится по адресу http://dspace.wrlc.org/doc/bitstream/2041/50094/b18f09-1210zdisplay.pdf#searcl

10 Дневники Пирсона, ноябрь и декабрь 1963 г. Архив Пирсона, LBJ Library .

11 Manchester. Controversy , p. 8.

12 Интервью Голдберга.

13 Служебная записка Голдберга Рэнкину: «Проект отчета», 13 апреля 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

14 Служебная записка Голдберга Рэнкину, 16 марта 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

15 Интервью Голдберга.

16 Письмо Белина Уилленсу, 19 марта 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

17 Служебная записка Голдберга Рэнкину, 28 апреля 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

Глава 33

1 Интервью Слосона.

2 Интервью Уоррена Альфреду Голдбергу от 26 марта 1974 г., найденное в: Документы комиссии Уоррена, Архив Уоррена, LOC .

3 Служебная записка Слосона Спектеру от 13 марта 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

4 Служебная записка Слосона Хьюберту и Гриффину: «Re: Сильвия Одио» от 6 апреля 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

5 Служебная записка Гриффина Слосону: «Беседа с доктором Бертоном Эйншпрухом» от 16 апреля 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

Глава 34

1 Показания Рэнкина, passim.

2 Показания Уэсли Либлера HSCA 16 ноября 1977 г. (далее: Показания Либлера).

3 Интервью Слосона; интервью Гриффина; интервью Спектера.

4 Показания Рэнкина.

5 Интервью Эрика Либлера.

6 Показания Либлера.

7 Интервью Спектера.

8 Биографию Дженнера см. в некрологе в The New York Times от 25 июля 1974 г.

9 Интервью Голдберга; интервью Спектера; интервью Слосона.

10 Служебная записка Или Дженнеру и Либлеру от 9 марта 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

11 Служебная записка Или Дженнеру и Либлеру: «Военная служба Ли Харви Освальда» от 12 апреля 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

12 Показания Гая Роуза 8 апреля 1964 г. Warren Appendix , vol. 7, pp. 227–231.

13 Показания Джорджа де Моренширьдта 22 апреля 1964 г. Warren Appendix , vol. 9, pp. 166–264.

14 Показания Рут Хайд Пейн 18 марта 1964 г. Warren Appendix , vol. 2, pp. 430–517.

15 Показания Джорджа де Моренширьдта 22 апреля 1964 г. Warren Appendix , vol. 9, pp. 166–264.

16 Хотя Мур не был назван по имени в основном томе заключительного отчета комиссии – очевидно, по просьбе из ЦРУ, – его имя фигурирует во внутренних документах комиссии и в официально опубликованном протоколе показаний де Моренширьдта.

Глава 35

1 Интервью Спектера.

2 Интервью Слосона; интервью Спектера.

3 Specter. Passion , pp. 83–84.

4 Specter. Passion , p. 87; интервью Спектера.

5 Belin. You Are the Jury , p. 347.

6 Интервью Спектера.

7 Служебная записка Спектера Рэнкину: «Фотографии вскрытия и рентгеновские снимки президента Джона Ф. Кеннеди» от 30 апреля 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

8 Протоколы заседания комиссии Уоррена 30 апреля 1964 г., pp. 5860–5892.

9 Specter. Passion , pp. 88–89; интервью Спектера.

10 Интервью Голдберга.

Глава 36

1 Высказывания Герни см. в воспроизводившейся в газетах по всей стране колонке Фултона Льюиса, первоначально опубликованной в The Lebanon Daily News (Лебанон, Пенсильвания) 8 мая 1964 г. (www.newspaperarchive.com).

2 См. перепечатку передовицы из The St. Louis Globe-Democrat в The News Tribune (Джефферсон-Сити, Миссури) 10 мая 1964 г. (www.newspaperarchive.com).

3 Интервью Эйзенберга.

4 Недатированный экземпляр этого «сценария» обнаружен: Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

5 Дополнительные сведения см. в некрологе Редлика в The New York Times от 11 июня 2011 г.

6 Интервью Эйзенберга; интервью Слосона.

7 Интервью Ивлин Редлик.

8 Рабочее заседание комиссии Уоррена, 19 мая 1964 г.

9 Интервью Гриффина.

Глава 37

1 Интервью Хости; Hosty. Assignment: Oswald , pp. 117–120.

2 Показания Джеймса Хости 5 мая 1964 г. Warren Appendix , vol. 4, pp. 440–476.

3 Hosty. Assignment: Oswald , pp. 139–156.

4 Письмо Рэнкина Гуверу от 5 мая 1965 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

5 Показания Эдгара Гувера 14 мая 1964 г. Warren Appendix , vol. 5, pp. 97–119.

6 Показания Джона Маккоуна и Ричарда Хелмса 14 мая 1964 г. Warren Appendix , vol. 5, pp. 120–129.

7 The Dallas Morning News от 27 июня 1964 г.

8 Life от 10 июля 1964 г.

9 Служебная записка Слосона Рэнкину: «Публикация “Исторического дневника” Освальда» от 6 сентября 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

10 Письмо Харта капитану Гэнневэю в полицейское отделение Далласа от 8 июля 1964 г. Городской архив Далласа, секретариат мэрии.

11 Служебная записка Делоака Мору: «Ли Харви Освальд» от 24 августа 1964 г. (с упоминанием показаний Форда от 17 августа 1964 г.), FBI .

Глава 38

1 Интервью Спектера.

2 Warren Report , p. 95.

3 Olivier and Dziemian. Wound Ballistics of 6.5-MM. Mannlicher-Carcano Ammunition , май 1964 г. Опубликовано Эджвудским арсеналом, Министерство обороны, найдено в: Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

4 Интервью Спектера.

5 Письмо Белина Уилленсу от 20 октября 1966 г. Переписка Белина. Архив Белина, Ford Library.

6 Служебная записка Белина Рэнкину: «Допрос Марины Освальд» от 29 января 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

7 Belin. You Are the Jury , pp. 431–433.

Глава 39

1 Интервью Слосона.

2 Служебная записка Уилленса Рэнкину: «Проект обмена письмами» от 4 июня 1964 г. и служебная записка Уилленса Катценбаху «Проект письма в президентскую комиссию» от 12 июня 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

3 Письмо Уоррена Роберту Кеннеди от 11 июня 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

4 Specter. Passion , pp. 120–122.

5 Показания Кеннета П. О’Доннелла 18 мая 1964 г. Warren Appendix , vol. 7, pp. 440–457.

6 Specter. Passion , pp. 120–122.

7 Ibid., p. 107.

8 Показания миссис Джон Ф. Кеннеди 5 июня 1964 г. Warren Appendix , vol. 5, pp. 178–181.

9 Эти слова были приведены в первоначальном варианте рукописи книги Манчестера, но в результате переговоров между ним и семейством Кеннеди в 1966 г. были удалены. Манчестер брал интервью у Этель Кеннеди в апреле 1964 г. См. Thomas. Robert Kennedy , pp. 278, 451.

10 Историю о том, как полную расшифровку протокола удалось на основании Закона о свободе информации получить канадскому режиссеру, см. в: Ottawa Citizen , 14 августа 2001 г.

Глава 40

1 Устный рассказ председателя Верховного суда Эрла Уоррена, 21 сентября 1971 г. LBJ Library , p. 12. См. также: Warren. Memoirs .

2 Specter. Passion . pp. 105–108.

3 Отчет Форда о поездке и допросе Руби: «Поездка в Даллас 7 июня 1964 г.» обнаружен в: Переписка конгрессменов, Ford Library.

4 Specter, Passion , p. 112.

5 Показания Джека Руби 7 июня 1964 г. Warren Appendix , vol. 5, pp. 181–213.

6 Интервью Спектера; Specter. Passion , p. 113.

7 Отчет Форда о поездке и допросе Руби: «Поездка в Даллас 7 июня 1964 г.» обнаружен в: Переписка конгрессменов, Ford Library.

8 Specter. Passion , p. 114.

9 Интервью Спектера.

10 Specter. Passion , p. 115.

Глава 41

1 См.: Некролог Роули. The New York Times , 3 ноября 1992 г.

2 Показания Джеймса Роули от 18 июня 1964 г. Warren Appendix , vol. 5, pp. 449–485.

3 Warren Report , p. 113. Точная сумма равнялась 435 долларам и 71 центу.

4 См.: Некролог Раска. The New York Times , 22 декабря 1994 г.

5 Интервью Слосона.

6 Schlesinger. A Thousand Days , p. 435.

7 Michael Beschloss, ed., Jacqueline Kennedy: Historic Conversations on Life with John F. Kennedy , p. 112.

8 Служебная записка Слосона Рэнкину «Касательно взятия показаний у остальных свидетелей из Госдепартамента» от 12 июня 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

Глава 42

1 Интервью Эйзенберга; интервью Слосона; интервью Гриффина.

2 Письмо Гувера Рэнкину от 17 июня 1964 г. Архивы ЦРУ, NARA (Этот документ обнаружен в рассекреченных документах ЦРУ, а не в документах комиссии, хранящихся в Национальном управлении архивов и документации.)

3 Barron. Operation Solo , pp. 112–114. ФБР рассекретило часть внутриведомственных документов, связанных с операцией «Соло», теперь с ними можно ознакомиться в режиме онлайн на сайте ФБР по адресу http://vault.FBI.gov/solo

4 См.: Некролог Филлипса. The New York Times , 10 июля 1988 г.

5 Показания Дэвида Атли Филлипса от 25 апреля 1998 г. HSCA .

6 Показания Дэвида Атли Филлипса от 27 ноября 1976 г. HSCA .

7 Phillips. The Night Watch , pp. 162–164.

8 Показания Дэвида Атли Филлипса от 27 ноября 1976 г. HSCA , pp. 103–135.

9 Показания Дэвида Атли Филлипса от 25 апреля 1978 г. HSCA , pp. 51–53.

10 Morley. Our Man , p. 336. См. также: Kaiser. The Road to Dallas , p. 288 (по словам автора, он получил этот набросок от Морли).

Глава 43

1 Интервью Коулмена.

2 Coleman. Counsel, p. 58.

3 Интервью Коулмена; Coleman. Counsel, passim.

4 Coleman. Counsel , p. 149.

5 Coleman. Counsel, passim.

6 См. некролог о Льюисе. The New York Times , 25 марта 2013 г.

7 The New York Times , 1 июня 1964 г.

8 Журнал учета телефонных переговоров и встреч Рэнкина, который вела Джулия Айде, записи от 29 мая 1964 г. за период с 14.00 по 14.40. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

9 Протоколы закрытого заседания комиссии Уоррена от 4 июня 1964 г.

10 Manchester. Death, p. 635.

11 Показания миссис Ли Харви Освальд от 11 июня 1964 г. Warren Appendix , vol. 5, pp. 387–408.

12 Показания Марка Лейна от 2 июля 1964 г. Warren Appendix , vol. 5, pp. 546–561.

Глава 44

1 Расшифровка интервью с Кавано содержится в книге Fry.Hunting and Fishing with Earl Warren , pp. 1–69. С ней можно ознакомиться в режиме онлайн на сайте www.openlibrary.org по адресу http://openlibrary.org/books/OL7213177M/Hunting_and_fishing_with_Earl_Wa

2 Показания Говарда Уилленса от 17 ноября 1977 г., HSCA .

3 Письмо Уоррена Карлу Шипли от 6 июля 1964 г. Архив Уоррена, LOC .

4 New York Times Co. v. Sullivan , 376 U. S. 254; Escobedo v. Illinois , 378 U. S. 478.

5 Интервью Уоррена с Альфредом Голдбергом от 26 марта 1974 г. Материалы комиссии Уоррена, архив Уоррена, LOC .

6 Показания Дж. Ли Рэнкина от 17 августа 1978 г., HSCA .

7 Интервью Лолихта.

8 Интервью Уэйнриба.

9 Служебная записка Моска Редлику от 7 июня 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

10 Показания Юджина Д. Андерсона от 24 июля 1964 г. Warren Appendix , vol. 11, pp. 301–304.

11 Показания Роберта Фрейзера. Warren Appendix , vol. 3, pp. 390–441, vol. 5, pp. 58–74.

Глава 45

1 Показания Сильвии Одио от 22 июля 1964 г., Warren Appendix , vol. 11, pp. 367–389.

2 The Dallas Morning News , 5 мая 1962 г.

3 Черновая глава Либлера «Возможные личные мотивы Освальда» от 23 июня 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

4 Warren Report , pp. 407, 727–729.

5 Показания Карлоса Брингаера от 7–8 апреля 1964 г. Warren Appendix , vol. 10, pp. 32–50.

6 Показания Дина Адамса Эндрюса-младшего от 21 июля 1964 г. Warren Appendix , vol. 11, pp. 325–339.

7 Показания Эваристо Родригеса от 21 июля 1964 г. Warren Appendix , vol. 11, pp. 339–345.

8 Показания Сильвии Одио от 22 июля 1964 г. Warren Appendix , vol. 11, p. 383.

Глава 46

1 Служебная записка, направленная из резидентуры ФБР в Балтиморе в штабквартиру ФБР «Кому: Директору ФБР; От кого: Ответственный оперативный сотрудник в Балтиморе; Тема: Убийство президента Джона Фицджеральда Кеннеди» от 7 апреля 1964 г., FBI . А также служебная записка, направленная из резидентуры ФБР в Вашингтоне, округ Колумбия, в штаб-квартиру ФБР «Директору ФБР, от ответственного оперативного сотрудника вашингтонской резидентуры» от 8 апреля 1964 г., FBI .

2 Служебная записка Белмонта Роузену «Тема: Джеймс Р. Дэвид, информация относительно нарушения режима секретности» от 9 июня 1964 г., FBI .

3 Письмо Гувера Джеймсу Р. Дэвиду от 9 июня 1964 г., FBI .

4 Интервью Слосона.

5 Показания Уэсли Дж. Либлера от 15 ноября 1977 г., HSCA .

6 Служебная записка Фэллона Форду от 31 июля 1964 г., архив корреспонденции, относящейся к Конгрессу, Ford Library .

7 Показания Сильвии Одио от 22 июля 1964 г. Warren Appendix , vol. 11, pp. 367–389.

8 Письмо Гувера Рэнкину от 7 августа 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

9 Записи следователя Специального комитета палаты Конгресса Геетона Фонзи, сделанные во время беседы с Сильвией Одио 16 января 1976 г. Рабочие материалы Специального комитета палаты Конгресса, RIF: 180-10001-10132, NARA .

10 Интервью Слосона; рабочие интервью с другими штатными сотрудниками комиссии, проведенные на условиях анонимности.

Глава 47

Глава 47

1 Показания Эйбрахама Запрудера от 22 июля 1964 г. Warren Appendix , vol. 7, pp. 569–576.

2 The Los Angeles Times , August 4, 1999.

3 Richard Stolley. Shots Seen Round the World , Entertainment Weekly, January 17, 1992.

4 См.: Некролог Уокера. The New York Times , 2 ноября 1993 г.

5 Показания генерал-майора Эдвина А. Уокера от 23 июля 1964 г. Warren Appendix , vol. 11, pp. 404–428.

6 Интервью Спектера.

7 Показания Джека Руби от 18 июля 1964 г. Warren Report , pp. 807–813.

8 Интервью Спектера. См. также: Specter. Passion , pp. 116–117.

9 Отчет о беседе специальных агентов ФБР Джеймса У. Букхаута и Джорджа У. Х. Карлсона с капитаном У. Б. Фрейзером, состоявшейся в Далласе 7 декабря 1963 г., FBI . См. также: письмо Гувера Рэнкину от 30 июля 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

Глава 48

1 Письмо Белина Уилленсу от 25 августа 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

2 Закрытое заседание комиссии Уоррена 23 июня 1964 г.

3 Конспект был обнаружен в бумагах Дж. Ли Рэнкина, переданных в Национальное управление архивов и документации в 1999 г. Box 22,

folder 350, Warren Commission, NARA .

4 Служебная записка Слосона Рэнкину и Уилленсу «Относительно возможного получения показаний медицинского эксперта по делу Освальда» от 2 июня 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

5 Служебная записка Поллака Рэнкину «Относительно замечаний к тт. 1–4,6,7» от 18 июня 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

6 Служебная записка Рэнкина Уилленсу от 17 августа 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

7 Служебная записка Рэнкина Стерну от 30 июня 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

Глава 49

1 The New York Times , 30 июня 1964 г.

2 The New York Times , 1 июля 1964 г.

3 Отчет Комитета Черча от 20 ноября 1975 г. «Предполагаемые заговоры с целью убийства президента с участием глав иностранных государств», с. 98, 126–134. (Church Committee report Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders , November 20, 1975, pp. 98, 126–134.)

4 Ibid., с. 88–89. (Ibid., pp. 88–89.)

5 Associated Press , 12 октября 2012 г.

6 Schlesinger. Robert Kennedy , pp. 649, 615.

7 Thomas. Robert Kennedy , p. 284. Основано на служебной записке сотрудника Министерства юстиции Гарольда Рейса генеральному прокурору от 12 июня 1964 г.

8 Письмо Кеннеди Уоррену от 4 августа 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

Глава 50

1 Письмо Рэнкина Гуверу от 24 июля 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

2 Письмо Гувера Рэнкину от 12 августа 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

3 Интервью Хости.

4 Эта рукописная пометка Гувера обнаружена на телеграмме, посланной из отделения ФБР в Далласе в штаб-квартиру ФБР: «Директору ФБР из Далласа» от 14 марта 1964 г. FBI .

5 Рукописные пометки Гувера обнаружены на служебной записке, посланной из отделения ФБР в Далласе Салливану, от 13 февраля 1964 г. FBI .

6 Рукописные пометки Гувера на письме Рэнкина Гуверу от 3 марта 1964 г. FBI .

7 Рукописные пометки Гувера на служебной записке Брэнигана Салливану «К вопросу о мерах внутренней охраны Ли Харви Освальда» от 3 марта 1964 г. FBI .

8 Рукописные пометки Гувера на служебной записке Джевонса Конраду «К вопросу об убийстве президента Джона Ф. Кеннеди» от 12 марта 1964 г. FBI .

9 Служебная записка Роузена Белмонту от 16 марта 1964 г. См. также служебную записку Роузена Белмонту «К вопросу о президентской комиссии» от 4 апреля 1964 г. FBI .

10 Рукописные пометки Гувера на служебной записке Роузена Белмонту «К вопросу о президентской комиссии» от 4 апреля 1964 г. FBI .

11 Письмо Гувера Форду от 17 апреля 1964 г. FBI .

12 Служебная записка Делоака Мору от 22 апреля 1964 г. FBI .

13 Служебная записка Делоака Мору «Касательно Уильяма Манчестера, автора книги о Кеннеди» от 4 июня 1964 г. FBI .

Глава 51

1 См.: Некролог Макклоя. The New York Times , 12 марта 1989 г. О здании One Chase Manhattan Plaza см.: The New York Times , 6 июня 2013 г.

2 Письма Макклоя Рэнкину от 21 июля 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

3 Интервью Слосона.

4 Неподписанный вариант черновой главы под заголовком «Иностранный заговор» от 15 июля 1964 г., рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA . См. также служебную записку без указания даты от Коулмена и Слосона Рэнкину «Тема: предполагаемые изменения относительно иностранного заговора (sic)», условно датирована 15 июля 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

5 Warren Report , p. 305.

6 Интервью Коулмена.

7 Служебная записка Коулмена «О пребывании Освальда в Мехико с 26 сентября 1963 г. по 3 октября 1963 г.» от 20 июля 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

8 Интервью Спектера. См. также Specter. Passion, passim.

9 Письмо Макклоя Рэнкину от 24 июня 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

10 Письмо и служебная записка Купера Рэнкину от 20 августа 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

11 Письмо Белина Рэнкину от 7 июля 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

12 Belin. Final Disclosure , pp. 213–216. См. также Belin. You Are the Jury , pp. 425–440.

13 Интервью Голдберга.

14 Служебная записка, направленная из Вашингтонского периферийного отделения ФБР в штаб-квартиру ФБР «От отв. оперативного сотрудника ВПО директору ФБР. Тема: Ли Харви Освальд» от 17 сентября 1964 г., FBI . См. также: Служебная записка Роузена Белмонту от 21 сентября 1964 г. «Тема: Ли Харви Освальд», FBI .

15 Интервью Голдберга.

16 The New York Times , 26 ноября 1963 г.

17 Служебная записка Барсона и Моска Рэнкину от 9 июля 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

18 Интервью Гриффина.

19 Служебная записка Гриффина Уилленсу от 14 августа 1964 г. «Тема: Служебная записка относительно части черновой главы IV о заговоре с участием Руби». Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

Глава 52

1 Интервью Ивлин Редлик.

2 Интервью Уэйнриба.

3 Показания Уэсли Либлера, HSCA , November 15, 1977, pp. 209–261.

4 Служебная записка Либлера Рэнкину от 28 августа 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA . См. также показания Либлера, HSCA , November 15, 1977, passim.

5 Служебная записка Либлера Уилленсу и Редлику «Тема: заговор» от 27 августа 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

6 Служебная записка Гувера Рэнкину от 3 сентября 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA . См. также докладную записку Либлера Уилленсу «Тема: вещдоки, оставшиеся на руках у Марины Освальд» от 2 сентября 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

7 Служебная записка Либлера «Докладная по поводу: гранки главы IV» от 6 сентября 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

8 Показания Уэсли Либлера, HSCA , November 15, 1977, pp. 209–261.

9 Associated Press, June 18, 1964.

10 Fite. Richard B. Russell, Jr., Senator from Georgia , p. 46.

11 Письмо Рассела Ч. Р. Николсу от 30 июня 1964 г. Russell Library .

12 Holland. The Kennedy Assassination Tapes , p. 240.

13 Atlanta Constitution, 28 сентября 1964 г.

14 Интервью с Пауэллом Муром от 6 марта 1971 г. «Oral History Interview #7», Russell Library .

15 Интервью Барбары Рейсли от 16 июня 1974 г. «Oral History Interview #157», Russell Library .

16 The Dallas Morning News , 7 сентября 1964 г.

17 Показания Марины Освальд от 6 сентября 1964 г. Warren Appendix ,

vol. 5, pp. 588–620.

18 Рукописная пометка Рассела на бланке Сената США от 5 декабря 1963 г. Личный архив, Russell Library .

19 Черновик особого мнения Рассела «Комиссия по расследованию покушения» от 16 сентября 1964 г., Russell Library .

20 Письмо Гувера Рэнкину от 21 сентября 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

21 Интервью Слосона.

22 Warren Report , pp. 322–324.

23 Показания Лорана Холла от 5 и 6 октября 1977 г. HSCA , RIF: 180-10118-10115, NARA , RIF: 180-10118-10115.

24 См.: Appendix to Hearings , vol. 10, Anti-Castro Activities and Organizations , март 1979 г, HSCA , март 1979 г., pp. 19–35.

Глава 53

1 Годовое жалованье членов Палаты представителей в 1963 году – 22 500 долларов в год – в 2013 году, с учетом инфляции, было бы эквивалентно примерно 168 тысячам долларов. Аванс в 10 тысяч долларов, полученный Фордом от продажи прав на книгу, в 2013 году равнялся бы примерно 75 тысячам долларов.

2 Письмо Томпсона Питеру Шведу, руководящим сотрудникам издательства Simon and Schuster , 8 июля 1964 г. Материалы комиссии Уоррена, Ford Library .

3 The New York Times , 7 июля 1964 г.

4 Служебная записка Фэллона Форду, 3 июля 1964 г. Материалы комиссии

Уоррена, Ford Library.

5 Служебная записка Стайлса Форду, 4 сентября 1964 г. Материалы комиссии Уоррена.

6 Рукописные заметки Форда «Джин Робертс, Detroit Free Press , 5/9/64». Материалы комиссии Уоррена, Ford Library.

7 The New York Times , 23 февраля 1967 г.

8 Ford. Portrait , pp. 53–60.

9 Ibid., pp. 335, 483, 301–314, 90–99.

10 Интервью Джеральда Форда 18 июля 2003 г. JFK Library .

11 Письмо Форда Рэнкину, 2 сентября 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

12 Associated Press, July 2, 1997.

13 Показания доктора Майкла Бадена, 17 сентября 1978 г. HSCA .

14 Дневники Пирсона, октябрь 1966 г. Архив Пирсона, LBJ Library .

15 Warren. Memoirs , p. 3.

16 Интервью Барбары Рейсли от 16 июня 1974 г. Russell Library .

17 Warren Report , p. 19.

18 Warren Report , p. 24.

19 Ibid., p. 26.

20 Ibid., p. 451.

21 Статья Форда для Коммерческой палаты штата Калифорния «Почему умер президент», 30 декабря 1964 г. Архив комиссии Уоррена, Ford Library . В основе статьи выступление Форда в Коммерческой палате.

22 Совещание комиссии Уоррена, состоявшееся 18 сентября 1964 г. NARA

Глава 54

1 Holland. The Kennedy Assassination Tapes , pp. 247–251.

2 Интервью Слосона.

3 Интервью Джона Макклоя «Перед лицом народа» от 2 июля 1967 г. CBS News .

4 Footnote TK

5 Дневники Пирсона, октябрь 1966 г. Архив Пирсона, LBJ Library .

6 Письмо Оскара Колльера комиссии Уоррена, 14 августа 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

7 Esquire , май 1964 г.

8 The New York Times, 28 сентября 1964 г.

9 Ibid.

10 The New York Times , 28 сентября 1964 г.

11 Time , October 2, 1964.

12 The New York Times , 28 сентября 1964 г.

13 Ibid.

14 The Public Perspective, октябрь – ноябрь 1998 г.

15 National Observer, 5 октября 1964 г.

16 Atlanta Constitution , 27 сентября 1964 г.

17 Сделанная от руки пометка Гувера на служебной записке Делоака Мору от 25 сентября 1964 г. «Тема: президентская комиссия». FBI .

18 Служебная записка Гейла Толсону от 30 сентября 1964 г. «Тема: недоработки сотрудников ФБР в обращении с материалами по Ли Харви Освальду». FBI .

19 Служебная записка Белмонта Толсону от 1 октября 1964 г. FBI .

20 Сделанная от руки пометка Гувера на служебной записке Белмонта Толсону от 1 октября 1964 г. FBI .

21 Сделанная от руки пометка Гувера на служебной записке Делоака Мору от 6 октября 1964 г. «Тема: критика ФБР». FBI .

22 Письмо Гувера специальному помощнику президента по специальным вопросам Уолтеру Дженкинсу от 30 сентября 1964 г. FBI .

23 Служебная записка Роузена Белмонту от 2 октября 1964 г. «Тема: президентская комиссия». FBI .

24 The Washington Post , September 29, 1964.

25 Служебная записка Роузена Белмонту от 2 октября 1964 г. «Тема: президентская комиссия». FBI .

26 Письмо Гувера Рэнкину от 23 октября 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

27 Письмо Рэнкина Гуверу от 18 ноября 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

28 Служебная записка Айде Рэнкину от 7 декабря 1964 г. Рабочие материалы комиссии Уоррена, NARA .

Глава 55

1 «Сильвия Тирадо Босан ди Дюран», без даты, рабочие материалы Расса Холмса. CIA, RIF: 104-10404-10123. См. также: «Хронология событий в Мехико», без даты. CIA, RIF: 104-10086-10001, NARA .

2 «Мексиканские коммунисты, контактировавшие с Освальдом», 5 октября 1964 г. CIA, RIF: 104-10404-10332. См. также: «Сильвия Тирадо Босан ди Дюран», без даты, рабочие материалы Расса Холмса. CIA , RIF: 104-10404-10123; «Хронология событий в Мехико», без даты. CIA), RIF: 104-10086-10001 Личность Джун Кук как информатора была установлена Комитетом Палаты представителей по расследованию убийств, как зафиксировано в докладе членов комитета Дэна Хардуэя и Эдвина Лопеса «О поездке Ли Харви Освальда в Мехико», без даты. HSCA , Rif: 180-10110-10484. (Так называемый доклад Лопеса, далее: Lopez Report.)

3 Служебная записка атташе ФБР по правовым вопросам «Ли Харви Освальд», 11 декабря 1964 г., RIF: 104-10404-10330.

4 См. также: «Хронология событий в Мехико», без даты. CIA , RIF: 104-10086-10001, NARA . Служебная записка составителя хронологии представляет собой приложение к материалу «Почему это не послали в штаб-квартиру?»

5 Epstein. Inquest, p. 3.

6 Ibid., p. 20.

7 Wesley Liebeler: The File Keeper , 30 июня 1965 г. Электронная версия статьи размещена на веб-странице Эпстайна по адресу http://edwardjayepstein.com/liebeler.htm.

8 The New York Times , 24 апреля 1966 г.

9 Epstein. Inquest , pp. ix – xiv.

10 The New York Times , 6 июля 1966 г.

11 Письмо Дженнера Белину, 13 июля 1966 г. Архив Белина, рабочие материалы комиссии Уоррена, Ford Library .

12 Письмо Редлика Эндрю Хэкеру из Корнеллского университета, 2 июня

1966 г., приложено к письму Редлика Белину, 15 июля 1966 г. Архив Белина, рабочие материалы комиссии Уоррена, Ford Library .

13 The New York Times , 24 июля 1966 г.

14 The New York Times , 1 июля 1966 г.

15 Интервью Слосона.

16 См.: Некролог Долана, The Denver Post , 5 сентября 2008 г.

17 Интервью Синтии Томас.

18 Интервью Понятовской.

19 Копии служебных записок Томаса предоставлены его вдовой Синтией. Копии записок также найдены в архивах Комитета Палаты представителей по расследованию убийств, NARA .

20 Lopez Report , p. 225.

21 Служебная записка Ферриса Фримену «Интервью с миссис Еленой Гарро ди Пас», 27 декабря 1965 г., обнаружена в отчете ЦРУ «Сильвия Тирадо Босан ди Дюран», без даты, рабочие материалы Расса Холмса. CIA , RIF: 104-10404-10123. NARA .

22 Телеграмма в отделение ЦРУ в Мехико «Тема: мексиканский атташе по правовым вопросам, беседа с Еленой Гарро ди Пас», 29 декабря 1965 г. CIA , RIF: 104-10404-10320, NARA .

Глава 56

1 The Washington Post , 3 октября 1966 г.

2 Holland. The Kennedy Assassination Tapes , pp. 312–313.

3 The New York Times , 17 декабря 1966 г.

4 A Clash of Camelots. Vanity Fair, октябрь 2009 г.

5 Дневники Пирсона, октябрь 1966 г. Архив Пирсона, LBJ Library .

6 Дневники Пирсона, январь 1967 г. Архив Пирсона, LBJ Library .

7 Показания Эдварда Моргана, 19 марта 1976 г. Church Committee , RIF: 157-10011-10040.

8 Дневники Пирсона, январь 1967 г. Архив Пирсона, LBJ Library .

9 Показания Джеймса Роули, 13 февраля 1976 г. Church Committee , RIF: 157-10014-10011.

10 Дневники Пирсона, январь 1967 г. Архив Пирсона, LBJ Library .

11 Holland. The Kennedy Assassination Tapes , pp. 389–398.

12 The New York Times , 2 марта 1967 г.

13 Washington Merry-Go-Round , March 3, 1967, материал хранится в архивах Дрю Пирсона при Американском университете. Указанная газетная колонка доступна онлайн на веб-сайте http://dspace.wrlc.org/doc/bitstream/2041/53102/b20f020303zdisplay.pdf#search

14 Дневники Пирсона, март 1967 г. Архив Пирсона, LBJ Library .

15 «О намерениях ЦРУ послать на Кубу головорезов с целью убийства Кастро», 6 марта 1967 г. Архивы ФБР (FBI). Цитируется по документу: «Подведение итогов: расследование факта причастности ЦРУ к заговорам с целью убийства зарубежных лидеров», без даты, хранится в рабочих материалах Ричарда Чейни, главы администрации Белого дома при президенте Форде, Ford Library . Документ доступен онлайн на веб-сайте Библиотеки Форда http://www.fordlibrarymuseum.gov/library/document/0005/7324009.pdf.

16 Дневники Пирсона, апрель 1967 г. Архив Пирсона, LBJ Library .

17 The New York Times , 17 июня 1973 г.

18 Показания Ли Рэнкина, 21 сентября 1978 г., HSCA . См. также: Выступление Ли Рэнкина на закрытом заседании, 17 августа 1978 г., HSCA .

19 Показания Уиттена в Палате представителей, 16 мая 1978 г. См. также показания Уиттена в Сенате, 7 мая 1976 г.

20 Показания Хелмса, 22 сентября 1978 г.

21 Интервью Эйнсворта.

22 Aynesworth. JFK: Breaking , p. 232.

23 Phelan. Scandals, Scamps, and Scoundrels , pp. 150–151.

24 Aynesworth. JFK: Breaking , p. 234.

25 Ibid., p. 235.

26 The New York Times , 23 февраля 1967 г.

27 Aynesworth. JFK: Breaking , p. 244.

28 The New York Times , 2 марта 1967 г.

Глава 57

1 Телеграмма Скотта начальнику, отделение Западного полушария ЦРУ, «Операция LIRING/3», 13 июня 1978 г. CIA , RIF: 104-10437-10102.

2 Письмо Томаса Ланда, ЦРУ, Скотту «Письмо: как вам известно, расследование Гаррисоном дела об убийстве Кеннеди повлекло за собой волну обвинений и наказаний», 14 июня 1967 г. CIA , RIF: 104-10247-10418, NARA .

3 Телеграмма Скотта начальнику, отделение Западного полушария ЦРУ, «Операция LIRING/3», 13 июня 1978 г. CIA , RIF: 104-10437-10102.

4 Письмо Бенджамина Райла, консульство США в Тампико, Уэсли Боулзу, Госдепартамент США, 11 мая 1967 г. CIA , RIF: 104-10433-10011.

5 Письмо Скотта Джону Бэррону, Reader ’s Digest , 25 ноября 1970 г. Цитируется по: «Информация для HSCA из личного архива Уина Скотта». HSCA , RIF: 1993.08.12.15:08:41:650024.

6 Morley. Our Man , p. 276.

7 The Los Angeles Times , 25 марта 1968 г. См. также: United Press International , March 25, 1968.

8 Newton,Justice for All , p. 490.

9 Интервью Уоррена с Альфредом Голдбергом, 26 марта 1974 г., обнаружено в архиве комиссии Уоррена. Архив Уоррена, LOC .

10 The New York Times , 10 июля 1974 г.

11 The New York Times , 29 апреля 1970 г; The Washington Post , 28 апреля 1970 г.

12 Интервью Калифано. См. также: Califano. Inside: A Public and Private Life , pp. 124–127.

13 Интервью Синтии Томас.

14 Копии текста воспоминаний Томаса были предоставлены его вдовой Синтией. Другие копии находятся в архивах Комитета Палаты представителей по расследованию убийств, NARA .

15 Письмо Берта Беннингема, Госдепартамент США, заместителю директора ЦРУ по планированию, 28 августа 1969 г. Приводится по: «Чарльз Томас», без даты. CIA , RIF: 1993.06.22.19:24:22:430330.

16 Служебная записка Энглтона заместителю помощника госсекретаря «Тема: Чарльз Уильям Томас», 16 сентября 1969 г. CIA , RIF: 1993.06.22.19:24:22:430330.

17 Интервью Синтии Томас.

18 Рукописные заметки Томаса, обнаруженные в его портфеле в папке «Кеннеди». Синтия Томас предоставила автору возможность ознакомиться с материалами из этой папки, а также другими имеющимися у нее документами.

19 Свидетельство о смерти, Отдел здравоохранения округа Колумбия.

20 The Washington Post , December 12, 1973.

21 «Частный законопроект о компенсации за ущерб Чарльзу Уильяму Томасу», 2 января 1975 г., 1975, 93.18-JAN. 2, 1975.

22 Письмо Форда Синтии Томас, 2 января 1975 г. Синтия Томас любезно предоставила автору данной книги копию этого письма.

23 Morley. Our Man , pp. 256–257.

24 Показания Энн Гудпасчур, 20 ноября 1978 г. HSCA , RIF: 180-10110-10028.

25 Показания Джеймса Энглтона, 5 октября 1978 г. HSCA , RIF: 180-10110-10006.

26 Глава XXIV черновой рукописи книги «Ложный враг». CIA , RIF: 1993.08.12.15:27:

41:250024, NARA .

27 Lopez Report, pp. 90–100.

28 Документ «Карвильо, Мануэль (LICHANT-1)», без даты. CIA , RIF: 104-10174-10067.

Глава 58

1 Интервью Слосона.

2 Показания Уиттена в Палате представиителей.

3 The New York Times , 23 февраля 1975 г.; интервью Слосона.

4 Некролог Келли, The New York Times , 6 августа 1997 г.

5 The Washington Post , 9 мая 1976 г.

6 Интервью Джонсона.

7 Kelley and Davis. Kelley: The Story of an FBI Director , pp. 249–297.

От автора

1 Интервью Томаса Манна, 29 ноября 1977 г. HSCA , RIF: 180-10142-10357, NARA .

2 Показания Реймонда Рокки, 17 ноября 1978 г. HSCA .

3 The Good Shepherd (2006), см. веб-сайт http://www.imdb.com/title/tt0343737/.

4 Письмо Гувера Рэнкину, 17 июня 1964 г. FBI , RIF: 104-10095-10412, NARA .

5 «Хронология событий в Мехико», без даты. CIA , RIF: 104-10086-10001, NARA .

6 «Разное – карточки HT-LINGUAL», 26 декабря 1976 г. HSCA , RIF: 180-10142-10334, NARA . Подробнее о слежке за Освальдом по программе HT-LINGUAL см. в кн.: Newman. Oswald and the CIA , pp. 52–57. См. также: Martin. Wilderness , pp. 68–72.

7 Dallas Morning News , 13 января 2013 г.; The Washington Post , 13 января 2013 г.

8 Интервью Рубена Гарро.

9 Интервью Сильвии Дюран.

10 Интервью Лидии Дюран Наварро.

11 Интервью Контрераса.

12 Интервью Герреро.

Благодарности

Я начинал это исследование не без опасений. Об убийстве Кеннеди много всего написано, причем не всегда правильно, и, насколько я теперь понимаю, некоторые тайны, связанные со случившимся 22 ноября 1963 года, так, вероятно, и останутся нераскрытыми. Как я расскажу далее на страницах этой книги, я выбрал эту тему отчасти потому, что первая моя книга была о деятельности Комиссии 9 / 11 (Национальной комиссии по террористическим атакам против США). Казалось вполне логичным написать после этого и о комиссии Уоррена – о другом знаковом федеральном расследовании национальной трагедии, случившейся при моей жизни. Но все же я волновался: не окажусь ли я в тупике, пытаясь докопаться до сути этой в высшей степени таинственной и непостижимой истории? Я по профессии журналист и обычно начинаю расследование, только если уверен, что в конце концов найду ответы на интересующие меня вопросы. В то время у меня такой уверенности не было, хотя теперь, через пять лет, я могу смело сказать, что в «Анатомии убийства» мне удалось предъявить читателям новые потрясающие свидетельства о покушении.

Начав собирать материал, я почти сразу понял, что будет нелегко: в сравнении с моим новым замыслом дело о страшных террористических атаках 11 сентября 2001 года казалось мне относительно ясным и простым. Споры и рассуждения об убийстве Кеннеди – это настоящая трясина, отчасти из-за ошибок комиссии Уоррена, которая поспешила завершить расследование и на многие вопросы так и не дала четкого ответа, даже

несмотря на то, что молодые штатные сотрудники горели желанием докопаться до истины. (Меня поразило, что Комиссии 9 / 11 понадобилось целых 20 месяцев, чтобы сделать окончательные выводы, и она не приступала к работе до тех пор, пока Конгресс не провел собственное следствие. Комиссия Уоррена «управилась» за вдвое меньший срок, а создали ее всего через семь дней после выстрелов на Дили-Плаза.) Некоторые версии заговора в деле об убийстве Кеннеди не так уж надуманны, особенно если учесть, что с юридической точки зрения «заговор» – это тайное соглашение по крайней мере двух злоумышленников. И если кто-то подстрекал Освальда к убийству Кеннеди, то по определению это уже заговор.

Поэтому я для начала хочу поблагодарить ряд писателей, ученых и историков, чьи книги и исследования стали для меня необходимой основой, от которой я отталкивался, пытаясь разобраться в этой, вероятно, самой запутанной истории из всех, с которыми я сталкивался. В связи с этим я должен отметить заслуги авторов единственного действительно потрясающего правительственного отчета из всех мною прочитанных – его написали Дэн Хардуэй и Эдвин Лопес, тогда еще юные студенты юридического факультета Корнеллского университета, которые в 1970-е годы в качестве штатных сотрудников принимали участие в работе Комитета палаты представителей по расследованию убийств. Их отчет, озаглавленный «Освальд, ЦРУ и Мехико», был рассекречен лишь в 1990-е годы, но именно он дал мне путеводную нить, которая и привела меня к Чарльзу Томасу, Елене Гарро и «вечеринке твиста» в Мехико. Дэн и Эд любезно согласились дать интервью для моей книги.

Среди множества книг о покушении, а их более двух тысяч, найдется немного таких, которые станут читать и перечитывать наши отдаленные потомки. И хотя я не могу согласиться с выводами авторов, я бы поместил в «золотой фонд» этой библиотеки замечательную книгу Джефферсона Морли «Наш человек в Мексике» (Our Man in Mexico), которая указала мне на «белые пятна», связанные с поездкой Освальда в Мексику, «Дело закрыто» (Case Closed) Джеральда Познера, «Братья по оружию» Гаса Руссо и Стивена Молтона (Brothers in Arms), «Секреты Кастро» (Castro ’s Secrets) Брайана Лателла, «Заговор» (Conspiracy) Энтони Саммерса, «Расследование» (Inquest) Эдварда Дж. Эпстайна, «Освальд и ЦРУ» (Oswald and the CIA) Джона Ньюмена, «Братья» (Brothers) Дэвида Толбота и блестяще написанную, на многое проливающую свет работу Эвана

Томаса «Роберт Кеннеди. Жизнь» (Robert Kennedy: A Life). Я искренне восхищаюсь трудами двух ведущих американских историков, изучавших дело об убийстве Кеннеди – это Макс Холланд, чья книга «Магнитофонные пленки в деле о покушении на Кеннеди» (The Kennedy Assassination Tapes) является, на мой взгляд, лучшим первоисточником для всякого, кто всерьез заинтересуется историей покушения, и Винсент Бульози – его объемистый, в 1612 страниц, том «Переписывая историю» (Reclaiming History) я держал под рукой на письменном столе последние четыре года. Я читал и перечитывал увлекательный роман Дона Делилло «Весы» (Libra) и не переставал удивляться, как близок к истине был автор этого художественного произведения.

Собирать материал мне помогала Кэти Роббинс, мой добрый друг и литературный агент – именно в таком порядке. Я благодарен ей за множество дельных замечаний (у нее настоящий редакторский талант) и за моральную поддержку, которая была мне порой просто необходима. Ее муж Ричард Коэн – поддержка и опора Кэти и в жизни, и в работе – также внес дельные редакторские замечания, благодаря которым книга стала намного лучше и композиционно, и стилистически.

Благодарю легендарного Стивена Рубина, издателя и директора Henry Holt and Company , за то, что поддержал этот проект и проявил терпение, дожидаясь окончания работы над рукописью. Стив необыкновенный человек, истинный джентльмен. Хочу поблагодарить и тех, кто работает со Стивом в издательстве, в том числе Мэгги Ричардс, Джона Стерлинга, Филлис Грэнн, Пэт Эйзманн, Кенна Расселла, Мьюриел Йоргенсон, Эми Икканда и Мерил Левави.

Должен выразить признательность сотрудникам литературного агентства The Robbins Office – за мудрые советы. Это Дэвид Халперн, Луиз Куэйл, Кэтрин Дилео и их бывшие коллеги Мика Хаузер и Майк Гиллеспи. Особая благодарность Лоре Висс, специалисту по истории фотографии, и реставратору старинных фотографий Мэтью Брейзье за помощь в подготовке фотографического ряда, которым проиллюстрирован мой текст. Мы с Лорой благодарим Рекса Брэдфорда из Фонда Мэри Феррелл и Марка Дэвиса, сотрудника далласского Музея на шестом этаже, за участие в подборе фотоиллюстраций. А также Джоэн Хакала-Эпплбо, которая помогала нам в этих поисках и всячески подбадривала.

Я считаю, мне крупно повезло: с помощью доброго друга и бывшей коллеги по работе в The New York Times Джинджер Томпсон я узнал об Александре Ксаник фон Бертраб. Ксаник, которая часто пишет для этой газеты репортажи из Мехико, феноменальный журналист, ей удалось найти многих действующих лиц запутанной истории о поездке Освальда в Мексику: то есть она сделала то, что ни ФБР, ни ЦРУ за последние пятьдесят лет не удосужились или не захотели сделать. И я ничуть не удивился – только очень обрадовался, – когда в 2013 году Ксаник в числе других сотрудников The Times получила Пулитцеровскую премию – за подготовку разоблачительных материалов о том, как фирма Walmart прибегла к подкупу, чтобы получить контроль над мексиканским рынком розничной торговли.

Талантливый писатель из Вашингтона Чарльз Роббинс любезно поделился со мной своей точкой зрения на некоторые внутренние аспекты деятельности комиссии Уоррена – в свое время он был первым помощником сенатора Арлена Спектера и соавтором книги воспоминаний сенатора – «Любовь к истине» (Passion for Truth). Чарльз помог мне организовать два интервью со Спектером (это были последние его интервью: сенатор скончался в 2013 году), в ходе которых тот рассказал о своей работе в качестве ведущего штатного сотрудника комиссии. Чарльз также по моей просьбе согласился отыскать некоторых штатных юристов комиссии и свидетелей, которых он опрашивал, когда готовил книгу воспоминаний сенатора.

Мне посчастливилось познакомиться с архивными служащими и библиотекарями – настоящими знатоками своего дела, которые помогли мне разобраться с огромной массой свидетельств по делу о покушении. Это Мэри Кен Шмидт из Национального управления архивов и документации в Такома-Парк, штат Мэриленд; Уильям Макнитт из Президентской библиотеки Джеральда Форда в Анн-Арборе, штат Мичиган; Карен М. Альберт из Общественно-политического центра Арлена Спектера при Филадельфийском университете; Шерил Б. Вогт из Библиотеки Ричарда Рассела при университете Джорджии; Брайан Макнерни из Библиотеки Линдона Б. Джонсона в Остине, штат Техас; Стефани Лапка, Маргарет Шлэнки и Эрин Глейзьер из Центра Бриско при Техасском университете, также в Остине.

Хорошим подспорьем в моей работе стали изыскания частных исследовательских групп, создавших электронные библиотеки с рассекреченными материалами по делу об убийстве президента. В частности, Фонд Мэри Фаррелл (www.maryfarrell.org) выложил в Интернете, снабдив удобной системой поиска, более миллиона архивных документов, касающихся гибели Джона и Роберта Кеннеди, а также Мартина Лютера Кинга. Годовой взнос в 99 евро за право заниматься исследовательской работой в архивах этого фонда стал, пожалуй, самым удачным моим вложением при подготовке книги. Из других обществ с впечатляющими электронными архивами по данной теме можно назвать Центр архивов и исследований, связанных с покушением – Assassination Archives and Research Center (www.aarclibrary.org) и «Исторические материалы» – History Matters (www.history-matters.com).

Родные и близкие некоторых людей, биографией которых я интересовался, оказали мне необычайно теплый прием: это Карен Слосон, жена Дэвида Слосона; Пола Эйнсворт, супруга Хью Эйнсворта, Лора и Том Белины, дети Дэвида – на меня произвело большое впечатление то, как трепетно и бережно они относятся к наследию отца. Я безмерно благодарен семье Чарльза Уильяма Томаса – особенно его вдове Синтии, которая отважилась поговорить со мной о самых драматичных моментах своей жизни, хотя до этого не рассказывала об этом ни журналистам, ни писателям. Я восхищаюсь дочерью Синтии – Зельдой Томас-Керти, проявившей настоящее журналистское чутье и много лет назад догадавшейся, что правду о ее отце замалчивают.

И хотя я знаю, что ему вряд ли понравится, как я описываю его на этих страницах, я искренне благодарен Марку Лейну за то, что пригласил меня в Виргинию и дал пространное интервью для моей книги. И хотя по многим вопросам наши мнения расходятся, я считаю, название его бестселлера о комиссии Уоррена – «Погоня за правосудием» – точно передает суть.

А моей матери, Филиппе Монси Шенон, и остальным родственникам, живущим в Калифорнии и других местах, я приношу глубокие извинения: за семейным обедом мое место рядом с вами часто пустовало, потому что работу над книгой – над этой книгой – я долго старался хранить в тайне. А моим друзьям в Вашингтоне, округ Колумбия: Десмонду Дэвису, Дарнеллу Харвину, Бетти Рассел и Джулиану Уэллсу – я хочу сказать

спасибо за то, что были со мной долгие дни и долгие ночи, когда я все это писал.

Библиография

Книги

Anson, Robert Sam. «They've Killed the President!» The Search for the Murderers of John F. Kennedy . New York: Bantam Books, 1975.

Arйvalo, Juan Josй. The Shark and the Sardines . New York: Lyle Stuart, 1961.

Aynesworth, Hugh. JFK: Breaking the News . Richardson, TX: International Focus Press, 2003 Aynesworth, Hugh. November 22, 1963: Witness to History. Dallas, TX: Brown Books, 2013.

Baden, Michael M., M. D. Unnatural Death: Confessions of a Medical Examiner . New York: Random House, 1989.

Bagley, Tennent H. Spy Wars: Moles, Mysteries and Deadly Games . New Haven, CT: Yale University Press, 2007.

Barron, John. Operation Solo: The FBI's Man in the Kremlin . Washington, DC: Regnery Publishing, 1995.

Belin, David. Final Disclosure: The Full Truth About the Assassination of President Kennedy. New York: Charles Scribner's Sons, 1988.

Belin, David. November 22, 1963; You Are the Jury. New York: Quadrangle, 1973.

Belli, Melvin M. with Maurice C. Carroll. Dallas Justice: The Real Story of Jack Ruby and His Trial. New York: David McKay Company Inc., 1964.

Benson, Michael. Who's Who in the JFK Assassination . New York: Citadel

Press, 1993.

Beschloss, Michael R. Taking Charge: The Johnson White House Tapes, 1963–1964. New York: Simon Schuster, 1997.

Bird, Kai. The Chairman: John J. McCloy and the Making of the American Establishment . New York: Simon Schuster, 1992.

Bishop, Jim. The Day Kennedy Was Shot . New York: Funk Wagnalls, 1968.

Bissell, Richard. Reflections of a Cold Warrior: From Yalta to the Bay of Pigs. New Haven, CT: Yale University Press, 1996.

Blaine, Gerald, with Lisa McCubbin. The Kennedy Detail. New York: Gallery Books, 2010.

Blakey, G. Robert, and Richard N. Billings. Fatal Hour: The Assassination of President Kennedy by Organized Crime . New York: Times Books, 1992. (Также опубликовано как: The Plot to Kill the President. New York: Berkley Books, 1992.)

Brennan, Howard L., and J. Edward Cherryholmes. Eyewitness to History: As Seen by Howard Brennan . Waco, TX: Texian Press, 1987.

Brinkley, Douglas. Cronkite . New York: HarperCollins, 2012.

Brinkley, Douglas.. Gerald R. Ford . New York: Times Books, 2007.

Brown, Joe E. Sr., and Diane Holloway, eds. Dallas and the Jack Ruby Trial . Lincoln, NE: Authors Choice Press, 2001.

Brownell, Herbert, and John P. Burke. Advising Ike: The Memoirs of Howard Brownell. Lawrence: University Press of Kansas, 1993.

Buchanan, Thomas G. Who Killed Kennedy? New York: G. P. Putnam, 1964. (Также вышла под названием Who Killed Kennedy? New York: MacFadden Books, 1965.)

Bugliosi, Vincent. Reclaiming History: The Assassination of President John F. Kennedy. New York: W. W. Norton Company, 2007.

Burden, Wendy. Dead End Gene Pool: A Memoir. New York: Gotham Books, 2012.

Burleigh, Nina. A Very Private Woman: The Life and Unsolved Murder of Presidential Mistress Mary Meyer. New York: Bantam Books, 1998.

Califano, Joseph A. Jr. Inside: A Public and Private Life. New York: PublicAffairs, 2004.

Cannon, James. Time and Chance: Gerald Ford’s Appointment with History. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998.

Caro, Robert A. Master of the Senate. New York: Alfred A. Knopf, 2002.

Caro, Robert A.. The Passage of Power . New York: Alfred A. Knopf, 2012.

Colby, William, and Peter Forbath. Honorable Men: My Life in the CIA. New York: Simon Schuster, 1978.

Coleman, William T. Jr., and Donald T. Bliss. Counsel for the Situation: Shaping the Law to Realize America’s Promise . Washington, DC: Brookings Institution Press, 2010.

Compston, Christine. Earl Warren: Justice for All . New York: Oxford University Press, 2011.

Connally, John, and Mickey Herskowitz. In History’s Shadow: An American Odyssey. New York: Hyperion, 1993.

Connally, Nellie, and Mickey Herskowitz. From Love Field: Our Final Hours with President John F. Kennedy . New York: Rugged Land, 2003.

Conot, Robert. Justice at Nuremberg. New York: Harper Row, 1983.

Cornwell, Gary. Real Answers: The True Story . Spicewood, TX: Paleface Press, 1998.

Corry, John. The Manchester Affair . New York: G. P. Putnam’s Sons, 1967.

Cray, Ed. Chief Justice . New York: Simon Schuster, 1997.

Cronkite, Walter. A Reporter’s Life . New York: Alfred A. Knopf, 1996.

Cypess, Sandra Messinger. Uncivil Wars. Elena Garro, Octavio Paz, and the Battle for Cultural Memory. Austin: University of Texas Press, 2012.

Dallek, Robert. Lyndon B. Johnson: Portrait of a President. New York: Oxford University Press, 2004.

Dallek, Robert. An Unfinished Life: John F. Kennedy . Boston: Little, Brown, 2003.

Davison, Jean. Oswald’s Game . New York: W. W. Norton Company, 1983.

DeFrank, Thomas M. Write It When I’m Gone: Remarkable Off-the-Record Conversations with Gerald R. Ford . New York: G. P. Putnam’s Sons, 2007.

DeLillo, Don. Libra. New York: Viking, 1988.

DeLoach, Cartha. Hoover’s FBI. Washington, DC: Regnery Publishing, 1995.

DiEugenio, James and Lisa Pearse, eds. The Assassinations: Probe Magazine on JFK, RFK, MLK and Malcolm X. New York: Feral House, 2012.

Dulles, Allen. The Craft of Intelligence . New York: Signet Books, 1965.

Epstein, Edward Jay. The Assassination Chronicles: Inquest, Counterplot and Legend . New York: Carroll Graf, 1992.

Epstein, Edward Jay. Inquest: The Warren Commission and the Establishment of Truth . New York: Bantam, 1966. (Также опубликовано как: Inquest: The Warren Commission and the Establishment of Truth, New York: Viking, 1966.)

Feldstein, Mark. Poisoning the Press: Richard Nixon, Jack Anderson, and the Rise of Washington’s Scandal Culture . New York: Farrar, Straus and Giroux, 2010.

Fenster, Mark. Conspiracy Theories: Secrecy and Power in American Culture . Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.

Fite, Gilbert C. Richard B. Russell Jr., Senator from Georgia . Chapel Hill:

University of North Carolina Press, 1991.

Fonzi, Gaeton. The Last Investigation: A Former Federal Investigator Reveals the Man Behind the Conspiracy to Kill JFK. New York: Thunder's Mouth Press, 1994.

Ford, Gerald R. A Time to Heal: The Autobiography of Gerald R. Ford . New York: Harper and Row, 1979.

Ford, Gerald R., and John R. Stiles. Portrait of the Assassin. New York: Ballantine Books, 1965. (Также опубликовано как: Portrait of the Assassin, New York: Simon Schuster, 1965.)

Fox, Sylvan. The Unanswered Questions about President Kennedy's Assassination . New York: Award Books, 1965.

Fuhrman, Mark. A Simple Act of Murder: November 22, 1963. New York: William Morrow, 2006.

Gallagher, Mary Barelli. My Life with Jacqueline Kennedy . New York: Paperback Library, 1970.

Garrison, Jim. On the Trail of the Assassins: My Investigation and Prosecution of the Murder of President Kennedy . New York: Warner Books, 1988.

Gentry, Curt. J. Edgar Hoover: The Man and the Secrets. New York: W. W. Norton Company, 1991.

Goldberg, Robert Alan. Enemies Within: The Culture of Conspiracy in Modern America. New Haven, CT: Yale University Press, 2001.

Goldsmith, John A. Colleagues: Richard B. Russell and His Apprentice, Lyndon B. Johnson . Macon, GA: Mercer University Press, 1998.

Groden, Robert J. The Killing of a President . New York: Viking Penguin, 1993

Grose, Peter. Gentleman Spy: The Life of Allen Dulles . New York: Houghton Mifflin, 1994.

Guthman, Edwin. We Band of Brothers: A Memoir of Bobby Kennedy. New York: Harper Row, 1971.

Guthman, Edwin O., and Jeffrey Shulman, eds. Robert Kennedy, in His Own Words. New York: Bantam Books, 1988.

Helms, Richard, with William Hood. A Look over My Shoulder: A Life in the Central Intelligence Agency. New York: Random House, 2003.

Hersh, Seymour M. The Dark Side of Camelot . Boston: Little, Brown, 1997.

Hill, Clinton. Mrs. Kennedy and Me: An Intimate Memoir . New York: Gallery Books, 2012.

Hofstadter, Richard. The Paranoid Style in American Politics . New York: Alfred A. Knopf, 1965.

Holland, Max. The Kennedy Assassination Tapes. New York: Alfred A. Knopf, 2004.

Hosty, James, with Thomas Hosty. Assignment: Oswald. New York: Arcade Publishing, 1996.

Huffaker, Bob, and Bill Mercer, George Phenix, and Wes Wise. When the News Went Live. Lanham, MD: Taylor Trade Publishing, 2007.

Hurt, Henry. Reasonable Doubt: An Investigation into the Assassination of John F. Kennedy . New York: Holt, Rinehart Winston, 1985.

Hutchinson, Dennis J. The Man Who Once Was Whizzer White: A Portrait of Justice Byron R. White . New York: Free Press, 1998.

Isaacson, Walter, and Evan Thomas. The Wise Men . New York: Simon Schuster, 1986.

Joesten, Joachim. Oswald: Assassin or Fall Guy? New York: Marzani Munsell, 1964.

Johnson, Lyndon Baines. The Vantage Point: Perspectives of the Presidency, 1963–1969. New York: Holt, Rinehart Winston, 1971.

Kaiser, David. The Road to Dallas: The Assassination of John F. Kennedy.

Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 2008.

Kantor, Seth. The Ruby Cover-Up . New York: Kensington Publishing, 1978.

Kantor, Seth. Who Was Jack Ruby ? New York: Everest House, 1978.

Kearns, Doris. Lyndon Johnson the American Dream. New York: Signet, 1977.

Kelley, Clarence M., and James Kirkpatrick Davis. Kelley: The Story of an FBI Director. Kansas City, MO: Andrews McMeel Publishing, 1987.

Kelley, Kitty. His Way: The Unauthorized Biography of Frank Sinatra . New York: Bantam Books, 1986.

Kennedy, Edward M. True Compass: A Memoir . New York: Twelve, 2009.

Kennedy, Jacqueline (in conversation with Arthur M. Schlesinger Jr.). Historic Conversations on Life with John F. Kennedy . New York: HarperCollins, 2011.

Kessler, Ronald. The Bureau: The Secret History of the FBI . New York: St. Martin's Press, 2002.

Kirkwood, James. American Grotesque: An Account of the Clay Shaw-Jim Garrison Affair in the City of New Orleans. New York: Simon and Schuster, 1968.

Kluckhorn, Frank, and Jay Franklin. The Drew Pearson Story. Chicago: Chas. Halberg Company, 1967.

Klurfeld, Herman. Behind the Lines: The World of Drew Pearson . Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1968.

Lambert, Patricia. False Witness: The Real Story of Jim Garrison's Investigation and Oliver Stone's Film JFK . New York: M. Evans and Company, 1998.

Lane, Mark. Citizen Lane . Chicago, Lawrence Hill Books, 2012.

Lane, Mark. A Citizen's Dissent: Mark Lane Replies . New York: Holt, Rinehart Winston, 1968.

Lane, Mark. Rush to Judgment . New York: Holt, Rinehart Winston, 1966.

Latrell, Brian. After Fidel . New York: Palgrave Macmillan, 2005.

Latrell, Brian.. Castro’s Secrets: The CIA and Cuba’s Intelligence Machine. New York: Palgrave Macmillan, 2012.

Lewis, Anthony. Gideon’s Trumpet . New York: Random House, 1964.

Lewis, Richard Warren, and Lawrence Schiller. The Scavengers and Critics of the Warren Report . New York: Dell, 1967.

Lifton, Davis S. Best Evidence: Disguise and Deception in the Assassination of John F. Kennedy . New York: Macmillan, 1980.

McAdams, John. JFK Assassination Logic: How to Think About Claims of Conspiracy , Washington, DC: Potomac Books, 2011.

McMillan, Priscilla Johnson. Marina and Lee. New York: Harper Row, 1977.

Mailer, Norman. Oswald’s Tale: An American Mystery . New York: Random House, 1995.

Mallon, Thomas. Mrs. Paine’s Garage and the Murder of John F. Kennedy . New York: Pantheon Books, 2002.

Manchester, William. Controversy and Other Essays in Journalism. Boston: Little, Brown, 1975.

Manchester, William. The Death of a President. New York: Harper Row, 1967.

Manchester, William. Portrait of a President. Boston: Little, Brown, 1962.

Mangold, Tom. Cold Warrior: James Jesus Angleton. London: Simon and Schuster, 1991.

Marrs, Jim. Crossfire: The Plot That Killed Kennedy, New York: Carroll Graf, 1989.

Martin, David C. Wilderness of Mirrors. Guilford, CT: Lyons Press, 1980. (Также опубликовано как: Wilderness of Mirrors: How the Byzantine Intrigues of the Secret War Between the CIA and KGB Seduced and Devoured Key

Agents James Jesus Angleton and William King Harvey. New York: Harper Row, 1980.)

Martin, Ralph G. A Hero for Our Times: An Intimate Story of the Kennedy Years. New York: Scribner, 1983.

McKnight, Gerald. Breach of Trust: How the Warren Commission Failed the Nation and Why. Lawrence: University of Kansas Press, 2005.

Meagher, Sylvia. Accessories After the Fact: The Warren Commission, the Authorities and the Report. New York: Vintage, 1976.

Mellen, Joan. Our Man in Haiti: George de Mohrenschildt and the CIA in the Nightmare Republic. Walterville, OR: Trine Day, 2012.

Morley, Jefferson. Our Man in Mexico: Winston Scott and the Hidden History of the CIA. Lawrence: University Press of Kansas, 2008.

Mudd, Roger. The Place to Be: Washington, CBS and the Glory Days of Television News. New York: PublicAffairs, 2008.

Newman, Albert H. The Assassination of John F. Kennedy . New York: Clarkson N. Potter Inc., 1970.

Newman, John. Oswald and the CIA . New York: Carroll Graf, 1995.

Newton, Jim. Justice for All: Earl Warren and the Nation He Made . New York: Riverhead Books, 2006.

O’Donnell, Kenneth P., and David F. Powers with Joe McCarthy. Johnny, We Hardly Knew Ye: Memories of John Fitzgerald Kennedy. Boston: Little, Brown, 1972.

O’Neill, Francis X. Jr. A Fox Among Wolves: The Autobiography of Francis X. O’Neill Jr., Retired FBI Agent . Brewster, MA: Codfish Press, 2008.

O’Reilly, Bill, and Martin Dugard. Killing Kennedy . New York: Henry Holt and Company, 2012.

Oswald, Robert L., with Myrick Land and Barbara Land. Lee: A Portrait of Lee

Harvey Oswald by His Brother. New York: Coward-McCann, 1967.

Pearson, Drew. Diaries: 1949–1959. New York: Holt, Rinehart Winston, 1974.

Phelan, James. Scandals, Scamps and Scoundrels: The Casebook of an Investigative Reporter . New York: Random House, 1982.

Philby, Kim. My Secret War: The Autobiography of a Spy . New York: Modern Library, 2002. (Также опубликовано как: My Secret War . London: MacGibbon Kee, 1968.)

Phillips, David Atlee. The Night Watch . New York: Ballantine Books, 1977. (Также опубликовано как: The Night Watch: 25 Years of Peculiar Service, New York: Atheneum, 1977.)

Pilat, Oliver. Drew Pearson: An Unauthorized Biography . New York: Pocket Books, 1973.

Popkin, Richard H. The Second Oswald . New York: Avon Books, 1966.

Posner, Gerald. Case Closed: Lee Harvey Oswald and the Assassination of JFK . New York: Anchor Books, 1994. (Также опубликовано как: Case Closed: Lee Harvey Oswald and the Assassination of JFK. New York: Random House, 1993.)

Powers, Thomas. The Man Who Kept the Secrets: Richard Helms and the CIA. New York: Alfred A. Knopf, 1979.

Rather, Dan, with Mickey Herskowitz. The Camera Never Blinks: Adventures of a TV Journalist. New York: William Morrow, 1977.

Reston, James. Deadline: A Memoir . New York, Random House, 1991.

Russell, Dick. The Man Who Knew Too Much: Hired to Kill Oswald and Prevent the Assassination of JFK . New York: Carroll Graf, 1992.

Russo, Guy, and Stephen Molton. Brothers in Arms: The Kennedys, the Castros, and the Politics of Murder. New York: Bloomsbury, 2008.

Schieffer, Bob. This Just In: What I Couldn’t Tell You on TV. New York: Putnam, 2003.

Schlesinger, Arthur M. Jr. Robert Kennedy and His Times. New York: First Mariner Books, 2002. (Также опубликовано как: Robert Kennedy and His Times. Boston: Houghton Mifflin, 1978.)

Schlesinger, Arthur M. Jr. A Thousand Days: John F. Kennedy in the White House. Boston: Houghton Mifflin, 1965.

Schorr, Daniel. Clearing the Air . Boston: Houghton Mifflin, 1978.

Scott, Peter Dale. Deep Politics and the Death of JFK . Berkeley: University of California Press, 1993.

Semple, Robert B., ed. Four Days in November: The Original Coverage of the John F. Kennedy Assassination by the Staff of The New York Times. New York: St. Martin's Press, 2003.

Shesol, Jeff. Mutual Contempt: Lyndon Johnson, Robert Kennedy, and the Feud that Defined a Decade . New York: W. W. Norton Company, 1997.

Specter, Arlen, and Charles Robbins. Passion for Truth: From Finding JFK's Single Bullet to Questioning Anita Hill to Impeaching Clinton. New York: William Morrow, 2000.

Stafford, Jean. A Mother in History: Three Incredible Days with Lee Harvey Oswald's Mother . New York: Farrar, Straus and Giroux, 1966.

Stone, Oliver, and Zachary Sklar. JFK: The Book of the Film. New York: Applause Books, 1992.

Sullivan, William C., and Bill Brown. The Bureau: My Thirty Years in Hoover's FBI. New York: W. W. Norton Company, 1979.

Summers, Anthony. Conspiracy. New York: Paragon House, 1989.

Summers, Anthony. Not in Your Lifetime . New York: Marlowe, 1998.

Talbot, David. Brothers: The Hidden History of the Kennedy Years . New York: Free Press, 2007.

Thomas, Evan. Robert Kennedy: His Life. New York: Simon Schuster, 2000.

Thomas, Evan. The Very Best Men. New York: Simon Schuster, 1995.

Thompson, Josiah. Six Seconds in Dallas: A Micro-study of the Kennedy Assassination . New York: Bernard Geis Associates, 1967.

Toruco-Haensly, Rhina. Encounter with Memory . Bloomington, IN: Palibrio, 2011.

Waldron, Lamar, with Thom Hartmann. Ultimate Sacrifice: John and Robert Kennedy, the Plan for a Coup in Cuba and the Murder of JFK. New York: Carroll Graf, 2005.

Warren, Earl. The Memoirs of Chief Justice Earl Warren . Langham, MD: Madison Books, 2001. (Также опубликовано как: The Memoirs of Earl Warren . Garden City, NY: Doubleday, 1977.)

Weaver, John Downing. Warren, the Man, the Court, the Era. Boston: Little, Brown, 1967.

Weisberg, Harold. Case Open . New York: Carroll Graf, 1994.

Weisberg, Harold. Never Again! The Government Conspiracy in the JFK Assassination. New York: Carroll Graf, 1995.

Weisberg, Harold. Whitewash: The Report on the Warren Commission. Hyattstown, MD: Self-published, 1965.

Weiner, Tim. Enemies: A History of the FBI . New York: Random House, 2012.

Weiner, Tim. Legacy of Ashes: The History of the CIA . New York: Random House, 2007.

White, G. Edward. Earl Warren: A Public Life. New York: Oxford University Press, 1982.

Widmer, Ted, and Caroline Kennedy. Listening In: The Secret White House Recordings of John F. Kennedy. New York: Hyperion, 2012.

Woods, Randall B. LBJ: Architect of American Ambition. Cambridge, MA:

Harvard University Press, 2007.

Правительственные материалы

Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders, An Interim Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities, United States Senate, Together with Additional Supplemental and Separate Views . 94th Congress, 1st session, Senate Report No. 94–465. Washington: Government Printing Office, 1975. (Church Committee)

Final Report of the Assassination Records Review Board . Washington: Government Printing Office, 1998. (ARRB)

Final Report of the Select Committee on Assassinations, U. S. House of Representatives, Ninety-fifth Congress, Second Session, Summary of Findings and Recommendations. House Report 95–1828. Washington: Government Printing Office, 1979. (HSCA)

Hearings Before the President’s Commission on the Assassination of President Kennedy,Volumes 1–26. Washington: Government Printing Office, 1964. (Warren Appendix Volumes 1–26)

The Investigation of the Assassination of President John F. Kennedy: Performance of the Intelligence Agencies. Book V. Final Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities. 94th Congress, 2nd session, Senate Report No. 94–755. Washington: Government Printing Office, 1976. (Church Committee)

Report of the President’s Commission on the Assassination of President Kennedy. Washington: Government Printing Office, 1964. (Warren Report)

Report to the President by the Commission on CIA Activities within the United States. New York: Manor Books, June 1975. (Rockefeller Commission)

---

[1] Еще одна загадка – где находится мозг президента. В 1979 году специальная комиссия Конгресса, созданная для расследования заказных убийств и занимавшаяся повторным расследованием убийства Кеннеди, сообщила, что доктор Беркли доставил запечатанный стальной контейнер с мозгом Кеннеди его бывшему секретарю Ивлин Линкольн, которая хранила его некоторое время в 1964 году в помещении Национального архива. Куда попал этот контейнер дальше, комиссия выяснить не смогла. В итоговом отчете комиссия ссылалась на бывшего профессора Йельской школы права Берка Маршалла, представлявшего интересы распорядителей наследства Кеннеди и полагавшего, что в итоге мозг и другие документы, касающиеся вскрытия, попали к Роберту Кеннеди, который «избавился от этих материалов самостоятельно, не поставив об этом никого в известность». Маршалл утверждал, что «Роберт Кеннеди опасался, что в последующие годы эти материалы будут выставлены на всеобщее обозрение, например в Смитсоновском институте, и стремился избавиться от них, чтобы исключить подобную возможность».

. «Он прямо заявил мне, что решение принято и что он собирается забрать мозг президента и доставить его Роберту Кеннеди», – вспоминал Хьюмс17
.

Вечером во время вскрытия Хьюмсу было трудно работать и по другим причинам. В часы сразу после смерти президента все боялись, что убийство – результат заговора, и в коридорах госпиталя Бетесды только и говорили что о повторной атаке заговорщиков. Приступая к вскрытию, Хьюмс и его коллеги слышали разговоры коллег о том, что за убийством могли стоять русские или кубинцы и что Линдон Джонсон, принявший присягу несколькими часами ранее, может стать следующей мишенью.

Врачи беспокоились о своей безопасности18 . Если имел место заговор, убийцы могут захотеть скрыть правду о том, как умер президент. Не заставят ли замолчать и патологоанатомов Бетесды, и не похитят ли, и не уничтожат ли доказательство происшедшего? «Казалось, за всем этим мог стоять какой-то политический сговор, – вспоминал впоследствии Босуэлл. – Убрать могли любого». Офицер выше Хьюмса по званию был

настолько встревожен потенциальной угрозой, что приказал Босуэллу сопроводить Хьюмса, которому было поручено подготовить отчет о вскрытии, до дома. «Поэтому я сел в свою машину и сопровождал Джима Хьюмса до самого его дома», – рассказывал Босуэлл.

Около 7 часов утра, когда Хьюмс наконец вышел из дома, времени собраться с мыслями, не говоря о том, чтобы поспать, у него не было. Он должен был отвезти сына в церковь на первое причастие и был полон решимости туда добраться; он также знал, что через несколько часов должен вернуться в госпиталь Бетесды, чтобы созвониться с врачами Мемориальной больницы Парклендa в Далласе, которые безуспешно пытались бороться за жизнь президента. Позднее Хьюмс сокрушался по поводу того, что вечером в пятницу ему следовало в какой-то момент выйти из секционного зала и связаться с врачами из Мемориальной больницы Парклендa, но от него требовали как можно скорее провести вскрытие. «Выйти из зала мы не могли, – вспоминал он. – Здесь следует понимать ситуацию – истерическую ситуацию, – которая тогда сложилась. И как только нам удалось не утратить самообладания и так держаться – вот что меня изумляет»19 .

Субботний телефонный разговор с доктором Малькольмом Перри, главным врачом Мемориальной больницы Парклендa, который первым занимался ранением Кеннеди, разрешил главную загадку. Ни в Далласе, ни в Бетесде врачи не сомневались, что причина смерти Кеннеди – обширное ранение в голову; пуля снесла большую часть правого полушария мозга, что запечатлено на фотоснимках. Загадкой оставалась первая пуля, поразившая президента: она попала в верхнюю часть спины в области шеи и не должна была сильно деформироваться, поскольку вошла в мягкие ткани. Но что с ней стало? Патологоанатомы Бетесды не могли найти выходное отверстие.

Хьюмс и его коллеги бились над этой загадкой несколько часов – в том числе и поэтому процедура вскрытия заняла столько времени. «Я сделал рентген тела президента с головы до ног, поскольку такие пули, попав в тело человека, ведут себя порой очень странно», – говорил Хьюмс20 . Пробив тело, они часто идут по зигзагообразной траектории, пояснял он. «Она могла оказаться в бедре или в ягодице. Да где угодно». В ходе работы Хьюмс и другие врачи обсуждали и маловероятную версию – что пуля выпала из входного отверстия в тот момент, когда Кеннеди делали массаж

сердца, чтобы восстановить сердцебиение, и эти соображения были зафиксированы в отчете агентов ФБР, наблюдавших за вскрытием.

В телефонном разговоре Перри изложил свою версию касательно исчезнувшей пули. Врачи из Паркленда сделали трахеотомию, пройдя в сильно пострадавшее дыхательное горло президента, чтобы он мог дышать, именно в этом месте, рядом с узлом его галстука, была небольшая рана. Возможно, пуля вышла через это отверстие? «Как только доктор Перри это произнес, все сразу стало ясно, и мы сказали: ага, теперь понятно, как она вышла», – вспоминал Хьюмс[21]. После трахеотомии выходного отверстия было не разглядеть, предположил он. Врачи так и не смогли с уверенностью определить, где оказалась пуля в итоге, и все-таки теперь они знали, что она могла выйти через горло президента.

В ту субботнюю ночь, когда Хьюмс сидел у себя дома за столиком у камина в гостиной, он заметил пятна крови – крови президента, – пропитавшей каждую страничку его записок, сделанных в секционном зале, а заодно и все страницы чернового варианта отчета о вскрытии. Позднее он вспоминал, что содрогнулся, увидев эти пятна[22].

Очень медленно и осторожно он принялся переносить информацию из своих записок на чистые листы бумаги. «Я сел и скопировал все начисто слово за словом», – вспоминал Хьюмс позднее[23]. Это отняло несколько часов. Под рукой у него лежал потрепанный «Медицинский словарь Стедмэна» – ему не хотелось, чтобы в отчете, предназначенном для Белого дома, были орфографические ошибки.

Одному только Хьюмсу известно, что подвигло его на следующий поступок. Были ли в изначальной версии отчета и его записках ошибки, которые ему хотелось исправить? Смог ли он установить соответствие между входными и выходными отверстиями от пуль? Скрыл ли он еще какую-нибудь информацию, помимо состояния надпочечников президента, о которых он обещал Беркли не упоминать? Или ему велели так поступить? Какой бы ни была причина, Хьюмс решил уничтожить каждый клочок бумаги, за исключением чистовой копии. Он не хотел, чтобы испачканные документы попали в руки любителей кровавых подробностей.

Годы спустя он признался, что не вполне понимал, зачем это сделал, не думал, что его действия могли послужить поводом для теорий заговора, которые преследовали его на протяжении всей жизни. Он попытался реконструировать ход своих мыслей: «Когда я заметил пятна крови на документах, я сказал себе: никто и никогда их не получит»[24].

Прежде чем направиться к камину, Хьюмс в последний раз пересмотрел оригинальные записи. Он бросил окровавленные листы оригинала чернового отчета о вскрытии в огонь и смотрел, как они превращаются в пепел. Затем кинул в огонь и свои записи из секционного зала[25].

«Я сжег все, что у меня было, за исключением окончательной версии отчета, – сказал он. – Мне не хотелось оставлять ничего. Точка».

Мотель «Экзекьютив-Инн»

Даллас, Техас

23 ноября 1963 года, суббота

В Далласе уничтожение улик началось на следующий день после убийства. Через несколько часов после ареста мужа Марина Освальд вспомнила о «глупых фотографиях», которые она сделала на заднем дворе ветхого домика в Новом Орлеане, где их семья провела то лето. На фотографиях был запечатлен ухмыляющийся Ли, весь в черном, с винтовкой (приобретенной по почте) в одной руке и номерами газет The Militant и The Worker в другой.

В пятницу вечером, после того как сотрудники ФБР и полиции Далласа допросили Марину, ей позволили вернуться в дом Рут Пейн, ее тамошней приятельницы, немного говорившей по-русски. Марина, поразительно красивая 22-летняя русская женщина, которая вышла замуж за Освальда, когда он пытался перебраться в Советский Союз, жила у Рут несколько недель, пока Освальд в поисках работы жил сначала в Новом Орлеане, а потом и в других местах.

По возвращении домой она сразу же нашла фотографии, которые спрятала в альбом с детскими фотографиями, и показала их свекрови – Маргерит

Освальд. Женщины были едва знакомы – Освальд всегда говорил, что ненавидит свою мать и отказывался с ней видеться, – и вот убийство заставило обеих миссис Освальд воссоединиться. Марина знала по-английски всего несколько слов.

– Мама, мама, – воскликнула она, показывая снимки свекрови.

По свидетельству невестки, фотографии младшего сына с винтовкой в руках произвели шокирующее впечатление на миссис Освальд:

– Спрячь их, – немедленно сказала она.

Марина засвидетельствовала, что поступила именно так, как ей было сказано, положив фотографии в свой ботинок.

На следующий день, в субботу, после того как Марину еще несколько часов допрашивали полицейские, свекровь подошла к ней и спросила:

– Фотографии, где они?

Марина показала на свои ботинки.

– Сожги их, – сказала Маргерит невестке (так об этом вспоминала Марина), – сожги немедленно.

И вновь Марина поступила так, как ей было сказано. В тот вечер ее и свекровь Секретная служба перевезла в маленький мотель «Экзекьютив-инн», неподалеку от аэропорта Лав-Филд. Марина рассказывала, что взяла фотографии и коробку спичек в ванную, положила фотографии в пепельницу, которую нашла в номере мотеля, чиркнула спичкой и поднесла пламя к краю одной из фотографий. Плотная фотобумага горела плохо, и, по словам Марины, ей пришлось использовать несколько спичек. Позже свекровь утверждала, что это именно Марина решила уничтожить фотографии. Но Маргерит Освальд находилась в том же номере и видела, как Марина сжигает фотографии. Маргерит призналась, что это она, а не Марина, спустила содержимое пепельницы в унитаз. «Я бросила обгоревшие обрывки снимков и пепел в унитаз, – рассказывала она позже, – и спустила воду. Мы не сказали друг другу ни слова».

Региональное отделение ФБР в Далласе

Федеральное Бюро Расследований

Даллас, Техас

24 ноября 1963 года, воскресенье

В те выходные некоторые документы стали исчезать и из материалов ФБР. Около шести часов вечера, в воскресенье, специальный агент ФБР Джеймс Хости был вызван в офис своего начальника Гордона Шэнклина, ответственного оперативного сотрудника регионального отделения ФБР в Далласе. Хости рассказывал, что Шэнклин пододвинул к нему листок бумаги, лежавший на столе26 .

– Избавься от этого, – приказал он, – Освальд уже мертв. Суда не будет.

Несколькими часами ранее Освальд был застрелен Джеком Руби в Главном управлении полиции Далласа; шокирующая сцена была показана по национальному телевидению в прямом эфире.

Шэнклин кивнул на листок бумаги и повторил свой приказ агенту Хости, 38-летнему человеку с квадратной челюстью, который поступил на работу в ФБР десять лет назад в качестве офисного клерка – традиционный карьерный путь для региональных агентов.

– Избавься от этого, – повторил Шэнклин.

Третий раз Хости повторять было не нужно. Он узнал этот листок – заявление, сделанное рукой Освальда, которое сам Освальд и принес в отделение ФБР в начале ноября, требуя, чтобы ФБР прекратило донимать его жену – женщину русского происхождения.

«Если вы не оставите в покое мою жену, я приму соответствующие меры», – было написано в заявлении, как позднее вспоминал Хости. Женщина, дежурный офицер, принявшая от Освальда заявление, говорила, что он произвел на нее впечатление «безумного и, возможно, опасного» человека.

Хости и Шэнклин прекрасно могли себе представить, что произойдет, если Эдгар Гувер узнает о существовании этого заявления. Оно доказывало, что Бюро имело контакт с Освальдом за считаные дни до убийства, что кто-то из Бюро лично контактировал с женой Освальда, что Освальд собственной персоной приходил в Далласское отделение ФБР. Попросту говоря, этот листок бумаги говорил о том, что Бюро, точнее, его сотрудники Шэнклин и Хости упустили шанс остановить Освальда до того, как он застрелит президента.

Из заявления следовало, что ФБР следило за Освальдом на протяжении месяцев. На самом деле, как знали Шэнклин и Хости, в Далласском отделении ФБР с марта на Освальда было заведено дело как на человека, могущего представлять угрозу национальной безопасности. Освальд вернулся в США годом ранее, после неудачной попытки перебраться в Россию, и в ФБР подозревали, что вернулся он для того, чтобы осуществлять шпионскую деятельность в пользу Советского Союза.

Шэнлин продолжал неотрывно смотреть на заявление, ожидая, когда Хости возьмет его.

Хости было о ком заботиться: жена и восемь детей жили на его жалованье, 9 тысяч долларов в год. В ФБР приказы было принято исполнять, даже такие противозаконные, как уничтожение ценнейших улик, касающихся человека, который только что застрелил президента.

Хости взял листок и вышел из офиса, прошел несколько метров по коридору до мужского туалета. Он зашел в одну из кабинок и закрыл за собой дверь. Там он порвал заявление и бросил кусочки в унитаз. Когда с этим было покончено, он потянул за увесистую деревянную ручку на металлической цепочке и спустил воду. Немного подождал, а потом вновь потянул. Позднее он говорил, что ему хотелось убедиться, что исчезло все до последнего клочка.

Глава 2

Совещательная комната судей

Верховный суд

Вашингтон, округ Колумбия

22 ноября 1963 года, пятница

Стука в дубовую дверь совещательной комнаты никто не ожидал. Редко случалось, чтобы в ходе совещаний, проводившихся каждую пятницу, судей Верховного суда Соединенных Штатов отрывали от работы. Согласно традиции, сотрудники суда могли прерывать работу судей только при чрезвычайных обстоятельствах, причем допускалось только передавать в совещательную комнату записку1 .

Председатель Эрл Уоррен, проработавший в суде уже десять лет, понимал цену этой и многих других, на первый взгляд таинственных традиций Верховного суда хотя бы потому, что они помогали поддерживать атмосферу вежливости в группе из девяти волевых мужчин, некоторые из которых относились друг к другу с чрезвычайной неприязнью.

В пятницу 22 ноября 1963 года, вскоре после 13.30, судьи услышали стук в дверь. По традиции открыть дверь должен был самый молодой из судей, поэтому Артур Голдберг, пришедший в суд только год назад, молча направился к двери. Он взял протянутый ему листок бумаги и передал его председателю суда. В оглушительной тишине Уоррен пробежал глазами записку, напечатанную на пишущей машинке его личным секретарем, Маргарет Макхью. Затем он поднялся и прочел ее вслух: «Президент был обстрелян во время проезда кортежа по Далласу. Насколько тяжело он ранен, неизвестно»2 .

Как позднее вспоминал Уоррен, члены суда были «безмерно потрясены» и разошлись по своим кабинетам. «Никто ничего не говорил, но я убежден, что каждый из нас, ошеломленный этой новостью, удалился из зала туда, где можно было послушать сообщения об этой трагедии по радио»3 . (Некоторые судьи и их подчиненные собрались в кабинете судьи Уильяма Бреннана, у которого был телевизор, и следили за репортажем Уолтера Кронкайта на CBS.) Уоррен отправился в свой кабинет, где оставался, слушая радио, «пока не угасла последняя надежда», вспоминал он. «Через минут сорок пришло известие о смерти президента – в это невозможно было поверить».

У Уоррена и его коллег были особые причины для переживаний: за 36 часов до этого они были на приеме у президента и миссис Кеннеди в жилых покоях первой семьи государства на втором этаже Белого дома. «Это был незабываемый дружеский и радостный прием, – вспоминал Уоррен. – Замечательное событие». Он припомнил, что судьи оживленно обсуждали поездку Кеннеди в Техас, которая должна была состояться на следующее утро4 .

Пять городов за два дня – многим в официальных кругах Вашингтона такой насыщенный тур виделся слишком политически рискованным. Президента предупредили, что его могут ожидать демонстрации протеста, организованные правыми, в особенности в консервативном Далласе. В Биг Ди – так политические активисты любили называть свой город – имелось несколько ультраправых экстремистских группировок, поэтому именитых политических визитеров принимали, не считаясь с приличиями, а подчас и по-хамски. Всего лишь месяцем ранее постоянный представитель США в ООН и бывший сенатор Эдлай Стивенсон был встречен у дверей отеля в Далласе возмущенными криками демонстрантов, выступавших против ООН, а какая-то разъяренная домохозяйка огрела его по голове картонным плакатом «Долой ООН!». В ходе кампании 1960 года Линдон Джонсон, баллотировавшийся от демократов Техаса, а на тот момент кандидат в вице-президенты, возглавлявший группу большинства в Сенате, и его жена Леди Берд Джонсон были окружены вопящей толпой из сотен противников Кеннеди, когда они попытались перейти улицу и попасть на официальный обед в отеле «Адольфус». У одного из протестующих в руках был изодранный плакат избирательной кампании Джонсона, поперек которого было написано «Улыбка Иуды»; другой протестующий плюнул в миссис Джонсон. Позднее она говорила, что те 45 минут, которые ушли у них на то, чтобы пересечь Коммерс-стрит, были самыми страшными в ее жизни.

Вспоминая прием в Белом доме, судья Уоррен говорил: «Мы шутили, советовали президенту быть поосторожнее “с этими дикими техасцами” – но, естественно, мы и думать не могли о какой бы то ни было реальной угрозе»5 .

Членам Верховного суда запомнился момент, когда пришло

подтверждение о смерти президента: председатель заплакал и в последующие дни он ходил, едва удерживаясь от рыданий6. Ни для кого в Верховном суде не было тайной, что судья Уоррен души не чаял в Джоне Кеннеди, хотя противники президента из числа республиканцев за это обвиняли его в пристрастности. По признанию самого Уоррена, он испытывал к Кеннеди почти отеческие чувства. «Я словно потерял одного из сыновей, – говорил он об убийстве7. – Последующие дни и ночи были кошмаром – никогда прежде я такого не испытывал»8.

Президента и председателя Верховного суда разделяло целое поколение. Кеннеди умер в 46 лет, в день убийства Уоррену было 72 года. В молодом человеке Уоррен видел многообещающего прогрессивного руководителя, в особенности в вопросах социальной справедливости, он сам надеялся стать таким руководителем, когда участвовал в президентской кампании 1952 года. С 1943 по 1953 год Уоррен был губернатором Калифорнии, причем в родном штате его поддерживали не только республиканцы, хотя он и был всю жизнь членом Республиканской партии. Он гордился тем, что все три раза, когда получал большинство голосов на губернаторских выборах, за него отдавали голоса и большинство демократов Калифорнии.

На посту губернатора он поддерживал политический курс, который приводил в бешенство многих консервативных республиканцев, выступавших за снижение налогов. Уоррен добился огромных инвестиций в высшее образование и транспорт, сумма собираемых налогов на топливо выросла за 10 лет на 1 миллиард долларов – неслыханная для бюджета штата сумма в те времена, – чтобы оплатить строительство в Калифорнии суперсовременных автомагистралей, ставших образцом для всех дорог страны. После Второй мировой войны в масштабах штата он создал сходную с «Новым курсом» Рузвельта программу по трудоустройству рабочих, в особенности ветеранов, нацеленную на снижение безработицы. Его попытка ввести систему всеобщего здравоохранения почти увенчалась успехом, он был вынужден отказаться от этой инициативы из-за агрессивной кампании, развернутой Калифорнийской медицинской ассоциацией, которая окрестила его план «социализированной медициной».

Звезда Уоррена восходила в сороковых годах, в 1948-м он был выдвинут в кандидаты в вице-президенты от Республиканской партии при кандидате

в президенты губернаторе Нью-Йорка Томасе Дьюи. После того как Гарри Трумэн нанес Дьюи неожиданное поражение, Уоррен вернулся в Калифорнию и стал взвешивать свои собственные шансы в президентской гонке. Он выставил свою кандидатуру в 1952 году, но ему помешал другой видный калифорнийский республиканец, сенатор Ричард Никсон, который возглавил бунт среди республиканских лидеров штата в поддержку генерала Дуайта Эйзенхауэра. Действия Никсона гарантировали назначение Эйзенхауэра, который добился уверенной победы в ноябре, а Никсон был избран вице-президентом. Взаимоотношения между двумя политиками были отравлены до конца их дней. Победа Кеннеди на президентских выборах 1960 года очень обрадовала Уоррена, не в последнюю очередь потому, что это было и поражение Никсона.

И все же у Уоррена были причины быть благодарным Эйзенхауэру, который назначил его председателем Верховного суда. Так генерал выполнил обещание, данное Калифорнии в ходе президентской кампании, в благодарность Уоррену, который в 1952 году во все горло расхваливал кандидата-республиканца[9] . Позднее Эйзенхауэр отзывался о назначении Уоррена председателем Верховного суда как о «самой большой и идиотской ошибке из всех», что он допустил[10] . Его приводили в ярость далеко идущие постановления Верховного суда в пользу гражданских прав и свобод, начиная с решения по делу «Браун против Совета по образованию» в 1954 году, в котором Верховный суд запретил расовую сегрегацию в государственных школах.

Для Уоррена избрание Джона Кеннеди изменило все. Новый президент лично обращался к председателю Верховного суда, пытаясь стать его другом. Уоррена и его жену Нину стали приглашать на шикарные приемы и ужины в Белом доме, где их знакомили с друзьями Кеннеди – обитателями Голливуда и Палм-Бич. Выросший в суровой реальности опаленного солнцем калифорнийского города Бейкерсфилд, Уоррен, сын железнодорожного рабочего, в присутствии Кеннеди часто испытывал благоговейный восторг.

Поддержка со стороны Кеннеди не ограничивалась зваными ужинами. Часто он публично выражал свое восхищение Уорреном и постановлениями Верховного суда. Председатель был исполнен благодарности, в особенности учитывая, какой жесткий отпор встречали

решения суда в пользу гражданских прав. Многие в стране презирали его, постепенно он привык получать письма и телефонные звонки с угрозами смерти. К моменту убийства Кеннеди в стране уже долгие годы велась кампания по импичменту Уоррена. «Импичмент Эрлу Уоррену» – в день убийства Кеннеди такие постеры и наклейки на бамперах машин можно было встретить по всему Далласу.

Через несколько часов после убийства Уоррен отдал своим сотрудникам распоряжение выступить с официальным заявлением, в котором было бы высказано предположение, что президент был убит из-за того, что, как и Уоррен, осмеливался протестовать против расизма и других проявлений несправедливости. «Замечательный президент принял мученическую смерть из-за ненависти и ожесточения, которыми фанатики отравили жизнь нашего народа», – писал Уоррен11. Заявление было передано репортерам еще до того, как было сделано объявление об аресте Ли Харви Освальда, 24-летнего жителя Далласа, работника склада школьных учебников в районе Дили-Плаза12.

В тот вечер Уоррену сообщили, что новый президент, Линдон Бейнс Джонсон, возвращается в Вашингтон на борту президентского самолета, где также находился бронзовый гроб с телом его предшественника. Белый дом пригласил председателя Верховного суда вместе с лидерами Конгресса и членами кабинета Кеннеди прибыть на авиабазу Эндрюс, находившуюся в Мэриленде, в нескольких километрах к юго-востоку от Вашингтона, чтобы встретить нового президента. Уоррена с супругой на базу отвез один из сотрудников Верховного суда; и часов около 6 вечера чета Уорренов со скорбными лицами наблюдала за приземлением Борта номер один. Они видели, как на трапе появился президент Линдон Джонсон, а за ним Жаклин Кеннеди, по-прежнему в розовом костюме. Позднее Уоррен описывал «пронзающую сердце картину: опечаленный новый президент и раздавленная горем вдова, все еще в залитой кровью одежде, той, что была на ней в тот момент, когда к ней склонился смертельно раненный муж». Уоррен оставался рядом с самолетом, когда из задней двери медленно опустили на землю гроб.

На следующее утро Уоррен и другие судьи были приглашены в Восточный зал Белого дома на неофициальную церемонию прощания с покойным.

Миссис Уоррен сопровождала мужа, а затем стояла и рыдала на северном портике Белого дома в ожидании, когда шофер отвезет ее домой. Уоррен домой не поехал. Вместо этого он отправился в Верховный суд, где провел большую часть дня «в ожидании информации о дальнейших событиях». Жизнь в городе, по сути, остановилась. «Государственный аппарат не работал, – писал он. – Казалось, весь мир застыл».

Многие жители столицы помнят скорбь, к которой примешивался страх. Пентагон и другие военные объекты вокруг Вашингтона были приведены в состояние боевой готовности из опасения, что убийство президента было осуществлено агентами Советского Союза или Кубы и являлось агрессивным выпадом, влекущим за собой неизбежный обмен ядерными ударами. В тот уикенд многих в Вашингтоне, включая президента Джонсона, не покидало предчувствие грядущего апокалипсиса – как это было год назад, во время Карибского кризиса.

Остаток уикенда Уоррен провел как в тумане. Он запомнил, как вечером в субботу вернулся домой, в свою квартиру в жилом крыле отеля «Шератон Уордмен Парк», расположенного в утопающем в зелени северном Вашингтоне, как долго смотрел телевизор, «слушая безумные истории и слухи, заполонившие эфир». Подобно миллионам американцев он впервые в жизни лицезрел национальную трагедию, разворачивавшуюся на мерцающих экранах телевизоров. Ему было омерзительно сидеть перед экраном, смотреть на одни и те же черно-белые картинки, на повторявшиеся вновь и вновь кадры хроники: убийство президента, арест Освальда. «Но, казалось, делать было больше нечего». Около 9 часов вечера раздался телефонный звонок. Он поднял трубку и вздрогнул, услышав слабый, но в это мгновение глубоко взволнованный голос миссис Кеннеди, звонившей из Белого дома. Она просила Уоррена на следующий день произнести краткую надгробную речь в память о ее муже в ротонде Капитолия США, куда гроб был перенесен для церемонии публичного прощания с телом президента. «Услышав ее голос, ее просьбу выступить на церемонии, я чуть не потерял дар речи, – вспоминал Уоррен. – Конечно, я сказал, что сделаю это»13 .

Он взял блокнот и попробовал набросать несколько слов о погибшем президенте, но у него ничего не получалось. Усталый и подавленный, он не мог написать ничего стоящего. «Излагать мысли на бумаге я был не в состоянии», – рассказывал он. Уоррен отправился спать около

полуночи, понадеявшись, что вдохновение придет утром. Еще не было семи, когда он встал и вернулся к работе, обеспокоенный тем, что не успеет закончить речь к сроку. Церемония была назначена на 13.00. Около 11.00, когда он все еще писал, в комнату влетела его дочь Дороти.

– Папа, только что убили Освальда!

– Дороти, не обращай внимания на все эти безумные слухи, иначе они доведут тебя до умопомрачения, – отвечал Уоррен, раздраженный тем, что его отрывают от дела.

– Папа! – воскликнула она. – Я видела, как они это сделали.

Уоррен кинулся к телевизору и увидел повтор репортажа: как окруженного полицейскими Освальда в наручниках ведут к полицейскому фургону, как в него стреляет Джек Руби, владелец ночного клуба в Далласе. В тот момент было неясно, выживет ли Освальд.

Невзирая на новое потрясение Уоррен заставил себя вернуться к блокноту. У него оставалось менее часа, чтобы закончить речь и попросить Нину перепечатать ее на пишущей машинке, а потом надо было ехать через весь город на Капитолийский холм. Благодаря помощи полицейских, узнавших председателя Верховного суда в лицо и расчистивших для него запруженные людьми улицы, Уоррены успели добраться до Капитолия к назначенному часу. Уоррен был одним из трех выступавших на церемонии. Двое других были избраны как представители двух палат Конгресса: спикер Палаты представителей Джон Маккормак из Массачусетса и лидер большинства Сената Майк Мэнсфилд, оба были демократами.

Все три речи были краткими. Речь Уоррена была самой прочувствованной.

– Джон Фицджеральд Кеннеди – замечательный президент, друг всех людей доброй воли, веривший в достоинство и равенство всех людей, борец за справедливость, апостол мира – был отнят у нас пулей наемного убийцы, – так начал Уоррен свою речь. – Что подвигло жалкого негодяя совершить такое чудовищное злодеяние, быть может, навсегда останется нам неизвестно, и все же мы знаем, что на подобные преступления обычно толкают ненависть и злая воля, которые пытаются проникнуть в кровь и плоть Америки. Какую цену мы платим за этот фанатизм!

Если мы действительно любим свою страну, если мы воистину любим справедливость и милосердие, если мы полны горячего желания сделать этот народ лучше для тех, кто идет по нашим стопам, мы по крайней мере должны отречься от ненависти, которая снедает людей, – продолжал Уоррен. – Смеем ли мы надеяться, что мученическая смерть нашего возлюбленного президента сможет смягчить сердца тех, кто сам не пойдет на убийство, но без колебаний распространяет отраву, которая распаляет мысли об убийстве в других?14

Уоррен гордился своей речью и опубликовал ее полностью в своих мемуарах, однако его безудержный панегирик Кеннеди некоторым его слушателям показался неподобающим для председателя Верховного суда, который по должности обязан был быть выше своих пристрастий. Стал бы он сочинять такой панегирик в честь Эйзенхауэра? Скорее всего, нет.

Роберт Кеннеди позднее говорил друзьям, что тон высказываний Уоррена ему не понравился. «Я подумал, что говорить о ненависти было неуместно». Кое-кто в Вашингтоне был еще больше оскорблен речью Уоррена. Конгрессменами, открыто критиковавшими Кеннеди, в частности южанами-сегрегационистами, выступавшими против его законодательных инициатив по вопросам о гражданских правах, слова председателя Верховного суда, порицавшего «ненависть и злую волю», были немедленно восприняты как прямая угроза. Когда же выяснилось, что Ли Харви Освальд был продуктом политических сил, которые не имели к ним ни малейшего отношения, ярости их не было предела. Если верить самым первым новостным репортажам, Освальд был марксистом, некогда попытавшимся перебраться в Советский Союз и откровенно восхищавшимся Фиделем Кастро.

Сенатор Ричард Рассел, демократ от штата Джорджия, который был председателем Комитета по делам вооруженных сил и многими воспринимался как влиятельный человек в Сенате, говорил своим коллегам, что кипел от ярости, слушая речь Уоррена15 . Рассел, вероятно, самый блестящий законодатель-тактик своего поколения, был стойким сегрегационистом. Он постоянно делал пометки на листках отрывного блокнота, который носил в кармане пиджака; его секретарь позже собрал все эти заметки. На одном из листков он написал про надгробную речь

Уоррена: «Уоррен огульно винит Юг».

Рассел свирепел только от одного упоминания имени Уоррена. Так было с 1954 года, после дела «Браун против Совета по образованию», которое Рассел рассматривал как начало кампании Верховного суда, нацеленной на подрыв того, что он называл «южным образом жизни». К погибшему президенту Рассел испытывал совершенно другие чувства. Невзирая на разногласия в отношении гражданских прав он всегда любил Кеннеди. По воспоминаниям репортеров, в день убийства Рассел был в вестибюле здания Сената: склонившись над телетайпами, печатавшими сообщения Associated Press и United Press International , Рассел громко зачитывал бюллетени из Далласа своим коллегам, и по щекам у него лились слезы.

Если что и могло быть в тот день утешительным для 66-летнего Рассела, так это то, что он хорошо знал и любил человека, который теперь должен был занять место в Овальном кабинете. Линдон Джонсон был его ближайшим другом, новый президент был самым преданным протеже Рассела все то время, что они вместе работали в Сенате. Джонсон называл Рассела «великим учителем» и относился к нему как к любимому дядюшке. Этому политику из Джорджии он был обязан своими успехами в Конгрессе и в роли лидера большинства в Сенате, иногда вместе с Расселом он выступал против законопроектов о гражданских правах.

Однако вскоре Расселу пришлось горько разочароваться в своем бывшем протеже. Став президентом, Джонсон первым делом заставил своего старого коллегу по работе в Сенате – в сущности, прибегнув к шантажу – работать с человеком, которого тот совершенно открыто презирал более чем кто бы то ни было в Вашингтоне, – с Эрлом Уорреном16 .

Дом генерального прокурора Роберта Кеннеди

Маклейн, Виргиния

22 ноября 1963 года, пятница

Роберту Кеннеди было всего 38 лет, но он успел нажить немало влиятельных врагов. По превратности судьбы об убийстве своего брата он узнал от одного из них – от Эдгара Гувера, директора ФБР17 .

Через секунды после получения сообщения от регионального отделения ФБР в Далласе о выстрелах на Дили-Плаза Гувер снял телефонную трубку в своем кабинете, и его соединили с Хикори-Хилл, поместьем Кеннеди в штате Виргиния в предместье Вашингтона, построенным во времена Гражданской войны на площади в 2,4 гектара. К телефону подошла Этель Кеннеди, жена генерального прокурора18 . Ее муж и его гость Роберт Моргентау закусывали на патио сэндвичами с тунцом. Ноябрьский день выдался на удивление жарким – таким жарким, что генеральный прокурор даже искупался в бассейне, пока Моргентау разговаривал с Этель. Говорили они о войне, объявленной Кеннеди организованной преступности.

Этель сделала знак мужу.

– Это директор.

Кеннеди подошел к аппарату.

– Слушаю вас, директор.

– У меня для вас новости, – сказал Гувер. – В президента стреляли.

Гувер сказал, что раны президента серьезные и что перезвонит, когда у него появится больше сведений. А затем, как рассказывал Кеннеди, связь оборвалась.

Годы спустя Кеннеди продолжал помнить, каким холодным голосом говорил Гувер, как будто звонил по одному из рутинных дел Министерства юстиции19 . Кеннеди с горечью вспоминал, что в голосе у Гувера не было «даже того волнения, с которым он докладывал об обнаруженном им среди сотрудников Университета Говарда коммунисте»[1].

Позднее Моргентау вспоминал, что реакцией Кеннеди на новость были ужас и безутешная скорбь. После звонка Гувера Кеннеди, сгорбившись, шагнул в объятия жены, закрыв рот ладонью, словно сдерживая крик.

Джон Кеннеди был ему старшим братом, лучшим другом, и мысль о том, что Роберт Кеннеди был также и генеральным прокурором Соединенных

Штатов – главным чиновником правоохранительных органов нации – в те минуты попросту не шла на ум. Этель отвела мужа наверх в спальню, где они оставались в ожидании окончательного подтверждения из Техаса. Моргентау она попросила спуститься на первый этаж к телевизору.

В тот день в поместье Хикори-Хилл кинулись ближайшие помощники Кеннеди. Около часа дня, после того как вышло официальное сообщение о смерти Джона Кеннеди, генеральный прокурор вышел из своей спальни и спустился вниз. Он медленно двинулся сквозь стоящих вокруг друзей и помощников, принимая соболезнования, благодаря их за вклад в деятельность его брата на посту президента. Некоторым он вполголоса сказал несколько слов, из которых было ясно, что он раздавлен чувством вины – считает, что на нем в какой-то мере лежит ответственность за случившееся. Казалось, он верил в существование некого беспощадного и неодолимого врага администрации Кеннеди – и в особенности возглавляемого Робертом Министерства юстиции, который стоял за убийством его брата. «Как много было ненависти, – сказал он одному из наиболее доверенных своих заместителей, Эду Гутману, пресс-секретарю министерства. – Я подозревал, что они доберутся до одного из нас. Я думал, это буду я»20. Вспоминая этот разговор, Гутман сказал, что Кеннеди не дал понять, кого он имел в виду, говоря «они».

Позднее немногочисленным близким друзьям Кеннеди рассказал о своих первоначальных опасениях, что убийство было организовано Центральным разведывательным управлением. Мысль дикая на первый взгляд, однако он знал, что люди из разведывательного агентства так и не простили его брату сокрушительный провал «операции в заливе Свиней» в 1961 году, когда прошедшие подготовку в ЦРУ кубинские политические эмигранты пытались захватить Кубу и свергнуть правительство Кастро. Хотя вина за катастрофу лежала на бездарном командовании ЦРУ, старые сотрудники управления были возмущены решением президента не поднимать силы ВВС США на помощь повстанцам, когда операция зашла в тупик. После провала операции Кеннеди отправил в отставку директора ЦРУ Аллена Даллеса и, как говорили, пообещал «расколоть ЦРУ на тысячу кусочков и развеять их по ветру»21 .

Через час после убийства Кеннеди позвонил в ЦРУ и попросил Джона

Маккоуна, бывшего промышленника из Калифорнии, а тогда занимавшего пост Аллена Даллеса, немедленно прибыть в Хикори-Хилл. Маккоун приехал тотчас – штаб-квартира ЦРУ находилась в Лэнгли, штат Виргиния, в нескольких минутах езды на автомобиле, – и Кеннеди мрачно попросил его пройтись с ним по лужайке. Маккоун выразил свои соболезнования, в ответ генеральный прокурор задал ему вопрос, от которого директор вздрогнул. Неужели президента убило ЦРУ?

«Я спросил Маккоуна… их ли люди убили моего брата, спросил так, что он не мог мне солгать», – вспоминал впоследствии Кеннеди22 .

Маккоун заверил Кеннеди, что ЦРУ не имело никакого отношения к убийству, в чем он готов поручиться как человек верующий – как его собрат по католической церкви.

Кеннеди ответил, что принимает его слова. Но если не ЦРУ, то кто или что убило его? Список заклятых врагов у Роберта Кеннеди, вероятно, был длиннее, чем у его брата, мотивы и возможности подослать в Техас наемного убийцу были у многих.

Для убийства не понадобилось ни сложного сценария, ни профессионального убийцы – все это было уже очевидно. Из первоначальных донесений можно было заключить, что его брат, а также губернатор Техаса Коннелли, сидевший в президентском лимузине и получивший серьезное ранение, были легкими мишенями в медленно двигающемся кортеже.

Могло ли это быть делом рук мафии, которую Роберт Кеннеди преследовал сначала как следователь, занимавшийся делом по поручению Конгресса, а теперь как генеральный прокурор? Или убийство было заказано коррумпированными боссами профсоюзов, быть может, таким извергом, как глава профсоюза водителей грузовиков Джимми Хоффа, еще одним объектом преследования Министерства юстиции? Или убийство было организовано расистами с Юга, озлобленными политикой администрации Кеннеди в отношении гражданских прав?

Существовала также вероятность того, что президент был убит иностранным врагом. В первые часы Кеннеди не выказывал опасений, что за убийством мог стоять Советский Союз; в Москве понимали,

что любой преемник Кеннеди в Вашингтоне вряд ли изменит свое отношение к Кремлю. Больше оснований было подозревать Кубу. Из-за нее Соединенные Штаты едва не были втянуты в ядерную войну в ходе Карибского кризиса. И Роберт Кеннеди очень хорошо, быть может, лучше своего брата, знал, что у Фиделя Кастро были причины желать смерти Джона Кеннеди.

Не дожидаясь, пока расследование будет начато другими, и, вероятно, чувствуя политическую опасность, которую могло нести в себе независимое расследование, в тот день Кеннеди начал свое собственное частное расследование23 . Он немедленно обзвонил друзей и политических союзников в разных частях страны, обладавших хорошими связями: заручившись обещанием хранить тайну, он попросил их помочь ему узнать правду об убийстве брата. Он позвонил Уолтеру Шеридану, следователю Министерства юстиции, эксперту по организованной преступности в профсоюзах, и попросил его проверить, не имел ли Хоффа отношения к убийству. Затем он позвонил Джулиусу Дразнину, видному чикагскому адвокату по трудовым делам, у которого были контакты с представителями организованной преступности, чтобы узнать, не было ли убийство осуществлено по заказу мафии.

Роберт Кеннеди с самого начала не мог допустить мысли о том, что Ли Харви Освальд действовал в одиночку.

Глава 3

Мемориальная больница Паркленда

Даллас, Техас

Вашингтон, округ Колумбия

22 ноября 1963 года, пятница

У Линдона Джонсона был ум конспиратора. Для его бесперспективной политической карьеры это было ценное качество, которое помогло

Джонсону перебраться с равнин Техаса на Капитолийский холм, а теперь – умопомрачительным образом – в Овальный кабинет. Давно знавшие его коллеги в Сенате думали, что взгляд этого осторожного и жадного до власти 57-летнего техасца может загибаться за угол и храни Господь всякого, кто там притаился и плетет против него интриги. Чтобы расправиться со своими врагами, Джонсон был готов на все. Чутье на заговорщиков у него было отменное, что помогает объяснить никогда не покидавшую его паранойю и пессимизм, которые ему удавалось скрывать от публики. За три года на посту вице-президента ему нередко приходилось испытывать унижение, но он скрывал свое уныние под личиной, которую Жаклин Кеннеди и некоторые помощники президента язвительно называли имиджем «Дядюшки с Юга»: грубоватый, плюющийся жвачкой, беспредельно гордый собой техасец, казавшийся столь неуместным в обществе массачусетских снобов1 .

Чаще всего инстинкт его не подводил. И теперь в Далласе, в первые минуты своего пребывания на посту 36-го президента Соединенных Штатов, он был убежден, что убийство его предшественника может быть только первым пунктом иностранного коммунистического заговора, нацеленного на свержение правительства. Он опасался, что его президентство будет недолгим и кончится, как только он приведет в действие ядерные боеголовки, а это будет концом для всего мира. По его собственным воспоминаниям, в тот день он думал: «Когда полетят ракеты?» «В голове моей тогда пронеслась мысль: если они застрелили президента, в кого будет следующий выстрел?»2 Джонсон боялся стать второй мишенью. В конце концов, он и его супруга, Леди Берд Джонсон, были в том же кортеже, в открытом лимузине, всего в двух автомобилях позади машины президента. Одна шальная пуля, и они также стали бы жертвами. Джон Коннелли, близкий друг и протеже Джонсона, ехал в президентском лимузине и был серьезно ранен. В первые часы после убийства было неясно, сможет ли он выжить после того, как 6,5-миллиметровая пуля пробила ему спину и вышла через грудь.

Один из первых приказов Джонсона в роли верховного главнокомандующего был нацелен на то, чтобы сохранить свою собственную жизнь3 . После того как около часа дня было объявлено о смерти Джона Кеннеди, Джонсон приказал пресс-секретарю Белого дома Малькольму Килдафу не передавать эту новость репортерам до тех пор, пока он не покинет больницу Паркленда и не окажется в далласском

аэропорту Лав-Филд, где с утра, когда туда прибыл Джон Кеннеди, находился Борт номер один. Джонсон опасался, что убийца Кеннеди, кем бы он ни был, мог охотиться и за ним. «Мы не знаем, имеют ли коммунисты к этому отношение или нет, – говорил он Килдафу, – убийца может точно так же охотиться на меня, как и на Кеннеди, мы просто не знаем».

После лихорадочного метания по улицам Далласа в обычном полицейском автомобиле – сирену Джонсон приказал отключить, чтобы никто не заметил его сгорбленную фигуру на заднем сиденье, – новый президент прибыл в аэропорт около 13.40 по далласскому времени и поднялся на Борт номер один. (По вашингтонскому времени было на час позже.) С момента, когда на Дили-Плаза грянули выстрелы, прошло приблизительно 70 минут. Опасаясь прячущихся в аэропорту снайперов, агенты спецслужб «вбежали в самолет перед нами, опустили жалюзи и закрыли за нами обе двери», рассказывал Джонсон позднее о прибытии на Борт номер один4 .

Он вспоминал, что испытал легкое чувство облегчения, попав на борт по-королевски роскошного президентского лайнера, в знакомую обстановку с телефонами и другими средствами связи, при помощи которых он в считаные минуты мог связаться практически с любым человеком в мире. Как и всегда, наличие телефона подействовало на Джонсона успокаивающе. Не многие политики пользовались телефоном настолько часто, как Джонсон: телефонная трубка была в его руках то инструментом политических интриг, то оружием. В годы президентства Джонсона его разговоры записывали на пленку, а затем расшифровывали, и лишь немногие из его собеседников были поставлены об этом в известность.

Невзирая на то что агенты спецслужб намеревались отдать приказ о вылете немедленно после прибытия Джонсона в аэропорт Лав-Филд, он не позволил им улететь до возвращения на борт Жаклин Кеннеди5 . Миссис Кеннеди отказывалась покидать больницу без тела мужа, что стало причиной ссоры агентов Секретной службы с коронером Далласа. (Коронер настаивал, чтобы тело президента оставалось в городе до проведения вскрытия, как этого требовало местное законодательство, но в итоге агенты попросту оттеснили его в сторону.) Супруги Джонсоны провели в напряженном ожидании еще 35 минут, затем к лайнеру подкатил

белый похоронный «кадиллак» с бронзовым гробом президента и сопровождавшей его миссис Кеннеди.

За несколько минут до вылета судья федерального округа Сара Хьюз, друг семьи Джонсонов – Джонсон, еще будучи вице-президентом, сам выдвинул ее на этот пост, – поднялась на борт и в спешном порядке провела церемонию инаугурации. Во время присяги Джонсон стоял подле раздавленной горем миссис Кеннеди. Фотограф, запечатлевший эту сцену, успел выскочить из президентского самолета за секунды до того, как дверь была задраена перед вылетом: ему было поручено как можно быстрее доставить фотографию в Associated Press и другие телеграфные агентства, дабы подтвердить факт передачи президентской власти[6]. Минуту спустя самолет бежал по взлетной полосе и, по воспоминаниям его пассажиров, взмыл в небо почти вертикально. Четыре часа спустя он приземлился в Мэриленде на авиабазе Эндрюс.

Тем же вечером, когда Жаклин и Роберт Кеннеди находились в Медицинском центре ВМФ в Бетесде в ожидании завершения процедуры вскрытия, Джонсон уже решительно приступил к руководству страной. Его помощники позднее восхищались тем, насколько невозмутимым казался он в те первые часы у власти. После семиминутного полета на вертолете с авиабазы Эндрюс в Белый дом он только заглянул в Овальный кабинет, вероятно, понимая, что было бы цинично расположиться там сразу же после убийства. Затем он пересек перекрытую для проезда автомобилей улицу и направился в здание Исполнительного управления, где располагалась команда вице-президента и где он мог проводить встречи и совершать бессчетные телефонные звонки[7].

Он принял у себя министра обороны Роберта Макнамару с докладом. Новости вселяли спокойствие. О разворачивании военных действий со стороны Советского Союза или других враждебных стран речи не шло, тем не менее американские вооруженные силы должны были пребывать в состоянии повышенной боевой готовности.

Донесения из Далласа были не столь утешительными. Несмотря на отсутствие данных о сообщниках Освальда, ФБР и ЦРУ располагали тревожными сведениями о его прошлом, включая попытку отказа от американского гражданства и эмиграцию в Россию четырьмя годами ранее. С момента возвращения Освальда в США в 1962 году ФБР

спорадически организовывало слежку за ним и его русской женой как за вероятными советскими агентами. В отчетах ЦРУ указывалось, что Освальд был взят под наблюдение в сентябре, когда он отправился в Мехико; точные причины поездки не установлены.

В тот вечер и на следующий день Джонсон встречался со старшими помощниками Кеннеди, заявил о поддержке политического курса его администрации, предлагал сохранить весь кабинет Кеннеди: он хотел дать понять людям, что их позиции останутся за ними. «Вы мне нужны даже больше, чем были нужны президенту Кеннеди», – вновь и вновь повторял он8 .

Начиная с самых первых часов на президентском посту Джонсон предпринял решительные, как ему самому казалось, попытки успокоить Роберта Кеннеди – и одновременно заручиться его советом. Однако он ошибался, полагая, что они, потрясенные событиями в Далласе, смогут наладить отношения. Генеральный прокурор всегда относился к Джонсону с неприязнью, и даже после того, как Роберт Кеннеди принял предложение нового президента остаться во главе Министерства юстиции, неприязнь эта не исчезла.

В отличие от старшего брата, человека очень уравновешенного, всегда стремившегося примириться со своими прежними противниками, Роберт Кеннеди был способен на глубокую, даже иррациональную ненависть. Казалось, кровавая вражда с такими людьми, как Джимми Хоффа, Эдгар Гувер, и, быть может, более всего с Джонсоном придавала ему силы. В узком кругу он отзывался о Джонсоне как о человеке «подлом, невыносимом, жестоком – животном во многих отношениях». По его словам, он пришел в ужас от того, что Джонсон – человек, «неспособный говорить правду» – занял место его брата в Белом доме9 .

Вечером своего первого дня на посту президента, около 19.00, Джонсон позвонил Эдгару Гуверу. В этом звонке не было ничего удивительного: Джонсон должен был подозревать, что у директора ФБР имеются самые последние сведения, касающиеся убийства в Далласе. Однако в тот момент у Джонсона были и другие причины: он хотел напомнить Гуверу об их давней дружбе. В последующие десятилетия часто забывали о том

факте, что перед гибелью Кеннеди политическая карьера Джонсона была под очень большим вопросом ввиду расследования дела о взяточничестве, в котором был замешан вашингтонский лоббист, некогда один из ближайших помощников Джонсона в Сенате. Некоторыми линиями расследования занималось ФБР.

Лоббиста Бобби Бейкера называли «Маленьким Линдоном». Его обвиняли во взятках законодателям, а также в содержании так называемого социального клуба на Капитолийском холме – «Кворум-клаб» – заведения, в числе прочего поставлявшего проституток официальным лицам в Конгрессе и Белом доме. В скандал по делу Бейкера могли быть вовлечены и президент Кеннеди, и Джонсон. Гувер был осведомлен о внебрачных связях президента и пристально следил за тем, какие именно претензии предъявляли Бейкеру: его обвиняли в том числе и в том, что лоббист помогал организовать встречи Кеннеди с красавицей родом из Восточной Германии, которая, по слухам, работала на коммунистов.

В неделю, предшествующую убийству, Бейкер стал мало-помалу выдавать секреты Кеннеди и Джонсона наиболее известному и опасному специалисту по скандалам, журналисту Дрю Пирсону. The Washington Merry-Go-Round – колонка, выходившая одновременно в нескольких газетах, которую Пирсон вел на пару со своим помощником Джеком Андерсоном, состояла из смеси серьезных политических псевдосенсаций и скабрезных, часто откровенно лживых сплетен из жизни власть имущих. Осведомители у Пирсона были повсюду, в том числе и среди руководящих работников Белого дома и прочих высокопоставленных чиновников. Одни сбрасывали Пирсону информацию из страха перед ним, другие вели с ним разговоры, поскольку искренне восхищались тем, как отважно он пишет о коррупции и лицемерии в Вашингтоне. Отдавая должное Пирсону, следует заметить, что он одним из первых подверг критике сенатора Джозефа Маккарти.

Среди почитателей Пирсона был председатель Верховного суда Эрл Уоррен. Журналист считал судью одним из самых своих близких друзей – этой дружбой он хвастался в печати. Во времена, когда из-за постановлений в пользу гражданских прав и свобод на суд Уоррена почти со всех концов страны обрушилась яростная критика, председатель суда мог полагаться на защиту Пирсона. Они были настолько близки, что проводили вместе отпуск. В сентябрьской колонке того года Пирсон

описывал отпуск, проведенный на яхте вместе с Уорреном и его женой на Средиземном и Черном морях. Для Пирсона это был рабочий отпуск, в ходе которого он взял интервью у секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущева, а позднее – у югославского лидера маршала Иосипа Броз Тито; Уоррен присутствовал на этих интервью.

Днем во вторник, 21 ноября, менее чем за сутки до убийства, Пирсон встретился с Бобби Бейкером в Вашингтоне. То была их первая личная беседа, и у бывшего работника Сената, а теперь лоббиста имелось немало грязных подробностей, которыми он мог поделиться со своим собеседником. «Бобби подтвердил, что президент вступал в связь со многими женщинами», – писал Пирсон в своем дневнике. Одна из женщин Кеннеди была активной помощницей Жаклин Кеннеди. «Владелица дома, в котором она жила, подключала прослушивающее устройство к ее кровати, когда у нее бывал Джек», – писал Пирсон10 .

Пирсон во время истории с Бейкером держал Джонсона под прицелом. 24 ноября, в воскресенье, в его колонке должен был быть опубликован материал, вскрывающий финансовые связи между вице-президентом и Бейкером. В своем дневнике Пирсон писал, что из этого выйдет «вполне громкая история», касающаяся Джонсона, Бейкера, а также коррупционной схемы с контрактом на истребители стоимостью в 7 миллиардов долларов, заключенным с техасской фирмой General Dynamics .

Для того чтобы пережить скандал с Бейкером, а также публикацию всего того, что таили в себе записные книжки Пирсона, Джонсон должен был заручиться поддержкой Гувера.

Джонсон и Гувер были близкими друзьями, во всяком случае, согласно циничным стандартам политической дружбы, принятым в Вашингтоне. На протяжении своей карьеры Джонсон искал всяческого расположения у директора ФБР: как и любой другой политик в Вашингтоне, он знал цену покровительству Гувера. Для миллионов людей директор ФБР был воплощением закона и порядка, согласно опросам общественного мнения, он оставался одним из самых популярных людей в стране, более популярным, чем большинство президентов, которым он служил.

Джонсон также осознавал опасность того, что Гувер мог вести свою игру с политиком, которому было что скрывать. Он прекрасно знал, что 68-летний Гувер пускает в оборот секреты общественных деятелей – политические, финансовые, сексуальные – и существует постоянная опасность, что тот или иной секрет может быть обнародован по прихоти или приказу Гувера.

Многолетние попытки Джонсона свести дружбу с директором ФБР были – подчас комичным – заискиванием. Когда в 1942 году Джонсон переехал в Вашингтон, он купил дом в том же квартале, что и Гувер, – сам он называл это совпадением, – в удобном районе Форест-Хиллс. На протяжении двадцати лет они были соседями. Обе дочери Джонсона выросли на глазах у Гувера, нередко по воскресеньям он заглядывал к Гуверам на завтрак. «Он был моим ближайшим соседом – ему, например, нравилась моя собака», – рассказывал Джонсон. Президент и Гувер оба любили собак, и эта тема сопутствовала их дружбе. Когда в 1966 году одна из гончих Джонсона умерла, Гувер подарил ему нового пса. Президент дал ему имя Дж. Эдгар11 . В мае 1964 года, через полгода после того, как Джонсон стал президентом, он подписал правительственное постановление, согласно которому Гувер мог не выходить на пенсию в следующем году, когда ему должно было исполниться 70 лет. «Нация не может позволить себе потерять тебя», – сказал президент. Мотивы Джонсона были не совсем патриотическими, как говорил он в частных беседах, признавая тот факт, что оставил Гувера в должности отчасти потому, что «лучше пусть он будет лить на нас дерьмо изнутри, чем снаружи»12 .

На протяжении нескольких недель после убийства Джонсон в разговорах с Гувером – раз за разом, словно одержимый, – напоминал директору о своей дружбе. «Ты не просто глава Федерального бюро, ты – мой брат и мой друг и был таковым двадцать пять лет, тридцать лет… Я доверяю твоему мнению больше, чем мнению кого бы то ни было еще в этом городе»13 .

Вечером в день убийства Джонсон вернулся домой и лег спать – и, по его воспоминаниям, проспал менее четырех часов, – а на следующее утро вновь отправился в центр города, в Белый дом. На этот раз он направился

в Овальный кабинет, и это привело Роберта Кеннеди в ярость: он полагал, что Джонсон слишком спешит занять рабочее место его брата. Джонсон попросил секретаршу Кеннеди, Ивлин Линкольн, через 30 минут освободить ее рабочий стол для его собственных секретарей. Линкольн, разумеется, так и сделала, но слез сдержать не смогла14.

В субботу, около 9.15, Джонсон получил тревожное сообщение от директора Центральной разведки Джона Маккоуна: тот извещал его о том, что ЦРУ следило за Освальдом в Мехико, где он встречался с дипломатами из посольств СССР и Кубы. Вечером того же дня Маккоун позвонил госсекретарю Дину Раску, дабы сообщить ему о ситуации в Мехико, в том числе о вероятных осложнениях на дипломатическом уровне ввиду ареста молодой мексиканки Сильвии Дюран, работницы кубинского консульства, лично встречавшейся с Освальдом. Женщина была арестована по требованию ЦРУ.

Около 10 часов утра Джонсон вновь разговаривал с Гувером, на этот раз разговор был записан системой звукозаписи Овального кабинета, которой пользовался и Кеннеди15 . По неизвестным для работников Национального архива США причинам на момент составления описи пленок с телефонными разговорами Джонсона в Белом доме запись этого разговора с Гувером оказалась стертой, остался лишь официально заверенный текст расшифровки разговора. Джонсон мог догадываться, что директор досконально изучил всю доступную ему информацию об убийстве. Ведь директор ФБР должен был доложить президенту США об обстоятельствах убийства его предшественника. Но на деле расшифровка этого разговора, опубликованная несколько десятилетий спустя, говорит о том, что доклад директора ФБР представлял собой мешанину из сомнительных фактов. Многие заместители Гувера знали, что директор ФБР не настолько детально осведомлен: он не утруждал себя изучением всех фактов, поскольку никто не осмелился бы указывать ему на ошибки. Гувер так хотел изобразить, что он в курсе всего, что часто оперировал домыслами и полуправдой. Казалось, он не в состоянии был произнести фразу: «Я не знаю».

«Мне хотелось довести до вашего сведения важное для этого дела обстоятельство», – начал Гувер. Он сказал, что «минувшей ночью в Далласе этому человеку» – Освальду – было предъявлено обвинение в убийстве, но «доказательства, которыми они располагают на текущий

момент, не столь уж веские». «Пока что в деле нет оснований для обвинительного приговора».

Нет оснований для обвинительного приговора? Это было первое сомнительное заявление, сделанное Гувером в ходе разговора; как будто бы он пытался убедить Джонсона в том, что – какой бы ни была правда – расследование не может быть доверено только полиции Далласа и необходим строгий контроль со стороны ФБР. Агенты Гувера, работавшие на месте преступления, знали, что полиция Далласа и ФБР успели собрать несметное количество фактов, доказывавших вину Освальда. Освальд был взят под стражу, и несколько свидетелей могли подтвердить, что это скорее всего он был тем самым человеком с винтовкой в руках в окне Техасского склада школьных учебников и уж, во всяком случае, тем, кого видели на месте убийства местного полицейского вскоре после убийства президента. Винтовка итальянского производства, идентифицированная как орудие убийства, была заказана по почте в чикагском оружейном магазине неким А. Хиделлом – этим псевдонимом часто пользовался Освальд, на это же имя, в частности, он зарегистрировал почтовый адрес до востребования; винтовку нашли на книжном складе. Кроме того, на момент задержания у Освальда был пистолет, заказанный опять же на имя А. Хиделла в том же оружейном магазине. Предварительные факты наводили на мысль о том, что из этого пистолета и был убит полицейский Джей Ди Типпит. В бумажнике Освальда было поддельное удостоверение личности на имя А. Хиделла с фотографией Освальда.

Гувер сообщил Джонсону – и это было правдой, – что почтовый перевод за винтовку был на 21 доллар. «Кажется совершенно невероятным, что можно убить президента США, потратив 21 доллар», – сказал Гувер. Затем директор ФБР сообщил несколько ложных фактов. Он сказал Джонсону, что «документы с именем “Хиделл” были найдены в доме, где проживал Освальд и который принадлежал его матери». (Неправда: Освальд не виделся с матерью более года.) Винтовка, по словам Гувера, была «найдена на шестом этаже здания, в котором из нее стреляли» (верно), но «пули были выпущены с пятого этажа» (неверно). Он также доложил, что после убийства Освальд убежал в кинотеатр на другом конце города, «где вступил в перестрелку с офицером полиции» и был задержан. (Неверно: Типпит был убит в нескольких домах от кинотеатра.)

– Вам удалось узнать подробности о его сентябрьском визите в посольство СССР в Мехико? – спросил Джонсон.

Уверенность, с которой Гувер ответил на этот вопрос, явится поводом для многочисленных теорий заговора, когда этот разговор станет достоянием широкой публики. Доказательства, которые ЦРУ должно было предоставить Гуверу, были неполными и противоречивыми, и все же директор сказал президенту, что в Мехико кто-то выдавал себя за Освальда, и предположил, что у Освальда был сообщник. Гувер подчеркнул, что поездка в Мехико «представляется не совсем понятным ходом: у нас здесь есть запись и фотография человека, который приходил в посольство СССР под именем Освальда». Гувер имел в виду сделанную ЦРУ фотографию, на которой был запечатлен человек около здания посольства СССР в Мехико – в ЦРУ его поначалу приняли за Освальда. «Запись и фотография не имеют никакого отношения к Освальду – голос и внешность у него другие. Иными словами, по-видимому, есть кто-то другой, он-то и побывал в советском посольстве».

Основываясь на отрывочных данных, Гувер намекал на заговор с целью убийства Кеннеди, в котором каким-то образом были замешаны советские дипломаты в Мехико.

Несмотря на то, что многие факты в распоряжении Гувера были ложными, директор оказался прав в одном. У ФБР было достаточно причин сомневаться в компетентности полиции Далласа. На следующий день – 24 ноября, в воскресенье – в результате оплошности полицейских Освальд был убит в тот самый момент, когда его собирались перевозить из главного управления полиции в окружную тюрьму. Свидетелями случившегося стали многочисленные журналисты, фотографы и телеоператоры. Хотя ФБР и полиция Далласа в течение ночи получили несколько телефонных звонков с угрозами в адрес Освальда, меры безопасности были до такой степени неадекватными, что Джек Руби смог проскользнуть между репортерами и пронести с собой револьвер Colt Cobra 38-го калибра. Руби стрелял в Освальда с расстояния в несколько сантиметров под прицелом телевизионных камер, ведущих прямую трансляцию.

Освальд был спешно доставлен в Мемориальную больницу Паркленда,

в то же самое реанимационное отделение, в котором за два дня до этого умер президент Кеннеди. Смерть Освальда была констатирована в 13.07.

Среди десятков миллионов американцев, увидевших убийство Освальда по телевизору, был декан Йельской школы права Юджин Ростоу, влиятельный демократ, чей брат Уолт был советником Кеннеди по национальной безопасности16. Декан Ростоу решил, что ему следует действовать. Позднее он вспоминал, что сразу понял: убийство Освальда подорвет доверие общества к правительству, возможно, на целые поколения. Общественность, говорил он, будет лишена «катарсиса и эмоциональной защиты» суда, в ходе которого могла быть определена вина Освальда, а также разрешен важнейший вопрос: были ли у него сообщники? Между тем телевизионные комментаторы уже заговорили о том, что Освальда убили, чтобы заставить его замолчать прежде, чем он раскроет тайну заговора.

Ближе к 15.00 Ростоу позвонил в Белый дом, чтобы переговорить с Биллом Мойерзом, 29-летним баптистским пастором из Техаса, который оставил амвон ради политики и к тому времени был одним из доверенных помощников Джонсона. Ростоу настоятельно просил Мойерза донести до президента мысль о необходимости создания комиссии по расследованию «всего дела об убийстве президента».
На магнитофонной записи Ростоу называет Освальда не иначе как «этот подонок».

«В столь непростой ситуации, когда этого подонка убили, я предлагаю в ближайшем будущем создать президентскую комиссию из наиболее выдающихся граждан, принадлежащих к обеим партиям или стоящих вне политики: никаких судей из Верховного суда, только люди вроде Тома Дьюи», – говорил Ростоу, имея в виду бывшего губернатора Нью-Йорка, республиканца. Он также предложил рассмотреть кандидатуру бывшего вице-президента Ричарда Никсона. «Комиссия из семи или девяти человек и, быть может, Никсон», – говорил он.

Ростоу сказал Мойерзу, что без такой комиссии вряд ли удастся убедить людей в том, что от них ничего не скрывают. «Поскольку мировая общественность и все американцы сейчас настолько потрясены поведением

полиции Далласа, что они вообще ничему не верят». Мойерз согласился с Ростоу и пообещал передать его предложение президенту.

Идею создания комиссии Джонсон поначалу отверг: интуиция подсказывала ему, что расследование следует оставить в руках государственных лиц Техаса. (Официальные лица в Белом доме и Министерстве юстиции были поражены, узнав, что убийство президента в их времена не считалось преступлением федерального уровня. Будь Освальд жив, его бы судили по законам Техаса.) Будучи техасцем, Джонсон, казалось, больше своих помощников верил, что сотрудники правоохранительных органов его родного штата смогут взять под контроль расследование этого убийства. В разговоре с другом он говорил, что его раздражают «чужаки» из Вашингтона, приезжающие в Техас, чтобы указывать, кому следует ответить за убийство в Далласе[17].

Свое мнение Джонсон изменил только через четыре дня. Он знал, что версии заговора стремительно множатся. Со смертью Освальда, писал Джонсон позднее, «негодование нации перешло в скепсис и сомнение… Атмосфера была отравлена, ее необходимо было очистить»[18]. В итоге президент принял модель комиссии, предложенную Ростоу, но с одной существенной поправкой.

Декан Йеля был решительно против участия в расследовании судей из Верховного суда; по мнению правоведов и историков, в прошлом репутация Верховного суда оказывалась запятнанной в тех случаях, когда его судьи начинали заниматься делами, не имеющими прямого отношения к их деятельности. Джонсон, однако, отстаивал противоположную точку зрения. Он говорил, что видит во главе комиссии только одного кандидата – председателя Верховного суда Эрла Уоррена.

«Комиссия должна быть двухпартийной, и я чувствую, что нам нужен председатель-республиканец, чья судейская квалификация и объективность неоспоримы», – писал Джонсон. Он почти не был знаком с Уорреном, однако знал, что тот был республиканцем, которого уважали и даже любили многие союзники президента из числа демократов, а также большая часть журналистского корпуса Вашингтона, в том числе всемогущий и грозный Дрю Пирсон. «Я не был близким другом председателя Верховного суда, – писал Джонсон. – Мы и десяти минут не оставались наедине, но для меня он был олицетворением правосудия

и справедливости в этой стране».

Глава 4

Главное полицейское управление Далласа

Даллас, Техас

23 ноября 1963 года, суббота

Ее младшего сына обвиняли в убийстве президента США, но многочисленные репортеры и полицейские, встречавшиеся с Маргерит Освальд сразу же после ареста Ли Харви Освальда, изумлялись не тому, как она потрясена или убита горем. Их изумлял ее энтузиазм. Им запомнилось, как воодушевилась миссис Освальд, поняв, что и у нее есть роль в этой грандиозной драме.

Возможно, со стороны журналистов Далласа было жестоко в первые несколько дней после убийства предполагать, что миссис Освальд, 56-летняя медицинская сестра из Форт-Уэрта, на самом-то деле упивается ситуацией, в которой оказалась. Неожиданно она стала мировой знаменитостью и получила возможность продавать историю своего сына многочисленным покупателям из таких далеких и экзотических мест, как Нью-Йорк и Европа. Порой она, казалось, испытывала приступы неподдельных страданий: спрашивали ли ее о сыне или о ее собственном положении, она вдруг заливалась слезами, часто перед камерой. Поднимая на лоб очки с толстыми стеклами, чтобы смахнуть слезу, она осторожно трогала пучок на затылке – проверяла, не выбилась ли прядь.

И даже если она не испытывала особенного удовольствия от оказываемого ей внимания, миссис Освальд воодушевляло то, что люди по всему миру вскоре узнают ее имя. Они увидят ее фотографию и запомнят ее. Подобно своему младшему сыну она обладала огромным желанием оставить след в этом мире, заставить людей остановиться и обратить на нее внимание. «Я важный человек, – говорила она репортерам в дни после убийства, совершенно не сомневаясь в истинности этого заявления. – Я понимаю,

что тоже войду в историю».

О том, что она почти не общается с троими своими сыновьями, в особенности с Ли, миссис Освальд говорила менее охотно. За год до того, как ему было предъявлено обвинение в убийстве президента, Ли прекратил всякое общение с матерью. Он также препятствовал встречам матери с Джун, ее двухлетней внучкой – первым ребенком Ли и Марины. И только в день ареста сына она узнала, что Марина родила вторую дочь, Рейчел. Миссис Освальд сочла, что с ней поступили очень жестоко, поскольку о существовании Рейчел она узнала, только когда Марина принесла месячную дочку в главное полицейское управление Далласа.

Ли Освальд, похоже, чувствовал, что мать получила то, что она заслужила – дети оставили ее, ведь у них никогда не было никаких причин ее любить. Одиночество – это чувство миссис Освальд было хорошо знакомо, это был лейтмотив ее жизни. Двое из троих ее мужей с ней развелись, причем первый по причине жестокого отношения со стороны супруги1 . Второй муж, Роберт, отец Ли, был страховым агентом, умер от инфаркта за два месяца до рождения Ли, в 1939 году. А когда ее сыновья были еще маленькими, она оставляла их на долгое время одних. В три года Ли присоединился к двум своим старшим братьям, жившим в «Доме детей Вифлеема», лютеранском приюте для сирот в Далласе, а миссис Освальд тем временем подыскивала себе место медсестры и нового мужа2 . Мальчики были отданы не для усыновления – она говорила, что намеревается забрать их к себе, если будут деньги, впрочем, трехлетний Ли вряд ли понимал такие объяснения.

В годы, предшествующие убийству, миссис Освальд практически не общалась со своим старшим сыном Джоном Пиком, единоутробным братом Ли, авиаполк которого в 1963 году располагался в Сан-Антонио. Она также почти не общалась со своим средним сыном, Робертом, несмотря на то что он с женой и детьми жил неподалеку, в Дентоне. Когда Роберт впервые встретился с матерью в главном управлении полиции Далласа тотчас после ареста Ли, 29-летний молодой человек был поражен отсутствием у матери «какого бы то ни было эмоционального надлома» в связи с тем, что ее сын действительно мог убить президента. Она была целиком и полностью поглощена собой, вспоминал он.

«Мама, как мне кажется, наконец-то почувствовала, что вот теперь она

получит внимание, к которому так стремилась всю жизнь, – рассказывал Роберт. – У нее были чрезвычайно странные представления о своих способностях и своей значимости»3 . Его мать, «казалось, мгновенно поняла, что отныне к ней больше никогда не будут относиться как к обыкновенной, ничем не примечательной и ничего не значащей женщине».

Даже в самые первые часы после убийства Роберт почувствовал, сколь велика опасность, что его мать воспрепятствует любым попыткам узнать правду о вине или невиновности Ли. Роберт поначалу вполне допускал, что Ли был убийцей президента. Он знал, что младший брат не вполне в себе, что он склонен к насилию и стремится обратить на себя внимание окружающих. Его мать, однако, не особенно интересовалась жизнью сына. Роберт почувствовал, что после убийства у нее появилась международная трибуна, что теперь можно делиться с нею своими бредовыми теориями о заговоре, о Ли и его работе в качестве «агента» правительства, а порой и торговать ими.

Роберта всегда бесило то, что мать в коротком разговоре умеет произвести впечатление вполне рациональной и вдумчивой собеседницы. И он боялся, что следователи и журналисты поверят ее словам просто за неимением ничего лучшего.

В день убийства 26-летний репортер из Fort Worth Star Telegram по имени Боб Шифер вез миссис Освальд из Форт-Уэрта в Даллас. Она позвонила в отдел городских новостей и попросила, чтобы ее отвезли в Даллас4.

– Это не служба такси, мадам, – сказал Шифер в ответ на ее просьбу. – А кроме того, только что застрелили президента.

– Я знаю, – ответила звонившая, почти как ни в чем не бывало. – Они думают, что это мой сын его застрелил.

Шифер и его коллега прыгнули в машину и поспешили к дому миссис Освальд, в западной части Форт-Уэрта.

«Она была невысокой круглолицей женщиной в громадных очках в черной оправе и белом халате медсестры, – вспоминал Шифер свое первое

впечатление от миссис Освальд. – Горе лишило ее разума, но в этом безумии была своя логика». Большую часть пути, по словам Шифера, «она казалась в меньшей степени озабоченной смертью президента или ролью, которую мог сыграть во всем этом ее сын, чем своей собственной персоной». Как одержимая она твердила о своих опасениях: мол, ее снохе Марине «достанется всеобщее сочувствие, и никто не вспомнит о матери», и, возможно, ей придется голодать. «Я объяснял такое поведение эмоциональным перенапряжением и не смог заставить себя использовать все эти эгоистичные замечания в репортаже, который я в тот же день передал в редакцию. Вероятно, мне следовало написать все как есть». Позднее Шифер, которого ожидала долгая карьера тележурналиста, пришел к выводу, что мать Освальда была «психически ненормальной».

Когда миссис Освальд и Шифер прибыли в главное управление полиции Далласа, их провели в небольшую комнату – Шиферу она показалась кабинетом для допросов, – где они должны были подождать, пока с ними поговорят о ее сыне. В тот же день позднее в ту же самую комнату приведут Марину Освальд. Обе женщины не видели друг друга более года, а поскольку Марина все еще почти не говорила по-английски, они в буквальном смысле не разговаривали друг с другом.

Марину только что впервые допросили полиция и ФБР, позже она призналась, что была очень напугана. Больше всего она боялась, что у нее отнимут детей, а саму ее арестуют, притом что она настойчиво – через переводчика – повторяла допрашивающим ее офицерам, что она ничего не знала о каких бы то ни было планах своего мужа убить президента. Страх Марины перед арестом можно понять: она знала, что дома, в Советском Союзе, ее бы отправили в тюрьму. «Так это было бы в России, – поясняла она потом. – Даже если твой муж невиновен, тебя все равно держали бы под арестом, пока все не выяснится»5 .

Марина допускала, что подозрение может пасть и на нее: вряд ли она могла совсем ничего не знать – пусть и не будучи соучастницей – о замыслах мужа. Она – Марина Николаевна Прусакова – недавно переехала из Советского Союза в США, в спешном порядке вступив в брак с американским перебежчиком, никогда не скрывавшим своих марксистских взглядов. И он остался убежденным марксистом, даже отказавшись от мысли жить в России и вернувшись в 1962 году на свою капиталистическую родину, ненависть к которой он декларировал. Тень

подозрения на Марину бросали и связи ее семьи с русской разведкой: ее дядя работал в Ленинграде в МВД.

Среди тех, у кого с самого начала возникли подозрения в отношении Марины, был ее деверь, Роберт. В день покушения у него мелькнула мысль, что она могла участвовать в заговоре с целью убийства Кеннеди, однако чем больше он думал об этом, тем менее вероятным это представлялось. Логика говорила сама за себя. Если бы русские решили организовать заговор и убить Кеннеди, стали бы они прибегать к помощи этой маленькой, обмирающей от страха молодой женщины, не знающей ни слова по-английски? И зачем было бы выдавать ее замуж за такого асоциального типа, как его брат, который к тому же обременил ее двумя детьми?

Через неделю после убийства Роберт начал подозревать Рут Пейн, 31-летнюю уроженку штата Пенсильвания, приютившую Марину, а также мужа Рут, Майкла Пейна, жившего отдельно от нее 35-летнего авиационного инженера. Годом ранее Пейны развелись, но ради двух детей поддерживали дружеские отношения. Рут была учительницей русского языка и познакомилась с Мариной через сообщество русских эмигрантов. Она жила в Ирвинге, штат Техас, неподалеку от Далласа, и пригласила Марину с ее дочками жить у нее. Следуя квакерским заветам милосердия, она не брала с Марины платы за жилье.

Позднее Роберту Освальду пришлось признать, что у него не было никаких свидетельств – попросту потому, что их не оказалось, – доказывающих причастность Пейнов к убийству. И все же это семейство вызывало у него беспокойство, в особенности Майкл, с которым он познакомился в главном управлении полиции Далласа в первые часы после убийства. «Ничего конкретного, просто у меня было такое чувство. Я и теперь не знаю, отчего и почему, но мистер и миссис Пейн каким-то образом причастны к этому делу, – говорил он следователям. – Рукопожатие у Пейна было слабым, не рука, а холодная рыбина. Весь его облик, лицо и в особенности глаза говорили, будто он весь где-то там, не с вами, и вроде бы на вас не смотрит, а на самом-то деле смотрит»6 . И вот, основываясь не более чем на «слабом рукопожатии» и «взгляде вдаль», Роберт Освальд решил воспрепятствовать общению – навсегда, как потом выяснилось, – между Мариной и семейством Пейнов. В результате в лице Рут Пейн жена его брата лишилась сочувствующей подруги, которая могла бы помочь ей

разобраться с проблемами на родном для нее языке – Марина так и не сумела овладеть английским в полной мере.

Роберт Освальд был не единственным мужчиной, который появился в жизни Марины в дни после убийства: одни пытались ей помочь, других влекла ее хрупкая красота. На фотографиях Марина выходила как кинозвезда, если только не начинала улыбаться, и тогда становилось ясно, что она – жертва советской стоматологии.

После того как Джек Руби застрелил ее мужа, Марину с детьми – а также ее свекровь и Роберта – поспешно перевезли в мотель на окраине Далласа под названием «Гостиница шести флагов»: считалось, что там они будут в безопасности. Щеголеватый управляющий отелем, 31-летний Джеймс Мартин с готовностью согласился приютить их. Сезон закончился, в мотеле, примыкавшем к только что открытому парку аттракционов, наступило затишье, и места для Марины с детьми и охранявшей их команды агентов ФБР было предостаточно.

Мартин не помнил, чтобы хоть кто-нибудь формально представил его Марине, но он очень быстро подружился с молодой вдовой. Следующий четверг был Днем благодарения, поэтому он пригласил семейство Освальдов в гости на праздничный обед в кругу своей семьи. У Мартина с женой было трое детей. (Маргерит Освальд не была приглашена на обед, потому что она вернулась к себе домой в Форт-Уэрт.) «У них вряд ли получилось бы весело провести День благодарения, да и номера в мотеле были такими тесными», – вспоминал Мартин. Марина и Роберт приняли приглашение.

Через несколько дней после праздника Мартин – не посоветовавшись с женой, по своему собственному признанию, – предложил Марине переехать вместе с детьми к ним в дом, где было три спальни. «Я знал, что агенты спецслужб говорили, что озабочены тем, куда поедет Марина, когда съедет из мотеля. Поселить им было ее некуда, и они понятия не имели, куда она отправится, – рассказывал Мартин. – И я сказал им, что, если они не смогут найти для нее жилья, я буду рад принять ее семью в моем доме».

Вскоре Марина поселилась в одной из детских в доме Мартинов, через стенку от спальни супругов. Мартин не просил с Марины ни арендной платы, ни какой бы то ни было компенсации, во всяком случае, поначалу. Однако две недели спустя Мартин предложил стать ее менеджером, который будет заниматься всеми ее делами в обмен на 10 процентов от 10 тысяч долларов контракта, который был ей предложен – только в конце ноября – на продажу ее истории книгоиздателям. Марина согласилась. Мартин нашел для нее и местного адвоката, который также получил 10 процентов.

Позднее Марина будет говорить, что была наивной, принимая помощь от этих дружелюбных американских мужчин, которые, казалось, понимали, что они делают. Она верила, что они могут помочь ей начать новую жизнь без мужа. Поскольку английского она не знала, она еще больше зависела от них.

Через несколько недель Мартин дал понять, что питает надежды совсем на другие отношения с Мариной Освальд – он хотел стать ее любовником. Романтическими знаками внимания он докучал ей практически со дня их знакомства, рассказывала Марина позже. Она вспомнила, что в канун 1964 года, когда его жены не было дома, Мартин поставил пластинку Марио Ланца и признался ей в своих чувствах. Неделями он не оставлял ее в покое. «Он все время стремился меня обнять и поцеловать, когда его жены, детей или агентов спецслужб не было рядом»7 .

У Маргерит Освальд также стали появляться новые знакомые. В начале декабря миссис Освальд – ее телефонный номер был в справочнике, и она охотно разговаривала со всяким, у кого хватало терпения ее выслушать, – сняла трубку; звонившая представилась как Ширли Харрис Мартин, 42-летняя домохозяйка, мать четверых детей из Хомини, штат Оклахома. У миссис Мартин появилась навязчивая идея, что Кеннеди был убит в результате заговора. (Родственницей Джеймса Мартина из Далласа она не была.)8 В считаные дни после трагедии гараж миссис Мартин начал наполняться кипами газет и журналов со статьями об убийстве президента – всем, как она говорила, что ей удавалось найти. У нее была страсть к загадочным историям в духе Агаты Кристи, и она решила, что отныне у нее будет своя загадка, над которой она будет ломать голову:

кто убил президента Кеннеди? Вскоре она стала встречаться и переписываться с людьми из разных уголков страны, охваченных той же страстью.

«В декабре 1963 года я в первый раз позвонила Маме – Маме Освальд, – вспоминала она. – В те времена она была очень рассудительной. Это у нее в крови». Представившись, миссис Мартин осведомилась: не читала ли миссис Освальд статью о своем сыне, опубликованную в том же месяце в National Guardian , еженедельнике, провозгласившем себя органом левых радикалов Нью-Йорка?

Десять тысяч слов, посвященных анализу дела, а точнее, отсутствию оснований для возбуждения дела против ее сына. «Освальд невиновен? Заключение адвоката» – так озаглавил свою статью Марк Лейн, нью-йоркский адвокат, защитник обвиняемых по уголовным делам и бывший член законодательного собрания штата. Миссис Освальд не читала этой статьи, но очень захотела с ней ознакомиться. После того как из Оклахомы пришла копия статьи, взволнованная миссис Освальд разыскала Лейна по телефону. «Миссис Освальд позвонила и спросила, не могу ли я встретиться с ней в Далласе. Она хотела, чтобы я представлял интересы ее сына и ее самой», – вспоминал Лейн[9] . Он был удивлен и, конечно, заинтригован. Через несколько дней Лейн вылетел на самолете в Техас, где встретился с миссис Освальд, которая предложила ему присоединиться к кампании, организованной, чтобы доказать: Ли Харви Освальд ни в чем не виновен.

В лице Лейна миссис Освальд нашла компаньона. В свою очередь, Лейн нашел в матери Ли Освальда идеального клиента.

Глава 5

Овальный кабинет

Белый дом

Вашингтон, округ Колумбия

29 ноября 1963 года, пятница

С самых первых дней после трагедии Линдон Джонсон понимал, что некоторые люди заподозрят его в причастности к убийству Кеннеди. Казалось, он принял это как данность. Возникало слишком много очевидных и очень неприятных вопросов. В конце концов, Кеннеди был застрелен на улицах Техаса, в том же городе два дня спустя убили подозреваемого в убийстве, и амбициозный вице-президент – техасец – занял кресло в Овальном кабинете. В отчетах Государственного департамента США уже появились сообщения о наводнивших столицы некоторых иностранных держав слухах, что Джонсон заказал убийство своего предшественника.

В самом деле, демонстративно оскорбительный стиль Джонсона вызывал подозрения. Будучи вице-президентом, он любил в шутку заговорить о том, насколько велики шансы, что Кеннеди умрет на посту президента – и тогда заказное убийство или несчастный случай проложит ему дорогу. Клэр Бут Люс, бывший член Конгресса США и жена основателя Time Inc . Генри Робертсона Люса, вспоминала, как во время инаугурационного бала в 1960 году спросила Джонсона, почему он согласился на должность вице-президента. Ей запомнился его бодрый ответ: «Клэр, я навел справки: один из четырех президентов умирает до конца срока. Я азартный игрок, дорогая моя». Похожие высказывания слышали от него и другие.

Джонсон болезненно относился к тому, что Даллас надолго запомнится людям как место, где был убит красивый молодой президент, что, быть может, на много лет образ его любимого Техаса будет очернен. В ночь убийства Леди Берд сказала мужу, что репутацию их родного штата может спасти – как кощунственно бы это ни звучало – то, что их хороший друг, губернатор Коннелли, тоже пострадал от пуль. Благодаря тому, что он был так тяжело ранен, слух о техасском заговоре сойдет на нет. Леди Берд сказала, что ради сохранения доброго имени Техаса желала бы, чтобы пуля досталась ей, а не Коннелли: «Если бы только это была я»1 .

Для Джонсона все это было лишним подтверждением того, что руководить расследованием должен председатель Верховного суда Уоррен. Его имя мгновенно повысило бы доверие к комиссии. У него было немало критиков в Вашингтоне и по всей стране, но у него также была репутация честного и политически независимого человека, который мог убедить

общественность в полной гласности расследования. «Именно добросовестность Уоррена заставит поверить в то, что будут вскрыты все факты, а выводы суда будут достоверными», – говорил Джонсон.

Днем в пятницу, 29 ноября, Джонсон направил заместителя генерального прокурора Николаса Катценбаха и главного адвоката правительства США Арчибальда Кокса в Верховный суд на встречу с Уорреном, чтобы убедить его возглавить комиссию[2]. Кокс, который был еще и профессором Йельской школы права, тогда временно отказался от преподавательской деятельности; ему приходилось регулярно участвовать в судебных прениях в присутствии Уоррена и других членов Верховного суда, председатель им восхищался. И это было обоюдное чувство. Кокс отзывался об Уоррене как о «самом великом председателе Верховного суда со времен Джона Маршалла»[3].

Разговор закончился, не успев начаться. Посетители едва успели сообщить о предложении Джонсона, как Уоррен от него отказался. «Я говорил им, что президент поступает мудро, созывая такую комиссию, но я не могу поступить в ее распоряжение», – вспоминал Уоррен[4].

Он напомнил Катценбаху и Коксу печальные примеры из истории, когда члены Верховного суда выполняли другие поручения правительства. Критиковали члена Верховного суда Оуэна за председательство в комиссии по делу о бомбардировках Перл-Харбора, а Роберта Джексона за то, что он оставил работу в Верховном суде на год для того, чтобы быть наблюдателем на заседаниях Нюрнбергского процесса в 1945 году. Бывший председатель Верховного суда Харлан Стоун описывал этот процесс как «фальсификацию» и обвинял Джексона в участии в «линчевании высшей пробы»[5].

Уоррен поблагодарил гостей за визит и отослал назад в Белый дом с неприятной вестью. «Катценбах и Кокс ушли, и я подумал, что этот вопрос закрыт», – вспоминал Уоррен.

Однако, как вскоре узнал Уоррен, вопрос не был закрыт. Джонсон хотел заставить его переменить решение. «С ранних лет я усвоил урок: чтобы добиться результата, часто необходимо делать невозможное, – рассказывал президент позднее. – Я твердо знал: необходимо убедить председателя Верховного суда, что его долг – возглавить комиссию»[6].

Около 15.30 президент попросил секретаря позвонить в Верховный суд и пригласить Уоррена в Белый дом. О цели встречи Уоррену не сообщили, пояснив, что вопрос «довольно-таки срочный», вспоминал он. «Я, естественно, сказал, что приеду». Из Белого дома за судьей прислали лимузин7 .

Председателя собирались подвергнуть тому, что надолго останется известным в Капитолии как «обхождение по Джонсону»8 . Умение обработать собеседника лестью, уговорами, ложью и угрозами Джонсон отточил до блеска в Конгрессе, дабы подчинять своей воле других. Джонсон действовал настолько нахально, настолько неожиданно и низменно, что сбитым с толку жертвам оставалось только сдаться.

Не раз в прошлом Джонсон доказывал, что при необходимости может и гордого человека заставить проливать слезы. В случае с Уорреном президент представил дело так, что судья был единственным человеком, стоявшим между народом США и угрозой мировой катастрофы.

«Меня провели в кабинет, – рассказывал Уоррен, вспоминая о своем визите в Овальный кабинет. – И когда мы остались вдвоем, он высказал мне свое предложение»9 .

Президент попросил Уоррена изменить свое мнение. Расследование убийства должен был возглавить человек, равный по значимости Уоррену, пояснил он. Джонсон сказал, что его беспокоят «дикие истории и слухи, циркулирующие не только в нашей стране, но и за рубежом»10 .

Джонсон упомянул имена других шести членов комиссии. Состав ее производил впечатление. Два сенатора: демократ Ричард Рассел – «Великан из Джорджии» – и республиканец Джон Шерман Купер из Кентукки, уважаемый политик умеренных взглядов, бывший посол США в Индии. Два члена Палаты представителей: демократ Хейл Боггс из Луизианы, помощник лидера большинства, человек, близкий Кеннеди, и республиканец Джеральд Р. Форд из Мичигана. Кроме того, были два высокопоставленных кандидата, рекомендованные, по словам Джонсона, Робертом Кеннеди: бывший директор ЦРУ Аллен Даллес и бывший президент Всемирного банка Джон Дж. Макклой.

По словам Уоррена, президент сказал ему, что уже говорил с остальными

и «они согласны войти в состав комиссии, если я стану ее председателем»[11]. Слово «если», дал понять Джонсон, было важным; все шестеро согласились участвовать, только если ими будет руководить Уоррен. Президент намекал, что, если Уоррен откажется, в данном составе комиссии не будет. По воспоминаниям Джонсона, он сказал Уоррену следующее: «Все эти кандидаты согласятся, если комиссию возглавит председатель Верховного суда».

Уоррен был польщен и обескуражен мыслью о том, что Рассел – наиболее влиятельный сегрегационист в Сенате – изъявил желание забыть о разногласиях и настаивал на том, чтобы он возглавил комиссию. И все же Уоррен отказался. Пояснив свои доводы аргументами, изложенными им в середине дня посетителям из Министерства юстиции[12].

Джонсон его выслушал, а затем надавил на председателя Верховного суда. Доводы его состояли в следующем: не хочет ли Уоррен развязать Третью мировую войну? Более того, не хочет ли он понести ответственность за Третью мировую войну? По воспоминаниям Уоррена, слова президента били наотмашь.

«Я вижу, вы качаете головой, – говорил ему Джонсон. – Но есть нечто столь же важное для этой страны сегодня, как то, ради чего велись сражения в Первую мировую войну, – говорил он, напоминая Уоррену о его службе в армии во время войны. – Я не собираюсь вам приказывать принять этот пост, как вам приказали исполнить свой воинский долг в 1917 году. Я взываю к вашему патриотизму».

Позднее Джонсон вспоминал свои слова, обращенные к судье: «Сегодня этот одичавший народ твердит, что Кеннеди убил Хрущев, потом – что Кастро, потом – что кто-нибудь еще». Если окажется, что в утверждениях о коммунистическом заговоре есть хоть крупица правды или если расследование убийства выйдет из-под контроля и против иностранных правительств будут выдвинуты ложные обвинения, результатом будет ядерная война. Он сообщил Уоррену о слухах, доходящих из Мехико, будто Освальд получил 6500 долларов от правительства Кастро, чтобы убить Кеннеди. «Вы можете себе представить, какой была бы реакция страны, если бы такая информация получила огласку?» – спросил президент.

Джонсон сообщил председателю Верховного суда, что только что разговаривал с министром обороны Макнамарой, который предупредил, что обмен ядерными ударами между США и Советским Союзом приведет к десяткам миллионов погибших от первого же ядерного удара13 . «Если Хрущев пойдет в наступление, он может уничтожить 39 миллионов за час, а мы можем уничтожить 100 миллионов в его стране за час, – говорил Джонсон, намекая, что теперь Уоррен отвечает за судьбу всех этих людей. – Вы ответите за 39 миллионов человек. Мне думается, вам этого не захочется»14 .

Президент взывал к патриотизму Уоррена. «Вы были солдатом в Первую мировую, но и тогда вы не могли бы сделать ничего, равного тому, что вы можете сделать для страны сегодня, в час беды, – сказал Джонсон15 . – Президент Соединенных Штатов говорит: вы единственный человек, который может с этим справиться. И вы не скажете “нет”, не правда ли?»16 Джонсон вспоминал, что в этот момент Уоррен «с трудом проглотил комок в горле и сказал: “Нет, сэр”».

Записи разговора в Овальном кабинете не существует, однако, если воспоминания Джонсона и председателя Верховного суда верны, президент лгал, заявляя, что другие кандидаты согласились войти в состав комиссии только при условии, что ее возглавит Уоррен. На самом деле Джонсон ни с кем из них, за исключением Рассела, еще не говорил17.

Джонсон разговаривал с Расселом по телефону около 16.00, незадолго до встречи с Уорреном, и попытался убедить его войти в состав комиссии. Рассел сразу же отказался. Он слишком занят своими обязанностями в Сенате, пояснил он. Кроме того, здоровье у него было неважное: Рассел на протяжении многих лет страдал эмфиземой.

Во время первого звонка Джонсон попросил Рассела порекомендовать ему других кандидатов в члены комиссии18 . Президент сказал, что может попытаться привлечь к работе одного из членов Верховного суда, хотя, с его точки зрения, это ни к чему не приведет. Имя Уоррена в этом разговоре ни разу не прозвучало. «Не думаю, что мне удастся заполучить кого-нибудь из Верховного суда, но я попробую», – сказал он Расселу, не упомянув о том, что именно в этот самый момент председателя

Верховного суда вызвали в Белый дом, чтобы уговорить его принять этот пост.

Несколько часов спустя, около 21.00, Джонсон позвонил Расселу во второй раз. И сообщил две неприятные новости. Во-первых, Рассел должен, несмотря на все возражения, войти в состав комиссии. А во-вторых, комиссию возглавит не кто иной, как Эрл Уоррен – человек, которого Рассел уже давно представлял жителям Джорджии как отъявленного злодея.

Не полагаясь на волю случая, Джонсон решил вынудить Рассела к участию в работе комиссии. Прежде чем позвонить ему, он приказал пресс-службе Белого дома выпустить официальное сообщение о создании комиссии вместе со списком ее членов, включая Рассела.

Джонсон позвонил Расселу домой, в Виндер, штат Джорджия, где сенатор проводил несколько дней после Дня благодарения.

– Дик, – начал Джонсон мягким, извиняющимся голосом.

– Да?

– Мне очень неприятно тебя опять беспокоить, но я хотел, чтобы ты знал, что я опубликовал сообщение.

Рассел:

– Сообщение о чем?

Джонсон:

– Сообщение о специальной комиссии.

Президент начал зачитывать текст пресс-релиза и вскоре дошел до списка с именами членов комиссии. Рассел услышал имя Уоррена в качестве председателя, а затем – свое собственное имя.

По голосу Рассела было ясно, что двуличие Джонсона его потрясло.

– Господин президент, я знаю, мне не нужно говорить о моей преданности

вам, но я попросту не могу работать в этой комиссии… Я не могу работать в ней с председателем Верховного суда Уорреном. – Речь шла о личных отношениях, пояснил он. – Мне не нравится этот человек. И я ему совершенно не доверяю.

Джонсон оборвал его.

– Дик, сообщение уже опубликовано, и ради блага Америки ты будешь работать с кем угодно. Причин этому куда больше, чем кажется на первый взгляд.

Как и в разговоре с Уорреном, Джонсон сослался на мнение Макнамары о почти 40 миллионах американцев, которые могут погибнуть в ходе обмена ядерными ударами, если убийство окажется поводом к войне.

– Я попросил Уоррена, потому что он возглавляет Верховный суд, а нам нужны самые высокопоставленные правоведы, – пояснял он Расселу. – Тебя я прошу потому, что у тебя точно такой же темперамент и для своей страны ты сделаешь все что угодно. И не надо мне тут про то, с кем ты не можешь работать. Ты все можешь.

– Ты никогда не подводил свою страну, – продолжал Джонсон. – Ты мой человек в этой комиссии. И ты это сделаешь. Не говори мне, что ты там можешь или не можешь. Я не могу тебя арестовать. И не могу спустить на тебя ФБР. Но ты пойдешь и будешь работать. Это я тебе говорю.

Рассел:

– Ну да, я понимаю, но, господин президент, вам следовало бы сказать мне, что вы назначили Уоррена.

В этот момент Джонсон стал лгать, точно так же, как он лгал Уоррену за несколько часов до того.

– Я тебе говорил, – сказал президент. – Я говорил, когда позвонил тебе сегодня, что собираюсь назначить председателя Верховного суда.

Рассел знал, что это ложь, что впоследствии подтвердила расшифровка телефонных разговоров.

– Нет, вы не говорили, – сказал он.

Джонсон:

– Говорил.

Рассел:

– Вы говорили, что надо бы заполучить кого-нибудь из Верховного суда. Вы не говорили мне, что собираетесь пригласить его.

Джонсон:

– Я его упрашивал точно так же, как и тебя.

Рассел:

– Вам не приходилось меня упрашивать. Вы всегда меня просто просили.

Джонсон:

– Нет, все уже сделано. Все уже объявлено… черт.

Опубликовано? Наконец Рассел понял, что сделал Джонсон: пресс-релиз с его именем был уже передан журналистскому корпусу Белого дома.

Рассел:

– Вы имеете в виду, вы его выпустили…

Джонсон:

– Да, сэр, я уже передал его… Оно уже в газетах, и там твоя фамилия, и ты будешь там моим человеком.

Рассел:

– Похоже, вы используете меня в своих интересах, господин президент.

Джонсон:

– Я не использую тебя.

В этот момент Джонсон как будто вспомнил, с кем он разговаривал – то был его политический наставник, человек, который был ему ближе многих родственников. Он умолял Рассела не забывать о том, как много он может сделать для него теперь, когда он стал президентом:

– Я буду тебя использовать по полной, друг мой, потому что ты меня сделал, и я это знаю и никогда не забуду… Я протеже Рассела, и я не забываю друзей.

Рассел:

– Черт, просто мне не нравится Уоррен.

Джонсон:

– Конечно, он тебе не нравится, но он тебе понравится по ходу дела.

Рассел:

– У меня к нему нет никакого доверия.

Джонсон:

– А ты ему доверяй, черт побери! Общайся с ним. Мне нужен был человек в комиссию. Теперь у меня он есть.

Рассел сдался.

– Вы прекрасно знаете, что ради блага страны я сделаю это, и я сделаю это для вас. Я только очень надеюсь, что в следующий раз вы будете немного внимательнее к другим. Но на этот раз, конечно, если вы уже все это запустили, я сделаю это, и пойду до конца, и буду говорить, что все это прекрасно придумано.

Последние слова – «все это прекрасно придумано» – Рассел произнес с нескрываемым сарказмом.

Прежде чем повесить трубку, Рассел в последний раз попытался

предостеречь Джонсона:

– Я думаю, вы поступили неправильно, пригласив Уоррена, и я, черт побери, точно знаю, что и со мной вы также неправы, но мы оба попытаемся сделать все, что в наших силах.

– Я думаю, именно так вы и сделаете, – отозвался президент. – Потому что вы оба – настоящие американцы. Спокойной ночи.

На следующей неделе Уоррену пришлось объяснять своим коллегам из Верховного суда, почему он согласился возглавить комиссию, хотя на протяжении многих лет твердил, насколько пагубно для членов Верховного суда заниматься делами, не относящимися к их прямым обязанностям19.

Позднее в разговоре с Дрю Пирсоном он говорил, что его коллеги, за исключением судьи Голдберга, самого нового члена суда, были в негодовании. «Все члены Верховного суда ругали его на чем свет стоит», – писал Пирсон в своем дневнике20 . Судьи Уильям Бреннан и Джон Маршалл Харлан обвиняли его в лицемерии, напомнив ему, как он сам говорил, что «члены суда должны заниматься своим рукоделием и не браться за дела, не входящие в круг их обязанностей».

Часть вторая

Расследование

Кадр 371 из фильма Запрудера. 22 ноября 1963 г.

Глава 6

Кабинет председателя Верховного суда

Верховный суд

Вашингтон, округ Колумбия

декабрь 1963 года

Председатель Верховного суда опасался, что Рождество пройдет скверно, да и грядущий год не сулил ничего хорошего. Дети Уоррена рассказывали, что убийство Кеннеди потрясло и отца, и мать так, как не потрясало их ни одно событие. Младший из шести детей Уорренов, Роберт, рассказывал: «Они никак не могли уяснить, как такое было возможно. С тех пор они уже не были прежними». Другой сын, Эрл-младший, говорил, что впервые видел «скорбь на лице отца». Согласившись возглавить комиссию, Уоррен «снова и снова переживал это трагическое событие. Ему было нестерпимо больно возвращаться к этому снова и снова». В тот год председателю Верховного суда очень хотелось провести праздники дома, в Северной Калифорнии, с детьми, внуками, старинными друзьями, насладиться декабрем в окрестностях Сан-Франциско, где в эту пору бывали и теплые, солнечные дни. К суровой вашингтонской зиме он так и не привык. Все годы, когда он работал в суде, Уоррен уезжал на праздники в Калифорнию. Однако теперь, уступив уговорам президента Джонсона, он ожидал, что его вынудят остаться в столице на все каникулы. Ему нужно было организовать работу комиссии, к зимним слушаниям в Верховном суде он был уже готов. Дела, над которыми предстояло поработать в следующем году, включали судьбоносное дело о Первой поправке – «The New York Times против Салливана». Прения, назначенные на 6 января, были призваны расширить положения о свободе слова, оговоренные в Первой поправке.
Еще несколько дел, прения по которым завершились в конце 1963 года, ожидали постановлений. За девять дней до убийства суд заслушал прения сторон по знаменательному делу об избирательном праве – «Рейнольдс против Симса»; исход дела позволил бы Верховному суду принудить все 50 штатов к принятию правила «один человек – один голос» при выборах в законодательные собрания штатов.

По счастью, в свои 72 года Уоррен обладал прекрасным здоровьем. Он гордился тем, что все еще полон сил и может много работать в Верховном суде, несмотря на то что многие из его коллег, служивших у окружного прокурора в Окленде и у губернатора Сакраменто уже собирались подавать в отставку. Несколько его старых калифорнийских друзей, к его прискорбию, уже умерли.

Согласившись возглавить комиссию, Уоррен взвалил на себя две работы.

Он решил не сокращать свою деятельность в Верховном суде. Пробыв председателем десять лет, Уоррен видел, что под его руководством Верховный суд изменяет страну, увлекая ее в будущее, делая ее, с его точки зрения, справедливее и свободнее. Верховный суд одерживал верх над фанатиками и реакционерами, которые, в понимании Уоррена, тем или иным образом способствовали созданию атмосферы, которая привела к убийству Кеннеди. Его работа в должности председателя Верховного суда была куда полезнее, чем все, чего он добился бы, если бы осуществились его мечты о Белом доме.

Джонсон и его помощники заверяли Уоррена, что комиссия будет располагать неограниченными ресурсами. У него будут деньги на привлечение новых сотрудников, аренду помещений и на любые необходимые расследования. Но кто-то должен был нанимать сотрудников и находить офисные помещения, и ответственность за это легла на плечи Уоррена. Оставаясь полноценным председателем Верховного суда, он, по сути, должен был организовать работу и управлять небольшим федеральным агентством, занимавшимся расследованием убийства президента – агентством, которое в случае сбоев в работе могло подтолкнуть страну к войне.

Уоррен понимал, что ему потребуется помощь, и немедленно связался с Уорреном Олни, который был его самым надежным помощником на протяжении всей его деятельности в графстве и правительстве штата в Калифорнии. Уроженцу Калифорнии Олни было 59 лет, он начал работать на Уоррена еще в 1939 году в конторе окружного прокурора в Окленде. Он был похож на других заместителей Уоррена – преданный, рассудительный, прогрессивных взглядов, но, по существу, аполитичный человек, видевший в Уоррене идеал государственного служащего. Председатель Верховного суда говорил об Олни: это «человек, в добросовестности которого я ни на йоту не сомневаюсь». Олни последовал за Уорреном в Вашингтон. С 1953 по 1957 год он работал в должности помощника генерального прокурора в уголовном отделе Министерства юстиции, по сути он был главным прокурором по уголовным делам в администрации Эйзенхауэра. Работая в Министерстве юстиции, Олни – так же, как его наставник Уоррен, работавший на другом краю города в Верховном суде, – заметно преуспел в борьбе за гражданские права. Он участвовал в создании проекта Закона о гражданских правах 1957 года – первого законопроекта о гражданских

правах, одобренного Конгрессом со времен эпохи Реконструкции.
В 1958 году Олни стал директором Административного управления судов США, агентства, ответственного за логистику управления системой федеральных судов, и на этой работе он часто общался с Уорреном.

После встречи с Джонсоном в Овальном кабинете Уоррен позвонил Олни и попросил его принять участие в работе комиссии в должности генерального юрисконсульта, чтобы управлять ходом расследования на ежедневной основе. Эта должность подразумевала полную занятость на протяжении всего срока работы комиссии – два или три месяца, по оценке Уоррена. К его радости, Олни согласился.

На тот момент Уоррен еще не успел встретиться с коллегами по комиссии, но был уверен, что остальные шесть членов отнесутся к назначению с энтузиазмом. Олни был хорошо известен среди юристов Вашингтона, им восхищались его бывшие коллеги по Министерству юстиции. Поэтому Уоррен считал, что речь идет о простой формальности.

Однако у директора ФБР Гувера были другие планы. Каким образом он узнал, что Уоррен намерен взять в комиссию Олни, из документов ФБР неясно. Но уже через несколько дней после разговора Уоррена с Олни директор был в курсе дела, и Бюро развернуло агрессивную закулисную кампанию против этого назначения. Предполагалось, что кампания пройдет втайне от председателя Верховного суда.

Работая в министерстве юстиции, Олни нажил себе врагов в ФБР, которое не разделяло его пыла по отношению к закону о гражданских правах. Гувер считал лидеров движения за гражданские права, в особенности Мартина Лютера Кинга, диверсантами, если не коммунистами. Гувер рассматривал Олни как врага ФБР и пренебрежительно называл его «протеже Уоррена» – такая формулировка встречается в документах ФБР1 .

Кампания, развязанная ФБР против Олни, показала, насколько испортились отношения между Гувером и Уорреном за ту четверть века, что они друг друга знали. В бытность свою губернатором Калифорнии Уоррен близко общался – дружил, как ему думалось, – с Гувером, помогшим ему попасть в вожделенный «список специальных

корреспондентов», государственных служащих, которым ФБР гарантировало поддержку. Когда губернатор Уоррен отправлялся в Вашингтон, он пользовался шофером и автомобилем, которые предоставляло ФБР. Его отношения с Гувером были некогда столь близкими, что он даже попросил ФБР установить наблюдение за молодым человеком, ухаживавшим за одной из его дочерей2 .

Однако, когда в 1953 году Уоррен перешел работать в Верховный суд, который стал ограничивать власть ФБР, например, судьи предоставили больше прав подозреваемым по уголовным делам, его отношения с Гувером стали прохладнее – и так никогда и не потеплели. К моменту убийства Кеннеди оба испытывали друг к другу лишь презрение. Позднее Уоррен рассказывал Дрю Пирсону, что, по его мнению, ФБР на протяжении многих лет пользовалось «гестаповской тактикой», включая нелегальное прослушивание при расследовании серьезных уголовных преступлений – этой практике был положен конец отчасти благодаря действиям Верховного суда3 .

«Я помню Джона Эдгара Гувера еще до войны, когда у него было 700 подчиненных и они отменно работали, – рассказывал Уоррен Пирсону в 1966 году, когда тот готовил для журнала Look нечто вроде авторизованной биографии председателя Верховного суда. – Теперь их у него 7 тысяч, и власть окончательно вскружила ему голову. Он получает от Конгресса такое финансирование, какое ему заблагорассудится, и его совершенно никто не контролирует». Уоррен опасался, что, если ФБР и ЦРУ станут одной организацией, «у нас и в самом деле будет полицейское государство». (Позднее Уоррен, очевидно, пришел к выводу, что позволил себе слишком многое в разговоре с журналистом, и убедил его не публиковать статью.)

Гувер с самого начала был против создания независимой комиссии для расследования убийства Кеннеди. Все это будет «очередным цирком», говорил он Джонсону в телефонном разговоре в понедельник 25 ноября, через три дня после убийства4 . Его позицию легко понять. В ФБР не привыкли к контролю извне, Конгресс не предлагал никаких мер по надзору за его деятельностью и имел обыкновение удовлетворять просьбы Гувера о расширении бюджета его учреждения. Но создание комиссии подразумевало, что на ФБР обрушится лавина вопросов относительно того, почему Бюро оказалось не в состоянии распознать

в Освальде реальную угрозу, ведь он находился под наблюдением региональных отделений Далласа и Нового Орлеана в течение нескольких месяцев до покушения. Гувер опасался – о чем говорил своим подчиненным, – что комиссия заподозрит ФБР в подтасовке фактов, а это ставило под угрозу само существование Бюро.

Однако, когда 29 ноября Джонсон позвонил и сообщил ему, что изменил свое мнение и решил создать комиссию, Гувер не высказался против. Согласно записи телефонного разговора, Гувер принял эту новость без возражений, видимо, выражая тем самым доверие к новому президенту как к защитнику интересов ФБР. Нет и свидетельств того, что Гувер при личной встрече с президентом сетовал на то, что Уоррен назначен председателем комиссии.

Но когда Уоррен назначил Олни, Гувер занял твердую позицию. Заместители Гувера связались с остальными членами комиссии – за исключением самого Уоррена – и предупредили их, что репутация Олни в ФБР не соответствует представлениям о законе и порядке с точки зрения Гувера5 . Помощник директора ФБР Делоак Карфа позднее писал: «Ввиду существования некоторых сведений необходимо было конфиденциальным образом уведомить членов президентской комиссии – за исключением Уоррена – о прошлом Олни и о том, насколько он “ничтожная личность”».

Первую встречу Президентской комиссии по делу об убийстве президента Кеннеди – таково было официальное название группы – Уоррен назначил на 10 часов утра в четверг, 5 декабря6 . Происходила она в зале заседаний Национального архива на Пенсильвания-авеню: архив выразил согласие предоставить свои помещения для работы комиссии до тех пор, пока для нее не найдется помещение. Входя в зал заседания в тот день, председатель Верховного суда не подозревал, что ФБР уже пытается оспорить его первое ключевое решение.

Еще до начала заседания стало ясно, что отношения комиссии с ФБР будут сложными. Гувер с раздражением отказался удовлетворить просьбу комиссии вызвать на заседание сотрудника высокого ранга для отчета о ходе расследования, проводимого Бюро в Далласе. ФБР настаивало, что по этому поводу правильнее было бы заслушать заместителя

генерального прокурора Николаса Катценбаха, который должен был присутствовать на заседании и представлять Бюро7.

Выяснилось, что своеволие ФБР зашло еще дальше: через репортеров, которым оно покровительствовало, Бюро организовало целую серию утечек информации. 3 декабря, за два дня до встречи, Associated Press сообщило, что в ФБР почти завершен «подробный доклад», доказывающий, что Освальд «убил президента Кеннеди один, без посторонней помощи»8 . Со ссылкой на «источник в правительстве», в сообщении Associated Press говорилось, что в ФБР установили, будто Освальд – «без сообщников» – выпустил три пули по президентскому лимузину из здания Техасского склада школьных учебников. В докладе ФБР указывается, что первая и третья пули попали в президента, а вторая – в Коннелли. Сходного рода информационные вбросы были осуществлены и через другие информационные агентства.

Несколько членов комиссии усмотрели в этих статьях согласованную попытку ФБР, а вероятно, и самого Гувера, убедить общественность в том, что никакого заговора с целью убийства президента не было, – во всяком случае, заговора, который ФБР могло бы выявить. Создавалось впечатление, что ФБР пыталось вынудить членов комиссии прийти к решению прежде, чем они смогут проанализировать хотя бы одно из доказательств.

– Подобных утечек информации я еще не встречал, – с такими словами обратился конгрессмен Боггс, демократ из Луизианы, к комиссии. – И это почти наверняка идет из ФБР9 .

Заместитель генерального прокурора Катценбах был уверен, что утечки информации организованы Гувером и его заместителем: «Не могу даже предположить, от кого еще это могло исходить»10 .

В тот четверг встреча открылась тем, что все семь членов комиссии пожали руку Катценбаху11 . Все расселись за длинным деревянным столом, кроме них присутствовал только стенографист. Большинству записей этих заседаний был присвоен гриф «совершенно секретно», и они находились под замком на протяжении десятилетий.

– Мы приступаем к прискорбному и чрезвычайно важному делу, – начал

Уоррен. – Уверен, что любой из нас занимался бы чем угодно, но не работой в такой комиссии. Президент Джонсон совершенно справедливо хочет, чтобы общественность знала как можно больше об этом ужасном происшествии, насколько это в человеческих силах, – продолжал председатель. – Для меня большая честь сознавать, что президент счел меня, а также всех вас способными выполнить эту работу, и я приступаю к ней смиренно, осознавая, насколько мало я пригоден для этого, поскольку мне отвратительна сама мысль о необходимости ежедневно изучать подробности этого преступления[12] .

Затем Уоррен рассказал, как он видит задачи, стоящие перед комиссией, пояснив, что рамки расследования будут ограниченными и комиссия должна завершить свою работу как можно быстрее. Он предложил даже не называть это «расследованием». Комиссии, по мнению Уоррена, следовало рассмотреть всю информацию, относящуюся к убийству, собранную ФБР, Секретной службой и другими агентствами, комиссии следовало лишь проверить, насколько добросовестно велось расследование. Что бы Уоррен лично ни думал о Гувере, казалось, он полагал, что именно ФБР можно доверять в деле выявления фактов[13] .

– Полагаю, наша задача – оценивать имеющиеся факты, а не собирать их, и, по крайней мере поначалу, мы можем исходить из той предпосылки, что можем опираться на отчеты различных служб, – пояснил он[14] .

По мнению Уоррена, публичных слушаний устраивать не следовало, равно как и не следовало получать право вызывать свидетелей в суд, на что потребовалось бы специальное разрешение Конгресса. Он сказал также, что не видит необходимости нанимать следователей.

– Я не вижу никаких причин дублировать функции ФБР, или Секретной службы, или каких бы то ни было других служб, – сказал председатель.

Если у комиссии будет право вызова свидетелей и организации публичных слушаний, как полагал Уоррен, то в комиссию кинутся душевнобольные, которые «считают, что им известно о великом заговоре», и они будут настаивать на даче свидетельских показаний[15] .

– Если у нас будет право вызова свидетелей, все будут ожидать, что мы им воспользуемся. У свидетелей будет право прийти и сказать: «Вот мои

свидетельские показания…» А если это какие-нибудь сумасброды, если это психи – мы будем связаны по рукам и ногам16 .

Если же комиссия не станет вызывать этих «психов» для дачи свидетельских показаний, «они пойдут и скажут, что мы утаиваем доказательства»17 . Мешок, куда в Верховном суде складывали корреспонденцию для Уоррена, был уже переполнен письмами и открытками – некоторые с угрозами, некоторые накарябанные мелким неразборчивым почерком от взбудораженных людей, и все они заявляли, что готовы раскрыть истинную тайну убийства президента18 .

Закончив свое вступительное слово, Уоррен сел и приготовился выслушать остальных. Казалось, он был уверен в том, что его коллеги, как и он, обремененные собственными делами, увидят в его словах логику.

Но вместо этого они накинулись на него, иногда чуть не доходя до оскорблений. Уоррен хоть и был председателем Верховного суда, с мнением которого следовало считаться в самых разных обстоятельствах, но оказалось, что многие из членов комиссии намерены обращаться с ним на равных. Некоторые из них – сенатор Рассел, Джон Макклой и Аллен Даллес – властвовали в Вашингтоне на протяжении десятилетий, задолго до его появления в столице. У Уоррена также были особые причины быть осмотрительным с Джеральдом Фордом, избранным в Конгресс в 1948 году, поскольку республиканец из Мичигана дружил с Ричардом Никсоном – старым заклятым врагом председателя Верховного суда.

Джон Макклой, 68-летний юрист, дипломат и банкир, который некогда был советником президентов начиная с Франклина Рузвельта и которого журнал Esquire назвал «Председателем Восточного блока», первым дал отпор Уоррену19 . Он заявил, что Уоррен ведет себя откровенно глупо, полагая, что можно доверить правительственным агентствам расследовать их собственные просчеты. Макклой не использовал выражение «замять дело», когда описывал, как ФБР и Секретная служба себя поведут, но намекал на это20 .

– В данном деле может существовать мера вины Секретной службы и даже ФБР, – сказал он. – Следует учитывать человеческую природу, агентства могут представить «своекорыстные» отчеты о случившемся21 .

Уоррен ошибался и в отношении права вызова свидетелей, заявил Макклой[22]. Комиссии необходимо право добиваться свидетельских показаний и вынуждать агентства передавать собранные материалы. Без права заслушивать свидетелей, сказал он, комиссия рискует оказаться беззубой. Расследование, проводимое комиссией, обязано сделать больше, чем «дать оценку отчетам агентств». «Я думаю, что, если у нас не будет права требовать какие-то документы и вызывать свидетелей, когда нам это понадобится, авторитет комиссии будет подорван»[23]. Боггс и Форд с этим согласились[24].

Обескураженный такой открытой атакой на первом же заседании комиссии, Уоррен не пошел в контрнаступление:

– Если остальные полагают, что нам нужно право привлекать свидетелей, я совершенно не против, – сказал он[25].

Следующим был Рассел – с возражением против предложения Уоррена не привлекать к работе комиссии специального штата расследователей[26].

– Мы окажемся в положении, когда нам потребуется кого-то привлечь, чтобы проинспектировать поток документов, который хлынет из ФБР, из Секретной службы, откуда-то еще, – сказал он. – Я надеюсь, мы сможем обзавестись штатом – не целой армией, а командой в высшей степени способных людей, чтобы они подготовили отчет, который выдержит самую требовательную критику со стороны любых непредубежденных людей.

Он напомнил Уоррену об опасности, которую расследование представляет для всех семи членов комиссии: если у них не будет соответствующих ресурсов, чтобы раскрыть истину об убийстве и изложить ее перед общественностью, история им этого не простит[27]. Каких бы карьерных высот они ни достигли, их будут помнить именно по участию в этом деле.

– Здесь поставлена на карту репутация каждого из нас, – сказал Рассел, признавшись, как он сердит на президента Джонсона. – Откровенно говоря, я не знаю, смогу ли я питать прежние чувства к президенту после того, как он включил меня в состав этой комиссии… Я говорил ему, что не хочу в ней работать, и я бы не стал этого делать, но не знал, как от этого уклониться.

Макклой предложил подыскать в комиссию «отменного» юриста

для руководства штатными сотрудниками в качестве главного юридического советника, что дало Уоррену возможность предложить своего кандидата – Уоррена Олни28 . Председатель потратил несколько минут, описывая карьеру Олни в Калифорнии и Вашингтоне, подчеркнув, что он «не знает более достойного человека»29 . Олни, говорил председатель, «парень с настоящими способностями… Полагаю, я не могу найти никого в этой стране, у кого есть нужный опыт для подобной работы»30 .

Его похвалы были столь обильны, что возражения любого, кто стал бы оспаривать назначение Олни, прозвучали бы как дерзость или даже оскорбление по отношению к председателю Верховного суда. Однако случилось именно так: в атаку двинулся Форд. Быть может, Олни и «прекрасная кандидатура», сказал он, но всем хорошо известны тесные взаимоотношения между Уорреном и Олни – что было потихоньку высказано ФБР, – и из-за «ваших давних отношений некоторые могут, быть может, даже и без оснований, сказать, что председатель Верховного суда оказывает давление на комиссию, и ее выводы будут рассматриваться как отчет о работе, проделанной им, а не всеми нами»31 .

– Я не хочу, чтобы комиссия разделилась, – сказал Форд. – Я не хочу, чтобы это была ваша комиссия либо комиссия одной или другой половины из нас32 .

Макклой не стал оценивать компетентность Олни, но согласился с Фордом, что следует провести расширенный поиск кандидатуры на должность главного консультанта.

– У меня такое чувство, что нам следует подобрать самого лучшего человека, – сказал он. – Лично я хотел бы сам узнать, что представляет собой этот Олни33 .

Боггс, казалось, почувствовал, что Уоррен оскорблен нападками Форда, и решил встать на защиту председателя Верховного суда.

– Я полагаю, что председателю нужен помощник, с которым он чувствовал бы себя совершенно комфортно, – сказал он. – Председателю Верховного суда нужен кто-то, кому он бы доверял абсолютно34 .

Уоррен попытался в последний раз выступить за Олни, и если уж его

кандидатуру отклонят, ему подошел бы другой талантливый и опытный человек, которого можно было бы незамедлительно найти. Председатель сказал, что ему нужен человек, изнутри понимающий принципы работы органов правопорядка, а также правительства, такой, которому не потребуется «несколько месяцев, чтобы освоиться» в столице35 . Уоррен говорил, не скрывая личных мотивов:

– Если у меня не будет правоведа, которого я хорошо знаю и с которым я с самого первого дня смогу приступить к работе, мне не придется встретить Рождество с семьей. Я останусь и буду проводить здесь каждый день, потому что человек – неважно, насколько он там прекрасен и все хватает на лету, – попросту не на короткой ноге с Вашингтоном36 .

Заседание длилось почти три часа и закончилось в 12.45, в итоге решили собраться на следующий день37 .

Подковерная кампания ФБР сработала, и когда на следующий день – в пятницу, 6 декабря – состоялось новое заседание, вопрос о назначении Олни был похоронен. Форд, Даллес и Макклой уведомили Уоррена о своих сомнениях в отношении Олни, а Макклой не скрыл своей осведомленности о том, что Олни «на ножах с Гувером»38. Уоррен сдался.

– Я бы не стал навязывать никого, если бы не заручился доверием комиссии, – сказал он. – Как я понимаю, вопрос о назначении мистера Олни в качестве советника для комиссии закрыт39 .

Ночью Макклой созвонился с друзьями в Вашингтоне и на Уолл-стрит, просил порекомендовать ему опытных правоведов для работы в комиссии. Несколько человек, по его словам, назвали ему имя Джеймса Ли Рэнкина, бывшего заместителя министра юстиции в администрации Эйзенхауэра, а на тот момент практикующего нью-йоркского адвоката. «Рэнкин, – говорил Макклой, – человек высокопрофессиональный»40 .

Услышав имя Рэнкина, Уоррен вздохнул с облегчением. Рэнкина, 56-летнего уроженца Небраски, Уоррен знал хорошо и был к нему расположен41 . В должности заместителя министра юстиции он представлял правительство перед Верховным судом в ходе многих значимых дел в 1950-х годах42 . Стоило только припомнить его

выступление на стороне Министерства юстиции от имени детей и их родителей в Топике, штат Канзас, которые добивались десегрегации в местных школах в деле «Браун против Совета по образованию»[43]. «Мы часто видели его в Верховном суде, потому что он выступал на стороне защиты в самых крупных делах, – говорил Уоррен. – Он прекрасный человек во всех отношениях»[44]. Рэнкин, по словам Уоррена, никогда «не лоббировал чьих-то интересов»[45].

Рассел порекомендовал Рэнкина для работы в комиссии, если Уоррен и Макклой не против. Остальные не возражали. Уоррен решил тем же вечером позвонить Рэнкину[46].

Под конец заседания Макклой поднял еще один вопрос. До того момента обсуждения комиссии касались только ФБР и Секретной службы, а также информации, которую обе эти организации должны были предоставить комиссии. А как насчет Центрального разведывательного управления? Не связывался ли с ними председатель или кто-либо еще, дабы узнать, что им было известно об убийстве, а также об Освальде и его поездках в Россию и в Мексику?[47]

– Я не связывался, – ответил Уоррен, – по той простой причине, что у меня нет сведений о том, что ЦРУ располагало какой бы то ни было информацией об Освальде[48].

– У них она была, – парировал Макклой, явно намереваясь поиздеваться над наивностью Уоррена, который считал, что ЦРУ может ничего не знать об Освальде[49]. – Не следует ли нам и у них спросить? – осведомился Макклой с нажимом.

– Конечно, следует, – отозвался председатель Верховного суда, который понял, что поначалу ответил глупо. – Я думаю, нам следует спросить их[50].

Глава 7

Кабинет члена палаты представителей Джеральда Р. Форда

Палата представителей

Палата представителей

12 декабря 1963 года, четверг

Джеральд Форд сам попросил организовать эту встречу. Он пригласил заместителя директора ФБР Карфу Делоака, по прозвищу «Финт», главного координатора ФБР по связям с Конгрессом, заглянуть в его офис на Капитолийском холме во второй половине дня в четверг, 12 декабря, через неделю после первого заседания комиссии по делу об убийстве Кеннеди. У Форда для ФБР было деловое предложение. «Он попросил меня, чтобы наш разговор был строго конфиденциальным, – писал Делоак Гуверу в тот же день. – На что я и согласился»1 .

На протяжении всей своей работы в Конгрессе – подобно Линдону Джонсону и многим другим на Капитолийском холме – Форд делал все, чтобы не терять связь с ФБР. За долгие годы ФБР привыкло видеть в Форде надежного друга, в особенности когда дело доходило до поддержки статей расхода в государственном бюджете, на которые претендовало Бюро. Форд был членом Комиссии по бюджетным ассигнованиям, от решения которой зависело, как федеральный бюджет будет поделен между агентствами. Теперь, приняв участие в работе комиссии, Форд ухватился еще за одну возможность продемонстрировать свою лояльность ФБР.

50-летний Джерри Форд из города Гранд-Рапидс, штат Мичиган, пытался выглядеть как один из своих избирателей – еще один умеренный, вежливый, благожелательный парень со Среднего Запада2 .
На Капитолийском холме его знали как уравновешенного человека с хорошим чувством юмора, а демократы восхищались его интернационализмом во внешней политике. Но его коллеги в Конгрессе видели Форда с другой стороны, неизвестной его избирателям– как безудержно амбициозного, подчас жестокого политика, умеющего выбирать друзей и союзников, которые могут поспособствовать его карьере. В 1949 году он обошел другого республиканца, заняв его место в Палате представителей. С самых первых дней работы в Конгрессе Форд изумил своих подчиненных тем, что открыто обсуждал с ними свою мечту стать спикером Палаты представителей. В начале 1963 года он был председателем Конференции республиканцев в Палате представителей, занимая третий по значимости пост в Республиканской партии в Конгрессе, отстранив от должности старого председателя. Во время

всеобщих выборов 1960 года его друг Ричард Никсон, кандидат в президенты от республиканцев, был близок к тому, чтобы назвать Форда своим кандидатом в вице-президенты.

Уже через несколько недель после прибытия в Вашингтон в 1949 году Форд смог «протянуть руку помощи» ФБР. В своем первом выступлении в зале заседаний Палаты представителей в ту зиму он предложил повысить жалованье Гуверу, объявив, что он автор только что предложенной поправки, призванной повысить жалованье директора ФБР на 25 % – с 14 до 17,5 тысяч долларов, что выводило Гувера в ряды самых высокооплачиваемых федеральных чиновников[2]. Директор, по словам Форда, был национальным героем, заслужившим каждый заработанный им цент: «Денежное вознаграждение, предлагаемое в моей поправке, лишь малая компенсация за его неоценимый вклад»3 .

Почти пятнадцать лет спустя Форд рассматривал свое назначение в комиссию Уоррена как способ заработать репутацию в национальном масштабе, а кроме того, возможность упрочить союз с Гувером. На протяжении многих лет Форд повторял, что принял приглашение президента Джонсона войти в состав комиссии против своей воли, ссылаясь на широкий круг обязанностей в Палате представителей. Однако публикация телефонных переговоров Белого дома десятилетия спустя показала, что на самом деле Форд воспринял предложение Джонсона с большим энтузиазмом и без малейших колебаний.

Для ФБР назначение Форда означало, что Бюро обзавелось ценным напарником – и защитником, если возникла бы необходимость, – в ходе расследования. В служебной записке вскоре после объявления списка членов комиссии в конце ноября Гувер написал, что Форд вполне мог бы «отстаивать интересы ФБР».

Оказалось, что Форд был не прочь пойти и далее, как он пояснил это Делоаку, когда они встретились в кабинете конгрессмена. Форд заявил о своем желании быть тайным информатором ФБР в ходе работы комиссии и, в частности, присматривать за председателем Верховного суда. Решение должно принять ФБР. Хочет ли Бюро принять его услуги в качестве информатора?

«Форд сказал мне, что несколько обеспокоен тем, как председатель

Верховного суда исполняет свои обязанности в комиссии, – писал Делоак Гуверу в служебной записке, составленной в тот же день. – Он объяснил, что первая ошибка, совершенная Уорреном, заключается в том, что он попытался создать “комиссию из одного человека”, предлагая назначить главным советником своего протеже Уоррена Олни»4 .

Форд рассказал Делоаку, что в ходе первых дискуссий комиссии он и другие члены были против назначения Олни. «Уоррен выдвинул жесткие аргументы», чтобы отстоять назначение Олни, сообщил Форд Делоаку, но «компромисс был достигнут, когда было названо имя Ли Рэнкина». Служебная записка наводит на мысль о том, что Форд не осознавал – во всяком случае, никоим образом не показывал, – что ему известно о развязанной ФБР кампании против назначения Олни.

Затем Форд обратился к Делоаку с предложением: «Форд пояснил, что будет держать меня в курсе всех действий комиссии, – писал Делоак. – Он также попросил разрешения звонить мне время от времени, чтобы прояснять для себя некоторые вопросы в отношении расследования. Я сказал, что ему непременно следует это делать. Он неоднократно повторял, что наши отношения должны оставаться конфиденциальными. Мы поддерживаем прекрасные отношения с конгрессменом Фордом вот уже много лет».

Помимо предложения Форда у Гувера были и другие причины ликовать. Директор ФБР теперь имел подтверждение того, что Форд и другие члены комиссии с самого начала готовы дать отпор председателю Верховного суда.

«Отлично сработано», – гласит подпись Гувера на записке Делоака.

Уильям Салливан, бывший сотрудник ФБР, занимавший третий по значимости пост в Бюро, а затем досрочно отправленный на пенсию из-за разногласий с Гувером, вспоминал, как взволнован был Гувер предложением Форда поставлять им информацию. На протяжении некоторого времени, рассказывал Салливан, Форд защищал ФБР, поскольку «держал нас в курсе того, что происходит за закрытыми дверями на заседаниях комиссии… Он был нашим человеком, нашим информатором в комиссии Уоррена»5 .

Следствие по делу об убийстве Кеннеди стало самым крупным уголовным расследованием в истории ФБР на тот период, судя по количеству занятых им агентов и потраченных человеко-часов. Следствие сосредоточилось в Далласе, куда были временно направлены десятки агентов со всех концов страны. Дополнительные агенты были высланы в Новый Орлеан, родной город Освальда, где он прожил несколько месяцев в 1963 году, в Нью-Йорк, где он провел часть своего детства, и в Мехико. Тем не менее всего через несколько дней после убийства и даже в начале декабря Гувер был готов твердить во всеуслышание, что Освальд – и только Освальд – был в ответе за убийство президента.

В воскресенье, 24 ноября, в день убийства Освальда и через два дня после убийства Кеннеди, Гувер сообщил Уолтеру Дженкинсу, одному из высокопоставленных помощников Джонсона в Белом доме, что ФБР намерено подготовить отчет, чтобы «убедить общественность в том, что настоящий убийца – Освальд»6 . Казалось, Гувер решился пойти в обход своих заместителей, публично заявив, что Освальд был единственным стрелявшим. 26 ноября, во вторник, один из заместителей писал Гуверу: было бы неверным принимать какие бы то ни было поспешные решения в отношении убийства, включая признание того факта, что Освальд был убийцей. «Мы должны признать, что дело такого масштаба не может быть полностью расследовано в недельный срок», – настаивал он7 .

Раздражение Гувера заметно по надписи, сделанной им на служебной записке: «И сколько же, по вашим оценкам, все это займет? Мне кажется, у нас на руках все основные факты». Три дня спустя, 29 ноября, Гувер сказал президенту Джонсону в телефонном разговоре: «Мы надеемся завершить расследование сегодня, но, возможно, придется все отложить до понедельника»8 .

Данная оценка оказалась несколько оптимистичной, но уже 9 декабря, в понедельник, ФБР представило Джонсону и Министерству юстиции пятитомный отчет на 400 страницах, который, как и было обещано, успешно доказывал, что Освальд был единственным убийцей. «Материалы следствия убедительно доказывают, что президент Кеннеди был убит Ли Харви Освальдом, открыто признававшим себя марксистом», – говорилось

в отчете. ФБР не смогло полностью исключить возможность заговора, частью которого был Освальд, однако в отчете подчеркивалось отсутствие даже намеков на существование каких-либо других лиц, причастных к убийству Кеннеди. В отчете также утверждалось, что, невзирая на то что ранее в том же году Освальд находился под наблюдением ФБР, у Бюро никогда не возникало причин видеть в нем угрозу для президента[9].

Национальный архив

Вашингтон, округ Колумбия

16 декабря 1963 года, понедельник

На третье заседание Уоррен и другие члены комиссии собрались в помещении Национального архива, на повестке дня было обсуждение отчета ФБР[10].

На заседании присутствовал Ли Рэнкин, только что приступивший к своим обязанностям в должности главного юридического советника. Председатель Верховного суда выразил радость по поводу того, что он сможет принять на себя бремя организации расследования.

– Со времени нашего последнего заседания он не отходил от меня ни на шаг, и мы попытались разобраться с чисто хозяйственной стороной дела, – сообщил Уоррен[11].

Открывая заседание, председатель Верховного суда сообщил и другие хорошие новости: он нашел помещение для комиссии в только что открывшемся здании Организации ветеранов зарубежных войн на Мэриленд-авеню. Пятиэтажное здание с мраморным фасадом было удобно расположено – всего в нескольких домах от Верховного суда и через улицу от Капитолия. Комиссии предоставляли весь четвертый этаж здания – около 3 тысяч квадратных метров, а ее члены могли использовать большой конференц-зал организации на первом этаже для проведения допросов важных свидетелей и других собраний.

– Там все идеально чисто и, полагаю, подходит нам во всех отношениях, – сказал Уоррен, который планировал ходить пешком из здания Верховного

суда до офиса комиссии.

Комиссии был выделен отдельный телефонный номер, а вскоре должны были появиться собственные телефонисты и секретари, сообщил Уоррен. Для телефонистов Верховного суда это была радостная новость, поскольку их беспокоил нарастающий поток умопомрачительных телефонных звонков с угрозами или обещаниями поведать какую-нибудь страшную тайну об убийстве президента.

Уоррен также сообщил, что ему повсюду оказывается содействие. Управление служб общего назначения, федеральное агентство по логистике, нашло администратора, который должен был заниматься платежными ведомостями и прочей бухгалтерией. Национальный архив направил своего сотрудника: он должен создать систему папок для архивации потока документов, на многих из которых будет поставлен гриф «совершенно секретно».

– У нас должен быть деловой подход, – сказал Уоррен[12] .

Затем разговор переключился на отчет ФБР. Большинство членов комиссии дали ему жесткую оценку. Уоррен и несколько других членов сказали, что считают отчет неполным и путаным, написанным – поразительным образом – настолько плохим языком, что невозможно проследить мысль от одного предложения к другому; частично отчет представлял собой почти стенографическую запись.

– С грамматикой совсем плохо, как вы видите, они его совершенно не отредактировали, – заявил Макклой[13] .

Кроме того, членов комиссии возмутило то, что многие подробности получили огласку – очевидно, в результате утечек из ФБР, – прежде чем хоть кто-нибудь в Белом доме или в комиссии успел с ними ознакомиться.

– Джентльмены, буду с вами откровенен, я прочитал этот отчет два или три раза и не увидел в нем ничего из того, о чем не писали бы в газетах, – сокрушался Уоррен[14] .

– Полностью согласен, – вторил ему Рассел. – Практически все было опубликовано в прессе в тот или иной момент, кусочек здесь, кусочек там.

Несмотря на то что отчет ФБР представлял Освальда единственным стрелявшим, в тексте было много лакун, касающихся результатов медицинских заключений, а также вещественных доказательств, собранных на Дили-Плаза. Макклой говорил, что прочел – и не один раз – главу о винтовке Освальда и траекториях пуль, выпущенных по президентскому лимузину, и не смог понять ничего из доводов касательно баллистики.

– История с пулями приводит меня в недоумение, – сказал он. – Все это выглядит очень неудовлетворительно15 .

– Совершенно неубедительно, – согласился Уоррен.

Боггс удивлялся тому, что в отчете ничего не говорилось о губернаторе Коннелли и его тяжелом ранении. У него остался «миллион вопросов» к отчету.

В отчете также не были приведены сведения о неблагополучной жизни Освальда, его путешествиях за границу, включая поездку в Мехико осенью того года. Были приведены краткие сведения о стрелковой подготовке в морской пехоте.

– У меня возникают самые разнообразные вопросы, – сказал Боггс. – Предположим, он был таким превосходным стрелком. Но где он в этом практиковался?16

Члены комиссии интересовались, почему в отчете приводятся лишь краткие сведения о Руби, который мог лично знать Освальда, о чем в Техасе ходили слухи.

– Ясно, что им удалось немало узнать о жизни и привычках Освальда, – признал Боггс, – но здесь почти ничего нет об этом Руби, включая его перемещения, чем он был занят, как он туда попал.

Даже Форд, верный защитник ФБР, признал, что отчет «не настолько глубок, как следовало бы»17 .

Из-за вопиющих недостатков в отчете Уоррен изменил свое понимание масштаба расследования. Председателю пришлось признать, что оно должно быть более подробным и продолжительным. Он сообщил членам

комиссии, что убежден: необходимо выпустить обращение к правительству с требованием собрать «все материалы», касающиеся убийства. Комиссии потребуется рассмотреть тысячи свидетельских показаний и отчетов по материалам дела, которые агенты ФБР успели подготовить в Далласе и Вашингтоне, а также все отчеты, которые они подготовят в будущем.

– На то, чтобы все это прочесть и осмыслить, уйдет немало времени, – предостерег Рассел. – Надо полагать, там тонны материалов18 .

– Да, – согласился Уоррен, – я в этом не сомневаюсь.

К этому моменту Уоррен уже приступил к созданию команды Рэнкина. Он порекомендовал комиссии нанять «с полдюжины» опытных юристов со всей страны – а в некоторых случаях адвокатов из видных адвокатских контор – и подобрать молодых и перспективных юристов, которые будут заниматься непосредственно технической работой19 .

Молодые адвокаты будут заняты полный рабочий день, а их старшие коллеги будут присоединяться к ним в удобное для них время; юристы будут разделены на команды по два человека, и у каждой будет своя сфера ответственности. Одна команда будет заниматься полным изучением жизни Освальда – «день за днем, с рождения вплоть до момента, когда он был убит», сказал Уоррен. Другая команда будет делать то же самое в отношении Руби.

Остальные члены комиссии одобрили предложенный план. Они не возражали против предложения Уоррена нанять юристов – на настоящий момент были нужны только юристы, – чтобы вести расследование. Семь членов комиссии сами были юристами, и они считали, что нанимать нужно только людей с юридическим образованием.

Ознакомившись с наскоро состряпанным отчетом, Рассел набрался смелости и высказал то, что, вероятно, было на уме и у некоторых других членов комиссии: сотрудники, нанятые для работы в комиссии, должны исходить из того, что ФБР могло ошибаться. Он сказал, что, возможно, ФБР, по неведению или преднамеренно, преподносит факты, касающиеся убийства, в искаженном виде. Кто-то из сотрудников комиссии должен исполнять роль «адвоката дьявола», взять этот доклад – или любой другой доклад, который в итоге будет сделан ЦРУ и другими агентствами, –

и «пройтись по тексту, анализируя каждое противоречие, каждое слабое место»[20]. Должен быть хотя бы один штатный сотрудник комиссии, оценивающий доказательную базу, «как если бы он собирался использовать ее в обвинении против Эдгара Гувера».

От Форда последовал другой вопрос. Он хотел быть уверенным в том, что юристы, нанятые в штат комиссии, не имеют политических убеждений, которые могли повлиять на ход следствия.

– Это серьезное соображение, и я полагаю, мы должны быть безупречны в этом отношении, – пояснил он. – Штатные сотрудники не должны быть «приверженцами крайних взглядов»[21].

– Я тоже полагаю, что нам не нужны идеологи, – поддержал его Уоррен. – Мы ищем юристов, а не идеологов.

Разговор перешел к другим неразрешенным вопросам, вызванным отчетом ФБР. В частности, о Рут Пейн. В отчете ФБР говорилось, что Освальд, хотя он и не жил в то время с женой и детьми, хранил свою винтовку в доме Пейн вплоть до дня убийства.

Боггс предположил, что у Марины может возникнуть искушение бежать обратно в Россию: «Она гражданка России и может просто сесть в самолет и улететь». Даллес сказал, что его тоже «это очень беспокоит», учитывая заявления с просьбой о возвращении домой, которые Марина написала в посольство СССР в Вашингтоне до убийства[22].

У Макклоя были вопросы касательно другой женщины, которая, как он полагал, была центральной фигурой этого расследования, – Жаклин Кеннеди. Быть может, это и крайне неприятно, допускал он, но комиссия должна как можно скорее ее допросить. Бывшая первая леди страны была во многих отношениях «главным свидетелем» в данном расследовании.

– Она главный свидетель, видевший, как пули поразили ее мужа, – сказал Макклой. – Я не думаю, что мы должны подвергать ее перекрестному допросу, однако она была рядом со своим мужем, когда в него попала пуля. У нее может быть информация, которой больше никто не располагает. Не могло ли случиться так, что президент поделился – исключительно с ней – какими-то опасениями в отношении того, что ему могло угрожать в Далласе? Я полагаю, все это будет очень странно воспринято, если мы

не допросим ее[23].

Макклой был вхож в Нью-Йорке и Вашингтоне в те же круги, что и семейство Кеннеди, и он знал, что миссис Кеннеди открыто говорила с друзьями об убийстве. Молодая вдова словно искала повод выговориться, пересказывая даже самые тяжелые подробности происшедшего.

– Я полагаю, это очень деликатный вопрос, но мне дали понять, что она вполне готова разговаривать об этом, – сказал Макклой членам комиссии. – Я беседовал об этом с одним из членов семьи Кеннеди.

Уоррен колебался, как и почти всегда, когда присяжные заводили речь о семействе Кеннеди. Комиссия только что начала свою работу, заметил председатель Верховного суда, и у нее не хватает информации для того, чтобы «вести официальные допросы свидетелей», в особенности миссис Кеннеди.

– И когда мы хотим поговорить с кем-нибудь вроде миссис Кеннеди, я полагаю, мы должны точно знать, что мы хотим от нее узнать[24].

Макклой не разделял мнения Уоррена. Промедление с допросом миссис Кеннеди будет ошибкой, говорил он.

– Возможно, вы соберетесь сделать это только через месяц, а это опасно.

– Джек, ты думаешь, она забудет? – спросил Уоррен.

– Да, – ответил Макклой. – Мозг играет с человеком злые шутки. Сейчас она все помнит очень четко, и мне говорили, что она и физически вполне в состоянии сделать это. – Макклой предложил комиссии обратиться к Роберту Кеннеди, чтобы понять, как подступиться к его невестке. – Вы можете спросить Бобби об этом. У него могут быть соображения на этот счет[25].

Уоррен оставил без комментария вопрос о том, как и где миссис Кеннеди может быть допрошена. Спустя годы Макклой будет вспоминать этот разговор как свидетельство того, что председатель Верховного суда излишне покровительствовал Жаклин Кеннеди и членам ее семьи.

Последним пунктом на повестке дня комиссии был вопрос о том, что делать с толпой репортеров, ожидающих под дверями зала заседания в здании Национального архива. Все они надеялись услышать хоть какие-то новости о ходе заседания. Рассел, у которого был почти сорокалетний опыт общения с журналистским корпусом Вашингтона, сказал, что крайне опасно отпускать журналистов ни с чем:

– Вы должны сказать им пусть самую малость, потому что они ждут этого26 .

Председатель Верховного суда согласился, и после окончания заседания в зал были приглашены репортеры. Уоррен объявил об открытии офиса комиссии в здании Организации ветеранов зарубежных войн и коротко рассказал о том, что комиссия планирует нанять штат сотрудников-юристов. Уоррен сообщил журналистам, что комиссия только что приступила к изучению отчета ФБР, но не может выступать с комментариями об этом; тем не менее председатель отметил, что комиссия потребует все свидетельские показания и доказательства, на которых основан отчет ФБР.

– Вы понимаете, что отчеты, которые мы получаем, – это всего лишь конспекты отчетов о том, что произошло, в более или менее схематично виде, – пояснял Уоррен. – Нам понадобится посмотреть на некоторые из материалов, положенных в основу отчетов27 .

Через несколько минут Уоррен объявил о завершении импровизированной пресс-конференции, пожелав репортерам счастливого Рождества.

В тот день Associated Press и другие телеграфные агентства опубликовали статьи, в которых были процитированы слова Уоррена. Через несколько часов эти статьи прочитал директор ФБР Гувер, который возмутился тем, что Уоррен назвал многотомный отчет «конспектом». Комиссия занимается этим всего две недели, а председатель Верховного суда уже «критикует» и «пытается отыскивать ошибки в работе ФБР», сказал Гувер. На следующий день Гувер вызвал Джеймса Р. Мэлли, старейшего сотрудника ФБР, которому было поручено поддерживать связь с комиссией, чтобы дать ему новые указания. Если Уоррен и другие члены комиссии теперь будут требовать все рабочие материалы ФБР, они их получат – все до единого, вплоть до отчета по каждому «психу»,

который утверждал, что знает, кто настоящий убийца. «Пусть все документы, как важные, так и самые несущественные, отсылаются в комиссию, – сказал Гувер Мэлли. – Не утаивайте ничего, пусть это будут хоть тонны материалов. Раз председатель Верховного суда просит, он это получит»28 .

Кабинет члена Палаты представителей Джеральда Р. Форда

Палата представителей

Вашингтон, округ Колумбия

17 декабря 1963 года, пятница

На следующий день после заседания Форд пригласил заместителя директора ФБР Делоака в свой кабинет на Капитолийском холме, на этот раз для того, чтобы рассказать о планах Уоррена завершить расследование комиссии и выпустить окончательный отчет «до июля 1964 года, когда президентская кампания будет в самом разгаре»29 .

Они также обсудили утечки информации, организованные, по мнению членов комиссии, ФБР. «В очередной раз я с большой обстоятельностью заверил конгрессмена Форда в том, что из ФБР не было никаких “утечек”», – писал Делоак позднее. Он дал понять Форду, что утечки шли по другим каналам: «от заместителя генерального прокурора Катценбаха и Министерства юстиции, а также из самой комиссии». Он также намекнул Форду, что утечки могли исходить и от самого председателя, через его друга Дрю Пирсона. «Я сказал конгрессмену Форду, строго конфиденциально, что председатель Верховного суда Уоррен был довольно близок с Дрю Пирсоном и, очевидно, использовал его время от времени для того, чтобы довести свои мысли до общественности».

Форд закончил разговор просьбой. Вместе со своей семьей он собирался в отпуск в Мичиган, кататься на лыжах. «Он хотел взять с собой отчет ФБР, однако у него не было возможности довезти его в полной безопасности, – писал Делоак. – Я сказал ему, что, по-моему, директор Бюро хотел бы, чтобы он одолжил наш агентский портфель с замками. Он ответил, что это было бы идеально и что он был бы очень признателен,

если у него будет такой портфель». На следующий день Форду были доставлены портфели ФБР вместе с наилучшими пожеланиями от Гувера.

Глава 8

Дом Джеймса Ли Рэнкина

Нью-Йорк, штат Нью-Йорк

17 декабря 1963 года, вторник

Ли Рэнкин был не склонен привлекать к себе внимание. В 1960-х, вспоминая о своей деятельности в Министерстве юстиции, он охотнее радовался успехам коллег, чем хвалился своими достижениями в должности заместителя министра юстиции. Члены его семьи говорили об угрозах, которые он получал из-за своей деятельности в министерстве, в том числе о случае в конце 1950-х, когда они обнаружили во дворе своего дома в предместье Вашингтона пылающий крест. Сам Рэнкин об этом не рассказывал.

Его сын Роджер, тогда еще подросток, вышел из-за обеденного стола, чтобы проверить собак, и первым увидел горящий деревянный крест, который кто-то установил во дворе. «Он был высотой метра два, – вспоминал он годы спустя. – Прямо во дворе, огромный пылающий крест»1 .

Он вспоминал, что даже в тот самый момент, когда они кинулись во двор заливать пламя из садового шланга, на лице его отца не было страха, ведь с этого момента его семья была под прицелом Ку-клукс-клана или какой-то местной группировки расистов. «Он никогда не проявлял таких чувств – и страха, ни тревоги, – рассказывала его дочь Сара годы спустя. – Я не помню, чтобы он о чем-то волновался. Кажется, он всегда держал себя в руках. Он был сдержан и молчалив»2 .

Поджигателей крестов так и не поймали, но Рэнкин был уверен, что причиной угроз была его деятельность по расширению сферы действия

федерального закона о гражданских правах. Несколько дней после происшествия семью Рэнкина опекали агенты ФБР, по ночам они дежурили в непримечательном с виду автомобиле, припаркованном около его дома.

Джеймс Ли Рэнкин – именем Джеймс он не пользовался с мальчишеских лет – был назначен на службу в Министерство юстиции решением его земляка из Небраски, заместителя генерального прокурора Герберта Браунелла, проводившего избирательную кампанию Эйзенхауэра в 1952 году. Рэнкину было 45 лет, когда он приехал в Вашингтон и был принят на должность помощника генерального прокурора – престижный пост, на котором он исполнял обязанности главного внутриведомственного юриста. В 1956 году он получил пост заместителя министра юстиции и стал главным адвокатом администрации в делах, рассматриваемых в Верховном суде3 .

На обоих постах Рэнкин занимался продвижением закона о гражданских правах, вопреки протестам агрессивно настроенных групп сегрегационистов. Он помогал разрабатывать юридические обоснования в поддержку чернокожих школьников Канзаса в деле «Браун против Совета по образованию». Уоррена всегда впечатляла его деловая и невозмутимая манера держаться, в особенности когда Рэнкин – высокий, худой, похожий в своих очках с толстыми стеклами на сову – выступал за расширение гражданских прав и в защиту гражданских свобод. В 1962 году, переехав в Нью-Йорк ради частной практики, Рэнкин вернулся в Верховный суд и выступал на стороне Американского союза гражданских свобод в знаковом деле «Гидеон против Уэйнрайта», когда Верховный суд согласился с позицией Союза и вынес решение о предоставлении адвоката обвиняемым по уголовным делам, если у них нет средств нанять защитника.

6 декабря 1963 года Уоррен позвонил Рэнкину в Нью-Йорк и предложил ему должность главного юрисконсульта в комиссии по делу об убийстве Кеннеди, попросив незамедлительно приступить к своим обязанностям. Позднее оба вспоминали, что Рэнкин принял это предложение не без сопротивления, сообщив председателю Верховного суда, что совсем недавно занялся частной практикой и покинуть Нью-Йорк ему будет нелегко. Некоторые члены комиссии, предостерегал Рэнкин, могут быть против его назначения, учитывая мнение сенатора Рассела и роль Рэнкина

в деле «Браун против Совета по образованию» и других делах по гражданским правам. Однако Уоррен не отступал, заверив Рэнкина, что согласие комиссии им уже получено и что работа не продлится долго. «Он сказал, что все это не займет и двух-трех месяцев», – вспоминал Рэнкин.

Уоррен и Рэнкин оба были республиканцами прогрессивных взглядов, гордые за историю великой старой партии – партии самого Авраама Линкольна. Оба восхищались президентом Кеннеди. «Мой отец был совершенно раздавлен этим убийством», – вспоминала Сара Рэнкин. Оба они также гордились своим невысоким происхождением – привилегированными их семьи назвать было нельзя.

Выпускник школы права Университета Небраски, Рэнкин всегда работал с усердием, доходившим до одержимости4 . Его жена Гертруда упрашивала мужа не принимать предложение Уоррена. С детьми она делилась своими опасениями, что такая работа поглотит его целиком и скажется на здоровье. Ей уже приходилось видеть такое в годы, проведенные их семейством в Вашингтоне, когда он возвращался домой каждый вечер с портфелем, набитым рабочими бумагами. Дети огорчались, что он посвящал каждый вечер воскресенья чтению юридических обоснований, готовясь к новой рабочей неделе.

Рэнкин был перфекционистом и всякий раз с исключительной вежливостью просил секретаря перепечатать письмо или юридическое обоснование, если в тексте обнаруживалась малейшая опечатка, вида корректорской замазки он не выносил. «Если допустишь опечатку, приходилось все печатать заново, – рассказывала Сара, иногда помогавшая ему с секретарской работой. – Ему хотелось, чтобы письмо выглядело идеально, даже если для этого пришлось бы перепечатать его четыре или пять раз»5 .

В те годы, когда Рэнкин работал заместителем министра юстиции, у него с Уорреном были теплые, однако достаточно официальные отношения. Причиной этого были прежде всего сдержанность и стеснительность Рэнкина: казалось, он был не в состоянии рассматривать себя как близкого друга председателя Верховного суда, которым восхищался. Теперь, войдя в штат комиссии, Рэнкин намеревался работать не столько с Уорреном, сколько на Уоррена и других членов комиссии. Он был их работником,

адвокатом, нанятым ими для этой работы. «Значимые решения принимались комиссией, – говорил Рэнкин впоследствии. – Права лично принимать решения у меня не было»6 . (Уважение Рэнкина к руководству и его изысканные манеры отчасти объясняют, почему он – в отличие от Уоррена Олни, своего бывшего коллеги по Министерству юстиции, – не стал врагом Эдгара Гувера.)

После звонка Уоррена Рэнкин, сидя в своей квартире на Саттон-плейс в западной части Манхэттена, за несколько часов набросал в блокноте приблизительный план расследования7 . Уоррен позволил ему совмещать работу в Вашингтоне и в Нью-Йорке, подразумевая, что вопросы по работе комиссии можно будет выяснять с ним по телефону. Рэнкин быстро освоился с новым ритмом жизни, став регулярным пассажиром Eastern Airlines . «В понедельник утром он летел из Нью-Йорка в Вашингтон, – вспоминал его старший сын Джим, – и работал там в понедельник, вторник, а в среду вечером возвращался домой с кипой документов в портфеле».

Рэнкин быстро включился в работу в Вашингтоне, обустроившись в отеле «Мэдисон», в нескольких домах от своего старого офиса в Министерстве юстиции. Работал он прямо в номере отеля, пока комиссия не переехала в новые офисы на Капитолийском холме.

Уоррен уполномочил Рэнкина нанимать в штат молодых адвокатов, оставив за собой право вето. «Иногда Рэнкин спрашивал меня о той или иной кандидатуре, но я оставил все это на его усмотрение», – рассказывал Уоррен позднее. Председатель Верховного суда настоятельно рекомендовал подбирать именно молодых людей – кандидатуры женщин, как кажется, даже не рассматривались – из разных уголков страны, а не только из региона вокруг Бостона, Нью-Йорка и Вашингтона, откуда были родом большинство юристов, работавших на правительство. (Уоррену не нужно было напоминать Рэнкину, что оба они прошли совсем другую школу.) Председатель Верховного суда сообщил Рэнкину, что он хотел бы видеть «людей независимых, без связей, о которых впоследствии придется жалеть».

Одними из первых Рэнкин привлек к работе юристов из Министерства

юстиции. Роберт Кеннеди не появлялся в офисе на Пенсильвания-авеню на протяжении нескольких недель после убийства. Его подчиненные видели, что он слишком погружен в свою скорбь и мог заниматься только самым необходимым. В результате управление министерством оказалось в руках заместителя прокурора Николаса Катценбаха, для взаимодействия с комиссией Уоррена он назначил молодого и перспективного юриста, 32-летнего Говарда Уилленса из отдела по уголовным делам. Уилленс родился в Мичигане и окончил Йельскую школу права. Ему было сказано, что на этой должности он проведет несколько месяцев с сохранением его зарплаты в министерстве.

В офис комиссии Уилленс прибыл 17 декабря, во вторник. Деловитость молодого юриста мгновенно поразила Рэнкина, и он осведомился, не согласился бы Уилленс работать на комиссию полный рабочий день, одновременно в качестве представителя министерства и старшего сотрудника в штате комиссии. Через три дня, получив одобрение Катценбаха, Уилленс был оформлен на работу8 .

Годы спустя Уилленса расспрашивали, не было ли конфликта интересов. Он утверждал, что никакого конфликта не было, несмотря на то что одним из важнейших вопросов, стоявших перед комиссией, был вопрос о том, не было ли убийство каким-то образом связано с решениями в сфере внешней политики, принимавшимися администрацией Кеннеди, решениями, в которых главную роль – в особенности в отношении Кубы – играл Роберт Кеннеди. «Не было никого, кто мог бы всерьез утверждать, что у Министерства юстиции во главе с генеральным прокурором Робертом Кеннеди были свои интересы в расследовании, за исключением максимально тщательного и открытого обсуждения всех имевшихся фактов», – рассказывал Уилленс. Однако критиковавшие деятельность комиссии утверждали, что конфликт интересов имел место9 .

Рэнкин попросил Уилленса помочь ему подобрать других адвокатов, и молодой юрист принялся обзванивать своих друзей и коллег из Министерства юстиции, а также из адвокатских контор и школ права. В ходе поисков обнаружилось, что он тесно связан с Йелем и другими знаменитыми школами права, а также с великим соперником его alma mater – Гарвардской школой права, где у него нашлось много друзей и коллег. «Я не отрицаю, что здесь преобладают юристы из Йеля и Гарварда», – говорил Уилленс, просматривая список сотрудников комиссии10 .

Рэнкину очень хотелось нанять в штат комиссии выдающегося чернокожего юриста. Он дорожил своей репутацией борца за гражданские права и понимал, какими лицемерами он, а вместе с ним и председатель Верховного суда выглядели бы, если бы такого назначения не было сделано. «Мне нужен был чернокожий адвокат», – говорил Рэнкин годы спустя, возможно, высказываясь излишне прямолинейно. Очень скоро он пришел к мысли привлечь к работе Уильяма Коулмена из Филадельфии, что очень обрадовало Уоррена. Коулмену было 43 года, он с отличием окончил Гарвардскую школу права, став первым чернокожим сотрудником в истории Верховного суда. Свое назначение он получил в 1948 году от председателя Верховного суда Феликса Франкфуртера. Невзирая на то что он заявил о себе как один из самых востребованных адвокатов в стране, работая на влиятельнейшие в стране корпорации, как, например, Ford Motor Company , Коулмен стал ключевой фигурой в закулисной борьбе за гражданские права. Он стал соавтором юридического обоснования по ключевому делу «Браун против Совета по образованию», выступая в защиту чернокожих школьников.

Рэнкин также решил привлечь к работе своего друга Нормана Редлика, 38-летнего профессора права в Нью-Йоркском университете, в должности своего заместителя. С Редликом они подружились двумя годами ранее, когда он пригласил Рэнкина, тогда только что приехавшего в Нью-Йорк, преподавать конституционное право на вечерних курсах Нью-Йоркского университета. Преподавательская деятельность пришлась Рэнкину по душе.

Рэнкин счел, что именно такой человек, как Редлик, идеально подходит на должность его заместителя, при этом его не смущал тот факт, что уроженец Бронкса Редлик не имел никакого опыта работы в уголовном праве или чего бы то ни было отдаленно напоминавшего работу следствия. Его специальностью было налоговое право11 . Через несколько дней Редлик уже был на пути в Вашингтон – университет закрылся на каникулы до января. С этого времени Редлик также стал работать одновременно в Вашингтоне и Нью-Йорке.

Принимая решения на первых этапах работы, как рассказывал Рэнкин позднее, он помнил, что Форд настаивал на том, чтобы в штатные сотрудники комиссии принимали людей без экстремистских взглядов, с чем Уоррен согласился. В кандидатуре Редлика он был совершенно

уверен, видя в нем человека, во многом сходного с самим собой, а также с председателем Уорреном. Выпускник Гарвардской школы права, Редлик много сил отдавал борьбе за гражданские права и свободы. К этой деятельности он пришел очень рано. В 1940-х годах, будучи студентом колледжа Уильямса в Уильямстауне, штат Массачусетс, он организовал бойкот одной из парикмахерских, располагавшейся на главной торговой улице Уильямстауна, где отказывались обслуживать чернокожих студентов. В результате в парикмахерской стали обслуживать всех клиентов[12].

Позднее Рэнкин отрицал, что ему «было хоть что-то известно» о причастности Редлика в начале 1950-х годов к деятельности политических объединений по защите гражданских прав и свобод, которые, с точки зрения Гувера, были ширмой для Коммунистической партии. Позднее Рэнкин говорил, что узнал – но, к своему ужасу, слишком поздно, – что ФБР собрало толстый пакет документов по Редлику и его связям с теми, кого в Бюро называли «подрывными элементами».

Глава 9

Кабинет председателя Верховного суда

Верховный суд

Вашингтон, округ Колумбия

Запечатанный конверт с фотографиями вскрытия тела президента Кеннеди был прислан из Медицинского центра ВМФ в Бетесде лично председателю Верховного суда[1]. Согласно описи ФБР, подготовленной в ночь вскрытия, все снимки были размером 10x12,7 см, 22 из них были цветными и 18 – черно-белыми[2].

Много ли фотографий вскрытия довелось повидать председателю Уоррену за 14 лет работы в должности прокурора округа в Оукленде, штат Калифорния? Сотни, тысячи? В офисе окружного прокурора Аламиды анализ фотографий вскрытия и места преступления, а также последующий

отбор снимков для присяжных, для того чтобы никто из них не выскочил из зала суда от отвращения, был процедурой обыденной, причем лучше всего делать это было на пустой желудок.

Теперь, много лет спустя, Уоррен думал, что у него по-прежнему крепкий желудок. Но фотографии вскрытия президента, как вспоминал Уоррен, были ужаснее, чем он мог себе представить. «Эти снимки я увидел, когда их прислали из Медицинского центра ВМФ в Бетесде, и они были настолько страшными, что несколько ночей подряд я не мог спать», – писал Уоррен позднее. Хуже всего, рассказывал он одному из друзей, была голова президента, она «раскололась почти пополам». Череп «распался на части»3 .

Уоррена ужаснули сообщения новостных агентств о создании мемориальных «музеев» гибели президента Кеннеди в Далласе и в других местах, появившиеся всего лишь через несколько недель после трагедии. «Президента едва успели похоронить, а любители кровавых подробностей уже начали собирать артефакты, связанные с убийством», – писал председатель Верховного суда. Некоторые любители музейного дела, «оголтелые шоумены» – как он сам назвал их, – объявили о намерении выкупить оружие Освальда у правительства, чтобы выставить его на всеобщее обозрение. Уоррен вспоминал, как прочел о людях, «предлагавших десять тысяч долларов за одну только винтовку… Они также хотели купить у семьи Освальда его одежду, револьвер, из которого он убил полицейского Типпита, различные предметы из Техасского склада учебников. Они даже наводили справки об одежде президента Кеннеди. Естественно, им хотелось заполучить и фотографии его головы».

Теперь, после того как он сам увидел эти снимки, у него не оставалось никаких сомнений относительно того, что с ними следует делать[3]. Решение пришло само: доступ к фотографиям должен быть закрыт навсегда, если только не будет специального решения членов семьи Кеннеди. Кроме них, никто, даже члены комиссии и ее штатные сотрудники, не имели права их увидеть – таковым было решение Уоррена. Он приказал переслать все фотографии вскрытия и рентгеновские снимки в Министерство юстиции, где они поступили в распоряжение Роберта Кеннеди.

Уоррен убедил себя в том, что комиссии не нужны ни эти фотографии,

ни рентгеновские снимки, поскольку врачей ВМФ, производивших вскрытие, можно было легко допросить и у комиссии был полный доступ к их отчетам, в которых от руки были зарисованы раны на теле президента. Фотографии и рентгеновские снимки не имели особой ценности, заявлял Уоррен. Комиссия, говорил он, сможет получить «свидетельские показания от врачей ВМФ, производивших вскрытие, чтобы установить причину смерти, определить входные и выходные отверстия пуль и их траектории».

Контролировать то, куда попадут остальные фотографии момента убийства, Уоррен не мог. Общественность уже познакомилась с отдельными кадрами из потрясающего любительского фильма далласского фабриканта женской одежды Эйбрахама Запрудера, которому удалось заснять момент убийства на любительскую камеру Zoomatic, фирмы Bell Howell. 58-летний фабрикант Запрудер стоял на поросшем травой холме на Дили-Плаза в нескольких метрах от Техасского склада школьных учебников – это место репортеры, описывавшие место трагедии, вскоре стали называть Травяным склоном.

9 декабря, в понедельник, Берту Уиттингтону, пресс-секретарю Уоррена в Верховном суде, позвонил представитель журнала Life , купивший фильм Запрудера. В номере, посвященном гибели президента, редакция журнала Life поместила 30 кадров из этого фильма, начиная с тех, где лимузин президента выезжает на Элм-стрит перед зданием Техасского склада школьных учебников. На этих черно-белых кадрах запечатлен момент, когда пуля попадает в президента – явно в область шеи – и президент склоняется к жене на колени. На другой серии кадров первая леди кидается на багажник автомобиля в «отчаянной попытке найти помощь», как гласила подпись.

Редакция Life не объяснила читателям, что есть еще 20 куда более страшных секунд съемки, и не сообщила, что фильм был цветным. Кадры, где пуля попадает в голову президента и взмывает мутное облачко алых брызг, в журнале решили не печатать. «Мы решили, что публикация этих жутких снимков будет оскорбительной для семьи Кеннеди и памяти президента», – вспоминал Ричард Столли, корреспондент Life , который, действуя от имени журнала, приобрел фильм у Запрудера.

В служебной записке Уоррену Уиттингтон писал, что журнал предлагал комиссии копию фильма в цвете. В ответ Уоррен написал Уиттингтону на той же записке, чтобы он немедленно связался с журналом и поблагодарил за сотрудничество. «Мы непременно хотим увидеть его и дадим свои рекомендации», – говорилось в ответе судьи.

Через несколько дней копия фильма Запрудера прибыла в Вашингтон, и Уоррен увидел кадры, которые журнал решил не предавать огласке.

Офис комиссии

Вашингтон, округ Колумбия

декабрь 1963 года

К концу декабря Рэнкин и Уилленс (молодой адвокат к тому времени упрочил свою репутацию) подвели итог по структуре штатного расписания, изначально включавшего 16 юристов. Большинство из них были разбиты на команды по два человека: «старший юрисконсульт» и его помощник – молодой и менее опытный юрист, который назывался «младший юрисконсульт».

С одобрения Уоррена Рэнкин и Уилленс определили шесть участков расследования. На первом участке реконструировалась хронология всех событий с момента, когда президент Кеннеди отбыл из Белого дома во вторник, 21 ноября, чтобы отправиться в тур по Техасу, до момента, когда гроб с телом был доставлен для торжественного прощания в Белый дом в предрассветные часы в субботу, 23 ноября. В рамках второго участка расследования необходимо было собрать данные, которые помогли бы установить – по возможности с высочайшей степенью точности – личность Освальда, предполагаемого убийцы президента. Третий участок расследования был посвящен реконструкции жизни Освальда. Четвертый – изучению гипотезы об иностранном заговоре, как предполагалось, с упором на Советский Союз и Кубу. На пятом участке расследования реконструировалась биография Джека Руби и исследовались все возможные точки пересечения между ним и Освальдом. И, наконец, на шестом участке расследования необходимо было оценить качество защиты президента Кеннеди со стороны Секретной службы, а также

изучить историю мероприятий правоохранительных органов по защите президентов.

Уоррен без труда назвал имена выдающихся юристов с солидной репутацией, которые должны были стать «старшими юрисконсультами». Все это были люди, с которыми председатель Верховного суда и Рэнкин имели дело каждый день на протяжении десятилетий. Коулмену, юристу из Филадельфии, предложили возглавить работу по четвертому участку расследования – команду «версии заговора», поскольку у него был опыт в вопросах внешней политики. В тот год Коулмен стал советником правительства в только что созданном Управлении по контролю над вооружением и разоружением, и у него уже был допуск к секретным материалам.

Рэнкин порекомендовал Фрэнсиса Адамса, 50-летнего манхэттенского адвоката, работавшего в полицейском трибунале Нью-Йорка в середине 1950-х годов. Уоррен предложил Альберта Дженнера, 56-летнего партнера влиятельной юридической конторы Raymond, Mayer, Jenner Block , позднее переименованной в Jenner Block . Оба юриста согласились принять участие в работе комиссии. Адамс, у которого был опыт исследования мест преступлений, получил под свое руководство первый участок, где заданием было реконструировать события, произошедшие в день убийства, а Дженнер – третий, анализ прошлого Освальда.

Уоррену очень хотелось привлечь к работе своего старого друга из Калифорнии, 61-летнего Джозефа Болла из города Лонг-Бич, одного из самых успешных защитников, который также преподавал в школе права Университета Южной Каролины. Для Уоррена Болл был живым упреком многим юристам Востока, которые по-прежнему считали своих коллег с Тихоокеанского побережья менее талантливыми и искушенными в своем деле. Болл возглавил команду по второму участку расследования, занимавшуюся поиском ответа на вопрос, действительно ли убийцей был Освальд.

Наняв адвокатов с Востока, Запада и Среднего Запада страны, Уоррен также хотел подключить и представителя Юга. Конгрессмен Боггс предложил своего земляка из Луизианы, 52-летнего Леона Хьюберта, бывшего окружного прокурора Нового Орлеана, профессора Университета Тьюлейна, занимавшегося частной практикой. Ему был предложен пятый

участок расследования – реконструкция биографии Джека Руби.

Контора окружного прокурора

Филадельфия, штат Пенсильвания

31 декабря 1963 года, вторник

У Арлена Спектера, молодого жителя Филадельфии, куда он некогда переехал из родного города, дела шли в гору. В марте 1963 года ему исполнилось 33 года, он занимал пост помощника окружного прокурора и в тот же месяц стал местным героем, во всяком случае, героем в конторе окружного прокурора. Ему удалось добиться обвинительного вердикта для нескольких наиболее влиятельных деятелей из профсоюза водителей грузовиков, обвиняемых в рэкете. Во время процесса он держался настолько блистательно, что генеральный прокурор страны Роберт Кеннеди пригласил его в Вашингтон, предложив место в Министерстве юстиции для работы в рамках обвинения по делу Джимми Хоффы, лидера профсоюза водителей грузовиков. Спектер отклонил предложение, отчасти – по его словам – потому, что надеялся быть избранным на место прокурора Филадельфии4 .

Коллеги в конторе окружного прокурора, а также его соперники в суде видели в нем необычайно уверенного в себе, а часто излишне самоуверенного и даже высокомерного адвоката. Разуверять их Спектер не стремился.

Ему позвонили в канун Нового года, около 5.30 вечера, когда он все еще был в конторе окружного прокурора, «пытаясь что-нибудь придумать, чтобы оправдать слишком позднее возвращение домой», как вспоминал он позднее5 . Его жена Джоан занималась подготовкой новогодней вечеринки с друзьями. Звонившим был однокурсник Спектера по Йельской школе права, Говард Уилленс, который вот уже вторую неделю работал на комиссию Уоррена. Уилленс убеждал Спектера приехать в Вашингтон и принять участие в расследовании.

Спектер отклонил предложение, ссылаясь на поднявшуюся волну апелляций после его победы в деле лидеров профсоюза водителей

грузовиков. Но дома, во время вечеринки, он изменил свое решение. Он заговорил о звонке Уилленса с женой и гостями, и – к его досаде, как он потом неустанно повторял, – их реакция была единодушной: принять предложение – это его долг. «Они все очень воодушевились, ведь я отправлялся на битву – сражаться до последней капли крови Арлена Спектера», – вспоминал он. Он перезвонил Уилленсу и принял предложение6 .

Две недели спустя Спектер прибыл в Вашингтон. На город обрушился снегопад, и он долго добирался до здания Организации ветеранов зарубежных войн на Капитолийском холме, где его приветствовал Уилленс и где он был представлен Ли Рэнкину. Рэнкин, как ему запомнилось, держал себя «по-отечески, говорил вполголоса, шутил». Рэнкин объяснил ему структуру штата комиссии, сообщив, что ввиду его, Спектера, относительной молодости он получит позицию младшего сотрудника одной из команд. Поскольку Спектер был из числа первых приглашенных, у него был широкий выбор, и он выбрал первый участок, работа по которому должна была быть сконцентрирована на последних часах жизни президента Кеннеди, а также на самом убийстве. «Этот участок показался мне наиболее интересным, – рассказывал Спектер, – ведь фигура Кеннеди была средоточием происшедшего».

Спектер не хотел оставаться в Вашингтоне, стремился домой, в Филадельфию, поэтому он набил портфель отчетами об убийстве и сел на поезд. «Работа с документами займет у меня с неделю», – прикидывал он. Рэнкину он сообщил, что вернется в Вашингтон через несколько дней.

В поезде он сел рядом с пустующим сиденьем, «так, чтобы можно было читать некоторые материалы, не демонстрируя их остальным пассажирам». Он вспомнил, как быстро отыскал страницы с отчетом о вскрытии из Медицинского центра ВМФ в Бетесде, но нашел, что они вызывают у него отвращение, в особенности описание пулевого ранения в голову президента. «Я вчитывался в мрачные подробности ранений президента, и меня подташнивало».

Между тем отчет о вскрытии, помимо нескольких грубоватых анатомических набросков, был всего лишь словами на бумаге. Спектер мог только гадать, какой будет его реакция, если у него будет шанс взглянуть – бегло, как ему представлялось, – на фотографии вскрытия и рентгеновские

снимки тела президента. Будучи профессиональным юристом, он представлял, насколько ценными могут быть такие материалы. При расследовании убийств фотографии и рентгеновские снимки были необходимы, для обвинителя они часто бывали лучшим и наиболее конкретным доказательством того, как произошло убийство и кто несет за него ответственность.

Глава 10

Адвокатская контора Davis, Graham Stubbs

Денвер, штат Колорадо

январь 1964 года

В первые дни января 1964 года Дэвид Слосон, 32-летний сотрудник в одной из преуспевающих адвокатских контор Денвера, занимался делами клиентов1 . Работы было много, но не сверх меры: партнеры Davis, Graham Stubbs восхищались способностью Слосона почти полностью концентрироваться на сложнейшей корпоративной работе и стремительностью, с которой он ее выполнял. В отличие от других сотрудников выпускнику Гарварда Слосону не нужно было засиживаться за столом до глубокого вечера, чтобы выполнить все, чего ждали от него клиенты. Он предпочитал уходить домой часов около пяти вечера.

Даже в первые дни после убийства президента Слосон не мог позволить себе забыть о работе. Президента он любил, и убийство его потрясло. В 1960 году он работал на предвыборной кампании Кеннеди по настоянию своего первого ментора, звезды юриспруденции в Davis, Graham Stubbs , Байрона Уайта. Уайт всегда был демократом и управлял ходом предвыборной кампании Кеннеди в Колорадо. Через несколько дней после выборов Уайт уехал из Денвера, чтобы стать заместителем генерального прокурора Роберта Кеннеди. В 1962 году он был назначен на работу в Верховном суде.

Слосон надеялся последовать за Уайтом в Вашингтон. После избрания

Кеннеди для многих молодых и амбициозных адвокатов Вашингтон неожиданно превратился в самое заветное место. Однако Слосон оказался в Вашингтоне не из карьерных соображений, а из-за убийства Кеннеди.

Ему позвонили в начале января. Он взял трубку и услышал незнакомый голос – то был Говард Уилленс, который представился как юрист Министерства юстиции, помогающий председателю Верховного суда в организации расследования убийства президента. Уилленса направил к Слосону их общий друг, юрист Государственного департамента, учившийся вместе со Слосоном в Гарвардской школе права. Уилленс спросил, не хотел бы Слосон примкнуть к работе комиссии. Не мог бы он в спешном порядке переехать на работу в Вашингтон на два или три месяца?

Слосон тут же ухватился за это предложение, однако, как сообщил он Уилленсу, ему необходимо было заручиться согласием своих партнеров по адвокатской конторе. Слосон вспоминал, что сомнений у него не было. Стать частью такого расследования и наконец-то выяснить, «что же, черт возьми, произошло» в Далласе, – все это было крайне интересно2 .

К счастью, партнеры быстро дали свое согласие, подразумевая, что он уезжает на два-три месяца. Слосон планировал немедленно отправиться в Вашингтон. Причин медлить не было: он был не женат, девушки у него тоже не было, в Денвере его удерживала только работа.

Еще до отъезда он принялся читать все, что было в прессе об убийстве и комиссии. Он разыскал номера The New York Times и прочитал о планах комиссии создать команду следователей, каждый из которых должен был работать над отдельным аспектом убийства. Упоминание о команде, занятой версией иностранного заговора, его в особенности заинтриговало.

Для большинства его коллег участие в работе «команды заговора» казалось малопривлекательным. ФБР отстаивало версию убийцы-одиночки: президента убил Освальд – без помощников. Если Гувер и его заместители были правы, «команде заговора» останется «охотиться за призраками». Но Слосон считал, что он идеально подходит для «команды заговора». По сути, как ему представлялось, это будет логическая загадка, и следователи должны будут находить ответы исходя из минимальных данных или их отсутствия. О холодной войне он знал только то, что читал

в утренних газетах, но предполагал, что, если в этом преступлении замешаны русские или кубинцы, они бы попытались уничтожить малейшие улики, указывающие на их вину.

Слосон провел детство в Гранд-Рапидсе, штат Мичиган, и уже тогда был мастером разгадывать головоломки. Он умел спокойно и вдумчиво разбираться в сложнейших математических и научных задачах и находить решение. Для разгадки ему не нужно было видеть ни физических улик, ни фотографий или диаграмм, все происходило у него в голове. Быть может, поэтому ему так легко давались математика и физика. Поначалу он мечтал стать физиком. По этой стезе он шел, учась в Амхерсте, окончив его с отличием в 1953 году, лучшим студентом курса. Невзирая на застенчивость он пользовался популярностью среди однокурсников за свои выдающиеся способности – один из однокурсников вспоминал о нем как об «образцово-показательном студенте» Амхерста, и его избрали председателем студенческого совета курса. На следующий год Слосон стал физиком-аспирантом в Принстоне. Он планировал заниматься квантовой механикой, областью физики, изучающей причудливое поведение мельчайших элементов Вселенной – субатомных частиц, неразличимых даже самыми мощными микроскопами. Он вспоминал, как ему довелось увидеть самого известного физика в мире – Альберта Эйнштейна, жившего в Принстоне после бегства из нацистской Германии в 1930-х годах. «Иногда идешь по улице, – вспоминал Слосон, – и вдруг перед тобой Эйнштейн».

Изменила жизнь Слосона и телепередача, которую он посмотрел у себя дома в Принстоне в 1954 году. В перерыве между занятиями он сидел и как завороженный смотрел прямое включение слушаний по делу «Армия против Маккарти» в Сенате, которые ознаменовали собой окончание «охоты на красных». Героем Слосона стал Джозеф Уэлч, главный адвокат Вооруженных сил, чьи свидетельские показания перед сенатором Маккарти превратились в решающее разбирательство по поводу заявления сенатора о том, что военные принимают на оборонные заводы коммунистов. Ему запомнилась смелая фраза, брошенная Уэлчем Маккарти: «Где ваша совесть, сэр?»

И Слосон решил, что хочет быть адвокатом, как Уэлч, участвовать в великих событиях современности. «Вот такой жизнью я хочу жить, – вспоминал Слосон свои размышления в тот момент. – Я хочу быть

адвокатом». Его уже беспокоило то, что занятия физикой отрежут его от всего остального мира. «Не то чтобы я не любил физику, – говорил он. – Но жизнь физика представлялась мне жизнью монаха-затворника: длинные и сложные математические уравнения – анализ размеров галактик и все такое, – и я подумал: о нет, я не хочу всем этим заниматься».

Год спустя, получив степень магистра, Слосон покинул Принстон и поступил в армию. И он подал документы в Гарвардскую школу права, куда был принят. За обучение в Гарварде он платил из своего пособия военнослужащего и окончил курс одним из лучших учеников в классе, что позволило ему стать редактором юридического обозрения. Он мог бы подобрать себе место в Нью-Йорке или Вашингтоне, но ему хотелось поработать на небольшую фирму в маленьком городе, в особенности в местечке с живописным пейзажем за окнами. Денвер представлялся ему логичным выбором из-за его любви к горным видам спорта. «Я не хотел жить в большом городе, где нельзя было заниматься альпинизмом и горными лыжами».

В конторе Davis, Graham Stubbs Байрон Уайт заприметил молодого талантливого человека и попросил, чтобы Слосон работал на него. Работать на Уайта было очень увлекательно: на протяжении десятилетий Уайт был знаменитостью Колорадо, сначала как лучший в США полузащитник, игравший за команду Университета Колорадо. Затем, отыграв в профессиональный футбол за Pittsburg Pirates (позднее команду переименовали в Steelers), он выиграл стипендию Родса на обучение в Оксфордском университете, а затем поступил в Йельскую школу права. Футболист и юрист – во всем, что бы он ни делал, «Байрон был суперзвездой», вспоминал Слосон.

Именно благодаря Уайту Слосон стал сторонником президента Кеннеди. На выборах 1960 года Слосон планировал голосовать за Эдлая Стивенсона, но Уайт его переубедил. «Он дал мне прочитать целую гору материалов о президенте Кеннеди, я все это прочел и сказал: хорошо, я перехожу на сторону Кеннеди». Уайт организовал дело так, что его молодой протеже стал параллельно работать еще и на предвыборную кампанию Кеннеди.

22 ноября, в день убийства, Слосон был в конторе, когда ошеломленный секретарь сообщил ему, что президент застрелен. «Всем сказали расходиться по домам, – рассказывал Слосон, который жил в нескольких

минутах ходьбы от конторы. – Я был чудовищно расстроен. Кажется, я шел домой и плакал».

Два дня спустя Слосон увидел сцену убийства Освальда по телевизору и подумал, что все это просто уму непостижимо. В тот момент ему не пришло в голову, что объяснением происходящего может быть версия о тотальном заговоре: сначала убить президента, а затем – убийцу президента. «Тогда я просто подумал: мир сходит с ума», – рассказывал он.

Не прошло и недели после звонка Уилленса, а Слосон уже мчался на одолженном у отца «бьюике» из Колорадо в Вашингтон. «Такой здоровенный автомобиль со стабилизаторами совсем мне не подходил». Ему хотелось как можно скорее добраться до Вашингтона. «Денег у меня было немного, поэтому каждый день я стремился проехать побольше». В Вашингтон он приехал вечером 21 января, в субботу, в столице он до этого никогда не бывал и остановился в дешевом мотеле. На следующее утро, надев пальто и галстук, он явился в офис комиссии, где его представили Уилленсу и Рэнкину. О том, каким заданием он хотел бы заниматься, его, как он вспоминал, не стали спрашивать, с порога предложив пост младшего сотрудника «команды заговора» под началом Уильяма Коулмена из Филадельфии. Получив именно то задание, которое ему и хотелось, Слосон был в полном восторге.

О Коулмене Слосон прежде не слышал, но на него произвело впечатление то, что его новый партнер, так же как и он, был лучшим среди выпускников Гарварда и что он принимал участие в работе по делу «Браун против Совета по образованию». Ему также впервые довелось работать бок о бок с чернокожим адвокатом. Никаких опасений относительно предстоящей работы ни у Слосона, ни у Коулмена не было. Их попросили определить, не причастно ли какое-либо другое государство – скорее всего, Советский Союз или Куба – к убийству президента США, преступлению, которое могло означать начало ядерной войны. «Все это меня нисколько не испугало, – рассказывал Слосон. – Я был в полном восторге». Подобное можно было бы сказать и о многих коллегах Слосона. «Не помню, чтобы я хоть сколько-нибудь сомневался в своих интеллектуальных способностях, – рассказывал он. – И не думаю, что другие в себе сомневались».

Он сразу же принялся за работу. Во второй половине того же дня его попросили спуститься в вестибюль здания Организации ветеранов зарубежных войн, чтобы встретиться с неким человеком, который утверждал, будто у него есть доказательства заговора. В вестибюле Слосона ждал седовласый прилично одетый человек лет сорока. В первые минуты разговора мужчина произвел впечатление вполне вменяемого и рассудительного человека. «Прерывать мне его не хотелось, – рассказывал Слосон, – вдруг у парня действительно что-то было?» Два часа спустя измученный Слосон пришел к выводу: «Передо мной сидел параноидальный псих». Тайну убийства Кеннеди, утверждал этот человек, раскроет записка на клочке бумаги, захороненная под камнем где-то в Швейцарии. «Он хотел, чтобы мы его отправили самолетом в Швейцарию и он показал бы нам тот самый камень», – рассказывал Слосон.

После того как посетитель ушел, Слосон отругал себя за то, что потратил столько времени на бред сумасшедшего. Однако позднее он понял, что этот опыт оказался полезным. В первые часы работы в штате комиссии он узнал, что многие люди, которые поначалу казались трезвомыслящими свидетелями, обладавшими полезной информацией об убийстве, на деле оказывались «законченными психами».

Слосон припомнил, что его знакомство с Коулменом произошло на той же неделе в пятницу, когда Коулмен в очередной раз приехал из Филадельфии. Два адвоката отлично сработались. Подобно другим «старшим» сотрудникам комиссии Коулмен не планировал посвящать расследованию все свое рабочее время. Он предупредил Уоррена и Рэнкина, что будет наезжать время от времени, а большую часть технической работы будет делать Слосон, что последнего вполне устраивало.

Поначалу Слосон был далек от мысли об иностранном заговоре, поскольку никаких достоверных данных об этом не было. Коулмен же был более подозрителен. «Сначала я действительно подумал, что это русские или кубинцы», – рассказывал он, вспоминая, как боялся, что результаты расследования могут вынудить США к войне3.

На протяжении первых нескольких недель Слосон почти не покидал своего небольшого кабинета в здании Организации ветеранов зарубежных войн. Он должен был прочесть тысячи страниц документов. Он и его коллеги были завалены горами папок – многие с пометкой «совершенно секретно» – из ФБР и ЦРУ. Поскольку его задачей было искать следы иностранного заговора, Слосону более чем другим штатным сотрудникам комиссии было необходимо понять принципы работы ЦРУ. Его будоражила мысль о том, что скоро ему предстоит встретиться с настоящими шпионами.

В работе с ЦРУ, как представлялось Слосону, у комиссии был превосходный ресурс в лице Аллена Даллеса, одного из членов комиссии, который был главой Управления с 1953 по 1961 год, когда его отправили в отставку из-за провала операции в заливе Свиней. Несмотря на вынужденную отставку, его отношения с президентом Кеннеди не испортились. «Отставку он воспринял с большим достоинством и никогда не пытался свалить с себя вину, – говорил Роберт Кеннеди, – президент его очень любил, как и я». По словам президента Джонсона, в комиссию Уоррена Даллеса рекомендовал Роберт Кеннеди[4].

Слосон предположил, что, если у ЦРУ были данные о связях Освальда с заговорщиками, Даллес знал, как до них добраться. Однако так он думал до того, как встретил Даллеса. Когда же их представили друг другу, Слосон увидел, что бывший директор ЦРУ по-старчески немощен и хрупок. Он по-прежнему напоминал «директора школы-пансиона», по словам Ричарда Хелмса, его бывшего заместителя в ЦРУ: «расчесанные на пробор волосы, изящные усики, твидовый костюм и неизменные круглые очки без оправы». Но к началу 1964 года, как заметил Слосон, Даллес уже выглядел как директор школы с пошатнувшимся здоровьем и давно ушедший на пенсию[5].

Выглядел Даллес старше своих семидесяти. Таким он стал после инцидента в заливе Свиней. Роберт Кеннеди вспоминал, что в последние дни перед отставкой Даллес выглядел «как живой труп». «Страдая от подагры, он едва передвигал ногами и постоянно ронял голову на руки». Подагра мучила его и во время работы на комиссию Уоррена. Часто он приходил на заседание и переодевался в домашние тапочки, потому что в ботинках ему было больно[6].

Годы спустя, поняв, как много знал – и, возможно, утаил – Даллес, Слосон по-прежнему был склонен думать о нем только с лучшей стороны. Он подозревал, что переживший унизительную отставку Даллес в последние годы жизни попросту забыл многие из некогда известных ему тайн.

Глава 11

Центральное разведывательное управление

Лэнгли, штат Виргиния

23 ноября 1963 года, суббота

В первые часы после трагедии второй по значимости человек в ЦРУ, заместитель директора Ричард Хелмс, решил привнести хоть какой-то порядок в лихорадочные поиски информации об убийстве президента, которые велись в штаб-квартире Управления. Директор ЦРУ Джон Маккоун, не имевший практического опыта разведывательной работы до своего прихода в Управление в 1961 году, охотно оставил все важные решения по расследованию на усмотрение матерого волка Хелмса, главного в Управлении специалиста по разведке. 23 ноября, на следующий день после убийства, Хелмс создал команду из 30 аналитиков, собранных по всему Лэнгли, чтобы разыскать следы Освальда и какого бы то ни было иностранного заговора. На встрече своих заместителей в то утро Хелмс объявил, что команду возглавит Джон Уиттен, 43-летний ветеран Управления, которому часто приходилось вести проекты особой важности для Хелмса[1] .

Некоторые коллеги – во всяком случае, те, кто знал Уиттена по делопроизводству его отдела, – слышали эту фамилию впервые[2] . На бумаге он проходил под одним из своих утвержденных в Управлении псевдонимов – Джон Сельсо. Фамилия Сельсо фигурировала и на внутриведомственных телеграммах – Управление стремилось свести к минимуму число людей, осведомленных о его подлинном имени.

Когда через неделю после убийства президента Джонсон создал

следственную комиссию, на Уиттена – подчас грубоватого в обхождении, начинавшего в разведке военным следователем, – возложили дополнительную обязанность быть постоянно на связи с сотрудниками комиссии. В то время Уиттен был руководителем секретных операций в Мехико и Центральной Америке и занимал эту должность около восьми месяцев. Его подразделение было известно как WH- 3 – третье подразделение отдела секретной службы ЦРУ в Западном полушарии, – и он отвечал за все агентурные операции на территории США от мексиканской до панамской границы[3].

В день убийства, 22 ноября, Уиттен, как и большинство его коллег, домой не уходил. Он оставался в Управлении до следующего дня, пока шел сбор данных по Освальду. Уиттен обнаружил папку довольно скромных, по его словам, размеров с отчетом о попытке Освальда переметнуться на сторону Советского Союза в 1959 году и о его возвращении в США три года спустя. Но куда более интригующими Уиттену показались сентябрьские отчеты от коллег по ЦРУ в Мехико, установивших слежку за Освальдом во время его таинственной поездки в Мексику[4].

На совещании 23 ноября Хелмс сообщил присутствующим, что у Уиттена будут «широкие полномочия»[5] и что любая информация об убийстве должна поступать к нему напрямую, даже если это противоречит традиционным принципам субординации. Согласно воспоминаниям Уиттена, Хелмс объявил, что «мне [Уиттену] предстоит руководить расследованием и никто из сотрудников не имеет права без меня обсуждать убийство Кеннеди вне стен Управления, в том числе с комиссией Уоррена и ФБР»[6]. Уиттен догадывался, почему Хелмс доверил ему это задание: «На протяжении многих лет я не раз принимал участие в масштабных расследованиях, сверхважных для него лично, в которых мне таки удалось докопаться до правды»[7].

Среди прочих собравшихся[8] в кабинете Хелмса в тот субботний вечер Уиттен вспомнил Джеймса Энглтона, главу отдела контрразведки – «истребителя кротов», ответственного за выявление попыток иностранных разведывательных организаций внедрить в ЦРУ двойных агентов. Уиттен всегда нервничал в присутствии Энглтона. Между ними то и дело вспыхивали конфликты[9], в особенности когда Уиттен проверял операции, в которых был задействован Энглтон. «Никто из начальников не мог с ним справиться», – рассказывал Уиттен[10].

Энглтон, которому тогда было 46 лет, был эксцентричен и скрытен, как и всякий сотрудник Управления. Уиттен описывал его как «темную силу», параноика с ястребиным взглядом, которому на каждом шагу мерещились проникшие в ЦРУ коммунисты[11]. Сотрудники полагали, что паранойя Энглтона восходит к предательству со стороны его некогда близкого друга Кима Филби, высокопоставленного британского шпиона, оказавшегося «кротом» КГБ. Энглтон «питал ужас перед иностранными заговорами и был чрезмерно подозрителен», что выглядело попросту «дико», вспоминал Уиттен. Выпускник Йеля, Энглтон вырос в Европе и всячески упивался своей репутацией англофила-эксцентрика, предаваясь любви к поэзии и выращиванию орхидей[12]. Кроме того, он находил особое удовольствие в конспирации[13], так что никто – даже Хелмс, считавшийся вроде бы его начальником, – не мог проникнуть в его замыслы. Было ясно, что он обожал путаницу (по мнению Уиттена, попросту хаос), которую сам же и создавал. Позаимствовав метафору у Т. С. Элиота, он то и дело сравнивал ремесло шпиона с «пустыней зеркал».

«Все, что ни делал Энглтон, было покрыто такой завесой тайны, – вспоминал Уиттен, – что несколько раз за годы службы я получал задание расследовать, взять на себя или внимательно изучить дело, которое он вел. Это всегда порождало неприязнь, и весьма острую»[14]. Когда Хелмс или кто-нибудь другой просил его дать Энглтону отпор, Уиттена охватывала тревога. «Обычно я шел на это, полистывая свой страховой полис и подумывая, не предупредить ли родных»[15].

Служебные обязанности Энглтона выходили за рамки контрразведывательной деятельности[16]. Задолго до убийства Кеннеди Уиттен пришел к выводу, что Энглтон каким-то образом связан с программами ЦРУ, нацеленными на Кубу, в том числе с попытками Управления выйти на крупных представителей кубинской организованной преступности, стремящихся свергнуть Кастро. «Я слышал, что Энглтон был одним из нескольких людей в Управлении, кто пытался использовать мафию в операциях против Кубы», – рассказывал Уиттен[17]. Он также вспоминал, как один из вышестоящих сотрудников говорил ему, что «у Энглтона есть связи с мафией, но он ни при каких обстоятельствах не поставит их под угрозу. И тогда я сказал: “А я и не знал”. А он мне: “Да, это касается Кубы”»[18].

Таким влиянием Энглтон пользовался не в последнюю очередь потому, что водил близкую дружбу с директором ФБР Гувером.
Как ни соперничали между собой их организации, оба были зациклены на идее коммунистической угрозы, особенно в отношении СССР. «У него были чрезвычайно тесные связи с Эдгаром Гувером», – рассказывал Уиттен об Энглтоне. Со своей стороны, Энглтон «горой стоял за ФБР» и «не терпел ни критики в их адрес, ни проявлений конкурентной вражды»19 . Отчасти поэтому, как догадывался Уиттен, именно ему, а не Энглтону досталось дело Освальда. Поначалу Хелмс мог опасаться, что Энглтон будет пособничать ФБР в сокрытии небрежностей, допущенных при слежке за Освальдом до убийства. «Одна из причин, почему Хелмс поручил мне это дело, заключалась в том, что Энглтон был слишком близок к ФБР20 , – считал Уиттен. – А Бюро нередко замыкалось в себе, строго блюдя собственные интересы. Полагаю, Эдгар Гувер и остальные хотели быть абсолютно неуязвимыми для критики и потому стремились заполучить все факты, прежде чем предоставлять какую бы то ни было информацию».

Влияние Энглтона распространялось также и на несколько важных заокеанских резидентур, которыми руководили его друзья и протеже, в том числе Уинстон Скотт, глава резидентуры ЦРУ в Мехико. Как и сам Энглтон, он был тесно связан с Даллесом, бывшим директором ЦРУ21 .

Уиттен признавал, что беспокойство Энглтона по поводу дела Освальда доставляло ему некоторое удовольствие. «На ранних стадиях мистер Энглтон не мог воздействовать на ход расследования, что приводило его в негодование, – вспоминал Уиттен. – Его по-настоящему бесило, что дело доверили мне, а не ему».

Полагая, что он заручился полной поддержкой Хелмса, Уиттен приступил к воссозданию биографии Освальда, дабы понять мотивы, которые могли привести его к убийству Кеннеди. Почти все свое время Уиттен тратил на чтение документов, относящихся к убийству президента. «Телеграммы, отчеты, предложения, обвинения хлынули к нам со всего мира22, – рассказывал он. – Мы отложили в сторону почти все дела, и я бросил большую часть своей команды на поиск имен и анализ документов»23. Многие из них представляли собой «экстравагантные материалы»24,

в которых Освальд подозревался в связи со всевозможными заговорщиками, включая инопланетян, вспоминал Уиттен.

По словам Уиттена, до убийства Кеннеди он совершенно ничего не знал об Освальде, даже имени его не слыхал[25]. Осенью того года отдел WH-3 резидентуры в Мехико ответил на запрос сотрудников Уиттена, отправив в штаб-квартиру Управления несколько отчетов о слежке за Освальдом во время его пребывания в городе, однако Уиттен не помнил, чтобы они попадались ему на глаза. Ничего удивительного, объяснял он, поскольку Освальд тогда рассматривался как один из «ничего не значащих перебежчиков», «помешанных», которые время от времени наведывались в столицу Мексики[26].

Как сообщил Уиттен, несколько американских солдат и работников оборонного комплекса пытались установить контакт с посольством СССР в Мехико в 1950-х – начале 1960-х годов, либо чтобы переметнуться, либо чтобы продать секретные сведения. Резидентура ЦРУ в Мехико выявляла их настолько часто[27], что Гувер, которому регулярно докладывали о подобных случаях, чтобы ФБР могло проследить за потенциальными перебежчиками или шпионами, когда они вернутся в США, «при одной мысли о резидентуре в Мехико расплывался в улыбке – то была одна из наших наиболее выдающихся сфер сотрудничества с ФБР», – рассказывал Уиттен.

Уиттен разделял восхищение Гувера работой резидентуры в Мехико, в особенности деятельностью Скотта, «одного из лучших руководителей наших резидентур, можно сказать, у него была лучшая резидентура в мире»[28]. При Скотте резидентура в Мехико выстроила сеть оплачиваемых информаторов на всех уровнях мексиканского правительства, а также среди основных политических партий. По словам Уиттена, Скотт осуществлял контроль над самой сложной и масштабной в мире операцией по электронной разведке[29]. Скотт рассказывал, что все телефонные линии, входящие и исходящие из посольств СССР и Кубы, прослушивались резидентурой – общим числом 30 линий. Вокруг обоих посольств висели гроздья видеокамер[30].

Именно это, как полагал Уиттен[31], и помешало информации об Освальде оперативно достичь штаб-квартиры ЦРУ после того, как Освальд побывал в Мехико. Скотт и его сотрудники стали жертвами своего собственного

успеха. Резидентура Мехико была завалена необработанными записями – их необходимо было перевести на английский и расшифровать – и фотографиями.

Уиттен вспоминал, что он сразу же начал искать ответ на вопрос, безусловно интересовавший комиссию Уоррена и других следователей: не был ли Освальд сотрудником ЦРУ, учитывая подозрительные обстоятельства, связанные с его несостоявшейся попыткой перекинуться на сторону СССР? Уиттен быстро нашел ответ: нет, не был. «Человека такого склада, как Освальд, никогда бы не завербовали на агентурную работу за “железным занавесом”, да и вообще где бы то ни было… Вся его биография говорит о том, что Освальд был очень неуравновешенным, эмоционально неустойчивым молодым человеком»32 .

По словам Уиттена, Хелмс приказал ему взаимодействовать с комиссией Уоррена в полной мере, умалчивая лишь о том, как именно ЦРУ собирает информацию – о «методах и источниках», на жаргоне Управления. Он объяснил, что комиссии Уоррена не положено знать (по крайней мере до поры) об электронной разведке ни в Мехико, ни где бы то ни было еще. «Мы всегда предоставляли им информацию, если были уверены, что это не прольет свет на то, каким образом мы смогли ее получить»33 , – вспоминал Уиттен. Он сказал, что ЦРУ больше всего опасалось, как бы факт наличия средств электронной разведки в Мехико не стал достоянием широкой публики. Ведь если это дойдет до сведения русских и кубинцев, вся операция утратит смысл. «Мы боялись, предоставив им эти данные, навсегда скомпрометировать свою работу, причем без крайней нужды, – говорил Уиттен. – Не то чтобы мы из вредности не хотели им ничего давать. Мы попросту не считали это столь уж жизненно необходимым и стремились скрыть наши источники»34 .

Суматоха, охватившая штаб-квартиру ЦРУ в первые несколько часов после убийства Кеннеди, перекинулась и на резидентуру в Мехико, располагавшуюся тогда на верхнем этаже посольства США на Пасео-де-ла-Реформа, центральной улице в самом сердце мексиканской столицы. Скотт, похоже, сразу понял, какие вопросы ему зададут из Лэнгли и Вашингтона. Выходило, что всего несколько недель назад его резидентура пристальнейшим образом отслеживала действия человека,

который, по всей видимости, только что убил президента Соединенных Штатов. Той осенью в течение нескольких дней резидентура записывала телефонные разговоры Освальда[35] – а также об Освальде, – и Управление пыталось определить, действительно ли человек, попавший в объективы камер около посольств СССР и Кубы, именно Освальд. Несколько расшифровок телефонных разговоров были помечены грифом «срочно» и отосланы Скотту, как показывает его архив. Не упустило ли ЦРУ – и в частности его резидентура в Мехико – шанс сделать хоть что-то, чтобы остановить Освальда?

В ЦРУ Скотт был сам себе хозяином[36]. Математик по образованию, он учился по программе PhD в Мичиганском университете, но ФБР удалось отвлечь его от академической жизни, и он стал применять свой математический талант в криптографии. Во время Второй мировой войны Скотт стал сотрудником Управления стратегических служб, разведывательной организации, предшественника ЦРУ. Там, среди разведчиков, он нашел друзей на всю жизнь, среди них были Энглтон, Даллес и Хелмс – все они перейдут на работу в ЦРУ, созданное в сентябре 1947 года.

Среди заместителей Скотта в Мехико лишь немногие были ему ближе, чем Энн Гудпасчур[37]. Она также пришла в разведку через Управление стратегических служб[38]. Во время Второй мировой войны получила назначение в Бирму вместе с коллегой-разведчицей Джулией Макуильямс, которая позднее, взяв фамилию мужа, прославилась как автор поваренной книги Джулия Чайлд. Позднее Гудпасчур утверждала, что никогда не имела никаких особых отношений с Энглтоном[39], однако в Управлении считали, что именно он направил ее в Мехико, впечатлившись ее усердием в ходе некой контрразведывательной операции. Скотт, будучи другом Энглтона, согласился принять ее в штат в 1957 году, через год после того, как он сам начал работать в Мехико.

В мексиканской резидентуре Гудпасчур иногда принимали то за секретаршу, то за машинистку, и подобные шовинистские заблуждения очень ее обижали[40]. Ведь фактически она являлась главным заместителем Скотта – его «верной Пятницей» или «правой рукой», по ее собственному выражению. Она не была уличным агентом, большая часть ее работы выполнялась в здании посольства США, но ремеслом разведчика она владела – например, умела по специальной технологии ЦРУ вскрыть

и запечатать конверт так, чтобы никто не заметил41 . Их со Скоттом дружбе способствовало то, что оба были уроженцами южных штатов – Гудпасчур родилась в Теннесси. Оба были обходительны и приятны в общении. Помимо прочих секретов Гудпасчур хранила в тайне свой возраст, в большинстве документов в ее личном деле он не упомянут. По мнению коллег, во время расследования дела Освальда ей, как и Скотту, было за пятьдесят. «Он был из породы южан-джентльменов, – говорила она о Скотте. – По-моему, ему нравилось строить из себя интеллектуала… В одежде он строго придерживался правила: всегда темный костюм, белая рубашка».

Но при всем взаимном уважении сомнений в том, кто главный и кто хранит самые важные тайны, не возникало – разумеется, Скотт. В пределах резидентуры вся информация проходила исключительно через него; по воспоминаниям Гудпасчур, это было сродни одержимости. «У Скотта был свой собственный набор секретных папок помимо документов резидентуры. Эти папки он хранил в нескольких сейфах с кодовыми замками у себя в кабинете и еще в одном сейфе дома42 , – рассказывала она. – Уин никогда никому не доверял»43 . Кроме нее, у Скотта было еще несколько замов, вспоминала Гудпасчур, «но их должности могли считаться почти номинальными, поскольку Уин все время был на месте» и сам принимал «все решения».

Гудпасчур любила и уважала Скотта, хотя не верила, что, посылая отчеты в Лэнгли, он всегда писал в них правду. По ее мнению, именно поэтому он и сидел целыми днями за своим рабочим столом – контролировал поток информации, чтобы никому не выпала возможность изобличить его во лжи. «А то бы кто-нибудь заметил, что он порой раздувает из мухи слона, – рассказывала позднее Гудпасчур. – Зачастую он менял цифры. Скажем, в газете описывалась толпа в 500 человек, а он добавлял еще один нолик».

По словам Гудпасчур, после убийства Кеннеди, и особенно после создания комиссии Уоррена, Скотт впал в тревогу, граничившую с паранойей. Гудпасчур и остальным своим заместителям он четко дал понять, что все контакты между резидентурой и комиссией берет под личный контроль. Со временем он пошел еще дальше, по сути наложив табу для всех своих подчиненных, включая Гудпасчур, на всякое упоминание о деле Освальда44 . Гудпасчур вспоминала, что после убийства Кеннеди эта тема

попросту не обсуждалась, а когда комиссия стала задавать ЦРУ вопросы, требующие ответов из Мехико, Скотт разбирался с ними самостоятельно.

Он не посвящал Гудпасчур в суть этих вопросов и не просил сотрудников навести те или иные справки в архиве резидентуры. Когда же от комиссии поступал запрос, Скотт просил, чтобы ему принесли материалы по Освальду, сам копался в них в поисках ответа, а затем сам же посылал отчет в Лэнгли. О том, чтобы Гудпасчур дала показания комиссии Уоррена или хотя бы просто поговорила с ее сотрудниками, даже речи не заходило, несмотря на то что она принимала участие в наблюдении за Освальдом. Она знала, что Скотт намерен ответить на все вопросы комиссии самостоятельно.

Глава 12

Центральное Разведывательное Управление

Лэнгли, штат Виргиния

декабрь 1963 года

К началу декабря Уиттен и его команда из тридцати человек уже получили, как им казалось, более или менее четкое представление о биографии Освальда. И даже примерно определили мотивы, которые могли бы толкнуть его на убийство президента.

Уиттен составил резюме для внутреннего пользования (страниц на двадцать, по его воспоминаниям), где кратко излагались имеющиеся факты1 . На данный момент он пришел к выводу, что Освальд был попросту «чокнутый фанатик Кастро» и, скорее всего, действовал в одиночку2 . Несмотря на визиты Освальда в кубинское посольство в Мехико, Уиттен не видел оснований подозревать правительство Кубы в какой-либо причастности к убийству3 . Специалист по Латинской Америке, он хорошо знал Кубу и не верил, что Кастро мог поручить столь серьезное дело молодому психопату вроде Освальда, тем самым поставив под угрозу существование своего режима. Похоже, Уиттен рассчитывал,

что, если в Мехико и остались какие-то неучтенные данные, Скотт их раздобудет.

Дописав резюме, Уиттен услышал от коллег по Управлению возмутительную, хотя и не слишком удивившую его новость: Энглтон ведет собственное, неофициальное расследование по делу Освальда да еще обсуждает подробности со своими приятелями из ФБР. «Он откровенно нарушил приказ Хелмса», – негодовал Уиттен[4]. Он потребовал от Энглтона объяснений, и тот охотно подтвердил, что слухи не врут[5]. Будто распоряжения Хелмса не касались его вовсе! Уиттен был ошеломлен. Энглтон также признал, что получает ежедневные сводки о ходе следствия от своих источников в Бюро. Вдобавок он без ведома Уиттена регулярно встречался с их прежним начальником Алленом Даллесом, ныне членом комиссии[6]. Уиттен пожаловался Хелмсу, но Хелмс ясно дал ему понять, что не желает вмешиваться в конфликты между своими заместителями. По мнению Уиттена, он вообще старался избегать споров с неуправляемым Энглтоном. Если Энглтон создает проблемы, «иди и скажи ему»[7], чтоб прекратил, велел Хелмс Уиттену.

Уиттен беспокоился: а вдруг Энглтон, учитывая его тесные связи с Гувером и другими фэбээровцами, получает от них иную информацию, возможно, более достоверную?[8] Вдруг ему, Уиттену, они сообщают не все? Когда в декабре его пригласили к заместителю генерального прокурора Николасу Катценбаху для ознакомления с первичным докладом ФБР по Освальду (в 400 страниц!), его опасения подтвердились. Уиттен читал и наливался бешенством, все яснее понимая, как мало он на самом деле знал об Освальде и сколько всего ФБР от него скрывало. Какие-то крохи они, конечно, бросали его команде, но почти все самые важные сведения он узнал только из их доклада. В частности, о том, что Освальд, судя по всему, в этом же году пытался убить отставного генерал-майора Эдвина Уокера, известного правого экстремиста: в апреле в него стреляли возле его дома в Далласе.

Кроме того, Уиттен с изумлением обнаружил, что Освальд вел некое подобие дневника и что у ФБР имелись доказательства его связи с кубинскими революционными активистами, в том числе с крупной организацией сторонников Кастро, известной как Комитет за справедливое отношение к Кубе[9]. Освальд утверждал, что еще в начале года руководил новоорлеанским филиалом комитета, пока жил в Луизиане. В августе его

арестовали в Новом Орлеане из-за уличного столкновения с несколькими кубинцами, противниками Кастро.

Уиттен вспоминал, как унизительно для него было читать этот документ. Он ведь только что предоставил ЦРУ отчет с подробной, как он думал, характеристикой Освальда. Но теперь, сидя в Министерстве юстиции и листая огромный доклад ФБР, содержащий «море информации», он осознавал: его собственный отчет настолько неполон, что «материалы Бюро автоматически делают его излишним». Его работа оказалась «никому не нужна»10 .

Энглтон воспользовался ситуацией, чтобы убрать соперника с дороги. Когда Хелмс созвал своих замов на совещание, он обрушился на Уиттена с обвинениями: мол, в отчете «столько ошибок, что нам просто стыдно было отсылать его в ФБР». Уиттен счел сей аргумент абсурдным, поскольку «вообще-то отчет вовсе не для них делался»11 . Он попытался было оправдаться, объяснить Хелмсу, что ФБР зажало целую кучу данных об Освальде, которыми должно было поделиться с самого начала. Энглтон пропустил его доводы мимо ушей и продолжил наступление. «Он загнал меня в угол», – жаловался Уиттен.

Энглтон требовал отстранить Уиттена от расследования и немедленно передать дело Освальда в контрразведку, его собственным подчиненным, в частности его заместителю и одному из ближайших доверенных лиц, Реймонду Рокке12 . И Хелмс согласился. Не вдаваясь в дальнейшие дискуссии, в типичном для него невозмутимом тоне он объявил, что расследование целиком передается в отдел Энглтона и тот отныне отвечает за взаимодействие Управления с комиссией Уоррена.

Уиттена поразило, что Хелмса словно бы перестала заботить близкая дружба Энглтона с Гувером13 . Более того, он, казалось, внезапно воспылал желанием, чтобы ЦРУ и ФБР тесно сотрудничали по делу Освальда. «Хелмс хотел, чтобы расследование вел человек, который взасос целуется с ФБР, – с горечью вспоминал Уиттен. – И это, конечно, был Энглтон, а не я»14 .

В Управлении Хелмс представил все так, будто передача дела Освальда

в ведомство Энглтона – рутинная процедура15. (Если вообще можно рассматривать как рутину какой-либо вопрос, касающийся убийства президента Соединенных Штатов.) Уиттен специализировался на Мексике и Центральной Америке, а расследование к моменту, когда Энглтон перехватил инициативу, расширилось далеко за латиноамериканские пределы, затронув Советский Союз и другие уголки мира, о которых Энглтон был лучше осведомлен. «Мы уже понимали, что Мехико – лишь малая часть территорий, по которым предстоит работать, так что не имело смысла поручать расследование руководителю тамошней резидентуры»16, – объяснял Хелмс годы спустя.

Ричард Макгарра Хелмс всегда обладал этой удивительной способностью подавать из ряда вон выходящие вещи как нечто будничное, даже скучное. Как замдиректора по планированию он отвечал за секретные операции ЦРУ по всему миру. Лоснящиеся черные волосы, отлично скроенные костюмы, отчетливая речь – в свои пятьдесят он выглядел и говорил, как классический киношный шпион. Его отец занимал высокую должность в крупной металлургической компании и отправил сына учиться в Швейцарию, так что Хелмс прекрасно владел немецким и французским. Карьера его началась со службы в военно-морской разведке во время Второй мировой войны. Оттуда Хелмс пришел в УСС, позже переродившееся в ЦРУ. Он всегда отличался здравомыслием и сдержанным чувством юмора. Совещания он обычно заканчивал фразой: «Поехали, работаем»17 .

Коллегам Хелмс сказал, что намерен оказывать все возможное содействие Уоррену и его комиссии. «Мы должны сделать для них абсолютно все, что в наших силах, а если понадобится, то и больше»18 . Но «посильное содействие» в его понимании содержало одну важную оговорку. Сотрудникам Управления следовало оперативно реагировать на любой запрос от комиссии – «каждая их просьба нами выполнялась», – однако, пояснял позднее Хелмс, он не считал ЦРУ обязанным предоставлять информацию по собственной инициативе, если только она не касалась непосредственно Освальда и убийства Кеннеди. «Посильное содействие», по мнению Хелмса, вовсе не означало, что ЦРУ должно добровольно посвящать комиссию Уоррена в подробности своих сверхсекретных операций. Он сознавал, что его, возможно, осудят за это впоследствии – ну что ж, значит, так тому и быть. «Мы живем в несовершенном мире»19 , – говорил он.

Дэвид Слосон, лишь недавно вошедший в комиссию, ничего не знал о междоусобицах, разгоревшихся внутри ЦРУ из-за дела Освальда. У него и так было хлопот по горло. Поскольку Коулмен планировал проводить в Вашингтоне всего один день в неделю, а обсуждать с ним секретную информацию по телефону запрещалось, Слосон подозревал, что львиную долю работы ему придется выполнять самому20.

К его великому удивлению, значительная часть поступавших к нему материалов проходила под грифом «секретно» или «совершенно секретно». Это и впрямь было странно, если учесть, что Слосон, как и прочие молодые юристы, поначалу не имел допуска к государственным тайнам. Кто-то наверху (вероятно, Уоррен и Рэнкин) решил, не подвергая прошлое юристов тщательным проверкам, допустить их к работе с засекреченными документами. Слосон и его коллеги благоразумно воздержались от лишних вопросов по этому поводу21 .

Отчет ЦРУ, составленный Джоном Уиттеном, Слосон читал, однако впоследствии не мог вспомнить, чтобы ему доводилось встречаться с Уиттеном лично или хотя бы слышать его имя. Да и об Энглтоне он тоже не слыхал, как и о том, что начальник контрразведки ЦРУ отвечал за отбор информации, предназначенной для глаз комиссии. Зато с Реймондом Роккой Слосона познакомили сразу – всего через несколько дней после того, как он прибыл в Вашингтон.

Слосон считал, что ЦРУ поступило очень разумно, назначив энергичного 46-летнего Реймонда ответственным за сотрудничество с комиссией; Рокка появлялся в их офисе чуть ли не ежедневно. «Вскоре я проникся к нему доверием и симпатией, – рассказывал Слосон. – Он обладал незаурядным умом, старался быть максимально честным с нами, помогал чем только мог». Слосон пришел к выводу: если ЦРУ и не предоставляло комиссии каких-то сведений, то только потому, что и от самого Реймонда их скрывали22 .

На все переговоры с комиссией ЦРУ предпочитало отправлять именно таких сотрудников, как Рокка, уроженец Сан-Франциско, получивший степени бакалавра и магистра истории в Калифорнийском университете в Беркли23 . Подтянутые, хорошо образованные, ясно излагающие свои

мысли, они выгодно отличались от суровых, грубоватых представителей ФБР и Секретной службы. Рокка яростно ненавидел коммунистов, «во всех бедах человечества видел их происки», но Слосона это скорее забавляло, чем раздражало. Он вспоминал, как Рокка впадал в ярость, едва заходила речь о Кастро. «Однажды мы заговорили о Кубе, он сидел за столом напротив меня – и как заорет: “Фидель Кастро!” Аж подскочил. “Этот человек, – говорит, – зло. Абсолютное зло”».

Слосон быстро понял, что у него нет иного выбора, кроме как довериться Рокке и его коллегам по ЦРУ. За необходимой информацией по вопросам, связанным с Советским Союзом, Кубой и другими зарубежными врагами, которые могли иметь отношение к смерти Кеннеди, комиссии практически и не к кому было больше обращаться. «Я не представлял даже, как еще, если не через ЦРУ, можно вести подобное расследование, касающееся разведопераций за границей», – объяснял Слосон. И тем не менее он пытался разработать методику, позволяющую перепроверять данные, полученные из шпионского гнезда. Почти с самого начала он взял за правило каждый правительственный документ запрашивать у всех организаций, которые теоретически могли его получить. Если, например, отчет готовился для ЦРУ и Госдепартамента, Слосон просил его у тех и других. Одна контора не пришлет копию, так, может, другая соблаговолит. Слосон признавал, что это было весьма захватывающе – знакомиться с настоящими разведчиками и приобщаться к тайнам ЦРУ[24]. В то время американская публика как раз упивалась книгами и фильмами о шпионах. «Доктор Ноу», первый из кинофильмов, снятых по романам Яна Флеминга о Джеймсе Бонде, вышел в прокат в 1962 году и сразу стал мировым хитом.

В январе ЦРУ предложило информационное совещание по истории политических убийств и покушений, осуществленных КГБ как в СССР, так и за его пределами. Слосон с радостью согласился. Послушав специалистов, он пришел к выводу, что убийство Кеннеди совершенно не в духе советских спецслужб. «Нам рассказали, какими методами пользовались русские шпионы, когда им требовалось кого-то ликвидировать, – вспоминал Слосон, – и ни один не соответствовал манере Ли Харви Освальда. Если уж русские брались за дело, то устраивали все так, чтобы их не заподозрили. Инсценировали естественную смерть или какой-нибудь несчастный случай».

Рокка и другие сотрудники Управления, создавая видимость, будто ЦРУ держит обещание не скрывать никакой информации, если она может иметь хоть какое-то отношение к убийству президента, принялись якобы по собственному почину вываливать на Слосона шокирующие сверхсекретные сведения. В первые же недели расследования Рокка предложил открыть молодому юристу некую тайну, если тот поклянется не разглашать ее никому, даже членам комиссии – по крайней мере до поры до времени. Терзаемый любопытством Слосон согласился. «Есть один перебежчик, – торжественно сообщил ему Рокка. – Возможно, это очень важный перебежчик». Далее он рассказал, что среднего ранга офицер КГБ по имени Юрий Носенко недавно сбежал на Запад и теперь находится в руках ЦРУ. Носенко утверждает, что изучил все материалы КГБ, касающиеся пребывания Освальда в Советском Союзе, и что из этих материалов однозначно следует: КГБ его не вербовал, то есть советским шпионом Освальд никогда не был. Русского еще не закончили допрашивать, добавил Рокка, но если его информация подтвердится, то Советы можно будет исключить из списка подозреваемых.

А тем временем в Лэнгли все данные по Освальду и убийству президента, в том числе собранные Уинстоном Скоттом в Мехико, теперь направлялись в отдел Энглтона. Как и Уиттен, Энглтон считал Скотта образцовым разведчиком.

Под руководством Энглтона расследование радикально переменило русло. По причинам, которых он так никогда и не объяснил до конца, Энглтон принципиально не желал искать следы кубинского заговора. Вместо этого он норовил сосредоточиться на гипотезе о виновности Советского Союза – логично, учитывая его извечный параноидальный страх перед коммунистической угрозой. По мнению коллег, Энглтон считал, что, хотя Кастро и опасен, Куба все же остается второстепенным игроком в великой битве титанов – холодной войне между Москвой и Вашингтоном. Он отобрал в помощь Рокке еще трех аналитиков контрразведки из своего отдела, и все они были специалистами по КГБ.

Тем не менее для многих коллег Энглтона Кастро неизменно оставался навязчивой идеей. При Кеннеди в ЦРУ было создано специальное подразделение, Особый отдел, координировавший секретные операции

по свержению режима Кастро. В Особом отделе тоже работали аналитики контрразведки, не подчинявшиеся Энглтону, но по идее обязанные сотрудничать с его людьми. Как позже выяснили следователи Конгресса, взаимодействуя с комиссией Уоррена, Энглтон практически полностью игнорировал Особый отдел с его аналитиками – они не получали задания проверять гипотезу кубинского заговора и искать соответствующие зацепки25 .

20 февраля Энглтону доложили весьма тревожную, казалось бы, новость. Один из заместителей прислал ему уведомление о том, что из досье Освальда, собранного сотрудниками Управления еще до убийства Кеннеди, исчезли тридцать семь документов: несколько докладных от ФБР, два документа из Госдепартамента и двадцать пять депеш ЦРУ. Несколько недель спустя, когда юристов комиссии Уоррена пригласили ознакомиться с досье, команда Энглтона хором утверждала, что все на месте. Судя по отчетам комиссии, ее следователям никто не сообщал о пропаже – хотя бы и временной – толь значительного количества документов об Освальде из архивов ЦРУ26 .

Глава 13

Кабинет председателя Верховного суда

Верховный суд

Вашингтон

январь 1964 года

В какой-то момент Эрл Уоррен готов был поверить, что Освальд участвовал в иностранном заговоре. Сразу после убийства, когда ему доложили о неудавшейся попытке Освальда переметнуться на сторону СССР, Уоррен решил, что без советских интриг тут, пожалуй, не обошлось. «Вероятность версии заговора я допускал только потому, что Освальд хотел сбежать к русским»1 , – вспоминал он.

Но несколько дней спустя, в частности после того, как, согласно предварительному отчету, полиция Далласа вроде бы более или менее точно установила, что Освальд на Дили-Плаза действовал один, интуиция опытного прокурора по уголовным делам стала твердить Уоррену, что никаким заговором здесь и не пахнет. Теперь он тоже был убежден, что Освальд все провернул самостоятельно. Чутье подсказывало ему, что Освальд, несмотря на неслыханный масштаб его преступления, изменившего ход истории, мало чем отличается от кровожадных, импульсивных и часто нездоровых на голову молодых головорезов, которых Уоррен сажал за убийства, еще когда работал в окружной прокуратуре Окленда в 1920-х. Он считал, что достаточно разбирается в психологии уголовников, чтобы заключить: Освальд был вполне способен покуситься на жизнь президента без чьей-либо помощи.

Со смерти Кеннеди не прошло и недели, когда Уоррен сделал вывод, что заговора не было ни в Далласе, ни где-либо еще. «Я вообще никогда не верил во всякого рода заговоры, – говорил он впоследствии. – И как только выяснилось, что Освальд работал на Техасском складе школьных учебников и поспешил уйти оттуда – единственный из служащих, кто мгновенно испарился, – а потом еще и винтовка нашлась, и патроны, я решил, что в целом обстоятельства дела ясны»2 . Уоррен утверждал, что не делился своими соображениями со штатными сотрудниками комиссии, боясь исказить их объективное отношение к расследованию. Рэнкин не помнил, чтобы Уоррен когда-либо вслух исключал вероятность заговора: «Он только просил установить истину, ничего другого я от него не слышал»3 .

Большинство молодых юристов, недавно назначенных в комиссию, позже подтвердили: на первых этапах расследования они не слышали ничего такого, что позволило бы предположить, будто Уоррен чуть ли не с самого начала верил в личную инициативу Освальда. Некоторые из них весьма огорчились бы, узнав что-то подобное, ибо они приехали в Вашингтон с твердым намерением отыскать следы заговорщиков, погубивших президента, и, разумеется, блистательно разоблачить злодеев. «Я считал, что заговор имел место»4 , – рассказывал Дэвид Белин, 35-летний юрист из Де-Мойна, штат Айова, нанятый по рекомендации Роджера Уилкинса, юриста из администрации президента Джонсона. (Уилкинс и Белин познакомились в Мичиганском университете, где оба учились в 1950-е. Белин окончил Школу права с лучшими результатами на курсе, а Уилкинс

вскоре стал известным журналистом и борцом за гражданские права.) Белин примерял на роль главного заговорщика Кастро, жаждущего отомстить Кеннеди за операцию в заливе Свиней и Карибский кризис. Вполне возможно, что убийство президента – второй акт запланированного возмездия, рассуждал он. «Мне казалось весьма вероятным, что заговор действительно был, что Освальд, вопреки всем заявлениям ФБР, не настоящий убийца, а Руби ликвидировал его, чтобы замести следы»5 , – вспоминал Белин. Когда его назначили младшим напарником в мини-команду из двух человек, отвечающую за второй участок, то есть за установление личности убийцы или убийц, он пришел в восторг. Ведь теперь он вместе со старшим напарником, калифорнийским юристом Джозефом Боллом, мог развернуть поиск сообщников на полную катушку.

Берту Гриффину, в прошлом федеральному прокурору в Кливленде, был 31 год, когда он присоединился к штатным юристам комиссии. Он поначалу тоже подозревал заговор. По его гипотезе, убийство могла осуществить некая группа расистов, недовольная прогрессивной политикой Кеннеди в области гражданских прав. «Моя первая мысль была: это какие-нибудь сегрегационисты с Юга»6 , – рассказывал он годы спустя. Поработать в комиссии ему предложил Уилленс, тоже выпускник Йеля, которому некий общий знакомый из Огайо рекомендовал кандидатуру Берта. В отличие от большинства своих молодых коллег Гриффин не был новичком в столице: три года назад он работал здесь помощником судьи в апелляционном суде по федеральному округу. Они с женой обожали Вашингтон и были очень рады сюда вернуться. «Я позвонил домой сказать жене, что мы едем в Вашингтон, и не успел положить трубку, как она уже бросилась паковать чемоданы».

Поступая в Йель, Гриффин рассчитывал, что юридическое образование пригодится ему в карьере журналиста или политика, но в учебе он достиг таких успехов, что и дальше пошел по правовой стезе. Вообще-то Школу права он терпеть не мог: «По-моему, преподаватели там не столько наукой интересовались, сколько тешили свое самолюбие, развлекаясь такими, знаете, старомодными сократическими дебатами». Тем не менее Гриффин проявил себя блестяще и благодаря своим высоким оценкам получил работу в университетском реферативном журнале. «Ну и подумал, наверное, у меня все-таки способности есть», – вспоминал он. Окончив университет, Гриффин и сам не заметил, как юриспруденция затянула его: в числе прочего он два года проработал федеральным прокурором

в родном Кливленде. Работа ему нравилась: по его словам, она позволяла выискивать правонарушения, точно как при журналистских расследованиях, которыми он когда-то мечтал заниматься, с той приятной разницей, что тут он представлял закон официально[7] .

Прибыв в январе в Вашингтон, Гриффин с удивлением обнаружил, что лишь немногие среди его новых коллег имели опыт прокурорской или еще какой-либо работы в правоохранительных органах. Из младших юристов комиссии он оказался единственным, кому доводилось сотрудничать с ФБР, и советовал остальным быть осторожнее: мол, не следует слепо полагаться на компетентность и честность представителей Бюро. Занимая пост федерального прокурора в Огайо, он тесно сотрудничал с агентами из кливлендского отделения ФБР и потому не испытывал особого почтения к Эдгару Гуверу и его конторе. «Шайка бюрократов, – фыркал он. – Только воображают невесть что о своих якобы легендарных талантах». По мнению Гриффина, если бы президента убили в результате сколько-нибудь сложного заговора, ФБР вряд ли хватило бы дедуктивных способностей его раскрыть: «Разве что случайно бы наткнулись».

Были у Гриффина и более серьезные подозрения насчет Бюро. С самого начала его терзало беспокойство: а вдруг ФБР утаивает какие-то важные сведения, дабы скрыть небрежность собственных агентов, недоглядевших за Освальдом в Далласе? Гриффин рассуждал так: если фэбээровцы проворонили заговор, они любой ценой попытаются это утаить от общественности, и в таком случае с них станется свалить всю вину на Освальда, о чем бы там ни свидетельствовали улики. «У меня складывалось впечатление, что ФБР хочет сделать Освальда козлом отпущения»[8] , – говорил он. По воспоминаниям Гриффина, кое-кто из юристов комиссии разделял его опасения. Представляя, как комиссия раскроет заговор, некоторые молодые коллеги «прямо с ума сходили» – хотя бы потому, что Гувер (которого многие уже презирали) тогда окажется посрамлен. «Мы твердо намеревались приложить все силы, чтобы доказать: ФБР ошибается. И сделать все возможное, чтобы разоблачить заговорщиков. Мы мечтали стать национальными героями», – признавался Гриффин.

Гриффина назначили младшим юристом в команду, работавшую над шестым участком, то есть над тщательной проверкой биографии Джека

Руби. Его старшим напарником стал Леон Хьюберт, обходительный уроженец Луизианы. Они делили на двоих тесный кабинетик, метра три на три, их столы стояли впритык9 . Знакомясь с новыми коллегами, Гриффин с изумлением обнаружил среди них своего старого знакомого Дэвида Слосона, который тоже учился в Амхерстском колледже, только классом старше. Он даже оробел немного: «Я привык восхищаться Слосоном, председателем студенческого братства Phi Beta Kappa . Это была такая честь – очутиться с ним в одной лодке»10 . Кроме того, как выяснилось, в комиссии было полно таких же, как он, выпускников Школы права Йельского университета – например, Арлен Спектер и главные заместители Рэнкина, Уилленс и Редлик.

Тогда, в начале пути, Рэнкин казался Гриффину человеком кристально честным, трудолюбивым, но лишенным задатков лидера. Он был «тихий, скромный, почти робкий» и ясно давал понять, что намерен беспрекословно подчиняться приказам Уоррена. Оба его зама, однако, робостью отнюдь не страдали. Редлик держался несколько высокомерно и вечно норовил покомандовать штатными юристами, хотя большинство из них были всего на несколько лет его моложе. К тому же он не скрывал своей левой политической ориентации. Вскоре после убийства Кеннеди, в декабре 1963-го, его имя появилось в журнале Nation под заметкой, призывавшей Соединенные Штаты инициировать дипломатические переговоры с Кастро и положить конец вражде.

Гриффин понимал, что Редлик разделяет его скептическое отношение к Гуверу лично и ФБР в целом. Редлик сам сказал ему, что беспокоится, как бы Бюро не сделало чересчур поспешных выводов только из-за того, что Освальд трубил о своей приверженности марксизму. «Он видел ФБР в политическом свете, – говорил Гриффин. – считал Бюро консервативной конторой, жаждущей повесить преступление на сторонника иных политических взглядов»11 .

Подбирая юристов в комиссию, Уилленс неизменно отдавал предпочтение выпускникам элитных университетов, и то не всех, так что в итоге их рабочие совещания смахивали на ностальгические вечеринки «Лиги плюща». Между собой они шутили, что если умудрятся запороть расследование, их преподавателям права в Йеле и Гарварде придется

держать ответ. Гриффин и трое других питомцев Йеля уравновешивались таким же числом выпускников Гарварда, а в течение следующих месяцев «гарвардская сборная» в комиссии еще не раз пополнялась. Из Гарварда вышли: Слосон и Коулмен; 34-летний вашингтонец Сэмюэл Стерн, в прошлом помощник председателя Верховного суда Уоррена, ныне сотрудник юридической фирмы Wilmer, Cutler Pickering; а также Мелвин Эйзенберг, окончивший Школу права в 1959 году с лучшими результатами на курсе и работающий в крупной нью-йоркской юридической компании Kaye Scholer.

Стерн единолично отвечал за шестой участок расследования. Ему надлежало проанализировать работу Секретной службы и ее действия в Далласе, а заодно изучить историю вопроса: как организовывалась охрана президентов США за все время существования государства. Стерн единственный из молодых юристов остался без старшего напарника. Уоррен и Рэнкин сочли, что для данной задачи одного человека хватит, тем более что председатель Верховного суда не сомневался в компетентности Стерна.

Эйзенберг поступил в Kaye Scholer совсем недавно и сознавал, что даже временное отсутствие может свести на нет перспективу когда-либо стать партнером. И тем не менее предложение присоединиться к комиссии он принял без колебаний. «Я вот так же со своей женой познакомился, – вспоминал он. – Едва ее увидел, сразу понял, что хочу на ней жениться». Кроме того, будни крупной юридической компании уже успели его разочаровать – какой контраст с былыми академическими успехами! «В Гарварде и в реферативном журнале ты чувствуешь себя центром вселенной, а потом вдруг раз – и строчишь служебные записки для едва знакомых старших юристов». Он и так уже подумывал о том, чтобы бросить правовое поприще и посвятить себя преподаванию английского языка12 .

Эйзенберга назначили заместителем Редлика, который без помощника просто задохнулся бы под бумажной лавиной – ведь он добровольно вызвался прочитывать все без исключения документы, поступающие в комиссию, и затем распределять их между сотрудниками. Первое серьезное задание Эйзенберга было таково: как следует вникнуть в криминалистику (отпечатки пальцев, баллистические и фоноскопические экспертизы, показания очевидцев), чтобы определять, каким уликам

комиссия должна уделять особое внимание, а какие можно сбрасывать со счетов. Поскольку опыта работы в правоохранительных органах у него не было, Эйзенберг обратился к книгам. Библиотека Конгресса находилась всего в двух кварталах от офиса, так что он заказал там подборку самых авторитетных трудов по криминологии.

Молодые юристы не скрывали своих политических убеждений, тем более что почти все они сходились в этом вопросе: зарегистрированы были как демократы, сами себя считали либералами и голосовали за президента Кеннеди. Одним из редких исключений был Уэсли Джеймс Либлер (друзья звали его Джим), 32-летний литигатор из Нью-Йорка, рекомендованный в комиссию деканом Школы права Чикагского университета, где он учился. Родился он в Лэнгдоне, штат Северная Дакота, и вырос на сельских просторах Великих равнин. Либлер во всеуслышание твердил о своей страстной приверженности республиканским взглядам и похвалялся тем, что на президентских выборах в ноябре собирается голосовать за сенатора из Аризоны Барри Голдуотера. Однако на личную жизнь его консервативные предпочтения не распространялись: он с удовольствием развлекал коллег хвастливыми историями о своих победах. Всего через несколько дней после приезда в Вашингтон объявил коллегам – и вообще всем, кто соглашался его слушать, – что намерен приударить за столичными дамами, раз уж здесь оказался. Факт наличия супруги и двоих детей дома в Нью-Йорке его, похоже, ничуть не смущал13 .

Либлеру достался третий участок – вместе со старшим напарником Альбертом Дженнером он отвечал за реконструкцию и анализ биографии Освальда. По отношению к Рэнкину, Редлику и Уилленсу Либлер с самого начала держался куда менее почтительно, чем остальные штатные сотрудники комиссии. Спектеру он признавался, что его беспокоит Уилленс: наверняка, мол, «наушник Роберта Кеннеди» и специально направлен из Министерства юстиции в комиссию, чтобы блюсти интересы генерального прокурора, в чем бы эти интересы ни заключались14 .

К немалому удивлению Рэнкина, Уоррен и еще кое-кто из членов комиссии даже между собой, в приватных беседах, старались не упоминать иностранный заговор как возможную причину гибели президента. Рэнкин рассказывал, что молодые юристы комиссии подобных страхов

не испытывали – они были настроены на работу с фактами. Ему запомнились разговоры юристов о том, «что будет, если мы уличим в заговоре Советский Союз или Кубу, и так далее», и как за этим наверняка последует ядерное противостояние. Но к чему бы ни привели поиски, последствия, казалось, не пугали ребят. «Им не терпелось докопаться до истины и предъявить ее миру, и плевать они хотели, кому это будет во вред или на пользу, – говорил Рэнкин. – Может, просто по молодости не осознавали, насколько это рискованно». Он ясно видел, что юристы комиссии – собенно молодые, у кого вся карьера была впереди, – рвались выяснить правду об убийстве президента еще и потому, что участие в чем-то хоть отдаленно напоминающем заметание следов грозило навсегда замарать их репутацию.

Слосон вспоминал, как поначалу юристы настороженно обсуждали слухи о том, что за убийством якобы стоят некие враждебные элементы, затаившиеся в лоне ЦРУ, а может, даже и президент Джонсон приложил к нему руку. Но это все говорилось «больше в шутку», подчеркнул Слосон. Зато на другую тему, как он сам слышал, коллеги задумывались вполне серьезно: если вдруг они обнаружат заговор внутри правительства США, их жизни окажутся в опасности. Все сходились на том, что, если убийство Кеннеди на самом деле являлось государственным переворотом, это нужно доказать как можно скорее, хотя бы для того, чтобы им не попытались заткнуть рот каким-нибудь радикальным способом. «Я и сам считал, что в случае чего надо оповестить общественность, и тогда преступники не посмеют нас ликвидировать, ведь это только подтвердит их виновность».

В понедельник, 20 января, Уоррен созвал всех сотрудников комиссии на первое совещание. Многим навсегда запомнилось, как заворожил их председатель Верховного суда. За годы службы закону Уоррен не утратил навыков настоящего политика. Он излучал обаяние, в его голосе звучали «теплота и искренность» – так излагал свои впечатления Гриффин. Согласно протоколу совещания, составленному Уилленсом и Эйзенбергом, председатель Верховного суда объявил подчиненным, что, расследуя убийство президента Кеннеди, они «должны стремиться установить истину». Он рассказал, как встречался с президентом Джонсоном в Овальном кабинете и как тот уговорил его взять расследование на себя. Комиссия, витийствовал Уоррен, обязана положить конец пересудам, захлестнувшим Америку, в том числе сплетням о причастности к убийству

лично Джонсона. «Президент утверждает, что самые невероятные слухи распространяются по всей стране и даже за океаном, – пересказывал Уоррен свою встречу на высшем уровне. – И некоторые из этих слухов теоретически могут окончиться для нас войной, которая унесет сорок миллионов жизней».

Уоррен предложил определить срок сдачи заключительного отчета комиссии. Пока в Далласе не закончится процесс Джека Руби, сказал он, довести отчет до ума будет затруднительно. Первое судебное заседание по делу Джека Руби, убийцы Освальда, было назначено на февраль. Однако, продолжал Уоррен, желательно, чтобы отчет был готов до президентской предвыборной кампании осенью, поскольку, «как только кампания начнется, слухи и домыслы, скорее всего, поползут с новой силой». Он рекомендовал ориентироваться на 1 июня. На расследование оставалось меньше пяти месяцев.

Глава 14

Редакция газеты The Dallas morning news

Даллас, Техас

январь 1964 года

Хью Эйнсворт, корреспондент газеты The Dallas Morning News, тоже искал следы заговора1 . По количеству сенсационных новостей о гибели президента, добытых и опубликованных после убийства, ни один репортер в Техасе не мог с ним сравниться. 32-летний уроженец Западной Виргинии, Эйнсворт с ранней юности зарабатывал себе на хлеб журналистикой. В дальнейшем комиссии Уоррена неоднократно приходилось разгребать последствия его эксклюзивных репортажей.

Поначалу Эйнсворт сомневался, что Освальд мог осуществить столь грандиозный замысел самостоятельно. Он подозревал сложную интригу, сплетенную, по всей вероятности, русскими. Узнав, что в 1962 году Освальду разрешили покинуть Советский Союз и вернуться домой в США

вместе с красивой молодой супругой, он лишь укрепился в своих подозрениях. «Я просто не представлял себе, как можно с такой скоростью выбраться из Союза, если увозишь с собой русскую жену», – говорил Эйнсворт. Кроме того, как он сам признавал, на его суждения влияли и предрассудки, глубже, чем где бы то ни было, укоренившиеся в ультраконсервативном Далласе: мол, в Кремле сидят такие чудовища, им и Кеннеди убить ничего не стоит. «Мы все до смерти боялись русских»2 .

К тихой ярости конкурентов, Эйнсворт всех их опередил с репортажами, которые для любого журналиста стали бы апофеозом карьеры. Он ухитрился лично поприсутствовать при каждом ключевом моменте драмы, начиная с самого убийства. Он находился на Дили-Плаза, когда прогремели выстрелы; он был в кинотеатре «Техас», когда позже в тот же день арестовали Освальда; воскресным утром он стоял в подвале полицейского управления Далласа в двух шагах от Освальда, когда Руби пробился сквозь толпу и прикончил его.

Эйнсворт так и знал, что посещение Далласа ничего хорошего президенту не сулит. Город пользовался (по мнению репортера, вполне заслуженно) скверной репутацией как рассадник расизма и правого экстремизма. Еще до визита президента Эйнсворт предполагал, что тот столкнется здесь с каким-нибудь безобразием. «Я и вообразить не мог, что в него станут стрелять, но ожидал непочтительных выходок – что в него чем-то бросят, например»3 .

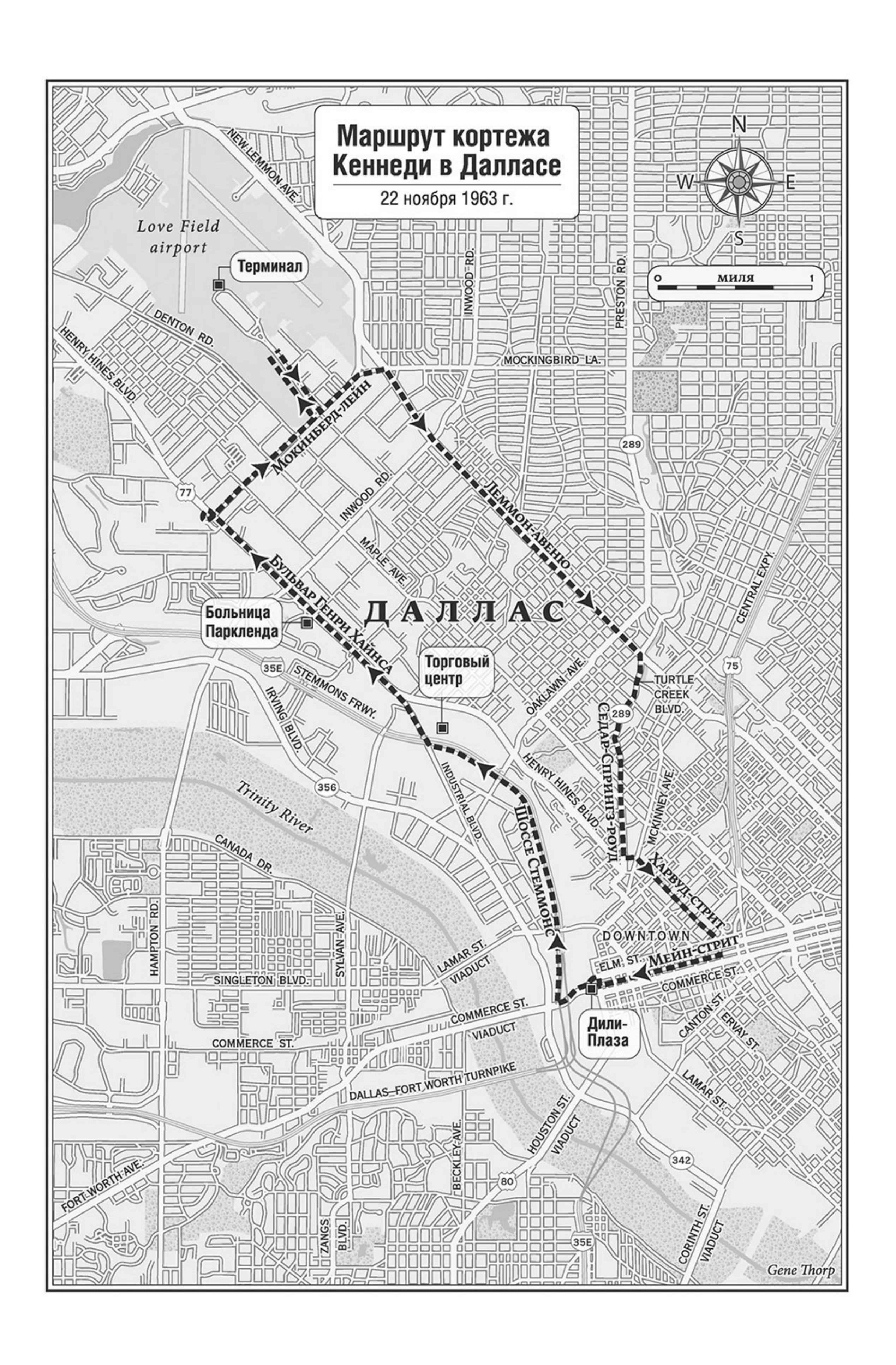
Эйнсворту было стыдно за своего работодателя – газету, пробуждавшую в читателях самые низменные инстинкты. По его убеждению, The Dallas Morning News поддерживала в городе дух нетерпимости, который, возможно, как раз и толкнул убийцу на решительные действия. «Меня мучили угрызения совести, потому что наша редакционная полоса занимала не последнее место в ряду тех факторов, что привели к случившемуся, – говорил он впоследствии. – Откровенный правый уклон газеты бесил и расстраивал многих ее сотрудников, не только меня»4 .

Газетой заправляла семья Дили, консервативная до крайности. Именно в честь Джорджа Дили, в 1926 году купившего The Dallas Morning News , был назван маленький городской парк, где застрелили президента, которого газета беспощадно критиковала. Осенью 1961 года издатель Тед Дили, сын Джорджа, был приглашен в составе группы представителей

техасских СМИ на встречу с Кеннеди в Белом доме. Дили не упустил случая свои претензии выложить президенту лично, зачитав вслух соответствующее обращение. «Вы и ваша администрация – слабаки, – провозгласил он. – Стране нужен сильный вождь на коне, а вы, по мнению многих жителей Техаса и других юго-западных штатов, катаетесь на трехколесном велосипедике»5 .

В то роковое утро газета опубликовала заявление на целую страницу в черной рамке, составленное некой группой правых экстремистов, именующих себя Американским комитетом по установлению фактов. Они осуждали Кеннеди за то, что он якобы позволяет Министерству юстиции «давать поблажки коммунистам и им сочувствующим, а также левым радикалам». Жаклин Кеннеди запомнилось, как перед въездом президентского кортежа в Даллас муж показал ей публикацию, попутно заметив: «Мы направляемся в земли безумцев»6 .

Эйнсворт обладал целым набором качеств, чрезвычайно полезных для репортера: память у него была феноменальная, а благодаря хорошим манерам в сочетании с обезоруживающей скромностью и негромкой размеренной речью он легко располагал к себе людей и завоевывал доверие. Его мальчишеское лицо контрастировало с могучим телосложением – постоять за себя он умел. От горла до уха у него тянулся шрам, память о стычке с вооруженным ножом недоброжелателем, вломившимся к нему домой в Денвере, где он работал корреспондентом от United Press International . Один техасский коллега, большой поклонник Эйнсворта, утверждал, что с этим шрамом он выглядел «как гибрид Энди Харди и Аль Капоне»7 .

Маршрут кортежа Кеннеди в Далласе
22 ноября 1963 г.
N
W
E
S
миля
0
1
Love Field airport
Терминал
NEW LEMMON AVE.
DENTON RD.
HENRY HINES BLVD.
INWOOD RD.
PRESTON RD.
MOCKINGBIRD LA.
Мокинберд-лейн
Леммон-авеню
INWOOD RD.
MAPLE AVE.
Бульвар Генри Хайнса
ДАЛЛАС
Больница Паркленда
Торговый центр
CENTRAL EXPY.
TURTLE CREEK BLVD.
OAKLAWN AVE.
STEMMONS FRWY.
IRVING BLVD.
INDUSTRIAL BLVD.
HENRY HINES BLVD.
Седар-Спрингз-роуд
Шоссе Стеммонс
MCKINNEY AVE.
Харвуд-стрит
Trinity River
CANADA DR.
HAMPTON RD.
SYLVAN AVE.
LAMAR ST.
VIADUCT
DOWNTOWN
Мейн-стрит
ELM ST.
COMMERCE ST.
SINGLETON BLVD.
COMMERCE ST.
VIADUCT
COMMERCE ST.
Дили-Плаза
CANTON ST.
ERVAY ST.
LAMAR ST.
DALLAS–FORT WORTH TURNPIKE
HOUSTON ST.
VIADUCT
FORT WORTH AVE.
BECKLEY AVE.
ZANGS BLVD.
CORINTH ST.
VIADUCT
Gene Thorp

В день убийства его никто специально не посылал на Дили-Плаза. Для газеты он освещал новости авиации и космических исследований (золотая жила для репортера, учитывая близость нового центра NASA в Хьюстоне), а репортаж о визите Кеннеди в его задачи вовсе не входил. Он пришел на площадь просто как зритель, хотел взглянуть на президента и его элегантную супругу. Однако когда раздались выстрелы, он поневоле очутился в самом центре столпотворения и немедленно принялся за работу. «Господи, неужели это все происходит наяву?» – спрашивал он себя.

Блокнота у него с собой не было – он выхватил из заднего кармана штанов счет за коммунальные услуги. Ручки тоже не оказалось – за пятьдесят центов он купил у первого попавшегося мальчишки «толстенный карандаш, такими раньше детишки пользовались в начальной школе». Сверху на карандаше был прикреплен маленький пластмассовый американский флаг8 .

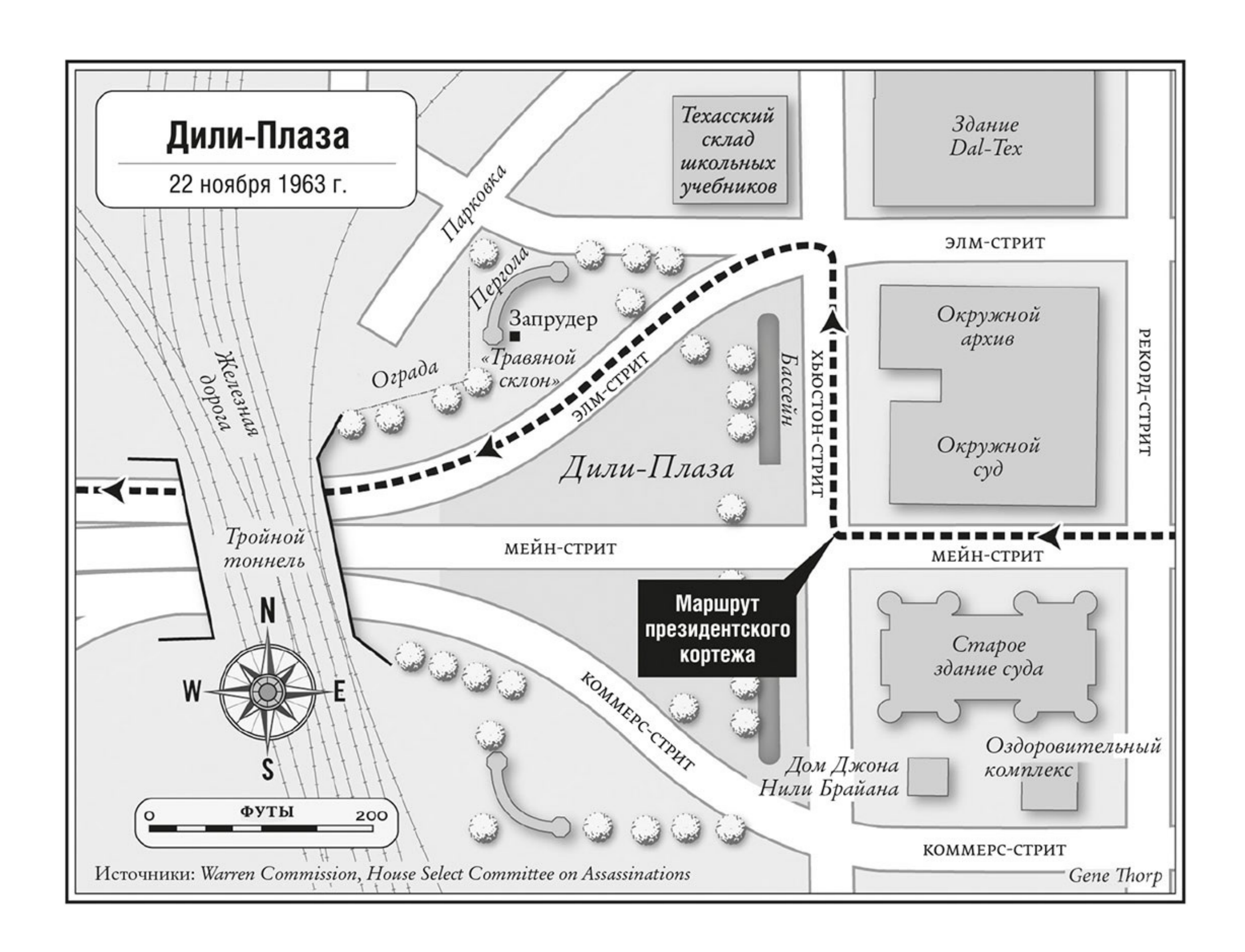
«Я же был репортером, умел расспрашивать людей», – говорил Эйнсворт. Три выстрела он отчетливо слышал. И с первых же минут стало ясно, что снайпер, скорее всего, сидел в здании Техасского склада учебников: «Помню, человека три-четыре показывали на верхние этажи склада».

Эйнсворт заметил, что возле склада полицейские окружили перепуганного мужчину, и услышал, что тот вроде бы описывает убийцу, которого, похоже, сам видел. Свидетель – Говард Бреннан, 44-летний слесарь-водопроводчик, не успевший даже расстаться с рабочей каской, – сообщил полиции, что находился на другой стороне улицы, напротив склада учебников, и оттуда заметил человека с винтовкой, высунувшегося из окна на каком-то из верхних этажей здания. «Я понимал, какого страху он натерпелся», – говорил Эйнсворт о Бреннане. Увидев, что репортеры навострили уши, бедняга еще больше разнервничался. «Он попросил полицию нас прогнать»9 .

Примерно через три четверти часа после убийства Эйнсворт услышал, как из полицейской рации хрипло прокаркало извещение: офицер полиции Джей Ди Типпит застрелен на другом конце города, в районе Оук-Клиффс. Нюх журналиста подсказывал, что это преступление напрямую связано

с покушением на президента, так что Эйнсворт немедля прыгнул в машину и помчался в Оук-Клиффс, где нашел нескольких человек, заявивших, что они видели, как погиб Типпит.

47-летняя Хелен Маркем работала официанткой в ресторане «Итвелл», поблизости от которого все и случилось. Она видела, как убийца – позже, на очной ставке в полицейском участке, она опознала Освальда – выхватил пистолет и стал стрелять в Типпита, едва тот вышел из патрульной машины. «И самое странное, – цитировал ее слова Эйнсворт, – что он не бросился наутек. Он не выглядел ни расстроенным, ни напуганным. Просто таращился на меня, поигрывая пистолетом». А потом, заключила Маркем, убийца побежал прочь – неторопливо, как на утренней пробежке10 .

Несколько минут спустя Эйнсворт уже входил вслед за полицейскими в расположенный неподалеку кинотеатр «Техас», где в тот момент шел фильм «Война – это ад» (War Is Hell). По сообщениям свидетелей, человек, похожий по описанию на Освальда, ворвался в кинозал, не купив билета. Эйнсворт наблюдал, как сотрудники полиции проникли в зал, включили свет и схватили Освальда, который поначалу сопротивлялся аресту и даже выхватил пистолет11 . После небольшой потасовки подозреваемого наконец взяли под стражу под его вопли: «Протестую против жестокости полиции!»

В воскресенье, 24 ноября, Эйнсворт вообще-то планировал немножко отдохнуть, но жена настоятельно советовала ему ехать в центр, к полицейскому управлению, посмотреть, как Освальда будут перевозить в окружную тюрьму. Так и вышло, что он стоял всего метрах в пяти от места драмы, когда Руби выстрелил Освальду в живот. Эйнсворт знал – и терпеть не мог – Руби, склонного к назойливой саморекламе владельца ночного клуба. Руби вечно навязывался в друзья к полицейским (рассчитывая на защиту) и к журналистам (рассчитывая засветиться в прессе). «Психопат он был, – так характеризовал его Эйнсворт. – Выпендривался, из кожи вон лез, чтобы протолкнуть в газеты фотографии, свои и своих стриптизерш». В The Dallas Morning News за ним водилась слава «тошнотворного типа» и «неудачника». Эйнсворт рассказывал, как Руби сидел у них в кафетерии и читал газету, «проделав в ней дырочку, чтобы вести слежку». За кем или чем он следил – это оставалось загадкой. Кроме того, Руби был известен своей склонностью к насилию и всегда таскал с собой пистолет. «Я дважды видел, как он поколачивал пьянчуг», – вспоминал Эйнсворт. Ко входу в принадлежавший ему клуб «Карусель» вели крутые ступеньки, и Руби их тоже приспособил как оружие: «Как-то раз он на моих глазах избил парня и толкнул с крыльца, так что тот скатился по ступенькам и изрядно покалечился»12 .

Эйнсворта поразила смерть Освальда, но тому, что убийство совершил именно Руби, он ничуть не удивился: «Если бы мне из всех жителей техасского Далласа велели выбрать человека, способного на подобный поступок, думаю, я первым делом указал бы на Руби»13 .

Не прошло и нескольких часов после убийства Кеннеди, как к Эйнсворту

уже начали обращаться незнакомцы, утверждающие, будто владеют тайными сведениями о заговоре с целью сжить президента со свету. Ему и раньше, пока он писал о космических исследованиях, доводилось встречаться с такими людьми – «чокнутыми, верящими в инопланетян», – но два-три раза в год, не чаще. А тут: «Они меня просто осаждали». Первый заявился к Эйнсворту домой вечером того же дня, когда убили президента, – «чудной, оборванный коротышка расселся у меня на пороге». Бедняга явно страдал галлюцинациями; он выдвинул бредовую теорию о сговоре Гарольда Ханта, далласского миллиардера правой ориентации, с Советским Союзом. Второй теоретик, «высокий, невообразимо тощий, распространявший вокруг себя ужасную вонь», на следующее утро как-то исхитрился пробраться в ньюсрум. «У меня для вас сюжет», – сказал он Эйнсворту и объявил, что ему известна тайна убийства Кеннеди. Закатав штанину, под которой обнаружился огромный нарыв, он принялся объяснять, что это имеет некое отношение к заговору: «Вот потому-то у меня нога и изуродована».

Со временем Эйнсворт стал делить сторонников версии заговора на две категории. Одни рассчитывали нажиться на убийстве, продав в газеты какую-нибудь безумную историю. «Это же выгодно, – комментировал Эйнсворт. – Никто не хочет платить за правду. Платят как раз за заговоры всякие»14 . Другие же тешили себя фантазией, будто они играли какую-то роль в исторической трагедии. К этой второй категории Эйнсворт относил Кэрролла Джарнагина, далласского адвоката, который сообщил, что за несколько дней до убийства видел Освальда и Джека Руби вместе в клубе «Карусель» – якобы они увлеченно что-то обсуждали. Джарнагина Эйнсворт описывал как «горького пьяницу, мечтавшего хоть чем-то прославиться… Ему просто хотелось внимания». Но опытный репортер чувствовал: вот уж кто внимания не заслуживает, так это Джарнагин, уже успевший сунуться со своим заявлением об Освальде в городскую полицию. Его показания проверили на детекторе лжи, и, по словам Эйнсворта, «это был полный провал»15 .

В декабре ему позвонил Марк Лейн, адвокат из Нью-Йорка, который благодаря своим конспирологическим измышлениям постепенно становился национальной знаменитостью. Эйнсворт читал его статью в National Guardian с рассуждениями о том, что Освальд может быть и невиновен, и отметил, что там ошибка на ошибке. «Он сказал, что представляет интересы Освальда, поскольку больше этим заниматься

некому, – вспоминал Эйнсворт. – Втолковывал мне, какой он великий адвокат и какие совершил замечательные подвиги». В бескорыстие Лейна он не верил ни на йоту, однако, терзаемый любопытством, все же согласился принять адвоката у себя дома на следующий вечер.

«Он приехал ко мне домой и принялся объяснять, что же там случилось на самом деле и как Освальда подставили». Эйнсворту запомнилось, как его поразила наглость гостя: тот делал вид, будто ему об убийстве известно больше, чем хозяину дома. По сути, Лейн убеждал его не верить тому, что он наблюдал собственными глазами на Дили-Плаза. Эйнсворт разозлился. «Не очень-то люблю, когда мне внушают, будто я на самом деле не видел того, что видел».

Сидя за столом на кухне у Эйнсворта, Лейн утверждал, что Руби и Освальд «несомненно» были знакомы. У него, мол, завтра состоится беседа с анонимным свидетелем, обладающим «безупречной памятью», который видел их вместе в клубе «Карусель». Трудно было не догадаться, что сей ценный информатор – не кто иной, как алкоголик Джарнагин. «Я говорил с ним по телефону, и похоже, что он не врет», – нахваливал Лейн своего тайного осведомителя.

Доведенный до белого каления, Эйнсворт разложил Лейну все по полочкам: как тот искажает факты и события и как, следовательно, вводит общественность в заблуждение относительно убийства президента.

– Но вы-то откуда знаете? – спросил Лейн.

– Откуда я знаю? – откликнулся Эйнсворт. – Я вам скажу, откуда я знаю. Из свидетельских показаний, вот откуда. Они у меня есть. И я точно знаю, что говорили очевидцы в день убийства, где они находились, как их зовут – все это мне известно.

Речь шла о засекреченных протоколах показаний, полученных полицией Далласа от свидетелей в день убийства. Эйнсворт сумел раздобыть их по своим каналам и держал дома для пущей сохранности. Сгоряча он сунул бумаги под нос Лейну, у которого глаза на лоб полезли от изумления. «Я их только потому вам показываю, – сказал он, – что в вашей статье многое, очень многое истолковано неверно. Если вы и впрямь хотите запечатлеть для истории правдивый портрет Освальда,

вам, на мой взгляд, следует ознакомиться с имеющимися на данный момент результатами расследования».

Лейн попросил одолжить ему бумаги на несколько дней. «Вы же поможете мне выяснить правду? – осторожно начал он. – Мне послезавтра, скорее всего, возвращаться в Нью-Йорк, и я вот подумал, вдруг вы мне можете дать на время эти свидетельства».

Эйнсворт согласился, о чем вскоре горько пожалел. Несколько дней спустя Лейн уже вовсю размахивал протоколами на пресс-конференциях, выдавая их за доказательства того, что у него имеются тайные осведомители, якобы способные оправдать Освальда, когда настанет время открыть публике их имена.

«Я был ужасно наивен, – каялся впоследствии Эйнсворт. – Наделал ошибок. Я помог создать чудовище Марка Лейна, с этим не поспоришь»16
.

Другие техасские репортеры, тоже освещавшие последствия убийства президента, но менее талантливые, чем Эйнсворт, нередко обращались к нему за советом, поскольку он слыл ходячей энциклопедией по этой части. Один из самых назойливых, Алонсо «Лонни» Хадкинс из The Houston Post, названивал ему постоянно. Несмотря на профессиональное несовершенство Лонни, Эйнсворт считал его «симпатичнейшим в мире парнем»: «Его все любили. Он носил маленький хомбург». Хадкинс быстро вынес собственный вердикт в отношении убийства. «Решил, что имел место заговор и что он непременно это докажет»17.

Какое-то время Эйнсворт спокойно терпел звонки Хадкинса, просившего помощи: «Думал, рано или поздно Лонни от меня отвяжется. А потом он и правда затих ненадолго».

Однако в конце декабря звонки возобновились, и Эйнсворт решил подшутить над своим хьюстонским приятелем. Хадкинс вцепился в широко распространенные слухи о том, что Освальд был информатором ФБР, – слухи, по данным Эйнсворта, ни на чем не основанные.

– Ты слышал что-нибудь о контактах Освальда с ФБР? – спросил Хадкинс.

В настроении повалять дурака Эйнсворт ответил, что разговоры такие слышал и что это все правда, Освальд действительно состоял на службе у Гувера.

– Да разве у тебя нет номера его платежной ведомости? – небрежно бросил он так, словно речь шла об общеизвестной информации.

Эйнсворт потянул со стола первую попавшуюся телеграмму – он ведь и сам отправлял телеграфом материалы об убийстве в журнал Newsweek и в лондонскую Times – и прочел вслух ряд цифр, стоявших наверху.

– Ага, ага, точно! – обрадовался Хадкинс, видимо, уверенный, будто блефом выудил у старшего коллеги мировую сенсацию. – У меня этот же самый номер.

Эйнсворт позже говорил, что благополучно забыл и о звонке, и о своем розыгрыше, а вспомнил все это только 1 января 1964 года, когда на первой полосе газеты Houston Post появилась статья, в которой выдвигалась гипотеза о сотрудничестве Освальда с ФБР. Автор статьи: Алонсо Хадкинс. Заголовок гласил: «Освальд – осведомитель на государственной службе?»18 Только потом Эйнсворт узнал, к своему глубочайшему удивлению, что его шуточка над конкурентом спровоцировала первый серьезный кризис в комиссии Уоррена – и бесповоротно испортила их отношения с ФБР.

Матерый журналист Дрю Пирсон, друг председателя Верховного суда Уоррена, выполнял, если можно так выразиться, функции Эйнсворта в Вашингтоне – он тоже выдавал публике первые сенсационные новости об убийстве президента.

В понедельник, 2 декабря (всего через три дня после учреждения комиссии Уоррена), его колонка произвела эффект разорвавшейся бомбы, ошеломив миллионы читателей: Пирсон писал, что вечером накануне убийства шесть агентов Секретной службы, входившие в состав личной охраны президента в Техасе, отправились в бар – прямое нарушение устава. Кое-кто из них «гулял» до трех часов ночи, «а один, по имеющимся у нас данным, изрядно напился», сообщал Пирсон. «Совершенно очевидно, что люди, выпивавшие до трех ночи, никак не могут проснуться наутро в состоянии

максимальной боеготовности, да и вообще вряд ли способны кого-либо защитить»19 .

Не скупилась колонка и на критику в адрес ФБР, которое, по словам Пирсона, не потрудилось известить Секретную службу о возможной опасности, а ведь Освальд несколько месяцев находился под наблюдением их далласского отделения. Как же можно было, негодовал Пирсон, «именно в тот день, когда президент посетил Даллас, самый нетерпимый и беззаконный город в Штатах, не проследить за эмоционально неустойчивым проповедником марксизма»? По мнению Пирсона, ФБР не предупредило о нем Секретную службу по причине «давней зависти» к организации, официально охраняющей президента. «Им следовало бы прекращать грызню за юрисдикцию и внимание прессы хотя бы в ситуациях, когда речь идет о безопасности национального лидера».

После выхода колонки на Секретную службу обрушилась лавина гнева, потому что Пирсон, в сущности, сказал правду. Несколько агентов Секретной службы действительно отправились выпить накануне убийства – немыслимое должностное преступление. Устав Службы категорически запрещал сотрудникам употреблять алкоголь в любое время суток, пока они сопровождают президента. Директор агентства Джеймс Роули впоследствии клялся, что ничего не знал о попойке, пока не прочел колонку Пирсона, а как только прочел – тут же отправил заместителя в Техас разбираться. А пока решил не принимать никаких предварительных дисциплинарных мер по отношению к своим агентам. Любого рода взыскание могло подтолкнуть общественность «к выводу, будто они виновны в убийстве президента, – на мой взгляд, это было бы несправедливо»20 .

В своем дневнике Пирсон открывает секрет, откуда ему стало известно об агентах Секретной службы. Тайер Уолдо, корреспондент ежедневной газеты Fort Worth Star-Telegram, по-видимому, опасался, что его редакторы нипочем не пропустят в печать столь щекотливый сюжет, и поделился информацией с Пирсоном. «Тайер сказал, его вышвырнут с работы, если узнают, что он это кому-то слил», – гласит дневниковая запись21 .

Немного позже, в середине декабря, Пирсон снова набросился на Эдгара Гувера и ФБР в очередной колонке. Обвинения были похлеще, чем в прошлый раз: Бюро «намеренно утаивало» сведения об Освальде,

собранные до убийства. «ФБР не следило за Освальдом, когда кортеж президента Кеннеди проезжал через Даллас, и не оповестило о нем Секретную службу. Вот такие поразительные факты дает предварительный анализ трагедии в Далласе. Неудивительно, что Бюро спешило протолкнуть в газеты собственную версию событий, пока президентская комиссия не провела расследование». Пирсон обвинял ФБР в организации утечки копий 400-страничного предварительного доклада об Освальде (документа, снимающего с них подозрения в халатном невнимании к Освальду до убийства) с целью опередить грядущие заключения комиссии Уоррена.

Та же колонка расточала похвалы председателю Верховного суда, другу Пирсона, и в красках описывала, как президент Джонсон в Овальном кабинете из кожи вон лез, уговаривая Уоррена возглавить комиссию, – приводились подробности, которые могли быть известны лишь Джонсону и Уоррену. Пирсон не ссылался в своем тексте на Уоррена, однако Гувер и его коллеги по ФБР позже утверждали: у них не было сомнений, что верховный судья сливал информацию Пирсону. Уоррен, писал Пирсон, «не допустит, чтобы Эдгар Гувер делал выводы о произошедшей трагедии еще до того, как президентская комиссия начнет работу»22 .

Глава 15

Офис комиссии Уоррена

Вашингтон

январь 1964 года

К тому времени, как недавно нанятые молодые юристы добрались до Вашингтона, комиссия уже успела составить общее представление о том, как будет выглядеть ее заключительный отчет. Перед Рождеством Ли Рэнкин попросил Говарда Уилленса набросать примерный план отчета на десять страниц, каковой и был прикреплен к служебной инструкции, выдаваемой каждому новоприбывшему в течение января. План составлялся большей частью на основании предварительных отчетов из ФБР,

Секретной службы и ЦРУ и исходил из предпосылок, что убийца – Освальд и что расследование будет сосредоточено на его биографии и поиске мотивов1 . «Перед нами стоит важная задача, – объявил Рэнкин в приветственном письме. – Уверен, вы разделяете мое желание выполнить ее с блеском, быстро и тщательно». В инструкции он просил все пять команд по два человека плюс Сэма Стерна подготовить по каждому участку работы список уже известных фактов и предложений о дальнейших действиях.

Далее Рэнкин признавался, что на данный момент в офисе комиссии «царит бардак», поскольку изо дня в день прибывают новые порции секретных документов, и обещал навести порядок. Комиссия, пояснял он, уже начала вербовать секретарей по рекомендациям федерального правительства и нашла архивиста, который будет заведовать картотекой. Также он сообщил, что к услугам комиссии будут консультации психиатра: недавно вышедший на пенсию директор больницы Святой Елизаветы, крупной столичной психиатрической больницы, оценит психическое состояние Освальда и Руби. А еще комиссия наймет историка, который поможет грамотно составить проект отчета.

В инструкции подчеркивалась ключевая роль Нормана Редлика, чьими руками сортировались все входящие материалы – документы и улики. Кроме того, Редлик взял на себя обязанность подготовить показания Марины Освальд, с которой предполагалось побеседовать в первую очередь в феврале, когда комиссия начнет опрос свидетелей. ФБР уже предоставило полное досье на вдову Освальда и вскоре должно было прислать еще и подробный отчет о Рут и Майкле Пейн. Вдобавок комиссия запросила у Бюро всю информацию о прошлом эксцентричного Джорджа де Мореншильдта, дружившего с Освальдом в Далласе.

Кроме того, Рэнкин просил всех штатных юристов ближе к концу месяца прийти на просмотр видеозаписи, сделанной на Дили-Плаза бизнесменом по имени Эйбрахам Запрудер. Большинство сотрудников видели только отдельные кадры, опубликованные в журнале Life, а целиком ознакомиться со страшным фильмом Запрудера им предстояло впервые2 .

После обеда во вторник, 21 января, семь членов комиссии снова устроили

совещание. С их последней встречи прошло больше месяца; в новом офисе в здании Организации ветеранов зарубежных войн они собирались вместе первый раз.

Заседание открыл Уоррен. Он рассказал, как продвигается вербовка штатных юристов, и сообщил, что к комиссии приписаны два агента из Налогового управления США, которые «по возможности отследят происхождение каждого доллара в кармане Освальда и судьбу каждого потраченного им доллара; мы ведь не знаем, откуда он брал деньги»3 .

Джеральд Форд сказал, что рад слышать о приеме в комиссию одного из своих бывших избирателей в Мичигане – Дэвида Слосона из Гранд-Рапидс. «Его отец, – заявил Форд, – прекрасный адвокат и мой земляк». Уоррен ответил, что лично со Слосоном пока не познакомился, зато как раз сегодня в суде во время ланча судья Байрон Уайт поздравлял его с удачным выбором. «Уайт подошел ко мне и говорит: “Вы взяли к себе одного из лучших молодых людей, что раньше работали у меня в компании в Колорадо”».

Джон Макклой поинтересовался насчет старшего напарника Слосона, Уильяма Коулмена: «Это тот самый цветной парень?» Уоррен не стал комментировать расовую принадлежность Коулмена, а просто ответил, что он «превосходный юрист» и что комиссии повезло заполучить его в сотрудники4 .

Затем председатель Верховного суда поднял вопрос, который, похоже, постоянно занимал его мысли: когда завершать расследование? «Уже пора нам определиться, когда мы рассчитываем с этим покончить, – сказал он. – Если слишком долго провозимся, угодим в разгар предвыборной кампании, что для государства весьма нежелательно». И повторил то, что уже говорил штатным юристам: хотелось бы подготовить заключительный отчет к 1 июня. «Процесс может тянуться бесконечно, если заранее не установить крайний срок»5 .

Одна из проблем, признал он, заключается в предстоящем суде над Руби. Члены комиссии единодушно согласились с тем, что полноценное расследование в Далласе должно подождать, пока не будет вынесен приговор. Уоррен опасался, что присутствие в городе сотрудников комиссии может повлиять на работу защиты.

Примерно по тем же причинам, продолжал Уоррен, он предпочел бы, чтобы комиссия допросила Марину Освальд в Вашингтоне, а не в Далласе, где появление высокопоставленных следователей вызовет изрядную шумиху в прессе, так что молодая вдова наверняка перепугается. В Вашингтоне ее проще будет защитить от лишнего внимания. Уоррен спросил Рассела, не может ли он, как председатель Комитета по делам вооруженных сил, устроить так, чтобы «девочку с ее малышами» переправили в столицу на военном самолете. Если Марина полетит коммерческим рейсом, объяснил он, «на нее набросятся репортеры, фотографы и так далее, ей будет неловко, и она, возможно, проникнется к нам неприязнью». Уоррен уже испытывал к молодой женщине почти отеческие чувства, хотя до сих пор не встречался с ней лично. Рассел, пользовавшийся в Пентагоне большим влиянием, чем иные генералы, ответил, что организовать военный самолет ему «совершено ничего не стоит»6 .

Марина Освальд стремительно выдвигалась на первый план как ключевой свидетель против покойного супруга. Ее показания далласской полиции и ФБР почти не оставляли места сомнениям: она считала, что президента убил ее муж и что действовал он в одиночку. Эту же историю она начала продавать новостным организациям, что, казалось, не слишком беспокоило Уоррена – он предположил, что у нее просто нет другого способа добыть средства к существованию. Марина уже обещала журналам пятидесятистраничный очерк о своей жизни. Текст, написанный от руки на русском языке, в данный момент переводился на английский. «Ее адвокат, судя по всему, охотно готов идти нам навстречу, – объявил председатель Верховного суда. – Она собирается продать очерк одному журналу, но мы уговорили адвоката послать его нам для ознакомления. И с Мариной он нам разрешил поговорить до того, как текст пойдет в печать».

По воспоминаниям Рэнкина, комиссия прониклась к Марине определенным доверием, когда та отказалась иметь дело с Марком Лейном, который навязывался ей в Техасе, желая представлять интересы Освальда. «Она о нем и слышать не хотела», – рассказывал Рэнкин. Члены комиссии, впрочем, понимали, что общения с Лейном им все равно не избежать, поскольку к тому времени он уже объявил, что является адвокатом матери Освальда.

Рэнкин вступал в комиссию уверенный, что сможет плодотворно сотрудничать с Эдгаром Гувером. После переезда в Нью-Йорк у него появлялось все больше друзей-либералов, беспощадно критиковавших Гувера, однако Рэнкин по-прежнему уважал главу ФБР. И Гувер тоже симпатизировал Рэнкину. В декабре он сказал своим помощникам, что комиссия наняла Рэнкина главным юрисконсультом и это отличная новость. По словам Гувера, у него сложились «тесные и очень теплые рабочие отношения с мистером Рэнкином в течение президентского срока Эйзенхауэра»7.

Рэнкин с самого начала понимал, что деятельность комиссии не даст фэбээровцам покоя, и подозревал, что с них станется потянуть с выдачей свидетельских показаний или иного рода улик, если те выставляют Бюро не в лучшем свете; возможно, Гувер захочет лично просматривать материалы, перед тем как их отправят в комиссию. И тем не менее, приступая к работе, Рэнкин свято верил: Гувер и его заместители ни за что не опустятся до укрывательства. «В жизни бы не подумал, – сетовал он потом, – что они способны утаить информацию сами или кому-то приказать подобное. Я считал, ФБР никогда не станет лгать, ни по какому поводу».

Ему хватило нескольких недель, чтобы осознать, как глубоко он заблуждался. «Они просто лгали нам в лицо, – возмущался Рэнкин. – Вот уж никак от них не ожидал»8 .

Отношения между комиссией и ФБР начали портиться в декабре, из-за утечки – явно тщательно срежиссированной – предварительного доклада об Освальде. После этого члены комиссии, по словам Рэнкина, утратили безусловное доверие к ФБР и решили «с осторожностью относиться ко всему, что от них поступает».

Дальше – хуже. В среду, 22 января, в начале двенадцатого утра в кабинете Рэнкина зазвонил телефон. На проводе был генеральный прокурор штата Техас Уэггонер Карр. Его голос выдавал крайнее возбуждение. «Он сказал, что раздобыл информацию, которую считает необходимым донести до нас немедленно, – вспоминал Рэнкин. – Из конфиденциальных источников Карру стало известно, что Ли Харви Освальд был тайным агентом

Федерального бюро расследований и с сентября 1962 года ежемесячно получал от Бюро по 200 долларов».

Карр сообщил Рэнкину, что по документам ФБР Освальд проходил под номером 179 и, похоже, в ноябре еще получал от них деньги; более того, в день убийства он предположительно навещал их агента в далласском департаменте. «Карр уточнил, что этими сведениями уже располагают и пресса, и адвокат Джека Руби», а ему самому их передали из офиса окружного прокурора Далласа Генри Уэйда.

У Рэнкина тогда сложилось впечатление, будто Карр знает, о чем говорит. Если подозрение подтвердится, значит, ФБР намеренно скрывало свою связь с человеком, убившим президента. Годы спустя Рэнкин вспоминал, как в мозгу у него пронесся вопрос: возможно ли, чтобы кто-то в ФБР знал о преступных планах Освальда и не потрудился его остановить?

Он немедленно позвонил Уоррену, который тоже встревожился. Они решили, что Карра и Уэйда нужно как можно скорее вызвать в Вашингтон. Уоррен назначил на пять тридцать в тот же день экстренное совещание комиссии.

Рэнкин до совещания еще раз переговорил с Карром. «Он сказал, что источником информации является некий представитель прессы», чьего имени Карр не знал. «И добавил, что пытается сейчас все перепроверить и уточнить»9 .

Форд находился на заседании Комиссии Палаты представителей по бюджетным ассигнованиям, когда ему передали, что надо срочно явиться на Капитолийский холм в офис комиссии Уоррена. Он гадал, что же за ЧП такое стряслось. И надолго запомнил атмосферу физически ощутимой нервозности, по прибытии встретившую его в конференц-зале. За все годы, что проработал в Вашингтоне, «я, кажется, не припомню беседы более напряженной и осторожной», говорил он впоследствии10 . Члены комиссии расселись вокруг длинного овального стола, и Уоррен торжественно-мрачным тоном попросил Рэнкина вкратце изложить утренние новости. Форд и остальные «в изумлении» слушали рассказ о том, что убийца президента, возможно, работал на ФБР.

К тому моменту, как пришли тревожные вести из Далласа, Форд, несмотря

на свои взаимоотношения с ФБР, уже и сам начинал питать нехорошие сомнения по поводу их следственной деятельности. Новые слухи об Освальде лишь укрепили его в подозрении, что тот был каким-то правительственным агентом – не ФБР, так ЦРУ, – хотя обе конторы это рьяно отрицали. Форд внимательно читал все материалы, касавшиеся биографии Освальда, и, в частности, его поражало, как много путешествий в дальние экзотические страны успел совершить молодой человек, безвременно погибший в 24 года. Япония и Филиппины во время службы в морской пехоте, Европа, почти три года в Советском Союзе, потом еще и Мексика минувшей осенью. С точки зрения Форда, «это больше напоминало развлечения состоятельного любителя дальних странствий, чем жизнь стесненного в средствах человека без профессии и постоянного трудоустройства». Быть может, это были командировки начинающего тайного агента? Подобные размышления Форд пока что держал при себе, но вопрос у него тем не менее зрел: а не была ли попытка Освальда бежать в СССР на самом деле попыткой его руководства в ЦРУ или ФБР забросить доносчика во вражеский лагерь? И не за тем ли Освальд вернулся домой, чтобы начать шпионить за левыми, входившими в состав Комитета за справедливое отношение к Кубе? «Может, он, например, был агентом ЦРУ, но прошел тренировку в ФБР, и его использовали для внедрения в Комитет за справедливое отношение к Кубе? – рассуждал про себя Форд. – Из него получился бы идеальный контрагент для слежки за сторонниками Кастро»11 .

Другие участники совещания с презрением отвергли предположение, что Освальд мог быть чьим-либо шпионом. Аллен Даллес считал, что ФБР никогда и мысли бы не допустило о сотрудничестве с кем-то вроде Освальда, учитывая его эмоциональную нестабильность. «Никто не станет поручать работу агента такому парню, это же опасно, – объяснял он. – И потом, какую миссию он теоретически мог выполнять? Внедриться в Комитет за справедливое отношение к Кубе? По-моему, это единственное применение, которое они могли ему найти»12 .

Рэнкин поделился с коллегами опасением, что возможности докопаться до правды им никто не предоставит. Если Освальд и был осведомителем ФБР, Бюро может просто солгать, отрицая это. Не исключено, что поэтому они так и торопились навесить на Освальда ярлык убийцы-одиночки – хотели свернуть расследование комиссии, пока она не отыскала улик, способных скомпрометировать или вовсе уничтожить Бюро. «Они ждут

не дождутся, когда же мы соберем манатки и устранимся, – говорил Рэнкин, уже не скрывая своего недоверия к конторе Гувера. – Они нашли преступника. Больше делать нечего. Комиссия подтверждает их выводы, все расходятся по домам, и точка»13 .

Также они с Уорреном считают, продолжал Рэнкин, что если эти обвинения, будь они правдивые или ложные, дойдут до сведения общественности, работа комиссии существенно осложнится:

– Люди тогда точно решат, что президента убили в результате заговора, и, что бы ни делала комиссия или кто угодно еще, подобные слухи уже ничем не пресечешь.

– Вы совершенно правы, – сказал Хейл Боггс. – Это может повлечь за собой невероятные последствия.

– «Чудовищные» последствия, – подхватил Даллес.

Примерно в этот момент члены комиссии заволновались, вспомнив, что каждое их слово записывается, в том числе и гипотезы о возможном укрывательстве ФБР.

– Как-то мне не нравится, что все это фиксируется, – произнес Боггс, кивком указывая на стенографиста за столом.

С ним согласился Даллес:

– Да, думаю, протокол встречи следует уничтожить. Он нам ни к чему, верно?14

Рэнкин напомнил, что комиссия, заботясь о прозрачности своей работы, обещала вести протоколы всех заседаний. В таком случае, не сдавался Даллес, записи ни в коем случае не должны покидать офиса комиссии.

– Единственный экземпляр протокола следует хранить здесь.

На этом совещание закончилось – все согласились, что, пока Рэнкин не встретится с техасскими чиновниками, ничего предпринимать не следует.

В пятницу, 24 января, в Вашингтон на встречу с Уорреном и Рэнкином прибыла делегация из Техаса – генеральный прокурор штата Карр и окружной прокурор Далласа Уэйд. Техасцы предупредили, что сплетни об Освальде стремительно расползаются по Далласу, причем подробности – сумма ежемесячного платежа в 200 долларов, номер агента – звучат на удивление убедительно. Уэйд добавил, что слышал также версию, будто Освальд был информатором ЦРУ. Карр и Уэйд утверждали, что несколько репортеров в городе занимаются распространением всех этих слухов, но имя назвали только одно: Лонни Хадкинс из The Houston Post. Встревожившись пуще прежнего, Уоррен созвал заседание комиссии на ближайший понедельник.

За выходные новости о предполагаемой связи Освальда с ФБР успели прогреметь на всю страну – периодические издания наперебой таскали информацию друг у друга. Газета The New York Times пересказывала слухи, отмечая, что ФБР категорически отрицает какое-либо сотрудничество с Освальдом. Журнал Nation напечатал подробную статью, где перечислялись вопросы об Освальде, пока не имеющие ответа, включая вопрос о его возможных отношениях с ФБР; в статье цитировались репортажи Хадкинса, вышедшие в The Houston Post . Журнал Time тоже развивал сюжет, обратившись к Макклою за комментариями15 .

На совещании в понедельник Рэнкин строго сказал, что надо решить, как быть с этими слухами, то есть, по сути, как быть с Гувером. «Скверные пересуды уже пошли, никуда не денешься, и для комиссии это очень вредно, – говорил он. – Надо их как-то изжить, насколько возможно»16 .

Уоррен и Рэнкин подумывали просить о помощи Роберта Кеннеди – как человека, стоящего над Гувером на иерархической лестнице Министерства юстиции. Но генеральный прокурор США, похоже, тоже побаивался Гувера. О том, что Кеннеди не горит желанием призвать к ответу директора ФБР, сообщил Уилленс, по-прежнему отчитывавшийся перед министерством. Он передал Уоррену и Рэнкину, что генпрокурору неудобно спрашивать Гувера, правду ли болтают, что Освальд был осведомителем ФБР, поскольку подобный разговор «поставит его в неловкое положение» и «очень сильно осложнит ему работу в министерстве на все время, оставшееся до конца срока»17 .

Рэнкин предложил исходить из того, что у них осталось два варианта. Первый: он в частном порядке встретится с Гувером как представитель комиссии. «Я буду откровенен и скажу ему», что ФБР должно провести внутреннее расследование и разобраться, откуда пошли слухи, а также что Гуверу надлежит предоставить комиссии «все имеющиеся в распоряжении Бюро материалы и записи, доказывающие, что это никак не может быть правдой», сказал Рэнкин. «Простого заявления от Гувера», что подобные обвинения беспочвенны, будет недостаточно, добавил он и перешел ко второму варианту. Комиссия может разобраться во всем сама, а потом уже трясти Гувера. Сначала они побеседуют с хьюстонским репортером Хадкинсом, а потом с сотрудниками ФБР, «снизу вверх по служебной лестнице» вплоть до директора18 .

Председатель Верховного суда высказался за второй вариант. «На мой взгляд, справедливо было бы самим попытаться выяснить, правда это или пустые домыслы», прежде чем вызывать директора ФБР на поединок19 .

Боггс сообразил, что среди членов комиссии присутствует специалист по делам, связанным с осведомителями спецслужб, – Даллес всю жизнь служил в ЦРУ и работал с информацией, поступающей из засекреченных источников. Боггс повернулся к бывшему начальнику шпионов и поинтересовался, есть ли у ЦРУ информаторы, защищенные столь надежно, что ни на едином клочке бумаги их связь с Управлением не зафиксирована:

– А бывают у вас там агенты, вообще ни в каких документах не фигурирующие?

– На бумаге они могут и не числиться, – ответил Даллес и объяснил, что членам комиссии придется принять как факт возможность связи между Освальдом и ФБР. Даже если он и был их информатором, они просто солгут – станут все отрицать, и ничего уже не докажешь. В ЦРУ, признался Даллес, он и сам готов был врать в лицо хоть министрам, лишь бы защитить ценный источник. Верховный шпион государства обязан говорить чистую правду только президенту.

– Он меня контролирует, – сказал Даллес. – Он мой босс. А остальным я могу и не говорить всего, если только президент не даст

на то специальное разрешение. У нас иногда возникали такие ситуации.

Не исключено, продолжал Даллес, что Гуверу сейчас кажется, будто он угодил в аналогичное положение.

– Так что истину нам не установить, – резюмировал он.

У комиссии, по мнению Даллеса, не оставалось выбора, кроме как положиться на слово Гувера.

– Я бы поверил мистеру Гуверу, – заметил Даллес. – Но кто-то может и не поверить.

Рассел, видимо, даже здесь, в конференц-зале комиссии, в обстановке строжайшей конфиденциальности, не забывал о необходимости аккуратно выбирать слова, когда речь заходит о директоре ФБР.

– На службе федерального правительства нет человека, более уважаемого американской общественностью, чем Эдгар Гувер20 , – начал он, словно перестраховываясь на случай, если протокол заседания все же когда-нибудь просочится в печать.

Однако он согласился с Уорреном и остальными, что комиссии стоило бы все выяснить самостоятельно.

– Можно попросить аффидевит у мистера Гувера и добавить его к материалам расследования.

Но если они удовлетворятся только этим, есть риск, что грядущие поколения сурово осудят комиссию Уоррена:

– Все равно тысячами будут исчисляться Фомы неверующие, убежденные, что Гувер солгал, а комиссия не удосужилась расставить все по местам.

Рэнкин признался, что его беспокоит, как отреагирует Гувер. Вдруг директор ФБР решит, что «мы и в самом деле его подозреваем».

Уоррен:

– Если вы ему скажете, что мы выезжаем на место разбираться, это как раз

и будет означать, что мы его подозреваем, не так ли?

Рэнкин:

– Само собой разумеется[21].

Этот разговор вынуждал их четко определиться наконец с вопросом доверия. Допустимо ли перепоручать ФБР львиную долю столь важной для комиссии следственной работы, притом что Бюро упорно стремится доказать, что Освальд действовал один?

– Они решили, что убийство совершил Освальд и что никто более к этому делу не причастен, – напомнил Рэнкин.

Рассел:

– Они провели расследование и вынесли безоговорочный вердикт.

Боггс:

– Совершенно верно.

Уоррен решил поручить Рэнкину объясниться с Гувером напрямую. И уточнил, чего именно хочет от Рэнкина:

– Идите к мистеру Гуверу и скажите: «Мистер Гувер, как вам известно, Даллас и окрестности полнятся слухами о том, что Освальд был тайным агентом ФБР. Национальная пресса уже подхватила новости»[22].

Рэнкин, продолжал он, должен взять с Гувера клятвенное обещание, что «вы предоставите нам всю информацию, необходимую для полного и подробного выяснения обстоятельств». Члены комиссии единодушно проголосовали за то, чтобы Рэнкин завтра же отправился разговаривать с Гувером от их имени.

Глава 16

Кабинет директора Федерального Бюро Расследований

Вашингтон

28 января 1964 года, вторник

Во вторник, 28 января, в три часа пополудни Рэнкина проводили в офис Гувера в здании Министерства юстиции[1]. Здесь он неоднократно бывал и раньше, пока работал в министерстве во время президентского срока Эйзенхауэра.

Некоторые заместители Гувера считали помещения офиса с их потрепанными мягкими диванчиками для посетителей на удивление непритязательными. Замдиректора Карфа Делоак полагал, что выбор мебели неслучаен: она должна была символизировать «категорическое неприятие легкомыслия»[2]. В приемной, за рабочим местом бессменного секретаря Гувера Хелен Гэнди, стояли два стандартных серых картотечных шкафа, где хранились так называемые официальные и конфиденциальные досье, настолько секретные, что держать их где положено, вместе с прочими служебными документами, не представлялось возможным[3]. Сотни досье содержали порочащую информацию частного характера о политиках и других известных людях, включая, как потом выяснилось, и нескольких членов комиссии Уоррена.

Переступив порог кабинета и увидев стоящий на небольшом возвышении письменный стол, над которым нависала мрачная бульдожья физиономия Гувера, посетитель чувствовал себя так, словно очутился в чертогах Великого и Ужасного волшебника Оз, рассказывал Делоак. И это тоже был намеренный эффект[4]. По словам Делоака, сотрудники ФБР «никогда не расслаблялись в присутствии Гувера»: «Агенты взирали на него с благоговейным ужасом. Ты ощущал себя крошечным винтиком в гигантском механизме вселенной. Твое существование зависело от его каприза: при желании он мог щелкнуть пальцами – и все, тебя нет»[5].

Рэнкин сел и пару минут спустя понял: если их с Гувером и связывало что-то вроде дружеских отношений, теперь это все в прошлом. Как и председателя Верховного суда Уоррена, его зачислили в ряды врагов, «настроенных против ФБР и лично против Гувера», делился впечатлениями Рэнкин[6].

Для начала он объяснил причину своего визита. Он сказал Гуверу, что комиссия с нетерпением ждет, когда же ФБР опровергнет слухи о сотрудничестве с Освальдом – и хорошо бы сделать это как можно скорее. Комиссия, продолжал он, старается проявлять максимум деликатности, чтобы, не дай бог, не поставить Бюро в неловкое положение; особенно хотелось бы избежать любых намеков, что будто бы ФБР у комиссии на подозрении.

Судя по личным записям Гувера, ответил он очень холодно и без обиняков. Его явно оскорбило предположение, будто ФБР опустилось до связи с таким человеком, как Освальд. Сама мысль о подобном абсурдна, сказал он. «Я заявил Рэнкину, что Ли Харви Освальд никогда, даже временно, не являлся ни тайным осведомителем, ни секретным агентом, ни даже одноразовым источником информации для ФБР, и потребовал четко отразить мои слова в протоколе комиссии, а также выразил готовность повторить их под присягой», – извещал Гувер своих заместителей в служебной записке7 .

Встретившись с Рэнкином, Гувер не преминул воспользоваться случаем, чтобы высказать свои претензии к комиссии и председателю Верховного суда, который, по его мнению, был занят едва завуалированной публичной критикой ФБР. Гувер все еще злился на Уоррена за то, что он назвал декабрьский предварительный отчет Бюро «скудным». Директор напомнил Рэнкину о бесконечных требованиях, предъявляемых комиссией его агентам в Далласе и других городах. Ведь Рэнкин сам каждый день – а то и по нескольку раз на дню – слал лично Гуверу письма, из которых следовало, что Бюро опять должно проработать какую-то новую зацепку или свидетеля. Гувер «жаловался, сколько человеко-часов мы у него отнимаем и какая это страшная нагрузка для ФБР», вспоминал Рэнкин.

Кабинет директора он покинул в унынии, понимая, что еще не один месяц придется прикладывать все усилия, дабы избежать «открытой ссоры» с ФБР. Отныне сотрудники Бюро станут реагировать на запросы «сварливо» и выполнять их «неохотно», притом что комиссия по-прежнему будет вынуждена доверять им почти всю базовую следственную работу8 .

Сотрудники Бюро, воспринимавшие Гувера критически, а также

и некоторые из его преданных помощников дивились способности директора использовать один и тот же набор фактов для доказательства разных тезисов перед разными аудиториями. Овладел он этим искусством, еще когда учился в вашингтонской Центральной общеобразовательной школе, где был лучшим в непобедимой школьной команде по дебатам. Пройденный там курс риторики и дебатов он и десятилетия спустя вспоминал с благодарностью9.

После убийства Кеннеди он демонстрировал эту свою удивительную сноровку по полной программе. На публике Гувер чрезвычайно убедительно расписывал, как ФБР оказывает всемерную поддержку комиссии Уоррена. ФБР нечего скрывать, твердил он, потому что наблюдение за Освальдом до убийства Кеннеди велось по всем правилам. И комиссии, и Белому дому, и вашингтонскому пресс-корпусу он внушал, что ФБР не допустило ни одной серьезной ошибки. Поскольку Освальд ни по каким признакам не представлял угрозы, Бюро и не видело нужды перед визитом Кеннеди оповещать Секретную службу о его присутствии в Далласе. «Вплоть до момента убийства не было никаких оснований полагать, что этот человек опасен и способен причинить вред президенту», – позже скажет он комиссии под присягой10 .

Однако за закрытыми дверями Гувер делился со своими заместителями прямо противоположным мнением. Спустя всего несколько дней после убийства он уже пришел к выводу, что ФБР, по сути, запороло слежку за Освальдом и потому многие агенты, а также их руководители должны понести наказание. В конце ноября он велел инспекционному отделу Бюро определить, имели ли место «следственные ошибки в деле Освальда»11 . Ответ стал ясен 10 декабря, когда начальник отдела, заместитель директора Джеймс Гейл, в стенах конторы известный под прозвищем Барракуда, доложил, что серьезные упущения действительно обнаружены в работе целого ряда сотрудников, в том числе агентов в Далласе и Новом Орлеане, недостаточно пристально следивших за Освальдом12 .

Гейл рекомендовал дисциплинарные взыскания, но предупредил, что рискованно кого-либо наказывать, пока комиссия Уоррена не закончит свое расследование. Если о наказаниях станет известно за пределами Бюро, заверения Гувера, будто ФБР ни в чем не виновато, будут выглядеть не слишком правдоподобно. Но Гувер от опасений заместителя лишь отмахнулся. Наказания последуют незамедлительно, поскольку «нельзя

закрывать глаза на столь вопиющую некомпетентность, и откладывать административные меры тоже нельзя», написал он Гейлу13 .

Делоак уговаривал босса подумать еще раз. Стоит новостям о дисциплинарных взысканиях просочиться за стены Бюро, и это расценят «как откровенное признание, что мы допустили халатность, которая, возможно, и привела к гибели президента», писал он. Но Гувер уже принял решение и ответил заместителю: «Не согласен».

Делоак видел, что Гувер отчаянно ищет козла отпущения – на кого-то же нужно было повесить неоспоримый факт, что человек, находившийся под наблюдением ФБР осенью 1963 года, избежал надзора агентов на время, достаточное, чтобы застрелить президента Соединенных Штатов. «Над его конторой сгущались тучи, – вспоминал Делоак. – И он не желал весь груз вины взваливать на себя. Предпочел распределить его на всех вокруг»14 .

В течение нескольких дней семнадцать сотрудников Бюро в Далласе и других городах получили – в частном порядке – уведомление о дисциплинарном взыскании «в связи с недочетами в наблюдении за Освальдом». В список провинившихся попал и Джеймс Хости, агент, который «вел» Освальда в Далласе. Наказанным сотрудникам разъяснили, что в числе их упущений – решение не вносить Освальда в Индекс безопасности (перечень имен, подлежавший передаче в Секретную службу перед визитом Кеннеди в Даллас).

Хотя во всеуслышание он громко заявлял обратное, на самом деле Гувер считал, что имя Освальда должно было фигурировать в Индексе и, следовательно, дойти до сведения Секретной службы. «То, что внести его не удосужились, – верх глупости, – писал глава ФБР. – Уж конечно, ни один человек в здравом уме не решил бы, что Освальд не соответствует критериям Индекса»15 .

По второму ключевому вопросу расследования официальные и неофициальные высказывания Гувера полностью совпадали. Он категорически утверждал, что Освальд действовал один. Как он и сообщил комиссии, Гувер не находил в деле «ни малейшей улики,

свидетельствующей об иностранном или внутреннем заговоре» с целью ликвидировать президента16.

За уикенд сразу после убийства гуверовская теория о снайпере-одиночке успела прижиться в Бюро. В субботу, 23 ноября, ФБР телеграфом оповестило своих полевых агентов по всей стране о том, что Освальд – «главный подозреваемый в убийстве» и агенты могут «возобновить контакты с информаторами и прочими источниками в обычном режиме». Иными словами, преступник под арестом, так что сотрудники, не задействованные непосредственно в расследовании, должны вернуться к текущим делам.

Судя по архивам Гувера, после того как утихли первые суматошные перезвоны с президентом Джонсоном в конце ноября, директор ФБР серьезно не рассматривал гипотезу о причастности Советского Союза к трагедии. Еще меньше подозрений у него – как и у его старого приятеля Джеймса Энглтона из ЦРУ – вызывала кубинская версия, несмотря на то что множество вопросов насчет путешествия Освальда в Мехико и его контактов со сторонниками Кастро в США так и оставалось без ответа. Да и вообще в ФБР наблюдалась примерно та же картина, что и в ЦРУ: если тема возможного участия СССР в убийстве хотя бы затрагивалась, то о кубинцах вообще едва упоминали. Отдел внутренней разведки ФБР, отвечавший за сбор материалов об Освальде, попросил команду своих вашингтонских специалистов по СССР и КГБ перепроверить все данные о пребывании Освальда в Союзе и поискать потенциальные связи с русскими агентами в США, но эксперты так и не обнаружили ни единого аргумента в пользу версии советского заговора. А вот аналитикам контрразведки ФБР, специализировавшимся по Кубе, как впоследствии выяснили следователи Конгресса, подобных запросов не поступало – их, по сути, попросту не допустили к расследованию17 .

Спустя годы один старший специальный агент, слывший в Бюро лучшим аналитиком по Фиделю Кастро и кубинскому правительству, сказал на допросе, что его ни разу не приглашали в штаб-квартиру ФБР на какие-либо совещания, где обсуждалось бы убийство Кеннеди. А сам он не стал заниматься этими вопросами. Аналитик признавался, что не потрудился даже поднять и пересмотреть подборку прессы о Кастро за предшествовавшие убийству недели, чтобы проверить, не пропустило ли

ФБР какой зацепки. Он не помнил, чтобы ему попадалась на глаза настораживающая статья в Associated Press за 8 сентября 1963 года18 . Корреспондент Associated Press взял интервью у Кастро на приеме в бразильском посольстве в Гаване. В этом интервью Кастро заявлял: он знает, что администрация Кеннеди шлет к нему убийц, и готов ответить взаимностью. «Первые лица США должны понимать, что, пособничая террористическим планам по уничтожению первых лиц Кубы, они и собственной головой рискуют» – так в статье цитировались слова Кастро. Историю с энтузиазмом подхватила газета The New Orleans Times-Picayune , которую Освальд, как раз живший в то время в Новом Орлеане, постоянно читал – о чем было известно. Впоследствии упомянутый аналитик ФБР подтвердил: «теперь-то очевидно – это звучит как предупреждение» за три месяца до убийства, что жизнь Кеннеди, возможно, в опасности.

Весть о том, что Гувер настаивает на версии об убийце-одиночке, достигла Мехико, где под прикрытием посольства США работало больше десятка агентов и сотрудников Бюро. В результате мексиканским путешествием Освальда там изначально особо никто и не занимался. Через несколько дней после приезда Освальда в конце сентября старший офицер ФБР в посольстве, Кларк Андерсон, 22 года прослуживший в Бюро и числившийся в дипкорпусе как атташе по правовым вопросам, узнал о его присутствии в городе. В октябре Андерсон получил от своего коллеги из ЦРУ Уинстона Скотта подробный отчет о визитах Освальда в посольства Кубы и СССР. Сам он вспоминал позднее, что не задавался тогда вопросом, как именно ЦРУ удалось эти визиты засечь. Со Скоттом у него были хорошие, но не слишком близкие отношения, так что о сложнейшей системе электронной разведки Андерсон в то время, как он уверял, ни сном ни духом не подозревал. Это все дела ЦРУ, которые его не касались, сказал он19 .

В штаб-квартире ФБР о путешествии Освальда знали за несколько недель до убийства Кеннеди. 18 октября Андерсон отправил в Вашингтон докладную, где сообщалось все, что было известно о его пребывании в Мехико20 . Там же упоминалась его встреча 28 сентября в советском посольстве с дипломатом Валерием Владимировичем Костиковым, по имеющимся сведениям, оперативником КГБ высокого ранга. В ЦРУ считали, что Костиков – агент 13-го отдела, отвечавшего за политические убийства и похищения за рубежом. В посольстве он работал под легендой рядового сотрудника дипломатического корпуса.

Вопрос, какую конкретно информацию о связях между Освальдом и Костиковым раздобыло ЦРУ и почему штаб-квартира ФБР не поспешила поделиться ею с полевыми агентами в Далласе, когда планировался визит Кеннеди, так и не прояснился до конца. Вероятно, в этом отчасти повинен бюрократический склероз ФБР – сверхсекретные данные зачастую перемещались по их внутренним каналам слишком медленно.

Судя по запросам, направленным Андерсону и его коллегам в посольстве, штаб-квартира ФБР, похоже, уже через несколько дней после убийства полностью утратила интерес к Мехико. Четкие приказы расследовать тот или иной аспект дела приходили из Вашингтона, насколько помнил Андерсон, от силы пару раз. И уж тем более никто не побуждал его тесно сотрудничать с ЦРУ, чтобы проработать ту или иную зацепку относительно Освальда. Более того, по словам Андерсона, они со Скоттом даже не обсуждали убийство президента между собой, в частном порядке, – только на совещаниях с послом США Томасом Манном, где оба присутствовали. Свое общение со Скоттом по этому поводу Андерсон описывал так: «По-моему, мы ни разу не сели вдвоем поговорить, разложить все по полочкам21. Не помню, чтобы Скотт рассказывал, что они там вообще ведут какое-то расследование»22. Что же до следственной работы ФБР в Мехико, продолжал он, то она сводилась в основном к выяснению, куда Освальд ездил, пока был в городе, и сопровождал ли его кто-нибудь. Но и в этих скромных пределах их успехи оставляли желать лучшего.

«Вроде мы так и не отследили всех его перемещений за время пребывания в Мехико»23 , – спустя годы признавался Андерсон. Точно его агенты установили только даты, когда Освальд прибыл в город (26 сентября, суббота) и когда пересек границу США в обратном направлении (3 октября, суббота), а также адрес и название гостиницы («Отель де Комерсио»), где он снимал номер за 1 доллар 28 центов в день24 . «Мы засекли его въезд, выезд и место проживания», – говорил Андерсон.

Андерсон, почти всю карьеру отслуживший за пределами Соединенных Штатов (в том числе представителем ФБР в американском посольстве в Гаване с 1945 по 1955 год), утверждал, что, если Освальд и водил в Мехико какое-то подозрительное знакомство с кубинскими

или советскими агентами, заниматься этим должно было ЦРУ, а не ФБР[25] .

Но были в посольстве и люди, которых, в отличие от Андерсона и его коллег по ФБР, гипотеза о том, что заговор с целью ликвидации Кеннеди зародился именно в Мехико, очень даже беспокоила. Больше всех тревожился Томас Манн – в декабре Андерсон просил штаб-квартиру помочь ему «утихомирить» посла. Опытный дипломат 51 года, Манн был дружен с президентом Джонсоном (именно Джонсон в 1961 году рекомендовал Кеннеди назначить послом в Мексике Манна, его соотечественника-техасца, эксперта по Латинской Америке).

Почти с самого момента трагедии Манн был убежден, что за убийством президента стоит Кастро и поездка Освальда в Мексику как-то связана с заговором. Он недоумевал, почему же ни ФБР, ни ЦРУ не разделяют его подозрений – или по крайней мере не стремятся их поскорее проверить. Он неоднократно вызывал к себе Скотта и Андерсона, чтобы изложить им свою теорию заговора. Писал им, что хотел бы узнать побольше о «неразборчивой в связях» молодой мексиканке Сильвии Тирадо Дюран, которая работала в консульском отделе кубинского посольства и общалась с Освальдом[26] . (Манн располагал информацией о романе Дюран с бывшим послом Кубы в Мексике.)

Скотта, начальника резидентуры ЦРУ, Манн очень хвалил, когда в день убийства Кеннеди тот сразу же потребовал от мексиканских властей арестовать и допросить Дюран. Посол говорил коллегам, что «нутром чует»: Дюран лгала, утверждая, будто общалась с Освальдом исключительно по поводу его заявки на получение кубинской визы[27] . Андерсон честно передавал панические теории Манна в штаб-квартиру ФБР. В рапорте, отправленном в Вашингтон через два дня после убийства, он докладывал: Манн считает, что Советский Союз «слишком изощрен», чтобы участвовать в покушении на Кеннеди, но вот Кастро «вполне хватило бы глупости ввязаться». Посол предполагал, что Освальд наведался в Мехико с целью обеспечить «пути отхода» после выполнения миссии. Согласно докладной Андерсона, Манн просил ФБР и ЦРУ приложить все усилия, чтобы подтвердить или опровергнуть причастность Кубы к преступлению. По настоянию Манна Андерсон отправил в штаб-квартиру телеграмму, в которой выдвигал на рассмотрение Бюро

предложение «перетрясти всех кубинских информаторов в США, чтобы принять или отвергнуть» гипотезу посла о том, что за убийством стоит Кастро. Штаб-квартира моментально выдала отрицательный ответ. «Нежелательно, – телеграфировал старший спецагент из Вашингтона. – Подстегнет распространение слухов»28 .

26 ноября Манн получил ошеломляющее известие, которое, по его мнению, доказывало, что не зря он так тревожился насчет кубинского заговора. 23-летний Хильберто Альварадо29 , работавший в Мехико разведчик из Никарагуа, позвонил в посольство США и описал эпизод, означавший (если он действительно имел место), что правительство Кастро заплатило Освальду крупную сумму. Альварадо, в прошлом контактировавший с ЦРУ, рассказал следующее: в сентябре, когда он находился в посольстве Кубы в Мехико, некий «рыжеволосый негр» у него на глазах передал Освальду шесть с половиной тысяч долларов наличными – не исключено, что это была предоплата за убийство. Самого его привела в кубинское посольство тайная миссия, порученная ему правительством Никарагуа, яростно ненавидевшим коммунистов, пояснил Альварадо.

В срочной депеше Госдепартаменту Манн подчеркивал, что в рассказе никарагуанца особенно впечатляют детали, включая «безалаберную манеру, в какой, по описанию Альварадо, деньги передавались Освальду»30 . Это отлично укладывалось в представление Манна о Кастро, которого он пренебрежительно характеризовал как «типичного латиноамериканского экстремиста, руководствующегося скорее инстинктами, нежели интеллектом, и явно не склонного трезво оценивать риски».

Манн узнал и еще одну новость, которую счел весьма настораживающей. 26 ноября ЦРУ тайно записало телефонный разговор президента Кубы Освальдо Дортикоса с кубинским послом в Мексике Хоакином Армасом. Армас пересказывал вопросы, заданные мексиканцами Сильвии Дюран на допросе, – в частности, имела ли она «интимные отношения» с Освальдом и получал ли Освальд деньги от посольства. «Она все это отрицала», – с явным облегчением сказал по телефону Армас31 . Дортикос, однако, нервно допытывался, с чего это мексиканцы стали спрашивать о деньгах, – словно бы и впрямь какие-то платежи Освальду имели место. Манн послал в Вашингтон депешу, где говорилось, что, на его взгляд,

озабоченность Дортикоса «косвенно подтверждает рассказ Альварадо о передаче 6500 долларов»32 .

Вести о звонке Альварадо и растущих подозрениях Манна расползались за пределы Госдепартамента и наконец достигли Овального кабинета. (Президент Джонсон говорил, что передал слух о выплате 6500 долларов председателю Верховного суда Уоррену именно во время их встречи в Овальном кабинете.) Посольство США в Мехико целыми днями ломало голову, гадая, правду ли сказал Альварадо. В итоге Томас Манн, опасавшийся, что Бюро недостаточно полно его информирует, потребовал, чтобы ему в Мехико прислали инструктора ФБР из Вашингтона. Он старался добиться от Бюро более серьезного отношения к мексиканской линии расследования.

Тем временем в Вашингтоне Гувер чуть ли не с порога отметал гипотезы Манна о кубинском заговоре. Посол, «этот псевдосыщик, заигравшийся в Шерлока Холмса», пытается учить ФБР работать, писал он одному из своих замов. Однако необработанные разведданные об Альварадо он все же просмотрел и не мог отрицать, что утверждения никарагуанца как минимум нуждаются в проверке. Если они правдивы, «вся картина убийства предстанет в новом свете», признал он33. И согласился командировать инструктора из Академии ФБР в Куантико (штат Виргиния). Инструктор по имени Лоуренс Кинан ничего не знал о расследовании по делу Освальда, зато владел испанским языком.

Кинан, прослуживший в ФБР более десяти лет, впоследствии вспоминал эту командировку как самые странные и тревожные дни за всю его карьеру. По его словам, на месте он не разобрался и лишь много лет спустя осознал, что его заставили играть в спектакле, призванном не допустить обнаружения всей правды о пребывании Освальда в Мехико. Спектакль, считал он, понадобился для того, чтобы исключить перспективу ядерной войны с Кубой. «Я понял, что меня использовали», – сказал Кинан34 .

Задание ему дали около одиннадцати утра в среду, 27 ноября, а в четыре пополудни он уже садился на самолет в Мехико. Перед отъездом он выслушал в Вашингтоне «предельно краткий инструктаж» о расследовании убийства и истории с Альварадо. «Меня назначили единолично руководить

расследованием в Мехико».

«У меня даже не было ни визы, ни паспорта», – рассказывал Кинан, вспоминая, как жена привезла ему на работу чемодан и свежий костюм, чтобы он переоделся, прежде чем нестись на свой рейс за окраину Вашингтона, в международный аэропорт Даллеса[4]. «Я сел в служебную машину, и мы помчались в Даллес через все пробки с завывающей сиреной»35 .

В Мехико он прилетел поздно вечером. Из аэропорта его забирал старый приятель – Андерсон. По словам Кинана, они просидели «до глубокой ночи», обсуждая мексиканскую линию расследования. Кинан решил, что в Мехико ему надлежит выполнить две основные задачи. Во-первых, нужно пытаться разговорить Альварадо, чтобы определить, насколько тому можно доверять. Во-вторых, он должен защитить репутацию Бюро. А то посол Манн все боится, что они что-то упустили, – и как бы это потом не привело «к обвинениям в небрежном отношении к расследованию». Кинан приехал, по его собственному выражению, «чтобы прикрыть своих и успокоить посла»36 .

На следующее утро Кинан встретился в кабинете посла с Манном и Скоттом. Манн «высказал свою точку зрения: по его ощущениям, заговор точно существовал, и мы обязаны были перевернуть каждый камешек в поисках злого умысла со стороны кубинцев», рассказывал Кинан. Посол обратил его внимание на сентябрьскую статью в Associated Press, где цитировались вполне откровенные угрозы Кастро в адрес Кеннеди.

Затем выступил с речью Кинан, повторив все то, что услышал накануне в Вашингтоне: ФБР уверено, что заговора не было. «Абсолютно все данные, добытые нами в Вашингтоне, Далласе и других местах, указывают на работу снайпера-одиночки, – сказал он Манну. – Все-таки это, скорее всего, личная инициатива – дьявольски меткий выстрел».

Тем не менее, продолжал Кинан, он готов поговорить с Альварадо для очистки совести – «чтоб уж действительно каждый камешек был перевернут». Он обратился к Скотту, который держал никарагуанского шпиона в одной из охраняемых квартир ЦРУ в Мехико: «Нам очень хотелось бы организовать встречу с Альварадо, чтобы расспросить его лично». Что ответил Скотт, он не запомнил. «Он был не слишком

разговорчив», – говорил инструктор о главе резидентуры.

От имени штаб-квартиры Кинан сообщил послу еще и следующее: посольство должно понимать, что ФБР не считает своей обязанностью расследование деятельности Освальда в Мехико. Это работа ЦРУ.

В тот же день, еще до вечера, Кинана ожидал шокирующий сюрприз. Всего через пару часов после совещания он узнал, что ЦРУ решило передать Альварадо мексиканским властям, чтобы те дальше сами его допрашивали. ФБР просто не дали возможности с ним встретиться. Кинан назвал поведение ЦРУ «в высшей степени странным». «Но я не вправе с уверенностью заявлять, что это была именно попытка сорвать мое расследование».

Вскоре Кинан обнаружил, что расследовать-то ему практически и нечего, особенно после того, как ЦРУ объявило отбой тревоги, поднятой Альварадо. 30 ноября мексиканские власти сообщили ЦРУ: Альварадо отказался от своих слов и признался, что выдумал всю историю о деньгах, якобы переданных кубинцами Освальду. Согласно отчету Управления, он действовал «из ненависти к Кастро и в надежде, что, если ему поверят, американцы зададут жару Кубе»37 . С отступничеством Альварадо «напряжение спало», вспоминал Кинан. «С этого момента мне, собственно, было нечего больше координировать – да и вообще нечего там делать»38 . Он покинул Мексику 2 декабря, через пять дней после прибытия, и больше никогда не сталкивался с расследованием по делу Освальда. (В день возвращения Кинана в Вашингтон Альварадо, отныне официально дискредитированный мексиканцами и ЦРУ, снова поменял показания и настаивал на изначальном варианте: он все-таки видел, как Освальд брал деньги у кубинцев. Никарагуанский разведчик уверял, что отказался от своей истории лишь потому, что мексиканские следователи грозили ему пытками, обещая «подвесить за яйца».)

По возвращении Кинан нашел в рабочем почтовом ящике уведомление о срочном переводе – его отправляли инструктором в периферийное отделение ФБР в Сан-Хуане, в Пуэрто-Рико. Это было «чудесное место», о котором он всегда мечтал – особенно в преддверии очередной суровой зимы на Восточном побережье39 . В Сан-Хуане его ждали через четыре дня.

Кинан уехал из Вашингтона слишком быстро – даже не успел доложить в штаб-квартиру ФБР, что ему удалось выяснить по расследованию дела Освальда в Мехико. Так и увез с собой, в числе прочего, чрезвычайно любопытные сведения о молодой мексиканке Сильвии Дюран. А о ней ходили сплетни, что она агент низшего ранга, работающий на мексиканские спецслужбы «и, возможно, на ЦРУ». Как выразился Кинан много лет спустя, Дюран стояла «очень далеко от верхушки» в иерархии кубинского посольства: «Сомневаюсь, что она когда-либо имела доступ к засекреченной информации». Он, впрочем, не помнил, чтобы кто-нибудь намекал на какие-то отношения между Дюран и Освальдом, если не считать их встреч в консульском отделе. И вроде бы его не посещали подозрения, что ЦРУ не допрашивало Дюран – и фэбээровцам этого не позволило, – поскольку она была информатором Управления.

Манн тоже спешно покинул Мехико. 14 декабря президент Джонсон устроил старому другу повышение – предложил ему пост помощника госсекретаря по делам Латинской Америки плюс дополнительный пост специального помощника президента40. Перед отъездом из Мексики Манн жаловался коллегам в посольстве, что остался недоволен расследованием убийства Кеннеди, однако вынужден оставить попытки докопаться до сути произошедшего в Мехико. Что ж, по крайней мере, если появятся новые доказательства заговора, то близость к президенту на новом месте как раз и пригодится.

В декабре в одной из последних своих депеш Госдепартаменту из Мехико Манн писал, что, увы, не рассчитывает «выяснить что-либо определенное по важнейшему вопросу» кубинского заговора с целью ликвидации президента41 . По прошествии многих лет один американский репортер цитировал слова Манна, назвавшего «самым странным явлением в своей жизни» явное нежелание ЦРУ и ФБР разобраться до конца, что же все-таки случилось в Мехико42 .

Глава 17

Офис комиссии

Вашингтон, округ Колумбия

январь 1964 года

Фрэнсис Адамс, бывший комиссар полиции Нью-Йорка, был на голову выше остальных штатных сотрудников комиссии: 59 лет и под два метра ростом. Арлен Спектер, младший юрист в команде, ответственной за воссоздание картины убийства, говорил, что Адамс выглядел громадным не только из-за своего роста, но и из-за ощущения собственной важности. Это был «типичный влиятельный юрист с Уолл-стрит» – он не сомневался, что может подчинить своей воле любого, вспоминал Спектер1 .

Со временем Спектер проникся к Адамсу уважением невзирая на высокомерие старшего коллеги. Адамс не скрывал своего презрения ко всем географическим точкам кроме Нью-Йорка, но Спектер, уроженец штата Канзас, находил такой урбанистический шовинизм забавным, а вовсе не оскорбительным. Во время их первой встречи Адамс проглядел резюме Спектера и заметил, что молодой адвокат, сын украинского эмигранта, торговца фруктами, родился в городе Уичито.

– Уичито? – сухо осведомился Адамс. – Куда же это ваша мать тогда ехала?

Адамс появился в Вашингтоне через несколько дней после того, как Спектер начал работать в офисе комиссии. Он объяснил, что, по его ощущениям, расследование может двигаться очень быстро, поскольку вина Освальда абсолютно очевидна. «Он сказал: “Это еще одно простое дело об убийстве”», – вспоминал Спектер.

Самомнение Адамса было отчасти заслуженным, и Спектер это знал. За бурные полтора года в должности комиссара полиции Нью-Йорка, начиная с января 1954-го, Адамс предпринял поистине исторические шаги по искоренению коррупции в полицейских подразделениях2 . Он остановил зарождавшуюся волну преступности, заставив сотни полицейских выйти из своих кабинетов и отправиться патрулировать улицы города, чем завоевал всеобщее уважение. Покинув пост комиссара

полиции, он стал одним из самых востребованных и высокооплачиваемых адвокатов в городе.

Спектер вспоминал, как они вместе с Адамсом отправились пообедать на Лафайет-сквер, в дорогой французский ресторан всего в паре кварталов от Белого дома («в другие рестораны Фрэнк Адамс просто не ходил»), и Адамс настоял на том, чтобы взять такси. Он похвалялся Спектеру, что может себе это позволить, поскольку «его ежедневный заработок в суде составляет две с половиной тысячи долларов». От такой «астрономической суммы» у Спектера перехватило дыхание. Адамс зарабатывал в день больше, чем Спектер за месяц работы в штате комиссии3 .

Почти с самого начала работы в комиссии Адамс почувствовал себя некомфортно. Задание было весьма непростым. Он и Спектер должны были выстроить детальную, посекундную хронологию событий в день убийства, а заодно описать и проанализировать данные медицинской и баллистической экспертиз. Адамс, однако, «не горел желанием разбираться в деталях», рассказывал Спектер. У себя в юридической конторе он руководил работой пяти или шести помощников одновременно, когда готовил дело к суду, говорил он Спектеру. Но в комиссии их было только двое: он и Спектер. «Он не привык работать над длительными проектами, имея под рукой только одного помощника, да еще такого молодого», – рассказывал Спектер.

Вскоре Адамс завел свой распорядок работы. Обычно он приезжал в офис комиссии после одиннадцати утра, «немного общался с сотрудниками, пролистывал какую-нибудь папку и звонил в нью-йоркский офис своей конторы, чтобы только найти повод убежать», вспоминал Спектер. В ту зиму в Нью-Йорке у Адамса было полно дел в судах, о чем он сказал Спектеру еще в начале января. «Адамс сразу же сообщил мне, что с середины февраля – всего через пять недель – он будет занят на крупном антимонопольном процессе и к тому времени рассчитывает закончить работу». У фирмы Адамса был офис в Вашингтоне, и он предпочитал проводить время там, нежели в тесном кабинете, который делил со Спектером на Капитолийском холме.

Спустя несколько недель Адамс совершенно пропал и, в сущности, забросил работу в комиссии. Он наезжал в Вашингтон несколько раз зимой

и весной, в том числе в один из мартовских дней, на который Спектер назначил допрос патологоанатомов, проводивших вскрытие президента. В тот момент, когда Спектер представлял врачей председателю Верховного суда, в комнату вошел Адамс. Он был настолько редкой птицей в офисе комиссии, что Уоррен его даже не узнал.

– Добрый день, доктор, – приветствовал Уоррен Адамса, который стоял тут же, обмирая от ужаса, ибо его не узнал сам председатель Верховного суда.

«Больше мы Адамса не видели», – рассказывал Спектер.

Исчезновение Адамса ничуть не смутило Спектера, о котором большинство из коллег отзывались как о невероятно уверенном в себе молодом человеке, уникальном в своем роде. «Я подумал, что это большое преимущество, когда у вас нет необходимости работать с кем-то вместе, – пояснял он. – Я не должен был ни с кем делить свои обязанности. Я должен был просто их выполнять».

После первого собрания сотрудников комиссии в январе Уоррен мало общался с молодыми юристами, что многих из них расстраивало. Он делегировал полномочия через Рэнкина и двух его замов, чье влияние все усиливалось, – Редлика и Уилленса. Уоррен также часто встречался с несколькими «старшими» юристами, в особенности со своим старым другом Джозефом Боллом. Старые друзья любили вспоминать истории своей молодости – первые приключения на ниве юриспруденции в их родной Калифорнии. «Он был одним из самых славных людей, которых я знал, – говорил Болл об Уоррене. – Он был силен физически, морально и интеллектуально, и у него была широкая душа»4 .

Уоррен завел обыкновение приезжать в офис комиссии рано утром, обычно к восьми часам, а затем, примерно через час, отправлялся в Верховный суд, который располагался в двух кварталах от офиса комиссии. Около пяти он возвращался и часто проводил в комиссии еще несколько часов.

Из всех молодых адвокатов только Спектеру – поскольку Адамс исчез – доводилось лично работать с Уорреном. Как единственный член своей команды, Спектер должен был самостоятельно допрашивать многих ключевых свидетелей, и эти допросы часто прослушивал Уоррен. Спектеру

удалось установить доброжелательные, хотя и не особенно теплые, отношения с председателем Верховного суда. Уоррен привык к тому, что на людей в его присутствии нападал благоговейный трепет, и, несомненно, получал удовольствие от того, что, как правило, был центром беседы и задавал тему. Спектер, однако, утверждал, что никогда не чувствовал никакого трепета перед председателем Верховного суда и, если нужно, мог ему противоречить5 .

«Работать с Уорреном было очень увлекательно, – вспоминал Спектер годы спустя. – Мы чувствовали присутствие самой истории. Но с чего бы нам было трепетать? Мне нечего было его бояться. Порой он меня сердил».

Уже на первых этапах работы Спектер подружился с Дэвидом Белином, юристом из Айовы, отчасти, как казалось Спектеру, потому, что оба они были евреями, оба выросли на просторах Среднего Запада, где евреи были в новинку и к ним зачастую относились враждебно. Белин легко сходился с людьми, он был амбициозен и энергичен и наслаждался своим амплуа «сельского парня из Айовы», «деревенщины», вдруг попавшего в окружение юристов из Нью-Йорка и Вашингтона. Исчезновение Адамса возмутило его, и он подбивал Спектера протестовать. «Адамсу следовало предложить уволиться, когда стало ясно, что он не собирается выполнять своих обязанностей в комиссии», – говорил Белин позднее6. По счастью, его партнер по команде, Джозеф Болл, был всецело предан делу комиссии. Болл взял отпуск у себя на фирме на Лонг-Бич, и его калифорнийское обаяние и трудолюбие снискали ему популярность среди сотрудников комиссии. Спектеру Болл запомнился как «ангелоподобный, с искринкой в глазах» человек: «62 года, а женщины от него были без ума»7.

Болл и Белин отвечали за поиск доказательств того, что Освальд был убийцей. Они так сдружились, что Рэнкин и остальные произносили их имена в одно слово «Болл-Белин». Очень скоро Болл, Белин и Спектер увидели, где нити их расследования пересекаются, и решили разделить обязанности. Болл и Белин «занимались всеми свидетелями на месте убийства, за исключением тех, кто был в кортеже, которыми занимался я», то есть губернатора Коннелли и агентов Секретной службы, рассказывал Спектер.

В сферу ответственности Спектера также входило медицинское заключение, в том числе анализ результатов вскрытия в Медицинском центре ВМФ в Бетесде. Определение источника пуль – предположительно винтовки Освальда – осталось предметом расследования Болла и Белина. Что касается научной оценки использованного оружия, «мы решили, что полет пули будет разграничительной чертой», рассказывал Спектер. «Время до выхода пули из ствола было сферой ответственности Болла и Белина. Моя ответственность начиналась с момента, когда пуля настигала президента».

В первые дни расследования все трое были поглощены чтением. Болл и Белин потратили почти месяц на ознакомление с документами из Далласа, подготовленными ФБР и Секретной службой президента. Белин – совершенно неутомимый человек – завел систему карточек, которая позволяла проводить перекрестное сопоставление данных из разных агентств, «так что мы не должны были ничего читать дважды», рассказывал Болл.

Всех троих поражала уверенность ФБР в количестве и последовательности произведенных на Дили-Плаза выстрелов, в особенности потому, что, с их точки зрения, баллистические сведения были весьма противоречивы. Согласно ФБР, Освальд сделал три выстрела: первый попал президенту в верхнюю часть спины или нижний шейный отдел, второй поразил Коннелли, а третий попал президенту в голову, нанеся смертельную рану. Однако в отчетах ФБР не говорилось, каким образом все это было установлено.

В конце коридора в здании Организации ветеранов зарубежных войн Норман Редлик занимался подготовкой допроса Марины Освальд, с одержимостью исследуя факт за фактом. Он придумал сотни вопросов, которые можно было адресовать вдове Освальда. Он подготовил гигантскую диаграмму, на которой в хронологической последовательности были отмечены все значительные события ее жизни, от рождения в северном русском городе Молотовске[6] 17 июля 1941 года вплоть до момента покушения на президента в Далласе. Он составил списки вопросов, которые можно было ей задать по поводу главных событий двадцати двух лет ее жизни, разбив их на подгруппы, основанные

на сведениях, полученных от нее другими следователями. Марину Освальд можно было поймать на слове в отношении всего того, что она уже рассказала ФБР и Секретной службе президента, а также того, что о ней говорили другие8.

По этим вопросам было видно: Редлик подозревал, что Марина была не той невинной, всеми покинутой молодой женщиной, какой пыталась казаться. Он считал, что она могла быть неким тайным агентом русских: возможно, она завербовала мужа для шпионской деятельности на Советский Союз или же обманула ничего не подозревающего Освальда, чтобы он вывез ее в США с некой злонамеренной целью. «Если Ли был столь же неприятным типом в России, как и в США, трудно понять, что заставило Марину бросить семью и друзей, чтобы отправиться в чужую страну с таким неуравновешенным мужем, – писал Редлик на одном из листков с вопросами. – Я уверен, что мы должны попытаться понять, действительно ли Марина – простая “крестьянская” девушка, как о ней все думают».

Он хотел проверить на прочность тот образ Марины, который пыталась создать она сама, – «несчастная жена, которая пыталась помочь этому неуравновешенному человеку». У ФБР и Секретной службы сложился совсем иной ее портрет: эмоционально черствая, холодная, она пренебрежительно отзывалась о муже в его присутствии и в присутствии друзей – вплоть до замечаний о его сексуальной состоятельности. Редлик выделил вопросы об отношениях Марины с Рут Пейн. «Неоднократно высказывались мнения о том, что роль госпожи Пейн во всей этой истории была далеко не безобидной», – писал он, поясняя, что подозрения эти возникли отчасти потому, что родители Пейна были связаны с «радикальными» левыми политиками. Отец Майкла Пейна был заметной фигурой в Социалистической рабочей партии США.

Рэнкин и Редлик предложили другим юристам комиссии из сотрудников штата, придумать вопросы для Марины Освальд, и некоторые из них составили длинные списки. В служебной записке, приложенной к его списку, Спектер рекомендовал в первую очередь задать все ключевые вопросы, касающиеся ее мужа и убийства, поскольку другого шанса может не быть; он опасался, что ее тоже могут убить. «Она сама может стать объектом грязных игр, если кто-нибудь захочет заставить ее замолчать, чтобы что-то скрыть», – предупреждал Спектер. Если заговор привел

к смерти президента и подозреваемого убийцы, говорил он, жизнь Марины также может быть в опасности9 .

При всей амбициозности молодых юристов некоторые из них, к их удивлению, прекрасно сработались. А некоторые на всю жизнь остались близкими друзьями. «Почти каждый день мы бывали в кабинетах друг у друга, узнавали новые факты, спорили, обсуждали предварительные выводы или новые находки следствия», – вспоминал Белин. Часто юристы ходили вместе обедать в кафетерий национальной штаб-квартиры Объединенной методистской церкви, что располагалась в двух кварталах от офиса комиссии. Иногда они выходили вместе поужинать в ближайшие рестораны, что, по воспоминаниям Спектера, превращалось в «оперативные совещания» о ходе расследования.

Уоррен попросил директора Национального архива Уэйна Гровера порекомендовать ему историка для работы в комиссии, на что Гровер ответил, что лучшие историки выходят из стен Министерства обороны. Он порекомендовал двух историков из Пентагона, одного из армии, другого из ВВС. После собеседования Рэнкин посоветовал остановиться на кандидатуре историка из ВВС, 45-летнего Альфреда Голдберга, который умел шутить с самым невозмутимым видом и обладал чутьем репортера. Голдберг начинал как военный историк еще во время службы в армии в Европе в годы Второй мировой войны, а позднее получил докторскую степень по истории в Университете Джона Хопкинса10 .

На встречу с Уорреном его пригласили в палаты Верховного суда. Судья Уоррен показался ему «очень легким в общении, дружелюбным и приятным человеком». «Я спросил его: зачем вам понадобился историк? – вспоминал Голдберг. – И он ответил мне, цитирую его слова абсолютно точно: “Не доверяю я всем этим юристам”».

Голдберг предполагал, что Уоррен попросит его написать историю комиссии и что в его обязанности будет входить документирование ее работы. Но Уоррен ждал от него другого. Он хотел, чтобы обстоятельства убийства были изложены под углом зрения историка, который выступил бы как автор и редактор заключительного отчета комиссии. Председатель Верховного суда хотел, чтобы отчет был чем-то большим,

чем бесстрастное юридическое заключение.

Голдбергу выделили кабинет на четвертом этаже здания ветеранов, примыкающий к кабинету двух старших налоговых инспекторов, которые пытались восстановить картину всех финансовых поступлений Освальда. Голдберг пришел в восторг от их работы. Налоговые инспекторы Эдвард Конрой и Джон О’Брайан с большим воодушевлением объяснили Голдбергу стоящие перед ними задачи. Они пытались обнаружить хоть какие-то доказательства того, что Освальд получал деньги от иностранных агентов или группы заговорщиков. Голдберг утверждал, что, если бы Освальд потратил хотя бы на цент больше, чем заработал на разных поденных работах, Конрой и О’Брайан смогли бы это установить. Теперь Голдберг понимал, почему у налогоплательщиков были все основания опасаться инспекции из Налогового управления. «У них были чеки Освальда из бакалейной лавки, у них было все, – вспоминал он. – Это потрясающе».

Другие сотрудники комиссии оказали Голдбергу менее радушный прием. «Многие юристы косо смотрели на участие в расследовании человека без юридической подготовки», – рассказывал он. В особенности холоден с ним был Редлик, который сам планировал быть главным автором и редактором заключительного отчета и крайне негативно отнесся к вторжению на свою территорию. «У меня сложилось такое впечатление, что он старается держать меня на расстоянии, – рассказывал Голдберг. – Порой он вел себя высокомерно и бесцеремонно».

И, наконец, была грозная секретарша Рэнкина, Джулия Айде, которая работала на него в Министерстве юстиции. Айде считала себя защитой и опорой своего босса. «С ней было крайне непросто, – вспоминал Голдберг. – Как только я осознал степень ее влиятельности, я старался не становиться у нее на пути».

Но Айде была умна и трудолюбива, чего нельзя было сказать о многих других секретарях комиссии, которых направили туда из разных правительственных учреждений. Многих прислали из Пентагона, где было огромное количество секретарей, имевших форму доступа к секретной информации. Многим юристам комиссии казалось, что Министерство обороны и другие учреждения поспешили воспользоваться случаем избавиться от худших своих работников. Некоторые из них с трудом

печатали на машинке. «Они были совершенно некомпетентны, настоящие отбросы», – вспоминал Слосон11 .

Большинство юристов оставили при себе недовольство секретарями, решив, что тут ничего не поделаешь. Но не таков был Уэсли Либлер, молодой юрист из Северной Дакоты. Слосон тепло вспоминал о Либлере, «веселом, смелом – и задиристом». Либлер отправился в офис Рэнкина и потребовал убрать всех некомпетентных секретарей. «С этими идиотами мы работать не можем», – заявил он, чувствуя молчаливую поддержку коллег.

Отдельных секретарей Рэнкин и сам уже успел повидать в работе и поэтому не мог с ним не согласиться. По настоятельной просьбе Либлера он позвонил в Белый дом и оставил сообщение для Макджорджа Банди, советника президента Джонсона по национальной безопасности. Слосон был в офисе Рэнкина, когда Банди перезвонил ему. «Рэнкин сказал ему о проблеме с секретарями, – вспоминал Слосон, – и Банди сказал: “Не вешай трубку”». Пока Рэнкин ждал у аппарата, «Банди снял другую трубку и позвонил в Министерство обороны, а затем вновь вернулся на линию к Рэнкину». Банди сказал, что у него хорошие новости: «Я только что поручил Министерству обороны найти двадцать лучших секретарей до завтрашнего дня».

Как и было обещано, на следующий день в комиссию явились новые секретари. Слосон был в полном восторге от того, что удалось Либлеру: «С этого момента у нас были прекрасные секретари». А то, что сам Либлер заполучил себе самую лучшую и к тому же самую симпатичную секретаршу, его новых друзей совсем не удивило.

Глава 18

Офис комиссии

Вашингтон, округ Колумбия

3 февраля 1964 года, понедельник

В офисе комиссии раздался звонок. Это снова была Маргерит Освальд, что не предвещало ничего хорошего. Сотрудники, которым приходилось с ней общаться, закатывали глаза и чертыхались про себя; особенно доставалось секретарям, принимавшим на себя первый удар.

Она начала звонить из своего родного Форт-Уэрта в январе, едва ей удалось раздобыть номер телефона. Звонки ее можно было бы воспринимать с юмором, если бы миссис Освальд не вертела журналистами Далласа и Вашингтона, как ей заблагорассудится, привлекая к себе внимание. Ее нападки на комиссию мгновенно оказывались на первых полосах газет, поэтому к ее угрозам приходилось прислушиваться всерьез.

Для репортеров миссис Освальд была настоящей находкой, ведь она была матерью обвиняемого в убийстве президента. Она легко шла на контакт, ее всегда можно было процитировать. Даже журналисты солидных газет и журналов, которые могли бы разобраться и хотя бы намекнуть читателям, что мать Освальда несет чушь, которую ничего не стоит опровергнуть, писали о ней без остановки, допуская, что у нее есть доказательства невиновности ее сына.

С 14 января миссис Освальд стала представлять еще большую опасность. Во время пресс-конференции в Форт-Уэрте она объявила, что и в дальнейшем будет пользоваться услугами Марка Лейна, который будет представлять интересы ее сына. Лейн, говорила она, великодушно согласился работать бесплатно, и с его помощью она будет «бороться до последнего вздоха», чтобы оправдать своего сына. На встрече с репортерами миссис Освальд и Лейн воспользовались случаем объявить, что они арендовали почтовый ящик до востребования № 9578 в Форт-Уэрте, так что теперь любой, у кого есть доказательства невиновности ее сына, может отправить им письмо. Доброжелателей призвали высылать денежные пожертвования.

На этой пресс-конференции, как и в течение нескольких недель до того, она вновь призывала свою сноху заключить контракт с «Мамой». Миссис Освальд объявила, что выслала Марине письмо с помощью Секретной службы, которая продолжала осуществлять защиту молодой вдовы. Она пояснила, что написала его на простом английском языке, так, чтобы ее русская сноха могла его понять: «Марина, Мама скорбит. Марина, Мама

хочет видеть тебя и внуков»[1] .

На этой же пресс-конференции миссис Освальд воспользовалась случаем обвинить Секретную службу в том, что та не дает ей общаться с семьей сына. «У них нет никаких прав не давать мне разговаривать с моей снохой и внуками». Лейн пошел еще дальше, высказав предположение, что Секретная служба пытается «промыть мозги» Марине Освальд, чтобы вынести обвинительный приговор ее мужу, и предотвращение контактов между миссис Освальд и ее снохой – только часть этого плана. Миссис Освальд как будто не знала, что на самом деле вовсе не Секретная служба, а ее второй сын Роберт настоял, чтобы Марина прервала всяческие сношения с его «сумасбродной» матерью.

Никто так не препятствовал кампании миссис Освальд в защиту ее сына, как его вдова. Марина продолжала открыто заявлять о своей убежденности в том, что ее муж убил президента и что он почти наверняка сделал это один. В январе она уполномочила Джеймса Мартина, своего бизнес-менеджера, написать в газету The New York Times, что она отказывается подавать иск против города Даллас в связи со смертью мужа[2].

Марина, Мартин и ее адвокат Джеймс Торн прибыли в Вашингтон в воскресенье, 2 февраля, за день до ее допроса комиссией. Она поселилась в отеле «Уиллард», одном из лучших в городе, с прекрасным видом на Пенсильвания-авеню и купол Капитолия. От отеля до офиса комиссии можно было добраться на машине за несколько минут. Марина привезла в Вашингтон двух своих дочерей, Джун Ли, которую звали Джуни – в феврале ей исполнялось три года, – и четырехмесячную Рейчел.

Репортеры быстро разузнали о приезде Марины и осадили отель. Избежать их внимания она не пыталась. Казалось, ей было приятно видеть толпу корреспондентов и фоторепортеров, которые превратили ее в мировую знаменитость. «Глупые, глупые люди», – проговорила она с улыбкой, когда репортеры показались в вестибюле «Уилларда»[3] . Агенты Секретной службы тоже неотступно следовали за ней. Постепенно она научилась видеть в них защитников и даже друзей.

Репортер журнала Time нашел Марину за столиком ресторана Parchey's и отметил, что с момента убийства в ее жизни произошли потрясающие перемены. Ее прической, очевидно, занимался стилист из салона красоты, «чего покойный муж ни за что бы ей не позволил», подчеркивал автор; на ее лице был легкий макияж, она курила сигарету и потягивала водку с лаймом, а потом перешла на вишневый ликер. Сказав, что не голодна, она, тем не менее, попробовала филе миньон с грибным соусом.

В понедельник, 3 февраля, в 10.30 члены комиссии собрались в конференц-зале на первом этаже здания Организации ветеранов зарубежных войн. Присутствовали Уоррен и несколько других членов комиссии. Сенатор Рассел и Джон Макклой опоздали к началу. Согласно правилам комиссии, свидетель мог потребовать публичных слушаний, однако ни вдова Освальда, ни ее адвокат на этом не настаивали, поэтому журналистов в зал не пустили.

– Миссис Освальд, благополучно ли вы сюда добрались? – этими словами Уоррен открыл заседание, а переводчик перевел их на русский язык. Она кивнула. После чего он попросил ее встать и принести присягу4 .

Допрос длился четыре часа, вел его Рэнкин. Он попросил Марину назвать ее полное имя.

– Меня зовут Марина Николаевна Освальд. Моя девичья фамилия Прусакова.

Про себя Рэнкин отметил, что правительственные агентства – ФБР, Секретная служба, полиция Далласа – допрашивали Марину в общей сложности сорок семь раз. Рэнкин не стал произносить это вслух, но сам он и его коллеги по комиссии прекрасно понимали, что на многих предыдущих допросах Марина говорила неправду. Список ее лживых ответов был длинным и внушал опасения – начиная с того, что сперва она заявила ФБР, что ничего не знала о попытке убийства ультраправого экстремиста Эдвина Уокера, предпринятой ее мужем в апреле, за семь месяцев до убийства Кеннеди. На самом деле позднее она призналась, что Освальд рассказывал ей о покушении на Уокера, причем довольно подробно, в тот вечер, когда оно было совершено. Все кончилось отчаянной ссорой, в ходе которой она пригрозила пожаловаться в полицию, если он попытается повторить что-либо подобное. Поначалу

Марина также утверждала, что ничего не знала о поездке мужа в Мексику. Однако позднее призналась, что ей было известно об этой поездке еще в тот момент, когда муж только планировал ее. Он даже спрашивал, что привезти ей в подарок. Она попросила мексиканский серебряный браслет.

Рэнкин спросил Марину, не хочет ли она скорректировать свои прежние показания.

– Знаете ли вы о чем-то, что было неправдой в предыдущих допросах, и что вы хотели бы исправить?

– Да, – ответила Марина, – я хотела бы исправить кое-что, потому что не все сказанное мной было правдой.

По словам Марины, на первых допросах она не давала присягу и поэтому чувствовала, что может давать «менее точные» ответы. Она пояснила, что поначалу ей хотелось верить, что муж невиновен, что он не убивал президента, и ей не хотелось бросать ни на него, ни на себя тень подозрения в причастности к другим преступлениям, включая покушение на Уокера. Ложь, говорила она, объяснялась также ее неприязнью к агентам ФБР, которые вели большинство допросов. «Мне не хотелось быть с ними слишком откровенной».

Много часов подряд Рэнкин расспрашивал Марину о ее жизни в браке. Он спросил, что в самом начале привлекло ее в молодом американском перебежчике, которого она встретила в 1961 году на танцах в Минске, где Освальд работал на радиозаводе.

– Не так часто можно встретить американца, – ответила она, вспомнив, что ее будущий муж был «очень аккуратным, очень вежливым… казалось, что он будет хорошим семьянином». После танцев он попросил разрешения увидеться с ней еще раз, и она согласилась.

Вскоре Освальд признался ей, как он разочарован в Советском Союзе. «Он тосковал по дому, возможно, жалел, что приехал в Россию». Марина вспомнила, как «много хорошего говорил он» о Соединенных Штатах. «Он говорил, что его дом теплее и люди живут лучше».

В конце апреля 1961 года, всего через несколько недель после первой

встречи, они поженились. Примерно через месяц, рассказывала Марина, Ли предложил уехать вместе с ним в США. Через год, после длительных бюрократических мытарств в советских инстанциях и Государственном департаменте США, супруги получили разрешение покинуть СССР.
В июне 1962 года они прибыли в США и поселились в Форт-Уэрте, неподалеку от матери Освальда и его брата Роберта.

Именно тогда, говорила Марина, она поняла глубину распада семейства Освальдов: он ненавидел свою мать и почти совсем не хотел общаться со своими братьями. Ему очень непросто было найти работу, а когда он все же находил ее, не мог удержаться на месте. Почти любая работа казалась ему скучной, рассказывала Марина. Их брак быстро начал давать трещину, Освальд все более отдалялся, все сильнее погружался в свои бредовые идеи, стал агрессивен. Он регулярно бил Марину, до кровоподтеков, а однажды поставил ей синяк под глазом. «Я думаю, что он был очень нервный и… это как-то снимало его напряжение».

Воспитанная в культуре, где рукоприкладство по отношению к женам не было редкостью, Марина полагала, что отчасти сама провоцировала это насилие. «Иногда я сама была виновата», – объясняла Марина. Она давала Освальду поводы для ревности: ему удалось перехватить письмо Марины к ее бывшему молодому человеку в Россию – она писала, что лучше бы она вышла за него, а не за Освальда.

Ее муж так и не оставил своего увлечения марксизмом, которое привело его в Россию. Напротив, он постоянно объяснял Марине, что ищет чистую форму коммунизма, и полагал, что нашел ее на Кубе Фиделя Кастро. Он говорил ей, что планирует опять стать перебежчиком, на этот раз в Гавану. «Ли во что бы то ни стало хотел попасть на Кубу».

Он купил винтовку и начал упражняться в стрельбе, говоря, что это пригодится ему, когда он будет угонять самолет на Кубу. Он предложил Марине принять участие в захвате самолета, возможно, даже с оружием в руках. Но она отвергла эту безумную идею. «Я сказала, что не поеду с ним, что останусь здесь».

Он уехал в Мехико за визами, рассказывала она, чтобы его семья могла отправиться на Кубу. Как выяснилось, он планировал обмануть русское посольство в Мексике, притворяясь, будто вновь решил стать

перебежчиком в СССР. С новой советской визой в руках он смог бы получить от кубинского посольства документы на транзитный проезд в Москву через Гавану. На самом деле, рассказывала Марина, Освальд намеревался остаться на Кубе, если бы попал туда. «Он хотел поехать на Кубу, – рассказывала она. – Я знаю, что у него не было никаких намерений ехать в Россию».

Рэнкин настойчиво расспрашивал Марину о путешествии ее мужа в Мексику, выясняя, что еще Освальд там делал, как проводил свободное время. Она припомнила, как Освальд рассказывал о посещении корриды и различных достопримечательностей. Было ли что-то еще? Хотя за время их совместной жизни муж никогда не проявлял интереса к другим женщинам – «ему не нравятся другие женщины», – он отдельно подчеркнул свою неприязнь к мексиканкам. «Он сказал, что ему не нравятся мексиканки», – сказала Марина, и Рэнкин больше не задавал вопросов на эту тему.

Во время допроса Марина, как и прежде, настаивала на том, что ничего не знала о намерении мужа убить президента. Напротив, ей казалось, что Освальду нравится Кеннеди. «Я никогда не слышала от Ли ничего плохого о Кеннеди». И тем не менее она была убеждена, что ее муж виновен в этом преступлении. Она поняла это буквально с самых первых минут, когда увидела его в главном полицейском управлении Далласа в день убийства. «Я поняла по глазам, что он виновен», – говорила она. И она была убеждена в том, что он действовал один, что никакого заговора не было.

Она считала, что Освальд убил президента из-за навязчивого желания оставить след в истории. Он с жадностью читал, по нескольку часов в неделю проводил в публичной библиотеке около их дома в Далласе и в Новом Орлеане и часто брал на дом биографии исторических личностей, в том числе Кеннеди. Ли Освальд хотел, чтобы о нем тоже помнили. «Я могу сказать, что он хотел во что бы то ни стало совершить поступок, неважно, плохой или хороший, который сделает его знаменитым, благодаря которому он войдет в историю».

Марина с грустью говорила о том, что могла бы предотвратить это убийство, если бы проявила больше сочувствия к мужу вечером накануне преступления, когда Освальд пришел навестить ее с детьми в дом Рут

Пейн. На тот момент супруги Освальд жили отдельно уже несколько недель, и он умолял ее помириться и переехать вместе с детьми к нему в Даллас. В какой-то момент в тот вечер он расплакался. «Он просто хотел помириться».

Хотя Марина в конце концов собиралась помириться с мужем, в тот вечер она не поддалась на его уговоры. «Я сделала вид, что очень сержусь… Спать он пошел очень расстроенным». На следующее утро он ушел, прихватив с собой винтовку, которую хранил завернутой в одеяло в гараже Рут Пейн.

Марина знала, что следующим свидетелем на допросе перед комиссией будет ее свекровь, и она выразила свое сочувствие Уоррену и другим присутствовавшим, потому что им предстояла нелегкая работа. «Я сожалею, что вам придется тратить время на ее допрос, потому что вы только устанете и вам станет тошно от разговоров с ней, – сказала Марина. – Когда вы узнаете ее получше, вы поймете почему».

Ее свекровь, говорила Марина, ухватилась за это преступление как за возможность заработать. «У нее мания – деньги, деньги, деньги». Марина знала, как негодовала свекровь по поводу ее убежденности в том, что именно Ли совершил это преступление. Если дать ей волю, говорила Марина, «она мне глаза выцарапает».

Во вторник, 6 февраля, в 17.50 комиссия завершила допрос Марины Освальд, занявший четыре дня и длившийся в общей сложности двадцать часов.

– Миссис Освальд, ваше свидетельство весьма ценно, – тепло сказал Уоррен, – Вы оказали помощь работе этой комиссии.

– Говорить правду трудно, – отозвалась Марина. – Я очень благодарна всем вам, я не думала, что найду так много друзей среди американцев.

– Перед вами друзья, – заверил ее Уоррен.

После допроса председатель Верховного суда рассказал репортерам, что миссис Освальд – «отважная маленькая женщина». В свою очередь Марина сообщила репортерам, что ей очень понравился Уоррен – он напомнил ей одного из ее дедушек в России.

Между тем в Техасе Маргерит Освальд была вне себя от ярости, увидев, с какой симпатией пресса описывает поездку ее снохи в Вашингтон и ее выступление перед комиссией. Маргерит решила нанести ответный удар.

3 февраля, в первый день допроса Марины Освальд, ее свекровь позвонила в штаб-квартиру Секретной службы в Вашингтоне, чтобы сообщить, по ее словам, компрометирующие сведения о своей снохе5 . В Секретной службе перезванивать не стали и вместо этого передали в комиссию Уоррена информацию о том, что Маргерит Освальд крайне возбуждена.

На следующий день Рэнкин, занятый допросом Марины, попросил Нормана Редлика позвонить Маргерит Освальд в Техас. По параллельной линии разговор стенографировал секретарь.

– Миссис Освальд, здравствуйте, – приветствовал ее Редлик, представившись заместителем Рэнкина. – Я звоню вам по причине вашего звонка в Секретную службу.

– Да, – ответила она.

– Вы дали понять, что у вас есть какая-то информация, которой вы готовы поделиться, чтобы мы могли проверить ее во время допроса Марины. Я звоню вам сказать, что вы можете передать эту информацию мне.

Миссис Освальд поспешила выразить свое негодование тем, что ей приходится общаться с такой мелкой сошкой, как Редлик. «Я передам эту информацию только мистеру Рэнкину и никому другому в комиссии. Я устала от того, что меня все время отфутболивают, к вам лично у меня нет претензий. Я буду разговаривать только с мистером Рэнкином, мистером Уорреном или президентом Соединенных Штатов». После того как в Секретной службе не прореагировали на ее звонок, она позвонила на радио и объяснила, что ей хотят заткнуть рот, в то время как она стремится открыть правду об убийстве. «Единственное, что я могу сделать, – это сказать об этом во всеуслышание».

Затем – далеко не в первый раз – она заявила, что ее «жизнь в опасности», после чего понесла бессвязную околесицу о жертвах, которые она принесла ради своих детей и своей страны, и о том, как никто не хочет ее

слушать. «Если бы вы знали, что выпадает на долю одинокой женщины, как со мной обращаются, – жаловалась она. – Я хочу иметь право голоса в этом деле, и общественность – американская и международная – хочет, чтобы у меня было право голоса». Затем она мрачно пригрозила: правда о Марине еще не произнесена, и только она знает ее. «Когда моя сноха говорит, я должна это слышать. Я ни в чем ее не обвиняю. Надеюсь, она невиновна, но у меня нет доказательств, что хоть кто-нибудь невиновен».

Несколько минут Редлик слушал, а потом попытался закончить разговор.

– Есть ли у вас еще что-то, что вы хотели бы сообщить?

– Полагаю, на настоящий момент я все сказала. Я сохраню эту важную информацию в своем сердце. Даже не знаю, как долго я могу ее еще утаивать.

Редлик повесил трубку и разыскал Рэнкина, чтобы предупредить его о желании миссис Освальд обнародовать серьезные обвинения в адрес своей снохи. Рэнкин и Редлик быстро сошлись на том, что необходимо немедленно пригласить миссис Освальд в Вашингтон для дачи свидетельских показаний. На следующий день Рэнкин позвонил ей и попросил приехать в понедельник6 .

– Что ж, я должна буду позвонить мистеру Лейну и обсудить с ним этот вопрос, – ответила она.

– Вы можете приехать одна или в сопровождении своего адвоката, – сказал Рэнкин.

Не дожидаясь дальнейших вопросов, миссис Освальд пустилась в длинный полубессознательный монолог о лживости своей снохи. Она обвиняла Марину в тщеславии и лени, намекая, что ее муж поделом ее колотил. «Я видела у нее фингал под глазом, – сообщила она. – Я, естественно, не одобряю, когда мужчины бьют своих жен, но бывают случаи, когда, как мне кажется, женщину стоит отколошматить».

Поток ядовитых словоизлияний продолжался, пока миссис Освальд не объявила наконец, в чем будет состоять ее заявление: она обвиняла Марину и ее подругу Рут Пейн в причастности к заговору с целью убийства президента. «Марина и миссис Пейн обе в этом замешаны, –

сказал она. – Я всем своим сердцем верю, что Марина и миссис Пейн подставили Ли. В это вовлечено одно высокопоставленное лицо, и я могу вам сказать, что тут замешаны два агента Секретной службы».

У Лейна, говорила она, «есть много документов, свидетельских показаний, данных под присягой, доказывающих, что сын не виновен в убийстве президента Кеннеди».

Рэнкин живо представил себе, какой фурор поднимется в прессе, если такие обвинения станут достоянием общественности: мать Освальда обвиняет его вдову в причастности к заговору. «Нас интересует все, что вам известно», – сказал Рэнкин, пытаясь ее утихомирить. Он попросил ее позвонить ему – за счет комиссии, – когда она соберется с мыслями и решит поехать в Вашингтон. Наутро он послал ей телеграмму с формальным приглашением явиться в Вашингтон в следующий понедельник – все расходы будут оплачены.

Миссис Освальд сообщила репортерам в Форт-Уэрте, как она рада, что едет в Вашингтон и как много ей нужно сделать, чтобы подготовиться. Она начала собирать документы – письма, телефонные счета, пожелтевшие газетные вырезки, – которые, как она считала, докажут невиновность ее сына.

В понедельник утром, 10 февраля, она прибыла в здание Организации ветеранов зарубежных войн в сопровождении Лейна и Джона Ф. Дойла, вашингтонского адвоката, нанятого комиссией в качестве ее официального представителя, которого рекомендовала местная коллегия адвокатов. К большому облегчению комиссии, миссис Освальд согласилась принять услуги Дойла, и это означало, что Лейн терял право присутствовать на допросе7.

Конгрессмен Форд вспоминал, что присутствие миссис Освальд «начало ощущаться, как только она переступила порог конференц-зала». Поначалу она произвела на него сильное впечатление. «Если бы я увидел ее на улице, я бы сказал: “Вот сильная и целеустремленная женщина”». Ему запомнилось, что в руках она сжимала «огромную черную сумку, которая, как оказалось, исполняла роль сейфа с документами. Она была битком

набита письмами и газетными вырезками»8 .

В начале допроса Уоррен пообещал ей быть справедливым.

– Я собираюсь попросить вас для начала рассказать все, что вы знаете в отношении этого дела, так, как вам удобно, полностью располагая своим временем, – начал Уоррен.

– Да, Ваша честь, – ответила она, – я очень хотела бы это сделать.

С этими словами она начала долгий, почти непрерывный монолог, продолжавшийся три дня. На вопросы она, как правило, отвечала невпопад. В ее речи то и дело всплывала фраза: «А вот это важно». Казалось, пробил ее звездный час. Ее сыновья знали, что она всегда об этом мечтала, – и вот наконец перед ней внимательная аудитория, состоящая из людей, облеченных властью, и среди них председатель Верховного суда США, который обязан выслушать ее до конца. Им «оставалось только сидеть смирно и слушать все, что она говорила», хотя ее показания представляли собой «путаницу, граничащую с бессвязным бредом», рассказывал Форд. Позднее он пришел к выводу, что она была попросту «чокнутой».

Маргерит Освальд подробно рассказала о себе и своих сыновьях и только потом перешла к обвинительной части своего выступления: ее сноха была замешана в заговоре с целью убийства президента, и к этому заговору были причастны два агента Секретной службы, охранявшие ее после убийства.

– Секретная служба состоит в заговоре? С кем же? – недоверчиво переспросил Уоррен.

Миссис Освальд:

– С Мариной и миссис Пейн – этими двумя женщинами. Ли подставили, и весьма вероятно, что эти два агента из Секретной службы тоже были причастны.

Рэнкин:

– В каком заговоре участвовали эти два человека?

Миссис Освальд:

– Убийство президента Кеннеди.

Рэнкин:

– Вы полагаете, что двое агентов Секретной службы, Марина и миссис Пейн участвовали в этом заговоре?

Миссис Освальд:

– Да, я так считаю.

Доказательства, говорила она, будут найдены в подробностях финансовых соглашений Марины о продаже ее автобиографии, ибо все выглядит так, будто она знала заранее о вознаграждении, о журнальных обложках, о книжных контрактах, если ее муж будет обвинен в убийстве президента. «У Марины все будет тип-топ, у нее уже все тип-топ, в финансовом отношении и не только».

Тут она вновь скатилась на жалобы. «А я никто, – воскликнула она. – Что со мной станется? У меня нет дохода. Я потеряла работу. Никто обо мне не подумал».

Рэнкин вновь спросил ее, какими доказательствами заговора она располагала.

– Сэр, у меня нет доказательств, – наконец призналась она, – у меня нет доказательств заговора агентов. У меня нет доказательств, что мой сын невиновен. У меня нет доказательств.

Рэнкин:

– У вас нет доказательств заговора?

Миссис Освальд:

– Никаких доказательств чего бы то ни было.

У Рэнкина могло сложиться впечатление, что он вот-вот услышит

что-то важное, но через несколько минут миссис Освальд вновь принялась сыпать обвинениями в адрес Марины.

Форд рассказывал, что уходил с заседания без сил, несмотря на то что польза от этого дознания все же была. «Теперь у комиссии было отчетливое понимание непрочности отношений между членами этого семейства», что могло объяснить, почему Освальд с детства пребывал в таком тревожном состоянии, говорил Форд. Освальды были «разрозненной семьей»: узы, которые связывали этих людей, были обусловлены лишь «фактом рождения, не имеющим особого значения».

В заявлении для прессы Уоррен отрекомендовал показания миссис Освальд как недостойные внимания: они «не меняют картины в целом». Об обвинениях миссис Освальд в адрес снохи он предпочел умолчать.

Когда Маргерит Освальд позднее спрашивали, что она сказала комиссии, она уходила от ответа. Она по-прежнему хотела продать свою историю. «Мне же придется об этом написать, не так ли?» – говорила она, сообщила, что планирует встретиться с нью-йоркскими издателями по поводу книги и рассчитывает на аванс от 25 до 50 тысяч долларов[5]. «Не думаю, что мне понадобится нанимать писателя, – говорила она. – О нет, мне он не нужен. Полагаю, что я смогу попросту надиктовать мою книгу»9 .

На следующий день миссис Освальд и Лейн вылетели из Вашингтона в Нью-Йорк, и Лейн рассказал репортерам, ожидавшим их в аэропорту Ла Гуардиа, что получил копии более чем двадцати документов из конторы окружного прокурора Далласа, которые послужат основанием для кампании миссис Освальд в защиту ее сына. Каким образом ему удалось достать эти документы, он не объяснял. «Кое-кто был настолько любезен, что сохранил их для меня, – сказал Лейн. – И мне хочется верить, что он сделал это легальным путем». Лейн не сказал ни слова о том, что это был Хью Эйнсворт, репортер из Далласа.

Лейн и миссис Освальд отправились в Нью-Йорк, чтобы провести сбор пожертвований на свою кампанию. Газета The New York Times сообщала, что на собрание в здании мэрии на Западной Сорок третьей улице на Манхэттене пришло около полутора тысяч человек, заплативших в общей сложности свыше 5 тысяч долларов за входные билеты. Они с восторгом приветствовали миссис Освальд, которая требовала

справедливости для своего сына. Она вышла к собравшимся в траурном платье и рассказала, как в одиночку ведет борьбу: «Все, что у меня есть, – это смирение и искреннее уважение к нашему американскому образу жизни»10 .

Лейн поддразнивал толпу обещаниями раскрыть доказательства правоты миссис Освальд. Он говорил, что нашел тайного свидетеля в Далласе, который наблюдал за «двухчасовой встречей» в клубе Джека Руби «Карусель» за неделю до убийства. На ней были Джей Ди Типпит, погибший полицейский из Далласа, и другие, возможно, сыгравшие важную роль в убийстве Кеннеди[6]. Лейн утверждал, что нашел и других свидетелей, которые слышали, как по лимузину Кеннеди стреляли со стороны так называемого Травяного склона, а не сзади кортежа, со стороны Техасского склада школьных учебников.

В те же дни в Вашингтоне еще одна женщина пыталась изложить свою историю. Это была Жаклин Кеннеди. Близкие друзья бывшей первой леди были потрясены степенью откровенности, с какой она рассказывала им о том, что произошло в день убийства – она делилась с ними всеми леденящими душу подробностями событий на Дили-Плаза и в Мемориальной больнице Паркленда. Казалось, ей необходимо было выговориться11.

В тот момент она уже прилагала все усилия к тому, чтобы оставить незапятнанную память о президентстве мужа. Это началось за несколько дней до того, как она должна была покинуть Белый дом. В декабре она заказала памятную доску для Спальни Линкольна с гравировкой: «В этой комнате жил Джон Фицджеральд Кеннеди со своей женой Жаклин на протяжении двух лет, десяти месяцев и двух дней. Он был президентом Соединенных Штатов». (Годы спустя президент Ричард Никсон распорядится убрать эту памятную доску.)12 Роберт, брат погибшего президента, присоединился к кампании по созданию идеального портрета администрации Кеннеди. Он привлек к этому и председателя Верховного суда Уоррена, тогда только начинавшего работу в комиссии. 9 января Кеннеди послал Уоррену телеграмму с просьбой «от имени семьи» выступить в роли попечителя Президентской библиотеки имени Джона Кеннеди, которую было решено построить в Бостоне – она должна была

стать «постоянно работающей библиотекой и памятником президенту». Уоррен с энтузиазмом принял это приглашение, на следующий день написав ответ, в котором говорил, что удостоен «великой чести»13 .

В следующем месяце семья Кеннеди сделала новый важный шаг к созданию образа Джона Кеннеди, каким он войдет в историю. 5 февраля журналист и писатель Уильям Манчестер работал в своем офисе на кампусе Университета Уэсли в Мидлтауне, штат Коннектикут, когда раздался телефонный звонок14 . Звонил Пьер Сэлинджер, пресс-секретарь Кеннеди в Белом доме, который остался в этой должности при президенте Джонсоне. У него было сообщение от миссис Кеннеди: она предлагала Манчестеру написать авторизованную историю убийства.

Манчестер вспоминал, как он повернулся к своей секретарше и спросил:

– Миссис Кеннеди хочет, чтобы я написал историю убийства. Как я могу ей отказать?

– Не можете, – ответила она15 .

Бывший иностранный корреспондент газеты The Baltimore Sun Манчестер к 41 году написал очень авторитетную биографию Кеннеди «Портрет президента» (Portrait of a President), опубликованную двумя годами ранее. Джон Кеннеди согласился дать Манчестеру несколько интервью для работы над книгой. После публикации президент высоко оценил его труд. Манчестеру очень льстила фотография президента и миссис Кеннеди на борту шлюпки береговой охраны, сделанная в 1962 году, на которой миссис Кеннеди читала его книгу с сигаретой в руках.

Позднее Манчестер говорил, что миссис Кеннеди выбрала его, «полагая, что я буду покладистым». Перед публикацией «Портрета президента» он послал гранки в Белый дом, дав президенту возможность поправить приписываемые ему цитаты. «Президент не стал вносить никаких изменений, однако Джеки могла для себя решить, что я буду бесконечно предупредительным, – рассказывал Манчестер. – Типичная ошибка».

Через три недели после звонка Сэлинджера Манчестер встретился с Робертом Кеннеди в Вашингтоне. «Его вид поразил меня до глубины души, – рассказывал Манчестер о генеральном прокуроре, по-прежнему безутешно скорбевшем о смерти брата. – Я никогда не видел настолько

сломленного человека. Большую часть разговора он был погружен в транс, смотрел куда-то вдаль, его лицо было настоящей маской скорби».

Кеннеди объяснил Манчестеру, что встретился с ним по совету жены брата, чтобы обсудить деловую сторону контракта с издательством Harper Row , которое в 1956 году выпустило книгу Джона Кеннеди Profiles in Courage («Профили мужества»), удостоенную Пулитцеровской премии. В результате достигнутого соглашения между семьей Кеннеди и Манчестером последнему выплачивался аванс в размере 36 тысяч долларов[7], остальная часть гонорара переводилась в мемориальную библиотеку Кеннеди. Манчестеру также полагались отчисления от публикации книги в журналах, которые должны были принести ему доход, значительно превышающий сумму аванса.

Манчестер попросил предварительной встречи с миссис Кеннеди, чтобы подготовиться к предстоящим большим интервью с ней. Однако Роберт Кеннеди сказал, что в такой встрече нет необходимости. Миссис Кеннеди будет готова к обстоятельной беседе с ним через несколько недель.

Манчестер также планировал взять интервью у председателя Верховного суда. По словам писателя, ему хотелось как можно раньше дать Уоррену понять, что он не будет мешать работе комиссии, хотя, в сущности, он собирался развернуть параллельное расследование. Зная о том, что Манчестер действует с благословения семьи Кеннеди, Уоррен был готов всячески помогать писателю. Он настолько воодушевился этой идей, что сначала удовлетворил запрос Манчестера о доступе к отчетам комиссии, предположительно засекреченным. Через несколько дней Рэнкин осторожно поговорил с Манчестером и попросил его отозвать запрос, объяснив, что его деятельность может осложнить работу комиссии. И Манчестер благосклонно, как показалось Рэнкину, пошел ему навстречу16 .

Глава 19

Кабинет сенатора Ричарда Рассела

Сенат Соединенных Штатов Америки

Вашингтон, округ Колумбия

февраль 1964 года

Неделю за неделей сенатор Ричард Рассел, собрав волю в кулак, пытался сработаться с председателем Верховного суда. Это была непростая задача. Ему было неловко объяснять своим избирателям в штате Джорджия, убежденным сегрегационистам, почему он работает в комиссии, возглавляемой Эрлом Уорреном. Как он мог даже просто находиться в одной комнате с человеком, который, по мнению многих сторонников Рассела, разрушал их образ жизни?

Своей негативной оценки Уоррена как председателя Верховного суда Рассел не переменил, в чем он заверял своих друзей. Вне стен комиссии Рассел продолжал уничижительно называть суд под руководством Уоррена «так называемый Верховный суд»1 . Своим коллегам он напоминал, что вошел в состав комиссии не по своей воле, что президент Джонсон приказал ему примкнуть к расследованию и он не мог отмахнуться от этой обязанности.

На первых заседаниях комиссии Рассел держал себя с Уорреном вежливо и почтительно, по мнению других членов комиссии, он давал Уоррену мудрые советы, в особенности в отношении столкновений с Гувером и ФБР. По поводу некоторых решений, касающихся организации работы комиссии, Рассел предпочитал отмалчиваться – например, о приглашении в штат молодых радикально мыслящих юристов-северян.
«По какой-то причине Уоррен напичкал свой штат крайними либералами», – писал Рассел в своем дневнике в январе. Жаловался он и на то, что комиссия, не проконсультировавшись с ним, наняла Уильяма Коулмена, «негра-юриста» из Филадельфии2 .

К середине зимы силы Рассела иссякли, и комиссия была тому лишь одной из причин. Как он и предсказывал президенту Джонсону, в 1964 году ему пришлось с головой погрузиться в работу Сената, причем в основном из-за самого Джонсона. Рассел стоял во главе усилий ряда конгрессменов заблокировать билль о гражданских правах, присланный Джонсоном на Капитолийский холм в первые дни его президентства. Стремясь прослыть главным борцом за права граждан, Джонсон изображал свои

инициативы как достойное продолжение дела Кеннеди. 10 февраля Палата представителей приняла Закон о гражданских правах 1964 года – знаковый документ администрации Джонсона, поставивший вне закона большинство форм дискриминации, основанной на расовых, религиозных или гендерных принципах. Проект закона был направлен в Сенат, где Рассел предпринял попытку остановить его – и потерпел поражение. (Только благодаря давним отношениям между Расселом и Джонсоном их дружба почти не пострадала.)

Наконец на исходе февраля его напряжение достигло предельной точки, и он решил покинуть комиссию. Рассел сел писать заявление об уходе[3]. Последней каплей, говорил он, было то, что комиссия не уведомила его о времени допроса Роберта Освальда, брата Ли. Рассел пропустил первые два дня допроса в четверг и пятницу, 20 и 21 февраля. А утром в субботу он прочитал в газетах, что допрос продолжится и в выходные. О внеурочном заседании в субботу его сотрудники в Сенате уведомлены не были, но вряд ли журналисты могли перепутать. Он оделся и отправился в свой кабинет в Сенате, располагавшийся в нескольких минутах хода от офиса комиссии, и попросил своего помощника позвонить и узнать, начался ли допрос. Озадаченный сотрудник перезвонил ему и сказал, что, видимо, комиссия не работает – никто не подходит к телефону. Рассел отправился домой, раздраженный тем, что напрасно прервал свой выходной.

Он впал в еще большую ярость, когда выяснилось, что допрос Роберта Освальда все-таки состоялся в субботу утром, но, поскольку были выходные, в приемной не было секретарей, которые могли бы ответить на звонок.

В заявлении об уходе Рассел изложил этот инцидент: «По-моему, нет никакого смысла требовать от кого бы то ни было работы в комиссии, которая не ставит в известность всех своих членов о времени заседаний и о том, каких свидетелей она должна заслушать». Далее он продолжал так: «Поскольку у меня нет возможности присутствовать на большинстве заседаний и одновременно исполнять мои обязанности в качестве законотворца, я вынужден требовать от Вас принять мое заявление об уходе и освободить меня от этой работы. Спешу заверить Вас в моем желании во всем служить Вам, Вашей администрации и нашей стране».

Закончив писать, Рассел чуть поостыл и решил повременить с отправкой заявления. Черновик сохранился в его бумагах.

Слух о его недовольстве работой комиссии достиг председателя Верховного суда, который уже на протяжении многих недель был обеспокоен отсутствием Рассела на заседаниях. Его не было на допросах Марины и Маргерит Освальд, а теперь он пропустил и допрос Роберта Освальда. «Единственным, кто не приходил регулярно, был Дик Рассел, – говорил Уоррен позднее. – И меня это беспокоило»4 . Но еще больше его беспокоила вероятность того, что Рассел может попытаться под каким-нибудь предлогом уйти из комиссии. Если Рассел вздумает уйти, «может создаться впечатление, что в комиссии есть разногласия»5 .

Уоррен направил Рэнкина в офис Рассела в Сенате, чтобы он убедил его остаться в комиссии. Рэнкину пришлось выслушать от Рассела длинный перечень жалоб. «Он говорил со мной совершенно откровенно», – вспоминал Рэнкин. Рассел говорил, что он так загружен в Сенате, что едва находит время перед сном, чтобы прочесть расшифровки слушаний, проводимых комиссией, не говоря уже о том, чтобы присутствовать на них лично.

Он заверил Рэнкина, что не хотел своей отставкой поставить комиссию в неудобное положение. Он планировал выступить с заявлением, в котором он объяснил бы, что уходит не из-за несогласия с руководящей ролью Уоррена или с ходом расследования, а просто потому, что у него нет времени.

Рэнкин воззвал к его рассудительности: «Я сказал, что, если он уйдет из комиссии, народ, вся страна могут неправильно это интерпретировать, вне зависимости от того, что он скажет». После чего Рэнкин высказал предложение – прежде одобренное Уорреном, – нанять юриста, основной обязанностью которого будет держать Рассела в курсе событий.

С большой неохотой Рассел согласился. «Ну хорошо, если вы это сделаете, я останусь», – сказал он Рэнкину.

Расселу предложили самому выбрать себе юриста, и его выбор пал на Альфреду Скоби, 41-летнюю женщину-правоведа, специалиста по апелляционному суду штата Джорджия. Скоби была юристом

без степени. Ей удалось сдать экзамен в коллегии адвокатов, не учась в школе права. Право она изучила самостоятельно, помогая мужу готовиться к его экзамену[6]. В марте Скоби переехала в Вашингтон и оказалась единственной женщиной-юристом в штате комиссии. Ее присутствие означало, что Рассел окончательно перестал появляться в офисе комиссии. Она стала его глазами и ушами.

В ту зиму недовольство работой комиссии стал проявлять еще один гордый южанин, Леон Хьюберт, бывший окружной прокурор Нового Орлеана, в комиссии он занимался расследованием дела Джека Руби. Он говорил своим коллегам, что не может понять, почему Уоррен и Рэнкин не проявляют никакого интереса к весьма любопытным находкам, которые то и дело обнаруживали он и его подчиненный Берт Гриффин.

Суд по делу Джека Руби, начавшийся в Далласе 7 февраля, превратился в постыдный спектакль, которого город так боялся. Сотни журналистов, съехавшихся в Даллас со всех концов страны, склоняли на все лады город и его руководителей. Репортер журнала The New Republic Мюррей Кемптон признавался, что испытывает сочувствие к Джеку Руби – еще одной «несчастной» жертве этого «захолустного», жестокого города. «Руби оказался бледным человеком с лысиной на затылке; он сидит в зале суда, желто-зеленые стены которого придают его коже болезненный зеленоватый оттенок, – писал Кемптон. – Мы смотрим на Джека Руби и видим полную беспомощность Далласа. Город не только не смог защитить Джона Ф. Кеннеди от того, что с ним сделали, защитить его убийцу Ли Освальда от того, что впоследствии сделали с ним, – он не смог защитить и Джека Руби от его собственных действий. И Руби оказался в ловушке»[7].

Самый позорный момент для правоохранительных учреждений города наступил через две недели после начала суда, когда семеро заключенных городской тюрьмы, вооруженных пугачом, сделанным из мыла и гуталина, попытались совершить побег. По крайней мере, двум удалось проскользнуть мимо зала суда, где шел процесс по делу Руби. Внешние телевизионные камеры зафиксировали некоторые моменты бегства из тюрьмы и последовавшую за этим паническую эвакуацию людей из здания суда[8]. Для журналистов это было свежим напоминанием

о несостоятельности правоохранительных органов, которые позволили Руби беспрепятственно миновать кордон из десятков полицейских и убить Освальда.

Адвокатом Руби был Мелвин Белли, талантливый, охочий до шумихи в прессе юрист из Сан-Франциско, известный всей стране как «король гражданских тяжб», из-за того что ему удалось заработать десятки миллионов долларов на делах о причинении физического вреда9 . Белли попытался вывести суд над Руби за пределы Далласа, а когда ему отказали, решил превратить слушания в суд над целым городом. Белли заявлял, что «олигархи» Далласа, нефтяники и банкиры, уже вынесли обвинительный приговор Руби: они приговорили его к смерти, дабы отомстить за то, что он оскорбил город убийством Освальда. По мнению Белли, махровый антисемитизм был еще одной причиной ненависти Далласа к Руби – Якову Рубинштейну, который некогда изменил свое имя и был пятым из восьми детей польского эмигранта в Чикаго.

Выстраивая линию защиты, Белли использовал версию о невменяемости своего подзащитного, страдавшего мозговыми нарушениями и не раз совершавшего агрессивные действия, которые усугубились после сотрясения мозга, перенесенного после 30 лет, поэтому убийство не могло быть умышленным10 . Адвокат вызвал в суд свидетеля – служащего из отделения Western Union , расположенного в центральной части города, – который засвидетельствовал, что Руби сделал денежный перевод в воскресенье, 24 ноября, ровно в 11.17, то есть за четыре минуты до того, как Освальд был убит в здании главного управления полиции, расположенном через дорогу. Если убийство было спланировано, утверждал Белли, Руби не пошел бы в Western Union , чтобы перевести 25 долларов одной из своих стриптизерш по прозвищу «Малышка Линн» из Форт-Уэрта. Были и другие свидетельства, доказывающие, что убийство Освальда не было запланированным. Руби оставил свою любимую собаку по кличке Шеба в незакрытом автомобиле рядом со зданием конторы Western Union . Его друзья говорили, что он никогда бы не бросил свою таксу, которую он называл своей «женой», на произвол судьбы. Подозрительные отношения Руби с Шебой и его другими собаками позднее рассматривались комиссией Уоррена как свидетельство наличия у Руби серьезного психического расстройства[8].

В заключительном слове Белли изображал своего клиента горлопаном

с благими намерениями, персонажем Дэймона Раньона, который приходит в восторг от общества полицейских и репортеров. «Деревенский дурак, деревенский клоун», – говорил Белли о Руби11 . Однако его линия защиты потерпела фиаско, и 14 марта Руби был вынесен приговор: смерть на электрическом стуле. Белли поднялся со своего места и с презрением изрек: «Разрешите поблагодарить присяжных за вердикт, представляющий собой триумф предвзятости». Он назвал своего подзащитного жертвой «фарса, спектакля, о чем известно всем»12 .

Между тем в Вашингтоне новость об обвинительном приговоре Руби означала, что сотрудники штата комиссии могут наконец приступить к следственным действиям в Далласе – до тех пор Уоррен настаивал, чтобы они не совались в Техас, дабы не мешать судопроизводству. Одними из первых в Даллас отправились Хьюберт и Гриффин – на месте они начали опрашивать свидетелей по делу Руби.

Из отчетов ФБР и свидетельских показаний, которые Хьюберт и Гриффин изучали несколько недель, они выяснили, что Белли во многих отношениях был прав насчет Руби. Обстоятельства убийства Освальда говорили о том, что Руби мог быть кем угодно, но только не хладнокровным убийцей, нанятым, чтобы заставить Освальда замолчать, – каким его пытались представить сторонники теории заговора. «Допустим, он вышел и пристрелил какого-то парня в подвале на виду у целой толпы репортеров, – говорил Гриффин годы спустя. – Что, собственно, это говорит о самом Руби?»13 Полные невзгод жизни Руби и Освальда были в чем-то схожи, начиная хотя бы с мучительных отношений обоих с матерями. Мать Руби, пока он был еще ребенком, не раз попадала в психиатрическую больницу. Она и его отец уделяли так мало внимания своим детям, что Руби никогда точно не знал, сколько ему лет, – родители не позаботились записать дату его рождения. Во взрослом состоянии Руби и Освальд испытывали трудности в общении с женщинами. ФБР опросило множество свидетелей, пытаясь выяснить, не страдали ли Руби – а он так никогда и не женился и жил в Далласе с неким мужчиной средних лет – и Освальд «гомосексуальными расстройствами», пользуясь тогдашней терминологией ФБР.

И все же Хьюберта и Гриффина беспокоил вопрос: не было ли в биографии

Руби чего-то такого, о чем они не знают. Быть может, его мотивировало нечто большее, чем мгновенное помутнение рассудка. В частности, их интересовало, не мог ли кто-нибудь подговорить Руби – например, дружки по криминальному прошлому, которые знали о его склонности к импульсивным выходкам и решили с его помощью заставить Освальда замолчать. С юных лет в рабочих кварталах Чикаго Руби знался с уголовниками. Впоследствии он дружил с игроками в азартные игры и мелкими сошками из итало-американских преступных кланов, а также с их сообщниками среди коррумпированных представителей рабочего движения, в особенности из профсоюза водителей грузовиков, возглавляемого Джимми Хоффой. Записи телефонных разговоров, полученные комиссией, показали, что Руби звонил по междугороднему телефону «известным боевикам», работавшим на Хоффу, за несколько недель до убийства Кеннеди14 .

Хьюберт и Гриффин также интересовались связями Руби с Кубой. Во время процесса Руби подтвердил, что предпринимал попытки заняться бизнесом на Кубе после победы Кастро в 1959 году. Отчеты ФБР показывали, что Руби действительно совершил путешествие на Кубу в тот год и встречался в Гаване с помощником преступного клана Гамбино в Чикаго. Руби говорил, что собирался продавать на острове удобрения и джипы, но это «так и не выгорело».

В первые недели расследования Хьюберт и Гриффин создали подробную хронологию действий Руби в недели, предшествовавшие убийству Кеннеди. График начинался с середины сентября 1963 года, когда в Белом доме приняли окончательное решение о поездке президента Кеннеди в Техас. Это была логичная отправная точка. «То был первый момент, когда кто угодно в Далласе или в любом другом месте мог начать планировать убийство Кеннеди, – вспоминал Гриффин. – Это была демаркационная линия»15 . График был разделен на вертикальные ряды, расчерченные по дням недели – напротив каждого были обозначены документы ФБР и показания свидетелей, имеющие отношение к действиям Руби в каждый из этих дней.

Хьюберт и Гриффин также начали собирать материалы о странной, сложной жизни Руби начиная с самого детства. Вскоре им стало ясно, что их, возможно, ждет куда больший объем работы, чем у команды, занятой биографией Освальда, который был почти вдвое младше Руби

и у которого не было такого количества друзей и знакомых. «Черт возьми, нас только двое, а там восемь человек заняты одним Освальдом», – возмущался Гриффин позднее.

В середине марта Хьюберт и Гриффин составили докладную записку обо всех связях Руби с представителями организованной преступности и Кубой, проанализировав, каким образом все эти контакты могли вести к убийствам Кеннеди и Освальда. Эта докладная записка указывала на тот факт, что Руби явно преднамеренно давал неверную информацию о количестве своих визитов на Кубу16 . В 1959 году, по его словам, он побывал в Гаване только один раз и провел там около десяти дней. Однако данные миграционной службы указывали, что он совершил еще по крайней мере один визит в том же году. В ФБР обнаружили доказательства вероятных контактов Руби с кубинскими политическими эмигрантами, которые, подобно некоторым его друзьям в преступном мире, хотели бы, чтобы Кастро был свергнут. Победа коммунистов на Кубе положила конец игорному бизнесу и торговле спиртными напитками, предприятиям, приносившим огромную прибыль американским гангстерам.

Хьюберта и Гриффина также поразил тот факт, что сразу же после убийства Руби открыто делился своими знаниями о текущей политической ситуации на Кубе. Во время полицейской пресс-конференции, организованной вечером в день убийства президента, Руби сидел в зале, притворяясь репортером, и даже поправил окружного прокурора Далласа Генри Уэйда, когда тот ошибся в названии группировки, поддерживающей Кастро (Освальд заявлял, что вступил в ее ряды в том же году). Уэйд произнес название как «Комитет за освобождение Кубы», но Руби поправил его, выкрикнув: «Генри, он называется “Комитет за справедливое отношение к Кубе!”» Откуда, недоумевали Хьюберт и Гриффин, Руби знал точное название?

Их также интересовал вопрос, правду ли говорил Руби, утверждая, что не был знаком с Освальдом. Существовала по крайней мере одна интригующая, хотя и непрямая, связь между ними. У Эрлин Робертс, хозяйки доходного дома в Далласе, где Освальд жил перед убийством, была сестра, состоявшая в близком знакомстве с Руби. В 1950-х годах Руби попросил сестру Робертс вложить деньги в один из его ночных клубов. Сестра сообщила ФБР, что встречалась с Руби 18 ноября, всего за четыре дня до убийства, чтобы обсудить еще одно капиталовложение.

Хьюберта и Гриффина очень воодушевляла идея, что в истории Руби было нечто большее – быть может, даже связь с Освальдом до убийства. Если за убийством Кеннеди стоял заговор, его можно было раскрыть, проанализировав фигуру Руби, а не Освальда. Но с самых первых недель расследования оба юриста чувствовали, что комиссия игнорирует их деятельность. Особенно этим отличался Рэнкин, от которого в очень большой степени зависело, какая информация, собранная штатными сотрудниками, будет передана Уоррену и другим членам комиссии. «Мы с Хьюбертом были загнаны на периферию», – говорил Гриффин17 .

Рэнкин избегал разговоров с Хьюбертом и Гриффином и не хвалил их работу. «Хьюберт был в офисе каждый день, но Рэнкин его не замечал, – рассказывал Гриффин. – Хьюберт полагал, что Рэнкин его не уважает». Хотя Рэнкин часто заглядывал в офисы других сотрудников комиссии, чтобы узнать, как продвигается их работа, он «редко заходил побеседовать с нами». Ситуацию осложняла болезненная застенчивость Хьюберта. Казалось, он испытывал страх перед Рэнкином. Если в кругах правоведов Луизианы Хьюберт и сам был влиятельной фигурой, то здесь, в Вашингтоне, ему приходилось работать с молодыми интеллектуалами из «Лиги плюща», окончившими лучшие школы права в стране и работавшими в таких солидных учреждениях, как Верховный суд и Министерство юстиции.

«Хьюберт был нервным парнем, – говорил Гриффин. – Заядлый курильщик, день он начинал со стакана холодной кока-колы и пил ее целый день», кофеин же только добавлял ему нервозности. «Ко мне он относился с глубочайшим почтением, – вспоминал Гриффин позднее. – Он как будто поставил меня на пьедестал, и, может быть, поэтому я считал его наивным».

В феврале Хьюберт окончательно подтвердил, что совершенно не подходит для работы в комиссии, написав многословную и неудобочитаемую служебную записку на имя Рэнкина. В ней предлагалось составить список всех людей, пересекавших границу США в месяцы, предшествовавшие убийству, а также всех тех людей, которые покинули страну в первые недели после убийства, – сотни тысяч, если не миллионы имен, которые необходимо было вручную сравнить со списком подозреваемых. Хьюберт признавал, что такого рода работа может оказаться «совершенно непрактичным шагом», но «если она

не будет выполнена, в заключительном отчете должно быть указано, что такой шаг рассматривался, и объяснено, почему это не было сделано»18 . Записка повергла в отчаяние Рэнкина и его заместителей, которые сочли, что им предлагают потратить уйму времени на поиск иголки в стоге сена.

После того как требование Хьюберта было отвергнуто, он вновь написал Рэнкину, настаивая на том, чтобы до сведения всей комиссии было доведено его предложение, а заодно и то, что оно было отвергнуто. Он вновь повторил свои доводы: такая проверка поможет установить имя убийцы. «Злоумышленник будет стремиться покинуть США», – говорил он. Примут ли «американцы будущего» тот факт, что комиссия не рассмотрела все свидетельства, которые могли бы указывать на заговор, даже если сбор такой информации был обременителен?

В случае с Руби, предупреждал Хьюберт, имеющиеся доказательства не позволяли сделать четких выводов о мотивах убийства Освальда, и комиссия будет ошибаться, утверждая обратное. «Фактически на данный момент документы по делу Руби не позволяют ни исключить вероятность заговора, ни доказать его отсутствие». В последующие недели Хьюберт погружался во все большее уныние: комиссия игнорировала его работу, и он начал подумывать об увольнении. «Он был деморализован», – рассказывал Гриффин19 .

Глава 20

Офис комиссии Уоррена

Вашингтон, округ Колумбия

февраль 1964 года

В конце февраля члены комиссии решили, что пора вступить в открытую борьбу с Марком Лейном. Этот нью-йоркский адвокат возник как будто ниоткуда и быстро стал главным общественным обличителем комиссии. Лейн приводил Уоррена в ярость. Для следствия он был «сущим

наказанием», говорил позднее председатель Верховного суда. Уоррен никак не мог поверить в то, что какой-то безвестный адвокат по гражданским делам, отслуживший год в качестве члена законодательного собрания Нью-Йорка, всего за несколько недель сумел стать всенародной знаменитостью благодаря тому, что делал громкие заявления по поводу убийства. Уоррен отлично знал, что его утверждения были абсурдными. Но Лейн извлекал максимум пользы из решения комиссии ограничить число своих публичных заявлений и проводить слушания в закрытом режиме. Это позволяло ему выступать с самыми невообразимыми обвинениями, которые комиссия почти не имела возможности опровергнуть. «Полная фикция, – говорил Уоррен о версиях заговора, распространяемых Лейном. – И никаких средств со всем этим покончить»1 .

Уоррен принимал нападки Лейна на свой счет, поскольку адвокат пытался убедить общественность в том, что председатель Верховного суда причастен к заговору и скрывает правду об убийстве президента, обвиняя ни в чем не повинного человека. С друзьями Уоррен делился своим недоумением: почему маститые журналисты верят Лейну и его клиенту – Маргерит Освальд? И тем не менее день за днем Лейн и миссис Освальд излагали журналистам свои «немыслимые» теории, а те помещали их на первые полосы газет. Лейн становился знаменитостью и в Европе: его идеи подхватили многие интеллектуалы левого толка, включая британского философа Бертрана Рассела, который собрал в Лондоне группу поддержки дела Лейна. (Среди членов группы Бертрана Рассела, которая называлась «Британский комитет “Кто убил Кеннеди?”», были писатель Джон Пристли и оксфордский историк Хью Тревор-Ропер.)

В комиссии нарастала обеспокоенность действиями Лейна, и в итоге ФБР получило секретное распоряжение установить за ним слежку. Бюро и прежде отслеживало некоторые выступления Лейна в разных местах страны, но 26 февраля Говард Уилленс подготовил служебную записку для ФБР с требованием усилить наблюдение за адвокатом2 . В считаные дни, очевидно, по требованию комиссии, операция была поставлена на широкую ногу. На протяжении зимы и весны ФБР отслеживало практически любые перемещения Лейна по стране. Регулярно, порой даже ежедневно, составлялись отчеты для комиссии о местонахождении Лейна и подробностях его нападок на деятельность президентской комиссии.

В конце февраля в особой служебной записке Уилленс предложил комиссии как можно скорее вызвать Лейна в Вашингтон для дознания3 . Таким образом можно будет заставить его перестать твердить о том, что комиссия игнорирует доказательства, свидетельствующие о невиновности Освальда. Если Лейн действительно располагает доказательствами, у него будет шанс предъявить их комиссии. Если у него их нет, это также будет предано огласке. «Мы знаем, что мистер Лейн выступал с бесчисленными заявлениями о том, что он располагает сведениями о невиновности Ли Харви Освальда в убийстве президента Кеннеди и что комиссия не затребовала этих сведений», – писал Уилленс. Приглашая его для дознания, «я полагаю, мы должны открыто затребовать документы, находящиеся в распоряжении мистера Лейна и имеющие отношение к убийству». Комиссия одобрила предложение Уилленса, и Лейну было выслано приглашение.

Неофициальное расследование убийства Кеннеди стало основной работой Лейна. Он искал свидетелей и доказательства невиновности Освальда повсюду. Имея на руках пачку свидетельских показаний, переданных ему Хью Эйнсвортом, он составил карту, где было обозначено местоположение свидетелей на Дили-Плаза и на месте убийства Типпита.

Первой жертвой его методов стала Хелен Маркем, 47-летняя официантка из Далласа, которая видела, как Освальд застрелил Типпита, и впоследствии узнала Освальда во время очной ставки. Из всех свидетелей она оказалась ближе всего к месту преступления – примерно в 15 метрах. Лейн взял у Маркем интервью по телефону и записал этот телефонный разговор на магнитофон, не сообщив об этом своей собеседнице. Позднее в том же году, когда Лейн был освобожден от уголовного преследования в обмен на эту запись, она стала считаться доказательством попыток Лейна заставить неискушенных свидетелей говорить то, во что они и сами не верили.

Как следует из записи телефонного разговора, Лейн кратко представился, а затем начал задавать вопросы.

– Не могли бы вы уделить мне минутку? – спросил он Маркем, пояснив, что слышал от далласских репортеров ее описание убийцы Типпита. Она

описывала его как «низкого, коренастого, с косматой головой», что совершенно не подходило Освальду4 . В отчете о вскрытии тела Освальда говорилось, что он был среднего роста (примерно метр семьдесят пять), худощав (шестьдесят восемь килограммов) и уже начинал лысеть.

– Нет-нет, я такого не говорила, – ответила Маркем, стараясь придерживаться своих первоначальных показаний.

Но Лейн не отступал.

– Вы назвали бы его коренастым?

– М-м, он был невысок.

– Был ли он немного полноват?

– Ну, он был не слишком полным.

Лейн тут же ухватился за открывшуюся возможность.

– Не полным, но полноватым?

– Нет, не полноватым, он не выглядел полным, нет-нет.

– Он был не слишком полным, а волосы у него были лохматые?

– Да, слегка. (Позднее Маркем скажет, что настойчивые вопросы Лейна привели ее в замешательство и что она хотела сказать, что Освальд был просто непричесанным, а не лохматым.)

Уведя беседу на мгновение в сторону другими вопросами, Лейн вновь вернулся к внешности.

– Вы говорите, он был невысок, полноват и слегка лохматый?

– Да нет же. Меня об этом не спрашивали.

Невзирая на придирчивый допрос Лейна и не зная о том, что разговор записывается, Маркем в основном повторяла то, что она рассказала далласским полицейским. Она продолжала верить, что Типпита убил Освальд.

Со своей стороны Лейн передавал содержание этого разговора иначе. В своих публичных выступлениях, последовавших за этим телефонным звонком, он утверждал, что в разговоре с ним Маркем отступала от своего первоначального описания убийцы Типпита. «Она более подробно описала человека, который, по ее словам, убил Типпита. Она сказала, что он был невысокого роста, полноват и волосы у него были взлохмаченные», – говорил Лейн, явно искажая слова Маркем5 .

Юристы комиссии Уоррена разделяли негодование председателя Верховного суда по поводу деятельности Лейна. Дэвид Белин считал Лейна «шарлатаном», который «умело прикидывался искренним», чтобы превратить убийство Кеннеди в «пожизненную кормушку». Джим Либлер сравнивал тактику Лейна со «старой легендой о лягушках, выскакивавших изо рта лгуна всякий раз, когда он начинал говорить». Лягушки символизировали его лживые высказывания – «приходилось метаться во все стороны, чтобы поймать их».

Лейн принял приглашение комиссии. Слушания были назначены на среду, 4 марта. Из всех свидетелей Лейн был первым, кто потребовал публичных слушаний. Его просьба была удовлетворена, и в зал на первом этаже здания ветеранов были приглашены репортеры. «Я полагаю, что речь здесь пойдет о вещах, крайне важных для всех людей нашей страны. Поэтому, дабы эта сессия была плодотворной и конструктивной, ей следует быть публичной», – сказал Лейн. Он знал, насколько выгодно ему было присутствие вашингтонских журналистов. Обличая председателя Верховного суда и других убеленных сединами членов комиссии, он мог повысить свой рейтинг как ведущий оппонент комиссии.

Дознание вел Рэнкин.

– Есть ли у вас информация относительно расследуемого дела, которой вы хотели бы поделиться с комиссией?

В ответ Лейн пустился в длинный и подробный монолог, нацеленный на детальный разбор доказательств, представленных главным управлением полиции Далласа, ФБР, а теперь и президентской комиссией с целью подтвердить вину Освальда. С самого начала он использовал один и тот же

метод: подозревал сокрытие информации во всех случаях малейших нестыковок между официальными документами и сообщениями в прессе.

Лейн начал с разбора многочисленных фотографий, появившихся за недели, прошедшие со дня убийства, – на них был изображен Освальд с винтовкой Mannlicher-Carcano в руках. Эта винтовка была опознана как орудие преступления. На фотографии с обложки журнала Life – той самой, о которой Марина Освальд говорила, что она сама сделала ее во дворе их дома в Новом Орлеане, – винтовка имеет оптический прицел. Однако агентство Associated Press распространило как будто бы идентичную фотографию, на которой никакого оптического прицела не было. Все это, говорил Лейн, говорит о том, что фотографию сфабриковали, а это само по себе являлось доказательством «преступных действий» с целью сокрытия заговора. (Истина, как в комиссии очень быстро разобрались, заключалась совершенно в другом. В некоторых случаях художественные редакторы изменяли фотографию, чтобы создать максимально контрастный силуэт винтовки. То был широко распространенный, хотя и сомнительный с этической точки зрения прием, использовавшийся в американских газетах и журналах.)

Затем Лейн процитировал показания свидетелей из документов ФБР и главного управления полиции Далласа – этими документами комиссия также располагала, – которые противоречили официальной версии о том, что убийца произвел три выстрела из здания Техасского склада школьных учебников, поразив Кеннеди и Коннелли сзади. Некоторые свидетели, отмечал Лейн, слышали четыре или более выстрелов, другие утверждали, что огонь велся по лимузину спереди, со стороны так называемого Травяного склона на западной стороне Дили-Плаза или со стороны пешеходного моста через дорогу спереди кортежа. Лейн настаивал, что показания свидетелей вкупе с медицинскими экспертизами давали «неоспоримые доказательства того, что ранение в горло президент получил от выстрела спереди».

Не оспаривая аргументы Лейна, председатель Верховного суда и Рэнкин спокойно слушали его монолог на протяжении трех часов, точно так же, как они поступили с Маргерит Освальд месяцем ранее – они почти не перебивали ее, когда она излагала свои путаные показания. Казалось, стратегия Уоррена заключалась в том, чтобы лишить Лейна оснований утверждать, что комиссия отказалась его выслушать. «Мы попросили вас

прийти сюда, понимая, что у вас действительно есть доказательства, – сказал Уоррен Лейну. – Мы рады услышать их. Мы хотим получить от вас все доказательства, которыми вы располагаете».

В ходе дознания Лейн повторил требование, которое он на протяжении многих недель высказывал в своих публичных выступлениях: он хотел выступать в роли адвоката Освальда перед комиссией и иметь доступ ко всем собранным ею материалам. «Тот факт, что Освальд не предстанет перед настоящим судом, связан только с его смертью, – говорил Лейн. – Его лишили всех прав, которыми обладает американский гражданин до конца своих дней, включая право на жизнь». Освальд, говорил Лейн, заслуживает «защитника перед лицом комиссии – адвоката, который бы действовал от его имени при перекрестной проверке фактов и вызове свидетелей».

Уоррен слушал его терпеливо и наконец прервал. «Мистер Лейн, я должен уведомить вас о том, что комиссия, как вы уже знаете, рассмотрела ваши требования и отклонила их. Комиссия не рассматривает вас как адвоката Ли Освальда». Уоррен также заметил, что Марина Освальд, наиболее близкий Освальду человек, не потребовала адвоката для защиты призрака своего мужа. «Мы не собираемся устраивать прения по этому поводу», – закончил Уоррен.

Среди штатных сотрудников комиссии никто не сумел указать на большее количество натяжек в аргументации Лейна, чем Мелвин Эйзенберг, заместитель Редлика. Молодой юрист стал собственным экспертом комиссии по криминалистике, и ему было отлично видно, насколько смехотворными были доводы Лейна, в особенности с точки зрения доказательств, основанных на научных методах. Он полагал, что всем остальным это тоже ясно. «Зацикливаться на Марке Лейне было бы верхом глупости», – решил он про себя6. Меньше, чем других членов комиссии, его волновали заявления Лейна о том, что комиссия была частью заговора с целью скрыть правду об убийстве Кеннеди. «Я полагал, что до тех пор, пока мы даем честные ответы на поставленные перед нами вопросы, с нами ничего не случится, – говорил он. – Нашей репутации ничто не угрожало».

С усердием, которое пятью годами ранее помогло ему с отличием окончить

Гарвардскую школу права, Эйзенберг завершил кропотливое чтение многих тысяч страниц учебников по криминалистике, присланных ему из Библиотеки Конгресса. Доводы науки, как полагал он, совершенно неоспоримо доказывали виновность Освальда. Баллистика и отпечатки пальцев убедительно демонстрировали, что именно Освальд выпустил пули, которые убили президента Кеннеди и едва не убили губернатора Коннелли. Эйзенберг не мог исключить вероятности того, что у Освальда были сообщники, но он был совершенно убежден: человеком, который нажал на спусковой крючок в тот день на Дили-Плаза, был Освальд. «С рациональной точки зрения не могло быть никаких сомнений в том, что Освальд выпустил по меньшей мере те пули, которые попали в тело президента».

С научной стороной вопроса Эйзенберг справился без труда и той же зимой отправил комиссии несколько докладных записок. Анализ сводился к элементарным положениям физики, химии и биологии. «Это было просто, – говорил он. – Не бином Ньютона». Он считал данные баллистической экспертизы наиболее весомыми. Баллистика со стопроцентной долей вероятности доказывала, что пули были выпущены именно из винтовки, которую Освальд заказал по почте. Изучая учебники, Эйзенберг узнал, что винтовка оставляет отчетливые бороздки и другие отметины на пуле, которая вышла из ее ствола. Анализируя использованные пули под микроскопом, исследователь может установить, что Освальд использовал именно эту винтовку как орудие убийства, «и исключить все остальное оружие, какое есть на свете», говорил Эйзенберг.

Отстаивая версию невиновности Освальда, Лейн опирался на показания свидетелей и другие виды доказательств, которые едва ли заслуживали доверия, как теперь это было понятно Эйзенбергу. Он никогда не учился уголовному праву, поэтому был крайне обеспокоен, узнав, что серьезные криминалисты не придают большого значения показаниям так называемых очевидцев. Голливудские фильмы и популярные детективные романы, быть может, и оставляют впечатление о том, что наилучшее доказательство – это показания людей, которые видели, как произошло преступление, однако из прочитанной литературы Эйзенберг узнал, что очевидцы сплошь и рядом искажают факты. Довольно часто разные свидетели одного и того же преступления описывали его совершенно по-разному, что порой приводило к обвинению – даже смертной казни –

ни в чем не повинных людей.

Еще менее достоверными, как выяснил Эйзенберг, были показания свидетелей, лишь слышавших то, что происходило на месте преступления. Очень часто их показания полностью расходились с реальностью, в особенности в таком относительно закрытом пространстве, как Дили-Плаза, где звуки выстрелов давали хаотичное эхо, а свидетели происходящего в панике едва ли обращали внимание на то, что они слышат, потому что пытались спастись. В одной из своих докладных записок Эйзенберг писал, что одни свидетели слышали два или три выстрела, другие – четыре, пять или более; при этом одни слышали выстрелы с Травяного склона или других мест спереди по отношению к кортежу, а другие – со стороны Техасского склада школьных учебников, то есть сзади по отношению к кортежу президента.

В обязанности Эйзенберга также входили встречи со специалистами из криминалистической лаборатории ФБР. Их техническая и интеллектуальная подготовка произвела на него огромное впечатление. И все же он понимал, что комиссии не следует всецело полагаться на экспертные оценки Бюро, поэтому он попросил разрешения на получение консультаций в лаборатории криминалистики полицейского управления Нью-Йорка. Для анализа отпечатков пальцев он обратился к известным всей стране специалистам из полиции Чикаго. Комиссия незамедлительно дала добро на консультации.

В свободное от изучения биографии Руби время Берт Гриффин оказывал поддержку изысканиям Эйзенберга. Изучив документы ФБР и полицейского управления Далласа, 13 марта Гриффин написал служебную записку, в которой указывались имена четырех людей из Далласа и его окрестностей, которые внешне сильно напоминали Освальда и были приняты за него в день убийства. Пятый из «двойников» – Билли Лавледи, сослуживец Освальда на Техасском складе школьных учебников, – был сфотографирован на ступенях склада сразу после выстрелов. Гриффина ничуть не удивил тот факт, что даже после того, как Лавледи публично признал себя в человеке, запечатленном на этой фотографии, Марк Лейн продолжал настаивать на том, что это Освальд. С точки зрения Лейна, это доказывало невиновность Освальда, поскольку он не бежал с места преступления.

Глава 21

Офис комиссии

Вашингтон

февраль 1964 года

Первые несколько недель расследования штатные юристы комиссии все еще верили в добрую волю ЦРУ. Агенты, с которыми им приходилось иметь дело, были, как правило, умны, приятны в обращении, и обещание поделиться с комиссией всеми имеющимися у ЦРУ сведениями относительно Ли Освальда казалось искренним. Совсем иные отношения сложились у юристов и в особенности у членов комиссии с Гувером и ФБР: теперь уже все были уверены, что Бюро ставит комиссии палки в колеса, скорее всего, чтобы скрыть собственные промахи, допущенные при наблюдении за Освальдом непосредственно перед покушением.

Но в феврале появились первые тревожные признаки того, что и агенты ЦРУ, вполне возможно, утаивают информацию. Члены комиссии получили от Секретной службы новые сведения: сразу после убийства президента, в первые же часы, из ЦРУ поступили в Секретную службу доклады с подробным описанием перемещений Освальда по Мексике. Подняли материалы комиссии – там таких докладов не было; ЦРУ даже не поставило комиссию в известность об их существовании. Секретная служба, со своей стороны, отказалась представить эти документы: бумаги строго засекречены, пусть решает ЦРУ.

С тех пор как Рэнкин вошел в комиссию, из представителей ЦРУ он общался преимущественно с заместителем директора Ричардом Хелмсом и проникся к этому человеку уважением и симпатией. Годы спустя Рэнкин вспоминал, что в ту пору он верил: Хелмс, как и вся верхушка ЦРУ, добросовестно сотрудничает с комиссией. Но узнав о недостающих отчетах ЦРУ о поездке Освальда в Мексику, Рэнкин встревожился и решил выяснить правду через голову Хелмса. В конце февраля он обратился напрямую к начальнику Хелмса, директору ЦРУ Джону Маккоуну,

с требованием прислать копии тех рапортов о поездке Освальда, которые уже получила Секретная служба[1] . И чтобы впредь таких проблем не возникало, Рэнкин в этом письме предложил ЦРУ подготовить к передаче всю документацию по Освальду, в том числе полные копии переписки по Освальду с другими правительственными службами как до, так и после убийства президента. Устав от бесплодных споров и неразберихи с ФБР, Рэнкин счел нужным – весьма сдержанно, как он полагал, – высказать ЦРУ предупреждение.

Ответ ЦРУ комиссия получила в пятницу, 5 марта. Из Управления пришла толстая папка якобы со всей собранной по Освальду информацией, начиная с его попытки остаться в Москве в 1959 году. Уилленс, заместитель Рэнкина, вместе с помощниками разобрал эту папку и сразу же увидел, сколь многого в ней недостает. К примеру, отсутствовали переписка и телеграммы от резидентов ЦРУ в Мехико.

Уилленс позвонил Хелмсу, и тот признал, что некоторые материалы пока не выдаются в связи с «определенными не подлежащими обсуждению проблемами». В служебной записке Рэнкину Уилленс упоминает о том, как Хелмс пытался подобрать отговорки: «Он объяснял, что часть этой информации уже была передана комиссии в иной форме, а другая часть материалов содержит не относящуюся к делу или же еще не проверенную информацию». С точки зрения Уилленса, это было неприемлемо: комиссии требовалось все[2] . Хелмс сопротивлялся, и тут прозвучал загадочный намек: дескать, молодой юрист не вполне представляет себе последствия, не думает о том, как требование выдать все документы по делу Освальда отразится на национальной безопасности. ЦРУ «предпочитает отклонить этот запрос», подытожил Хелмс. В отличие от Рэнкина Уилленс не считал себя вправе настаивать и договорился обсудить эту проблему при встрече, которая предполагалась на следующей неделе, когда заместитель директора ЦРУ должен был посетить офис комиссии в Вашингтоне.

На следующей неделе, в четверг, примерно в 11.00, Хелмс сел за стол переговоров с Рэнкином и другими юристами комиссии, среди которых были Уилленс и Коулмен со Слосоном. Комиссия задавала Хелмсу жесткие вопросы, в том числе самый болезненный для любой шпионской службы: может ли ЦРУ утверждать, что Освальд никогда не работал на него в качестве агента под прикрытием? Например, когда находился в Советском Союзе?

Хелмс заверил юристов, что Освальд никогда, ни в каком качестве не работал на ЦРУ и что сам Хелмс и другие руководители ЦРУ, вплоть до Маккоуна, готовы подписать аффидевит и подтвердить это под присягой. Однако члены комиссии не отступали и продолжали спрашивать: если ЦРУ ничего не скрывает, что же оно никак не выдает информацию о поездке Освальда в Мексику?3 Хелмс признал, что ЦРУ предпочло удержать у себя некоторые доклады, не желая раскрывать свои методы шпионажа на территории Мексики, включая прослушку и камеры видеонаблюдения, нацеленные на кубинское и советское посольства.

Рэнкин все еще стремился сохранить доверие к ЦРУ, и аргументы Хелмса о необходимости держать в тайне разведывательные операции ЦРУ в Мексике убедили и его, и других юристов. Итак, Рэнкин предложил компромисс, и Хелмс его принял: ЦРУ обещало впредь предоставлять комиссии цензурированную сводку по всем сообщениям, касающимся Освальда, причем члены комиссии могли в любой момент обратиться в штаб-квартиру Управления и просмотреть там нужный документ целиком.

Обсудили и другие проблемы, касавшиеся Мексики: комиссию беспокоили дыры в сведениях ЦРУ о передвижениях Освальда по Мехико и о людях, с которыми он встречался, в особенности по вечерам. Он зарегистрировался в маленькой гостинице возле автостанции, но с наступлением темноты мог отправиться по городу куда угодно – по-видимому, безо всякой слежки. «Все вечера этой поездки остались вне нашего поля зрения» – так, по воспоминаниям Слосона, он сказал Хелмсу. Хелмс предложил членам комиссии отправиться в Мехико. Они «вполне могут обойти обычные правительственные каналы и напрямую пообщаться с причастными к делу людьми». Со своей стороны Хелмс обещал им всяческое содействие резидентуры ЦРУ в Мехико. Слосона эта идея привела в восторг.

После этой встречи с Хелмсом комиссия действительно получила от ЦРУ материалы, в том числе и отчеты о поездке в Мексику, переданные ранее из ЦРУ в Секретную службу. Один из рапортов был подготовлен ЦРУ в 10.30 утра на следующий день после покушения и извещал Секретную службу о том, что резидентура ЦРУ в Мехико располагает фотографией, сделанной во время наблюдения, и человек на этом снимке похож на Освальда. Сама же фотография так и не попала в руки членов комиссии.

Причину этого Хелмс объяснил в письме к Рэнкину: ЦРУ не сочло нужным предоставить фотографию, так как почти сразу же установило, что этот человек – не Освальд. ЦРУ не видит необходимости загружать комиссию бесполезной работой, ведь эта фотография не представляет никакой ценности для расследования. Но пусть Рэнкин направит следователя из комиссии в штаб-квартиру ЦРУ, и ему покажут снимок круглолицего, славянской внешности мужчины, на вид и выше, и крупнее Освальда.

В соответствии с новым духом полной открытости ЦРУ в марте разрешило Госдепартаменту предъявить членам комиссии также две телеграммы, которые тогдашний посол США в Мексике Томас Манн направил в Госдепартамент и в ЦРУ в конце ноября, сообщая о своем подозрении, что сложился кубинский заговор против президента Кеннеди. Хелмс признался своим заместителям, что «много размышлял», стоит ли показывать эти телеграммы комиссии. Дэвид Слосон прочел их и, к своему огорчению, понял, что от комиссии по-прежнему утаивают значительную часть информации по событиям в Мексике4 . Очень уж встревоженно писал во все инстанции Манн, который был убежден в причастности Кастро к подготовке убийства. Кроме того, в телеграммах содержался намек на другие неизвестные комиссии материалы, включая распечатку прослушанных ЦРУ телефонных разговоров Освальда с Мексикой. Слосон наткнулся на служебную записку Манна, где упоминался известный посольству роман бывшего посла Кубы в Мексике с Сильвией Дюран, «неразборчивой в связях» мексиканкой, непосредственно общавшейся с Освальдом. Слосон всерьез задумался над тем, что же еще скрывается в документах посольства.

В служебной записке Рэнкину от 3 апреля Слосон предложил затребовать копии расшифровок телефонных разговоров в Мехико, которые могли иметь отношение к Освальду. Сверх того, писал он, «нам нужно просмотреть целиком материалы посольства по убийству Кеннеди, включая копии всей переписки с другими государственными структурами». И комиссии, по мнению Слосона, следовало знать куда больше о той молодой мексиканке: «Желательно получить подробную информацию по Сильвии Дюран, в том числе доказательства ее “неразборчивости в связях”».

В конце марта Сэмюэл Стерн выехал в штаб-квартиру ЦРУ в Лэнгли и начал там просматривать все материалы по Освальду. Позднее он вспоминал, какое впечатление произвели на него архив ЦРУ и новая система обработки данных Lincoln: в ней были задействованы только-только поступившие в госучреждения первые компьютеры.

Стерну вручили список всех документов, имеющих отношение к Освальду и предоставили возможность проверять папки, документ за документом, чтобы убедиться в их полной комплектности5 . Нашлись и телеграммы, отправленные резидентурой ЦРУ в Мехико по поводу Освальда, те самые, которых комиссия недосчитывалась. Насколько Стерн мог судить, в «пакете» – так называлась подборка материалов – имелись налицо все документы. У него мелькнуло подозрение – настолько циничное и безосновательное, что Стерн не стал даже упоминать о нем в служебной записке, направленной Рэнкину после этой поездки, – но все же он отчетливо помнит, как ему в тот день подумалось: ЦРУ может с легкостью подделать любой документ, а также внести исправления в инвентарный список и вынуть из «пакета» те материалы, которые не желает распространять. Ведь это работа ЦРУ – добывать и хранить тайны, так что если Управление предпочтет не делиться какой-то информацией по Освальду и убийству президента, комиссия даже не располагает возможностью это установить. «Мы никак не могли достичь полной, окончательной и безусловной уверенности в чем бы то ни было», – сказал Стерн.

Той зимой Дэвид Слосон постепенно стал осознавать, что ЦРУ, возможно, пытается его завербовать. Со временем он полностью в этом уверился. Впрямую предложение так и не прозвучало, однако в разговорах с ним Рей Рокка и другие представители ЦРУ нередко касались планов Слосона на будущее, когда комиссия закончит расследование, проскальзывали и явные намеки на то, что Слосон мог бы отказаться от юридической карьеры и присоединиться к их рядам. «Давали понять: если я не против, так и они не против»6.

Эти авансы ему льстили, признавался Слосон, и тогда он не разглядел в них попытку повлиять на его работу в комиссии. В ту пору ЦРУ пользовалось большим престижем, вспоминал Слосон много позднее. Он

и сам в конце 1950-х подумывал поступить на службу в Управление, когда узнал, что некоторые однокурсники из Амхерста уже работают там. «Они отбирали первоклассные кадры», – вспоминал Слосон. Раз уж он отказался от аспирантуры по физике в Принстоне, сочтя работу юриста более увлекательной, не окажется ли служба в ЦРУ еще увлекательнее? Но пока что у него не было времени обдумывать следующий шаг в карьере: за считаные недели от Слосона требовалось стать собственным экспертом комиссии по вопросу, было ли покушение Освальда частью международного заговора или же он в основном действовал самостоятельно. Коулмен, напарник Слосона по команде «заговора», все чаще отлучался. Он приезжал из Филадельфии раз в неделю, да и то не каждую.

И времени на то, чтобы ломать голову исключительно над тайнами ЦРУ, у Слосона тоже не хватало. По его словам, несмотря на заминку с документами из Мехико, «в целом я считал, что ЦРУ ведет честную игру». Представители ЦРУ, в особенности Рокка, вроде бы с готовностью отвечали на все вопросы Слосона, а когда не имели ответов, давали разумное и внятное объяснение. Слосон не мог не оценить откровенность, с какой Рокка поделился с ним информацией о перебежчике Юрии Носенко, бывшем агенте КГБ. Спустя годы Слосон признавался, что понятия не имел о спровоцированной побегом Носенко суматохе, о том, как чуть ли не с первого дня лучшие специалисты по СССР в ЦРУ, а также ФБР сражались против начальника Рокки Джеймса Энглтона, главы отдела контрразведки ЦРУ. Энглтон считал Носенко двойным агентом, которого умышленно передали Соединенным Штатам, чтобы снять с Советского Союза подозрения в причастности к убийству Кеннеди.

Юрий Иванович Носенко7 (на момент побега ему исполнилось 36 лет) вступил в контакт с ЦРУ в 1962 году, путешествуя в качестве агента КГБ под прикрытием по Швейцарии. Тогда он заявил, что проститутка украла у него 200 долларов. Согласно отчету ЦРУ, Носенко обратился к знакомому американскому дипломату в Женеве и попросил денег взаймы: он-де опасается, что в случае недостачи начальникам в КГБ станет известно о его сексуальных похождениях. Этот инцидент использовали, чтобы перевербовать Носенко и поручить ему шпионить уже в пользу США.

В феврале 1964 года, через три месяца после убийства Кеннеди, Носенко

вновь связался с ЦРУ и заявил, что должен немедленно бежать и что он располагает ценной информацией о Ли Харви Освальде. Побег Носенко сделался сенсацией, о нем писали на первой странице The New York Times [8], но затем перебежчик на долгие годы исчез из поля зрения. Носенко сообщил ЦРУ, что лично читал подборку документов КГБ по Освальду и эти документы доказывают: убийца президента никогда не был агентом СССР. Советские секретные службы сочли Освальда психически нестабильным – хорошо владевший английским языком Носенко выразился коротко: a nut , «придурок», – и потому негодным для работы в разведке. А уж когда Освальд предпринял в октябре 1959 года, вскоре после приезда в Москву, попытку самоубийства, вопрос о вербовке был закрыт.

В ФБР у Носенко имелась поддержка. Эдгар Гувер и его заместители по контрразведке, выискивавшие коммунистических шпионов на территории Америки, считали Носенко настоящим перебежчиком и его показания принимали на веру. В былые годы рекомендации Гувера было бы достаточно, чтобы все отнеслись к русскому с полным доверием, но Энглтон был настроен решительно против Носенко, а именно Энглтон контролировал поток информации из ЦРУ в комиссию, и в частности к Слосону. Энглтон поручил своим подчиненным отыскать в истории Носенко противоречия и доказать, что это двойной агент. Более всего Энглтон опасался, что Носенко подослали из Москвы с целью подорвать доверие к другому перебежчику из КГБ, который ранее переселился в США – к Анатолию Голицыну[9]. Голицын годами подыгрывал паранойе Энглтона, считавшего, что агенты КГБ просачиваются в ЦРУ. По мнению Голицына, Носенко был двойным агентом, отряженным в США специально для дискредитации самого Голицына.

Понятно, что Слосон разволновался, узнав так много о настоящем шпионском деле, непосредственно связанном с работой комиссии. Шпионы, двойные агенты, побеги женевскими переулками – это ударяло в голову, признавался он впоследствии. Если Носенко говорил правду, тем самым исключалась причастность Советского Союза к убийству. Если же он лгал, то, значит, КГБ старался замести следы и скрыть свою связь с человеком, застрелившим президента.

Рокка убеждал Слосона, что информированные агенты ЦРУ считают Носенко обманщиком[10], и Слосон, как он потом вспоминал, понимал

причины такого недоверия: «Показания Носенко пришлись чересчур кстати» для оправдания Кремля, рассказывал Слосон. Носенко по всем признакам был «подсадной уткой».

В самой комиссии документы по Носенко были столь строго засекречены, что кое-кто из юристов даже не слыхал этого имени. В большинстве представленных комиссии документов Носенко обозначался просто буквой N. Слосон понимал, что комиссии предстоит решить, следует ли включать в окончательную, подлежащую опубликованию версию своего отчета информацию о Носенко, и какую именно. Если верны подозрения ЦРУ и Носенко – двойной агент, то, по мнению Слосона, комиссия сыграла бы на руку Кремлю, распространяя сообщения Носенко: «фактически мы бы обелили Москву». И во всех этих вопросах Слосону опять-таки приходилось полагаться на сотрудников ЦРУ, которые не допускали ни его, ни какого-либо другого члена комиссии на встречу с Носенко для личной проверки его информации. «Я просил о встрече и всякий раз получал ответ: “Ни в коем случае”», – вспоминал Слосон.

Слосону также ничего не рассказывали о том, как обращались с Носенко в ЦРУ. Он знал, что русского держат в одиночном заключении, и позднее говорил, что его беспокоило, насколько суровы условия содержания Носенко: Слосон всегда полагал, что длительное одиночное заключение равносильно «психологической пытке».

На самом деле все обстояло гораздо хуже. Впоследствии следователи, назначенные Конгрессом, и даже кое-кто в ЦРУ признавали, что Носенко фактически подвергался многолетней пытке. В одиночном заключении он провел 1277 дней, то есть более трех лет, в основном на тренировочной базе ЦРУ под Уильямсбургом (штат Виргиния) в специально оборудованной неизолированной камере, освещенной единственной лампочкой, которую не выключали ни днем, ни ночью. Никакого общения, кроме допросов. Никакого чтения, заключенному отказывали в элементарных вещах, месяцами не выдавали зубную щетку и пасту. «Я ни с кем не мог общаться, – рассказывал позднее Носенко, – не мог читать, не мог курить, не мог даже подышать свежим воздухом»11 .

Министерство юстиции, безусловно, разделяет ответственность за жестокое обращение с Носенко. В апреле 1964 года министерство втайне санкционировало такие условия содержания русского перебежчика.

Представители ЦРУ именно за этим наведались к заместителю генерального прокурора Николасу Катценбаху. Впоследствии Катценбах под присягой пытался отречься от этого разговора, но протоколы ЦРУ подтверждают, что встреча имела место и что Катценбах одобрил предложение ЦРУ держать Носенко в заточении сколько понадобится, без суда и возможности апелляции.

ЦРУ и другими способами продолжало втихомолку сотрудничать со Слосоном. Управление помогло ему составить запрос правительству Кубы о пересылке всех относящихся к Освальду документов из кубинского посольства и консульства в Мехико. Запрос направлялся через правительство Швейцарии, взявшей на себя роль дипломатического посредника между Вашингтоном и правительством Кастро12, и прежде чем обратиться с таким запросом, Слосон испросил разрешения комиссии.

Запрос «по каналам дошел до Эрла Уоррена, и тот поначалу ответил отказом», вспоминал Слосон. «Эрл заявил, что не желает полагаться ни на какие сведения, исходящие от правительства, которое является основным подозреваемым в убийстве». Слосон оторопел: он-то считал обязанностью комиссии собирать всю информацию, которую удастся раздобыть, а уж потом по возможности ее проверить. Но председатель Верховного суда, очевидно, был намерен воспрепятствовать получению существенной части сведений.

Обратиться к правительству СССР с просьбой предоставить данные по пребыванию в течение двух с половиной лет Освальда в стране Уоррен разрешил, но к Кубе он относился совсем иначе. Председатель Верховного суда находил существенную разницу между давно пообтесавшимися коммунистическими руководителями СССР – с Хрущевым он лично встречался прошлым летом, когда проводил отпуск вместе со своим другом Дрю Пирсоном, – и молодыми, агрессивными и бородатыми сподвижниками Кастро, которые лишь в 1959 году совершили переворот в Гаване.

Слосон таких тонкостей не различал, и уж, во всяком случае, не тогда, когда ему требовалось делать свое дело, собирать улики. В результате Слосон решился на совершенно нетипичный для него шаг: он ослушался

Уоррена. Он вспоминал, как рассуждал сам с собой: «Мы обязаны получить любую доступную информацию». Пусть он рисковал карьерой, но «попросту пренебрег указаниями Уоррена и сделал по-своему – подал запрос в Госдепартамент».

Обращение к правительству Кастро было делом настолько «деликатным», что письмо правительству Швейцарии подписывал сам госсекретарь Дин Раск. Слосону приходилось лишь надеяться, что остававшийся в неведении Уоррен не столкнется случайно с Раском на каком-нибудь светском мероприятии в Вашингтоне. Запрос принес свои плоды: Гавана выдала документы, в том числе копию ходатайства Освальда о кубинской визе и паспортного размера фотографии, приложенные Освальдом к заявлению на визу.

Несколько недель спустя в личной беседе с Уорреном (такие встречи происходили нечасто) председатель Верховного суда поинтересовался, какие новые сведения комиссии удалось получить из-за границы. Слосон среди прочего робко упомянул материалы, поступившие с Кубы, – ту самую информацию, которую Уоррен не велел ему запрашивать.

Уоррен пришел в ярость:

– Я же сказал вам, что мы этого делать не станем! – воскликнул он.

Пришлось Слосону прикинуться дурачком:

– Прошу прощения. Я не понял, что вы настроены столь категорически.

Теперь, получив документы с Кубы, Слосон обрадовался, что Уоррен не стал препятствовать их использованию. «Он примирился с тем, что они попали нам в руки, – рассказывал Слосон. – И вовсе не пытался замолчать их». С помощью ЦРУ удалось удостовериться в подлинности значительной части материала, включая подпись Освальда на ходатайстве о выдаче визы.

Глава 22

Офис комиссии

Офис комиссии

Вашингтон

февраль 1964 года

Верный своему обещанию прочесть каждый клочок бумаги, который поступит в офис комиссии, Норман Редлик в феврале подолгу засиживался над папками, потоком хлынувшими из ЦРУ в комиссию, и потому он первым обнаружил недостающий элемент.

В начале месяца Редлик натолкнулся на заинтриговавший его документ, отпечатанный на машинке в ФБР: дословное воспроизведение всех записей в записной книжке Освальда – полиция Далласа обнаружила ее среди личных вещей убийцы[1] . Бюро якобы подготовило для комиссии и других следователей машинописную копию исключительно из любезности, так как почерк Освальда с трудом поддавался прочтению.

Типично для Редлика: он не пожалел времени на трудоемкую проверку, которой, как он понимал, никто другой из членов комиссии не озаботится. Редлик решил сопоставить страницу за страницей подлинник записной книжки и распечатку ФБР. Редлик не прошел специальной подготовки в качестве следователя, однако придерживался убеждения, что хороший юрист обязан проверить каждую улику, сколько бы сил это ни отняло. Он хотел убедиться в том, что в Бюро ничего не перепутали (даже случайно) в записях Освальда.

Первые 24 страницы расшифровки ФБР точно совпадали с записной книжкой. Но вот Редлик дошел до страницы 25, глянул на соответствующую страницу записной книжки – и обнаружил пропуск. Здесь должна была находиться запись «АГЕНТ ДЖЕЙМС ХЭСТИ», с ошибкой в фамилии Джеймса Хости, агента ФБР в Далласе. Под именем агента Освальд записал его рабочий адрес и еще какие-то цифры – как выяснилось, номер казенного автомобиля ФБР. Запись датирована 1 ноября 1963 года, то есть была сделана за три недели до покушения.

Ни имя агента, с ошибкой или без, ни вся прочая информация о Хости не попала в распечатку ФБР. Редлик сразу же заподозрил, что Бюро неуклюже пыталось скрыть улики, указывавшие на связь с Освальдом. Он бросился за советом к Рэнкину, и Рэнкин тоже насторожился. Несколькими

неделями ранее комиссия постаралась не дать ход проникшим в газеты неизвестно откуда сообщениям, будто Освальд, возможно, состоял на службе у ФБР. Но теперь возникло сомнение: не скрывает ли ФБР сведения, полученные об Освальде еще до убийства.

11 февраля 1964 года Рэнкин собрал коллег, сообщил им о том, что обнаружил Редлик, и просил совета. Кое для кого из юристов эти пропуски в распечатке оказались последней каплей. Самое малое, в чем можно было заподозрить ФБР, – это в попытке скрыть, что за убийцей президента перед самым покушением велось пристальное наблюдение и Освальд даже записал имя, адрес и номер автомобиля агента. «Естественно, мы решили, что они заметают следы», – вспоминал Слосон[2]. Спектер также был убежден, что это не был случайный недосмотр: «Самым гнусным образом прикрывали себя. Напрашивался естественный вопрос: что еще скрыли от комиссии, а мы так этого и не выяснили?»[3] Для Гриффина это был тот момент, когда юристы комиссии убедились, что ФБР доверять нельзя никогда и ни в чем.

На этот раз Рэнкин не соизволил встретиться с Гувером лицом к лицу. Он написал директору ФБР письмо с требованием объяснить, когда и как был допущен этот пропуск в распечатке. «Само собой разумеется, нам нужны подробные объяснения… Комиссия должна быть полностью информирована об обстоятельствах, при которых появился этот пропуск»[4]. В письме Гуверу предлагалось назвать поименно всех агентов и их начальников, которые готовили «машинописную запись или принимали решения вычеркнуть из окончательной версии какую-либо информацию».

Гувер ответил не менее пылко: он-де тоже возмущен, а информация о Хости не была включена в распечатку, писал он в ответном письме Рэнкину, лишь потому, что не представляла собой «нити расследования», сколько-нибудь ценной для комиссии. В других документах ФБР, отметил он, также передавалось содержание записной книжки Освальда, и там вполне четко упоминалась запись о Хости. Отсутствовало это упоминание лишь в данном конкретном документе, распечатке. «С самого начала расследования Бюро собирало и передавало комиссии все существенные факты и намерено продолжать эту работу и впредь», – заявил Гувер.

Сам Хости знал, что это неправда. Позднее ему сообщили, что его друг Джон Кеслер, агент ФБР в Далласе, готовя распечатку, умышленно скрыл запись о нем, чтобы уберечь Хости от чересчур пристального внимания начальства. По словам Хости, «Кеслер всего лишь хотел защитить меня от гнева Гувера»5 .

Но прикрывать Хости было уже поздно, и сам агент это знал. Еще в декабре он получил официальный выговор за подписью Гувера, и на том его карьера, очевидно, была закончена. Не упоминая впрямую убийство президента или слежку за Освальдом, Гувер писал своему подчиненному: «Вы допустили грубейшие промахи в деле, требовавшем повышенной бдительности»6. Что имел в виду директор, если не тот факт, что осенью Хости упустил шанс допросить Освальда и не предупредил Секретную службу о присутствии этого опасного человека в городе? «Вам следовало знать, что статус этого подозреваемого требовал более пристального внимания при расследовании», – говорилось в письме.

Хости опасался, что его принесут в жертву. Для ФБР куда проще свалить вину на одного-единственного агента в Далласе, чем выявлять куда более существенные промахи всей организации как до, так и после убийства. «Гувер сделал из меня классического козла отпущения, – жаловался впоследствии Хости. – После убийства Освальд заявил прессе, что это-де подстава, он лишь мальчик для битья. Теперь я понял, кто будет мальчиком для битья». Коллеги полностью разделяли его мнение. «Ты будешь жертвенным козлом», – так и сказал ему другой агент, Винс Дрейн7 .

Конечно, и Хости переживал нелегкие минуты, терзаясь вопросом: «Мог ли я предотвратить убийство президента?» Со временем, однако, он уговорил себя, что его вины тут нет: сведения, которые он успел собрать об Освальде перед покушением, никоим образом не указывали, что этот человек представляет собой угрозу. Более того, агент полагал, что отчеты подтверждают, как добросовестно он работал. Дело о национальной безопасности, заведенное на Освальда после его возвращения в 1962 году из СССР, было закрыто агентом ФБР в Техасе, поскольку тот не счел Освальда достойным внимания. Это Хости вновь вернулся к той папке.

С самого начала расследования Хости понял, что начальство в ФБР спешит

поскорее закончить дело и выставить Освальда убийцей-одиночкой невзирая ни на какие улики. Версию иностранного заговора расследовали так вяло, что Хости заподозрил: от него что-то скрывают. «Я не знал, что происходит в Вашингтоне, – вспоминал он, – но чуял неладное»8 . От Гордона Шэнклина, главы отделения ФБР в Далласе («из тех типов, которые не высморкаются, не согласовав это с начальством»), Хости получил 23 ноября, на следующий день после гибели Кеннеди, ошеломляющее распоряжение: Шэнклин сообщил своим подчиненным, что «Вашингтон не желает, чтобы вы искали в этом деле советский след. Нежелательно волновать общественность». Тот же Шэнклин днем позже велел Хости уничтожить записку Освальда. Хости порвал записку и смыл обрывки в унитаз. (Спустя годы Шэнклин будет отрицать, что распорядился уничтожить записку, но другие служащие отделения ФБР в Далласе отчетливо помнили, что приказ исходил именно от него.)

Несмотря на выговор от Гувера, Хости все же было поручено участвовать в расследовании убийства: отстранив его, ФБР публично признало бы, что отделение в Далласе недолжным образом организовало слежку за Освальдом накануне убийства президента. Тем не менее Хости запретили упоминать свое имя в отчетах, которые направлялись в Вашингтон и ложились на стол Гувера: «Я-де скомпрометировал Гувера и Бюро в глазах общественности».

Основной задачей Хости в месяцы после убийства было любой ценой удержаться на службе. У него подрастали восемь детей, младшему на момент убийства было всего три месяца. Трехлетний сын Дикки страдал ДЦП и нуждался в интенсивных дорогостоящих процедурах четыре раза в неделю. Зацепиться за ускользавшую от него работу Хости мог только одним способом: выполнять приказы. «В 1942 году, когда я восемнадцатилетним парнем оказался в армии, мне первым делом внушили: в сражении рядовой должен слепо следовать приказам, – писал он. – А ФБР во многом похоже на армию»9 .

В середине декабря ему поручили расследовать многообещающую наводку: попытаться установить, в какой мере соответствует истине удивительный рассказ молодой американки кубинского происхождения, проживавшей неподалеку от Далласа. Эта женщина, Сильвия Одио, пользовалась хорошей репутацией и вроде бы заслуживала доверия. Она сообщила, что за несколько недель до покушения Освальд явился к ней

вместе с двумя борцами против режима Кастро. Родители 26-летней Сильвии тоже выступали против Кастро и на тот момент находились в кубинской тюрьме. Слова Сильвии подтверждали другие свидетели, в том числе сестра-подросток, которая, по ее словам, находилась дома в ночь визита Освальда.

Хости побеседовал с Сильвией Одио 18 декабря. Он запомнил ее как «поразительно красивую женщину, бежавшую с Кубы после того, как ее отца Кастро бросил в тюрьму за измену»10 . Сильвия принадлежала к той кубинской аристократии, что после прихода Кастро к власти искала спасения в Соединенных Штатах – в глазах Хости это был «привилегированный высший класс кубинцев». Молодая женщина была умна и прекрасно образована, на Кубе, по ее словам, она училась на юриста, пока революция не положила конец этим занятиям.

Если история Сильвии Одио соответствовала действительности, это означало либо что Освальд незадолго до покушения связался с антикоммунистически настроенными кубинцами, либо (и это представлялось Хости более вероятным), что он, стараясь оказать услугу кубинским революционерам, хотел проникнуть в антикастровское движение. Хости было известно, что Освальд уже пытался ранее в том же году войти в антикастровскую группу, обозначавшуюся аббревиатурой DRE[9], в Новом Орлеане – вероятно, с целью собрать информацию для прокастровского Комитета за справедливое отношение к Кубе (Fair Play for Cuba Committee).

Одио описывала свою встречу с Освальдом так11 : вечером в конце сентября, когда она находилась у себя дома, к ней явились трое незнакомых людей и представились членами антикастровского движения, ненадолго заехавшими в Техас. Двое из них были латиноамериканцы – вполне возможно, действительно кубинцы, – они говорили по-испански, один из них откликался на «боевую кличку» Леопольдо. Третий мужчина, по словам Сильвии, отнюдь не был латиноамериканцем, даже не говорил по-испански. Его представили Сильвии как «Леона Освальда», американца, который «весьма интересуется борьбой кубинцев». Леопольдо обратился к Сильвии с просьбой помочь в сборе денег на покупку оружия для антикастровского движения. Сильвию часто привлекали к сбору денег, потому что ее отец пользовался большим уважением среди эмигрантов. «Мы друзья вашего отца», – сказал ей Леопольдо, и Сильвия была склонна

ему поверить, потому что, по ее словам, он сообщил «много подробностей о том, где и когда они виделись с моим отцом и в каких делах он участвовал». Леопольдо также утверждал, что они все трое только что приехали из Нового Орлеана (зачем они туда ездили, он не пояснил) и едут дальше. «Я не спрашивала, куда они едут», – сказала Одио. На следующий день Леопольдо позвонил ей. Сильвии показалось, что он пытается поухаживать за ней – и это опять же было для красавицы-кубинки привычно. Леопольдо спросил ее, что она думает об «американце».

– Ничего о нем не думаю, – ответила Сильвия.

– Мы хотим вовлечь его в кубинское движение. Он крутой, совершенно сумасшедший, – сказал ей Леопольдо.

По словам Леопольдо, этот американец прежде служил в морской пехоте, профессионально управлялся со снайперской винтовкой и считал, что президент Кеннеди заслуживает смерти.

– Он говорит нам: «У вас, кубинцев, кишка тонка. После бойни в заливе Свиней Кеннеди следовало убить, кто-то из кубинцев должен был позаботиться об этом».

Больше Сильвия ничего не слышала о «Леоне Освальде» вплоть до покушения, когда она и ее сестра Энни узнали в показанном по телевидению человеке, обвиненном в убийстве президента, того самого мужчину, который несколькими неделями ранее побывал у них дома.

Энни, учившаяся в то время в Университете Далласа, по словам Одио, сообразила первой. «Она спросила: “Сильвия, ты знаешь этого человека?” Я сказала: “Да”, и она подхватила: “Я тоже. Это он приходил к нам”».

Сестры Одио побоялись обратиться в ФБР или в полицию Далласа сразу после убийства: как бы в причастности к покушению не обвинили антикастровское движение, к которому принадлежал их отец – так поясняла свои действия Сильвия. С ФБР без ее ведома связался друг Сильвии.

В беседе с Хости мисс Одио не стала скрывать обстоятельство, которое, как она понимала, могло повлиять на степень доверия Бюро к ее рассказу.

Молодая женщина была, как она выражалась, «эмоционально неуравновешенной» и иногда падала в обморок. Проблемы начались еще на Кубе, когда муж бросил ее с четырьмя детьми, и в то время Сильвия лечилась у далласского психиатра. Однако ночной визит Освальда подтверждался и другим свидетелем, ее сестрой, к тому же многие люди готовы были поручиться за благонадежность Сильвии. Она также сообщила, что еще до покушения на президента рассказывала о странном визите троих мужчин своему психиатру12 .

История, рассказанная Сильвией Одио, заинтересовала Хости, хотя он и сознавал, сколь рискованно – учитывая желание Гувера представить Освальда убийцей-одиночкой – расследовать улики, указывавшие на возможный заговор. Агент обратился к психиатру Одио, доктору Бертону Эйншпруху, и тот подтвердил, что Сильвия рассказывала ему о ночном визите троих мужчин вскоре после этого события13 , и, по мнению Эйншпруха, она говорила правду.

Спустя годы Хости утверждал, что никогда не сомневался в правдивости Одио – женщина явно сама верила в то, о чем говорила. «Она не притворялась, – отмечал он. – Для нее все это было правдой. Я видел, что она действительно верит в это: она встречалась с Освальдом». Но Хости и прежде доводилось иметь дело со свидетелями, которые под впечатлением от нашумевшего преступления убеждали себя, будто видели то, чего на самом деле видеть не могли. В итоге агент решил не принимать историю Одио в расчет, учитывая ее психическое заболевание: Эйншпрух сказал ему, что Сильвия страдает «сильной истерией, болезнью, весьма, по его мнению, распространенной среди латиноамериканок, принадлежащих к высшему классу». Этим, по мнению Хости, и объяснялась путаница. Энни же подтвердила историю семьи из чувства родственной солидарности, а не потому, что визит Освальда на самом деле имел место.

В недели после убийства Хости был по горло загружен работой и предпочел отмахнуться от рассказа Сильвии: «Предстояло проверить еще много других наводок». Итак, составив протокол ее показаний, он «практически забыл про мисс Одио»14 .

Глава 23

Офис комиссии

Вашингтон

февраль 1964 года

Отчеты далласского отделения ФБР о показаниях Сильвии Одио передали группе «по заговору» – Дэвиду Слосону и Уильяму Коулмену. Бюро не придавало этим отчетам особого значения, но Слосон так и впился в них. Он вспоминал потом, что, читая рассказ этой молодой жительницы Далласа, разволновался при мысли, что свидетельница подтверждает: незадолго до убийства Освальд общался с антикастровской группировкой. Показания соответствовали той гипотезе о заговоре, которую Слосон считал наиболее правдоподобной[1] .

Если комиссия придет к выводу, что Кастро в покушении не замешан, прикидывал Слосон, имеет смысл расследовать причастность ожесточенных противников Кастро. Не решились ли они отомстить Кеннеди, который слишком мало сделал для свержения коммунистического правительства в Гаване? Слосон пытался вообразить разветвленный заговор, в результате которого в убийство президента вовлекалась кубинская оппозиция. В итоге версия заговора настолько усложнилась, что даже Слосон, учившийся первоначально на физика и умевший передавать тайны Вселенной доступным для непосвященных языком, не сумел толком объяснить свою точку зрения коллегам из комиссии. Наслаивались взаимные обманы и двурушничество: и сам Освальд, и те эмигранты – противники Кастро, с которыми он, возможно, имел дело, вели двойную, если не тройную игру.

Вот одна из возможных гипотез: зная, что Освальд всецело предан Кастро и революции, антикастровская эмиграция могла подставить его, подослать убийцу к Кеннеди, а вину свалить на Освальда, бросив в здании Техасского склада школьных учебников его винтовку. Или еще более запутанный сценарий: антикастровцы обманули Освальда, выдали себя за сторонников Кастро и убедили американца, что он наилучшим образом послужит кубинской революции, если застрелит Кеннеди. На самом деле после

убийства некоторые группировки кубинских эмигрантов пытались выставить Освальда агентом Гаваны и призывали организовать новое вторжение на Остров Свободы. «Вот к чему сводилось основное мое подозрение: антикастровская эмиграция, главным образом расселившаяся во Флориде, хотела свалить вину за убийство на Кастро, чтобы разжечь войну, – вспоминал Слосон. – Именно поэтому меня заинтересовал рассказ Сильвии Одио».

Теперь у комиссии, как шутили в офисе, оказались «две Сильвии» – Сильвия Одио в Далласе и Сильвия Дюран в Мехико. Две экзотические красавицы, чрезвычайно привлекательные латиноамериканки, и это обстоятельство тоже, разумеется, заметили и Слосон, и другие члены комиссии мужского пола.

Поначалу Слосон не имел возможности самостоятельно проверить показания Сильвии Одио. Оставалось лишь надеяться, что ФБР не забросит эту линию расследования и в первую очередь установит личности двух латиноамериканцев, путешествовавших, согласно этим показаниям, вместе с Освальдом. Спустя годы Слосон признавался, что не обратил внимания на причастность Хости к расследованию и не задумывался о том, возможен ли тут конфликт интересов. Слосон, как и все остальные члены комиссии, понятия не имел о разносе, учиненном Гувером Хости и еще нескольким агентам ФБР за допущенные в период перед убийством промахи.

Зато Слосон мог подробнее разобраться в истории другой Сильвии, Дюран. Первоначально он считал ее одним из ключевых свидетелей на своем участке расследования, «возможно, даже основным свидетелем», поскольку она постоянно общалась с Освальдом в Мехико. По совету из ЦРУ Слосон и Коулмен планировали на весну поездку в Мексику и в том числе рассчитывали добиться встречи с Дюран. Слосон прочел отчеты ЦРУ по Дюран от корки до корки и знал, что, по слухам, она считается оперативным работником то ли на мексиканской службе, то ли даже на американской.

По словам Слосона, ему так и не дали внятного объяснения, почему отделения ЦРУ и ФБР в Мехико не настаивали на прямом допросе Дюран, предоставив эту работу известной своей жестокостью мексиканской службе безопасности, Dirección Federal de Seguridad (DFS) . Тем самым эта

линия расследования заметно усложнилась, поскольку мексиканцы не предъявили американским коллегам протоколы допроса, а лишь в общем виде передали содержание этих бесед, и этот краткий отчет, если и отвечал на какие-то вопросы, порождал не меньше новых недоумений.

По части изобретения различных теорий заговора Слосон признавал себя «дилетантом» – эту шутку он повторял и позднее. Но кое для кого сочинение теорий превращалось в ремесло, причем довольно прибыльное. Маргерит Освальд и Марк Лейн выступали весной с речами по всей стране и всюду собирали немалые суммы. Лейн уже планировал европейские гастроли, чтобы распространить во всем мире весть о невиновности Освальда. Слосон говорил, что ни его самого, ни коллег деятельность Лейна нисколько не беспокоила: «Он так нагло врал, что ему, как я думал, никто бы не поверил».

Однако в Европе Лейна ожидала чрезвычайно отзывчивая на теории заговора аудитория – даже более податливая, чем в Соединенных Штатах. Популярный французский журнал L’Express уже начал публиковать серию статей американского журналиста-эмигранта Томаса Бьюкенена, который на основе достаточно скудных и, как позже выяснилось, неверных сведений сделал вывод, будто убийство Кеннеди заказали «правые» техасские промышленники и нефтяники. Постепенно Бьюкенен пришел к выводу, что Освальд и Руби были знакомы, что Руби одолжил Освальду деньги для уплаты долга Госдепартаменту: Госдепартамент финансировал дорожные расходы Освальда, когда тот в 1962 году возвращался в США. В конце зимы Бьюкенен уже писал книгу «Кто убил Кеннеди?», а издатели по обе стороны Атлантики выстроились за ней в очередь.

В Соединенных Штатах на версии «Освальд – информатор ФБР» по-прежнему настаивал более авторитетный журналист, Гарольд Фельдман из The Nation. В феврале Редлик подготовил подробную служебную записку, где указал, что мнение Фельдмана «достаточно обосновано, чтобы имело смысл его изучить»2 . Редлик и сам публиковался в The Nation и считал, что журнал задает правильные вопросы, например, почему Освальд с такой легкостью получил новый паспорт, когда вернулся в США после несостоявшегося побега в СССР – это обстоятельство заставляло предположить давнюю тайную связь Освальда с Госдепартаментом

или ЦРУ. «В целом к таким публикациям разумнее присматриваться, нежели отбрасывать их из-за неизбежных фактических неточностей, – писал Редлик. – В них может обнаружиться зерно здравой идеи, которую мы бы иначе упустили из виду».

Вскоре и сам Редлик станет объектом нападок для сторонников версии заговора. 12 февраля Tocsin, правая газетенка с офисом в Оукленде, штат Калифорния («Ведущий антикоммунистический еженедельник Запада»), посвятила передовицу работе Редлика в комиссии. Статья под заголовком «Убийство расследуют красные» началась словами: «Известный член коммунистической партии входит в состав комиссии Уоррена, расследующей убийство президента Кеннеди. Норман Редлик является также профессором Школы права Университета Нью-Йорка»3. Статья выставляла Редлика человеком левых взглядов, напоминая, что прежде он состоял в Чрезвычайном комитете по гражданским свободам – организации нью-йоркских юристов, которую ФБР причисляло к коммунистическому движению. Комитет был создан в начале 1950-х годов для защиты граждан, попавших под подозрение Комитета Конгресса по расследованию антиамериканской деятельности или же в списки «коммунистов» ФБР.

Не прошло и двух дней, как Джон Болдуин, республиканец, член Конгресса от Северной Калифорнии, направил копию статьи из Tocsin своему коллеге-однопартийцу Джеральду Форду. «Меня всерьез обеспокоила эта статья о человеке, который состоит консультантом в комиссии Уоррена, членом которой вы являетесь, – распекал Болдуин товарища за недосмотр в письме от 12 февраля. – Полагаю, вам следует принять меры»4 .

На следующий же день встревоженный Форд ответил Болдуину: «Вполне разделяю вашу озабоченность в связи с этими обвинениями… Мы в этом разберемся». В этом письме Форд напоминал, что в момент формирования комиссии он «настаивал, в числе прочего, на том, чтобы в ее работе не принимали участия люди, в прошлом имевшие связь с какой бы то ни было экстремистской группировкой». Форд имел все основания негодовать: он протестовал против включения в состав комиссии людей крайних политических убеждений, как левых, так и правых, и тем не менее пригласили Редлика! Теперь Форд чувствовал себя скомпрометированным

перед другими конгрессменами-республиканцами.

Форд решил провести предварительное расследование сам. Он обратился в Комитет по расследованию антиамериканской деятельности, который в ту пору возглавлял конгрессмен Эдвин Уиллис, крайне консервативный представитель демократической партии от штата Луизиана, и запросил полный отчет по Редлику. Ему прислали отчет на двух страницах с перечнем тех выступавших за гражданские права и свободы групп, с которыми был связан Редлик, – комитет считал эти группы подрывными[5]. И неудивительно, что Редлик навлек на себя гнев комитета: он принимал участие в нескольких нью-йоркских митингах, выступавших как раз против Комитета по расследованию антиамериканской деятельности.

Эти неприятные подробности о личности Редлика усилили и без того накапливавшееся недовольство Форда работой комиссии Уоррена. За несколько дней до того Форд уже подвергся атаке из-за странного комментария, который позволил себе глава Верховного суда в первый день слушаний свидетельских показаний Марины Освальд. На вопрос репортеров, собравшихся возле здания Организации ветеранов зарубежных войн, намерена ли комиссия опубликовать информацию, полученную от вдовы Освальда и других свидетелей, Уоррен ответил: «Да, время придет… но, возможно, не при вашей жизни. Я не имею в виду что-то конкретное, но некоторые моменты могут касаться безопасности. Они будут сохранены, но не будут опубликованы»[6]. Информационное агентство Associated Press привело слова судьи в такой форме: если показания миссис Освальд выдадут какие-либо тайны, угрожающие государственной безопасности, то эти показания будут засекречены на десятилетия – «и я на этом настаиваю».

Комментарий председателя Верховного суда вызвал бурю негодования. Эти слова подтверждали теорию заговора и распространившееся убеждение, что комиссия намерена скрыть от общественности правду о покушении. В неменьшей степени взволновались и члены самой комиссии, а молодые юристы и вовсе отказывались понимать, о чем говорит Уоррен. Арлен Спектер, по его словам, едва услышав этот комментарий, сразу же понял, «сколь серьезный ущерб нанес репутации комиссии» председатель Верховного суда: он «бросил тень на всю работу

комиссии»7 . По тому, что ему было известно об Уоррене, Спектер догадывался, как это могло произойти: вопросы репортеров действовали главе Верховного суда на нервы, и он ляпнул что-то весьма далекое от его подлинных убеждений, лишь бы оставили в покое. Так Уоррен себя вел, когда пытался «спонтанно уклониться от вопросов», пояснял Спектер. Председатель Верховного суда был «не из тех людей, кто легко соображает по ходу разговора».

На допущенный судьей промах отозвалась гневными передовицами консервативная печать, давно уже недолюбливавшая Уоррена. The Columbus Enquirer (Колумбус, штат Джорджия), заявила: «Уоррен придал новую зловещую ноту» расследованию. «Высказывания Уоррена подрывают общественное доверие», – предупреждал автор статьи, настаивая, чтобы комиссия «немедленно разъяснила, что он имел в виду»8 . В Конгрессе на главу Верховного суда обрушился республиканец Огаст Йохансен из Мичигана – его округ примыкал к округу Форда. Конгрессмен заявил, что слова Уоррена «подрывают важнейший для расследования фактор – общественное доверие»9 .

В письме, адресованном разгневанным коллегам, Форд признавал, что и его смутило заявление Уоррена, однако глава Верховного суда попросту заблуждается: «Могу вас в качестве члена комиссии заверить, что вся информация, касающаяся официальных обязанностей комиссии, будет обнародована вместе с ее отчетом».

Даже друзья Уоррена обеспокоились, не сорвал ли он своим выступлением расследование. Ведущий редактор журнала Newsweek Лестер Бернстайн, узнав о промахе Уоррена, встревожился настолько, что попросил Кэтрин Грэм, президента Washington Post Company и владелицу этого журнала, передать Уоррену письмо в офис Верховного суда: Бернстайн знал, что Кэтрин Грэм дружна с Уорреном. Довольно-таки высокомерным тоном Бернстайн советовал главе Верховного суда полностью прекратить общение с журналистами. «Мне представляется, что вы производите нежелательное впечатление – без всякой на то надобности, – публично обсуждая, пусть даже и с осторожностью, еще не законченное расследование, – писал он. – Ежедневное непродуманное общение с репортерами чревато рисками неверного цитирования, недоразумений и злонамеренных сенсаций. Все это, я полагаю, сыграло свою роль в недавнем скандале по поводу того, произнесли вы или не произнесли

фразу насчет того, что некоторые улики по делу останутся сокрытыми “при нашей жизни”». Журналист посоветовал Уоррену не выступать самому, а подобрать себе опытного представителя по связям с общественностью.

Миссис Грэм приложила к этому посланию личное письмо Уоррену, начинавшееся словами «Уважаемый судья!» В целом ее мнение совпадало с мнением коллеги. «Он очень умен и он очень встревожен, – отзывалась она о Бернстайне. – Я, как и он, прошу прощения за доставленное вам дополнительное беспокойство, но он считал своим долгом предупредить вас»10 .

Уоррен письменно ответил миссис Грэм, что советы Бернстайна «вполне уместны». Самому Бернстайну он писал: «Вы, как никто, правы», и сообщал, что намерен изменить «свои отношения с прессой, и без того непростые. Комиссия попала между молотом и наковальней. Мы бы хотели вовсе избежать паблисити, но давление становится прямо-таки истерическим». Судья также писал, что его слова исказили, хотя и не уточнял, в чем именно заключается недопонимание: «якобы я утверждал, что часть показаний не будет обнародована при нашей жизни. Заверяю вас, что это совершенно чуждо нашим желаниям и намерениям».

На самом деле кое-какие секреты Уоррен предпочел бы скрыть – может быть, навсегда, и уж во всяком случае, на время работы комиссии. В основном это касалось личной жизни Марины Освальд.

В понедельник, 17 февраля, Гувер направил Рэнкину секретное послание с ошеломляющим – и, как вскоре было установлено, неверным – сообщением, будто молодая вдова подверглась насилию, когда находилась в Вашингтоне для дачи показаний комиссии. Из «конфиденциального источника» ФБР стало известно, что она «была силой принуждена к половому акту» своим менеджером Джеймсом Мартином в ее номере в гостинице «Уиллард», писал Гувер11 . Источником, по всей видимости, был деверь Марины Роберт, который узнал о происшествии от самой Марины после ее возвращения в Даллас.

Рэнкин отреагировал без промедления и в тот же день встретился

с инспектором Секретной службы Томасом Келли, который обеспечивал связь Секретной службы с комиссией12 . Обвинение Марины затрагивало прежде всего Секретную службу, поскольку в Вашингтоне миссис Освальд находилась под ее защитой. Каким образом она могла пострадать от сексуальных домогательств, в то время как агенты Секретной службы дежурили у дверей номера?

Рэнкин предупредил Келли: Секретная служба должна срочно разобраться, есть ли хоть доля истины в этом обвинении. Келли смутился: как Рэнкин указывал в служебной записке, он «категорически утверждал, что впервые слышит» об изнасиловании. На глазах у Рэнкина Келли взял телефонную трубку, позвонил в отделение Секретной службы в Далласе и велел немедленно направить агента в дом к Мартину, чтобы проверить, не там ли находится Марина Освальд13 .

Вскоре из Далласа пришел ответ: Марина съехала от Мартина и поселилась у Роберта Освальда. Два дня спустя далласские агенты ФБР допросили Марину, и та отрицала изнасилование: теперь она утверждала, что у нее с Мартином уже несколько недель как завязался роман и то был единственный случай их близости, имевший место в пятницу, 7 февраля, в номере гостиницы, после того как Марина отпустила на ночь приставленного к ней агента Секретной службы. По ее словам, Джеймс Мартин тайком проник в ее комнату. «Я приняла ванну и полураздетая вернулась в спальню. Джеймс окончательно раздел меня, и у нас был половой акт. Это произошло с моего согласия, и я не сопротивлялась»14 . Она также заявила, что сказала Мартину в Вашингтоне: замуж за него она не пойдет, но станет его любовницей и при этом будет по-прежнему проживать в доме Мартинов вместе с Джеймсом и его женой.

В выходные Марина с Джеймсом Мартином вернулась в Даллас, в дом Мартинов. В воскресенье она с Робертом наведалась на могилу мужа и тогда сообщила деверю о случившемся. Тот возмутился и велел ей немедленно разорвать деловые отношения с Мартином и переселиться к нему. Марина согласилась и даже зашла еще дальше, решив, что обо всем должна быть извещена и жена Джеймса. «Пусть его жена знает всю правду», – заявила она. В тот же вечер Марина позвонила миссис Мартин, причем Мартин также участвовал в разговоре с другого телефонного аппарата, и сказала, что «прекращает отношения с ним в качестве менеджера и любовника».

Этот рассказ миссис Освальд ФБР передало комиссии Уоррена, и Рэнкин еще больше занервничал, опасаясь, что вокруг юной вдовы, чьи показания играли столь важную роль в подготовленном комиссией обвинении ее мужа, теперь разразится скандал. Очень многое зависело от благонадежности этого свидетеля, а если эта история получит распространение, на том и конец усилиям комиссии выставить ее ни в чем не повинной, сраженной горем женщины, которая нашла в себе мужество опознать в супруге убийцу президента. Марина превратится в соблазнительницу, разрушительницу чужого домашнего очага.

Вскоре и нравственность Марины, и ее благонадежность подверглись еще более пристальному рассмотрению. Вслед за ней давать показания перед комиссией в Вашингтоне должен был Роберт Освальд, и он заранее передал членам комиссии копию рукописного дневника, который вел со дня покушения. Там имелась настораживающая запись, сделанная месяцем ранее, в воскресенье, 12 января. В тот день, писал Роберт, они с Мариной собирались посетить могилу Ли, и он заехал за Мариной к Мартинам. Джеймс отвел его в сторону, чтобы передать только что услышанное от Марины: дескать, ее муж первоначально планировал убить вице-президента Ричарда Никсона, когда тот в 1963 году приезжал в Техас. Уже в машине Роберт расспросил Марину, и та подтвердила этот рассказ.

Для некоторых членов комиссии то было окончательным ударом по доверию к Марине: о заговоре против Никсона она больше никому не говорила, ни словом не упоминала о нем в показаниях перед комиссией в начале февраля.

Форда вновь открывшаяся информация о заговоре против Никсона ошеломила. «Неужели Марина просто забыла об этом упомянуть?» – недоумевал он. Или же у нее имелись более зловещие причины скрывать информацию? «У многосторонней Марины обнаружилась еще одна сторона»15, – заключил Форд.

Показания комиссии Роберт Освальд давал спокойно и по существу. На членов комиссии его собранность и ум произвели благоприятное впечатление. «Этот молодой человек, одетый достаточно консервативно,

вежливый, добросовестно старался воспроизвести многолетнюю историю своей семьи, – отзывался о нем Форд. – Я даже подумал, смог бы я с такой точностью ответить на вопросы о моей семье»16 .

Согласно показаниям Роберта, он с сожалением пришел к выводу, что его брат убил президента и сделал это в одиночку. Он полагал, что Ли имел достаточно опыта в обращении с винтовкой, чтобы застрелить Кеннеди, тем более когда президентский кортеж замедлил ход перед Техасским складом школьных учебников. Роберт, как и его брат, отслужил в морской пехоте и знал, что инструкторы считали Ли метким стрелком. Оба брата любили охоту; по словам Роберта, Ли рассказывал ему о том, как в России охотился на птиц.

Роберта с пристрастием допросили о заговоре против Никсона. Он повторил то, о чем писал в дневнике: в тот день, когда они ездили на могилу Ли, Марина сказала ему, что «Ли собирался застрелить мистера Ричарда Никсона», когда Никсон в 1963 году заезжал в Даллас, и что она «на весь день заперла его в ванной», чтобы предотвратить покушение. Почему Марина не сообщила об этом комиссии, Роберт объяснить не брался.

После долгих недель противостояния Рэнкин и Гувер увидели перед собой общую проблему: Марину Освальд с ее тайнами. 24 февраля Рэнкин позвонил Гуверу и предложил обсудить новые сведения о вдове Освальда. По словам Рэнкина, его беспокоил и роман Марины с Мартином, и вопрос, не указывает ли скрытность Марины по поводу планов ее мужа (очевидно, подразумевался заговор против Никсона) на ее намерение все же попытаться покинуть страну. Рэнкин предлагал ФБР поместить молодую женщину под открытое круглосуточное наблюдение.

Гувер составил детальный отчет об этом разговоре и запомнил, как «мистер Рэнкин говорил, что нельзя допустить побега, который в особенности легко совершить из Далласа, и что он хотел бы знать, не можем ли мы организовать постоянное дежурство, вести наблюдение за ней, а также выяснить, кто ее посещает»17 . Согласно воспоминаниям Гувера, Рэнкин поинтересовался мнением Гувера о нравственности Марины и спросил, «не считаю ли я странной готовность Марины

сделаться любовницей Мартина… Я ответил, что меня это возмущает. Полное отсутствие понятия о морали». Гувер также помнит, как сказал Рэнкину, что Марина до и Марина после убийства – «словно два разных человека». До покушения на президента женщина «запустила себя и утратила привлекательность, но теперь кто-то взялся за нее, привел в порядок, а заодно, вероятно, вложил ей в голову кое-какие мысли». Оба собеседника сошлись на том, что возможна утечка в СМИ информации об отношениях Марины с Мартином и это подорвет доверие к ней. «В Далласе уже ходят слухи», – предостерег Гувер.

Общим чувством у Рэнкина и директора ФБР было также презрение к Мартину и к прежнему адвокату Марины Джеймсу Торну. Оба техасца не смирились с решением Марины отстранить их, им непременно требовалась своя доля славы и доходов от ее истории. Рэнкин сообщил Гуверу, что, по его сведениям, Марина уже подписала с издателями и СМИ договоры «на сумму более 150 тысяч долларов, так что деньги тут замешаны немаленькие». «Это просто грубое вымогательство, – ответил Гувер. – Эти два типа стараются выколотить из нее как можно больше».

Рэнкин оставил на усмотрение Гувера срок постоянного наблюдения за Мариной. Комиссии, как он сказал, требовалось узнать, «какого рода люди посещают ее, когда она не знает, что находится под наблюдением». Гувер предложил установить прослушку на телефоны Марины. Конфликта с законом это не вызовет, заверил Гувер, поскольку эти пленки никогда не всплывут на суде. Через несколько дней восемь агентов были отобраны для операции наблюдения за Мариной дома и во время ее поездок по Далласу18 . На ее телефоне установили прослушку. Агенты ФБР тайно проникли в дом, который только что арендовала Марина, и спрятали микрофоны в светильниках гостиной, кухни и спальни.

Следующим перед комиссией предстал Мартин, отвергнутый любовник и бизнес-менеджер Марины. В своих показаниях он выставлял вдову Ли Харви корыстной и подлой. Мартин признал, что участвовал в беспринципной пропагандистской кампании, целью которой было «создать у общественности образ скорбящей вдовы, бедной растерянной девочки. Этот образ не соответствует истине»19 .

Уоррен заранее принял решение не допрашивать Мартина о романтических отношениях с миссис Освальд и о сексуальном акте в Вашингтоне.

Тем не менее Уоррен допустил, чтобы Мартин самыми нелестными красками описал характер миссис Освальд. «Она очень холодна, – сказал Мартин, напомнив членам комиссии, как мало миссис Освальд скорбела о смерти мужа. – А если и выражала скорбь, то даже с виду неискреннюю, – добавил он. – Единственный раз я видел у нее какое-то проявление эмоций примерно через неделю после того, как она обо всем узнала – когда Марина увидела фотографию Джеки Кеннеди». Взглянув на снимок вдовы президента, Марина, по его словам, прослезилась.

Припомнил Мартин и то, как Марина в интервью называла себя верующей христианкой, после чего ей начали посылать по почте издания Библии на русском языке. «Насколько мне известно, она и страницы не прочла, – показал Мартин. – Даже не раскрыла ни разу». В еще более возмутительной манере Марина издевалась над доброжелательными людьми, посылавшими небольшие суммы денег, чтобы поддержать ее с детьми: «Ей вышлют доллар – почем знать, может, он у человека последний, – а она поглядит и скажет: “Всего лишь доллар”, и зашвырнет его куда-нибудь». Живя у Мартина, она ленилась помогать по хозяйству и своих детей тоже спихивала на миссис Мартин. «Вставала не раньше 10–11 утра, – рассказывал Мартин. – И в доме не исполняла никаких обязанностей, только мыла посуду после ужина да изредка пылесосила».

Мартин признал, что ему было известно об умысле против Никсона, и это он посоветовал Марине молчать. «Не рассказывай об этом направо и налево», – сказал он ей. Он опасался, что доверие к ее показаниям рухнет, если вдобавок ко всей прочей лжи, о которой уже стало известно следствию, комиссия узнает, что она еще и скрыла информацию о первоначальном замысле мужа убить другого государственного деятеля.

На допросе Мартина присутствовал и Норман Редлик. При всем своем презрении к этому свидетелю он заподозрил, что тут Мартин прав: Марина Освальд и в самом деле не та, за кого себя выдает. «Показания Мартина заставляли предположить вероятность того, что в действительности Марина Освальд совсем другой человек – холодный, расчетливый, алчный, презирающий великодушие и щедрость, до крайности лишенный способности к проявлению сочувствия в человеческих отношениях», – писал он в служебной записке Рэнкину от 28 февраля20 . Редлик полагал, что это поможет комиссии понять причины убийства Кеннеди: «Если

убийца – Ли Освальд, личность и характер его жены существенны для определения мотива. Рассматриваются разные объяснения убийства – международный или внутренний заговор, душевная болезнь или политические убеждения Освальда». Одно из вероятных объяснений, рассуждал Редлик, заключается в том, что «Освальд страдал от психических отклонений, мании величия, и на покушение его подвигла супруга, которая вышла за него замуж из эгоистических побуждений, публично унижала, тыкала в нос его недостатками и требовала доказать, что он и в самом деле такой выдающийся человек, каким он себя считал».

«Ни у вас, ни у меня нет ни малейшего желания замарать чью-либо репутацию, – обращался он к Рэнкину, – но мы не можем закрыть глаза на тот факт, что Марина Освальд неоднократно лгала Секретной службе, ФБР и нашей комиссии в вопросах, принципиально важных для граждан этой страны и всего мира».

ФБР тем временем продолжало слежку и за Марком Лейном, организованную по просьбе комиссии. Из своих источников в ФБР Форд получил некоторые сведения о Лейне и 12 февраля вновь встретился с Карфой Делоаком, заместителем Гувера, и обсудил с ним работу комиссии. Два дня спустя Делоак написал Форду и приложил к письму «дополнительный отчет по вопросу, который вызвал ваш особый интерес»21. Трехстраничный отчет, отпечатанный на простой бумаге, не из канцелярских запасов ФБР, содержал все известные Бюро сведения о Лейне, включая его связи с группировками левого крыла, которые ФБР аттестовал как коммунистические фронты. Имелись также подробности семейной и сексуальной жизни Лейна. «По нашим данным, Лейн дважды вступал в брак, причем первый брак был аннулирован в связи с мошенничеством Лейна, а второй брак закончился разводом, – говорилось в отчете. – По слухам, в политических кругах Нью-Йорка общеизвестно, что Марк Лейн имел половую связь с молодой незамужней женщиной и в 1960–1961 годах они жили вместе». В гуверовском ведомстве образца 1964 года отношения неженатого мужчины с незамужней женщиной все еще почитались достойными пристального внимания11.

Глава 24

Офис комиссии

Вашингтон

март 1964 года

Сэм Стерн, расследовавший в комиссии работу Секретной службы, вскоре пришел к выводу, что Джон Кеннеди во время поездки в Техас превратился в «живую мишень», а Секретная служба и пальцем о палец не ударила, чтобы уберечь президента там, где были все основания опасаться теракта1 . Стерн перечитал газетные сообщения о поездке в Даллас посла ООН Эдлая Стивенсона. В октябре 1960 года посла ударила плакатом по голове женщина, протестовавшая против деятельности ООН. Упоминался в газетах и другой инцидент 1960 года: в Линдона Джонсона и его супругу плевала толпа, собравшаяся в вестибюле отеля «Адольф». А 22 ноября в этом же самом городе Секретная служба организует кортеж, и президент вместе с первой леди медленно проезжает сквозь толпу в открытом лимузине. Маршрут пролегал мимо нескольких высоких зданий, где вполне мог засесть убийца – и первым же выстрелом сразить президента, и по меньшей мере один убийца именно так и сделал.

В отличие от некоторых других молодых юристов, работавших в комиссии, Стерн со своей частью расследования справился за считаные недели. Промахи Секретной службы стали печальным, однако не таким уж неожиданным открытием. Эта организация, по отзыву Стерна, была «старомодной, отсталой», президента охраняли агенты с «мышлением копов»: даже не слишком изощренный убийца мог их перехитрить.

К тому же и сам Кеннеди, когда представал перед публикой, не желал принимать должных мер безопасности. Он напрямую общался с толпой и, к ужасу сопровождавших его агентов, зачастую выходил за оцепление, пожимал руки своим благожелателям. Когда он ехал в кортеже, то просил агентов Секретной службы идти рядом, а не становиться на специальную подножку лимузина: не хотел, чтобы агенты держались к нему вплотную, как будто он страшится покушения.

Мрачная ирония судьбы: указ о создании Секретной службы США лег на стол президента Линкольна 14 апреля 1865 года, в тот самый день, когда Линкольн был убит[2]. Первоначально эта служба задумывалась как отдел Министерства финансов по борьбе с фальшивомонетчиками: после Гражданской войны поток фальшивок затопил страну. В 1901 году анархист-одиночка застрелил президента Уильяма Маккинли, и тогда сферу полномочий Секретной службы расширили, добавив к ним охрану президента. На рубеже столетий никакое другое силовое ведомство не могло бы справиться с подобной задачей, и лишь через семь лет была создана организация, которая со временем превратилась в ФБР.

Ознакомившись с тем, как Секретная служба готовила выезды, Стерн пришел в ужас. Начать с того, что в кортеже регулярно использовался лимузин с открытым верхом. Модель, которую Кеннеди предоставили в Далласе – четырехдверный «линкольн континенталь» с откидным верхом (кодовый номер в Секретной службе «X 100») – не гарантировала пассажирам никакой защиты от выстрела сверху[3]. В плохую погоду можно было закрепить прозрачную пластиковую крышу, чтобы собравшаяся толпа могла разглядеть президента в автомобиле, но эта крыша уберегала только от перепада температур и от осадков, никак не от пули. «Ее и не собирались делать пуленепробиваемой», – отмечал Стерн в служебной записке Рэнкину[4]. За три года до покушения Секретная служба попыталась, но безуспешно, заказать для президентского автомобиля пуленепробиваемую пластиковую крышу (назначались параметры: «достаточно хорошая защита от оружия 45-го калибра на расстоянии в 3 метра»). В Даллас 22 ноября доставили обычную пластиковую крышу, но и ее не установили на автомобиле: по прогнозу погода ожидалась необычайно солнечная и теплая.

Стерн не знал, с какого недосмотра Секретной службы начать перечень. Как выяснилось, агентство не имело обыкновения проверять здания, расположенные по маршруту следования кортежа, за одним исключением: раз в четыре года проверялись здания, прилегающие к улицам Вашингтона, по которым избранный президент проезжал на церемонию инаугурации и обратно. На вопрос Стерна, почему не проводилась регулярная проверка зданий повсюду, представители Секретной службы ответили, что людей попросту не хватит для такого рода инспекций в десятках городов, которые президент посещает за год. «Осматривать сотни домов, тысячи окон – это практически невыполнимо», – заявили они.

Но можно было, настаивал Стерн, проверить хотя бы те здания на пути кортежа, «откуда открывалась наиболее удобная позиция для обстрела»? Можно было направить нескольких агентов для «выборочной проверки зданий непосредственно перед проездом кортежа»? Эта проверка, скорее всего, обнаружила бы Ли Харви Освальда, засевшего с винтовкой у окна шестого этажа на складе школьных учебников.

И многие другие элементарные меры безопасности Секретная служба могла бы принять, но не приняла. Стерн недоумевал, отчего вдоль маршрута не размещались агенты с биноклями: они могли бы следить за зданиями, мимо которых проезжал президент. Отчего бы не потребовать от управляющих этих зданий обращать внимание на посторонних? Или просто закрыть на время окна?

Просмотр телесъемок, сделанных в день покушения, привел Стерна в негодование. Далласские полицейские, как и обычные зеваки, толкались, спеша взглянуть на президента и первую леди – они не смотрели по сторонам, нет ли какой-то угрозы, не обращали внимания на высокие дома. «Это кошмар, – говорил Стерн. – Присмотритесь к новостным роликам: все копы Далласа глядят на Кеннеди, никто не поднимает глаз к крышам, не следит за домами. А Освальд сидел прямо там, у открытого окна»5 .

И в Вашингтоне Секретная служба применяла столь же смехотворные методы для выявления потенциальных террористов. Имелся специальный отдел – подразделение профилактической работы, которое составляло подробный список людей, представлявших опасность для президента во время его разъездов по стране6. Стерн убедился, что список, разросшийся до пятидесяти тысяч имен, почти полностью состоял из людей, посылавших в Белый дом письма с угрозами или подозрительные посылки или же звонивших, опять-таки с угрозами, на коммутатор Белого дома. Отделение также составляло «выездной список» перед поездкой, включая туда тех, кто казался наиболее опасным, но при проверке документа, подготовленного к поездке в Техас, там не оказалось ни одного жителя Далласа и окрестностей – и это после нападения на Стивенсона месяцем раньше! Абсурд, твердил Стерн: «Если какой-нибудь малограмотный из Далласа не удосужился написать злобное

письмо в Белый дом, зато ударил Эдлая Стивенсона по голове – он не попадал в этот список!»

Правда, во время президентских поездок Секретная служба поддерживала контакт с ФБР. Местные отделения ФБР должны были сообщать Секретной службе, если им становилось известно об угрозе в каком-либо из городов на пути следования, и так было сделано и перед приездом Кеннеди в Даллас. Отделение ФБР в Далласе передало Секретной службе имена местных жителей, подпадавших под критерии Бюро, то есть представлявших потенциальный риск. Имени Освальда и в этом списке не значилось.

В качестве следователя комиссии Стерн должен был сделать предварительный вывод: виновно ли местное отделение ФБР, и конкретно специальный агент Джеймс Хости, в нарушении правил работы Бюро и в утаивании имени Освальда от Секретной службы. Понятно, что Секретная служба хотела бы свалить вину за случившееся на ФБР. 20 марта Стерн беседовал с Робертом Буком, возглавлявшим отдел профилактической работы Секретной службы, и Бук заявил, что ФБР было обязано предупредить Секретную службу насчет Освальда, особенно учитывая, что он пытался бежать в СССР и прошел снайперскую подготовку в морской пехоте. Стерн не вполне разделял мнение Бука: при всех своих радикальных убеждениях Освальд ни разу не проявлял склонности к насилию, от него не поступало угроз в адрес Кеннеди или других политических фигур. О том, что Освальд работал на Техасском складе школьных учебников, Хости знал до покушения, но Стерн понимал, что агент не связал книжный склад и маршрут, по которому Кеннеди собирался проследовать 22 ноября, – маршрут объявили только вечером 18 ноября.

Стерн готов был пожалеть Хости: его карьера в ФБР рушилась. «Я не считал, что во всем следует винить Хости, – говорил позднее Стерн. – Я понимал, что местный агент ФБР, у которого дел по горло, мог не разглядеть в Освальде серьезную угрозу»7 . По мнению Стерна, и тех агентов Секретной службы в Техасе, которые выпивали накануне покушения, не следовало наказывать слишком сурово, а тем более увольнять. Друг Уоррена Дрю Пирсон и другие охочие до разоблачений вашингтонские журналисты пытались раздуть из этого скандал. «Но я, сколько помню, не возмущался и не считал их проступок особенно

ужасным и полагал, что и сам Кеннеди, если бы знал об этом, не имел бы ничего против», – рассуждал Стерн. Он считал излишним привлекать в итоговом отчете комиссии особое внимание к той ночной попойке. «По-моему, эпизод говорит сам за себя, тут ни к чему пережимать», – говорил он.

Но председатель Верховного суда Уоррен пришел к другому выводу.

35-летний уроженец Филадельфии Сэм Стерн, работавший прежде секретарем у председателя Верховного суда, имел определенное представление о его характере, и другие юристы комиссии нередко спрашивали, каково было работать на этого человека. Получив диплом юриста в Гарварде в 1952 году, Стерн сначала работал секретарем судьи в федеральном апелляционном суде в Вашингтоне, а затем Уоррен нанял его в 1955 году в качестве одного из трех своих секретарей. Вместе с другим секретарем Стерн сидел в кабинете при зале заседаний, то есть они слышали, как Уоррен в соседнем помещении обсуждает дела с другими судьями. Когда поутихли первые восторги от мысли, что теперь он работает в Верховном суде, наступило разочарование: в отличие от других судей председатель не стремился к долговременным отношениям со своими служащими. «Он был очень приветлив, но это было официальное дружелюбие политика, – пояснял Стерн, – в личные отношения он ни с кем не вступал». Максимально открытым с секретарями судья бывал, когда они собирались в офисе в выходной наверстывать бумажную работу. «Иногда Уоррен заглядывал к нам в субботу под вечер, рассказывал о политических баталиях в Калифорнии во время оно», – вспоминал Стерн. Уоррен не скрывал ненависти к Ричарду Никсону, который, как полагал судья, перекрыл ему путь в Белый дом.

И как Уоррен восхищался Кеннеди, Стерн тоже видел воочию. Вскоре после инаугурации президента Стерн приехал на встречу Уоррена с бывшими секретарями суда. Они собрались в клубе «Метрополитен» подле Белого дома, и там внезапно появился Кеннеди. «Кеннеди подошел к нам, всем пожал руки, сказал судье, как он ценит его работу. Уоррен сиял, – вспоминает Стерн. – Он был просто счастлив»8 .

По мнению Стерна, Уоррен и сам «стал бы замечательным президентом».

Как ни значителен его вклад в судебную систему, все же «он больше пользы принес бы» в Белом доме. Уоррен, по мнению Стерна, не был ученым юристом, теоретиком, зато он был выдающимся политиком, подлинным лидером. Магнетическая личность, с таким достоинством и целеустремленностью, что люди готовы были на компромиссы, даже на жертвы, способствуя Уоррену в решении поставленных задач. «Он мог свести в одну группу совершенно противопоказанных друг другу людей», – говорил Стерн.

Прямых контактов с председателем Верховного суда у Стерна во время работы в комиссии было мало, но даже на таком отдалении он начал волноваться за здоровье судьи. Он видел Уоррена в офисе комиссии в здании Организации ветеранов зарубежных войн, где располагался офис, и судья показался ему «больным, глаза у него слезились, – вспоминал Стерн. – Я встревожился». Двойная нагрузка – в Верховном суде и в комиссии – начала сказываться на судье, хотя Уоррен и продолжал каждое утро являться в офис комиссии, перед тем как, пройдя по улице до здания Верховного суда, надеть черную мантию и начать длинный рабочий день.

Глава 25

Кабинет конгрессмена Джеральда Форда

палата Представителей

Вашингтон

март 1964 года

Джеральд Форд требовал надавить как следует на Марину Освальд. Политические советники и ярые антикоммунисты из окружения конгрессмена не собирались отказываться от версии заговора, вдохновленного СССР или Кубой, а бесконечная ложь вдовы Освальда внушала опасения: не скрывает ли она доказательства этого заговора. Форду было известно, что некоторые следователи комиссии даже

подозревают в Марине «спящего агента» Москвы. Возможно, она и не знала о намерении мужа убить Кеннеди, но ее заслали в Соединенные Штаты помогать Освальду и покрывать его, пока он осуществлял секретные замыслы Кремля. Эта версия объясняла, почему молодые люди вступили в брак, едва познакомившись, и почему их выпустили из России.

В марте Форд обратился к Рэнкину с предложением повторно допросить вдову Освальда, на этот раз на детекторе лжи – в надежде, что Марину удастся запугать и вырвать у нее наконец всю правду. «Добровольный текст на полиграфе позволил бы удовлетворить законный интерес общественности, – писал Форд. – Нам и так известно, что она “упустила” множество обстоятельств, которые с тех пор удалось установить… Возможно, она также “упускает” все, что ей известно о подготовке Ли Освальда, его деятельности и отношении с Советами»1 . Форд разделял озабоченность некоторых юристов комиссии, считавших, что комиссия так и не узнала правду о визите Освальда в Мехико, но Марина знает, зачем он туда ездил. «По-видимому, ей известно о поездке в Мексику больше, чем она рассказала нам». Форд рекомендовал проверять и других свидетелей на детекторе лжи «всякий раз, когда в протоколе обнаружатся явные расхождения или недостаточно искренние высказывания».

Главенство Уоррена в комиссии действовало Форду на нервы. Председатель Верховного суда никогда не позволял себе грубо обходиться с Фордом или другими членами комиссии, но бывал «резок» и относился к ним свысока, по ощущению Форда2 . «Он принимал множество односторонних решений, особенно в первые месяцы работы». Уоррен «присвоил себе чересчур много власти», и «невозможно было отклониться от его плана и расписания», вспоминал Форд. Поскольку в 1930-е годы Форд играл в футбол за Мичиганский университет, то и теперь прибег к аналогии из мира футбола: «Он обращался с нами, как с рядовыми членами команды, а сам он – капитан и квотербек».

Несмотря на эти разногласия, председатель Верховного суда признавал в Форде одного из самых ценных членов комиссии и наиболее усердно работающего – как и сам Уоррен. Сенатор Рассел практически устранился от расследования, двое других законодателей – сенатор Купер и конгрессмен Боггс – появлялись в офисе время от времени, но Форд считал своей обязанностью выслушать показания практически всех ключевых свидетелей. Он задавал им продуманные вопросы – видно было,

что и материалы дела он читал весьма тщательно.

Для подготовки этих вопросов Форд собрал целую команду консультантов, не входивших в состав комиссии, и не считал нужным извещать об этом комиссию. Уоррен и другие сотрудники, наверное, обеспокоились бы, узнав, что Форд допустил к секретным документам комиссии своих друзей и советников, некоторые из которых не проходили проверку на благонадежность.

В особенности Форд полагался на троих помощников. Джон Стайлс, старый друг Форда еще из Гранд-Рапидс3 , руководивший его избирательной кампанией в 1948 году, когда Форд баллотировался в президенты, следил за ходом расследования изо дня в день и готовил для Форда длинные списки вопросов к свидетелям. Форд также обратился к бывшему члену Конгресса от Республиканской партии Джону Рэю: этот юрист с дипломом Гарварда годом ранее отказался от места в Конгрессе. Чуть позже Форд ангажировал и молодого человека из Гранд-Рапидс, Фрэнка Фэллона, который в это время учился в Гарвардской школе права, и поручил ему проверять собранные комиссией показания.

Едва материал попадал на стол Форда в его кабинете в Конгрессе, он передавал его своим трем помощникам. Когда после суда над Руби юристы комиссии отправились в Даллас допрашивать свидетелей, Форд просил пересылать ему все протоколы, чтобы он «оставался в курсе развития событий». И эти материалы он также показывал своей троице консультантов.

Зачастую служебные записки этих помощников Форда не помечаются даже инициалами, что свидетельствует о том, насколько доверительные у них были отношения. К их рекомендациям Форд внимательно прислушивался и порой целиком включал текст записок в письма, которые уже от собственного имени и на бланке Конгресса отправлял Рэнкину с длинным перечнем заданий для членов комиссии. В марте Рэнкин получил от Форда список из десятков вопросов, которые следовало задать свидетелям с Дили-Плаза или присутствовавшим при гибели Типпита.

Консультанты Форда также подготовили списки дополнительных вопросов к сотрудникам комиссии по уже полученным свидетельским показаниям. Так, после того как в марте перед комиссией предстал Марк Лейн,

помощники Форда на основании протокола показаний составили трехстраничный перечень всех сомнительных, на их взгляд, утверждений Лейна. Рядом с каждым из таких утверждений была пустая клеточка, где Форд или его помощники должны были поставить галочку, если слова Лейна удастся подтвердить. (Копия, сохранившаяся в бумагах Форда, свидетельствует о том, что ни одна из этих клеточек не была заполнена.) 4
 Форд также обращался за специальными консультациями к коллегам-конгрессменам, имевшим медицинское образование, и просил прокомментировать протоколы из госпиталя Далласа и заключение патологоанатома. Конгрессмен от штата Пенсильвания Джеймс Уивер, по первой профессии хирург ВВС, сделавший затем карьеру в Республиканской партии, по просьбе Форда просмотрел медицинские документы и в ответном письме сообщил, что обширные ранения в голову «не оставляли надежды принять какие-либо меры для спасения жизни покойного президента»5 . Уивер также поделился с Фордом – как политик с политиком – соображением, почему в показаниях медиков было столько путаницы, например, почему врачи из больницы Парклենда первоначально приняли выходное отверстие пули в горле Кеннеди за входное. На врачей «давили» безответственные репортеры, «журналисты или выдававшие себя за таковых», как выразился Уивер, и потому врачи говорили совсем не то, что хотели сказать.

В служебных записках Стайлса и других консультантов Форда постоянно проступает беспокойство, как бы комиссия не проглядела улики, свидетельствующие о наличии заговора. В записке от 17 марта Форда предостерегают, что глава Верховного суда Уоррен способен «волюнтаристски отмести вероятность убийства в результате заговора, в особенности международного заговора или с участием иностранных правительств». Стайлс напоминал Форду о тревожных известиях, поступавших с Кубы незадолго до покушения, в том числе об интервью Кастро за два месяца до убийства президента, в котором Кастро, по-видимому, высказывал угрозы в адрес Кеннеди. Отмечалась в записке и таинственность, по-прежнему окружавшая поездку Освальда в Мексику. «Сумела ли комиссия установить по часам все перемещения и встречи Освальда в Мехико?» – вопрошал автор записки6 .

Всю зиму Форда бомбардировали письмами коллеги-конгрессмены

от Республиканской партии, а также консервативные избиратели, требуя вывести Нормана Редлика из состава комиссии. «С какой стати вы пустили козла в огород?»7 – писал Форду Ричард Пофф, конгрессмен от штата Виргиния. Врач из Техаса в своем письме угрожал Форду поднять против него бучу среди избирателей Мичигана: «Вы член Конгресса, и не пытайтесь меня уверить, что не можете совладать с такими приспешниками комми в комиссии, как Редлик. Изобличите их и увольте, или мы обратимся к мичиганской прессе»8.

3 апреля Рэнкин письменно просил Форда обратить внимание на провокационную статью, опубликованную Редликом в The Nation 11 годами ранее9 . Эта статья была направлена против сенатора Джозефа Маккарти и отстаивала право свидетелей, вызываемых в комиссию Маккарти, ссылаться на Пятую поправку к Конституции, освобождавшую их от обязанности давать показания. Эта статья, с большим опозданием обнаруженная Рэнкином (она была озаглавлена «Свидетельствует ли молчание о вине?»), послужила для Форда лишним доводом в пользу мнения, что Редлика не следовало принимать на работу в комиссию. Хотя Маккарти и скончался в 1957 году, потеряв всякое влияние, некоторые члены Конгресса, и в том числе друзья Форда, все еще славили (пусть про себя) его имя.

Хотя это широко не разглашалось, но Форду и другим членам комиссии было известно, что ФБР, приняв во внимание эти публичные нападки, втайне проводит новое, более интенсивное расследование прошлого Редлика. В апреле Форд писал Рэнкину: обнаруженная с запозданием статья в The Nation как раз и доказывает, что «следует с максимальным усердием» силами ФБР расследовать прошлое Редлика и «комиссия должна собраться в полном составе, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию и принять уместные меры»10 . В отдельном письме Рэнкину от 24 апреля Форд переслал ему копию передовицы из The Richmond Times Herald , влиятельной и архиконсервативной газеты штата Виргиния, под заголовком «Кто нанял Редлика?». В этой статье говорилось, что «явная и тесная связь сподвижников коммунизма с одним из ключевых участников расследования не внушает доверия к комиссии Уоррена»11 .

Рэй, бывший конгрессмен, а ныне советник Форда, предполагал связь

между Редликом и Марком Лейном и другими левыми сторонниками теории заговора. Он составил от руки таблицу, чтобы установить, не были ли Редлик и Лейн членами одних и тех же «коммунистических фронтов», как он именовал левые группы, боровшиеся за права человека и гражданские свободы (ФБР относило их к числу подрывных)12. В левой колонке Рэй поместил группы, с которыми были как-то связаны и Редлик, и Лейн, в том числе Чрезвычайный комитет по гражданским свободам со штаб-квартирой в Нью-Йорке. Рядом с каждой группой из списка он указал – насколько это удавалось определить – годы, когда с ней контактировали Редлик и Лейн. Затем Рэй письменно уведомил Форда, что прекратил это расследование, убедившись, что «совпадений меньше, чем я ожидал». В рубрике «членство в Коммунистической партии» Рэй отметил и для Редлика, и для Лейна: «доказательства отсутствуют».

В датированной апрелем служебной записке (без подписи), направленной кем-то из сотрудников Форду, предлагались различные способы выжить Редлика из комиссии. Автор признавал, что работа Редлика в комиссии сама по себе не представляет «угрозы». «Он занимает не настолько важное положение, и до сих пор его работа была безупречной, – сказано в записке. – Тем не менее сам факт его участия в расследовании уже критиковали и будут критиковать впредь». С другой стороны, откровенное увольнение не рекомендовалось, чтобы не смущать людей и не породить мнение, будто «для теории заговора имеются дополнительные основания». Лучше номинально оставить Редлика в комиссии, «попросту отстранив его от всей сколько-нибудь существенной работы». Пусть занимается «безвредными делами» и пусть сохранит свое жалованье, чтобы у него не было оснований протестовать13 .

Консервативные силы страны видели в Форде своего представителя в комиссии и вместе с тем лучшего защитника от расползавшихся, особенно по Европе, слухов, будто к убийству были причастны правые группировки. В качестве потенциального виновника левые газеты и журналы Европы частенько упоминали Гарольда Ханта, ультраконсервативного нефтяного магната из Далласа. Один из сыновей Ханта разместил в The Dallas Morning News непосредственно утром в день покушения окаймленное черной рамкой объявление с упреками Кеннеди, который-де не оказывал достаточной поддержки антикастровским повстанцам. Кеннеди, говорилось в объявлении, проникся «духом Москвы».

В машине Джека Руби в день покушения были обнаружены рукописи радиосценариев, подготовленных крайне правой станцией Life Line , которую поддерживал Хант[10].

В январе в офис Форда в Вашингтоне поступило загадочное послание от Ханта: нефтяной магнат задавался вопросом, не превратились ли Форд и сенатор Рассел, сами того не подозревая, в орудия широкомасштабного заговора левых сил, старающихся скрыть правду о гибели Кеннеди. «Я знаю о вас много хорошего, но не знаю, в какой мере вы осведомлены о заговоре», – писал Хант, даже не поясняя, о каком заговоре идет речь. – Вполне возможно, что вас и сенатора Рассела включили в комиссию по расследованию убийства лишь затем, чтобы добавить престижа и респектабельности другим людям, которых многие проницательные антикоммунисты считают просоциалистически или прокоммунистически настроенными». Хант приложил копии последних бюллетеней Life Line , которые, по его мнению, могли пригодиться Форду в борьбе «за дело свободы»14 .

Тем временем среди молодых юристов, работавших в комиссии, распространился слух о тайной борьбе Форда против Редлика, и появились опасения, что Форд и в самом деле попытается отстранить Редлика от расследования. «Впервые услышав это, я счел саму мысль абсурдной, – вспоминал специалист по истории ВВС Голдберг. – Я решил, что это в чистом виде политические игры Форда»15 . Но репутация Форда среди сторонников Редлика в комиссии стремительно падала. Многие вспоминали впоследствии, как появилось подозрение, что для конгрессмена из Мичигана работа в комиссии – лишь веха на пути в Белый дом, а Редлика он принесет в жертву своим амбициям.

Возможно, что Форд так прилежно трудился в комиссии не только для того, чтобы служить общему делу. Вместе со старым другом Стайлсом они сразу же задумали написать книгу о расследовании, «внутреннюю хронику» комиссии, и были уверены, что выйдет бестселлер16. Опубликовать книгу они намеревались как можно скорее после итогового отчета комиссии – по возможности всего через несколько недель после обнародования отчета. Весной они уже подыскивали в Нью-Йорке литературного агента и издателя. Уоррен и некоторые другие члены

комиссии заявляли позднее, что об этом замысле им ничего не было известно вплоть до последних недель работы комиссии. Председатель Верховного суда говорил друзьям, что счел эту книгу чудовищным предательством: Форд еще и нажился на общенациональной трагедии. «Уоррен и много лет спустя гневался по этому поводу, – отмечал сблизившийся после расследования с председателем Верховного суда историк Альфред Голдберг. – Его нелюбовь к Форду в результате лишь возросла». По словам Голдберга, Уоррен считал Форда «недостойным доверия – он презирал Форда».

Глава 26

Офис комиссии

Вашингтон

март 1964 года

Дэвид Белин не удержался. Разумеется, он нарушил четко прописанные правила комиссии, запрещавшие обсуждать с посторонними детали расследования, но Белин просто должен был поведать друзьям в Айове о своих замечательных, можно сказать, исторических приключениях в Вашингтоне. О работе комиссии он сообщал на родину в форме открытых писем партнерам по юридической фирме Herrick, Langdon, Sandblom Belin в Де-Мойне.

35-летний Белин гордился тем, что вырос в Кукурузном поясе, и именовал себя «сельским адвокатом», хотя окончил Школу права Университета Мичигана и благодаря академическим успехам вошел в братство Phi Beta Kappa . Он мог получить работу в известных юридических фирмах Чикаго или автомобильных компаниях Детройта, но своим домом считал штат Айову и возвратился туда, чтобы начать адвокатскую карьеру дома.

Однако в январе 1964 года «сельского адвоката» вызвали в столицу США – город, которому, на его взгляд, Джон Кеннеди придал шарма и блеска, – и поручили работать под руководством председателя Верховного суда

Эрла Уоррена, супергероя в глазах Белина, над загадкой, окружавшей смерть Кеннеди. И хотя получил он эту работу благодаря чудовищному несчастью, Белин возликовал: одно дело, когда твои заслуги ценят на родине, в Айове, и совсем другое – добиться признания в Вашингтоне.

Первое письмо партнерам Белин отправил в конце января, всего через несколько дней после прибытия в Вашингтон. «Во-первых, большой привет всем в HLSB !» – так начал он. Далее рассказывалось, что, хотя в Де-Мойне его стол вечно был завален бумагами клиентов, «здесь, в Вашингтоне, пришлось несколько переменить свои привычки, потому что мы имеем дело с материалами, помеченными как “строго секретные”, и в каждом кабинете находится сейф, куда нужно запирать все документы на ночь»1 . Однако непосредственный начальник Белина в комиссии, Джо Болл, удивлялся тому, сколь малая часть прочитываемого ими материала заслуживала хоть какого-то уровня секретности. Белин писал: «Он недоумевает, с какой стати эти документы считаются “совершенно секретными”, и в основном я с ним согласен». Оба юриста начали подмечать склонность бюрократов федерального уровня, в особенности из ФБР и ЦРУ, засекречивать даже самую рутинную информацию.

Работать на Уоррена Белину нравилось. Он говорил, что председатель Верховного суда «чрезвычайно привлекателен», а уж когда Уоррен узнал его на улице, сразу же улыбнулся и сказал: «Привет», восторгу Белина и вовсе не было предела. На первом собрании комиссии в январе Уоррен, как сообщал в письме Белин, намекал на «распространившиеся в разных странах слухи» о заговоре, результатом которого стало убийство Кеннеди. «По словам Уоррена, президент Джонсон считал ситуацию взрывоопасной, это могло привести к войне со всеми страшными последствиями ядерного удара». Белин понимал, насколько увлекательны для его коллег в Айове такие подробности, как интересно им узнавать, что происходит в далекой столице, за закрытыми дверями комиссии по расследованию убийства президента. Его письма обсуждались в фирме по несколько дней после получения.

Белин знал, как покорить аудиторию. Он вырос в Сиу-Сити, в музыкальной семье, в детстве играл на виолончели и был настолько талантлив, что получил приглашение в Джульярдовскую школу музыки в Нью-Йорке. Однако денег у родителей не хватало, и юноша вместо музыкальной школы отправился в армию, чтобы заработать на обучение в университете.

В армию Белин прихватил с собой скрипку, играл в военных госпиталях на Дальнем Востоке и выступал по радио Вооруженных сил – для радиовыступлений он всегда выбирал Дворжака, который ему особенно удавался2 .

Очередное письмо пришло в Де-Мойн 11 февраля. Уроженец Айовы подсмеивался над городскими властями Вашингтона, не сумевшими оперативно разгрести улицы после слабенького, по стандартам Айовы, снегопада: «Сегодня Вашингтон полностью дезорганизован, потому что за ночь выпало семь сантиметров снега». Затем Белин излагал подробности показаний, которые мать Освальда незадолго перед тем давала за закрытыми дверями: «Один адвокат-циник предложил номинировать Маргерит на звание “матери года” за ее упорство в отстаивании своего чада», – писал он, сообщая также, что Уоррен выслушивал болтовню этой женщины с образцовым терпением: «Будь нам присущ азарт, которым я, разумеется, не наделен, пора было бы уже делать ставки на то, как долго председатель Верховного суда будет вот так сидеть и слушать все эти не относящиеся к делу благоглупости»3 .

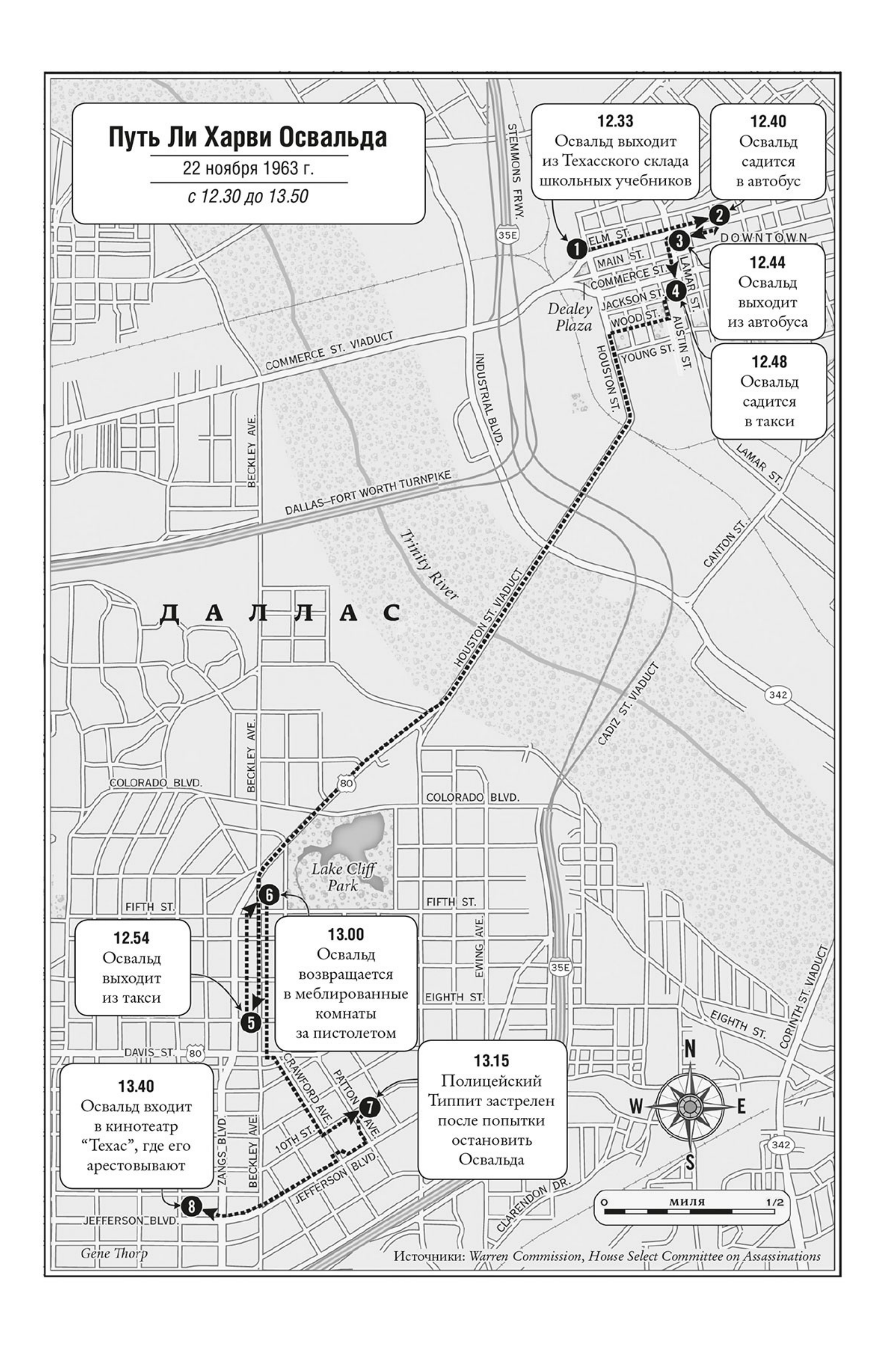
К концу зимы Белин успел прочесть большую часть из сотен свидетельских показаний, собранных в Далласе ФБР, Секретной службой и местной полицией. В следственных органах Белин никогда прежде не работал, однако опыта перекрестных допросов у него хватало, и другим юристам комиссии Белин говорил, что его нисколько не тревожат расхождения в свидетельских показаниях о выстрелах на Дили-Плаза и о том, как погиб Джей Ди Типпит. Вполне надежные, старавшиеся изо всех сил свидетели по гражданским делам, с которыми Белин имел дело в Де-Мойне, и то сбивались в показаниях, и здесь происходило то же самое. «Когда одно и то же внезапное событие случается на глазах двух или большего числа людей, приходится рассматривать как минимум две версии случившегося»4.

Иногда этот разнобой в показаниях становился даже забавным. Например, коллеги Освальда со склада учебников, как ни старались давать точные показания, разошлись даже в описании основных деталей его внешности. Один сотрудник, Джеймс Джерман, клялся, что Освальд всегда ходил на работу в футболке. Другой сотрудник, Юджин Уэст, твердил прямо

противоположное: «По-моему, я никогда не видел его в одной лишь футболке»5 . Белин полагал, что оба они говорят то, что принимают за истину, хотя, разумеется, один из них ошибался.

Имелись и более существенные расхождения, особенно в показаниях двух агентов Секретной службы, которые ехали в лимузине вместе с президентом. Агент Рой Келлерман, занимавший переднее пассажирское сиденье, утверждал, что после первого выстрела слышал крик президента: «Боже, меня застрелили!» Келлермана спросили, как он может быть уверен, что кричал Кеннеди, а не Коннелли. «Это был его голос, – ответил Келлерман. – На заднем сиденье был только один человек из Бостона, и его акцент различался безошибочно»6 .

Однако агент, который вел лимузин, Уильям Грир, говорил, что после первого выстрела Кеннеди не произнес ни звука. Коннелли и его жена Нелли, которая также находилась в лимузине, подтверждали слова Грира: президент молчал. (Сотрудники комиссии пришли к выводу, что Грир и супруги Коннелли, скорее всего, правы: поскольку первая же пуля пробила Кеннеди гортань, говорить он не мог.) Но хотя показания Келлермана и Грира противоречат друг другу, никто не подозревал того или другого агента во лжи, рассуждал Белин.

Путь Ли Харви Освальда
22 ноября 1963 г.
с 12.30 до 13.50
12.33
Освальд выходит из Техасского склада школьных учебников
12.40
Освальд садится в автобус
12.44
Освальд выходит из автобуса
12.48
Освальд садится в такси
12.54
Освальд выходит из такси
13.00
Освальд возвращается в меблированные комнаты за пистолетом
13.15
Полицейский Типпит застрелен после попытки остановить Освальда
13.40
Освальд входит в кинотеатр “Техас”, где его арестовывают
STEMMONS FRWY.
ELM ST.
MAIN ST.
COMMERCE ST.
JACKSON ST.
WOOD ST.
YOUNG ST.
LAMAR ST.
AUSTIN ST.
HOUSTON ST.
DOWNTOWN
Dealey Plaza
COMMERCE ST. VIADUCT
INDUSTRIAL BLVD.
BECKLEY AVE.
DALLAS–FORT WORTH TURNPIKE
Trinity River
CANTON ST.
ДАЛЛАС
HOUSTON ST. VIADUCT
CADIZ ST. VIADUCT
COLORADO BLVD.
Lake Cliff Park
FIFTH ST.
EWING AVE.
EIGHTH ST.
CORINTH ST. VIADUCT
DAVIS ST.
CRAWFORD AVE.
PATTON AVE.
10TH ST.
ZANGS BLVD.
JEFFERSON BLVD.
CLARENDON DR.
N
W
E
S
0
миля
1/2
Gene Thorp
Источники: Warren Commission, House Select Committee on Assassinations

Письма Белина партнерам сделались более траурными в марте, когда он вместе с Боллом впервые съездил в Даллас. Они своими глазами увидели Дили-Плаза, проехали вдоль маршрута, по которому двигался президентский кортеж. «Я не был подготовлен к такому эмоциональному опыту: увидеть то здание своими глазами», – писал Белин и дальше рассказывал:

«Агент Секретной службы вел машину, мы проехали по маршруту президентского кортежа по Мейн-стрит в Далласе, а затем прямо по Хьюстон-стрит, откуда свернули направо, и там, в квартале от нас, впереди, высилось в суровой реальности то самое здание склада учебников, о котором я столько читал в последние два месяца. В то же мгновение я перенесся в тот день, увидел красочный фильм с кортежем – ведь и в самом деле эти кадры снимали в день убийства. Автомобиль медленно двигался к северу по Хьюстон-стрит, проехал один квартал до пересечения с Элм-стрит, и я не сводил глаз с окна в юго-восточном углу шестого этажа. Мы свернули налево, по большой дуге примерно в 270 градусов, и двинулись по диагональному съезду к автостраде. Там-то пули и настигли президента»7 .

В этот момент, писал Белин, в голове у него мелькали воспоминания обо всех мрачных подробностях убийства, с которыми он ознакомился в Вашингтоне: протокол вскрытия, лента Запрудера, фотографии фрагментов пуль и осколков черепа Кеннеди, подобранных на Дили-Плаза.

В Далласе Белин повторил также, пешком и на такси, путь Освальда после убийства, как его реконструировало ФБР, – сперва в меблированные комнаты в районе Оук-Клиффс, а затем к тому месту, где был убит Джей Ди Типпит. Белин считал несправедливым забывать при обсуждении убийства Кеннеди гибель Типпита и само его имя, как будто смерть полицейского – незначительный довесок к катастрофе того дня.

Друзья-полицейские отзывались о 39-летнем Типпите (он утверждал, что его инициалы J. D. – Джей Ди – никак не расшифровываются) как о славном товарище8. Во Вторую мировую войну Типпит служил десантником, участвовал в переправе союзников через Рейн в 1945 году и был награжден Бронзовой звездой. В 1952 году он поступил учеником в полицию Далласа на жалованье в 250 долларов. У него были жена и трое детей, младший – пяти лет.

Белин считал неопровержимыми улики, доказывавшие, что Типпита убил Освальд. Полицейский проезжал в патрульном автомобиле, заметил на обочине Освальда и попытался остановить его и расспросить, поскольку внешне Освальд подходил под описание убийцы президента, только что прозвучавшее по полицейской рации. Как только Типпит вышел из автомобиля, его поразили четыре выстрела – три в грудь и один в голову, – причем найденные на месте преступления гильзы соответствовали пистолету Smith Wesson , приобретенному Освальдом в том же магазине заказов по почте, что и винтовка Mannlicher-Carcano .

Во время визита в Даллас Белин осмотрел также кинотеатр «Техас» на Западном бульваре Джефферсона, в нескольких кварталах от того места, где погиб Типпит. Освальда арестовали в кинотеатре – первоначально только как убийцу Типпита, а не президента. Освальд проскочил мимо кассы, не заплатив, и попытался укрыться в затемненном зале. Коллегам в Айову Белин писал, что специально уселся «на то самое сиденье, на котором сидел Освальд».

Белин и Болл выделили время для осмотра склада учебников и беседы с коллегами Освальда, в том числе с теми троими мужчинами, которые, по их словам, находились на пятом этаже здания и смотрели из окна на кортеж Кеннеди, когда прозвучали выстрелы.

Ранее на допросах в полиции эти сотрудники показали, что слышали движение затвора винтовки прямо у себя над головой и стук, с которым пустые гильзы упали на пол. Белин решил проверить, могли ли они это слышать. Цементные полы склада были достаточно прочными, чтобы выдерживать многотонный груз учебников, и Белин сомневался, возможно ли, находясь этажом ниже, расслышать, как передергивают затвор и как падают на пол гильзы. Вполне вероятно, прикидывал он, что сотрудники Освальда просто вообразили, будто это слышали.

Для проверки Белин и Болл посадили на шестом этаже у окна, в котором якобы видели Освальда, агента Секретной службы, вооружив его винтовкой с затвором. Болл оставался с этим агентом, а Белин спустился на пятый этаж вместе с Гарольдом Норманом, одним из служащих склада. «Я крикнул им, чтобы начинали испытание, – писал впоследствии Белин. – Я не ожидал ничего услышать, однако с удивительной отчетливостью услышал удар, когда гильза упала на пол. А потом еще два удара, когда на пол у меня над головой упали еще две гильзы». Белин утверждал также, что вполне ясно слышал, как агент Секретной службы «передвигает затвор винтовки»9 .

– Джо, если бы я не слышал этого своими ушами, я бы не поверил, – сказал Белин Боллу.

Белин провел еще один следственный эксперимент, выясняя, с какой скоростью Освальд мог спуститься с шестого этажа на первый, где он через несколько секунд после выстрела столкнулся со своим начальником Роем Трули и далласским полицейским Маррионом Бейкером. По словам Бейкера, услышав выстрелы, он остановил свой мотоцикл и вбежал в здание, потому что ему показалось, будто выстрелы донеслись со склада. Белин бежал по пятам за Бейкером с секундомером – полицейский повторил все свои действия, вновь спрыгнул с мотоцикла перед складом учебников, ворвался в здание и взбежал на второй этаж. После такого испытания Белин с трудом отдышался (приглашая его в комиссию, «никто не предупреждал, что потребуется хорошая физическая форма», шутил он в письме в Айову). Проверка убедила Белина в том, что Освальд успел бы спуститься на второй этаж к тому моменту, когда до этого этажа добрался полицейский10 .

Белина удивляло, что до него никто из следователей не проводил таких следственных экспериментов. ФБР, Секретная служба и местные власти только похвалялись, будто их расследование в Далласе было исчерпывающим, но оставили в своих отчетах зияющие дыры. К своему изумлению, Белин наткнулся на существенного свидетеля, которым остальные следователи фактически пренебрегли: авторемонтник Доминго Бенавидес оставил свой пикап «шеви» 1958 года, когда увидел, как Типпит был расстрелян практически на углу Десятой улицы и Паттон-стрит. «Я с трудом мог поверить в то, что рассказывал этот человек»11 , говорил Белин. Бенавидес утверждал, что не только видел, как был убит

полицейский, но и подошел после этого к машине Типпита и пытался «связаться по полицейской рации с отделением и сообщить, что застрелен полицейский». Бенавидес также отыскал две гильзы, которые человек, затем опознанный им в Освальде, забросил в кусты, и передал эти гильзы полиции.

Но хотя Белин без особого труда разыскал Бенавидеса, его имя не фигурировало в показаниях свидетелей, взятых ФБР и полицией Далласа в день убийства. Полицейские не сочли нужным даже привезти Бенавидеса в тот день в участок на опознание Освальда, как привозили других свидетелей. Почему же, спрашивал Белин, отыскивать столь важного свидетеля предоставили комиссии?

Вернувшись из Далласа в Вашингтон, Белин начал брать более формальные, уже под присягой, показания у некоторых из свидетелей, которых ранее опрашивал в Техасе. Среди них был и «самый важный свидетель» с Дили-Плаза – 44-летний Говард Бреннан, слесарь по паровому отоплению, который в тот момент, когда грянули выстрелы, сидел на стене на углу Хьюстон-стрит и Элм-стрит, то есть прямо напротив склада учебников. Он находился на расстоянии чуть более 30 метров от окна шестого этажа склада. Другие, вполне достойные доверия свидетели показали, что видели высовывавшееся из окна верхнего этажа дуло винтовки – в том числе фотограф из The Dallas Times-Herald, ехавший в кортеже, после первого выстрела указал вверх и крикнул коллегам: «Вон ружье!» Но Бреннан излагал все гораздо подробнее, в том числе дал внятное описание внешности стрелка. По словам Бреннана, непосредственно перед выстрелами он оглядывал книжный склад «и видел немало людей в разных окнах»: все, видимо, с энтузиазмом дожидались президента. «Особо я заметил одного мужчину на шестом этаже».

Через секунду после того, как президентский лимузин проехал мимо, Бреннан, как он сказал, «услышал треск и был совершенно уверен, что это выхлоп» – выхлоп мотоцикла, подумал он. Затем, сказал Бреннан, он услышал второй звук, словно из склада учебников бросили хлопушку. «Я поднял глаза. Тот человек, которого я раньше видел, прицеливался перед последним выстрелом». Этот мужчина держал «какую-то мощную винтовку» и «прислонился к левому подоконнику, а ружье прижал

к правому плечу, он держал его левой рукой, тщательно прицелился и выстрелил в последний раз»12 . Это, утверждал Бреннан, был третий выстрел, тот, который поразил президента в голову. Убийца, согласно показаниям свидетеля, был белый мужчина весом 65–70 килограммов в светлой одежде – вполне точное описание Освальда. В наступившей после выстрелов суматохе Бреннан подошел к полицейским и рассказал им, что видел. Несколько минут спустя полицейские рации по всему городу начали передавать описание стрелка, основанное, очевидно, на рассказе Бреннана.

В тот день потрясенного Бреннана доставили в полицейское управление и предъявили выстроенных в ряд мужчин, среди которых находился Освальд. Но в этот момент Бреннан, как он потом объяснял, решил солгать. Хотя он видел прямо перед собой убийцу президента, он оглядел всех мужчин и заявил, что не узнает среди них стрелка. Солгал он, как потом уверял, потому что считал убийство Кеннеди результатом международного заговора, «коммунистической деятельности», и опасался, что следом устранят и его. «Если бы стало известно, что я очевидец, могли бы пострадать и я сам, и мои родственники».

Белина тот факт, что Бреннан предпочел солгать, расстроил, но не слишком удивил. Примерно в то же время, когда Бреннан давал показания в Вашингтоне, газеты всей страны писали о чудовищном убийстве Китти Дженовезе в Нью-Йорке – женщину зарезали в собственном доме в Квинсе, 38 человек слышали, как она погибает, и ни один не откликнулся на призыв о помощи.

«Во времена, когда никто не спешит на помощь женщине, которую убивают посреди Нью-Йорка… удивительно ли, если человек, опасавшийся коммунистического заговора, опасается сразу же признать убийцу президента Соединенных Штатов»13 , – писал впоследствии Белин.

Белину нужно было разобраться и с показаниями других, вроде бы надежных свидетелей, из-за которых возникало противоречие: выстрелы якобы донеслись не из книжного склада, а с так называемого Травяного склона, рядом с которым проезжал президентский лимузин. Наиболее ценные показания дал Стерлинг Холланд, инспектор железной дороги

Union Terminal, который проверял дорожную сигнализацию на эстакаде над шоссе впереди по пути следования кортежа. По словам Холланда, он смотрел на кортеж, пытаясь разглядеть Кеннеди, услышал выстрелы и увидел, как президент обмяк. Повернув голову влево, в сторону Травяного склона, Холланд увидел «дымок», который «появился в двух – двух с половиной метрах над землей» под купой деревьев. Тогда он побежал в ту сторону и увидел 12–15 полицейских и одетых в штатское агентов, которые искали «пустые гильзы», а значит, убийца прятался там14.

Показания Холланда записал в Далласе в начале апреля Сэм Стерн: он ездил в Техас, чтобы участвовать в допросах свидетелей. Стерна рассказ Холланда – и очевидный вывод, что был и второй стрелок – привел в такое волнение, что молодой юрист покинул комнату для допросов и поспешил разыскать Белина, который в это время также находился в Далласе.

Стерну свидетельство Холланда казалось «поразительным», как он признавался позднее. «Дымок? Что это могло значить?» Но Белин нисколько не заинтересовался. «Да-да, – отмахнулся он. – Об этом нам давно известно».

Стерна задело, что таким, как ему казалось, важным свидетелем пренебрегают, однако он смирился, поскольку считал, что Белину на тот момент во всех подробностях было известно происшествие на Дили-Плаза. Правда, и много позднее Стерн говорил, что показания Холланда все же не давали ему покоя, и он задумывался, не следовало ли обратить на них внимание. «Их никто не принимал всерьез»15 , – вспоминал он. В последующие годы приверженцы теории заговора уцепились бы за показания Холланда как за доказательство того, что комиссия не поработала с ключевым свидетелем.

Белин, со своей стороны, потом пояснял, что сознавал, насколько могут оказаться важны показания Холланда, но в итоге отнес железнодорожного инспектора в разряд честных, но заблуждающихся очевидцев. Насколько Белину было известно, на Травяном склоне не нашлось никаких материальных улик – ни гильз, ни чего-либо еще. К тому же казалось невероятным, чтобы стрелок мог несколько раз выстрелить из винтовки по кортежу, а никто его ясно не разглядел – ведь прямо там в момент, когда проезжал кортеж, стояло несколько зевак.

Белин и Болл пытались также разобраться с проблемой другого ключевого или потенциально ключевого свидетеля, Хелен Маркем, официантки из ресторана «Ит велл», которая видела убийство Типпита. Маркем в отличие от Доминго Бенавидеса через несколько часов после гибели полицейского доставили в участок, и она опознала в Освальде убийцу.

Если Говард Бреннан стал главным свидетелем комиссии, который помог установить вину Освальда, то Маркем запомнится как «наиболее противоречивый» свидетель, говорил Белин16 . Вопрос о том, в какой мере ей можно верить, терзал комиссию не один месяц. В Вашингтон для дачи показаний Хелен прибыла почти в панике из-за того, что внезапно прославилась на всю страну. Марк Лейн публично ставил под сомнение достоверность ее показаний, утверждая, будто он ее расспрашивал и она взяла обратно свои слова, что признает в Освальде убийцу Типпита. Комиссии предстояло разобраться, что именно Хелен сказала Лейну, и говорила ли вообще, и по какой причине отступилась от первоначальных показаний.

Уоррен старался успокоить Хелен Маркем, когда она появилась в зале заседаний. «Он так глядел и улыбался – ни дать ни взять ученый-богослов», – вспоминал потом Белин. Конгрессмену Форду председатель Верховного суда передал записку от руки: «Эта свидетельница может впасть в истерику»17 .

Маркем признавала, что волнуется:

– Я сильно потрясена.

Допрос проводил Болл, и он тоже старался успокоить свидетельницу.

– Ничего не бойтесь, – уговаривал он ее, – у нас тут лишь небольшое и неформальное собрание.

Болл помог Хелен дать сведения о себе – разведена, на содержании пятеро детей, – а потом попросил ее рассказать о событиях второй половины дня 22 ноября. Хелен описала гибель Типпита как хладнокровное убийство: Освальд принялся жать на спусковой крючок, едва полицейский вышел из патрульной машины. Вогнав три пули в грудь полицейского и одну

в голову, Освальд, по словам Маркем, двинулся прямо к ней. «Я заслонила руками лицо и закрыла глаза, потому что понимала: он меня убьет. Я не могла кричать, не могла вопить. Я оцепенела». Но Освальд не стал стрелять ни в Хелен, ни в других свидетелей, которые могли бы его опознать, а «припустил прочь», как выразилась Маркем.

Маркем показала, что подбежала к Типпиту и слышала, как он пытался, но не сумел произнести какие-то слова, а вокруг него стекалась в лужицу кровь. Позднее в тот же день из нескольких выстроенных перед ней мужчин Маркем признала Освальда. «Я бы этого человека где угодно узнала, – говорила она потом. – Уверена, что узнала бы»18 .

Болл заговорил о Лейне и спросил, была ли у Хелен с ним беседа и почему она в этой беседе изменила что-то в своих показаниях. Хелен наотрез отрицала разговор с человеком по имени Марк Лейн, и она также не описывала убийцу Типпита как «приземистого, грузного, с пышными волосами», вопреки тому, что заявлял Лейн. С ноября, по словам Маркем, она дала всего два интервью: репортеру из журнала Life, и в журнале действительно цитировали кое-какие ее высказывания, и человеку, назвавшемуся французским журналистом – тот даже говорил с акцентом. Имени француза женщина не запомнила, но он был «смуглым», среднего роста и в «роговых очках» – под такое описание вполне подходил Лейн.

Мог ли Лейн выдать себя за французского репортера? Норман Редлик, присутствовавший при опросе свидетельницы, вышел из помещения и вернулся с двумя газетными фотографиями Лейна, которые были затем предъявлены Маркем. «Я никогда в жизни не видела этого человека», – заявила она. Болл и Белин не знали, что думать, ведь Лейн под присягой показал, что беседовал с Маркем. Лейн, вполне вероятно, вел двойную игру, но Белин не мог поверить, что тот столь дерзко солгал перед комиссией, рискуя быть обвиненным в лжесвидетельстве[11].
С противоречиями между показаниями Маркем и Лейн еще несколько недель не удастся разобраться, а в результате будет подорвано доверие к обоим свидетелям19 .

Эта проблема, как говорил Белин, мучила его и тогда, и в последующие годы. Еще как минимум шесть надежных свидетелей, помимо Маркем, опознали в Освальде убийцу Типпита. В их числе и Бенавидес, свидетель, которого отыскал сам Белин. В глазах Белина убийство Типпита все более

превращалось в «розеттский камень» убийства Кеннеди, то есть в событие, с помощью которого можно было объяснить все произошедшее, поскольку тем самым доказывалась готовность Освальда убивать и поскольку у Освальда не имелось иной причины стрелять в Типпита, кроме желания удрать от полицейского, разыскивавшего убийцу президента. Однако Лейн во главе постоянно растущей армии теоретиков заговора успешно убеждал доверчивых обывателей, что все дело против Освальда – пустышка, а все потому, что одна лишь «ветреная» свидетельница, Хелен Маркем, возможно, что-то перепутала в телефонном разговоре, который не смогла потом припомнить.

Разобраться в том, что именно происходило на Дили-Плаза было очень трудно. Хотя Белин был убежден в том, что Типпита Освальд убил в одиночку, насчет покушения на Дили-Плаза такой уверенности у него не было. Возможно, на Травяном холме убийцы не было, однако могла ли комиссия исключить возможность того, что сообщник присоединился к Освальду на книжном складе? Или же второй убийца мог занять иную позицию позади кортежа? Белин вошел в комиссию с заведомым убеждением в том, что убийство Кеннеди стало результатом заговора, и все еще стремился разоблачить этот заговор, если он действительно существовал. С января Мел Эйзенберг, заместитель Редлика, организовывал для штатных сотрудников комиссии просмотры фильма Запрудера. Сам Эйзенберг и еще несколько человек, в том числе Белин и Спектер, смотрели одни и те же чудовищные картины по многу часов, изучали этот фильм кадр за кадром.

В конце февраля журнал Life, хотя и без особого желания, согласился наконец предоставить комиссии оригинальную пленку, приобретенную у Эйбрахама Запрудера. До тех пор сотрудники комиссии работали с копиями фильма, сделанными Секретной службой и ФБР. Оригинал оказался намного чище и содержал «значительно больше деталей, чем любая из наших копий», как вспоминал Белин20 . Life также обещал предоставить комиссии 35-миллиметровые цветные слайды каждого кадра оригинальной пленки. Белин обрадовался возможности посмотреть исходную пленку: ему представлялся шанс доказать существование заговора, возможно, показав, что Освальд не успел бы выпустить столько пуль в Кеннеди и Коннелли.

Любительская камера Запрудера фирмы Bell Howell была конфискована

ФБР. Технический отдел Бюро установил, что камера работала со скоростью 18,3 кадра в секунду. Эти данные позволили вычислить среднюю скорость движения президентского лимузина по Дили-Плаза – 20 км/ч. Затем ФБР сопоставило скорость лимузина с данными тестов, устанавливавшими частоту выстрелов из принадлежавшей Освальду винтовки Mannlicher-Carcano . Тесты показали, что на «два удачных, своевременных выстрела» понадобится около двух с четвертью секунд – 42 кадра фильма Запрудера. ФБР настаивало на том, что собранные данные указывают: в Кеннеди и Коннелли попали разные пули. Итак, если бы Белин с коллегами сумел на основании фильма Запрудера доказать, что выстрелы по кортежу были сделаны с интервалом менее двух с четвертью секунд, это подкрепило бы версию о втором стрелке на Дили-Плаза.

Несколько дней на рубеже зимы и весны штатные юристы комиссии заседали в конференц-зале с Линдалом Шейнифелтом, бывшим газетным фотографом, который стал главным экспертом ФБР по фотографиям. Вместе юристы и эксперт сотни раз просматривали фильм Запрудера. По словам Белина, эти кадры будут преследовать его до конца жизни: «Я буду просыпаться посреди ночи, увидев, как президент машет толпе, а через несколько мгновений гремит роковой выстрел, и голова президента, дернувшись, падает на грудь».

Шейнифелт пронумеровал все кадры пленки. Самый страшный кадр, под номером 313, запечатлел момент, когда пуля попала в голову президента и над лимузином поднялось кровавое облачко. В лимузине было найдено и идентифицировано два фрагмента этой пули – очевидно, третьей и последней, выпущенной Освальдом. Проблема возникала с первыми двумя выстрелами. Судя по фильму, первый выстрел угодил Кеннеди куда-то в верхнюю часть спины или нижнюю часть шеи в какой-то момент между кадрами 210 и 214 – точнее определить время не удалось, потому что в эти мгновения обзор Запрудеру загораживал дорожный знак. (Кадр 225, на котором Кеннеди появляется вновь, явно сделан уже после выстрела, поскольку президент поднимает руку к горлу.)

С учетом места, на котором Коннелли сидел в автомобиле, и характера его ранений, Шейнифелт и штатные юристы пришли к единому выводу: Коннелли был ранен в период между 207-м и 225-м кадрами. Анализ медицинских данных о ранении Коннелли при сопоставлении

с положением его тела на других кадрах убеждал в том, что пуля должна была попасть в него никак не позднее момента, запечатленного на 240-м кадре.

Оставалось сделать несложный подсчет, решил Белин. Если Кеннеди был ранен не ранее 210-го кадра, а Коннелли – не позднее 240-го, время между выстрелами не превышало 30 кадров, а это меньше двух секунд. У Освальда не хватило бы времени прицелиться в обе жертвы. А это значит, думал Белин, что он уже получит тот ответ, который искал: на Дили-Плаза присутствовали как минимум два стрелка.

Глава 27

Офис комиссии

Вашингтон

март 1964 года

На Арлена Спектера навалилось чрезвычайно много работы. Ему приходилось делать столько же, сколько всем молодым юристам в штате, а после внезапного исчезновения его старшего напарника Фрэнсиса Адамса – пожалуй, и больше. «Когда же я наконец повидаюсь с семьей?» – уже не вполне шутя спрашивал он коллег. Из девяноста трех свидетелей, дававших официальные показания перед комиссией в Вашингтоне, двадцать восемь вел Спектер1 . Он выслушал показания большинства государственных служащих и других лиц, ехавших в том кортеже в Далласе, а также практически всех врачей и других членов медицинского персонала больницы Паркленда и прозекторской в Бетесде. Спектер обязан был разобраться в мельчайших подробностях рассказов свидетелей, и, судя по протоколам их показаний, он всегда добросовестно готовился к разговору.

Коллег также восхищала готовность Спектера противостоять и председателю Верховного суда, и Рэнкину. Не всегда ему удавалось добиться своего: например, Спектер предлагал начать сбор показаний

в Вашингтоне с тех, кто находился в непосредственной близости к президенту. По мнению Спектера, логично было бы в качестве первоочередного свидетеля вызвать вдову президента. «Начинать следовало с Жаклин Кеннеди», потому что никто не был к президенту ближе (в физическом или ином смысле) в момент его смерти.

В первые недели расследования Спектер подготовил список из девяноста вопросов, которые он намеревался задать бывшей первой леди. Вопросы он разделил на семь категорий, начиная с «События 22 ноября перед покушением»2 . Спектер считал, что Жаклин следует допросить обо всех моментах гибели ее мужа, включая выражение его лица (как оно запомнилось супруге) после того, как первая пуля пробила ему гортань. Вопрос 31: «Какова была, если была, реакция президента Кеннеди на первый выстрел?» Юрист также хотел получить ответ на занимавшую многих загадку: почему миссис Кеннеди, когда прозвучали выстрелы, попыталась выбраться на капот лимузина. «Этот вопрос представляет исторический интерес, и уже пошли некоторые домыслы», – писал Спектер Рэнкину, перечисляя возможные объяснения, в том числе предположение, что женщина попросту пыталась бежать «из машины от опасности и трагедии».

В марте Спектер заявил: он разочарован, но не удивлен решением не брать у миссис Кеннеди свидетельские показания на ранних этапах расследования и тем, что ее могут вовсе не допросить, поскольку Уоррен противится этому. «Председатель Верховного суда взял миссис Кеннеди под свое покровительство»3 , – говорил впоследствии Спектер. Ему лично это казалось отвратительным примером двойных стандартов. Если бы в офисе окружного прокурора Филадельфии рассматривали обычное убийство, полиция в первые же часы после преступления допросила бы супругу жертвы, тем более что супруга присутствовала при выстрелах. «В делах об убийстве первой степени власти обязаны вызывать всех свидетелей, – утверждал Спектер, – поскольку они необходимы для установления истины». Теперь же выходило, что на данном следствии об убийстве вдова, вероятно, вообще не будет давать показания. «По моему мнению, ни один человек не находится настолько выше закона, чтобы его нельзя было вызвать для дачи показаний, – говорил Спектер. – И я не считаю, что миссис Кеннеди хоть на йоту выше других». Столь же упорно он настаивал на необходимости получить показания президента Джонсона. Его требовалось допросить в том числе и потому,

что в Вашингтоне, в Далласе и других местах рождалось множество теорий заговора и некоторые из них предполагали, будто новый президент так или иначе замешан в убийстве прежнего. Спектер заявлял, что готов спросить Джонсона «в лоб», участвовал ли он в подобном заговоре. «При иных обстоятельствах он бы считался главным подозреваемым, – говорил Спектер впоследствии. – Не думаю, что президент Джонсон был причастен к убийству президента Кеннеди, но также не думаю, что этот вопрос не следовало и задавать».

Когда Спектер наконец начал собирать в Вашингтоне показания, двумя ключевыми свидетелями оказались агенты Секретной службы, которые находились в лимузине Кеннеди: первым он заслушал Роя Келлермана, ехавшего на правом переднем сиденье, а затем водителя Уильяма Грира. Обоих вызвали на понедельник, 9 марта.

Келлерман показался Спектеру «образцовой моделью» агента Секретной службы4 . Бывший автослесарь, затем патрульный в Мичигане, столь сдержанный на язык, что коллеги в шутку прозвали его «болтуном», Келлерман был «метр девяносто ростом, весом под сто килограммов, мускулистый, красивый». Но хотя внешне Келлерман как нельзя лучше подходил на роль агента, Спектер не был уверен, что тот хорошо выполнил свою работу в день убийства. Как-то совсем неэмоционально, чуть ли не со скукой рассказывал агент о последних минутах жизни президента, которого он клялся защищать. Спектер спросил, почему Келлерман, услышав выстрелы, не прыгнул в заднюю часть лимузина, где были тяжело ранены Кеннеди и Коннелли – по крайней мере, он прикрыл бы их от возможных выстрелов по пути от Дили-Плаза до больницы Паркленда. Келлерман уверял, что уже ничего нельзя было сделать и что, по его мнению, он мог оказаться более полезным жертвам покушения, оставаясь на переднем сиденье, откуда он передавал по рации сообщения Гриру. Спектер пришел к выводу, что Келлерман «не годился для этой работы: ему исполнилось 48 лет, он слишком крупный, и рефлексы у него притупились».

Грир произвел гораздо более благоприятное впечатление. Этот 54-летний ирландец переехал в Штаты подростком, но все еще говорил с легким акцентом. Он поступил в Секретную службу после того, как отслужил

Вторую мировую войну во флоте, а затем почти десять лет проработал шофером в богатых семействах в окрестностях Бостона. Грир ясно дал понять Спектеру, как он потрясен убийством президента. «Он явно испытывал глубокую привязанность к Кеннеди, и я понял, что это чувство было взаимным» (отчасти благодаря общим ирландским корням), отметил Спектер. Грир упрекал себя за неправильные действия, в том числе за то, что не нажал на педаль газа сразу же, как услышал первый выстрел. Фотографии и съемки с места преступления показывают, что Грир, вероятнее всего, после первого выстрела нажал на тормоза и оглянулся посмотреть, что происходит, и тем самым, возможно, облегчил снайперу задачу. Друзья Жаклин рассказывали, что она, узнав впоследствии эти подробности, пришла в ярость и жаловалась, что агенты Секретной службы меньше годились в защитники ее мужа, чем няня, приставленная к их детям[5]. Позднее Уильям Манчестер писал в опубликованной им хронике убийства, что Грир в больнице Парклэнда плакал и просил прощения у миссис Кеннеди: ему бы, мол, резко свернуть и так попытаться спасти президента[6].

Председатель Верховного суда, присутствовавший на большинстве проведенных Спектером допросов, счел, что молодой юрист педантичен до такой степени, что это уже грозит напрасными потерями времени – во всяком случае, Уоррен жалел свое время. Например, Келлермана и Грира Спектер просил определить, насколько это в их силах, длительность промежутка между первым и вторым, а также вторым и третьим выстрелами, откуда донесся каждый выстрел и с какого расстояния. Он также просил их отметить на карте положение кортежа в момент каждого из выстрелов. Спектер считал своим долгом входить в самые «мелкие подробности убийства», сколько бы времени это ни заняло[7]. Уоррен придерживался иного мнения и демонстрировал Спектеру нетерпение, громко постукивая костяшками пальцев. По словам Спектера, когда допрашивали Келлермана, «председатель Верховного суда барабанил пальцами уже в ритме крещендо», а затем «он отозвал меня в сторону и попросил не затягивать».

Уоррен сказал Спектеру, что было бы «нереалистично ожидать внятных ответов на вопросы о том, сколько прошло времени» между выстрелами, тем более что агенты вообще не определили и не запомнили отдельные выстрелы. Но Спектер отказался выполнять требование Уоррена. «Нет, сэр, – так, по его воспоминаниям, он возразил председателю Верховного

суда, – эти вопросы принципиально важны». Спектер напомнил Уоррену, что люди будут «читать и перечитывать эти записи годами, а то и десятилетиями и даже столетиями». Он имел опыт общения с апелляционным судом у себя в Филадельфии и знал, с какой тщательностью члены апелляционного суда изучают протоколы суда первой инстанции в поисках малейших ошибок прокурора или какого-либо несоответствия. Протоколы комиссии подвергнутся еще более пристальной проверке, чем протоколы любого судебного дела, в котором он участвовал. По мнению Спектера, Уоррен, который большую часть своей карьеры в юриспруденции наставлял прокуроров, но не вел дела сам, просто упускал это из виду. «Не знаю, имел ли Уоррен понятие о том, как должен выглядеть протокол, – вспоминал Спектер. – Это была моя работа, и я намеревался сделать все как полагается».

Упрямство Спектера не слишком-то нравилось Уоррену, «однако он не приказывал мне переменить подход», рассказывал Спектер. «Он только барабанил пальцами, а больше никак в расследование не вмешивался».

Затем давал показания агент Секретной службы Клинт Хилл, настоящий герой того трагического дня, по мнению Спектера. Спектер полагал, что каждый, кто внимательно просматривал пленку Запрудера, мог убедиться, что именно Хилл, уроженец Северной Дакоты 31 года, девять лет уже состоявший в Секретной службе, спас жизнь Жаклин Кеннеди. Хилл ехал в машине сопровождения сразу за президентским лимузином, услышав первый выстрел, он выскочил из машины, подбежал к автомобилю Кеннеди и залез на его капот. «Каждый раз, пересматривая фильм Запрудера, я изумлялся тому, как Хилл несется к лимузину, хватается за левое заднее крыло и успевает запрыгнуть на маленькую подножку слева позади, как раз в тот момент, когда автомобиль прибавляет скорость», – рассказывал Спектер. Молодой агент затащил миссис Кеннеди обратно в лимузин, когда первая леди попыталась выбраться на капот. Если бы не он, «миссис Кеннеди вывалилась бы на дорогу, когда лимузин прибавил скорость, как раз под колеса разогнавшегося автомобиля сопровождения», пояснял Спектер.

Спектер снисходительно отнесся к признанию Хилла, что тот, в нарушение правил Секретной службы, накануне покушения выпил: агент показал, что выпил скотч с содовой в пресс-клубе Форт-Уэрта, затем отправился в другой клуб и только к 2.45 вернулся в отель. Даже если алкоголь

как-то отразился на состоянии агента, Спектер был уверен, что «реакция Хилла оказалась достаточно быстрой, когда нужно было спасать жизнь миссис Кеннеди».

Хилл представил Спектеру убедительное и страшное объяснение, зачем миссис Кеннеди пыталась выбраться на капот8 :

– Она вскочила со своего места и, как мне показалось, пыталась дотянуться до чего-то, отлетевшего от правого заднего бампера автомобиля, – сказал Хилл.

Спектер спросил:

– Вы видели там что-то, что она, вероятно, пыталась достать?

Хилл думал, что Жаклин хотела подхватить осколки черепа своего мужа, когда вторая пуля разбила ему голову. Этот выстрел «снес президенту часть головы, и он заметно склонился влево», рассказывал Хилл, вспоминая, что над задним сиденьем лимузина поднялось кровавое облачко с частицами плоти. «И я точно знаю, что на следующий день мы нашли часть головы президента» на улице Далласа. Хилл также запомнил, что все его инстинкты в тот момент сводились к одному: вернуть первую леди на пассажирское сиденье. «Я схватил ее, стащил обратно на заднее сиденье, сам заполз на спинку заднего сиденья и растянулся там».

Спектеру также было поручено проверить медицинские протоколы, которые, как он вскоре убедился, были в полном беспорядке. В отчете, составленном врачами «скорой помощи» больницы Паркленда, а затем патологоанатомами госпиталя ВМФ в Бетесде, хватало неточностей и противоречий. Достаточно быстро Спектер понял, что из такой путаницы и рождаются теории заговора. Проблемы начались уже через несколько часов после покушения, когда врачи Паркленда опрометчиво вздумали провести пресс-конференцию. Окруженный толпой разгоряченных репортеров, доктор Малькольм Перри, осматривавший Кеннеди в отделении неотложной помощи, высказал предположение, что одна из пуль могла попасть в президента спереди по движению кортежа, а не из окна техасского склада школьных учебников или из какой-либо иной точки позади лимузина Кеннеди. «Да, такое возможно», – заявил

Перри, а ведь это подразумевало участие в покушении как минимум двух убийц. Репортер из журнала Time Хью Сиди встревожился и предостерег Перри:

– Доктор, вы понимаете, что вы сейчас делаете? Вы же сбиваете нас с толку!9

Позднее Перри признал, что недостаточно внимательно исследовал раны, чтобы судить, с какой стороны поразили президента пули, но во многих новостных передачах того дня мнение Перри уже выдавалось за факт. Из всех СМИ больше всего путаницы наделало в тот день Associated Press , крупнейшее телеграфное агентство страны, сообщив в одном из первых репортажей, что Кеннеди был застрелен «спереди в голову» (AP пришлось в тот день корректировать и сообщения, что будто бы Джонсон также был ранен, хотя легко, и будто бы погиб агент Секретной службы из охраны кортежа)10 .

В отчете о вскрытии также имелись пробелы, поскольку патологоанатомы Бетесды спешили закончить работу. У врачей не было времени даже на то, чтобы проследить движение пули внутри тела президента – вообще-то это стандартная процедура при вскрытии жертвы, погибшей от огнестрельного оружия. Два агента ФБР, наблюдавшие за ходом вскрытия, зафиксировали и, по сути дела, подали как факт то, что патологоанатомы потом назовут догадкой в отсутствии достоверных сведений: якобы первая пуля не вошла глубоко в тело президента, а выпала из отверстия в спине.

Прежде чем провести формальный опрос патологоанатомов Бетесды, Спектер в пятницу, 13 марта, наведался в госпиталь ВМФ под Вашингтоном, поговорить с тамошними врачами. С собой он позвал Болла, самого, пожалуй, опытного в комиссии адвоката. В больнице они отыскали коммандера Джеймса Хьюмса, патологоанатома, руководившего вскрытием. Хьюмс возбужденно потребовал у Спектера и Болла их удостоверения. «Он держался настороже», – рассказывал Спектер, припоминая, как доставал «единственный вид удостоверения, какой мы с Боллом могли показать», – пропуск в здание, по которому они входили в офис комиссии в Вашингтоне11 . «Мой пропуск выглядел не слишком-то официально, тем более что мое имя впечатали иным шрифтом, чем основной шрифт этой карточки».

Хьюмса этот документ не устроил, и понадобилось распоряжение старшего администратора госпиталя, адмирала флота, чтобы принудить его к сотрудничеству. «Он был до смерти напуган, – вспоминал Болл, – совершенно не желал общаться с нами».

Прежде всего Спектер и Болл потребовали от Хьюмса объяснений, откуда взялись разногласия и путаница по поводу траектории первой пули. Хьюмс сообщил им, что траекторию пули определить было трудно потому, что врачи больницы Паркленда провели президенту трахеотомию, пытаясь восстановить дыхание, и этот надрез скрыл рану в горле. А еще Хьюмс сказал, что, пока шло вскрытие, из Далласа дошел слух, будто врачи в больнице Паркленда делали раненому массаж сердца и пуля обнаружилась на носилках. Именно поэтому Хьюмс и его коллеги высказали вслух предположение, что при массаже сердца пулю могли вытолкнуть из тела Кеннеди. Но это была всего лишь гипотеза, продолжал Хьюмс, и она оказалась ложной. Далее в ходе вскрытия патологоанатомы разглядели, что передние мышцы шеи президента сильно повреждены, и сочли это доказательством того, что пуля прошла через шею и вышла спереди.

Хьюмс сказал, что и он, и коллеги в Бетесде изумились, узнав спустя несколько недель, что присутствовавшие на вскрытии агенты ФБР включили в официальный отчет версию о выпадении пули при массаже. Выпущенный в декабре отчет ФБР недвусмысленно (и ошибочно) заявлял, что для пули, которая вошла в спину президента, «отсутствует выходное отверстие». Другой, январский, отчет ФБР столь же недвусмысленно и ошибочно утверждал, будто пуля «проникла на глубину не более длины пальца»12 .

Спектер прихватил с собой копию протокола вскрытия и попросил Хьюмса перечитать его строчку за строчкой и объяснить, каким образом патологоанатомы ВМФ пришли к своим выводам. Он также попросил Хьюмса сообщить хронометраж, как составлялся и редактировался протокол. Куда подевались черновики?

И тут, по словам Спектера, Хьюмс признал, что уничтожил все свои записи, а также первый экземпляр протокола вскрытия, чтобы они никогда не стали достоянием общественности13 . Он сжег их в камине своего дома (он жил в пригородной части Мэриленда), повествовал Хьюмс, потому

что бумаги из прозекторской были запятнаны кровью президента и патологоанатом опасался, что их используют как чудовищный музейный экспонат. Спектера эта новость ошеломила. Он вспоминал потом, как, сидя напротив Хьюмса, прикидывал, какой скандал разразится, если эти сведения станут известны не только комиссии. Спектер достаточно имел дело с судьями и присяжными, не говоря уж о циничных судебных репортерах, чтобы понимать, какую реакцию вызовет открытие, что первый вариант протокола о вскрытии президента был сожжен. «У людей появится причина утверждать, что таким образом кого-то прикрывали».

Позднее Спектер говорил, что не подозревал Хьюмса в попытке скрыть нечто существенное, уничтожив бумаги. «Я пришел к выводу, что этот человек неопытен и наивен, он не понимал, сколько людей смотрят ему через плечо, но злого умысла у него не было»14 . И все же Спектер опасался, как бы сторонники теории заговора не вообразили, будто Хьюмс пытался «скрыть свои ошибки или что похуже».

В тот день Хьюмс сделал и другое признание, но уже более приемлемое – насчет первой попавшей в Кеннеди пули. Хотя Хьюмс не упоминал об этом в акте вскрытия, в разговоре он высказал мнение, что пуля должна была выйти из горла президента на большой скорости и практически невредимой: по пути сквозь шею она не натыкалась на твердые препятствия, вроде костей или толстых мышц. Сзади из тела президента эта пуля никоим образом не вываливалась, хоть так и было сказано в отчете ФБР.

Так где же была пуля? Если она прошла сквозь тело Кеннеди с большой скоростью, а в лимузине ее не нашли, куда она угодила после того, как попала в президента? Пуля, лежавшая в больнице Паркленда на носилках Коннелли, как считалось, была именно той, что попала в него – и только в него, по заключению ФБР и Секретной службы. За выходные Спектер обдумал эти вопросы и решил продолжить разбор в понедельник, когда Хьюмсу предстояло давать в Вашингтоне официальные показания. Тут у Спектера появилась бы возможность предъявить Хьюмсу кое-какие материальные улики из Далласа, прежде патологоанатому неизвестные, в том числе кадры из фильма Запрудера.

Позднее Спектер отзывался о показаниях Хьюмса в Вашингтоне

как об историческом событии, поворотном моменте расследования: впервые была обозначена гипотеза, которую назовут «версией одной пули».

Это произошло после того, как Хьюмс принес присягу и ему показали увеличенный кадр из фильма Запрудера, на котором Кеннеди вскидывает руку к горлу – очевидно, после того, как его поразил первый выстрел. Хьюмс уставился на фотографию, подметил положение президента на заднем сиденье и Коннелли на откидном прямо перед ним.

– Я вижу, что губернатор Коннелли сидит прямо перед покойным президентом, – сказал Хьюмс. – Я допускаю возможность, что снаряд, пробив нижнюю часть шеи покойного президента, затем прошел через грудь губернатора Коннелли[15] .

На обыденном языке это означало: патологоанатом допускает, что первая пуля, поразившая Кеннеди, попала и в Коннелли.

И вдруг, по словам Спектера, все сложилось в логичную картину. ФБР и Секретная служба ошибочно предполагали, будто Кеннеди и Коннелли были ранены разными пулями. Их ранила одна и та же пуля, которая сперва прошла через шею президента, а затем попала в спину губернатора. Версия Хьюмса устраняла смущавшую комиссию проблему, успевал ли Освальд сделать все выстрелы. Вероятно, снайперу не хватило бы времени трижды спустить курок за то время, когда, судя по фильму Запрудера, были ранены Кеннеди и Коннелли, но дважды он выстрелить успел бы: одна пуля поразила обоих мужчин, вторая попала в голову Кеннеди. Многие свидетели из кортежа и из толпы на Дили-Плаза утверждали, будто слышали три выстрела, так что комиссии все равно нужно было разобраться с судьбой третьей пули. Спектер полагал, что этот выстрел мог не попасть в цель.

Хьюмсу предъявили то, что Спектер впоследствии будет считать важнейшей материальной уликой, полученной комиссией из Далласа: сплющенную, но уцелевшую 6,5-миллиметровую ружейную пулю со свинцовым сердечником и в медной оболочке – ее, согласно отчету, обнаружили в больнице Паркленда на носилках Коннелли. Улики, включенные в рассмотрение комиссии, снабжались инвентарными номерами, и Спектер закрепил на прозрачном пластиковом пакете с пулей

ярлычок с пометкой «CE #399».

Согласно гипотезе Хьюмса, CE #399 угодила сначала в Кеннеди, а затем в губернатора Коннелли. Спектер попросил Хьюмса присмотреться к пуле в пакете. Если предположить, что пуля прошла лишь через мягкие ткани в шее Кеннеди, могла ли она затем причинить те раны, которые были зафиксированы у Коннелли? Поначалу Хьюмс сомневался. «Это весьма маловероятно», – сказал он. Из протокола медицинского осмотра Коннелли он знал, что осколки металла были обнаружены в груди, бедре и запястье губернатора, а эта пуля казалась почти невредимой – не могло от нее отлететь столько частиц.

Спектера ответ патологоанатома отнюдь не обескуражил, пусть Хьюмс и отступился так легко от ценной теории, которую сам же только что предложил комиссии. Всматриваясь в тот кадр из фильма Запрудера, Спектер пришел к выводу, что версия одной пули звучит весьма правдоподобно. Хьюмс, как было известно Спектеру, не считался экспертом в области баллистики, да и жертв убийства ему не так уж много доводилось вскрывать, так что он мог и неверно оценить вес металлических частиц, оставшихся в теле Коннелли. Спектер подозревал, что частицы были настолько малы, что вполне могли отщепиться и от той самой пули, которую он держал в руках.

А еще Спектер был возмущен тем, что пришлось выслушивать показания Хьюмса, не имея возможности предъявить ему фотографии со вскрытия и рентгеновские снимки из Бетесды, которые тот же Хьюмс и распорядился сделать.

Расследование длилось уже три месяца, а Спектеру все еще не давали увидеть ни фотографии, ни рентгеновские снимки: это, как он полагал, было связано со стремлением Уоррена защитить семью Кеннеди. Спектер постоянно теребил в связи с этим Рэнкина, а Рэнкин тянул с ответом, поясняя, что сначала комиссия должна определить, будут ли фотографии и рентгеновские снимки включены в ее окончательный отчет и в каком виде. Пока что Спектеру велели ограничиться показаниями экспертов – Хьюмса и других патологоанатомов. Хьюмс попытался сделать свои показания более наглядными с помощью изображений ран президента,

которые нарисовал в Бетесде художник из ВМФ, создававший фотороботы, но и сам Хьюмс, и Спектер знали, что рисунки составлены по небезупречным воспоминаниям Хьюмса.

Теперь, в присутствии Уоррена и других членов комиссии, Спектер решил запротоколировать свои опасения и указать председателю Верховного суда на то, как нелепо обсуждать протокол вскрытия президента, не имея доступа ко всем медицинским данным.

Обернувшись к Хьюмсу, Спектер спросил, как он может быть уверен в абсолютной точности рисунков, выполненных художником из ВМФ, если сам художник не наблюдал процесс вскрытия и даже не видел сделанных во время вскрытия фотографий.

– Если бы понадобилось представить их в точном масштабе, я бы сказал, что без фотографий это сделать невозможно, – ответил Хьюмс, снабдив Спектера именно тем аргументом, который тому требовался.

Хьюмс добавил, что и сам он не видел снимков с той ночи, когда проводилось вскрытие, поскольку Секретная служба забрала их на хранение, а они бы пригодились ему для полной точности показаний, признал Хьюмс. Фотографии давали «более наглядное представление о массированном ущербе», нанесенном голове президента.

Позднее Спектер рассказывал, как ему запомнилось: слушая этот ответ, Уоррен недовольно хмурился. Председатель Верховного суда тут же перебил Спектера и сам задал Хьюмсу вопрос:

– Позвольте спросить вас, коммандер: если бы фотографии были здесь и вы могли бы посмотреть на них и заново составить свое мнение – это побудило бы вас что-то изменить в показаниях?

Разумеется, Хьюмсу не хотелось признаваться перед Уорреном и другими членами комиссии в том, что он мог в чем-то ошибаться:

– Насколько я помню, господин председатель Верховного суда, менять тут нечего, – ответил он.

Этого-то ответа Уоррен и добивался.

Спектер поделился своей досадой по поводу отсутствия фотографий вскрытия и рентгеновских снимков с Белином и некоторыми другими молодыми юристами. Они пришли к единому мнению: комиссия не должна препятствовать их доступу к любым уликам, в особенности к основным медицинским данным о том, как погиб президент. «Это было опасно, – говорил Белин, – нарушались основные, элементарные законы обращения с уликами, известные в Америке любому студенту-юристу»16. Он вспоминал, что также был задет решением комиссии (или решением Уоррена) позволить семье Кеннеди диктовать, какие улики будут доступны. Почему-то подобные ограничения не применялись, когда дело касалось снимков вскрытия офицера Джея Ди Типпита, хотя они были ничуть не менее страшными и отвратительными. «Если бы вдова офицера Типпита вздумала хранить в частном порядке фотографии и рентгеновские снимки своего мужа, она бы никак» не добилась желаемого, рассуждал Белин. «Так почему же семья президента заслуживала особого обращения?»

Позднее Спектер получил дополнительные разъяснения. Ему сказали, что фотографии и рентгеновские снимки находятся под охраной Роберта Кеннеди в Министерстве юстиции и брат покойного президента не желает передавать их комиссии, опасаясь, что их опубликуют. Эти опасения, по-видимому, разделял и Уоррен.

Семья Кеннеди тревожилась, как бы «эти ужасные снимки не сделались достоянием общественности», вспоминал Спектер. «Они боялись, что американский народ в таком случае запомнит Джона Кеннеди в виде изувеченного трупа, у которого не хватает полголовы, а не как молодого красивого президента»17 . Понимал он и политический расчет семейства Кеннеди: «Очевидно, семья хотела сохранить имидж покойного президента, в том числе и в надежде на политическое будущее других членов клана. Младшие братья, Роберт и Эдвард, внешне были очень похожи на старшего, и ущерб, причиненный образу покойного президента, мог негативно сказаться и на их имидже».

Глава 28

Офис комиссии

Вашингтон

16 марта 1964 года

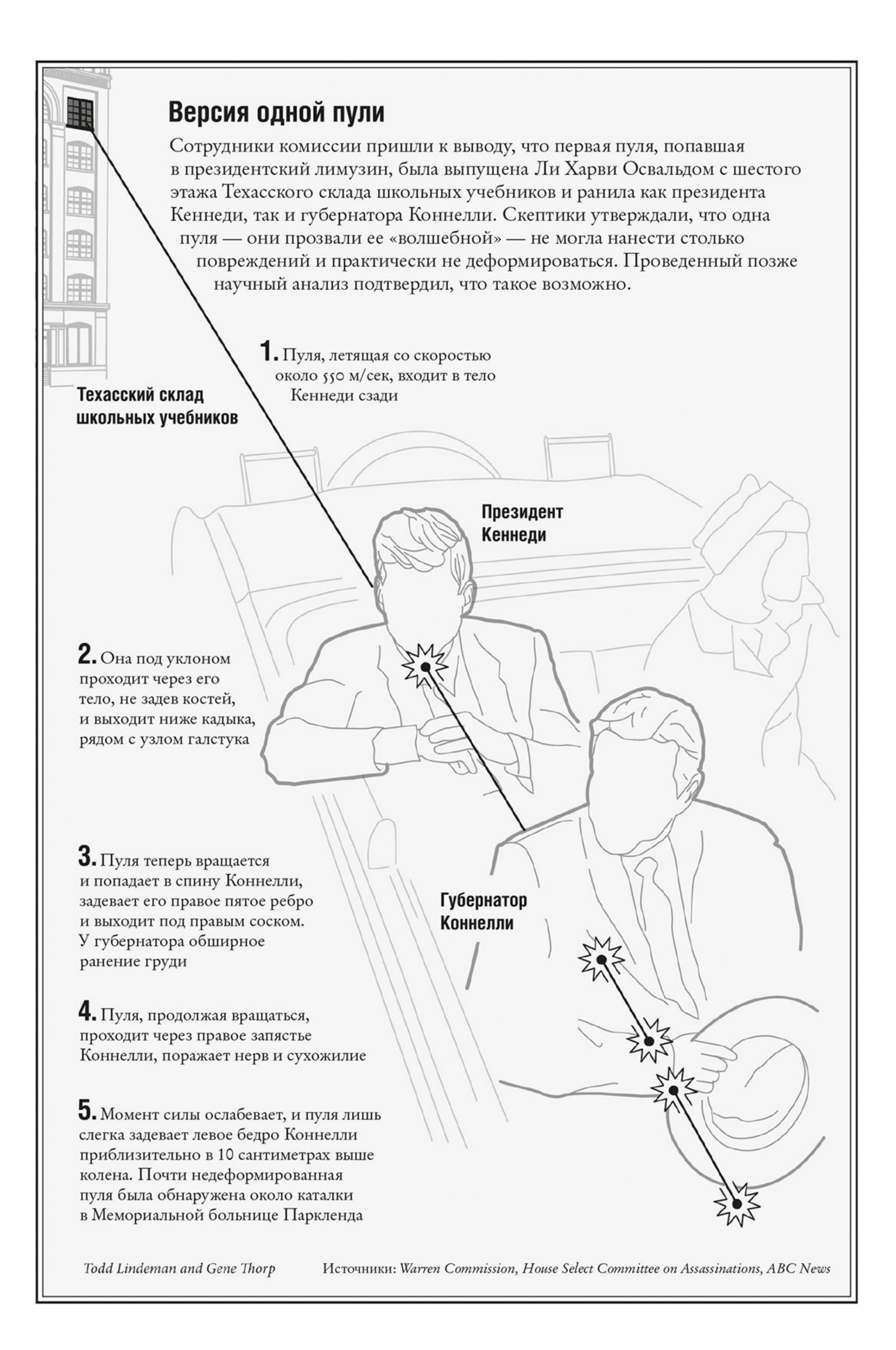
Уоррен не позволил Спектеру тянуть с отъездом в Техас. «Председатель Верховного суда никому не давал засидеться на месте»1 , – отмечал Спектер. Итак, в понедельник, 16 марта, в тот самый день, когда комиссия заслушала показания Хьюмса и других патологоанатомов из госпиталя ВМФ в Бетесде, Уоррен попросил Спектера немедленно отбыть в Даллас, чтобы допросить там врачей и медицинский персонал больницы Паркленда.

– Право, господин председатель Верховного суда, на этой неделе начинается Песах, а мне нужно еще подготовиться к встрече с этими свидетелями, – возразил Спектер, мечтавший провести еврейские праздники с семьей. – Мне бы лучше поехать через неделю.

– Я рассчитывал, что вы поедете сегодня же вечером, – ответил Уоррен.

Они пришли к компромиссу: Спектер согласился выехать в четверг. Жену и детей он попросил приехать в Канзас, чтобы там вместе провести праздник[12].

Спектер надеялся во время поездки в Техас прояснить кое-какие загадки, связанные с показаниями медиков. Например, почему врачи больницы Паркленда первоначально сказали репортерам, что рана в горле президента – это входное отверстие, а не выходное (что исключало выстрел из окна книжного склада)? И какая цепочка улик связана с той почти неповрежденной пулей, которую нашли в коридоре первого этажа больницы – той пулей, которая, как теперь считал Спектер, ранила и Кеннеди, и Коннелли? Баллистические тесты показали, что эта пуля вылетела из винтовки Освальда.

Версия одной пули
Сотрудники комиссии пришли к выводу, что первая пуля, попавшая в президентский лимузин, была выпущена Ли Харви Освальдом с шестого этажа Техасского склада школьных учебников и ранила как президента Кеннеди, так и губернатора Коннелли. Скептики утверждали, что одна пуля — они прозвали ее «волшебной» — не могла нанести столько повреждений и практически не деформироваться. Проведенный позже научный анализ подтвердил, что такое возможно.
1. Пуля, летящая со скоростью около 550 м/сек, входит в тело Кеннеди сзади
Техасский склад школьных учебников
Президент Кеннеди
2. Она под уклоном проходит через его тело, не задев костей, и выходит ниже кадыка, рядом с узлом галстука
3. Пуля теперь вращается и попадает в спину Коннелли, задевает его правое пятое ребро и выходит под правым соском. У губернатора обширное ранение груди
Губернатор Коннелли
4. Пуля, продолжая вращаться, проходит через правое запястье Коннелли, поражает нерв и сухожилие
5. Момент силы ослабевает, и пуля лишь слегка задевает левое бедро Коннелли приблизительно в 10 сантиметрах выше колена. Почти недеформированная пуля была обнаружена около каталки в Мемориальной больнице Паркленда
Todd Lindeman and Gene Thorp
Источники: Warren Commission, House Select Committee on Assassinations, ABC News

Спектеру не терпелось своими глазами увидеть больницу Паркленда, пообщаться с врачами из отделения неотложной помощи, которые 22 ноября пытались вопреки всему спасти жизнь президента Соединенных Штатов. Больница, как оказалось, ничуть не походила на роскошные, прекрасно оборудованные больницы Вашингтона, где при обычных обстоятельствах лечился президент и члены его семьи. Больница Паркленда представляла собой большой, шумный, довольно запущенный медицинский центр на окраине большого города – «вытянутое тринадцатиэтажное тускло-коричневое здание учебной больницы», по воспоминаниям Спектера. Спектеру выделили небольшое помещение для переговоров, и он тут же взялся за дело, попросив администрацию больницы организовать ему встречи с «теми из персонала, кто имел хотя бы косвенное отношение» к оказанию помощи Кеннеди и Коннелли. «Я намерен получить показания под присягой от каждого врача, медсестры, санитара и постороннего, кто имел к этому отношение». В среду, 25 марта, он опросил подряд тринадцать свидетелей.

Позднее Спектер скажет, что, учитывая обстоятельства, работа сотрудников больницы Паркленда в день покушения была «превосходной». Доктор Чарльз Каррико, хирург-ординатор, который первым принял Кеннеди, сообщил Спектеру, что, когда он прибыл в отделение неотложной помощи, сердце президента еще билось. «С медицинской точки зрения, полагаю, он был еще жив», – сказал Каррико. Но Спектер знал, что выстрелом снесло столь значительную часть мозга, что все старания врачей были напрасны, хотя те и предпринимали «все мыслимые, отчаянные усилия спасти его».

Врачи Паркленда подготовили логичное объяснение той путаницы насчет раны в горле президента – почему они первоначально приняли ее за входное отверстие (ошибка сохранилась в документах больницы: один из врачей в отделении неотложной помощи описывал отверстие в горле президента как «предположительно входную рану от пули»2). По словам врачей, они не переворачивали тело президента и потому не увидели входное отверстие со стороны спины. После того как президент был

объявлен умершим, врачи, как они сказали, покинули приемную и не проводили дальнейшего обследования. «В тот момент, я так понимаю, ни у кого духу не хватило его обследовать», – сказал Каррико. В иной ситуации он и его коллеги провели бы подробное обследование тела «ради собственной любознательности и обучения». В данном случае, как сказал Каррико, «мне винить себя не в чем: я только что видел, как умер президент». Спектер подозревал, что, если врачи и имели намерение перевернуть тело президента и осмотреть его внимательнее, они отказались от этой мысли, заметив подле миссис Кеннеди. «Им не хотелось тыкать инструментами в тело на глазах у вдовы».

Спектер обошел всю больницу, осмотрел медицинское оборудование, с помощью которого пытались спасти президента. Ему показали металлическую каталку, на которую положили Коннелли. Если версия одной пули была верна, то пуля выпала на каталку после того, как Коннелли перенесли на операционный стол на втором этаже хирургического отделения. Из других показаний Спектеру было известно, что каталка, на которой везли Кеннеди, находилась далеко от того места, где обнаружили пулю.

Ординатор показал, что после того, как Коннелли перенесли на операционный стол, каталку поставили в лифт, чтобы отвезти на первый этаж, где ее должны были протереть и снова использовать. Ключевое свидетельство по этому вопросу исходило от инженера больницы, Даррелла Томлинсона3 , который припомнил, что обнаружил каталку в лифте на первом этаже, выкатил ее в коридор и поставил у стены рядом с другими. И тогда, сказал он, послышался звук от удара пули об пол – очевидно, она закатилась под резиновый матрас на какой-то из этих каталок. Показания Томлинсона разочаровали Спектера: в некоторых подробностях инженер путался, не мог с уверенностью сказать, с какой именно каталки упала пуля. Но даже так, говорил Спектер, при данных обстоятельствах вывод о происхождении пули напрашивался один-единственный: она упала с каталки Коннелли, больше неоткуда.

Вернувшись в Вашингтон, Спектер подробно обсудил с Дэвидом Белином версию одной пули. Спектер понимал, что отчасти его коллега из Айовы будет разочарован этой теорией, ведь подробный анализ фильма Запрудера

и проведенный Белином в ту зиму хронометраж выстрелов наводил на мысль о втором стрелке, то есть о заговоре. Но выслушав Спектера, Белин не мог отказать версии одной пули в последовательности и позже говорил, что сразу же принял ее за истину: Освальд выстрелил по лимузину не трижды, а всего два раза, одной пулей поразив и Кеннеди, и Коннелли. В следующие десятилетия научные исследования, с применением методов, недоступных для комиссии Уоррена в 1964 году, подтвердили выводы версии одной пули, хотя ей и предстояло стать самым, пожалуй, противоречивым из всех открытий комиссии. Правда, сами сотрудники комиссии не считали это открытие таким уж противоречием, и некоторые из юристов вспоминали потом, с какой готовностью приняли эту версию той весной. «Она выглядела вполне убедительно», – говорил Сэм Стерн.

Оставался открытым вопросом о другом выстреле, который якобы слышало большинство присутствовавших на Дили-Плаза. Если одна пуля попала президенту в голову, а другая ранила и Кеннеди, и Коннелли, то куда делась третья? Юристы спорили об этом неделями, но так и не пришли к окончательному, всеобъемлющему ответу, лишь решили, что пуля пролетела мимо лимузина – это было вполне очевидно. Наиболее убедительную версию включили в отчет комиссии: мимо пролетела именно первая пуля. Освальд мог выстрелить первый раз и промахнуться в тот момент, когда лимузин Кеннеди сворачивал за угол на Элм-стрит, приближаясь к высокому дубу, который на миг перекрыл Освальду обзор. Из-за этого Освальд мог поторопиться с выстрелом – он понимал, что ветви дерева вот-вот скроют от него мишень. Промах при первом выстреле можно было бы также, по мнению некоторых юристов, объяснить волнением: Освальд мог осознать чудовищный смысл того, что собирался сделать.

Джон и Нелли Коннелли согласились дать показания комиссии в апреле. Спектер думал, что вести допрос предстоит ему, поскольку у всех остальных свидетелей из кортежа показания брал он, и никто другой не был лучше знаком с медицинскими данными. Свидетельство супругов Коннелли приобрело тем большую значимость, что – как выяснилось к ужасу Спектера – замаранный в день убийства костюм губернатора отправили в химчистку4. Одежда тем самым «полностью утратила

ценность для следствия», пояснял Спектер. Решение почистить костюм, как впоследствии обнаружилось, исходило от миссис Коннелли. «Я не могла вынести вида крови», – заявила она, при этом настаивая, что «велела чистильщику по возможности снять пятна, но не чинить прорехи и ничего больше не делать»5.

Спектер был поражен, узнав за несколько дней перед допросом супругов Коннелли, что вести его поручено не ему. По просьбе Уоррена эти показания должен был снять Рэнкин. Данное решение, как полагал Спектер, Уоррен принял потому, что был недоволен его чересчур педантичной работой со свидетелями. Неприятную новость Рэнкин сообщил Спектеру лично, и тот попытался убедить себя, будто нисколько не задет. «Мне было без разницы, буду ли я их допрашивать или нет, – вспоминал он. – Не моя забота».

Рэнкин попросил Спектера помочь ему.

– Арлен, – сказал он, – подготовь меня.

Спектер воспользовался случаем, чтобы напомнить Рэнкину, ткнуть его носом: в какое количество деталей нужно вникнуть, прежде чем браться за допрос столь существенных свидетелей. Спектер не собирался, как он выразился, «приукрашивать», он обрушил на Рэнкина массу фактов и цифр, а также медицинскую и баллистическую терминологию, которую тому требовалось срочно освоить. «Я указал Рэнкину, что начальная скорость пули составляла примерно 660 м/с, к тому времени, как она попала в президента, скорость пули составляла около 600 м/с, а выходная скорость должна была составить около 540 м/с». Рэнкин выслушал рассказ Спектера о том, как военные проводили и только что закончили баллистические тесты, причем пытались воспроизвести раны жертв «с помощью раствора желатина и прессованного козьего мяса», а также о том, что пуля «вошла чуть слева от правой подмышки губернатора, вышла под его правым соском, оставив большое выходное отверстие, вошла с тыльной стороны запястья, вышла с передней, засев, наконец, в бедре».

Спустя годы Спектер посмеивался, вспоминая выражение лица Рэнкина: «Когда я закончил, Рэнкин, понимая, что времени вникать в такие подробности у него нет, только головой покачал в отчаянии», –

рассказывал он.

Рэнкин сразу же сдался.

– Лучше вам самому допрашивать Коннелли, – сказал он Спектеру.

Тот признавался, что получил некоторое удовольствие, столь успешно обойдя решение председателя Верховного суда: «Уоррен позвал Рэнкина, а пришлось ему иметь дело со мной».

Допрос супругов Коннелли был назначен на вторник, 21 апреля. В то утро губернатор Техаса вместе с женой явился в офис комиссии и ему впервые продемонстрировали фильм Запрудера. Спектер, сотни раз видевший эту пленку, вспоминал поразительное ощущение, охватившее его, когда он сидел и «глядел, как губернатор Коннелли смотрит, как в него стреляют». Нелли Коннелли назвала это «страшным, но и до странности сюрреалистическим впечатлением» – смотреть этот фильм, «как будто все происходило с кем-то другим, в другое время и в другом месте»6 . В особенности ее напугал кадр, на котором пуля попадает в голову президента, а Жаклин Кеннеди пытается вылезти из пассажирского отсека лимузина. «Я смотрела эту зернистую пленку и глазам не поверила, когда увидела, как Джеки выползает на капот. Что она пыталась сделать?»

Показания миссис Коннелли были во многих отношениях не менее важны, чем показания ее мужа: поскольку сама она не была ранена, ее воспоминания не были искажены потрясением и физической болью. Но в том-то и заключалась проблема для Спектера: волевая и с хорошо подвешенным языком первая леди Техаса была твердо убеждена в том, что в ее мужа и в президента попали разные пули. Она считала, что первая пуля угодила Кеннеди в горло – она знает это, сказала миссис Коннелли, поскольку после первого выстрела обернулась и увидела, как президент тянется рукой к шее, – а вторая пуля, вылетевшая спустя несколько мгновений, поразила ее мужа в спину. Череп президента, по ее словам, разбила третья пуля, и к тому времени ее супруг уже упал, раненый, ей на колени.

Когда Коннелли смотрели фильм, Спектер ощутил, какое влияние Нелли Коннелли способна оказывать на мужа. Пара заспорила о том, она ли притянула раненого супруга себе на колени или он сам рухнул. Нелли

настаивала: она притянула его, заставила лечь.

– Нет, Джон, – отвечала она, – ты не упал, я тебя притянула.

Так, по воспоминаниям Спектера, они спорили некоторое время, «несколько раз повторили одно и то же»[7]. Дэвид Белин, также наблюдавший этот спор, запомнил, что супруги Коннелли умолкли, лишь когда спохватились, что в помещении присутствуют другие люди, слушают их спор. Миссис Коннелли попросила остановить фильм, супруги вышли, и, по словам Белина, «когда Нелли Коннелли и губернатор вернулись, они уже пришли к согласию – приняли версию миссис Коннелли»[8].

Спектера обеспокоила легкость, с какой миссис Коннелли переубедила супруга, тем более что совпавшие таким образом показания обоих Коннелли могли стать вполне убедительным доводом против версии одной пули. Впоследствии миссис Коннелли написала, что была убеждена: ее муж не мог быть ранен той же пулей, что и президент. Она настаивала: у мужа хватило времени повернуться в машине сначала назад, а затем вперед после того, как прозвучал первый выстрел, и прежде, чем он сам был ранен. «Даже заговоренная пуля так долго в воздухе не продержится», – утверждала она[9].

После ланча супруги Коннелли вернулись в здание Организации ветеранов зарубежных войн для официальной дачи показаний. Комиссия собралась в полном составе. По словам Спектера, он впервые увидел, чтобы сенатор Рассел явился в офис комиссии заслушивать показания свидетелей, – вероятно, решил Спектер, он пришел из солидарности с коллегой, губернатором южного штата (Рассел, состоявший в Демократической партии, до избрания в Сенат в 1932 году занимал пост губернатора Джорджии). Спектера поразило одиночество Рассела, человека, не имевшего никакой личной жизни за пределами Сената. «Рассел был безупречно одет в синий костюм, белую накрахмаленную рубашку – и горчичные носки, едва доходившие до лодыжек, – рассказывал Спектер. – Он был холостяком, и никто не следил за его носками»[10].

Губернатор Коннелли давал показания первым. От его показаний дурнота

подступала к горлу, особенно в той части, когда он описывал события внутри лимузина после того, как кортеж завернул за угол на Элм-стрит и приблизился к складу учебников. «Я услышал звук, который сразу же принял за выстрел из винтовки, – сказал губернатор Спектеру. – Инстинктивно я обернулся вправо, поскольку выстрелы, казалось, раздавались у меня за правым плечом… Мне в голову пришла только одна мысль: это покушение на убийство»11.

Коннелли сказал, что не помнит, слышал ли второй выстрел – тот, которым, по его мнению, он был ранен, – но «то ли я был в состоянии шока, то ли удар был настолько сильным, что звук мной никак не был отмечен». Зато он почувствовал этот выстрел: «Я почувствовал, как будто меня ударили в спину». У него из груди, продолжал Коннелли, полилась кровь, и он решил, что вот-вот умрет. «Я знал, что я ранен, и, судя по количеству крови, тут же решил… что, вероятно, ранен смертельно».

«Я скрючился, – рассказывал губернатор, – и миссис Коннелли притянула меня к себе на колени. Так я и лежал, головой у нее на коленях, все это время в сознании и с открытыми глазами».

Затем он услышал еще один выстрел, как ему потом сказали – третий. По его словам, он решил, что стреляли в Кеннеди. «Я отчетливо слышал выстрел. Я слышал, как пуля попала в него, – сказал он. – Мне и в голову не приходило, что она могла попасть в кого-то еще, кроме президента».

Внезапно, рассказывал он, пассажирское сиденье покрылось кровью и частицами человеческой плоти. Плоть была «бледно-голубой – мозговое вещество, которое я сразу узнал, и это я очень хорошо помню». У него на брюках, сказал Коннелли, оказался «кусок мозговой ткани размером почти с большой палец». И он помнит, как закричал: «О, нет, нет!.. Господи, они нас всех убьют!»[13]

Коннелли разделял мнение своей жены, что они с Кеннеди были ранены разными пулями. «Тот человек стрелял трижды, и все три раза попал в цель, – рассуждал он. – Очевидно, он был опытным снайпером». Губернатор также сказал, что президент уже после первого выстрела молчал, а вслед за последним выстрелом он слышал, как миссис Кеннеди

закричала: «Они убили моего мужа… у меня на руке его мозг!»

В ответ на просьбу Спектера описать полученные им раны Коннелли высказал предположение, что проще будет показать их членам комиссии и пусть они судят сами. «Если комиссии это интересно, я готов вам их показать. Нет возражений?»

Возражений не последовало, и Коннелли, сняв рубашку, указал сперва на входное отверстие чуть пониже правой лопатки, затем повернулся и показал то место, где пуля вышла из груди. Спектер запомнил «длинный, уродливый шрам диаметром в десять сантиметров под его правым соском». Эта сцена породила единственный забавный момент за весь мрачный день допроса. Спектер рассказывал, как едва подавил смешок, когда в помещение зашла секретарша Рэнкина Джулия Айде и была шокирована при виде обнаженной груди губернатора. «Она зашла в разгар слушаний и увидела Коннелли без рубашки – разинула рот и выскочила вон»12 .

Показания Коннелли были на руку Уоррену и тем, кто считал, что Освальд действовал в одиночку, ведь губернатор заявил, что тоже в этом уверен. «Перед нами индивидуум с совершенно запутавшимся, больным умом, который по какой-то причине захотел… нишу в исторических книгах этой страны». Коннелли был также убежден, что все выстрелы раздались сзади, со стороны Техасского склада школьных учебников.

В своих показаниях Коннелли высказал мысль, что Освальд мог покушаться на него, как и на Кеннеди. Прежде чем занять пост губернатора в результате выборов 1962 года, Коннелли возглавлял Министерство военно-морских сил, то есть в его подчинении был в том числе и корпус морской пехоты. Еще из России Освальд обратился к Коннелли с письменной просьбой отменить позорное увольнение с лишением прав – Освальда выгнали из корпуса после попытки дезертировать. Просьба была отклонена. Возможно, Освальд все еще помнил с обидой эту свою непочетную отставку, когда прятался на Дили-Плаза. Вполне возможно, сказал Коннелли, что «я был такой же мишенью, как и любой другой».

Коннелли закончил почти трехчасовые показания и собрался уходить. Спектер видел, как недоволен Уоррен – вновь рассердился на педантичную манеру Спектера вести допрос, которая отнимала много времени. И когда вслед за мужем перед комиссией предстала и приняла присягу миссис

Коннелли, Уоррен перехватил инициативу:

– Миссис Коннелли, не могли бы вы рассказать нам эту историю, как вы ее восприняли, а мы постараемся побыстрее?

Обещание Уоррена – «постараться побыстрее» – было адресовано Спектеру, и тот это понимал.

Показания Нелли Коннелли оказались столь же душераздирающими. В первые мгновения после выстрелов она, как и ее муж, решила, что он ранен смертельно. «Потом появилось почти незаметное движение, совсем небольшое, но оно подсказало мне, что жизнь еще теплится, и тогда я стала твердить ему: “Все в порядке. Лежи тихо”». Затем миссис Коннелли услышала третий выстрел. «Словно гильзы от картечи просыпались на нас», – рассказывала она. Однако это была не картечь. «Я видела плоть, мозговую ткань или что это, просто человеческую плоть, по всей машине и на нас обоих». Она, как и ее супруг, полагала, что выстрелы раздались сзади, со стороны книжного склада. «Сзади от нас… правее».

Уоррен искал собственные доводы в пользу версии одной пули. Работая в 1920-е и 1930-е годы в офисе окружного прокурора в Оукленде, он участвовал в разбирательстве многих убийств и знал, что пули входят в тело под самыми разными углами и могут пройти сквозь одно тело в другое, поэтому ему казалось вполне вероятным, что пуля, пробив шею Кеннеди, затем попала в Коннелли. Уоррена убедил аргумент, что пуля, ранившая Кеннеди, «прошла только сквозь мягкие ткани» и у нее еще хватило скорости, чтобы ранить человека, сидевшего в лимузине прямо перед президентом.

А утверждение Коннелли, будто в него попала другая пуля, было, как решил Уоррен, ошибочным13 – ошибка вполне понятная, если учесть потрясение только что раненого человека. «Я не слишком-то полагался на свидетельство Коннелли», – пояснял впоследствии председатель Верховного суда. Его мнение подкрепил другой член комиссии, Джон Макклой, тоже ветеран Первой мировой войны. Макклой участвовал в боевых действиях в Европе и видел, как после ранения пулей или шрапнелью солдаты бывают оглушены, порой еще несколько минут

не понимают, что они тяжело или даже смертельно ранены. Макклой рассказывал Уоррену, что знал о двоих раненных пулями солдатах, которые не осознавали своего состояния «некоторое время», а «спустя несколько секунд упали замертво».

Глава 29

Пентагон

март 1964 года

Вновь и вновь Стюарт Поллак, 26-летний адвокат из Министерства юстиции, просматривал кадры: гримаса испуга и боли на лице Ли Харви Освальда, Ли хватается за живот и начинается агония. В марте Поллак, откомандированный в комиссию по расследованию убийства, получил поручение просмотреть фильмы, запечатлевшие инцидент в штаб-квартире полиции в Далласе в воскресенье, 24 ноября, когда Джек Руби вынырнул из толпы фотографов и репортеров и убил Освальда. «Я просмотрел эту сцену тысячу раз, – говорил потом Поллак. – Я поехал в Пентагон, мне выделили помещение, проекторную, и там снова и снова прокручивали для меня этот фильм. Все кадры убийства, отснятые разными телекамерами. Снова и снова, с начала до конца»1 .

Поллака просили разобраться, не было ли, судя по этим записям, у Руби сообщников в толпе – может быть, полицейский постарался расчистить ему путь и помог подобраться к Освальду. Молодому юристу велели также присмотреться, не выдают ли Освальд и Руби взглядом или жестом свое знакомство, поскольку в Далласе ходили слухи, что эти двое знали друг друга раньше. «Я смотрел, не движется ли кто-то еще, искал приметы. Не выдаст ли кого взгляд? В одиночку ли действовал Руби или ему помогали копы?» – такими вопросами задавался Поллак.

Просмотрев фильм столько раз, он научился различать практически всех персонажей в каждом кадре – и репортеров, и толпившихся вокруг Освальда полицейских. Но ничто из увиденного не указывало на существование заговора, как не указывало и на знакомство Руби

и Освальда. «Мы узнали, что узнавать-то было нечего».

Тщательность, с которой были изучены все эпизоды жизни Освальда, включая последние моменты, когда он умирал от руки Джека Руби, произвела на Поллака серьезное впечатление. Если бы Освальд остался жив и предстал перед судом, то, по мнению Поллака, общество убедилось бы в том, что все существенные аспекты личности и биографии убийцы установлены. Но теперь, поскольку Освальд погиб в прямом эфире и лишился возможности явиться в суд, пришлось анализировать даже мельчайшие детали его жизни и смерти, кадр за кадром, миллисекунда за миллисекундой. «Потрясающую работу мы проделали», – говорил впоследствии Поллак.

Кое-кому удавалось извлечь более ценную информацию из новостных роликов и других фильмов, снятых в Далласе. Альфред Голдберг, историк ВВС, отвечал за просмотр нескольких пленок, на которых Освальд был снят во время ночной пресс-конференции в штаб-квартире полиции в Далласе 22 ноября, через несколько часов после убийства президента. Полицейские решили предъявить Освальда журналистам и тем самым доказать, что он не подвергался дурному обращению. Многократно просматривая эти записи, Голдберг обнаружил в толпе репортеров и фотографов человека, которому не следовало там находиться, – Джека Руби, прикинувшегося одним из журналистов. «Он был там, – рассказывал Голдберг, – стоял прямо там, всего в паре метров от Освальда»2 . Это было ценное открытие: получалось, что Руби имел шанс убить Освальда вечером в пятницу, не дожидаясь воскресенья, и это был довод против того, что кто-то сговорился заткнуть Освальду рот, ведь заговорщики, наверное, предпочли бы умертвить Освальда как можно скорее, прежде чем он разболтает какие-либо секреты.

Голдберг взял на себя более широкий круг обязанностей – собрать все телезаписи из Далласа, на которые попали кадры убийства: фильм, снятый государственным телевидением, и фильм местного филиала гостелевидения в Техасе, а также съемки независимых каналов. Он отыскал пленки общим весом в 700 килограммов и благодаря своим связям в ВВС добился, чтобы их доставили в Вашингтон на военных самолетах.

Поллак был одним из нескольких молодых юристов, которых прикомандировывали к комиссии на время. В офисе комиссии он во второй раз в своей жизни работал в подчинении у председателя Верховного суда. Окончив Стэнфордский университет, а в 1962 году с отличием Гарвардскую школу права, Поллак сразу же получил должность секретаря при Уоррене. Он разделял мнение Сэма Стерна, также бывшего секретаря Уоррена. «Председатель Верховного суда не был высокоинтеллектуальным человеком, он обладал поразительным здравым смыслом и порядочностью», – так отзывался о нем Поллак3. Для Уоррена важнее всего было, чтобы решения Верховного суда отвечали интересам страны, а о юридических тонкостях и прецедентах он не слишком беспокоился. «Он говаривал: “Режьте поперек закона”».

В отдел по уголовным делам Министерства юстиции Поллак перешел в конце лета 1963 года. В день убийства, в тот момент, когда пришли первые вести из Далласа, он сидел в приемной перед кабинетом своего начальника, помощника главного прокурора Джека Миллера. Миллер, по воспоминаниям Поллака, вышел из своего кабинета потрясенный. «Он вышел и сообщил мне ужасную новость: “В президента стреляли – вспоминал Поллак. – Непонятно было, жив он или мертв».

Миллер попросил Поллака сбегать в библиотеку министерства и «выяснить, какой федеральной юрисдикцией мы обладаем» для ведения дела против убийцы президента. Поллак ушел часа на два – пока он сидел в библиотеке, стало известно, что Кеннеди умер, – и вернулся с поразительным, на его взгляд, открытием. «У нас не было юрисдикции, – рассказывал Поллак. – Убийство президента не относилось к числу федеральных преступлений».

Непосредственным начальником Поллака был заместитель помощника генерального прокурора Говард Уилленс. Когда Уилленс вошел в состав комиссии, он звал с собой Поллака, но тот отказался. В начале 1964 года Уилленс предпринял новую попытку, на этот раз предоставив Поллаку шанс помочь в составлении заключительного отчета комиссии. Поллак согласился и оказался в одной упряжке с Голдбергом. Следующие несколько месяцев, по словам Поллака, стали самыми напряженными в его жизни. «За всю свою карьеру я никогда больше не работал столько сверхурочно – каждую ночь, все выходные».

В иные дни казалось, будто офис комиссии заполонен калифорнийцами, начиная с самого председателя Верховного суда, Поллака и Джозефа Болла. А еще Ричард Моск, уроженец Лос-Анджелеса, учившийся курсом младше Поллака в Стэнфорде, а затем в Гарвардской школе права. Моску было 24 года, с Уорреном был знаком его отец, Стэнли Моск, занимавший в ту пору должность генерального прокурора Калифорнии. Моск-младший написал председателю Верховного суда и просил предоставить ему работу в комиссии. В январе он был нанят на должность «помощника».

Первое поручение Моска было не таким уж захватывающим: ему велели изучить историю повесток о явке на слушания в Конгресс и подготовить по их образцу форму повестки, которую могла бы использовать комиссия4 . Но вскоре работа сделалась интереснее и даже причудливее. В марте Моску поручили разобраться, кто стоит за рядом таинственных объявлений, напечатанных в двух главных газетах Далласа в последние недели перед убийством. Первое появилось в разделе частных объявлений газеты The Dallas Morning News 15 ноября: «Бегущий человек – пожалуйста, позвони мне. Пожалуйста! Пожалуйста! Ли». Быть может, Ли Освальд публиковал объявления в надежде установить контакт с другим заговорщиком, носившим кличку «Бегущий человек»? Сделав несколько звонков, Моск, к своему разочарованию, убедился, что объявления были всего лишь частью рекламной кампании нового фильма, «Бегущий человек» с Ли Ремик в главной роли. (В этом фильме снимался также британский актер Лоренс Харви. Голливудская легенда гласит, что фильм не имел коммерческого успеха именно потому, что выход на экран совпал с убийством, а в фильме участвовали Харви и Ли.)

Моску также пришлось пролистать все книги, которые Освальд брал в публичных библиотеках Техаса и Нового Орлеана, и попытаться отыскать в них какой-либо намек на возможные мотивы убийства. «Для необразованного парня он был здорово начитан, – говорил Моск. – Вряд ли у него был высокий IQ, но по крайней мере он пытался все это осилить». Список включал несколько биографий крупных политических деятелей, в том числе Мао и Хрущева, а также Кеннеди. А еще Освальд любил шпионские романы, например описанные Яном Флемингом похождения Джеймса Бонда.

Одна книга из списка заслуживала особого внимания: «Акула и сардины» бывшего президента Гватемалы Хуана Хосе Аревало, аллегорическая

притча о том, как Соединенные Штаты («акула») господствуют над латиноамериканскими народами («сардинами»). В конце апреля Моск направил Дэвиду Слосону служебную записку, в которой выделил тот отрывок из книги, где Аревало заявляет: иностранные «государственные деятели», виновные в подавлении Латинской Америки, должны быть «сметены, скорее всего, вооруженным восстанием»5 . Моск обратил внимание на связь между издателем этой книги и Комитетом за справедливое отношение к Кубе, группировкой сторонников Кастро, приверженцем которой заявлял себя Освальд. Автор книги и переводчица «также тесно связаны с правительством Кастро». Переводчица, Джун Кобб, проживавшая в Мехико гражданка США, как выяснилось позднее, была платным информатором ЦРУ. Впоследствии она сыграет заметную роль при расследовании таинственной поездки Освальда в Мексику.

Моск работал вместе с другим молодым юристом, временно прикомандированным к комиссии. Джон Харт Или, 25 лет, годом ранее окончил Йельскую школу права и только что получил назначение секретарем к Уоррену в Верховный суд. Приступить к работе в Верховном суде ему следовало не сразу, и пока что Или согласился потрудиться в комиссии. Двумя годами ранее Или проходил летнюю практику в элитарной юридической компании Вашингтона Arnold, Fortas and Porter 6 . В компании ему поручили подготовить черновой вариант юридического обоснования для Верховного суда по делу бесплатного клиента Кларенса Гидеона, заключенного флоридской тюрьмы, чье имя будет увековечено в решении по делу «Гидеон против Уэйнрайта»: под руководством Уоррена Верховный суд постановил, что неимущий ответчик по уголовному делу имеет право на бесплатного адвоката. Или по праву гордился своим участием в деле и той весной показал Моску выпуск журнала Time , где отмечалась его роль в подготовке юридического обоснования. «Он перекинул мне журнал, и я задрал ноги на стол», чтобы спокойно почитать, вспоминал Моск. Для него это обернулось неприятностью: в этот момент в их кабинет зашел Ли Рэнкин. «Впервые Рэнкин зашел к нам в кабинет, а я сижу, задрав ноги на стол, и читаю Time». Но в следующие недели совместной работы Моску удалось произвести на Рэнкина гораздо более благоприятное впечатление.

У Или тоже возникла неловкость в отношениях с Рэнкином, когда он обнаружил неаппетитный факт о болезни Освальда. Или было поручено тщательно перепроверить карьеру Освальда в морской пехоте, и свои

открытия он суммировал в служебной записке от 26 апреля[7]. Он получил доступ к личным данным Освальда, включая медицинские записи, и наткнулся на информацию, которой счел нужным поделиться с другими юристами – в том числе сведениями о любовнице-японке, с которой Освальд имел связь во время пребывания в Японии в 1958 году. Эта женщина была «скорее всего, проституткой», и в том же году Освальд заболел гонореей.

Судя по протоколам комиссии, Рэнкина возмутило письменное изложение столь вульгарных подробностей частной жизни Освальда, пусть даже все это и было правдой. По-видимому, Рэнкин был ханжа, и 5 мая он в беседе с Или ясно выразил свое неудовольствие. В тот же день Или составил записку с униженными извинениями, заверяя, что его неправильно поняли: он ни в коем случае не настаивал на дальнейшем расследовании этого аспекта. «Я упомянул о венерическом заболевании Освальда наряду со всеми другими обнаруженными мною фактами, – писал Или. – Я отнесся к нему, как к любому другому событию его жизни и вовсе не видел в этом доказательства того, что Освальд убил или не убивал президента Кеннеди, не собирался я и “марать” Освальда»[8]. По настоянию Рэнкина из окончательной версии отчета комиссии было исключено упоминание о передающейся половым путем болезни и вообще о связи Освальда с проституткой.

Глава 30

Офис генерального прокурора

Даллас, Техас

24 марта 1964 года, вторник

С каждой неделей росло презрение членов комиссии к полицейскому управлению Далласа. Причина заключалась не только в некомпетентности этого органа, допустившего хаос и убийство Освальда, находившегося под арестом, – хуже всего оказалась склонность далласских полицейских лгать даже под присягой.

К примеру, юрист комиссии Берт Гриффин был убежден, что сержант полиции из Далласа Патрик Дин неоднократно лгал об обстоятельствах смерти Освальда. Дин отвечал за безопасность на цокольном этаже штаб-квартиры полиции в то утро, когда туда проник Руби и застрелил Освальда. Сам факт, что Руби ухитрился попасть на якобы охраняемый цокольный этаж, свидетельствовал о том, что Дин и его напарники плохо справились со своей работой – или, что еще страшнее, кто-то в отделении помог Руби, возможно, зная о его намерении убить Освальда. Гриффин допускал, что маньяка Руби убедили убить Освальда, чтобы отомстить за репутацию города, пострадавшую из-за убийства президента.

Дин рассказывал несколько противоречивых на первый взгляд историй о том, что произошло на цокольном этаже и что именно он услышал от Руби в тот момент, когда того арестовали1 . Но к марту, когда Дин был вызван давать показания в качестве основного свидетеля обвинения на процессе Руби, он уже выработал окончательную версию показаний, которая в итоге поспособствовала смертному приговору для убийцы Освальда.

Согласно показаниям Дина, Руби на первом допросе в полиции, буквально через несколько минут после того, как он застрелил Освальда, сообщил, что проскользнул на цокольный этаж, пройдя по съезду с Мейн-стрит мимо ничего не заподозрившего полицейского охранника. На том же допросе, по словам Дина, Руби сделал заявление, что убийство было предумышленным. В частности, сказал Дин, Руби выпалил, что впервые вознамерился убить Освальда двумя днями ранее, когда присутствовал на пресс-конференции в управлении полиции поздно вечером в пятницу. Прокурор ссылался на показания Дина, убеждая присяжных, что убийство Освальда планировалось в течение двух дней, а не произошло в результате временного умопомрачения, на котором настаивали адвокаты, то есть Руби следовало приговорить к смерти на электрическом стуле.

Гриффин оказался не единственным человеком в Далласе, кто не поверил Дину2 . Адвокаты Руби также были убеждены, что Дин солгал, тем более что никто не мог подтвердить показания сержанта. Гриффин считал, что Дин лжет, отчасти чтобы прикрыть собственное «неисполнение обязанностей», отчасти чтобы привлечь к себе интерес СМИ – Дин оказался на редкость жаден до публичности. В день убийства Освальда он успел раздать – не получив на то санкции начальства – несколько интервью

о том, что он видел на цокольном этаже и что ему известно о Руби. Также без разрешения начальства он съездил в тот день на другой конец города в больницу Паркленда, где ухитрился присоединиться к родственникам Освальда, и даже сопровождал вдову и мать Освальда при опознании тела.

Гриффин предполагал, что Дин мог видеть, как Руби спускается по съезду, но не остановил его. Сержант полиции уже много лет дружил с Руби и порой наведывался в клуб «Карусель» – Дин мог подумать, что Руби попросту мечтает сделаться свидетелем того волнующего исторического момента, когда Освальд вновь явится перед камерами. Гриффин понимал, почему Дин вынужден лгать, если он сам впустил Руби на цокольный этаж: он не хотел потерять работу. «Если кто-то из полицейских впустил Руби или знал, что он намерен войти, этот человек тут же лишился бы работы, и на все полицейское управление легло бы пятно», – рассуждал впоследствии Гриффин.

Что же до показаний Дина, будто Руби признался в преднамеренном убийстве, Гриффин полагал, что таким образом полицейский старался помочь прокурорам добиться необходимого смертного приговора, и эту ложь Гриффин считал еще более «предосудительной», чем первую, потому что именно из-за нее Руби ожидал электрический стул.

Выслушивая показания Дина в Далласе в конце марта, Гриффин решил изобличить то, что он считал ложью. После двухчасового допроса Гриффин предупредил Дина, что выключит запись и попросит стенографиста удалиться. Дин, не подозревая худого, согласился.

«Я сказал Дину, что он скрывает правду, – вспоминал Гриффин. – Я указал ему на два пункта в его показаниях, которые казались мне недостоверными: будто Руби сказал ему 24 ноября, что вошел на цокольный этаж по съезду с Мейн-стрит и что он задумал убить Освальда вечером 22 ноября».

Дин ответил, что шокирован обвинением в лжесвидетельстве.

– Представить себе не могу, к чему вы клоните, – сказал он. – Я практически буквально воспроизвел слова Руби… Это факты, и я не могу их изменить.

Гриффин, по его словам, постарался смягчить удар. «Я из кожи вон лез, стараясь объяснить Дину, что понимаю, почему он приукрасил свои показания, и что я считаю его в целом честным, достойным доверия человеком. Кажется, я ни разу не позволил себе употребить термин “лжесвидетельство”… И уж ни в коем случае не говорил ему, что его могут привлечь к ответственности». Однако Гриффин посоветовал Дину нанять адвоката, если надумает внести «существенные поправки» в свои показания.

Дин вновь повторил, что рассказывал всю правду, и Гриффин продолжил вести допрос под запись, так и не получив желаемого признания. Он постарался закончить разговор с Дином на дружеской ноте. Вернулся стенографист, и Гриффин под магнитофонную запись заявил: «Я высоко ценю помощь, которую оказал нам сегодня сержант Дин, и я надеюсь, я уверен, если он вспомнит что-то еще, что сочтет полезным для комиссии, он сам добровольно сообщит об этом»3 .

Этот спор с Дином тут же «ударил по мне», вспоминал впоследствии Гриффин. Выйдя из помещения для допросов, сержант поспешил к окружному прокурору Далласа Генри Уэйду – тому самому, который добился смертного приговора для Руби. Дин предупредил прокурора, что комиссия Уоррена пытается опровергнуть его показания, а тем самым придется пересматривать и приговор. Уэйд тут же обратился в Вашингтон к Рэнкину и высказал свои возражения.

Дин позднее рассказывал, что, как он понял, Уэйд позвонил и президенту Джонсону, своему старому техасскому приятелю, и пожаловался на действия комиссии, Гриффина в особенности4 . Этот сюжет просочился в далласские газеты, и те сообщили, что Гриффин «отозван» в Вашингтон.

Гриффин и сам мог бы предсказать дальнейшие события, основываясь на своем убеждении, что расследование по делу Руби в общей работе комиссии считалось побочным занятием. Услышав о панике в Далласе, председатель Верховного суда Уоррен встал на сторону Дина, а не Гриффина. Уоррен мог и не поверить в правдивость показаний сержанта полиции, однако он не хотел вмешивать комиссию в малоприятные публичные баталии с силовыми структурами Далласа. В начале июня Дина вызвали давать показания в Вашингтон, и председатель Верховного суда лично извинился перед ним. «Никто

из наших сотрудников не имеет права заявить свидетелю, что тот лжет или дает ложные показания, – сказал Уоррен. – Это не наше дело»5 .

Конфронтация с Дином пришлась на особо трудный момент в работе Гриффина и Хьюберта, которые начали уже сомневаться, дадут ли им завершить их линию расследования. Судя по собранным ими уликам, нельзя было исключить возможность того, что Руби – как-то, каким-то образом – был частью заговора с целью убийства Кеннеди или Освальда или же обоих. У Руби имелись несомненные, хотя и не прямые, связи с гангстерами, которые могли желать смерти президенту, чье Министерство юстиции объявило войну организованной преступности. «Он вел множество всяких дел с представителями преступного мира», – говорил Гриффин. А еще связь с Кубой. Годами Руби добивался участия в сделках с Кубой (по всей вероятности, в теневом бизнесе), а поэтому, вероятно, соприкасался с кубинцами – как со сторонниками, так и с противниками Фиделя Кастро, – которые могли быть замешаны в убийстве президента.

На исходе зимы Уоррен отказался от надежды закончить расследование в первоначально установленный срок, к 1 июня. Юристам комиссии назначили новый срок, 15 июня, для подготовки докладов, на основании которых предстояло составить заключительный отчет. Гриффин и Хьюберт не могли уложиться и в новые сроки. В марте они направили Рэнкину служебную записку с разъяснением, сколько им еще нужно проделать следственных действий: так и не были проверены все имена, телефонные номера и адреса, обнаруженные в доме Руби, никто не проводил тщательного анализа записей телефонных разговоров Руби и некоторых близких к нему людей, сделанных накануне убийства Освальда.

Сразу же после рабочего собрания в пятницу, 13 апреля, оба юриста обратились к Рэнкину с просьбой о помощи. По их оценкам, им требовалось еще трое следователей как минимум на месяц, и тогда они смогут завершить работу6 . Они получили оскорбительный ответ: Рэнкин предложил им обратиться за помощью к телохранителю Уоррена, а больше, сказал он, свободных сотрудников у него нет.

На следующий день Гриффин и Хьюберт попытались взбунтоваться. Они

послали служебную записку Рэнкину и Уилленсу с предложением вообще не затрагивать в заключительном отчете комиссии тему Руби и убийства Освальда. «Мы не считаем нужным включать связанные с Руби аспекты дела, – писали они. – Нет никакой возможности сделать эту работу должным образом так, чтобы она могла быть использована в заключительном отчете»7 .

Они полагали, что комиссия сумеет дать общественности убедительное объяснение, почему решено было не касаться связанных с Руби вопросов, ведь ходатайство Руби об отмене смертного приговора все еще ожидало рассмотрения. «Если приговор Руби будет пересматриваться, а наш отчет окажется хоть в чем-то неблагоприятным для Руби, комиссия может подвергнуться справедливой критике за публикацию отчета, который нарушает права Руби на справедливый суд», – писали эти двое юристов. Для председателя Верховного суда использование материалов по Руби в отчете могло повлечь серьезный конфликт интересов. «Уместно ли, – спрашивали авторы служебной записки, – чтобы комиссия столь высокого уровня и авторитета составляла развернутое суждение о человеке, который подал на апелляцию и чье дело несомненно предстоит рассматривать Верховному суду?»

Уилленс отвечал холодно. Он велел подчиненным доделать работу, насколько это в их силах, и никакой помощи не просить. Не им решать, какие сведения будут включены в отчет. «Мы должны действовать так, как будто безусловно намерены что-то по этой теме предать гласности», – писал Уилленс8 .

Гриффин и Хьюберт направили повторный протест, на этот раз они обратились выше и направили Рэнкину послание на одиннадцати страницах с перечислением всех оставшихся без ответа вопросов по делу Руби. Они указали многочисленные лакуны в имевшихся у комиссии сведениях о деятельности Руби в месяцы, предшествовавшие убийству Кеннеди. Они также сформулировали взрывоопасную версию о существовании связи между Руби и Освальдом: «Мы предполагаем, с учетом уже собранных улик, возможность, что Руби был замешан в нелегальных отношениях с кубинскими элементами, которые могли также иметь контакт с Освальдом. Мы считаем недопустимым оставлять такие вопросы “висеть в воздухе”. Их нужно либо исследовать глубже, либо принять твердое решение не делать этого, причем такое решение

должно быть подкреплено ясно выраженными доводами»[9] .

Эти служебные записки, по сути дела, уличали руководство в нечестной игре и вызвали то, что Уилленс позднее назвал «существенной дискуссией» по поводу того, что же можно сделать, чтобы удовлетворить Гриффина и Хьюберта. В служебной записке от 1 июня Уилленс велел Гриффину передать ему «в письменном виде в течение нескольких будних дней все запросы по расследованию», которые «необходимы для завершения расследования»[10] . В тот же день Хьюберт предупредил Рэнкина, что в конце недели уволится. Оскорбленный пренебрежением к своей работе, Хьюберт уже несколько недель подумывал сократить работу в комиссии и вернуться в Новый Орлеан, теперь же он решил вовсе уйти. Он сообщил Рэнкину, что ему потребуется два дня, «чтобы очистить стол и освободить помещение»[11] . Он выразил готовность приезжать в Вашингтон на выходные, если его помощь понадобится в конкретных делах, и предложил съездить в Даллас, если комиссия все же решит взять показания у Руби.

Но в Даллас ему ехать не пришлось. Спустя несколько дней, когда комиссия наконец запланировала поездку в Техас с целью допросить Руби, ни Хьюберта, ни Гриффина не пригласили, а вместо них отправили Арлена Спектера. Коллеги горячо сочувствовали Хьюберту и Гриффину. По мнению Дэвида Белина, это были «блестящие юристы, и для них стало сокрушительным ударом, когда им не позволили присутствовать при допросе человека, чью деятельность они расследовали на протяжении многих месяцев»[12] . Но позднее Гриффин утверждал, что понял и принял такое решение: после столкновения с сержантом Дином «я сделался неудобен», пояснял он. Местные полицейские запротестовали бы, если бы он вновь появился в Далласе.

А Джек Руби, человек, вызвавший столь бурные споры в комиссии Уоррена, просидел большую часть зимы и весну в тюремной камере в Далласе, время от времени пытаясь если не покончить с собой, то, по крайней мере, себя изувечить.

Пока адвокаты готовили апелляцию на приговор за убийство Освальда, Руби содержался в окружной тюрьме Далласа. 26 апреля, сразу после

полуночи, он, перед тем как предпринять очередную попытку нанести себе ранение, уговорил охранников принести стакан воды. Стоило охранникам отойти, Руби с разбега ударился головой о бетонную стену камеры. Его нашли окровавленным, без сознания и отвезли в больницу на рентген, который не обнаружил существенных повреждений. Обыскав камеру, охранники обнаружили, что Руби начал отдирать подкладку от тюремной одежды, вероятно, с целью связать петлю.

На следующее утро к Руби явился посетитель – доктор Луис Уэст, профессор психиатрии из Университета Оклахомы, приглашенный в качестве медицинского эксперта юристами, которые занимались апелляцией Руби. Уэст встретился с Руби в отдельном кабинете для допросов и увидел перед собой «бледного, дрожащего, взволнованного и угнетенного» человека. На лбу у него красовался широкий порез. Врач спросил, зачем Руби пытался себя поранить.

Руби ответил, что испытывает чувство вины. «Американских евреев убивают, – сказал он. – Двадцать пять миллионов человек!» Их-де убивают за «все те неприятности», которые он причинил, убив Освальда. Его родной брат Эрл, по словам Руби, оказался среди жертв геноцида, «его пытали, чудовищно изувечили, кастрировали и сожгли на улице перед тюрьмой». Руби уверял, что «все время слышит крики» умирающих евреев. «Приказ устроить этот кошмарный погром, очевидно, пришел из Вашингтона, полиции разрешили провести массовые убийства, не вызывая и не вовлекая федеральные войска», – рассказывал он Уэсту. Он несет ответственность за то, что «великий народ с четырехтысячелетней историей будет уничтожен».

Когда Уэст попытался разубедить Руби, тот «заподозрил меня в неискренности, а один раз или дважды, по-видимому, готов был на меня наброситься», сказал психиатр.

– Не говорите, что вам об этом неизвестно – об этом все должны знать! – вскричал Руби.

Для того он разбил себе голову о стену – «чтобы положить этому конец».

В отчете для адвокатов Уэст сообщил, что Руби часто упоминал Освальда, называя его «покойным» или «тем человеком»13 .

На следующий день Уэст вновь навестил Руби, и ему показалось, что состояние заключенного улучшилось. Однако на глазах Уэста у Руби начались галлюцинации, побудившие его «быстро подняться, перейти в угол помещения и стоять там, наклонив голову в сторону, широко раскрыв глаза и озираясь по сторонам». В другой момент Руби «залез под стол послушать» голоса, которые ему чудились. «В галлюцинации входят человеческие стоны и крики, иногда нескольких детей или одного ребенка», – записал Уэст. Руби полагал, что это вопли «евреев под пыткой».

Уэст был убежден, что это не лицедейство. «В данный момент Руби формально является душевнобольным», – заключил он. Руби «очевидно страдает от психоза, был полностью занят бредом о преследовании евреев по его вине. Он чувствует себя виноватым, бесполезным и лишенным надежды, потому что на нем лежит вина за массовое истребление его народа». По мнению Уэста, Руби не следовало держать в тюрьме. «Этого человека нужно поместить в психиатрическую клинику для наблюдения, обследования и лечения».

Две недели спустя по поручению судьи, который вел дело Руби, заключенного посетил далласский психиатр Роберт Стабблфилд, и он также счел, что Руби тяжело болен психически и нуждается в стационарном лечении. Руби с готовностью признался Стабблфилду в том, что убил Освальда, а сделал он это, как он с самого начала и утверждал, ради Жаклин Кеннеди. «Я убил Освальда, чтобы миссис Кеннеди не пришлось приезжать в Даллас и давать показания, – заявил он. – Я любил и уважал президента Кеннеди»14 .

Руби, как сообщал Стабблфилд, вновь повторил, что организовал убийство Освальда единолично. Его враги «думают, что я знал Освальда, что это какой-то заговор, говорил Руби психиатру, но это неправда. Я готов пройти тест на детекторе лжи и доказать, что я не был знаком с Освальдом и непричастен к убийству президента Кеннеди. А после этого будь со мной что будет».

Глава 31

Госдепартамент

Вашингтон

7 апреля 1964 года, вторник

В последние дни подготовки к поездке в Мексику Дэвид Слосон и Уильям Коулмен пришли к выводу, что главной задачей там будет организовать встречу с Сильвией Дюран. Важность этой свидетельницы существенно возросла в глазах комиссии с января, когда Слосон и Коулмен впервые услышали ее имя. «Дюран может стать главной моей свидетельницей, – сказал себе Слосон. – Только подумать, что она может знать!»1

По просьбе ЦРУ Дюран будет названа по имени в заключительном отчете комиссии в качестве основного источника информации о визите Освальда в Мексику. ЦРУ не хотело выдавать подробности своей сложной операции по наблюдению и прослушиванию разговоров в Мехико и предпочло, чтобы комиссия по возможности относила всю информацию на счет Дюран, если ее показания совпадали с тем, что ЦРУ узнавало также и при помощи своей шпионской аппаратуры. Если бы ЦРУ смогло настоять на своем, то показания Дюран допрашивавшим ее мексиканцам, вернее, то, что, по словам мексиканцев, она им раскрыла, стало бы единственным доступным общественности сообщением о деятельности Освальда в Мексике.

Накануне отъезда Слосона и Коулмена пригласили в Госдепартамент на инструктаж к заместителю госсекретаря Томасу Манну2 , бывшему послу США в Мексике: он покинул Мехико четырьмя месяцами ранее. Слосона и Коулмена провели через вестибюль Госдепартамента, мимо рядов разноцветных иностранных знамен, украшавших коридоры, прямиком в кабинет Манна. Манн пригласил гостей садиться, извинился за нагроможденные в помещении ящики: он еще не обустроился в Вашингтоне, дел по горло. В своей новой должности, пояснил Манн, он ведет все латиноамериканские дела Госдепартамента, а поскольку дружит с президентом Джонсоном, как и он, уроженцем Техаса, то часто бывает в Белом доме.

Слосону всего за две недели до того довелось прочесть засекреченные

телеграммы Манна из Мехико начиная с конца ноября, и он понимал, насколько ценным может оказаться мнение бывшего посла по поводу иностранного заговора. Слоусон и Коулмен спросили напрямую: по-прежнему ли Манн убежден, что за убийством Кеннеди стоит кубинский заговор?

Несомненно, ответил Манн, пусть даже он пока не может этого доказать. Манн сказал, что «нутром чует»: Кастро «из тех диктаторов, кто способен на такие жестокие поступки либо в надежде на какую-то выгоду, либо просто ради мести». Тот факт, что Освальд перед покушением посетил и кубинское, и советское посольства, «казался достаточным… для возбуждения серьезнейшего подозрения» в том, что он действовал по указке кубинцев и, возможно, с молчаливого согласия их советских покровителей. Манн сказал, что его уверенность в существовании коммунистического заговора окрепла, когда он узнал о показаниях никарагуанского шпиона в Мехико – тот вроде бы видел, как Освальду в кубинском посольстве вручили 6500 долларов, – и когда услышал о перехваченном телефонном разговоре между президентом Кубы и послом этой страны в Мексике: эти двое обсуждали слухи о том, как расплатились с Освальдом.

Манн вскоре извинился и сказал, что должен спешить на другую встречу, но пригласил Слосона и Коулмена еще раз прийти и проконсультироваться с ним насчет предстоящей поездки. Пожимая гостям на прощание руки, Манн обернулся к Слосону и спросил, считает ли комиссия, будто он преувеличивает значение этих улик. Не был ли Манн «чересчур поспешен» в выводах о наличии кубинского следа в убийстве президента? Никоим образом, отвечал Слосон. Хотя накапливавшиеся улики все более убеждали, что к делу о покушении на Кеннеди никакие иностранные заговорщики не причастны, следователи комиссии не «считают какие-либо действия посла неоправданными».

Незадолго до отъезда Слосон прошел инструктаж насчет Мехико также и в ЦРУ. «В ЦРУ мне сказали, что Мехико – так сказать, штаб-квартира шпионов многих стран, вроде Стамбула в боевиках. Шпионы же всегда встречаются в Стамбуле»3 . В начале 1960-х годов Мехико превратился в столицу шпионских игр холодной войны, и Слосону не терпелось увидеть все это своими глазами.

8 апреля, в среду, Слосон и Коулмен в сопровождении Говарда Уилленса сели в аэропорту Далласа на самолет Eastern Airlines, вылетели в Мехико и прибыли туда к шести вечера. В аэропорту их встретил Кларк Андерсон, официальный представитель ФБР в Мехико. Коулмен из-за цвета своей кожи часто подвергался дискриминации во время путешествий, как внутри страны, так и за рубежом, и на этот раз сотрудник иммиграционной службы не хотел впускать его в страну, требуя справку о прививках. Его пропустили, когда служащий Eastern Airlines сказал «что-то насчет того, что мистер Коулмен представляет комиссию Уоррена», писал впоследствии Слоусон.

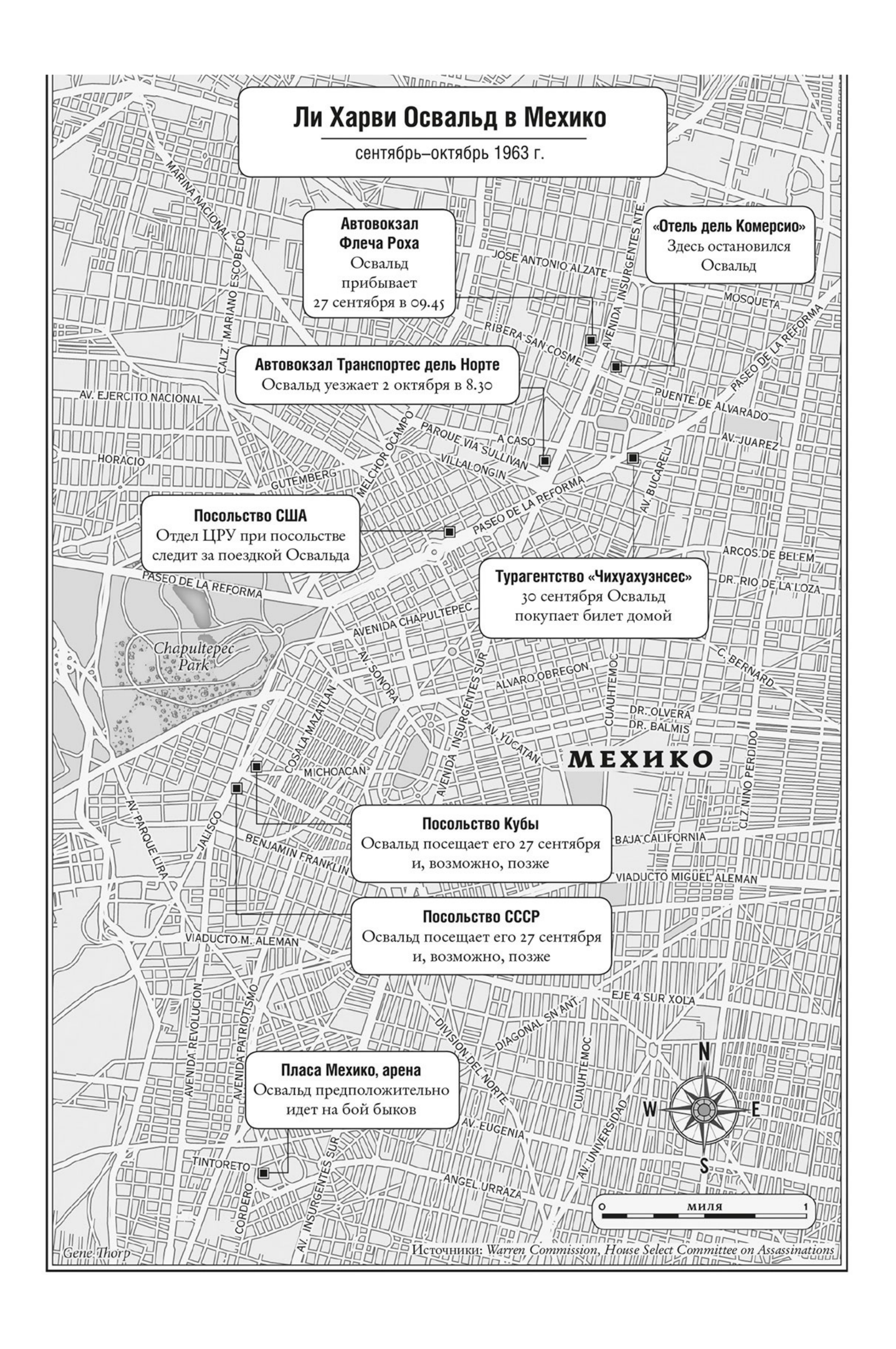
Коулмен в этой поездке все время нервничал, думал, что его жизнь подвергается опасности из-за секретов, которые он узнал, работая в комиссии. Ему и прежде угрожали насилием – обычная ситуация для заметного участника движения за гражданские права, – но одно дело опасности, подстерегающие на улицах американского города, и совсем другое – в Мексике. Если заговор против Кеннеди имел место, то, как полагал Коулмен, соучастники Освальда все еще могли оставаться в Мексике. Что если они надумают похитить Коулмена и выбить из него все, что ему известно? «Если мексиканцы вовлечены в заговор, они меня, пожалуй, убьют», – тревожился он. В первую ночь он не мог уснуть в отеле «Континентал Хилтон», особенно после того, как услышал какой-то непонятный шум.

«Около трех часов утра я услышал под окном скрип и подумал: “О боже, кто-то собирается меня убить, – вспоминал Коулмен. – Нужно выбираться отсюда…” Я был до смерти напуган».

На следующий день Коулмен спросил дежурившего возле отеля представителя ЦРУ, существует ли угроза. Никакой, заверил его агент ЦРУ. «Не волнуйтесь, мы всю ночь вас караулили».

В то утро посланцы комиссии отправились в здание американского посольства, расползшееся по Пасео де ла Реформа, и там были представлены Уинстону Скотту, главе местной резидентуры ЦРУ, а также недавно прибывшему послу Фултону Фримену, который успел провести в Мехико всего два дня. В разговоре со Скоттом и послом Коулмен

пояснил, что в планы юристов комиссии входит встретиться с мексиканскими официальными лицами и взять показания у свидетелей, в первую очередь у Дюран4 . Фримен был достаточно осведомлен, чтобы понимать, насколько важна Дюран в качестве свидетеля и насколько это деликатный вопрос для мексиканского правительства. Посол сказал, что «увидеться с Сильвией Дюран – дело чрезвычайно щепетильное и его нужно подробно обсудить», прежде чем кто-либо сможет к ней приблизиться – так запомнились его слова Слосону. Фримен также сказал, что даст согласие на беседу с Дюран «при условии, что мы увидимся с ней в американском посольстве и дадим ей ясно понять, что ее приход – дело вполне добровольное».

Ли Харви Освальд в Мехико
сентябрь–октябрь 1963 г.
Автовокзал Флеча Роха
Освальд прибывает 27 сентября в 09.45
«Отель дель Комерсио»
Здесь остановился Освальд
Автовокзал Транспортес дель Норте
Освальд уезжает 2 октября в 8.30
Посольство США
Отдел ЦРУ при посольстве следит за поездкой Освальда
Турагентство «Чихуахуэнсес»
30 сентября Освальд покупает билет домой
Посольство Кубы
Освальд посещает его 27 сентября и, возможно, позже
Посольство СССР
Освальд посещает его 27 сентября и, возможно, позже
Пласа Мехико, арена
Освальд предположительно идет на бой быков
МЕХИКО
Chapultepec Park
MARINA NACIONAL
CALZ. MARIANO ESCOBEDO
JOSE ANTONIO ALZATE
AVENIDA INSURGENTES NTE.
MOSQUETA
RIBERA SAN COSME
PASEO DE LA REFORMA
PUENTE DE ALVARADO
AV. EJERCITO NACIONAL
PARQUE VIA SULLIVAN
A CASO
VILLALONGIN
AV. JUAREZ
HORACIO
GUTEMBERG
MELCHOR OCAMPO
AV. BUCARELI
ARCOS DE BELEM
DR. RIO DE LA LOZA
AVENIDA CHAPULTEPEC
AV. SONORA
C. BERNARD
ALVARO OBREGON
CUAUHTEMOC
DR. OLVERA
DR. BALMIS
AVENIDA INSURGENTES SUR
AV. YUCATAN
CLZ. NINO PERDIDO
COSALA MAZATLAN
MICHOACAN
AV. PARQUE LIRA
JALISCO
BENJAMIN FRANKLIN
BAJA CALIFORNIA
VIADUCTO MIGUEL ALEMAN
VIADUCTO M. ALEMAN
EJE 4 SUR XOLA
DIAGONAL SN ANT.
AVENIDA REVOLUCION
AVENIDA PATRIOTISMO
DIVISION DEL NORTE
AV. UNIVERSIDAD
AV. EUGENIA
TINTORETO
CORDERO
AV. INSURGENTES SUR
ANGEL URRAZA
N
S
W
E
0
миля
1
Gene Thorp
Источники: Warren Commission, House Select Committee on Assassinations

Слосон и Коулмен пообщались в посольстве также с Андерсоном и его коллегами из ФБР. Хотя спустя годы Андерсон признает, насколько узким было расследование, проведенное Бюро в Мехико, в тот день он сумел создать у посланцев из Вашингтона впечатление, будто ФБР интенсивно проверяло все наводки по Освальду. Андерсон «производил впечатление весьма компетентного человека», писал впоследствии Слосон.

Юристы спросили мнение Андерсона о Дюран. Он ответил, что считает ее «преданной коммунисткой», которая, хотя была замужем и имела маленького ребенка, тем не менее вела довольно скандальный образ жизни. Как выразился Андерсон, она была «мексиканским перчиком» и очень «секси». Как и посол, Андерсон тоже полагал, что запрос о встрече с Дюран станет «чувствительным» для мексиканского правительства, однако обещал поспособствовать в этом. У него также имелись хорошие новости насчет Дюран: в то самое утро ФБР получило наконец копию подписанного ею заявления мексиканским следователям о знакомстве с Освальдом – заявления, о котором комиссии прежде ничего не было известно. Слосон и Коулмен попросили как можно скорее предоставить им копию.

Юристы провели большую часть дня со Скоттом и убедились, что репутация главы местной резидентуры ЦРУ вполне соответствует истине: он в самом деле был необычайно умен. Слосона Скотт очаровал кротким южным шармом, к тому же эти двое обнаружили, что их объединяет любовь к математике и точным наукам. Они наперебой вспоминали, как чуть было не предпочли академическую карьеру: Слосон изучал физику в Принстоне, Скотт – математику в Университете Мичигана. «У нас имелась общая почва, – вспоминал Слосон, – и тут же возникла симпатия». (Поскольку Скотт работал в ЦРУ под прикрытием и официально, для мексиканских властей считался служащим Госдепартамента, Слосон устранил его имя из отчетов о Мехико, заменив просто буквой «А».)

Скотт сумел произвести впечатление на Слосона и Коулмена: он повел

их в подвал, в звуконепроницаемое помещение, оборудованное в посольстве, и там провел краткий инструктаж по Освальду. «Помещение располагалось глубоко в цокольном этаже, может быть, даже в подвале, – вспоминал Слосон. – Все, что нам говорили или показывали в этом кабинете, считалось “совершенно секретным”». На инструктаже присутствовал еще один агент ЦРУ при посольстве, Алан Уайт. На время разговора Скотт включил небольшое радио: пусть заглушает беседу, на случай, если кто-то подслушивает. «Романтика плаща и кинжала», – прокомментировал Слосон.

В начале инструктажа Скотт, не жалея времени, убеждал юристов, что и он, и Управление в целом готовы к всестороннему сотрудничеству с комиссией, что он ничего от них не скроет, пусть даже это и подвергнет некоторому риску само ЦРУ. Он подчеркнул, что, как ему известно, юристы комиссии «допущены к максимальному уровню секретности и что мы не раскроем никому за пределами комиссии, ее непосредственных сотрудников, ту информацию, которую получим от него, не испросив сперва разрешения у его начальства в Вашингтоне», вспоминал Слосон. «И мы на это согласились».

После этого Скотт подробно описал слежку за Освальдом в Мексике с использованием новейшей технологии наблюдения, включая установленную ЦРУ практически на всех телефонах советского и кубинского посольств прослушку и ряды скрытых камер перед обоими посольствами. Плотное наблюдение, по его словам, началось всего через несколько часов после того, как Освальд впервые наведался в посольство Кубы. Затем Скотт рассказал, как миссия ЦРУ в Мехико отреагировала на убийство президента: немедленно было составлено досье на «Освальда и всех в Мексике», кто мог иметь контакт с предполагаемым убийцей. Он предъявил распечатки телефонных разговоров – как он сказал, звонков Освальда в посольства Кубы и СССР. Юристы упомянули имя Дюран, и Скотт признал, что эта женщина «вызвала пристальный интерес ЦРУ» задолго до убийства Кеннеди из-за ее романа с кубинским дипломатом Карлосом Лечугой, который был в тот момент послом Кубы в Мексике, а затем отправился в Нью-Йорк в качестве представителя Кубы в ООН. По словам Скотта, после убийства ЦРУ тесно сотрудничало с мексиканскими властями, «особенно на допросах Дюран».

Слосон был приятно изумлен столь подробным инструктажем, но был

и обеспокоен, поскольку этот разговор показал, что начальство Скотта в Вашингтоне, в штаб-квартире ЦРУ, все еще удерживает часть информации вопреки недавним обещаниям ничего более не скрывать. Скотт знал такие подробности деятельности Освальда в Мексике, о которых его коллеги из Лэнгли ничего не сообщали комиссии. А в информации, переданной ранее ЦРУ комиссии, теперь, как убедился Слосон, обнаружились «пропуски и искажения». Они с Коулменом привезли с собой роспись перемещений Освальда по Мексике, ожидая получить от Скотта уточнения. «Но когда мы увидели, как искажена полученная нами информация, мы поняли, что эта хронология нам не пригодится», – вспоминал Слосон.

Слосон спросил Скотта, почему комиссия до сих пор не получила из Мексики фотографии Освальда при столь совершенной системе фотонаблюдения. Нет никаких фотографий, уверял Скотт. «Фотографии делались главным образом при свете дня в будние дни, поскольку на большее средств не хватает и нет технической возможности делать фотографии ночью, с большого расстояния и без искусственного освещения», – растолковал он юристам. Коллеги Скотта позднее признают, что этот ответ не был вполне честным: миссия в Мехико и финансировалась, и снабжалась техникой едва ли не лучше всех прочих отделений ЦРУ. Но Слосон и Коулмен объяснение приняли, хотя бы потому, что не имели доводов, чтобы его оспорить. Слосон потом вспоминал, как его удивило отсутствие фотографий. «Признаюсь, я был озадачен, но в ту пору я был еще очень доверчив, мне в голову не пришло, что от нас намеренно утаивают улики, – рассказывал Слосон. – Наверное, я был чересчур наивен».

Юристы перешли к более существенным вопросам. Они спросили Скотта и Уайта, полагают ли они, что в Мехико мог быть организован какой-либо заговор, имеющий отношение к убийству. Нет, дружно ответили агенты. По их мнению, «если бы заговор имел место, к этому моменту они бы уже непременно располагали доказательствами его существования».

Когда инструктаж подошел к концу, Скотт сделал запомнившееся Слосону предложение. Не хотят ли юристы прослушать сами записи разговоров Освальда?

– Пленки у нас сохранились, – сказал он. – Хотите их прослушать?

– Не вижу надобности, – отказался Слосон. – Вряд ли я узнаю из них что-то новое.

Коулмен, однако, выразил желание прослушать пленки.

– Я честный судебный юрист, я хочу видеть и слышать все улики5 .

Слосон отправился наверх на встречу с группой агентов ФБР, а его напарник, как рассказывал Слосон, остался в звуконепроницаемом подвальном помещении – надев на голову наушники, он приготовился слушать голос Освальда в записи.

Годы спустя, после смерти Скотта, ЦРУ, к яростному возмущению Слосона, в сущности, объявило эту сцену в подвальном помещении посольства в Мехико плодом его воображения: дескать, Коулмен не мог прослушать пленки, потому что их, по заведенной процедуре, уничтожили еще до убийства президента. (Коулмен только усугубил путаницу, сославшись на слабость своей памяти. Он сказал, что не помнит, слушал ли записи, но полностью полагается на воспоминания Слосона: «Раз Дэвид говорит, что так было, значит, так оно и было»6 .) Утверждение ЦРУ, будто пленки были уничтожены до убийства, – «бесстыдная ложь», заявил Слосон.

В пятницу, 10 апреля, во второй полный день пребывания в Мехико, агенты ФБР устроили Слосону и Коулмену экскурсию по городу. Им показали снаружи кубинское и советское посольства, автобусный вокзал, на который Освальд предположительно прибыл и с него же покинул город, а также «Отель дель Комерсио», скромную гостиницу, где останавливался Освальд. Они видели ресторан рядом с гостиницей, где обычно ел Освальд, неизменно выбирая самое дешевое блюдо в меню. Служащие ресторана припомнили, что Освальд из экономии отказывался от кофе с десертом, не зная, что сладкое уже включено в счет.

После этой экскурсии Слосона, Коулмена и Уилленса отвезли в офис Луиса Эчеверриа, крупного мексиканского чиновника, в тот момент ожидавшего назначения на пост министра внутренних дел, – со временем он станет президентом страны. Эчеверриа, много лет поддерживавший хорошие отношения со Скоттом, начал разговор с того, что выразил

«твердое убеждение в отсутствии иностранного заговора» в деле об убийстве Кеннеди, «во всяком случае, заговора, связанного с Мексикой», вспоминал Слосон. Коулмен просил у Эчеверриа разрешения встретиться со свидетелями-мексиканцами, в первую очередь с Сильвией Дюран. Разговор с Дюран организовать, вероятно, удастся, ответил мексиканец, но неформальный – под видом обычной светской беседы – и за пределами американского посольства. Правительство Мексики не может позволить следователям комиссии «создавать впечатление, будто американское правительство проводит официальное расследование на территории Мексики».

Коулмен подчеркнул, что беседа с Дюран «чрезвычайно важна» для комиссии, и Эчеверриа ответил: он это понимает. Ее показания, сказал он, «чрезвычайно важны» и для Мексики. Именно благодаря ее заявлениям, сделанным на допросе, мексиканское правительство пришло к выводу, «что во время визита Освальда в Мексику здесь не возник никакой заговор».

На том Эчеверриа извинился и сказал, что вынужден закончить разговор, поскольку спешил на ланч с королевой Голландии Юлианой, находившейся в тот момент с государственным визитом в Мексике.

– А нам бы на ланч с Сильвией Дюран, – пошутил Коулмен.

Эчеверриа ответил на эту шутку другой, довольно грубой, насчет Дюран, намекнув, что мексиканки не так привлекательны, как кубинские женщины. Мол, представители комиссии «получат не так уж много удовольствия, ведь Дюран не красотка кубинка, а всего лишь мексиканка».

В тот день Слосон и Коулмен обратились к другим членам американского посольства за советом, как организовать встречу с Дюран. Первый заместитель посла Кларенс Бонстра выразил сомнение, позволят ли мексиканцы представителям комиссии увидеться с Дюран, тем более если для этого придется вновь взять ее под стражу: с момента убийства ее уже дважды подвергали аресту, причем в первый раз – по просьбе ЦРУ. По словам Слосона, Бонстра «полагал, что для весьма политически щепетильных мексиканцев едва ли будет приемлемо допустить ее

задержание в третий раз». А судя по тому, что дипломату было известно насчет самой Дюран (Бонстра назвал ее «коммунисткой») и ее мужа («воинственного коммуниста и вообще очень агрессивного человека»), вряд ли она согласилась бы на встречу добровольно.

Юристы сказали, что попробовать все-таки стоит, например пригласить Дюран на неофициальный ланч, как предлагал Эчеверриа. Вдохновившись только что выслушанным рассказом о шпионском оборудовании ЦРУ, Слосон и Коулмен предложили установить кое-какое электронное оборудование и пригласить Дюран на ланч в «приватном месте», где заранее подключить «записывающую аппаратуру, чтобы не пришлось делать заметки». У Бонстра на этот счет имелась другая идея: он предложил комиссии вызвать Дюран на допрос в Соединенные Штаты, а чтобы сбить мексиканское правительство со следа, представить поездку как культурный обмен или как выезд на лечение. Дюран, возможно, согласилась бы сотрудничать, лишь бы не навлечь на себя новых неприятностей с властями своей страны. «Эту идею стоит обдумать», – ответил Слосон и добавил, что «представит ее руководству комиссии по возвращении в Соединенные Штаты».

Пока что, поскольку Дюран пряталась и других помех для встречи с ней хватало, Слосон и Коулмен отказались от надежды пообщаться с Дюран во время своего пребывания в Мехико. По возвращении в Вашингтон они собирались осуществить идею Бонстра и заманить важную свидетельницу в Штаты. Кроме того, Коулмен спешил вернуться домой, в Филадельфию, и заказал обратный билет из Мехико на воскресенье. Слосон и Уилленс забронировали рейс в Вашингтон на понедельник.

Вечером в субботу американское посольство организовало прием для представителей комиссии, и там Слосон еще раз встретился со Скоттом. Слосон вспоминал, как Скотт отвел его в сторону поболтать и как этот разговор вскоре принял неудобный оборот: Скотт пустился рассказывать о самых своих мерзких обязанностях в ЦРУ. Он поведал Слосону, как по приказу начальства расставляет ловушки коллегам из ЦРУ в Мехико, проверяя, предадут ли они родину за деньги или иное вознаграждение. «Он сказал, что ему приходится каждые два-три года проверять своих лучших друзей и товарищей из ЦРУ, предлагая им взятку и проверяя, поведутся ли они», – вспоминал Слосон7 .

– Это самое трудное задание, – сказал Скотт. – Не знаю, решился бы я поступить на службу в ЦРУ, знай я заранее, что это станет частью моей работы.

Болтовня Скотта была настолько странной, неуместной в приятной обстановке посольского приема, что Слосон заподозрил: Скотт пытается о чем-то его предупредить. Возможно, хочет сделать доброе дело и убедить его не откликаться на предложения вербовщиков ЦРУ, которые зазывали Слосона к себе. «Я понял это как предостережение: не ходи сюда».

Прием в посольстве запомнился Слосону и по другой, весьма печальной причине. «Подавали хорошее шампанское. Вы же понимаете, что такое шампанское: я вернулся в отель навеселе и с пересохшим горлом и напился воды из-под крана». То была серьезная ошибка: почти сразу же Слосон почувствовал недомогание, и его командировка в Мексику закончилась бесславно. «К воскресенью я был чуть жив, – рассказывал он. – Еле-еле вполз в самолет до Вашингтона». Дня через два он почувствовал себя лучше и на неделе вернулся в офис комиссии с четко сформулированной целью: он решил найти способ выманить Дюран в Вашингтон.

Глава 32

Дом Жаклин Кеннеди

Вашингтон

7 апреля 1964 года, вторник

Жаклин Кеннеди излучала сияние. Только что миновал полдень 7 апреля – четыре с половиной месяца после убийства, – и Уильям Манчестер впервые явился брать у миссис Кеннеди интервью для книги, которую она санкционировала.

– Мистер Манчестер, – заговорила она своим «неподражаемым голосом с хрипотцой», приглашая Манчестера в гостиную своего нового дома на N-стрит в Джорджтауне. Она закрыла за собой раздвижные двери

«скользящим движением и слегка поклонилась, перегнувшись в талии», рассказывал позднее Манчестер. Миссис Кеннеди была в черном свитере и желтых брюках в обтяжку, и «я подумал, что в 34 года этой прекрасной камелии не дашь более двадцати с небольшим». Впоследствии отношения миссис Кеннеди и Манчестера испортятся, но в начале их сотрудничества он видел только ее благосклонность и готовность помочь.

«Мое первое впечатление – и оно не менялось: передо мной великая трагическая актриса, – вспоминал он. – Я имею в виду, в самом лучшем смысле слова»1 .

Манчестер только приступил к сбору материала для книги, которая задумывалась как одобренная семьей президента история убийства и его последствий. Со временем Манчестер заподозрит, что семья одобрила эту затею главным образом для того, чтобы отпугнуть других авторов, чью работу было бы труднее контролировать.

Пять интервью с вдовой президента, которые Манчестер провел с апреля по июнь, оказались – что и неудивительно – самыми мучительными из всех, которые он брал для этой книги. Миссис Кеннеди откровенно рассказывала обо всем, в том числе и о том, что творилось в лимузине, когда прозвучали выстрелы на Дили-Плаза. «В этих беседах она ничего не скрывала, – говорил Манчестер. – Примерно половина людей, с которыми я разговаривал, испытывали сильные эмоции, отвечая на подобные вопросы, но ни один разговор не был столь эмоциональным, как эти пять интервью с Джеки».

Интервью Манчестер записывал на громоздкий, но надежный катушечный магнитофон Wollensak . По соглашению с семьей Кеннеди эти десять часов магнитофонных записей разговоров с бывшей первой леди следовало по окончании работы над книгой передать создававшейся в Бостоне Президентской библиотеке имени Кеннеди. «Будущие историки, возможно, удивятся, что там за постукивание на заднем плане, – писал Манчестер. – Это кубики льда. Продержаться в эти долгие вечера нам удавалось лишь с помощью больших количеств дайкири». А еще миссис Кеннеди и Манчестер за разговором курили, поэтому «также часто слышится звук чиркающей спички».

В офисе комиссии Уоррена Арлен Спектер и другие юристы были хорошо

осведомлены о работе Манчестера – о ней активно сплетничали в Вашингтоне, – в сущности, о параллельном, санкционированном семейством Кеннеди расследовании. Спектер был возмущен тем, что миссис Кеннеди дает интервью Манчестеру, хотя сотрудникам комиссии председатель Верховного суда запретил ее беспокоить. Почему, спрашивал Спектер, вдова президента готова обсуждать убийство с журналистом, а показания перед государственной комиссией, уполномоченной объяснить всем американцам, как погиб их президент, неприемлемы?

Спектер еще не знал масштабов ситуации. Миссис Кеннеди оказалась не единственным важным свидетелем, давшим в ту весну интервью Манчестеру. Роберт Кеннеди 14 мая также говорил под магнитофонную запись, хотя был далеко не столь откровенен, как его невестка. «Отвечает редко, зачастую односложно», – отмечал Манчестер. Иной раз писатель получал доступ к крупным государственным чиновникам задолго до того, как они давали показания комиссии. Через четыре дня после первой встречи с миссис Кеннеди Манчестер беседовал с директором ЦРУ Джоном Маккоуном[2], а перед комиссией Уоррена Маккоун предстанет лишь в середине мая. В отличие от членов комиссии Манчестер получил разрешение задавать вопросы и президенту Джонсону, и его супруге. Интервью с первой леди Белый дом назначил на 24 июня. Президент сначала предлагал провести личную встречу, но «почувствовал, что не в состоянии сделать это», рассказывал Манчестер, и ограничился письменными ответами на представленные ему вопросы.

Всю зиму и начало весны Спектер добивался права побеседовать с Джонсонами. Он составлял длинные списки вопросов к ним, как раньше – к Жаклин Кеннеди. Но Уоррен вновь подвел его. Председатель Верховного суда ни словом не возразил, когда Белый дом заявил, что президент Джонсон вместо устных показаний перед комиссией предпочитает письменно изложить, что ему запомнилось о дне покушения[3]. Это заявление длиной в 2025 слов будет отослано в офис комиссии лишь 10 июля, и многие противники нового президента, в особенности соратники Роберта Кеннеди, сочтут этот текст неточным и своекорыстным. Джонсон представил дело так, словно в часы после убийства он сделал все возможное, стараясь утешить миссис Кеннеди, и в то же время он-де совещался по телефону с генеральным прокурором – Роберт Кеннеди утверждал, что некоторых из перечисленных разговоров попросту не было.

Позднее председатель Верховного суда признает, что ему следовало добиваться устных показаний Джонсона, хотя бы для того, чтобы не сложилось впечатление, будто комиссия оставила некоторых из ключевых свидетелей неопрошенными и тем самым не решила какие-то проблемы. «Думаю, лучше бы он выступил со свидетельством, – говорил годы спустя Уоррен. – Но он написал нам, что сделает заявление и что миссис Джонсон тоже сделает заявление, так что мы даже не стали спорить»4 .

Показания миссис Джонсон поступили в виде расшифровки магнитофонной записи ее устных показаний, сделанных 30 ноября, через восемь дней после убийства. Сотрудники комиссии отзывались об этих показаниях как о прекрасном и точном описании всего ею увиденного. Миссис Джонсон рассказала, как приехала в больницу Паркленда, как оглянулась на лимузин Кеннеди, когда ее поспешно проводили мимо в приемную неотложной помощи. «Я бросила последний взгляд через плечо и увидела в автомобиле президента какую-то охапку розового цвета, словно кучку лепестков, на заднем сиденье. Я подумала, это миссис Кеннеди накрывала собой тело президента»5 . Позднее, в больнице, миссис Джонсон столкнулась «лицом к лицу с Джеки» в узком коридоре. «Думаю, это было у дверей операционной, – сказала миссис Джонсон. – Она выглядела такой одинокой. Никогда в жизни я не видела такого одинокого человека».

Председатель Верховного суда был не просто осведомлен о деятельности Манчестера, поскольку родственники Кеннеди участвовали в этом, Уоррен также дал книге свое благословение. Он согласился дать интервью Манчестеру, который позднее вспоминал: Уоррен «был со мной неизменно любезен и признавал, что две линии расследования могут порой пересекаться, они уж никак не расходятся»6. Несколько следующих месяцев Уоррен и Манчестер поддерживали контакт. По словам писателя, «мы обменивались кое-какими секретами, мы неизбежно ходили по следам друг друга». По просьбе клана Кеннеди Манчестер получил доступ практически ко всем существенным материальным уликам с места преступления, включая весь фильм Запрудера, и видел те кадры убийства, которые широкой общественности не покажут на протяжении десятилетий. Манчестер говорил, что ему позволили посмотреть фильм «семьдесят раз»,

вглядеться в него «кадр за кадром».

Один из пилотов президентского самолета устроил Манчестеру экскурсию по Борту номер один, писателя также допустили в хирургическое отделение больницы Парклендa и в госпиталь ВМФ в Бетесде7 . Ему показали – и даже открыли для осмотра – гроб, в котором тело президента доставили из Далласа в Вашингтон (на похоронах использовали другой гроб, потому что этот был поврежден во время перелета).

Книга Манчестера стала лишь одним из мероприятий в борьбе родичей Кеннеди за формирование угодного им образа президента и «правильных» воспоминаний о дне убийства. В неопубликованном дневнике за ноябрь 1964 года журналист Дрю Пирсон отмечал нередкую негативную реакцию на действия Кеннеди, в особенности на стремление вдовы распоряжаться посмертным образом мужа.

Кеннеди издавна вызывали и зависть, и негодование влиятельных людей в Вашингтоне, и про них продолжали шептаться и после насильственной смерти президента. Если Пирсон делился дошедшими до него слухами со своим другом, председателем Верховного суда, то неудивительно, что Уоррен встал на защиту семьи. Пирсон знал, что убийство не заткнуло рты врагам Кеннеди – даже на несколько часов. В понедельник, 25 ноября, в день похорон президента, Пирсон записал в дневнике, что общественный рейтинг миссис Кеннеди как никогда высок: «Джеки царит безраздельно, как и должно быть»8 . Но в дневниковой записи за тот же день Пирсон рассказывает, как, посмотрев с утра по телевизору похороны президента, он отправился с друзьями на ланч в отеле «Карлтон», в двух кварталах от Белого дома, «и боюсь, мы были отнюдь не так добры к Джеки Кеннеди, как толпы, скорбевшие на улицах».

Главной темой разговора за ланчем был непростой брак Кеннеди. «Мы припомнили, как Кеннеди откровенно заигрывал с другими женщинами», а миссис Кеннеди за несколько недель до убийства съездила в Грецию и путешествовала на яхте греческого судостроительного магната Аристотеля Онассиса «в чистом виде назло мужу». Пирсон отметил, что Онассис приехал в Вашингтон на похороны и, как предполагалось, собирался провести время с сестрой миссис Кеннеди, Ли Радзивилл,

с которой у него летом того года был ставший достоянием общественности роман, в то время как она готовилась к разводу с мужем. «Интересно посмотреть, разведется ли теперь Радзивилл и выйдет ли замуж за Онассиса», – записал Пирсон.

Четыре дня спустя журналист отправился на ланч с влиятельным вашингтонским юристом Джо Боркином, и тот предупредил, что «в некоторых моментах дело оборачивается не в пользу Джеки», особенно после того, как выяснилось, что большинство наиболее театральных деталей похорон исходило от нее, в том числе процессия по Коннектикут-авеню, в которой участвовали президент Джонсон, французский президент Шарль де Голль и лидеры других держав. В Секретной службе это мероприятие вызвало панику, а Джонсон признавался друзьям, что боится быть подстреленным снайпером из толпы. «Она заставила глав государств пройти в процессии вслед за телом, рискуя вызвать сердечный приступ у Линдона, пневмонию у де Голля и подвергнув опасности жизни глав государств свободного мира, ведь убийца мог бы не пожалеть ради такого случая собственной жизни», – писал в дневнике Пирсон.

Боркин рассказал Пирсону, что за кулисами все чаще слышатся нападки на миссис Кеннеди по поводу ее желания провести газовую трубу на Арлингтонское национальное кладбище, чтобы устроить на могиле президента вечный огонь. Это уже казалось излишеством. «Существует лишь одни вечный огонь на могиле, и он горит в Париже у гробницы Неизвестного солдата, – писал в дневнике Пирсон. – Кое-кто считает, что президент Кеннеди все же не из той категории».

В первые дни после похорон просачивались известия о том, как миссис Кеннеди уговаривает президента Джонсона переименовать Национальный космический центр во Флориде в честь ее мужа – пусть мыс Канаверал станет мысом Кеннеди – и дать имя Кеннеди новому национальному культурному центру, строящемуся на реке Потомак. «Линкольн удостоился мемориала спустя 75 лет, а Тедди Рузвельт и Франклин Рузвельт до сих пор такового не имеют, – писал Пирсон после ланча с Боркином. – А культурный центр уже спешат назвать “центром Кеннеди”».

В следующие недели, отмечает Пирсон, нападки на миссис Кеннеди сделались еще более грубыми: высмеивали постоянные, непременно

освещавшиеся в прессе посещения Арлингтонского кладбища, словно эта демонстрация преданности была попыткой переписать историю их брака. «Дамы, видимо, полагают, что пять визитов на могилу – это уж слишком, а еще всячески комментируют тот факт, что несколько раз ее сопровождал деверь, Бобби Кеннеди», – записал в дневнике Пирсон.

Пирсон знал, что среди прочих миссис Кеннеди поливают ядом ее ближайшие подруги, в том числе Мэри Гарриман, жена бывшего губернатора Нью-Йорка и «делателя королей» от Демократической партии Аверелла Гарримана. Гарриманы сами предложили на время выехать из своего дворца в Джорджтауне, чтобы миссис Кеннеди могла пожить там с детьми, пока подыщет себе собственный дом. Но, пакуя вещи для переезда в гостиницу по соседству, Мэри успела позвонить жене Пирсона Луви и сказать: она «сожалеет, что уступила свой дом Джеки». Согласно дневнику Пирсона, миссис Гарриман «говорила сегодня по телефону с Луви и жаловалась, что вот, мол, разбирает свои ящики, складывает туалетные принадлежности и собирается переезжать в отель “Джорджтаун-инн”, где еда, как она сказала, отвратительная… Мэри недоумевает, почему Джеки не могла уехать в Виргинию на месяц траура, а потом вернуться и подыскать себе дом. Но нет, Джеки любит Джорджтаун и должна здесь оставаться».

И сам Пирсон позволял себе вплести в колонку слухи насчет миссис Кеннеди. 10 декабря он сообщил, что врач, работавший в Белом доме, дал миссис Кеннеди и детям успокоительное, чтобы помочь им пережить похороны. «Телезрители, наблюдавшие похороны Кеннеди, заметили, как трогательно вдова президента льнула к своему деверю, – писал он. – Это не случайность: врач дал Джеки большую дозу транквилизаторов и велел обоим братьям держаться с ней рядом на случай, если она запнется. Кэролайн и Джону-младшему дали детские транквилизаторы, чтобы дети не перевозбудились»9 .

Миссис Кеннеди дала резкую отповедь этой заметке через свою подругу, вашингтонскую светскую львицу Флоренс Махони, которая «позвонила мне сообщить, что Джеки очень недовольна, – писал Пирсон. – Флоренс сказала, что Джеки назвала все это ложью и очень расстроена». Пирсон признавался в дневнике, что сожалеет об этой заметке, во всяком случае, о том, что позволил себе написать в такой форме. Сам сюжет, по его словам, раздобыл Джек Андерсон, его помощник-репортер. «Мне

следовало подумать дважды, прежде чем браться за этот материал, – рассуждал Пирсон. – Я позвонил Джеку, который написал эту заметку, и тот поклялся, что все чистая правда. Я не вполне уверен». Заметка рассердила также и Роберта Кеннеди, который отменил назначенное ранее интервью. Пресс-секретарь Кеннеди Эд Гутман «позвонил мне по поручению Бобби Кеннеди передать, что тот мной недоволен и не желает со мной видеться»,10 – сказал Пирсон.

Договор с издательством Harper Row предоставлял Уильяму Манчестеру три года на написание книги11. По его словам, он с самого начала опасался, что не успеет закончить ее вовремя. Но по сравнению с этим сроком комиссии Уоррена было отпущено куда меньше времени. Сотрудники комиссии постоянно испытывали давление со стороны председателя Верховного суда, подгонявшего их с выполнением работы. Уоррену казалось, что расследование «занимает чертовски много времени», пишет Альфред Голдберг. «Сотрудники хотели вернуться к своей обычной работе, Уоррен – к себе в суд»12.

В апреле Рэнкин поручил Голдбергу подготовить окончательный вариант отчета, а также служебную записку для сотрудников с рекомендациями по единому стилю письменного изложения. Он хотел также, чтобы Голдберг написал краткое вступление к отчету, определив его задачи и общий тон.

В служебной записке о стиле Голдберг рекомендовал адресовать отчет комиссии широкой публике. «Надо стремиться к максимальной ясности и внятности, используя простой и прямой язык», – писал он. Большую часть отчета, по его мнению, должно было составить повествование – подкрепленная документами хронология убийства и событий после него. Отчет мог занять сотни страниц, «и мне кажется, что было бы чересчур требовать от читателей, среди которых далеко не все юристы или хотя бы историки, чтобы они искали ускользающую нить сюжета среди пятисот страниц анализа»13 .

Со времен своего балтиморского детства Голдберг был убежден, что серьезную историю лучше всего подать как занимательную историю, но непременно строго держаться фактов. Его карьера историка, как он

утверждал, началась с книг Джорджа Альфреда Хенти, английского писателя XIX века, написавшего более сотни исторических романов для детей: эти романы «охватывали всю мировую историю» начиная с Древнего Египта. Годам к двенадцати Голдберг, по его подсчетам, «прочел книг пятьдесят или шестьдесят из них».

Голдберг советовал Рэнкину включить в отчет комиссии специальный раздел о «версиях и слухах» и опровергнуть в нем многочисленные теории заговора, распространяемые Марком Лейном и другими. «Этот раздел продемонстрирует, что комиссия в курсе подобных проблем и обратила на них должное внимание, – пояснял Голдберг, с оговоркой, однако, что главка о “слухах” должна быть короткой. – Подробно вникать в эти вопросы значило бы уделять им более внимания, чем они того заслуживают».

16 марта Голдберг предъявил Рэнкину первый вариант вступления:

«Убийство президента Джона Ф. Кеннеди в Далласе, штат Техас, 22 ноября 1963 года, потрясло и повергло в скорбь народ Соединенных Штатов и большинство народов Земли. Через несколько часов после этого злодеяния полиция Далласа арестовала, а затем и предъявила обвинение в убийстве Ли Харви Освальду, который за это время успел, как предполагается, застрелить насмерть далласского полицейского Джея Ди Типпита. Утром 24 ноября 1963 года Освальд в свою очередь был смертельно ранен, когда находился под стражей в полицейском управлении Далласа. Убийство Освальда породило множество слухов, версий, спекулятивных рассуждений, угрожавших затуманить или исказить истинные факты об убийстве президента Кеннеди»14 .

Набросок Голдберга был распространен среди членов комиссии, и некоторые из штатных юристов отреагировали на него с большим неудовольствием. Они утверждали, что отчет должен быть похож на судебное решение, насыщенное актами, или на статью из юридического журнала – такой стиль был им всего ближе – и должен сосредоточиваться на показаниях свидетелей и заключениях экспертов, которыми

устанавливалось, что единственным убийцей президента был Освальд. Голдберг предвидел такую реакцию, особенно среди молодых юристов. «Это все были успешные выпускники лучших школ права, очень самонадеянные»15 , – вспоминал он. Их учили писать сухие юридические заключения, а не легко усваемую историю, которую предпочел бы Голдберг.

Из всего состава комиссии наиболее враждебно к предложению Голдберга отнесся Дэвид Белин. «Из общих соображений я полностью отвергаю предложенный план, – писал Белин, прочитав черновой вариант Голдберга. – Считаю важным, чтобы отчет готовили юристы, работавшие в соответствующих областях, и готовили его по стандартам юридического документа, а не исторической дискуссии. По возможности отчет должен строиться на фактах. Мнений и выводов в нем должно быть по минимуму и только те, которые несомненно доказываются фактами»16 .

Голдберг не сдавался. 24 апреля он составил еще одну служебную записку Рэнкину со страстным призывом строить отчет как легкочитаемый рассказ об убийстве. В этой записке он без особой деликатности отметал возражения Белина и других молодых сотрудников комиссии: «Отчет должен стать повествованием, и пусть сотрудники комиссии помнят, что отчет предназначен для широкой публики, а не для юристов»17 .

Глава 33

Офис комиссии

Вашингтон

апрель 1964 года

Дэвид Слосон понимал, почему Сильвия Дюран может отказаться говорить. Если сообщения из Мексики соответствовали истине, то на правительство Соединенных Штатов ложилась ответственность за грубое обращение с этой женщиной, поскольку первый раз ее арестовали по требованию резидентуры ЦРУ в Мехико. Синяки по всему

телу – еще не самое страшное: у Сильвии после жесткого допроса в мексиканской тайной полиции случился нервный срыв. Слосон предполагал, что «ее пытали – наверное мы этого не знали, но имели существенные основания подозревать». Именно поэтому, как он догадывался, мексиканское правительство препятствовало встрече сотрудников комиссии со свидетельницей. «Я попросту думал, что они дурно обошлись с ней и не хотят, чтобы это стало известно»1 .

По возвращении из Мехико Слосон начал давить на ЦРУ, требуя помочь ему организовать встречу с Дюран за пределами Мексики. Он перечитал новый отчет о допросе, переданный ему ФБР в Мехико – там все еще оставалось множество лакун. Правительство Мексики не представило точную запись каждого слова Дюран: то, что мексиканцы передали ФБР, было в лучшем случае кратким изложением – за подписью Дюран – ее показаний. Она настаивала, что ничего не знала о намерении Освальда убить Кеннеди. Слосон вспоминал, что подумал тогда: вот если бы Дюран написала это заявление собственноручно, тогда бы он еще поверил. Но заявление было напечатано на машинке, то есть, скорее всего, женщине попросту сунули на подпись заранее заготовленный текст. «Все из вторых рук, – вздыхал Слосон, – и этого было явно недостаточно».

Заочно у Слосона и Коулмена сложилось благоприятное впечатление от Дюран. Какими бы ни были ее политические взгляды, она была, по слухам, умна и отважна. «Судя по тому, что мы о ней слышали, это была женщина с характером, – говорил Слосон. – Не припомню, откуда мы с Биллом это взяли – может быть, читали между строк, – но у нас появились какие-то причины считать ее честным парнем». Слосон надеялся, что в Вашингтоне Дюран расскажет все то, о чем боялась откровенничать в Мехико. И даже если она собиралась придерживаться показаний, которые дала мексиканским полицейским, все равно, по мнению Слосона, комиссии стоило лицом к лицу удостовериться в ее правдивости. «Несомненно, имелся шанс услышать от нее больше подробностей, особенно если бы она нам доверилась, – рассуждал Слосон. – И если бы мы ее не били».

Прежде всего, вспоминал он, требовалось установить местонахождение Дюран. Ее муж Горацио, спасая жену, укрыл ее в каком-то убежище и никого к ней не подпускал. «Мы не могли подобраться к ней, ЦРУ не могло, никто не мог, – вспоминал Слосон. – Она надежно спряталась».

А ее муж был «зол как черт» из-за того, как с ней обошлись.

Слосон не помнил в точности, когда именно он получил это известие, но через несколько недель после его возвращения из Мексики Рей Рокка доложил, что ЦРУ установило контакт с Дюранами и рассчитывает, что Сильвия согласится приехать в Вашингтон. Слосон запомнил, как Рокка радовался этой новости – «он был прямо-таки в восторге», предлагал помочь с организацией этой поездки. Рокка спросил, желает ли комиссия, чтобы ЦРУ сделало следующий шаг и договорилось с Дюран о поездке – возможно, в сопровождении мужа. «Мы с Биллом и минуты не думали, сразу же сказали: “Да, да!”» – вспоминал Слосон.

Он обрадовался, что появился шанс побеседовать с женщиной, которая лучше всех – вероятно, лучше даже Марины Освальд – знала, какие мысли занимали Освальда в последние недели перед тем, как тот убил Кеннеди. Слосон догадывался, что для Освальда Дюран оказалась родственной душой. Она тоже придерживалась социалистических убеждений, была, как и он, сторонницей Фиделя Кастро. Она могла общаться с Освальдом по-английски и, видимо, вполне искренне пыталась помочь ему получить визу для поездки на Кубу. Она ему «очень, очень симпатизировала», говорил Слосон.

Слосону запомнилось, как он передал Рэнкину хорошие новости из ЦРУ насчет Дюран и попросил разрешения приступить к подготовке ее визита в страну. «А Ли ответил: “Я поговорю с шефом”». Типично для Рэнкина: не принимать такие решения самостоятельно, даже если решение напрашивалось само собой. Слосон вспоминал: «Он ничего не решал без согласия шефа».

Решение Уоррена оказалось неожиданным и обескураживающим. Рэнкин вернулся с ответом: «Шеф сказал “нет”». Слосон был ошеломлен: в беседе с Дюран отказано.

Привел ли Рэнкин убедительное объяснение такого решения Уоррена, Слосону не запомнилось. По всей видимости, председатель Верховного суда счел, что сочувствие Кастро и поддержка социализма (Дюран сама называла себя социалисткой, но отрицала на допросе у мексиканцев принадлежность к коммунистам) дисквалифицируют ее как свидетеля. По таким же соображениям Уоррен ранее препятствовал Слосону

запрашивать у кубинского правительства материалы по Освальду, но тот запрет Слосон на свой страх и риск проигнорировал.

Сообщив решение Уоррена насчет Дюран, Рэнкин постарался смягчить удар, сказав Слосону, что «решение неокончательное» и Слосон может обратиться напрямую к Уоррену, если в самом деле считает необходимым допросить Дюран.

Слосон просто не понимал, как можно упускать возможность побеседовать с Дюран. «Какая глупость!» – думал он. Подобно тому как его коллеге Арлену Спектеру требовались фотографии вскрытия Кеннеди и рентгеновские снимки, чтобы как следует выполнить свою работу и реконструировать события на Дили-Плаза, так и Слосону необходимо было поговорить с Дюран, чтобы комиссия могла окончательно исключить версию иностранного заговора. И ведь комиссия не обязана принимать на веру ничего из показаний Дюран, уточнял он. «Мы не были вынуждены полагаться на ее слова, – говорил Слосон, – но и с врагом нужно поговорить, если есть такая необходимость».

Он ответил Рэнкину, что хочет как можно скорее увидеться с председателем Верховного суда, и призвал на помощь Говарда Уилленса, который «целиком и полностью поддерживал» план доставить Сильвию в Вашингтон. В глазах Слосона и некоторых других штатных юристов Уилленс стал теперь лучшим ходатаем, куда более полезным, чем Рэнкин. Ходили слухи, что за закрытыми дверями Уоррен выказывал недовольство нахальством Уилленса. «Он считал, что Говард не проявляет достаточного уважения, – рассказывал Слосон. – Говард был, возможно, единственным, кто позволял себе выразить несогласие с шефом». Уоррен подтвердил это мнение спустя много лет, сказав: «Уилленс все время критиковал меня с тех самых пор, как перешел к нам» (из Министерства юстиции).

Слосону запомнилось, как он нервничал перед встречей с начальником. Председатель Верховного суда появлялся в офисе комиссии практически каждый день, но по-прежнему очень мало общался с молодыми юристами, не поощрял разговоров накоротке. «Он был председателем Верховного суда Соединенных Штатов и не позволял никому фамильярничать, – вспоминал Слосон. – Попробуй-ка – и он тебя сразу поставит на место». И все же Слосон и Уилленс сразу же добились аудиенции, и Слосону запомнилось, как приветливо принял их Уоррен, с улыбкой проводил

обоих коллег в свой кабинет. «Он предложил нам сесть, и мы сели, а затем изложили ему свое дело».

Слосон объяснил, почему Дюран может оказаться ценным свидетелем: возможно, она даст какую-то информацию об Освальде, которую побоялась сообщить мексиканской полиции. Он считал вероятным, что мексиканская полиция запугала Дюран и даже пытала ее, чтобы принудить к молчанию, а иначе она бы раскрыла подробности, указывающие, что на мексиканской почве созревал заговор.

Ведь от разговора с ней мы ничего не теряем, убеждал Слосон Уоррена. «А могли бы и приобрести что-то ценное».

Уоррен без колебаний отрезал: нет, он не изменит своего мнения. Никаких встреч с Дюран. Слосону в точности запомнились слова Уоррена: «Коммунистам верить нельзя, – сказал Уоррен. – Мы не разговариваем с коммунистами. Нельзя положиться на то, что убежденная коммунистка расскажет нам правду – так в чем смысл разговора?»

Больше он никаких доводов слушать не стал. «Высказал нам свое мнение, и на этом точка», – вспоминал Слосон. В Верховном суде Уоррен заслужил репутацию защитника прав левой оппозиции, в том числе и коммунистов, но на этот раз «он следовал стереотипу коммунист – воплощенное зло» и в эту категорию, очевидно, поместил Сильвию Дюран.

Из кабинета Уоррена Слосон вышел, понимая, что проиграл. Ему запомнилось, как, обернувшись к Уилленсу, он сказал: «Господи, какое разочарование, какая ошибка!» Но он понимал, что ничего больше сделать не в силах – разве что подать в отставку, а такой ход Слосон никогда не рассматривал всерьез.

Спустя десятилетия Слосон признавался, что решение Уоррена насчет Дюран так и осталось для него загадкой. «Это же нелепо, что мы не стали ее допрашивать». Он подумывал, не основывалось ли это решение на политическом расчете: Уоррен, возможно, опасался, как бы те, кто критиковал деятельность комиссии справа, не осудили его за то, что он прислушивается к показаниям коммунистки. Больше, по словам Слосона, его беспокоила мысль, что на Уоррена могли оказать тайное давление и вынудить его оставить Дюран в покое. В свете того, что стало Слосону

позднее известно о деятельности ЦРУ, он подозревал, хотя и не мог доказать, что эта организация попросила Уоррена обойтись без встречи с Дюран. Рокке Слосон доверял и считал, что тот искренне предлагал помочь и доставить Сильвию в Вашингтон. Но других, вышестоящих сотрудников ЦРУ, по мнению Слосона могла испугать перспектива каких-то открытий насчет Освальда или насчет американских разведывательных операций в Мехико.

Позднее Слосон узнал, что ЦРУ оказывало давление на Уоррена в связи с другим потенциальным свидетелем-иностранцем – Юрием Носенко, перебежчиком из СССР. В июне Уоррен имел частную встречу с Ричардом Хелмсом, заместителем директора ЦРУ, и выслушал от него просьбу не упоминать Носенко в заключительном отчете комиссии. Хелмс «отвел меня в сторону и сказал, что ЦРУ пришло к окончательному выводу: этот перебежчик – подсадная утка», вспоминал Уоррен2 . Уоррен согласился выполнить просьбу, хотя комиссии даже не предоставили возможности провести допрос Носенко или хотя бы передать ему через агентов ЦРУ вопросы в письменном виде. «Я был твердо убежден в том, что наши выводы ни в коем случае не могут основываться на показаниях русского перебежчика», – пояснял Уоррен. Носенко, как и Дюран, не заслуживал доверия – эти двое могли и солгать.

Сотрудники комиссии стали уже задумываться о том, как составить и написать отчет. Уилленс разослал им служебные записки с перечнем «провисших концов» – многие нерешенные вопросы касались иностранного заговора, то есть находились в ведении Слосона. Это ни в коем случае не бросало тень на работу Слосона, оговорился Уилленс. Напротив, этот перечень показывал, сколь трудная задача – доказать или опровергнуть существование заговора на основании порой расплывчатых, а порой и противоречивых улик.

Хотя собранный материал вполне ясно указывал, что Кремль ни к чему не причастен, Слосон в апреле решил запросить у ФБР и ЦРУ более подробную информацию о пребывании Освальда в Советском Союзе, в том числе доказательства содержавшегося в «Историческом дневнике» Освальда сообщения, что вскоре после прибытия в Советский Союз в октябре 1959 года он покушался на самоубийство. Освальд писал,

что пытался лишить себя жизни, после того как советские власти первоначально отказали ему в праве остаться в стране. «Я решил покончить с этим, – писал он в записи от 21 октября. – Окунул запястья в холодную воду, чтобы притупить боль. Затем резанул по левому запястью и погрузил руку в ванну с горячей водой». Часом позже его обнаружил советский гид и отвез в больницу, где ему «на запястье наложили пять швов».

Слосон полагал, что этот рассказ мог быть и ложью, что попытка самоубийства составляла часть операции КГБ по прикрытию Освальда и давала ему возможность на некоторое время скрыться и пройти обучение на шпиона. Комиссия не вправе была игнорировать такую версию. В протоколе вскрытия Освальда упоминался шрам на левом запястье, но Слосон хотел убедиться, что рана действительно была настолько глубока и опасна, что предполагала попытку самоубийства. Поскольку за сбор медицинских улик отвечал Спектер, Слосон в служебной записке просил его выяснить у далласских патологоанатомов подробности об этом шраме: «Если эпизод с самоубийством был выдумкой, то время, которое Освальд якобы провел на лечении в московской больнице, он мог на самом деле находиться в каком-нибудь укрытии русской тайной полиции, где ему промыли мозги, натренировали его и т. д.»3 . Слосон знал, что ЦРУ весьма заинтересовано проверить эту историю с попыткой самоубийства и уже предлагало провести эксгумацию и повторный осмотр шрама. Тогда ФБР воспротивилось этому предложению, и ЦРУ отступилось, не желая давать пищу теориям заговора.

В ту весну Мехико не выходило у Слосона из головы. Наведавшись в этот город в апреле, он направил затем в ФБР список из десятков новых вопросов, ответы на которые комиссия надеялась отыскать в Мексике. Он просил ФБР составить подробную калькуляцию, сколько денег Освальд мог потратить в Мехико, вплоть до расходов на покупку шести открыток с картинками, которые нашлись среди его вещей после убийства. Поскольку имелось сообщение, что Освальд побывал на корриде, Слосон требовал от ФБР установить «стоимость билета на бой быков в тот ряд, где предположительно сидел Освальд». Задача, по словам Слосона, заключалась в том, чтобы определить, пришлось ли Освальду просить у кого-то деньги на расходы во время этого путешествия.

У Слосона оставалось также немало вопросов по поводу «другой

Сильвии» – Сильвии Одио, той женщины из Далласа, которая якобы видела Освальда в компании участников сопротивления режиму Кастро. Слосон был убежден, что ФБР поспешило отмахнуться от этого рассказа. В служебной записке коллегам от 6 апреля Слосон сообщал, что его расследование показало: «Миссис Одио является разумным и уравновешенным человеком». В нем росла уверенность, что Сильвия Одио рассказала правду – во всяком случае, так, как она ей представлялась. Велика вероятность того, что «миссис Одио откажется от прежних показаний не потому, что разуверилась в них, но потому, что напугана»4 .

ФБР ответило, что не сумело разыскать двух латиноамериканцев, которые якобы явились в дом к Одио вместе с Освальдом, но это не смутило Слосона: он полагал, что эти двое прячутся, опасаясь обвинения в причастности к убийству, и что, возможно, они пытались запугать Одио и принудить ее к молчанию. «За это время они вполне могли оказать давление на миссис Одио или угрозами вынудить ее молчать».

Слосон планировал весной поехать в Даллас, в том числе и ради встречи с Сильвией. В рамках подготовки к поездке его коллеге Берту Гриффину, находившемуся в Техасе, поручили допросить свидетелей, которые могли бы подтвердить рассказ Одио, в том числе и ее психиатра Бертона Эйншпруха. Гриффин отыскал Эйншпруха в больнице Паркленда, в том самом медицинском учреждении, которое уже не раз фигурировало в ходе расследования в Далласе. «Эйншпрух заявил, что полностью доверяет рассказу миссис Одио о ее встрече с Ли Харви Освальдом», – докладывал Гриффин. Психиатр припомнил, как пациентка еще до убийства рассказывала ему о встревожившей ее встрече с тремя незнакомцами, среди которых был человек, которого она затем опознала как Освальда. «Описывая личность миссис Одио, доктор Эйншпрух указал, что она склонна к преувеличениям, но в целом сообщаемые ею факты обычно соответствуют действительности, – писал Гриффин. – Склонность к преувеличению соответствует ее эмоциональному типу, присущему многим латиноамериканцам, и преувеличение не означает искажения фактов»5 .

Заявление Одио привлекло внимание и других юристов в штате комиссии. Слосон был настолько поглощен другой работой в Вашингтоне, что не стал возражать, когда Уэсли Либлер, ставший его близким другом, предложил взять на себя разговор с Одио во время запланированной им поездки

в Даллас. У Либлера имелся тут свой интерес: судя по фотографиям, переданным комиссии из отделения ФБР в Далласе, миссис Одио внешностью не уступала какой-нибудь модели. В Далласе Либлеру предстояло побеседовать также и с Мариной Освальд, а та тоже была красавицей.

Глава 34

Офис комиссии

Вашингтон

май 1964 года

Уэсли «Джима» Либлера сравнивали со стихийным бедствием. Истинный свободолюбец, склонный пренебрегать любыми навязанными ему правилами и еще более склонный их нарушать. В политике он считал себя консерватором-республиканцем. Он терпеть не мог коммунистов и откровенно высказывался по этому поводу. В комиссии ходили слухи (скорее всего, ложные), что Джим принадлежал к ультраконсервативному Обществу Джона Берча. Рэнкину Либлер запомнился как «крайний консерватор, попавший в теплицу нашей преимущественно либеральной комиссии. Довольно скоро он начал возмущаться многими сотрудниками»1 . В особенности Либлера раздражал Норман Редлик, такой же крайний либерал в политических вопросах, каким Либлер был консерватором. «Наши с мистером Редликом политические взгляды расходились принципиально», – признавал впоследствии Либлер2 .

В глазах многих членов комиссии Либлер был очаровательным хулиганом. Спустя десятилетия кое-кто все еще отзывался о нем как об одном из самых замечательных и запомнившихся сотрудников – стоило упомянуть его имя, и на лицах проступала лукавая усмешка. По словам Слосона, это был «сорвиголова», человек, плевавший на любые авторитеты. Для начала он потребовал сменить некомпетентных секретарей комиссии. Гриффин вспоминает, что в политических вопросах они с Либлером «цапались непрерывно» и Либлер не стеснялся выражать

свое несогласие во весь голос. «Но при всей агрессивности сердце у него было доброе, – говорил Гриффин. – Даже когда в пылу спора он обзывал тебя идиотом, он делал это так, что ты себя идиотом не чувствовал». По его мнению, «Либлер был очень внимателен к людям»[3] .

У других сотрудников сохранились не столь нежные воспоминания. Спектер считал Либлера очень умным, но вспыльчивым, «порохом», который мог взорваться по самому нелепому поводу. Он вспоминал, как они с Либлером пошли перекусить в «Монокль», популярный ресторан на Капитолийском холме неподалеку от офиса комиссии, и там, к изумлению Спектера, его коллега закатил скандал лишь потому, что яйцо в рагу из солонины оказалось недостаточно жидким. «Требовательным, оскорбительным тоном он подозвал официанта и заявил: “Черт побери, когда беретесь варить яйцо для рагу из солонины, оно должно истекать желтком”».

Уоррен, по воспоминаниям некоторых сотрудников, выражал неприязнь к Либлеру вполне откровенно. Через несколько месяцев после начала расследования Либлер совершил нечто немыслимое для тогдашней юридической компании и государственного учреждения: он начал отращивать бороду. «Огромную, красивую бороду ярко-рыжего цвета, – вспоминал Рэнкин. – Председатель Верховного суда от этого с ума сходил»[4] . Уоррен так прогневался, что велел Рэнкину передать Либлеру требование сбрить бороду. Рэнкин, по его словам, пытался отговорить Уоррена. «Я сказал: “Слушайте, он вправе делать со своими волосами, что считает нужным, и если решил отрастить бороду, это его право”». Спектеру запомнилось, как он счел это лицемерием со стороны Уоррена: «великий борец за равенство и гражданские права» сердится из-за того, что Либлер вздумал отрастить щетину на лице. Уоррен, однако, наложил на бородача наказание: как запомнилось Спектеру, он на какое-то время «изгнал» Либлера на другой этаж в здании Организации ветеранов зарубежных войн.

Либлер шокировал коллег рассказами о своих похождениях в Вашингтоне с разными женщинами, о долгих ночных кутежах и попойках, зачастую приглашал их присоединяться. Сексуальная революция 1960-х годов шла уже полным ходом, и хотя у Либлера оставалась в Нью-Йорке жена, он не собирался ничего упускать. «Сумасшедший охотник на женщин», – отзывался о нем Слосон.

«Он готов был на все, абсолютно на все, – вспоминал Гриффин, радостно возвращавшийся каждый вечер к жене. – Я-то живу как пуританин. А Либлер, при всем его политическом консерватизме, в других вопросах отнюдь не проявлял консерватизма». В выпивке «он не знал удержу», говорил Гриффин. Его ночные похождения ни для кого не были тайной, поскольку «он все время об этом рассказывал». Однако, по мнению коллег, ночная деятельность Либлера никак не отражалась на его работе, и по утрам он возвращался в офис, подзарядившийся благодаря ночным приключениям энергией. И алкоголь тоже на нем не сказывался, возможно, потому, что он «был крупный малый, ростом за метр восемьдесят и весил килограммов девяносто, если не сто», говорил Гриффин.

Возможно, в браке Либлера не все обстояло благополучно, однако он не скрывал любви к обоим сыновьям, остававшимся с матерью в Нью-Йорке, пока сам Либлер работал в Вашингтоне. Годы спустя старший из сыновей, Эрик, выразил готовность простить отцу прегрешения, поскольку сын восхищался этим «человеком, проживавшим каждый чертов день» так, словно этот день для него – последний. «Каждый день он старался сделать что-то интересное, что-то важное, что-то ценное»5 .

Наиболее счастлив – и наиболее продуктивен – Либлер бывал тогда, когда ему удавалось укрыться в принадлежавшем его семье летнем доме, на тридцати гектарах поместья в Вермонте, в предгорьях национального парка Грин-Маунтинс. Согласившись работать в комиссии, он выпросил у Рэнкина разрешение раз в несколько недель летать в Вермонт за казенный счет, чтобы там работать и приводить мысли в порядок. Рэнкин согласился, вероятно, не подозревая, что Либлер способен прихватить с собой полный кейс секретных документов и читать в самолете на виду у всех, – потом это ударит по ним обоим.

Старшим напарником Либлера в «команде по Освальду», как стали называть это подразделение комиссии, был Альберт Дженнер, известный специалист по тяжбам из Чикаго. Их отношения не сложились с самого начала, эти двое едва выносили друг друга и после первых недель совместной работы почти не разговаривали. «В конце концов я решил делать свое дело, взялся и практически со всей работой справился сам», –

утверждал Либлер[6]. По мнению Спектера, слишком уж разные это были люди. Либлер был современным воплощением Фальстафа, а «Берт Дженнер был известный сухарь», рассказывал Спектер, вспоминая, как за общей трапезой Дженнер просил, чтобы ему подавали еду без приправы и соуса. «Он и салат ел без заправки»[7].

Обязанности в «команде по Освальду» распределили так, чтобы этим двоим практически не приходилось пересекаться. Либлер сосредоточился на вопросе о мотиве, а Дженнер искал доказательства предполагаемого заговора внутри страны, в том числе проверял контакты Освальда с различными людьми в США после возвращения того из СССР в 1962 году.

У себя в Чикаго Дженнер пользовался большим уважением. Он был одним из самых высокооплачиваемых юристов в стране, одним из первых, кто начал выставлять корпоративным клиентам счета по сто долларов за час, и клиенты не возмущались такими гонорарами, потому что в суде Дженнер неизменно добивался успеха. Его ценили также группы борцов за гражданские свободы и равные права, потому что в фирме Дженнера всегда считалось, что бедные должны получать юридическую консультацию бесплатно и также бесплатно должны составляться апелляции для приговоренных к смертной казни[8] . В комиссии его ценили как работника: в отличие от других старших юристов Дженнер до конца расследования почти не отлучался из Вашингтона. И все же некоторых из новых коллег Дженнера смущали его стиль работы и страсть к деталям. Альфред Голдберг вспоминал, как ему пришлось читать составленный Дженнером черновой вариант отчета по Освальду, где на 120 страниц приходилось без малого 1200 примечаний, в том числе и совершенно бесполезные, вроде точных координат советского города Минска, где одно время жил Освальд. Также и Спектеру запомнился «бессодержательный» двадцатистраничный отчет Дженнера по Освальду: «Ходили слухи, что по прочтении отчет попросту выбросили в корзину для бумаг»[9] .

Дженнер вполне соответствовал тому типу юристов, с которыми многие из младших сотрудников комиссии сталкивались в собственных юридических компаниях: высокооплачиваемый адвокат, знающий, как убедить присяжных и повлиять на судью, а всю черновую работу по сбору и анализу улик он предоставлял младшим партнерам. Он даже не умел толком излагать свои мысли на бумаге. «Дженнер всех достал, –

вспоминал Слосон. – За его спиной все только глаза в тоске закатывали». Как и другие юристы комиссии, Слосон задавался вопросом, умеет ли Дженнер вообще читать: тот не просматривал записи допросов, а «поручал своему секретарю зачитывать их вслух» – час за часом.

И Либлер, и Дженнер могли пользоваться при расследовании помощью Джона Харта Или, молодого юриста, которому вскоре предстояло приступить к работе в Верховном суде в качестве одного из секретарей Уоррена. Или провел для Дженнера и Либлера несколько расследований, в том числе осмотрел каждый дом, где Освальд жил в детстве и юности, начиная с приюта в Новом Орлеане, куда мать поместила трехлетнего Освальда в 1942 году. Или особо отметил, что миссис Освальд привезла младшего сына в приют на следующий день после Рождества. Если и были какие-то сомнения в том, что Освальд имел основания чувствовать себя перекати-полем, эти сомнения рассеял шестистраничный доклад Или с перечнем семнадцати домов в четырех штатах, от Ковингтона, штат Луизиана, до Бронкса в Нью-Йорке, которые мать Освальда успела сменить за его детство. Случалось так, что всего через несколько недель Освальду и его братьям приходилось менять и адрес, и школу, потому что матери приходило в голову, что в другом месте им будет лучше10.

Затем Или поручили восстановить все этапы военной службы Освальда, которая началась 24 октября 1956 года: через шесть дней после того, как Освальду исполнилось 17 лет, он завербовался в корпус морской пехоты. Или проверил отчеты о пребывании Освальда в тренировочных лагерях, в том числе о трехнедельном обучении стрельбе из винтовки М -1 – стандартного вооружения морских пехотинцев. В декабре 1956 года Освальд сдавал экзамен по стрельбе и был аттестован как стрелок среднего разряда (всего в морской пехоте было три уровня аттестации снайпера, от «меткого стрелка» до «эксперта»).

Или опросил многих сослуживцев Освальда по корпусу морской пехоты. Их отзывы складывались в единый образ необщительного, погруженного в себя юнца: «одиночка» и «пустое место» – таково было общее мнение. В разговорах с другими новобранцами Освальд с готовностью именовал себя марксистом, выражал надежду посетить Советский Союз, а возможно, и эмигрировать туда. Один из сослуживцев припомнил, как Освальд,

изучая русский язык, «проигрывал записи русских песен так громко, что их было слышно и за стенами казармы». Другой сказал, что Освальд именовал сослуживцев «товарищами» и имел обыкновение употреблять в обычном разговоре русские слова «да» и «нет». В итоге его уже в лицо называли «Освальдовичем». А еще один бывший морской пехотинец припомнил, как Освальд размечтался «отправиться на Кубу обучать войска Кастро».

О жизни Освальда за пределами казармы Или наслушался разных отзывов. Имелись противоречивые сообщения о склонности Освальда к выпивке – кто-то видел его пьяным, кто-то считал трезвенником – и о его отношениях с женщинами. Ходили упорные слухи, что Освальд был гомосексуалистом, в особенности потому, что в увольнительных его редко видели с женщинами. Прилипла к нему и другая сплетня, насчет огнестрельного оружия и склонности к насилию. Освальд предстал перед военным трибуналом после того, как поранился из незарегистрированного, приобретенного тайно пистолета 22-го калибра: пистолет выпал из ящика и самопроизвольно выстрелил – пуля попала Освальду в левый локоть. Затем он вновь попал под военный суд из-за драки с начальником-сержантом. Или записал и другие обвинения, которые не были подтверждены, о причастности Освальда к гибели сослуживца, Мартина Шранда. Тот погиб от собственного оружия в январе 1958 года, когда отряд Освальда и Шранда базировался на Филиппинах.

Или удивило, как мало внимания комиссия, а также ФБР и другие следственные органы уделили службе Освальда в морской пехоте. Он рекомендовал разыскать нескольких сослуживцев Освальда и взять у них под присягой показания о том, как вел себя Освальд на протяжении без малого трех лет пребывания в армии. «В корпусе морской пехоты Освальд много размышлял о марксизме, Советском Союзе и Кубе», – писал Или11 .

Дженнер взял на себя расследование прошлого тех жителей Далласа, которые дружили с Освальдом и его семьей: их подозревали в причастности к убийству. Комиссия просила ФБР в особенности разобраться с тремя людьми из этого списка: с Рут Пейн, ее мужем Майклом, жившим отдельно, и с Джорджем де Мореншильдтом, 52-летним

геологом, уроженцем России, которого скорее, чем кого-либо другого в Далласе, можно было назвать другом Ли Освальда.

Супруги Пейн попали под подозрение отчасти из-за либеральных взглядов на международные отношения и гражданские свободы, которые превратили их в изгоев в довольно консервативном пригороде Далласа, где они проживали. В особенности обращал на себя внимание интерес Рут к Советскому Союзу. Она выросла в семье квакеров и с 1957 года изучала русский язык и участвовала в квакерской программе дружбы по переписке с гражданами СССР. По ее словам, именно изучение русского языка сблизило ее с Мариной Освальд: они познакомились на вечеринке, где присутствовало несколько русских эмигрантов, а затем подружились.

В 1962 году брак Пейнов распался, и осенью Майки съехал. В начале 1963 года Рут Пейн пригласила Марину, которая в тот момент нянчила годовалую дочь и вновь ждала ребенка, пожить в ее доме. Ли только что потерял работу и планировал в апреле уехать из Техаса на родину, в Новый Орлеан, попытаться устроиться там. Рут, которая сама имела двоих детей, уговаривала Марину остаться у нее, пока Ли не найдет работу и не сможет перевезти семью в Луизиану. По словам Рут, Марину она пригласила в том числе и затем, чтобы с ее помощью совершенствоваться в русском языке.

Через месяц Марина отправилась вслед за мужем в Новый Орлеан: Рут Пейн сама отвезла ее. Однако в Новом Орлеане найти работу оказалось не легче, чем в Техасе, и осенью Освальды в полном составе вернулись в Даллас. Марина не захотела жить с мужем, пока тот искал работу, снова поселилась с Рут и оставалась в ее доме вплоть до дня убийства. Ли в будние дни жил в пансионе в Далласе, а на выходные приезжал в дом Пейнов в пригородный Ирвинг.

После убийства Пейны привлекли к себе внимание тем, что хотя вокруг бушевал хаос, они оставались до странного равнодушными. Некоторых следователей это навело на мысль, что Пейны знали о планах Освальда заранее. Гай Роуз, детектив из отдела убийств в Далласе, рассказал комиссии, как он был удивлен, когда подъехал к дому Пейнов в день убийства, но еще до того, как Освальд был арестован, и миссис Пейн вышла навстречу и преспокойно заявила: «Я ждала, что вы приедете. Заходите в дом»12 . Позднее мать Освальда Маргерит и его брат Роберт

не раз намекали на причастность Пейнов к убийству президента.

Биография де Мореншильдта словно списана из шпионского боевика времен холодной войны. Этот светский, много знающий, свободно болтающий как минимум на шести языках человек родился в царской России в богатом семействе с аристократическими корнями. Когда власть захватили коммунисты и семье грозили репрессии, родители Мореншильдта бежали в Польшу. В 1938 году де Мореншильдта впустили в Соединенные Штаты, несмотря на подозрения (сохранившиеся в материалах Госдепартамента), что он может оказаться нацистским шпионом. Мореншильдт отрицал какую-либо связь с немецкими нацистами, и это подозрение так и осталось недоказанным. Сначала он поселился в Нью-Йорке и занимался чем придется, в том числе снимал фильмы и работал инструктором по поло. Мореншильдт с легкостью вошел в высшее общество Манхэттена и проводил лето на пляжах Лонг-Айленда. Дженнер и другие юристы комиссии с изумлением обнаружили в списках друзей Мореншильдта по Лонг-Айленду семью Жаклин Бувье, будущей жены президента Кеннеди. «Мы были очень близки, – рассказывал де Мореншильдт о своих отношениях с семейством Бувье. – Виделись ежедневно. Тогда я и познакомился с Жаклин, в ту пору – маленькой девочкой». Будущая первая леди была «очень решительным ребенком, очень умным и очень привлекательным»13 .

Де Мореншильдт переехал в Техас, надеясь составить себе состояние на нефтяном промысле. Для начала он получил в университете Техаса образование инженера и геолога, затем работал нефтяником в разных странах, в том числе в Югославии, Франции, на Кубе и на Гаити, в Нигерии и Гане. Он признавал, что в Техасе в начале Второй мировой войны занимался кое-какой шпионской работой – по просьбе приятеля-француза и в пользу французской разведки. Официально Мореншильдт, как он утверждал, никогда не состоял на службе у французов, но «собирал сведения о людях, участвовавших в прогерманской деятельности», а также старался перебить у немецких компаний сделки по приобретению техасской нефти.

К 1962 году этот человек обосновался в Далласе со своей четвертой женой и здесь через эмигрантов из России познакомился с Освальдами, страдавшими в ту пору от «жестокой нищеты», по выражению Мореншильдта. В особенности он тревожился за Марину: «неприкаянная

душа, живет в трущобах, по-английски ни слова, болезненный с виду младенец на руках, ужасное окружение». За тот год Мореншильдт, как он прикидывал, виделся с Освальдами «десять или двенадцать раз, а то и чаще». Осенью 1962 года он помог Марине на время скрыться от мужа, поскольку узнал, что Ли избил ее, поставил синяк под глазом.

Де Мореншильдту запомнился визит к Освальдам весной 1963 года: Марина показала ему винтовку, только что купленную ее мужем. Над его приобретением она посмеивалась: «Этот сумасшедший идиот только и делает, что палит по мишеням», – сказала она. Мореншильдт спросил Освальда, зачем тот купил оружие. «Люблю пострелять по мишеням», – был ответ. В ту пору техасские газеты пестрели сообщениями о безуспешных поисках стрелка, пытавшегося убить отставного генерала Эдвина Уокера. Оставшийся неопознанным снайпер засел возле дома Уокера в Далласе и выстрелил в него через окно, промахнувшись на несколько сантиметров. Позднее Марина призналась, что уже через несколько часов после этого покушения узнала: в нем виновен ее муж.

Во время того визита Мореншильдт, по его словам, вздумал пошутить насчет покушения на Уокера. «Так это ты промазал по сидячей цели – генералу Уокеру?» – спросил он. «Понимаете, я знал, что Освальд недолюбливает генерала Уокера».

Освальд промолчал, но на его лице появилось «странное» выражение. «Он как-то весь съежился, понимаете, когда я задал этот вопрос».

Дженнер месяцами тщательно изучал материалы ФБР по Пейнам и Мореншильдту, но в конце концов решил, что эти люди не имеют отношения к убийству. Позднее он говорил, что Пейны и Мореншильдты во многих отношениях жертвы Освальда – годами их преследовало подозрение о причастности к убийству, их жизнь была разрушена. Но чтобы убедиться в их невиновности, Дженнер долгими часами допрашивал Пейнов и Мореншильдта под присягой, в особенности проверяя улики, указывавшие, что они могли и догадываться о намерениях Освальда.

Рут Пейн во время ее допроса в Вашингтоне Дженнер спросил напрямую:

– Миссис Пейн, вы состоите в настоящее время или состояли когда-либо прежде в коммунистической партии?

– Я не состою и никогда не состояла в коммунистической партии, – ответила она.

Дженнер зашел с другой стороны:

– Сейчас или когда-либо прежде вы разделяли взгляды, которые мы могли бы охарактеризовать как взгляды коммунистической партии?

– Нет, – ответила она. – Напротив… Мне противен тот раздел коммунистического учения, где насилие объявляется необходимым средством для достижения цели.

Интерес к русскому языку, по словам Рут Пейн, проистекал из ее веры. «Бог призвал меня учить языки», – пояснила она. Русский она выбрала потому, что квакеры старались организовать программы обмена с Советским Союзом.

Рут предлагала Дженнеру и другим членам комиссии задавать ей самые жесткие вопросы, чтобы убедиться в ее правдивости. Она готова была отвечать даже на неприятный вопрос о том, почему ее брак распался.

– Члены комиссии выражали некоторый интерес к этой теме, – признал Дженнер. – Они, видимо, хотели бы определить, кто такая Рут Пейн и, если позволено употребить расхожее выражение, чем она дышит… Так какова же, по вашему мнению, причина вашего развода?

Женщина ответила, что причина проста: ее муж всегда был внимателен и добр, но он ее не любит. Она говорила спокойно, констатируя факт.

– Мы никогда не ссорились, не имели серьезных разногласий, но я хотела жить вместе, а он не был заинтересован в совместной жизни.

Она признала, что за несколько месяцев до убийства начала опасаться, что Освальд склонен к насилию – она знала об избиении Марины, – и также тревожилась, нет ли у него связей с советским посольством в Вашингтоне. Ей попалась на глаза копия письма Освальда в посольство, в котором он упоминал, что ФБР следило за его деятельностью

в Далласе14 .

Так почему же она разрешила ему бывать в доме? Почему, зная все это, помогла Освальду устроиться на работу на склад учебников в Далласе? Дженнер считал вполне приемлемыми ответы Рут Пейн на оба эти вопроса. Она вовсе не хотела пускать Освальда в свой дом каждые выходные. «Я была бы счастлива, если бы он вообще не приезжал». Но Рут пыталась помочь Марине, к тому же ухватилась за возможность усовершенствовать свои знания русского языка. Да и общество Марины было ей приятно: собственный брак распался, «я была одинока». Рут с готовностью признала, что помогла Освальду получить работу на складе учебников, и подробно объяснила, как это произошло. Она пошла выпить кофе с несколькими приятельницами, там присутствовала и Марина, и одна из женщин сказала, что ее брат работает на книжном складе и у них вроде бы появилась вакансия. Марина умоляла Рут позвонить на склад. Вакансия действительно имелась, и в октябре Ли приступил к работе. Пейн утверждала, что понятия не имела об адресе склада – Дили-Плаза.

Почти два дня у Дженнера ушло на то, чтобы выслушать показания де Мореншильдта – несколько часов понадобилось только на то, чтобы продраться сквозь историю его путешествий, начиная с детства в России. Он вроде бы понимал, почему его дружба с Освальдом вызывает наихудшие подозрения, тем более что и сам Мореншильдт вел нетрадиционный, «богемный» образ жизни. «Время от времени возникали те или иные догадки, – сказал он Дженнеру. – Я очень откровенен»15 .

Но чем подробнее Мореншильдт отвечал на вопросы об Освальде, тем более по-человечески понятной становилась эта дружба. Мореншильдт отзывался об Освальде как о «симпатичном парне», который стремился к лучшему, хотя и был «необразованным дикарем». По его словам, Освальды были «несчастные, растерянные, нищие и запутавшиеся». Ему казалось смешным предположение, что Советский Союз или другое государство наняло Освальда в качестве шпиона. «Я бы никогда не поверил, что какое-то правительство может быть настолько глупо, чтобы поручить Ли сколько-нибудь важное дело, – пояснил он. – Нестабильный индивидуум, запутавшийся, необразованный, без опыта. Какое правительство дало бы ему конфиденциальное задание?»

Он сказал, что продолжал жалеть Освальда и после того, как выяснилось,

что тот бьет Марину: «Я не попрекал его за синяк у бабы под глазом». Как он рассказывал, Марина высмеивала мужа в присутствии Мореншильдтов, упоминая в числе его недостатков и отсутствие интереса к сексу. Де Мореншильдт чувствовал в Освальде, как он выразился, «асексуального человека». «Марина выражалась прямо», она заявила Мореншильдтам (и ее муж это слышал): «Он спит со мной раз в месяц, и никакого удовлетворения я от этого не получаю».

Мореншильдт сказал, что и он, и его супруга испытывали большую неловкость от этих откровенных жалоб Марины на ее сексуальную жизнь, и в середине 1963 года прервали дружеские отношения с Освальдами, тем более что Мореншильдт собирался по делам на Гаити. «Мы решили, настало время их бросить, – рассказывал он. – Мы оба решили не видеться больше с ними, потому что нам стало противно подобное обсуждение супружеских отношений в присутствии фактически посторонних людей».

И хотя Мореншильдт не верил, что Освальд мог быть шпионом, время от времени, как он признался, его тревожила мысль, не задумал ли Освальд недоброе. «Он побывал в советской России – он мог оказаться кем угодно», – сказал де Мореншильдт. Он рассказал, что спрашивал другого русского эмигранта, своего приятеля в Далласе: «Как ты думаешь, мы себе не повредим, помогая Освальду?» Друг ответил, что осведомлялся в ФБР насчет Освальда и что у Бюро нет к этому человеку претензий.

Мореншильдт также сказал, что назвал имя Освальда в 1962 году другому своему приятелю, Уолтеру Муру, о котором было известно, что тот «состоит на правительственной службе – то ли в ФБР, то ли в ЦРУ», и Мур даже не намекнул, что Освальд представляет собой опасность. Позднее комиссия установила, что Мур был агентом ЦРУ в Далласе и отвечал за сбор информации от местных жителей, побывавших в коммунистических странах или работавших там16 . Расследование не обнаружило доказательств контакта Мура с Освальдом, но установленный комиссией факт близкого знакомства Мура с Мореншильдтом еще многие годы будет использоваться как доказательство в пользу теории заговора.

Глава 35

Офис комиссии

Вашингтон

май 1964 года

На поздних ужинах для сотрудников комиссии Спектер и кое-кто еще из молодых юристов начали посмеиваться над членами комиссии. Шутили насчет «Белоснежки и семи гномов» – в качестве гномов выступали Уоррен и члены комиссии, а «роль Белоснежки отводилась то Марине, то Жаклин Кеннеди», вспоминал Спектер. «Уоррен был Ворчуном», а конгрессмен от штата Луизиана Боггс – Весельчаком, потому что порой являлся в офис комиссии, «пропустив днем несколько коктейлей»1 . Даллес, по мнению Спектера, годился либо на роль Сони, либо на роль Простачка, поскольку бывший начальник шпионов казался странным, порой едва вменяемым.

Слосон, из всех штатных юристов наиболее тесно сотрудничавший с Даллесом, полагал, что в 71 год у того начали проявляться признаки маразма и что этот процесс ускорился из-за унизительной публичной отставки из ЦРУ в результате катастрофы в заливе Свиней2 . На слушаниях комиссии Даллес часто засыпал, подагра у него с каждым месяцем расследования все более обострялась. Когда Малькольм Перри, врач из отделения неотложной помощи больницы Паркленда в Далласе, явился в марте в офис комиссии давать показания, Даллес отвел его в сторону и спросил, не посоветует ли Перри, как лечить больные ноги.
«К сожалению, это не моя специальность», – ответил ему изумленный Перри.

Со временем Спектеру пришлось согласиться с мнением Слосона: Даллес мог и позабыть многое из того, что ему было известно об операциях американской разведки против Кастро и других зарубежных противников, которые могли из мести желать смерти Кеннеди. Возможно также, предполагал Спектер, что Даллес никогда и не был посвящен в наиболее строго охраняемые тайны агентства: заместители могли скрывать от него информацию, вероятно, по его же приказу, чтобы директор мог правдоподобно все отрицать. Когда Даллес вошел в комиссию, «все

считали его умником, рассказывал Спектер, а он оказался ничтожеством».

Сам того не желая, Даллес порой веселил сотрудников комиссии во время самых скучных заседаний. Спектеру запомнилось, как он едва не расхохотался, когда, рассматривая содержимое пробирки с двумя металлическими крошками, извлеченными из тела Кеннеди, Даллес прервал эту процедуру потрясающим заявлением: в пробирке не два фрагмента, а четыре. Присутствовавший на заседании агент ФБР «ринулся к нему с другого конца стола проверить содержимое пробирки», вспоминал Спектер. «Агент схватил две крошки и раздавил их пальцами.

– Мистер Даллес, – сказал измученный агент, – это крошки табака из вашей трубки»3 .

И не один только Спектер, по его воспоминаниям, зафыркал, когда Даллес спутался, выслушивая показания доктора Джеймса Хьюмса, патологоанатома из Бетесды. Объясняя, что сталось с одеждой Кеннеди, Хьюмс показал, что галстук на президенте разрезали, чтобы облегчить дыхание. Согласно стандартной процедуре, заявил врач, галстук разрезали слева от узла. «Даллес в это время, видимо, отвлекся или задремал», предполагал Спектер, потому что, когда Хьюмс предъявил два куска явно дорогого галстука от Christian Dior с синим узором, Даллес, порой выражавшийся в манере директора английской закрытой школы, в изумлении воскликнул: «Бог ты мой, он нацепил пристежной галстук!» Обрезки Даллес принял за галстук на резинке.

Но Даллес хотя бы не жалел времени, выслушивая ключевых свидетелей. Про большинство членов комиссии и этого сказать было нельзя. По мнению Спектера, многие из них не ознакомились даже с основными фактами по делу. «Думаю, члены комиссии мало что знали о нем». Уоррен и другие члены комиссии никогда не приглашали младших юристов на свои начальственные заседания, а на редкие встречи со штатными сотрудниками большинство членов комиссии, по словам Спектера, «являлись и просто сидели – ни вопросов, ни предложений. Мы вели следствие самостоятельно».

Мало кто из штатных юристов критиковал Уоррена столь гневно, как Спектер. Он всегда оговаривался, что в качестве председателя Верховного суда Уоррен был незаменим: «с глубоким чувством

справедливости… совесть нации». Но столь же глубокого интеллекта Уоррену, как считал Спектер, недоставало. «Уоррен был слабоват как юрист. Отнюдь не блестящий. Даже не слишком умный». И упрямство Уоррена, и его нетерпеливость, а хуже всего, неколебимая лояльность по отношению к Кеннеди только мешали расследованию. Спектер считал, что Уоррен порой срезает углы при расследовании, торопит, а в результате могут возникнуть новые теории заговора. Поскольку Уоррен почти сразу же уверился, что Освальд действовал в одиночку, «дальше ему все было очевидно». Подход Уоррена был прост: поскорее бы покончить с этим проклятым делом, рассказывал Спектер. «Уоррен хотел сделать все как можно быстрее».

Спектеру казалось, этот подход значительно усложняет работу юристов, тем более что Ли Рэнкин не хотел ни в чем противостоять председателю Верховного суда. Молодые юристы пытались обойти самые неудачные распоряжения Уоррена или переубедить его ради спасения репутации самого же председателя. «Мы чувствовали себя опекунами Уоррена, – вспоминал Спектер. – Уоррен совершал кучу ляпов, а мы следили, чтобы он до беды не довел. Нехорошо так говорить? Что поделать, это правда».

Столь же нелестно отзывался Спектер и о некоторых штатных юристах, особенно о тех, кто редко появлялся в Вашингтоне. Дэвида Слосона он почти не знал, но слышал, что напарника Слосона, Коулмена, практически невозможно застать на месте. «Понятия не имею, делал ли Билл хоть что-нибудь»[14]. Спектер считал, что основная следственная работа была осуществлена всего лишь четырьмя юристами – им самим, Дэвидом Белином, Джозефом Боллом и Норманом Редликом. «Когда доходило до дела, оставались Белин, Болл, Редлик и я», – утверждал Спектер. Он восхищался также работой Говарда Уилленса, заместителя Рэнкина, хотя среди сотрудников и ходили слухи, будто Уилленса внедрили в комиссию лишь затем, чтобы снабжать информацией Роберта Кеннеди, возглавлявшего Министерство юстиции.

Худшим из решений Уоррена Спектер считал упорный отказ предоставить сотрудникам комиссии возможность ознакомиться с фотографиями вскрытия президента. По мнению Спектера, примитивные наброски, сделанные специалистом по фотороботам из Бетесды и якобы

изображавшие раны Кеннеди, были бесполезны. «Они неточны, они создают ложное впечатление». Всю весну Спектер уговаривал Рэнкина добиться от Уоррена пересмотра этого решения. «Я бился с Рэнкином насмерть». Одному из коллег Спектера запомнилось, как тот выходил с такой встречи в слезах. Сам Спектер слезы отрицает, но и ему «запомнились долгие, ожесточенные споры»4.

Дэвид Белин рассказывал, как однажды за совместным со Спектером ужином в ресторане «Монокль» предложил вместе уволиться в знак протеста из-за этих фотографий. Такой поступок, как они оба понимали, мог бы навлечь неприятности на комиссию и на самого Уоррена. Белин, по его словам, злился не меньше, чем Спектер: его возмущало, что для председателя Верховного суда важнее уберечь частную жизнь семейства Кеннеди, чем предоставить сотрудникам комиссии доступ к необходимым медицинским материалам. С Кеннеди, по отзыву Белина, обходились как «со своего рода элитой, аристократией при европейском дворе XVIII века»5 .

Спустя годы Спектер, не оспаривая воспоминаний Белина о том ужине, настаивал, однако, что об уходе из комиссии он никогда не думал. «Я не стал бы увольняться из-за этого», – сказал он. Вместо демонстративной отставки Спектер подал официальный протест – письменный, в виде служебной записки Рэнкину, – чтобы в архиве комиссии навсегда осталось свидетельство того, как он был возмущен. «Это не была записка лишь бы собственную задницу прикрыть», – говорил впоследствии Спектер6 . По его словам, то была последняя, отчаянная мольба предоставить информацию, необходимую для его важной работы: установить, как именно погиб президент Соединенных Штатов. «Этой запиской я пытался убедить Рэнкина добыть чертовы фотографии и рентгеновские снимки».

Служебная записка, датированная 30 апреля, начиналась так: «По моему мнению, нам необходимо располагать фотографиями и рентгеновскими снимками вскрытия президента Кеннеди». Далее Спектер перечислял причины своего требования, указывая, какой это огромный риск для следствия – полагаться на карандашные наброски ран президента, сделанные художником из ВМФ, не проверив реальные фотографии и рентгеновские снимки: в комиссии уже обсуждался вопрос, не поместить ли эти наброски в заключительный отчет. Спектер напоминал

Рэнкину, что художник из ВМФ даже не видел воочию фотографии и рентгеновские снимки и точность выполненных им изображений зависела от «смутных воспоминаний» патологоанатомов из Бетесды, которым тоже запретили доступ к фотографиям – к снимкам, которые они же сами и сделали! Заглядывая в будущее, Спектер предостерегал: «Однажды кто-нибудь сравнит эти рисунки со снимками и обнаружит существенные ошибки, которые могли бы заметно повлиять на осведомленность и окончательные выводы комиссии»7 .

В своей записке Спектер предлагал выход из положения: он посоветовал комиссии выпросить у Роберта Кеннеди разрешение просмотреть фотографии вскрытия и рентгеновские снимки, пообещав, что этот материал «будет доступен лишь самому узкому кругу сотрудников комиссии исключительно для подтверждения (или исправления) рисунков и эти снимки не войдут в заключительный отчет комиссии».

Записку Спектер приурочил к назначенному на следующий день рабочему заседанию комиссии – первому за месяц с лишним общему собранию. Рэнкин ответил, что ничего обещать не может, но доводы молодого юриста убедили его, и он решил обратиться с этим вопросом к комиссии. Рэнкин понимал, что необходимость посмотреть фотографии вскрытия и рентгеновские снимки сделалась очевидной после показаний Коннелли, так как свидетельство губернатора Техаса явно опровергало версию одной пули. Если Коннелли будет и дальше настаивать, что в него попала не та пуля, которая ранила президента, фотографии вскрытия и рентгеновские снимки понадобятся для доказательства, что в целом вполне заслуживавший доверия свидетель в данном случае ошибся.

На собрании комиссии Рэнкин не ссылался на Спектера – вероятно, чтобы не сердить Уоррена, как считал сам Спектер, – а представил просьбу показать фотографии вскрытия и рентгеновские снимки как общую просьбу сотрудников: «Наши штатные юристы считают, что некоторым сотрудникам комиссии следует ознакомиться с этими снимками»8 . Рэнкин сказал вслух то, о чем члены комиссии, по-видимому, и так знали: фотографии и рентгеновские снимки хранятся у Роберта Кеннеди, и тот не желает никому их предъявлять. По словам Рэнкина, он и сам первоначально разделял озабоченность Роберта Кеннеди. «Я думал, что мы сможем обойтись без этих снимков… не включать их в отчет, раз это так огорчает родственников, – сказал Рэнкин. – Они не хотят, чтобы

президента запомнили таким, каков он на этих снимках. Вот что их главным образом волнует».

Но Рэнкин изменил свое мнение, особенно из-за путаницы с пулями. «Эти снимки должны внимательно изучить врач и кто-то из членов комиссии и доложить комиссии, не противоречат ли эти улики другим находкам», – сказал он, добавив, что ныне генеральный прокурор может и согласиться на компромисс: «Думаю, он поймет необходимость этого и разрешит ограниченный доступ».

Уоррена, однако, эти соображения не слишком убедили. Он позволил Рэнкину обратиться к Кеннеди с просьбой предоставить узкому кругу лиц возможность ознакомиться с фотографиями вскрытия и рентгеновскими снимками, но при этом подчеркнул: «Включать их в отчет мы ни в коем случае не станем… Иначе эти ужасающие изображения так и останутся на все будущие времена». Таковы были последние слова Уоррена комиссии по поводу рентгеновских снимков и фотографий вскрытия – во всяком случае, так эти слова выглядят в долго остававшихся засекреченными протоколах рабочих заседаний комиссии. Спустя несколько недель Уоррен объявил окончательное решение: фотографии и рентгеновские снимки не будут предоставлены сотрудникам комиссии, они останутся в руках генерального прокурора бессрочно. «Они были ужасны, – пояснял он позднее. – И я взял на себя всю ответственность за такое решение».

На заседании 30 апреля была сделана уступка и по другому вопросу, давно уже беспокоившему сотрудников комиссии: вправе ли они с полной уверенностью заявить, что Освальд никогда не использовался ни ФБР, ни ЦРУ в качестве агента или информатора? Обе эти организации многократно решительно отвергали всякую связь, формальную или неформальную, с убийцей президента. Но почему же ФБР пыталось – так это выглядело – скрыть данные о контактах с Освальдом в Далласе перед убийством? И почему ЦРУ сперва скрывало, а потом искажало кое-какую информацию о наблюдении за Освальдом в Мексике?

Вот какое решение принял Уоррен: комиссия заявит, что расследование не обнаружило данных о сотрудничестве Освальда с ФБР или с ЦРУ,

а главы обеих организаций подтвердят это под присягой. Эдгар Гувер и Джон Маккоун должны были под угрозой обвинения в лжесвидетельстве присягнуть, что никогда и ни в каком качестве не нанимали Освальда. Уоррен хотел также под присягой потребовать от них обоих заявления, что никакого заговора против Кеннеди не существовало. «Я хотел получить от них такие показания, потому что и справа, и слева раздавались утверждения, будто убийство стало результатом заговора», – пояснял председатель Верховного суда. Гуверу и Маккоуну предстояло под присягой показать, что они не располагали данными «о каком бы то ни было заговоре – на уровне государств, частных лиц или каком-либо еще».

На собрании Уоррен также посоветовал комиссии взять показания у Роберта Кеннеди – не как у главы Министерства юстиции, но как у брата убитого президента. Уоррен считал, что показания Роберта помогут убедить общественность в подлинности обнаруженных комиссией фактов: кто бы заподозрил, что Роберт станет скрывать информацию о заговоре против родного брата? «Если он покажет, что не располагает подобной информацией, – сказал Уоррен, – полагаю, на всякого разумного человека это произведет сильнейшее впечатление». Рэнкин поддержал его: «Представить невозможно, чтобы брат президента бездействовал, если бы в Соединенных Штатах зрел заговор против его брата».

Сотрудников комиссии по-прежнему занимали теории заговора, и они втайне проверяли эти теории с помощью ФБР. За спиной Марка Лейна комиссия запросила материалы ФБР по Томасу Бьюкенену, американскому писателю с дипломом Йеля, который писал для французского журнала L’Express и продолжал отстаивать версию о заговоре ультраконсервативных техасских бизнесменов. Данные ФБР по Бьюкенену подробно передавали историю добровольного изгнания журналиста в Европу после того, как в 1948 году издатели The Washington Star , где он работал репортером, установили его принадлежность к Коммунистической партии США и уволили его.

На собрании в апреле сотрудники комиссии передавали друг другу копии статьи, опубликованной неделей ранее в United Press International и посвященной главным образом Бьюкенену. Статья начиналась словами: «Миллионы европейцев отказываются верить в то, что убийство президента Кеннеди не было частью широкого и до сих пор

не разоблаченного заговора». Бьюкенен сделался в Европе медийным феноменом, и в США для него тоже нашлась аудитория. Его книга Who Killed Kennedy («Кто убил Кеннеди?») готовилась к выходу в Европе в мае. Респектабельные СМИ во всей Европе считали его заслуживающим доверия – в том числе британская BBC и The Manchester Guardian . В статье в UPI упоминались также европейские гастроли Лейна – тот путешествовал весной из страны в страну с речами в защиту невиновности Освальда.

Уоррен сказал коллегам по комиссии, что сторонники версии заговора, в особенности Бьюкенен и Лейн, настолько ему досаждают, что он хотел бы открыть избранным журналистам доступ к материалам комиссии прежде, чем выпустить заключительный отчет. Он предложил без лишней огласки пригласить представителей UPI и основного конкурента этого новостного агентства, Associated Press , показать им следственные материалы, предоставить интервью с сотрудниками комиссии. Новостные агентства смогут подсказать комиссии, не пропущены ли какие-то направления расследования – «все, что им в голову придет, если к этому имеет смысл присмотреться», сказал Уоррен. Таким образом удалось бы доказать, что комиссия ничего не скрывает. Макклой счел это «ценным предложением», тем более на фоне повального увлечения теориями заговора в Европе. «Сейчас, когда мистер Лейн постоянно туда ездит, там укрепляется уверенность, что у нас тут заговор с глубокими корнями».

Томас Келли, инспектор Секретной службы, обеспечивавший связь этой организации с комиссией, в мае поехал вместе со Спектером в Даллас для окончательного расследования на местности. Во время поездки Келли как-то раз отвел Спектера в сторону и сказал, что хотел бы рассеять беспокойство Спектера по поводу фотографий вскрытия и рентгеновских снимков, которые членам комиссии так и не удалось увидеть. Келли сказал, что у него сохранилась фотография тела и он покажет ее Спектеру, когда они вернутся в гостиницу. «Оставшись наедине со мной в номере гостиницы, – рассказывал Спектер, – Келли показал мне маленькую фотографию трупа мужчины со спины. В основании шеи виднелось отверстие от пули – именно в том месте, куда, по словам проводивших вскрытие хирургов, был ранен Кеннеди»9.

Спектер решил, что Келли показал ему эту фотографию по поручению Уоррена или кого-то другого из членов комиссии – вероятно, чтобы успокоить Спектера и не допустить публичного обсуждения его требования предоставить медицинские улики. «Они считали, что от меня одни неприятности, – рассуждал Спектер. – Эпоха бдительных граждан-разоблачителей еще не наступила». Но все же руководство комиссии опасалось действий Спектера и поспешило его умиротворить. Однако фотография нисколько не удовлетворила Спектера. Он даже не имел возможности проверить, действительно ли это труп президента. «Чушь сплошная, – ворчал он. – Мне ли не знать, что такое настоящие улики»[15].

В Вашингтоне Альфреду Голдбергу также показывали принадлежавшие Секретной службе и не имевшие подтверждения подлинности снимки Кеннеди на секционном столе. Просматривая их, он отчетливее понял, почему Уоррен запретил сотрудникам доступ к этим фотографиям: «Я помню, как оторопел при виде этих страшных снимков»10 .

Глава 36

Офис комиссии

Вашингтон

19 мая 1964 года, вторник

Коллеги Нормана Редлика не могли не заметить, как он напуган. В апреле Джеральд Форд усилил закулисную атаку на Редлика в надежде убедить коллег вытеснить Редлика из состава комиссии, пока его присутствие не причинило существенного ущерба всей комиссии. У Форда появилось новое оружие для борьбы: к марту ФБР подготовило полный отчет о прежней деятельности Редлика, включая многолетнее участие в группах борьбы за гражданские права и свободы – подрывных группах, по мнению ФБР.

Некоторые другие конгрессмены-республиканцы в то же время вели

вполне откровенную кампанию против Редлика, к ним присоединилась группа влиятельных правых журналистов и радиокомментаторов. В зале заседаний конгрессмен Эд Герни, республиканец из Флориды, назвал сам факт назначения Редлика в комиссию «немыслимым нарушением безопасности США»[1] , ведь этому человеку предоставили доступ к совершенно секретным правительственным документам. Радиообозреватель и ведущий газетной колонки, ярый антикоммунист Фултон Льюис, бывший в свое время ближайшим союзником сенатора Джозефа Маккарти, подхватил знамя этой кампании. Ряд газет выступили с передовицами, направленными против Редлика. «Абсолютно непостижимо, как председатель Верховного суда мог принять или позволить принять в комиссию в качестве одного из ключевых сотрудников человека с левацким прошлым и историей гражданского неповиновения»[2] , – громыхал The St. Louis Globe-Democrat. «Немыслимо держать в комиссии человека, открыто противостоящего антикоммунистической политике США». В мае The New York Times опубликовала краткую хронику этого противостояния под заголовком: «Среди помощников Уоррена – сторонник красных».

В комиссию пришло столько писем с разоблачениями Редлика, что его заместителю Мелу Эйзенбергу поручили составить единый вариант ответа, который рассылался в защиту Редлика. «Комиссия не располагает никакими сведениями, которые заставили бы нас усомниться в честности и лояльности профессора Редлика и его безусловной преданности работе этой комиссии и интересам Соединенных Штатов»[3] , – говорилось в письме. Был также заготовлен текст, который секретари комиссии могли зачитывать по телефону в ответ на звонки людей, возмущавшихся участием Редлика в комиссии[4] .

Расследование ФБР сосредотачивалось на его работе в руководстве Чрезвычайного комитета по гражданским свободам[5] . Также в материалах ФБР были данные о протесте Редлика против смертной казни, что считалось потенциальным признаком подрывных взглядов, и о подготовке им апелляций по делам смертников, находившихся в тюрьмах штата Нью-Йорк. Вместе с другими преподавателями права и студентами-юристами Редлик в период между 1960-м и 1963 годом спас от электрического стула пять человек. Журнал Life приводил слова Редлика: он-де стремится к полному запрету смертной казни в штате, а пока эта окончательная цель не достигнута, «спасая приговоренного

от электрического стула, я отменяю смертную казнь хотя бы для него».

Свидетели, дававшие ФБР показания о личности и репутации Редлика (коллеги по Университету Нью-Йорка, соседи по принадлежащему университету зданию в Гринвич-Виллидж), отзывались о нем лучше некуда. Из их рассказов складывался образ человека пусть раздражительного и с большим самомнением, но безоглядно преданного идее справедливости. Даже те немногие из допрошенных, кто не любил Редлика, критиковали его за то, что поклонники сочли бы скорее достоинством. Например, управляющий зданием жаловался агенту ФБР, что Редлик пытается ниспровергнуть социальные барьеры, требуя для прислуги права пользоваться пассажирскими лифтами.

Возмутившись нападками на Редлика, молодые сотрудники комиссии заступились за него перед Рэнкином, протестуя против «маккартизма» Форда и его «охоты на красных» – так они охарактеризовали поведение конгрессмена. В 1964 году маккартизм был еще вполне свежим воспоминанием, и некоторые коллеги Редлика опасались за его дальнейшую карьеру и даже за его безопасность, если Редлика уволят, да еще столь публично: он бы никогда больше не получил государственную должность, подразумевающую допуск к какому-либо уровню секретности.

Эйзенберг, самый близкий к Редлику человек в комиссии, уверял, что никогда не видел на его лице выражения страха, «он оставался внешне бесстрастен, как игрок в покер»6 . Другим эта ситуация запомнилась иначе. «Редлик боялся, – утверждал Дэвид Слосон. – А я боялся за него».

Жена Редлика Ивлин, работавшая педиатром на Манхэттене, вспоминала это время как «трудный период» для всей семьи. В нападках на Редлика нередко чувствовался налет антисемитизма. Ивлин запомнилось, как она была оскорблена, услышав во время визита в свой загородный дом в Вермонте чей-то отзыв о ее супруге – «еврейчик при Эрле Уоррене». Был в то лето и момент паники, когда возле дома в Вермонте послышался выстрел. Ивлин подумала, что стреляли в ее мужа – из-за этой кампании в Вашингтоне. «Я очень напугалась и вызвала полицию»7 , – рассказывала она. Полиция пришла к выводу, что стрелял кто-то из местных парней на охоте.

Рэнкин тем временем не мог определиться, насколько решительно ему следует отстаивать Редлика. Нанял Редлика именно Рэнкин, отвел ему ключевую роль в составе комиссии, и ответственность за возникший конфликт тем самым ложилась на Рэнкина. Позднее он пояснял, что был задет тем, что Редлик умолчал о своих связях с Чрезвычайным комитетом по защите гражданских свобод и другими «подрывными» группами. Рэнкин считал, что Редлику следовало об этом предупредить.

Получив отчет ФБР, Форд и вовсе отказался от каких-либо компромиссов: он хотел убрать этого 38-летнего профессора права из состава комиссии. Не уйдет сам – пусть его уволят. Форд добился особого заседания комиссии для обсуждения этой проблемы. Уоррен и Рэнкин назначили дату: 19 мая. Ситуация казалась настолько серьезной, что явились все семеро членов комиссии.

Уоррен открыл собрание, но тут же передал слово Рэнкину. Тот сказал, что членов комиссии собрали, чтобы ознакомить с результатами новой, более тщательной проверки прошлого Редлика и Болла, которую провело ФБР8 . Повторное расследование по Джозефу Боллу было спровоцировано жалобами активистов правого крыла из Калифорнии, которые все еще, годы спустя, припоминали Боллу, как тот публично критиковал Комитет Конгресса по расследованию антиамериканской деятельности за охоту на коммунистов среди юристов Западного побережья. Рэнкин доложил, что в отчете ФБР отсутствуют указания на связи Болла с какими бы то ни было подрывными организациями, и члены комиссии единодушно согласились оставить Болла в числе сотрудников. «Он нам позарез нужен», – напомнил Рэнкин.

Основную проблему, как понимали все члены комиссии, представлял собой Редлик. Рэнкин начал с признания, что чувствует некоторую ответственность за возникший конфликт, ведь «это я пригласил Нормана». Он напомнил членам комиссии о блистательном послужном списке Редлика-юриста, начиная со Школы права Йельского университета, которую тот закончил первым в своем выпуске 1950 года, о его работе профессора по налоговому праву в университете Нью-Йорка. «Я знал о нем только хорошее» – но не был ли умышленным выбор временной формы глагола? Рэнкин продолжал: «Хотя лично я не испытываю никаких

сомнений в лояльности мистера Редлика как американского гражданина или в добросовестности его работы в комиссии», однако известие о его участии в «подрывных» группах оказалось неприятным сюрпризом. «Я знал, что он глубоко интересуется гражданскими правами и свободами, – пояснил Рэнкин, – но не знал, что он состоял членом Чрезвычайного комитета по гражданским правам».

Рэнкин предупредил комиссию о том, насколько трудно будет подобрать Редлику замену и какой проблемой обернется его уход для комиссии, ведь именно Редлику поручалось составить и написать заключительный отчет. «Он потратил очень много времени, больше, чем кто-либо другой, – сказал Рэнкин, – он знает нашу работу изнутри, как не знает ее никто». Редлик читал каждый отчет о расследовании, поступавший в офис комиссии – десятки, сотни тысяч страниц, и с его уходом терялись и все накопленные им знания. Рэнкин также просил членов комиссии принять во внимание моральные последствия увольнения Редлика. Его коллеги «чрезвычайно огорчены этой кампанией… Они работали в тесном сотрудничестве с Редликом и вполне убеждены в его безусловной лояльности».

Настал черед Форда, и он начал с похвалы человеку, увольнения которого так упорно добивался. «Я хочу занести в протокол: способности профессора Редлика произвели на меня существенное впечатление. Он поистине замечательный человек. И я полагаю, что он внес существенный вклад в нашу работу, в работу комиссии. Он всегда был чрезвычайно усерден и добросовестен».

Форд подчеркивал: он хочет воздать Редлику должное и не собирается возводить на него напраслину. «Я изучил отчет ФБР и не нашел там и намека на принадлежность Редлика – теперь или в прошлом – к коммунистической партии». Тем не менее у Редлика имелись связи со многими неодобряемыми правительством или даже потенциально опасными левыми группами. «Мне кажется прискорбным, чтобы такой умный и достойный во всех отношениях человек был замешан в подобных делах». Форд напомнил коллегам, что несколько месяцев назад он пытался предотвратить такого рода неловкие ситуации и именно с этой целью советовал не брать на работу в комиссию людей «с радикально правыми или радикально левыми» связями. Тем не менее Редлик был нанят.

– Полагаю, факты говорят сами за себя: мы не можем продлить его

контракт, – заявил Форд и предложил проголосовать за увольнение. – С учетом открывшихся обстоятельств предлагаю не продлевать контракт Нормана Редлика после 1 июня.

Началось обсуждение, и у Форда появились основания надеяться на победу. Еще трое юристов – Рассел, Купер и Боггс, а также Аллан Даллес поддержали Форда. Рассел сказал, что собранный ФБР материал представляет Редлика «прирожденным крестоносцем – он будет бороться за какое-либо дело до конца своей жизни». При этом Рассел сделал оговорку:

– Я не хочу бросить тень на его репутацию или патриотизм… но он был связан со множеством групп-«попутчиков». Лично я не готов взять на себя ответственность и оставить его в комиссии.

Боггс сказал, что Редлика критикуют и демократы, и республиканцы.

– У нас, в Конгрессе, это вызывает озабоченность, – сказал он. – От этого нельзя отмахиваться. Нужно принимать решение.

Спасти Редлика, таким образом, мог только Уоррен, который приобрел в Калифорнии, а затем и в Верховном суде заслуженную репутацию человека, умеющего привлекать оппонентов на свою сторону. Теперь он вознамерился продемонстрировать членам комиссии, как это делается. Даже годы спустя Рэнкин будет с восхищением вспоминать то выступление Уоррена.

Членам комиссии, а также многим ее сотрудникам было хорошо известно, до какой степени Уоррен презирает Форда. Не случайно председатель Верховного суда начал свою речь с того, что использовал против Форда его же собственные слова:

– Я наблюдал за работой профессора Редлика и разделяю мнение, выраженное конгрессменом Фордом, – заговорил Уоррен. – Я считаю его талантливым человеком и я пришел к выводу, что этот человек усердно и преданно трудится в комиссии. Я знаю, что сотрудники, все до единого, согласны с этой оценкой и считают величайшей несправедливостью эту кампанию, развязанную незначительным числом членов Конгресса.

Не было необходимости напоминать членам комиссии,

что в «незначительное число» входил и сам Форд.

– Если комиссия поддастся давлению и уволит Редлика, тем самым Редлик будет заклеймен как дурной гражданин, а подобное пятно не смыть до конца жизни, – продолжал Уоррен. – Оно ляжет на его супругу, на его детей… Мне сообщили, что некий журналист, освещая происходящее в Конгрессе, указал домашний адрес Редлика – разумеется, чтобы запугать его семью. И мне сообщают также, что их запугивали, и этому не будет конца, пока мы не устраним эту несправедливость».

После этого Уоррен перешел в прямую атаку на Форда. Он заявил, что, если Форду и его сторонникам в самом деле хочется уволить Редлика, нужно провести в комиссии слушания и дать тому возможность защищаться.

– Самое меньшее, что мы можем для него сделать – организовать суд, на котором он сможет оправдаться и доказать, что он законопослушный американский гражданин, – сказал Уоррен. – Так принято делать в Америке.

Поначалу Уоррена поддержал лишь один член комиссии, Макклой. В характерной для него манере он приводил доводы не страсти, но разума: Редлик, «несомненно, порой увлекается политическими вопросами», но риска для безопасности он не представляет.

– Думаю, если бы я знал об этом с самого начала, я бы возражал, – признался Макклой, – но что толку плакать над пролитым молоком.

Уволив Редлика, комиссия продемонстрирует свою слабость перед давлением справа и тем самым окажется уязвима для критики слева.

– Увольнение Редлика никакой пользы нам не принесет, – рассуждал Макклой. – Это порядочный человек, добросовестный юрист, пусть даже в политике он склоняется влево.

Рэнкин добавил два предостережения членам комиссии, оба весьма серьезные. Во-первых, без Редлика им придется писать отчет самостоятельно или искать другого столь же неутомимого работника, как тот, которого они собрались уволить. «Не думаю, что вы готовы взять на себя задачу писать отчет», – заявил он членам комиссии так, словно

другого выхода у них не останется. А еще членам комиссии следует призадуматься вот о чем: если они уволят Редлика по соображениям безопасности, тем самым они признают, что позволили «подрывному элементу» месяцами рыться в материалах, среди которых имелись и самые секретные правительственные документы. Подобное обвинение – «самое страшное, что может случиться с комиссией».

Первым на попятный пошел Рассел.

– Мы так и так окажемся в проигрыше, – забеспокоился он.

И Форд, посрамленный – меньше всего ему хотелось брать на себя роль прокурора на том трибунале, который предлагал организовать Уоррен, – снял с повестки дня свое предложение.

– Я бы не стал брать на работу в комиссию человека, связанного с организациями или кампаниями крайне левых или крайне правых, – повторил он, – но я не буду настаивать. Полагаю, я и так уже достаточно подробно выразил свое мнение для протокола.

На том Уоррен поспешил закончить собрание. Редлик остался сотрудником комиссии, и ему предстояло в ближайшие дни взяться за заключительный отчет.

Коллеги Уоррена с восторгом и облегчением приняли эту весть. Умолкла ожесточенная критика председателя Верховного суда: придя на защиту Редлика, Уоррен оправдался в глазах молодых сотрудников, и они вновь видели в нем поборника честной игры и порядочности.

Благодарность Редлика проявилась в его отношении к работе. Прежде он принадлежал к числу тех штатных юристов, которые противились требованиям поторопиться и перейти к написанию заключительного отчета, но теперь, когда ему сохранили место в комиссии, Редлик с готовностью стал выполнять пожелания Уоррена, в том числе пошел навстречу его требованию подготовить заключительный отчет в ближайшие недели. «Отношение Редлика к делу изменилось, – вспоминал Берт Гриффин. – Все стало по-другому. Теперь, когда Уоррен сохранил работу за ним, Редлик уже не возмущался, что его торопят выполнить работу быстрее, чем мы все считали возможным. Уоррен спас его шкуру, и Редлик не мог этого не понимать»9 .

Глава 37

Дом Джеймса Хости

Даллас, Техас

23 апреля 1964 года, четверг

В доме агента ФБР в Далласе Джеймса Хости телефонный звонок раздался примерно в 10.30 вечера1 . Дело было в четверг, 23 апреля, и звонил агенту Хью Эйнсворт из The Dallas Morning News . Новости для агента были нерадостные.

– Завтра мы публикуем статью, – сообщил Эйнсворт. – Хотите что-то прокомментировать?

Газета намеревалась выступить с утверждением, будто Хости задолго до убийства было известно, что Освальд опасен и потенциально готов к убийству Кеннеди, но Хости и ФБР не поделились этой информацией ни с полицейским управлением Далласа, ни с Секретной службой. Информация исходила от лейтенанта полиции в Далласе Джека Ревилла, который заявил, что вечером в день убийства Хости подошел к нему и доложил: Освальд уже несколько недель находился под наблюдением ФБР, и Бюро было прекрасно осведомлено о том, какую он представляет собой угрозу. Сообщение Ревилла было запротоколировано во внутренней служебной записке, которую полиция затем передала комиссии Уоррена.

Впоследствии Хости будет настаивать, что Ревилл солгал, а он, Хости, ничего подобного не говорил. Но Эйнсворту он так ответить не мог: по уставу ФБР для любого разговора с журналистом ему требовалось предварительное разрешение. «Комментариев не будет» – вот и все, что он сказал Эйнсворту, и повесил трубку. Затем Хости вернулся в постель и попытался уговорить себя, что статья, может быть, окажется не такой уж «чудовищной».

Несколько часов спустя телефон зазвонил снова, вырвав Хости

из беспокойного сна. На этот раз позвонил сам босс, глава отделения ФБР в Техасе Гордон Шэнклин.

– Послушайте, мне звонил Эйнсворт и сказал, что они готовят статью о том, как вы сказали Ревиллу, что знали: Освальд способен убить президента.

Шэнклин приказал Хости немедленно явиться в офис и подготовить ответ, который в ту же ночь будет отправлен в штаб-квартиру в Вашингтон – авось, удастся хоть как-то смягчить ущерб от статьи. Хости поспешно оделся. «Когда я шел к машине, я поглядывал на окна соседских домов и прикидывал, что все эти люди подумают утром, когда, сидя в халатах за чашкой кофе, прочтут The Morning News ».

Он добрался до офиса к четверти четвертого утра. Первый выпуск газеты уже лежал на столе у Шэнклина. Жирный заголовок на первой странице: «ФБР ЗНАЛО, ЧТО ОСВАЛЬД ГОТОВ К ПОКУШЕНИЮ».

– О боже! – простонал Хости.

Он торопливо пробежал глазами статью. Конечно же, это подстроила полиция Далласа, на него вновь пытаются свалить вину за ту неразбериху в работе органов правопорядка, в результате которой погиб сперва Кеннеди, а потом и Освальд. В качестве источника информации упоминалось «лицо, близкое к комиссии Уоррена». В передаче Эйнсворта выходило, будто Хости сказал Ревиллу, что ФБР знало о готовности Освальда к убийству, «но мы и думать не думали, что он это сделает». Полиция утверждала, что Ревилл подал рапорт спустя всего несколько часов после разговора с Хости.

Отложив газету, Хости обернулся к Шэнклину:

– В этой статье все переврали. Не понимаю, как можно публиковать такую чушь! – сказал он.

Хости признал, что в день убийства разговаривал с Ревиллом и высказал предположение, что Освальд «замешан в этом». Но при этом Хости категорически отрицал какие-либо упоминания о склонности Освальда к насилию, о том, что тот был способен на убийство президента. Пока не произошло несчастье, Хости, по его словам, вообще не подозревал,

что Освальд представляет собой угрозу Кеннеди или кому-либо другому. Именно так он и собирался заявить комиссии Уоррена – слушания были назначены на первые числа мая, и Хости нервничал заранее. Шэнклин приказал ему письменно изложить собственную версию событий с тем, чтобы тут же отправить ее по телетайпу в Вашингтон. Оба агента рассчитывали, что телетайпное сообщение попадет на стол Гуверу первым, еще до того, как он откроет поутру The Morning News . Было понятно, что статья приведет Гувера в ярость и достанется всем – и полиции Далласа, и агентам ФБР.

Телетайп в самом деле выручил: к большому облегчению Шэнклина и Хости на следующее утро Гувер вступился за них. Вооружившись письменным объяснением Хости, Гувер сделал в Вашингтоне заявление, категорически отрицавшее утверждения полиции Далласа. Рассказ Ревилла он назвал «насквозь фальшивым».

Хости обрадовался: «Пока что меня не уволят», хотя и понимал, что его будущее в ФБР сделалось сомнительнее прежнего. Статью Эйнсворта подхватили и перепечатали газеты по всей стране.

Большую часть следующей недели Хости готовился давать показания перед комиссией в Вашингтоне. Он начал «утомительную, но тщательную проверку всего» материала по Освальду, скопившегося в отделении ФБР в Далласе. Вскоре Хости обнаружил пропажу двух документов. Оба пришли осенью из Вашингтона и касались поездки Освальда в Мексику. Во-первых, это был отчет из штаб-квартиры ФБР от 18 октября, указывавший, что Бюро знало о слежке, установленной ЦРУ за Освальдом в Мексике. Во-вторых, служебная записка от 19 ноября, подготовленная отделением ФБР в Вашингтоне, где речь шла о письме Освальда в советское посольство в Вашингтоне: в этом письме упоминалась его поездка в Мексику и тамошние контакты с советским дипломатом. Относительно дипломата указывалось, что это неопознанный агент КГБ. Хости пытался понять, зачем из дела устранили эти два файла. Неужели кто-то пытался их скрыть, «в надежде, что я их еще не видел?».

Ответа на эту загадку Хости так и не получил до 4 мая, когда вылетел в Вашингтон, – на следующий день ему предстояло давать показания. Он

специально отправился накануне, чтобы выспаться перед самым трудным днем в его жизни. На следующее утро Хости надел темный костюм, накрахмаленную рубашку и неприметный галстук – «униформу агента ФБР» – и вошел в офис комиссии в здании Организации ветеранов зарубежных войн на Капитолийском холме вместе с двумя другими агентами ФБР, которые также были вызваны для дачи показаний. Их сопровождал заместитель директора ФБР Алан Белмонт, третье лицо в иерархии ФБР – в его ведении были все проводившиеся Бюро уголовные расследования. «Непроизвольно я начал потеть», – вспоминал Хости.

Хости встретил сотрудник комиссии Сэмюэл Стерн. Он сказал, что задаст несколько предварительных вопросов, прежде чем тот отправится давать показания. Стерн хотел прояснить ситуацию: что именно Хости было известно об Освальде до убийства и что он знал о поездке Освальда в Мексику. Хости ответил, что читал два отчета о наблюдении ЦРУ за Освальдом в Мексику, но эти отчеты затем пропали из материалов дела в Далласе.

Белмонт при упоминании об этих отчетах оцепенел. Затем, по словам Хости, «он наклонился и шепнул мне на ухо: “Черт побери, я думал, я велел не показывать вам эти отчеты”».

От такого замечания Хости и вовсе перепугался. «Глава следственного отдела ФБР сказал мне, что в штаб-квартире приняли решение скрыть от меня материалы». Что же такое случилось с Освальдом в Мексике, что ФБР не желало открывать эти сведения агенту? «Я понимал политику не распространять лишнюю информацию, но тут-то что происходило?»

В тот день Хости проводили в зал заседаний комиссии, который выглядел как конференц-зал «какой-нибудь престижной юридической фирмы – хорошая мебель, вдоль двух стен стеллажи, вроде бы со справочниками по законодательству». В дальнем углу Хости заметил разбитое ветровое стекло из лимузина Кеннеди, которое комиссия изучала в качестве вещественной улики. «Меня при виде этого стекла передернуло», – рассказывал Хости.

Судья Уоррен и с ним еще несколько членов комиссии сидели вдоль длинного деревянного стола, «и все с ожиданием глядели на меня». Хости пригласили сесть во главе стола, слева от него сидел Стерн, а по другую

руку от Стерна – председатель Верховного суда. Справа от Хости оказался конгрессмен Форд. Стенографист кивком дал знать Уоррену, что готов, Уоррен привел Хости к присяге и предложил Стерну начать допрос.

Большую часть начальных вопросов Хости предвидел заранее: предыстория слежки ФБР за Освальдом, включая передачу дела в 1963 году из отделения ФБР в Далласе отделению в Новом Орлеане, а затем обратно в Даллас, когда Освальд переезжал из города в город и возвращался. Но Хости занервничал, когда члены комиссии стали перебивать Стерна вопросами, смысл которых, по-видимому, заключался в том, чтобы доказать: ФБР – и в частности сам Хости – обязано было еще до приезда президента в Даллас предупредить Секретную службу насчет Освальда.

– Вы видели в нем потенциальную угрозу? – спросил сенатор Купер.

– Нет, сэр, – ответил Хости. – До убийства президента Соединенных Штатов я не располагал никакой информацией, указывающей на склонность Ли Харви Освальда к насилию2 .

Хости ожидал неприятных вопросов в связи со статьей Эйнсворта, но успокоился, поняв, что комиссия проявила не больше доверия к этому сюжету, чем он сам. Он убедился в этом, когда Уоррен попросил стенографиста не записывать, то есть обсуждение статьи происходило не под протокол. Члены комиссии, рассказывал Хости, сказали ему, что «возмущены» действиями далласской полиции и они, мол, тоже считают служебную записку Ревилла фальшивкой, написанной спустя месяцы после убийства с целью создать «бумажный след» и найти козла отпущения в ФБР.

Порадовало Хости также, что некоторые вопросы ему так и не задали. Не спросили о написанной от руки записке, которую Освальд занес в отделение ФБР в начале ноября, – той записке, которую Хости порвал, а обрывки спустил в унитаз. Теперь Хости мог надеяться, что комиссия не узнала о существовании и об уничтожении записки. Стерн спросил, сохранил ли Хости свои заметки, сделанные в день убийства. Хости ответил, что он, как почти все агенты, выбрасывает записи после того, как на их основании подготовит машинописный отчет. А по Освальду у него никаких собственных записей нет, уточнил он[16].

Допрос закончился в десять минут шестого. Хости вышел из офиса комиссии в уверенности, что допрос прошел хорошо, во всяком случае, так хорошо, как он только смел надеяться. Был теплый весенний день, и Хости прошелся пешком вниз по Капитолийскому холму и по Национальной аллее до штаб-квартиры ФБР на пересечении Девятой улицы и Пенсильванской аллеи. «Я чувствовал себя лучше, радовался, что все позади, шаг мой сделался упругим, я радовался зеленой траве и прекрасным деревьям в цвету вдоль аллеи».

Было бы чересчур назвать это «политикой открытых дверей», но по крайней мере каждый агент ФБР знал, что, оказавшись в Вашингтоне, он вправе просить личной встречи с Гувером. Порой директор ФБР удовлетворял эту просьбу, а порой и нет, однако в целом считал эти встречи ценным способом подбодрить агента и заодно выудить информацию, которая иначе могла бы до него и не дойти.

Находясь в столице, Хости попросил о такой встрече и счел добрым знаком, что Гувер ему не отказал.

Примерно в два часа дня в среду, 6 мая, Хости предстал в кабинете Гувера перед «Стариком». «Гувер уткнулся носом в стопку бумаг с локоть высотой, – вспоминал Хости. – У стола стоял одинокий стул, и, когда Гувер поднял глаза и увидел меня, он жестом указал мне на этот стул. Я опустился – сиденье было низкое, Гувер оказался гораздо выше меня. Наверняка это был обдуманный прием».

Гувер отложил ручку и развернулся в кресле лицом к агенту. Хости вспоминал:

«Я сразу же выпалил то единственное, что хотел ему сказать:

– Мистер Гувер, я только хотел поблагодарить вас за поддержку, за то, что вы публично защитили меня от этой истории с отчетом Ревилла.

– О, пустяки, – с улыбкой ответил Гувер».

Больше Хости почти ничего не удалось сказать. Ему запомнилось, как Гувер завладел разговором, произнес монолог на несколько минут,

описывая Хости свой ланч в Белом доме с президентом Джонсоном: президент только что сообщил Гуверу, что к директору ФБР не будет применен закон о возрасте выхода на пенсию.

– Президент сказал мне, что стране без меня не обойтись, – рассказывал весьма довольный Гувер.

По его словам, с Джонсоном его связывала тесная дружба, а вот Роберта Кеннеди он ненавидел. Генеральный прокурор «вызывал у него отвращение»3 .

Затем разговор коснулся председателя Верховного суда Уоррена и деятельности комиссии. «Он сказал мне, что у ФБР есть в комиссии свой информатор, – вспоминал Хости. – И по его сведениям, которые Гувер считал надежными, комиссия пятью голосами против двух снимет с ФБР все обвинения в неправильном ведении дела Освальда». По словам Гувера, против ФБР проголосуют только Уоррен и Макклой. «Гувер рассказывал мне, как его не любит Уоррен», – вспоминал Хости.

Хотя рядовому агенту Гувер постарался продемонстрировать максимальную уверенность в себе, на самом деле той весной директор ФБР был почти в панике, о чем впоследствии рассказывали его заместители. Он был убежден, что и члены комиссии Уоррена, и сотрудники скармливают репортерам в Вашингтоне, Далласе и других городах сюжеты, подрывающие авторитет Гувера и угрожающие существованию самого Бюро. По требованию комиссии Гуверу пришлось той весной унизиться до ответа на публикации скандальных таблоидов. 5 мая Рэнкин обратился к Гуверу с письменным запросом представить подробный ответ ФБР на передовицу в National Enquirer4 – в гоняющемся за сенсациями еженедельнике, который именовал себя «самой бойкой в мире газетой» и в основном публиковал истории о сексе и насилии. На этот раз передовица сообщала, что ФБР скрыло доказательство знакомства Освальда и Руби. А еще в статье утверждалось, будто Министерство юстиции запретило полиции Далласа арестовать Освальда и Руби ранее, в 1963 году, за участие в предполагаемом заговоре с целью убийства генерала Уокера. После выхода статьи агентам ФБР было велено допросить шефа полиции Далласа, Джесси Карри, но тот настаивал,

что статья в Enquirer – сплошная ложь: полиция Далласа ничего не знала об Освальде вплоть до момента его ареста. 8 мая Гувер ответил Рэнкину: в статье Enquirer нет ни грана истины.

В четверг 14 мая Гувер сам давал показания перед комиссией5 . Очередной признак взаимной неприязни Гувера и Уоррена: председатель Верховного суда не сказал ни единого приветливого слова Гуверу, человеку, которого в Вашингтоне всюду принимали с величайшим почтением. Приведя Гувера в 9.15 к присяге, Уоррен сразу перешел к делу и объяснил, чего комиссия требует от директора ФБР: недвусмысленного, под присягой, заявления, что ФБР не скрывает информацию об Освальде.

– Мистер Гувер должен дать показания, являлся ли Ли Харви Освальд когда-либо прямо или косвенно агентом или информатором и выполнял ли какие-либо поручения Федерального бюро расследований в каком-либо качестве в любой период времени, а также известны ли директору какие-либо достоверные доказательства существования заговора, внутреннего или иностранного, имеющего отношение к убийству президента Кеннеди, – предупредил Уоррен.

Гувера не избавили даже от вопросов в связи с самыми нелепыми и возмутительными выдумками желтой прессы. Комиссия, по словам Уоррена, желала знать, что Гувер «может сказать по поводу статьи в National Enquirer ».

Вопросы Гуверу задавал Рэнкин. Гувер, как и обещал, напрочь отрицал какую-либо связь ФБР с Освальдом.

– Я решительно заявляю, что он никогда не состоял на службе в Бюро в каком-либо качестве: агента, лица, нанятого по специальному контракту или информатора.

Что касается версии заговора, «я не смог найти ни малейших доказательств существования иностранного или внутреннего заговора, приведшего к убийству президента Кеннеди». Гувер засвидетельствовал, что, по его мнению, президента Кеннеди убил Освальд и сделал это в одиночку. ФБР в самом деле к моменту убийства вело наблюдение за Освальдом, продолжал Гувер, однако не имело оснований предполагать, что Освальд склонен к насилию.

– До момента убийства ничто не давало повода думать, что этот человек опасен и может причинить вред президенту.

Статью в National Enquirer Гувер назвал «абсолютно лживой».

В тот же день, сразу после Гувера, показания давали директор ЦРУ Джон Маккоун и его заместитель Ричард Хелмс[6] . Они, как и Гувер, под присягой продолжали утверждать, что, согласно их сведениям, Освальд никогда не состоял на службе в качестве агента и не участвовал в заговоре с целью убить президента. Они сообщили, что ЦРУ тщательно расследовало обстоятельства поездки Освальда в Мексику и это расследование не обнаружило соучастников Освальда ни в Мексике, ни где-либо в другом месте.

В Далласе Хью Эйнсворт вновь добыл сенсационный сюжет: из источника, который он не раскрывал, журналист получил копию «Исторического дневника» – рукописных записей Освальда о попытке обосноваться в Советском Союзе[7].

Марина Освальд утверждала, что большая часть мелодраматического дневника, в котором было столько орфографических и синтаксических ошибок, что сотрудники комиссии предполагали у Освальда дислексию, на самом деле была написана уже после отъезда из Советского Союза. Записи передавали разочарование Освальда жизнью в России, а затем и отчаяние; он описывал попытку самоубийства в номере московской гостиницы и неудавшееся ухаживание за другой русской, Эллой Герман, – не преуспев с ней, он обратил внимание на Марину. «Я женился на Марине назло Элле», – писал он.

Через две недели после статьи Эйнсворта в The Morning News журнал Life напечатал дневник целиком[8] . Дэвид Слосон, в чьи обязанности входило анализировать публикации этого журнала, заявил, что подобные утечки информации приводят его в ужас. Он был убежден, что публикация ставит под угрозу жизни нескольких советских граждан, упомянутых в дневнике, поскольку их помощь Освальду советское правительство могло счесть государственной изменой. В особенности Слосон беспокоился за женщину – официального гида, которая встретилась с Освальдом вскоре

после его прибытия в Москву и, по-видимому, пыталась предостеречь его насчет мрачных перспектив, ожидавших перебежчика в СССР. Слосон знал, что в СССР экскурсоводы и гиды «обычно состоят под контролем КГБ»9 . Это предостережение имело форму подарка: женщина принесла Освальду роман Достоевского «Идиот» («ИДЕОТ», – записал в дневнике Освальд). Слосон считал это «тайным намеком на то, что Освальд – глупец и ему надо поскорее вернуться домой». Он опасался, что экскурсовод тем самым допустила «серьезное нарушение, как если бы агент ФБР втайне посоветовал русскому перебежчику вернуться в СССР». Слосон беспокоился и за семью Александра Зигера, дружившего с Освальдом в Минске: Зигер тоже советовал Освальду вернуться в Штаты. «Нам стало известно, что Зигеры много лет пытались бежать из России» и что «они, вероятно, подвергаются большему риску», будучи евреями, писал Слосон.

Изначально Слосон собирался использовать в заключительном отчете комиссии лишь отредактированные отрывки из дневника, чтобы не раскрывать имена советских знакомых Освальда. Но после утечки он счел, что комиссия обязана «опубликовать дневник целиком, без каких-либо пропусков», либо не публиковать его вовсе. Если бы комиссия ограничилась выдержками, это привлекло бы внимание к неопубликованным частям дневника, и КГБ не составило бы труда сверить отчет комиссии с публикациями в далласской газете и Life и обнаружить, чего именно недостает.

Полиция Далласа и ФБР пытались выяснить, кто передал дневник в газету. В первую очередь подозрение пало на Марину Освальд, тем более что она с такой готовностью продавала информацию, но Марина отрицала свою причастность, и Life также утверждал, что источником была не она, хотя при этом дневник был напечатан якобы «с полного ее согласия» и некоторые имена были изменены по просьбе Марины, «чтобы предотвратить репрессии против знакомых Освальда»10 .

Позднее тем же летом полицейский детектив из Далласа Харт доложил начальству, что источник утечки информации выявлен: это конгрессмен Джеральд Форд. В служебной записке от 8 июля Харт отчитывался о сообщении «конфиденциального информатора»: Форд, имевший доступ к дневнику, как и к другим материалам комиссии, продал копию Morning News, а также предлагал ее и Life, и Newsweek . Затем владельцы СМИ выплатили Марине Освальд 16 тысяч долларов «за мировые права

на дневник», писал Харт. Форд будет решительно отрицать причастность к утечке, и следователи из ФБР придут затем к выводу, что утечка произошла через инспектора полицейского управления Далласа. Полиция также проверила версию, согласно которой в Life дневник продал Эйнсворт или его жена – это обвинение Эйнсворт решительно опровергал. Загадка так и не была разрешена, однако слухи встревожили Форда, и он настаивал на том, чтобы ФБР приняло у него официальное заявление: он не передавал СМИ информацию, полученную из материалов комиссии. Заявление принял заместитель Гувера Карфа Делоак, осуществлявший постоянный контакт Форда с Бюро, встретившись с Фордом в его кабинете в Конгрессе. Конгрессмен «желает безоговорочно заявить и, если понадобится, представить письменное ручательство, что он не передавал прессе данную информацию»11 , записал Делоак.

Глава 38

Техасский склад школьных учебников

Даллас, Техас

24 мая 1964 года, воскресенье

Каждую неделю председатель Верховного суда принимал очередное возмутительное решение – во всяком случае, так видел ситуацию Арлен Спектер. Всю весну Спектер и другие сотрудники добивались возможности провести следственный эксперимент в Далласе, непосредственно на месте преступления, в том числе полностью реконструировать сцену на Дили-Плаза. Юристы комиссии предлагали воспроизвести тот вид, который открывался Освальду из окна шестого этажа книжного склада. Принести винтовку Освальда в здание, а на ней закрепить камеру, чтобы фотограф мог зафиксировать проезд лимузина, похожего на тот, в котором ехал Кеннеди. В лимузин предполагалось посадить мужчин, сложением напоминающих Кеннеди и Коннелли, расположив их так же, как президент и губернатор сидели на кинопленке Запрудера. Тем самым удалось бы понять, могла ли пуля, выпущенная с шестого этажа, пройти сквозь тела обеих жертв, как это предполагала версия одной пули.

Но, к удивлению Спектера, Уоррен вовсе не желал проводить следственные эксперименты: не видел в них нужды. «Уоррен был решительно против, – рассказывал Спектер. – Считал, что мы делаем из мухи слона»1 . Спектеру запомнились слова Уоррена: «Мы и так знаем, что произошло. Имеется отчет ФБР». Через Рэнкина штатные юристы убеждали Уоррена пересмотреть свое мнение. И, вероятно, опасаясь бунта своих подчиненных во главе со Спектером, председатель уступил.

Реконструкцию помогали осуществить агенты ФБР. Она была назначена на воскресенье, 24 мая: специально выбрали выходной день, чтобы не создавать в городе пробок. Уоррен отказался присутствовать там лично: в Даллас он собирался только в июне, допрашивать Джека Руби.

Реконструкция прошла благополучно, и Спектер еще более уверился в правильности версии одного выстрела. ФБР выполнило все просьбы комиссии. На прикрепленной к винтовке Освальда камере остались те самые кадры, которые Спектер рассчитывал увидеть, в том числе без труда прослеживалась траектория, по которой пуля могла бы, вылетев из окна шестого этажа, поразить сначала Кеннеди в шею, а потом и Коннелли. В Даллас на реконструкцию привезли также камеру Запрудера и две другие любительские камеры, на которых остались кадры убийства на Дили-Плаза, – агенты ФБР сумели воспроизвести сцены, запечатленные на этих пленках.

Получил Спектер и другие утешительные известия. Баллистические испытания также показали правдоподобность версии одной пули: металлические осколки, засевшие в запястье Коннелли, оказались столь малы, что могли отколоться от той же пули, которая пробила шею президента. Пуля, найденная в больнице Паркленда, до выстрела весила 160–161 гран, а теперь – 158,6 гран2. Осколки, обнаруженные на рентгеновском снимке запястья Коннелли, должны были весить намного меньше.

Траектории пуль, вылетевших из винтовки Освальда, и вероятный ущерб, нанесенный ими человеческому телу, проверяли независимо и эксперты из ФБР, и военные специалисты. Эджвудский арсенал в Мэриленде – строго засекреченный исследовательский центр Министерства обороны

под Вашингтоном – начиная с апреля использовал винтовку Освальда Mannlicher-Carcano в ряде испытаний3 . Армейские специалисты пытались ответить на вопрос, могла ли пуля из этой винтовки причинить ранения, полученные Кеннеди и Коннелли. Описанные в армейском отчете результаты экспертизы – страшноватое чтение. Чтобы воспроизвести путь пули через два тела, специалисты приготовили разные мишени, в том числе человеческие черепа, заполненные желатином, и руки покойников. Также в качестве мишеней для реконструкции полученной Коннелли раны в грудь использовали тринадцать коз, предварительно дав им сильную анестезию. Коз заматывали в несколько слоев ткани, имитируя пиджак, рубашку и нижнее белье губернатора. Среди членов комиссии были любители животных, которых передергивало при виде фотографий козы, привязанной к дереву в ожидании выстрела.

На основании этих тестов армейские специалисты также в целом согласились с версией одного выстрела. «Результаты показали, что раны, полученные президентом и губернатором Коннелли, в том числе обширная рана головы президента, могли быть причинены» пулями, которыми обычно пользовался Освальд, выпущенными из его винтовки. «Пуля, ранившая президента в шею, сохранила достаточную скорость, чтобы причинить все раны, полученные губернатором». В поддержку версии одного выстрела армейские специалисты задавали вопрос: а куда девалась пуля, пробившая шею Кеннеди, если она не вошла в спину Коннелли? В лимузине от нее не осталось и следа. Если бы она угодила в какую-то деталь лимузина, то, согласно отчету, «ущерб был бы намного больше и заметнее, чем легкое повреждение, обнаруженное на ветровом стекле».

Подобно своим коллегам, а также врачам и другим специалистам, с которыми он беседовал, Спектер, по его словам, наконец-то перестал беспокоиться из-за одного странного феномена на пленке Запрудера: почему после второго выстрела голова президента дернулась назад, словно пуля угодила в него спереди, а не сзади4 . Врачи и эксперты по баллистике объяснили следователям комиссии, что предсказать реакцию тела на пулевой удар очень трудно: ранение могло вызвать спазм нервной системы и неожиданное движение. С точки зрения неспециалиста, такие подергивания, конечно, противоречат простым законам физики. И Спектеру пришло в голову чудовищное, как он сам признавал, сравнение: этот странный рывок головы на пленке Запрудера был похоже

на то, что он видел ребенком на ферме в Уичито, когда отец резал курицу к семейному столу. Тело птицы продолжало движение без головы, без контроля. «Я невольно сравнил это с тем, что происходило с курицей, – говорил Спектер. – Это спазм, нервы».

Дэвид Белин зачастую выступал в качестве главного весельчака комиссии, но при всей жизнерадостности уроженца Айовы он подрастерял с начала расследования энтузиазм и к весне порой падал духом. «Работа увлекала, но не меньше было и разочарований – из-за недостаточной помощи техников и секретарей, из-за слишком малого количества сотрудников в таком сложном расследовании, из-за лицемерия»5, с каким комиссия изображала деликатное отношение к Марине Освальд, хотя было ясно, что она лжет под присягой. «Весь процесс работы – сплошные разочарования». Белин злился на Рэнкина, которому приходилось играть роль посредника между членами комиссии и штатными сотрудниками. «Временами общение между руководством комиссии и юристами прерывалось, а нормального обмена идеями между юристами и Рэнкином и между самими сотрудниками не было никогда», – утверждал Белин. Он почитал себя самого наряду со Спектером «отцом» версии одного выстрела, но члены комиссии не проявили интереса даже к столь важной теме.

Белин хотел сделать кое-какие существенные, как ему казалось, предложения по поводу заключительного отчета. В служебной записке он настаивал: нужно включить в отчет подробные выдержки из показаний ключевых свидетелей, чтобы читатели могли вполне оценить смысл их слов. Для этого, по мнению Белина, требовалось несколько томов. «Я хотел, чтобы значительный объем показаний был воспроизведен дословно, потому что мне это казалось наиболее эффективным способом явить истину». Но ни Рэнкин, ни другие сотрудники не находили времени даже на обсуждение этой идеи. «Тут, как и во многих других случаях, я видел, что “сторону защиты не заслушают”: мы были так заняты деревьями, что за ними не видели леса».

Белин выбился из сил, как и все остальные сотрудники. По его подсчетам, он трудился семьдесят часов в неделю, больше, чем даже Редлик, который, казалось, не отлучался из офиса даже ради сна. И Белин с тревогой думал,

что у него осталось совсем мало времени до отъезда из Вашингтона, а по его линии расследования еще столько оставалось сделать! Партнеры в Де-Мойне настаивали на его скорейшем возвращении. Белин решил уехать перед Днем поминовения, а затем наведываться в Вашингтон на день-другой, когда партнеры отпустят.

Однажды вечером Белин поделился своими огорчениями со Спектером. Отчет комиссии выйдет никуда не годным, жаловался Белин. «Я высказал свою досаду: это могло бы стать монументальным трудом с участием талантливейшей группы юристов, это была бы первоклассная работа, а получается средненькое, второго сорта, изделие». Гораздо более сдержанный Спектер напомнил другу, что проведенное комиссией расследование, при всех его недочетах, все же установило основные обстоятельства убийства. «Мы сделали главное – докопались до истины», – сказал он.

Белин был задет тем, что почти все его предложения пошли прахом. Он продолжал настаивать на необходимости допросить Марину Освальд, Джека Руби и других ключевых свидетелей на детекторе лжи. По этому поводу он писал Рэнкину одну служебную записку за другой. Привяжите Марину Освальд к детектору, взывал Белин, и она раскроет тайны своей жизни с Освальдом в России – ведь никаким иным способом комиссия не могла проверить правдивость этой части ее показаний. «Если она откажется, значит, ей есть что скрывать»6 . И почти столь же настойчиво Белин уговаривал подвергнуть той же процедуре Руби, но опять же потерпел поражение, «большинство сотрудников сплотились против меня». Председатель комиссии оказался не на стороне Белина: в глазах Уоррена детектор лжи был одним из «орудий Большого брата».

Удивительное совпадение, но таких совпадений в ходе расследования было немало: Белин дружил с раввином Джека Руби7. Он познакомился с красивым и энергичным рабби Гиллелем Сильверманом, который возглавлял в Далласе общину религиозных консерваторов «Шеарит Израэль», летом 1963 года, во время совместной поездки в Израиль с целью изучения религии.

Итак, в одну из первых поездок в Даллас Белин наведался к своему другу,

раввину Сильверману, а тот продолжал регулярно навещать Руби в тюрьме. Белин сказал Сильверману: он понимает, что большая часть разговоров раввина с прихожанином остается конфиденциальной, «но не поднимался ли вопрос о существовании заговора?» Верит ли Сильверман утверждению Руби, что тот действовал в одиночку?

«Джек Руби не причастен ни к каким заговорам, – ответил Сильверман. – Тут нет сомнений». Руби заверял раввина в том, что действовал один, и Сильверман считал, что заключенный говорит правду. Руби сказал Сильверману, что если бы он действовал по чьему-то приказу, то пристрелил бы Освальда сразу, когда еще в пятницу вечером оказался рядом с ним во время пресс-конференции в полицейском управлении. «Захоти я убить его, тут бы и спустил курок, ведь пистолет лежал у меня в кармане», – пояснил Руби Сильверману. По словам раввина, Руби всегда приводил одно и то же объяснение своего поступка: он убил Освальда, «чтобы избавить миссис Кеннеди от необходимости возвращаться сюда на суд».

Поскольку Сильверман был уверен, что Руби действовал один, Белин решился просить раввина о важной услуге, причем этот разговор требовалось сохранить в тайне. «Я сказал ему: хотя сам он уверен, что Руби не замешан в заговоре с целью убийства, общественность никогда не поверит, если Руби не пройдет тест на детекторе лжи, – вспоминал Белин. – И еще я сказал, что комиссия Уоррена по собственной инициативе этого не предложит, нужно, чтобы Руби сам попросил». Проверка на детекторе лжи могла прийтись некстати, поскольку Руби, выслушав смертный приговор, подал апелляцию – впрочем, его положение вряд ли могло стать хуже.

Не попытается ли Сильверман уговорить Руби, чтобы тот вызвался пройти тест? В этом и заключалась просьба Белина. Допрос Руби в присутствии Уоррена намечался на июнь. Руби мог бы обратиться с этим ходатайством непосредственно к председателю Верховного суда.

Сильверман обещал поговорить с Руби.

Глава 39

Офис генерального прокурора

Министерство юстиции

Вашингтон

июнь 1964 года

Роберт Кеннеди не хотел давать показания комиссии. Такое сообщение передал председателю Верховного суда в начале июля Говард Уилленс, чувствовавший себя несколько неловко в двойной роли одного из главных юристов комиссии и вместе с тем представителя Министерства юстиции.

Кеннеди не пояснил – во всяком случае, не пояснил на бумаге, – почему он столь решительно отказывается от дачи показаний. Уоррен предпочел не давить, он готов был признать, что Роберту слишком тяжело отвечать на вопросы в связи с гибелью брата. И само собой, председатель Верховного суда, принимая такое решение, не поинтересовался мнением штатных юристов комиссии. Кое-кто из них впоследствии говорил, что они бы, будь их воля, настаивали на разговоре с генеральным прокурором и в особенности попытались бы выяснить, не подозревает ли он существование заговора. Уж Роберт Кеннеди знал врагов своего брата. Он был ближайшим советником президента и в пору Карибского кризиса 1962 года, и когда возникали другие угрозы со стороны Советского Союза, Кубы или других внешних противников, а также в борьбе с внутренними врагами – мафией и коррумпированными лидерами профсоюзов. Если заговор существовал, Роберт Кеннеди мог по крайней мере догадываться, кто в нем участвовал и по какой причине. Дэвид Слосон понимал, сколь важны показания Кеннеди, особенно в связи с Кубой. В политических кругах Вашингтона было хорошо известно, что после неудачи в заливе Свиней президент поставил младшего брата во главе тайной войны США против Кубы. «Он был доверенным лицом президента во всех кубинских делах»1 , – пояснял Слосон.

Вместо устных показаний под присягой Кеннеди предлагал подготовить для комиссии краткое письменное заявление. Посовещавшись с Кеннеди и его заместителем Николасом Катценбахом, Уилленс направил Рэнкину служебную записку с черновыми набросками двух писем. Первое письмо

с обращенным к генеральному прокурору запросом, располагает ли он полезной для комиссии информацией, должен был подписать Уоррен. Ответное послание с утверждением, что подобной информацией он не располагает, намеревался подписать Кеннеди. «Генеральный прокурор предпочитает выполнить свои обязанности перед комиссией в такой форме, а не являться в качестве свидетеля»2 , – пояснял Уилленс.

В служебной записке Уилленс сообщал, что Кеннеди дал ему ясно понять: он не следил за ходом расследования комиссии, а потому ему нечего добавить. «Генеральный прокурор проинформировал меня, что не получал от директора Федерального бюро расследований отчетов о ходе расследования убийства и главными источниками информации для него служили председатель Верховного суда, заместитель генерального прокурора и я».

Вот полный текст письма Уоррена, датированного 11 июня:

«Уважаемый генерал!

На всем протяжении расследования, проводимого нашей комиссией, Министерство юстиции оказывало весьма существенную помощь, предоставляя по запросу комиссии необходимую информацию.

В данный момент комиссия близка к завершению расследования. Прежде чем опубликовать отчет, мы хотели бы знать, не располагаете ли вы какой-либо дополнительной информацией в связи с убийством президента Джона Ф. Кеннеди, которая не была получена комиссией. Учитывая широко циркулирующие слухи на этот счет, комиссия в особенности хотела бы знать, располагаете ли вы информацией, указывающей, что убийство президента Кеннеди могло стать результатом внутреннего или международного заговора. Само собой разумеется, если у вас есть какие-либо предложения по расследованию этих слухов или по какому-либо другому разделу работы комиссии, мы готовы их принять.

От лица комиссии благодарю вас и ваших помощников за помощь, оказанную в нашей работе»3 .

Раз уж Уоррен пошел Кеннеди навстречу и не стал вызывать его свидетелем, в комиссии ожидали от Кеннеди немедленного ответа – хотя бы в знак благодарности. Однако, к удивлению Уоррена и его сотрудников, на ответ Кеннеди понадобилось несколько месяцев.

Наряду с генеральным прокурором наибольшим влиянием на президента Кеннеди пользовался его консультант Кеннет О’Доннелл, 40-летний юрист из Массачусетса, принадлежавший к тому кругу ближайших сподвижников Белого дома, который уже стали именовать «ирландской мафией»4. О’Доннелл участвовал в составлении планов поездки в Техас и ехал в том же кортеже по Далласу в машине Секретной службы, следовавшей вплотную за лимузином президента.

Кеннет также сообщил комиссии, что не желает давать показания. Его секретарь в Белом доме проинформировал Спектера, что вместо О’Доннелла показания может дать другой ближайший советник Кеннеди, Дэйв Пауэрс: поскольку он сидел рядом с О’Доннеллом в машине, то и показания их совпадут. Спектер представил свои возражения Рэнкину, и в конце концов О’Доннелла уговорили дать показания, но освободили его от явки в офис комиссии: Спектер и Норман Редлик сами отправились в Белый дом 18 мая.

Рассказ О’Доннелла о поездке в Даллас не противоречил другим показаниям, но обогащал их замечательными подробностями о последнем разговоре с президентом утром в день убийства5 . Оказывается, они обсуждали, как легко было бы снайперу с винтовкой убить Кеннеди. Говорили они об этом в отеле «Техас» в Форт-Уэрте перед выездом в Даллас. «Разговор состоялся в его номере, в присутствии миссис Кеннеди и моем, примерно за полчаса до выезда из отеля, – сообщил О’Доннелл. – Насколько я помню, президент рассказывал супруге о функциях Секретной службы и о том, как он сам понимает ее роль».

Кеннеди, по его словам, сказал: «Если бы кто-то решил убить президента Соединенных Штатов, это было бы несложно – достаточно подняться на верхний этаж какого-нибудь здания, вооружившись винтовкой

с телескопическим прицелом, и никто ничего не сможет тут поделать».

Спектер спросил О’Доннелла, как отнеслась к этому мрачному пророчеству миссис Кеннеди.

– Полагаю, общий смысл разговора сводился к тому, что она согласилась, что при демократии это неизбежно.

В своих показаниях О’Доннелл допустил ляп, о котором весьма скоро пожалел, а Спектер благодаря этому убедился в том, как жестко семейство Кеннеди контролирует складывающуюся историю гибели президента. Спектер попросил О’Доннелла рассказать о возвращении в Вашингтон на борту президентского самолета, о разговорах с миссис Кеннеди в пути. С обычной дотошностью Спектер уточнял мельчайшие детали:

– О чем вы говорили? – спросил он.

– Перебирали воспоминания, – ответил О’Доннелл.

– Она что-нибудь ела на обратном пути?

– Нет. Кажется, мы оба выпили, – ответил О’Доннелл. – Я уговаривал ее выпить что-нибудь покрепче.

По его словам, она согласилась выпить – как позднее уточнялось, разбавленный водой скотч, – но больше не хотела поговорить.

Завершив допрос, Спектер вернулся в офис комиссии, и на него тут же набросился взволнованный Рэнкин:

– С какой стати вы спрашивали О’Доннелла, пила ли миссис Кеннеди в самолете?

– Ли, я его не об этом спрашивал, – возразил Спектер и пояснил, что эти подробности О’Доннелл выболтал по собственной инициативе.

– Они уже позвонили, они чертовски злы, – сказал Рэнкин. – Они очень недовольны.

Спектер сообразил, что О’Доннелл спохватился и запаниковал: публика

узнает, что первая леди пила спиртное в день убийства мужа, успокаивая таким образом нервы, это примут за признак слабости. «Видимо, проболтавшись насчет выпивки, О’Доннелл здорово струхнул и поспешил свалить вину на меня», – рассуждал впоследствии Спектер.

– Не было такого, – повторил Спектер Рэнкину. – Прочтите протокол.

Протокол подтвердил правоту Спектера[6] .

К концу весны сотрудники комиссии пришли к убеждению, что Уоррен намерен завершить расследование, так и не получив показания Жаклин Кеннеди. Он не скрывал, что сама идея официально допрашивать миссис Кеннеди об обстоятельствах смерти ее мужа ему тяжела и неприятна, и откладывал этот вопрос из месяца в месяц, сколько бы Спектер ни настаивал. Бывшую первую леди Уоррен опекал «как собственную дочь», вспоминал потом Спектер. И когда Спектер обращался к Рэнкину с просьбой назначить дату для встречи с Жаклин, он неизменно получал в ответ: «По этому поводу решение пока не принято».

Спектер слышал, но не мог проверить слух, что Уоррен в итоге уступил и согласился провести допрос миссис Кеннеди лишь под давлением другого члена комиссии, Джона Макклоя. Якобы в закулисном разговоре Макклой разгорячился и заявил Уоррену, что комиссия просто обязана допросить Жаклин, другого выхода нет. Она ехала в том автомобиле в кортеже, она ближе всех находилась к мужу в тот момент, когда его убили. Кроме того, «она рассказывает об убийстве на всех коктейльных вечеринках в Вашингтоне», сказал Макклой Уоррену. И как им обоим было известно, Жаклин Кеннеди обсуждала подробности убийства с Уильямом Манчестером, давала ему интервью для книги. Спектеру рассказали также, что в этом споре Макклой умышленно именовал Уоррена «господин председатель комиссии», а не «господин председатель Верховного суда», что для Уоррена, требовавшего, чтобы к нему обращались по его званию в суде, было «нестерпимым оскорблением»[7] .

Но раз уж пришлось допрашивать Жаклин Кеннеди, Уоррен решил сделать это сам и не приглашать никого из штатных юристов комиссии. Спектер, который брал показания у всех, кто ехал в том кортеже, о допросе Жаклин

узнал уже постфактум. Кроме того, Уоррен решил, что миссис Кеннеди будет давать показания у себя дома: не станет же он требовать, чтобы она приехала к нему с другого конца столицы.

Около четырех часов в пятницу, 5 июня, казенный автомобиль председателя Верховного суда Уоррена остановился перед домом номер 3017 по N-стрит8 – перед кирпичным особняком в колониальном стиле, который миссис Кеннеди приобрела через несколько недель после убийства. Семнадцатикомнатное здание под сенью магнолий располагалось в самой престижной части Джорджтауна, поблизости от намного меньшего одноквартирного дома, где сенатор Кеннеди и его супруга провели первые годы брака.

Новый дом должен был сделаться убежищем для вдовы, тем местом, где она начнет строить свою новую жизнь. Но, едва подъехав, Уоррен понял, что этот дом превратился для миссис Кеннеди и ее двоих детей в тюрьму. У ворот круглосуточно дежурили полицейские, отгоняя «папарацци» – это словечко из фильма Феллини 1960 года еще не вполне укоренилось в Вашингтоне – и бесконечную вереницу туристов, желавших поглазеть на бывшую первую леди. К негодованию соседей на обоих концах улицы обосновались торговцы, которые снабжали непрерывно щелкавших фотоаппаратами зевак попкорном и лимонадом. Входя в дом к миссис Кеннеди в сопровождении лишь Рэнкина и стенографиста, Уоррен дал себе зарок, что этот разговор будет предельно коротким и, по возможности, безболезненным для вдовы.

Роберт Кеннеди присутствовал при показаниях своей невестки – он встретил Уоррена в дверях. Для друзей и родных миссис Кеннеди это решение не стало неожиданностью. С благословения своей жены Этель генеральный прокурор находился рядом с Жаклин Кеннеди со дня убийства, порой проводил у нее в Джорджтауне всю вторую половину дня. «Я поделюсь им с тобой»9 , – обещала Этель Жаклин. Они расселись вокруг стола в гостиной миссис Кеннеди (в этой же комнате она давала интервью для книги Манчестера). Уоррен сразу же постарался успокоить Жаклин. Официального допроса не будет, пообещал он.

– Миссис Кеннеди, комиссия просит лишь, чтобы вы по-своему, своими

словами рассказали о том, что произошло в момент убийства президента, – сказал Уоррен. – Нам нужно только краткое заявление. Говорите так, как вам удобнее, все, что сочтете нужным сказать.

После такого предуведомления он обернулся к Рэнкину и велел приступать.

– Прошу вас назвать ваше имя для протокола, – начал Рэнкин.

– Жаклин Кеннеди.

– Вы вдова бывшего президента Кеннеди?

– Да.

Рэнкин:

– Можете ли вы вспомнить момент, когда 22 ноября вы прибыли на аэродром Лав-Филд, и описать, что произошло затем?

Миссис Кеннеди:

– Мы вышли из самолета. Нас встречали тогдашний вице-президент и миссис Джонсон. Они вручили нам цветы. Нас ждал автомобиль, но там собралась большая толпа, все кричали, размахивали плакатами. Мы принялись пожимать всем руки.

Так первыми вопросами Рэнкин деликатно помог миссис Кеннеди воспроизвести события последнего часа перед убийством и то, что ей запомнилось из поездки в кортеже. Он попросил описать ее положение в автомобиле относительно мужа и супругов Коннелли.

Миссис Кеннеди припомнила, какая жара стояла в тот день в Далласе и как она обрадовалась, завидев далеко впереди туннель, когда президентский автомобиль свернул на Хьюстон-стрит. Кортеж устремился к туннелю, который должен был увести его прочь с Дили-Плаза.

– Я все думала: в туннеле будет прохладнее!

Рэнкин:

– А вы помните, как кортеж свернул с Хьюстон-стрит на Элм прямо у здания книжного склада?

Миссис Кеннеди припомнила, как миссис Коннелли указала на ликующую толпу и, обернувшись к президентской чете, сказала: «Право, вы не можете пожаловаться на дурной прием в Техасе».

Рэнкин:

– Что ответил на это президент?

Миссис Кеннеди:

– Кажется, он сказал: «Нет, конечно, не можем» или что-то в этом роде. И тут автомобиль снизил скорость, вокруг осталось не очень много людей, и тогда…

Пауза.

– Вы хотите, чтобы я рассказала вам о том, что произошло? – спросила миссис Кеннеди.

Этим вопросом она как бы напоминала Уоррену и Рэнкину, чего они требуют от нее: рассказать под протокол о том, что творилось в лимузине, когда прозвучали выстрелы.

Рэнкин:

– Да, если можно.

И она начала:

– Я смотрела в ту сторону, влево, и услышала эти ужасные звуки, понимаете? А мой муж не издал ни звука. И я обернулась вправо. И все, что я помню – я увидела мужа, у него был такой вроде бы недоумевающий вид и рука поднята. Наверное, это была левая рука. И как раз когда я обернулась и поглядела на него, я увидела осколок его черепа, я запомнила, что он был телесного цвета с маленькими зазубринами. Помню, как я подумала: он выглядит так, словно у него слегка болит голова. И помню, как увидела это. Ни крови, ничего больше. И он сделал

примерно вот так…

Она поднесла руку к голове, пояснив, что ее муж «прижал ладонь ко лбу и рухнул мне на колени».

– А потом я помню только, как рухнула на него, повторяя: «О, нет, нет, нет!» И: «Боже, они застрелили моего мужа». И: «Я люблю тебя, Джек!» – помню, я это кричала. Я скорчилась там, в машине, а его голова лежала у меня на коленях. Казалось, это длится вечность. Вы знаете, есть фотографии, на которых я пытаюсь вылезти с заднего сиденья наружу. Но этого я не помню совсем.

Рэнкин спросил, помнит ли она, как агент Секретной службы залез на капот и втолкнул ее обратно на пассажирское сиденье.

Миссис Кеннеди:

– Я ничего не помню. Я была там, под ним. И наконец я услышала голос позади меня или что-то такое, а потом помню, люди на переднем сиденье или еще кто-то поняли наконец, что что-то случилось, и чей-то голос закричал, наверное, это был мистер Хилл: «Едем в больницу», а может быть, это был мистер Келлерман на переднем сиденье. Но кто-то закричал. А я сидела и держала его.

– Я пыталась удержать его волосы, – сказала она, описывая, как второй пулей сорвало большой кусок от черепа Кеннеди. – Спереди там ничего не было – думаю, там должно было быть. Но сзади было видно, знаете… попытаться удержать его волосы на месте, удержать его череп.

Рэнкин:

– Вам запомнился один выстрел или несколько?

Миссис Кеннеди:

– Ну, должно быть, их было два, потому что тот, из-за которого я обернулась, – тогда губернатор Коннелли вскрикнул. И это сбило меня с толку, потому что сперва мне запомнилось, что выстрелов было три, и я думала, что мой муж не издал ни звука, когда был ранен. А губернатор Коннелли кричал. А недавно я прочла, что их ранило одной пулей.

Но я думала, что если бы я смотрела вправо, я бы увидела, как в него попала первая пуля, и я бы притянула его вниз, и вторая пуля не попала бы в него. Но я услышала, как кричит губернатор Коннелли, и из-за этого я обернулась, и когда я обернулась вправо, мой муж делал так…

Она подняла руку к горлу.

– В него как раз попала пуля, – сказала она. – И эти два выстрела мне и запомнились. Но я читала, что был и третий выстрел. Но я не знаю. Только эти два.

Рэнкин:

– Что вы можете сказать о скорости, с которой ехал автомобиль?

Миссис Кеннеди:

– Мы заметно сбавили скорость, огибая угол. И людей там было совсем немного.

Рэнкин спросил, останавливался ли, по ее мнению, лимузин в какой-то момент после выстрелов.

Миссис Кеннеди:

– Не знаю, потому что не думаю, чтобы мы останавливались. Но все так спуталось. Я скорчилась в машине, а все кричали, что надо ехать в больницу, их было слышно по рации, и вдруг я почувствовала резкое ускорение – видимо, когда мы тронулись с места.

Рэнкин:

– И тогда вы на большой скорости поехали в больницу, верно?

Миссис Кеннеди:

– Да.

Рэнкин:

– Вам запомнилось, что кто-нибудь что-то сказал во время выстрелов?

Миссис Кеннеди:

– Нет. Ни слова. Только губернатор Коннелли закричал. И, кажется, миссис Коннелли плакала и прикрывала собой мужа. Но слов я не помню.
И там же толстое ветровое стекло между – ну, вы знаете – так мне кажется. Ведь так?

Рэнкин:

– Между сиденьями.

Миссис Кеннеди:

– Так что, понимаете, те бедолаги спереди – их невозможно было услышать.

Она имела в виду двух агентов Секретной службы на переднем сиденье.

Рэнкин обернулся к председателю Верховного суда:

– У вас еще есть вопросы?

– Нет, полагаю, нет, – ответил Уоррен. Показания Жаклин Кеннеди с начала до конца длились всего девять минут. – Думаю, это и есть то, за чем мы пришли. Большое вам спасибо, миссис Кеннеди.

Протокол показаний миссис Кеннеди был включен в опубликованный архив комиссии10 , но комиссия решила, без дальнейших объяснений, вычеркнуть три фразы, которыми миссис Кеннеди описывала, как она пыталась удержать на месте осколок черепа, начиная со слов: «Я пыталась удержать его волосы». В официальном протоколе комиссия заменила эти слова фразой: «Упоминание о ранах исключено».

Глава 40

Техасский склад школьных учебников

Даллас, Техас

7 июня 1964 года, воскресенье

Эрл Уоррен даже в последние недели расследования уклонялся от поездки в Техас. И это понятно: если какой-то крупный город Соединенных Штатов мог считаться опасной для председателя Верховного суда территорией, то, конечно же, Даллас, где так безжалостно расправились с его другом-президентом и где жили многие руководители ультраконсервативного движения сегрегационистов, призывавшие к импичменту и отставке Эрла Уоррена. Судья понимал, что в Далласе он непременно наткнется на плакаты «Импичмент Эрлу Уоррену!». Друзьям Уоррен говорил, что эти вывески его лично не обижали, но его жена Нина была возмущена. «Я мог и посмеяться над этим, – говорил Уоррен. – Труднее было успокоить мою супругу»1 .

И все же, хоть и без особой радости, Уоррен согласился поехать в Даллас на допрос Джека Руби, намеченный на воскресенье 7 июня2 . В этой поездке он также имел возможность лично осмотреть Дили-Плаза и Техасский склад школьных учебников. С помощью Спектера Рэнкин принялся составлять для Уоррена расписание на целую неделю. Спектеру запомнилось, что первоначально расписание «битком набили встречами и осмотрами», но Уоррен воспротивился: он отнюдь не собирался проводить столько времени в Далласе. Тогда Рэнкин предложил длинные выходные, основным событием которых должен был стать допрос Руби. Уоррену предстояло вылететь из Вашингтона в пятницу днем и вернуться в понедельник, как раз к заседанию Верховного суда.

«Согласен на воскресенье» – так, по словам Спектера, ответил Уоррен. Вся поездка сводилась к одному дню. Председатель Верховного суда отказался даже переночевать в Далласе.

Спектер посочувствовал коллеге, Берту Гриффину, ставшему в комиссии экспертом по Руби: Гриффина оставляли в Вашингтоне из-за его разногласий с полицией Далласа. Спектер и сам бы охотно отказался от поездки, если бы Уоррен и Рэнкин предоставили ему выбор: он предпочитал поехать в Филадельфию и «целиком провести выходные с женой и маленькими сыновьями».

Но Рэнкин поручил Спектеру организовать утром в понедельник тур

по Далласу для Уоррена. Предстояло осмотреть Дили-Плаза и маршрут Освальда по городу до того места, где был убит Типпит, а затем до кинотеатра «Техас», где Освальда наконец арестовали. Рэнкин попросил Спектера подробно изложить Уоррену версию одной пули, когда они окажутся возле склада учебников, «начиная с того, как убийца засел на шестом этаже».

В пятницу 5 июня Спектер в Вашингтоне готовился к поездке. Он надеялся выбраться из офиса пораньше, успеть на поезд до Филадельфии и провести с семьей хотя бы часть выходных. Рано утром в воскресенье он собирался обратно в Вашингтон, чтобы вместе с Уорреном лететь в Даллас. Но до отъезда ему требовалось поговорить с Рэнкином, а Рэнкин куда-то пропал, и Спектер напрасно ждал его: «Я пропустил поезд, отправлявшийся в четыре часа, затем тот, который отправлялся в пять».

В тот самый день, ни словом не предупредив Спектера, Уоррен и Рэнкин отправились в Джорджтаун заслушать показания Жаклин Кеннеди.

Рэнкин вернулся в офис в начале шестого и столкнулся со Спектером в туалете. «Рэнкин сказал, что знает: я его ищу, – рассказывал Спектер. – Я ответил, что подготовил детали воскресной поездки в Даллас». Рэнкин нехотя признался, где он был, и, как запомнилось Спектеру, «напрягся», опасаясь гневной реакции молодого коллеги.

И Спектер, как он сам признавался, действительно впал в ярость. Месяцами он добивался встречи с миссис Кеннеди, а теперь Уоррен и Рэнкин наведались к ней, не соизволив даже предупредить его.

«Я ничего не сказал, – рассказывал впоследствии Спектер. – Ничего и не требовалось говорить: Рэнкин и так понимал, что я вне себя». Спектер, по его словам, сделал глубокий вздох и решил, что теперь уже нет смысла устраивать скандал. «Что сделано, то сделано». Он попытался совладать с гневом и сосредоточиться на ближайшей задаче – успеть домой в Филадельфию хотя бы к ночи.

У Рэнкина тоже настроение было непраздничное. Уоррен потребовал, чтобы он летел вместе с ним в Даллас, а значит, не оставалось возможности съездить на выходные на Манхэттен к жене – придется торчать в Далласе, в комнате для допросов, с Джеком Руби

и председателем Верховного суда. Как и Спектер, Рэнкин начал уставать от Вашингтона. «Скоро придется стелить себе “ложе на небесах”, черт побери!» – ворчал он.

В воскресенье утром Спектер вернулся в Вашингтон, и Уоррен предложил заехать за ним в отель и вместе отправиться на авиабазу Эндрюс в Мэриленде, где их ждал небольшой государственный самолет JetStar. Председатель Верховного суда, как запомнилось Спектеру, был на редкость в хорошем настроении. Во время полета они болтали о бейсболе. В тот день Giants из Сан-Франциско, за которых болел Уоррен, встречались в матче за первое место в Национальной лиге с Phillies из родной для Спектера Филадельфии. «Линия фронта определилась сразу», – вспоминал Спектер.

Они приземлились в Далласе поздним утром и тут же принялись за дело. Конгрессмен Форд и сотрудник комиссии Джо Болл добрались в Даллас самостоятельно и встретились там с Уорреном, Рэнкином и Спектером, чтобы вместе осмотреть склад учебников. Вокруг председателя Верховного суда и его спутников собирались небольшие, дружелюбно настроенные группы людей. Пустив в ход отточенный в Калифорнии политический талант, «Уоррен болтал и шутил с прохожими», рассказывал Спектер.

На складе Уоррена провели на шестой этаж и показали то место, которое предположительно занимал Освальд. Для осмотра восстановили декорации дня убийства, в том числе штабеля коробок с детскими деревянными кубиками – «кубиками для чтения», как они называются, потому что на каждом написана буква и дети могут складывать их в слова. Очевидно, Освальд нагромоздил эти коробки в штабеля, чтобы за ними спрятаться. Уоррен и тут не устоял перед своим «политическим инстинктом» и прихватил с собой несколько кубиков: надписав, он раздал их у выхода со склада в качестве сувениров. Достался кубик с автографом Уоррена и Спектеру.

Около 11 часов Спектер и Уоррен встали у окна шестого этажа. «Уоррен принял молчаливую задумчивую позу, и я понял, что пора приступать, – вспоминал Спектер. – Минут восемь председатель слушал, не перебивая, а я кратко излагал» версию одной пули. Пока Спектер говорил, «Уоррен

стоял, скрестив руки на груди, изучая Дили-Плаза», рассказывал Спектер. «Добавить бы президентский кортеж и ликующие толпы, и этот вид на Дили-Плаза, Элм-стрит и Тройной туннель совпал бы с тем, что видел Освальд, прятавшийся под этим окном шесть с половиной месяцев назад».

Спектер начал доклад с напоминания о «неопровержимых материальных уликах», доказывающих виновность Освальда: здесь, на шестом этаже, всего в нескольких сантиметрах от того места, где теперь стоял Уоррен, нашли принадлежавшую Освальду винтовку Mannlicher-Carcano , и баллистическая экспертиза подтвердила, что пуля, найденная в больнице Паркленда, была выпущена из этой самой винтовки. Отпечатки пальцев Освальда остались на винтовке; гильзы, обнаруженные на полу шестого этажа, соответствовали винтовке и выпущенным из нее пулям.

Спектер также напомнил Уоррену о данных патологоанатомической экспертизы о той пуле, которую предъявили комиссии патологоанатомы из госпиталя ВМФ, – той, что вошла сзади в основание шеи Кеннеди и вышла спереди через горло, разорвав узел галстука. Указывая пальцем за окно, Спектер проследил траекторию пули после того, как она прошла через шею президента. Он пояснил, что проведенный двумя неделями ранее следственный эксперимент на месте преступления подтвердил, что пуля должна была затем войти в спину Коннелли, выйти из груди, далее пройти через запястье и засесть в бедре. Уоррен уже неоднократно смотрел фильм Запрудера, так что не было необходимости напоминать председателю Верховного суда, что произошло в следующий момент, когда вторая пуля поразила президента в затылок.

«Я закончил доклад, а председатель Верховного суда все молчал, – вспоминал Спектер. – Он развернулся на пятках и отошел в сторону, так ничего и не сказав». Молчание Уоррена начало раздражать его: мог бы хоть похвалить его доклад. Но потом Спектер решил, что это молчание означает: Уоррен целиком и полностью принял версию одной пули.

Со склада учебников всю группу повели через улицу в окружную тюрьму Далласа. Там, на кухне у шерифа, им предстояло выслушать показания Руби. Форду это помещение запомнилось как «спартанское» и довольно тесное, примерно три метра на пять с половиной3. Посреди кухни

поставили стол размером метр на два с половиной и расставили вокруг стулья для Руби и тех, кто собирался его допрашивать.

Спектеру запомнилось, что Уоррен намеренно попросил предоставить для допроса небольшое помещение: он хотел свести к минимуму число присутствующих. «Слетелись крупные шишки из Вашингтона и Далласа» в надежде поучаствовать в историческом моменте, пояснял Спектер, и не все попали внутрь. Места было так мало, что Уоррену пришлось оставить за дверью и члена своей команды. «Председатель просмотрел список участников и обнаружил лишь одного человека, кого можно было исключить: меня, – рассказывал Спектер4 . – Так что я сидел в офисе шерифа и смотрел по национальному телевидению бейсбольный матч команд Филадельфии и Сан-Франциско. В тот момент я не слишком огорчился. Задним числом понимаю, что зря»[17].

Примерно в 11.45 помощники шерифа привели Руби, одетого в белую тюремную робу. На ногах у него были сандалии-вьетнамки – такие выдают заключенным, склонным к самоубийству, вместо обуви со шнурками. Форду запомнилось, как Руби сел и принялся играть с клочком салфетки и резинкой. «Чисто выбритый, лысеющий, с орлиным носом и слишком крупными для невысокого худощавого человека руками и ногами», – вспоминал его Форд. Явился один из адвокатов Руби, Джо Тонахилл. Поначалу Руби казался «неожиданно разумным и совершенно спокойным, ничего похожего на то, о чем я читал перед поездкой в отчетах психиатров», рассказывал Форд. Но и проникнуть в мысли Руби было непросто. Он «имел обыкновение какое-то время смотреть прямо на тебя», а затем отворачиваться – «не поймешь, о чем он думает».

Перед тем как Уоррен привел Руби к присяге, тот задал мучивший его вопрос:

– Если вы не используете на допросе детектор лжи, как вы убедитесь, что я говорю правду?5

– Не беспокойтесь об этом, Джек, – перебил его Тонахилл.

Но Уоррен уже вступил в разговор:

– Вы хотели о чем-то попросить, мистер Руби?

Руби:

– Я бы хотел пройти детектор лжи или чтобы мне дали сыворотку правды, и тогда я расскажу, что побудило меня сделать то, что я сделал… Только я не знаю, мистер Уоррен, полагаетесь ли вы на детектор лжи, или сыворотку правды, или что-то в таком роде.

Позднее Уоррен признавал, что не успел вовремя сообразить и, не подумав, согласился на просьбу Руби:

– Если вы и ваш адвокат настаиваете на детекторе лжи, я это устрою. Готов вам в этом помочь.

Руби обрадовался:

– Да, я этого хочу.

Уоррен:

– Мы можем это организовать.

Уладив главный вопрос, Руби пожелал убедиться, что гости располагают достаточным запасом времени и могут выслушать его историю с начала до конца.

– У вас мало времени? – спросил он.

Уоррен:

– Нет, времени будет столько, сколько вам нужно.

Допрос только начался, но Руби уже забеспокоился:

– Я вам не надоел?

Уоррен:

– Все в порядке, мистер Руби. Расскажите нам свою историю.

Рассказ Руби о событиях двух дней начиная с 22 ноября, когда стало известно об убийстве Кеннеди, и до 24 ноября, когда сам Руби застрелил

Освальда в отделении полиции, был долгим и путаным. Он сказал, что о выстрелах на Дили-Плаза узнал через несколько секунд после того, как они прозвучали: он находился всего в нескольких кварталах, в редакции The Dallas Morning News , размещал рекламу выходных в клубе «Карусель». Известие о смерти Кеннеди потрясло его, сказал Руби. «Я очень разволновался… Я плакал и не мог остановиться». Руби тут же решил закрыть клуб на выходные.

В тот вечер, воспользовавшись приятельскими отношениями со многими далласскими полицейскими, Руби проскользнул в полицейское управление и присутствовал на пресс-конференции, когда Освальда предъявили репортерам. Себя Руби в тот вечер выдавал за журналиста из Израиля: если бы кто-нибудь заинтересовался им, он мог бы сказать пару слов на идише, который знал с детства.

С этого момента повествование сделалось вдруг столь отрывистым, что Уоррен едва мог за ним проследить. Руби перечислял имена родных и друзей, стриптизерш и других работников своего клуба, числа и даты, которые ничего не говорили председателю Верховного суда и его спутникам. В редкие моменты, когда Руби говорил более внятно, он продолжал отрицать причастность к какому-либо заговору, целью которого было заткнуть Освальду рот. Он настаивал, что не был ранее знаком с Освальдом и не помышлял об убийстве, пока не прочел в воскресенье статью, из которой следовало, что миссис Кеннеди, скорее всего, придется снова приехать в Даллас для дачи показаний. «Я очень разволновался, переживал за миссис Кеннеди, ей столько пришлось страдать, – рассказывал Руби. – Ради нашего любимого президента кто-то должен был сделать так, чтобы ей не понадобилось возвращаться на этот кошмарный суд».

Убийство Освальда было импульсивным поступком, утверждал Руби. Он знал, что ходят слухи, будто на преступление его подвиг кто-то из знакомых в кругах организованной преступности, но заявил, что его никто ни о чем не просил… «Я никогда ни с кем не говорил о том, чтобы попытаться что-то сделать. Никакие подрывные организации не внушали мне эту идею. Никто из преступного мира даже не пытался связаться со мной».

Форд рассказывал, что все шло достаточно гладко примерно три четверти

часа, а потом Руби и его адвокат о чем-то заспорили – причину спора Форд так и не понял, – и стенографист перестал записывать. Возникла «страшная напряженность», вспоминал Форд. «Все висело на волоске» – сможет ли Руби продолжить? Уоррен, по словам Форда, «постарался ободрить Руби и был очень с ним терпелив».

Элмер Мур, агент Секретной службы, охранявший председателя Верховного суда в этой поездке, отыскал Спектера в офисе шерифа – тот преспокойно смотрел бейсбольный матч. Мур попросил Спектера поскорее прийти в кухню: «Вы нужны там, – сообщил он. – Руби хочет, чтобы там был еврей»6 . Спектеру было достаточно известно о Руби, в том числе и то, какое значение Руби придает своему еврейскому происхождению и как он одержим идеей, будто евреев преследуют по его вине.

Вместе с Муром Спектер прошел по коридору и вернулся в кухню. Войдя, он увидел, что Руби пристально изучает его. «Глядя прямо мне в глаза, он одними губами задавал вопрос: “Ты еврей?”»

Спектер не отвечал. Руби повторил, только губами: «Еврей?» И снова, в третий раз.

Спектер, по его словам, старался не выдать себя ни мимикой, ни движением головы. Он не хотел, чтобы стенографист зафиксировал его реакцию. «Я не дергался и никак не реагировал».

Как раз в этот момент, запомнилось Спектеру, у стенографиста закончилась бумага, а Руби вскочил и увлек Уоррена за собой в угол, подав знак Спектеру следовать за ними. Джо Болл, тоже сотрудник комиссии, поднялся и хотел принять участие в их разговоре.

– Ты еврей? – спросил его Руби.

– Нет, – ответил Болл.

– Тогда отойди, – велел Руби.

Обращаясь к Уоррену, Руби взмолился:

– Начальник, отвезите меня в Вашингтон. В Альбукерке и Эль-Пасо рубят руки и ноги еврейским детям.

– Этого я сделать не могу, – сказал председатель Верховного суда.

Руби умолял Уоррена поговорить с Эйбом Фортасом, известным вашингтонским юристом, который был близок к президенту Джонсону и ожидал назначения в Верховный суд. Эйб был еврей.

– Обратитесь к Фортасу, – настаивал Руби, – он все устроит.

Форд увидел, как Руби успокоился, получив подтверждение – правда, непонятно от кого, – что Спектер в самом деле еврей. «Ему это дало силы продолжать»7 .

Стенографист снова приготовился записывать, Руби, Уоррен и Спектер вернулись на свои места. Руби заметил, как его адвокат передал записку Форду, и потребовал, чтобы ему дали ее прочесть. Разговор прервался: записку вручили Руби, а тот из-за своей дальнозоркости с трудом разбирал слова на бумаге. Уоррен предложил ему свои очки.

«Видите, я же предупреждал вас: он сумасшедший», – писал Тонахилл8 .

Руби отложил записку, вроде бы нисколько не обидевшись на оскорбительное замечание своего адвоката, и вновь обратился к председателю Верховного суда. Он просил Уоррена еще раз подтвердить, что ему позволят пройти тест на детекторе лжи или сделают укол сывороткой правды – «пентотал», сказал он, подразумевая пентотал натрия, депрессант, который часто называли «сывороткой правды». И он настаивал, чтобы его отвезли в Вашингтон.

– Вам кажется, я драматизирую? Несу чушь?

Уоррен постарался его успокоить:

– Нет, вы рассуждаете вполне, вполне разумно.

– Я хочу рассказать правду, а здесь я этого сделать не могу, – заявил Руби, дав тем самым теоретикам заговора лишнюю зацепку на будущие годы.

Именно в тот момент Спектер, отсутствовавший, когда Руби начал давать показания, впервые услышал, что тот требует проверки на детекторе лжи – и что Уоррен согласился. По словам Спектера, он сразу же понял, какую

чудовищную ошибку допустил председатель Верховного суда. Он знал, что Уоррен, как и большинство серьезных юристов – ветеранов судебных процессов, не доверяет детектору лжи – он сам наложил вето на предложение провести через эту процедуру Марину Освальд. А теперь председатель Верховного суда под протокол обещал проверку на детекторе лжи убийце Освальда, который был явно не в здравом рассудке.

Руби еще и надавил на Уоррена: дескать, в Далласе его жизнь в опасности. Он был убежден, что «другие люди» – по его предположению, члены правой организации «Общество Джона Берча» – пытаются приписать ему участие в заговоре с целью убийства Кеннеди. А поскольку Руби еврей, евреев теперь повсюду убивают, мстя за убийство президента.

– Прямо сейчас истребляют еврейский народ, – твердил он. – Я сделался козлом отпущения. Меня считают столь же виновным, как уличенного убийцу президента Кеннеди. Что вы можете сделать, чтобы исправить это, мистер Уоррен?

Если его привезут в Вашингтон и там выслушают его показания, «может быть, мой народ прекратят терзать и мучить».

Спектер видел, как расстроен Уоррен этим разговором. Председатель Верховного суда сказал Руби:

– Будьте уверены, комиссия и ее председатель сделают все, чтобы никто не тронул ваш народ.

Это длилось три с лишним часа, и наконец Уоррен прервал допрос со словами, что делает это в интересах самого же Руби.

– Мне кажется, мы утомили мистера Руби, – сказал Уоррен. – Благодарим вас за терпение и готовность дать нам столь подробные показания.

Руби:

– Я хочу одного – рассказать правду, а убедиться в этом вы можете только с помощью детектора лжи.

Уоррен:

– Мы это для вас организуем.

Председатель Верховного суда все еще надеялся выбраться из Далласа до конца дня. Он отправился на поздний ланч в дом Роберта Стори, бывшего президента Ассоциации американских юристов. После ланча произошла очередная сцена, подтвердившая в глазах Спектера поразительную способность Уоррена теряться, когда нужно принять поспешное решение. Выйдя из квартиры Стори, Уоррен заметил в конце коридора группу репортеров и фотографов, которые хотели выяснить его впечатления от поездки в Даллас. «Он мог повернуть влево и обратиться к ним, – рассуждал Спектер, – а вместо этого председатель Верховного суда ринулся вправо по коридору и вниз по лестнице, лишь бы избежать разговора»9 . Что стоило Уоррену улыбнуться и вежливо произнести стандартное «без комментариев»? Хорошенькое зрелище представлял собой председатель Верховного суда Соединенных Штатов, в панике улепетывавший от журналистов, которые хотели задать ему несколько простых вопросов.

Вечером в самолете Уоррен признался Спектеру, что его смущает данное Руби обещание.

– Я не верю в детектор лжи, – сказал Уоррен. – Не верю в Большого брата.

По словам Спектера, он сказал Уоррену, что теперь выхода нет: придется провести тест на детекторе лжи, если только сам Руби не откажется от этой затеи.

– Вы дали ему слово, господин председатель Верховного суда, – сказал Спектер.

«Было бы ужасно, если бы комиссия отреклась от внесенного в протокол обещания». Если теперь отказать Руби в тесте на детекторе лжи, «это будет выглядеть так, словно комиссия не пожелала использовать все средства для расследования», хуже того: словно опасаются, как бы Руби не разоблачил заговор. Пусть Уоррен и не доверял детектору лжи, но, судя по опросам, американская общественность в него верила.

– Господин Уоррен, – повторил Спектер, – вы не можете подвести Руби10 .

Глава 41

Офис комиссии

Вашингтон, округ Колумбия

18 июня 1964 года, четверг

Директор Секретной службы США Джеймс Роули не без основания боялся за свою должность, давая свидетельские показания комиссии Уоррена: у него были серьезные основания опасаться, что его ведомство, просуществовавшее 99 лет, не переживет расследования комиссии. Роули, 56-летний уроженец Бронкса, стал первым руководителем Секретной службы, сотрудники которого не смогли предотвратить убийства президента страны1 , и мог себе представить, как строго будут расспрашивать любого из высших правительственных чинов, представших перед комиссией. Другие правоохранительные ведомства, особенно ФБР, может, и пытались утаить информацию от следствия. Однако в случае с Секретной службой об укрывательстве не могло быть и речи. Уоррен уже знал о дисциплинарном проступке – в ночь перед убийством несколько агентов Секретной службы из президентского кортежа в Далласе решили пропустить по рюмочке – и о том, что Роули пытался утаить от общественности подробности этого эпизода. Председатель Верховного суда был возмущен отчасти потому, что дружил с Дрю Пирсоном, который и поведал историю о пьяных агентах в радиопередаче, которую использовал в качестве рекламы своей газетной колонки. Однако, чем бы ни был вызван его гнев, Уоррен вошел в зал заседаний комиссии в день показаний Роули с видом обвинителя.

18 июня вскоре после 9 часов утра Роули был приведен к присяге, и его сразу же засыпали вопросами о случае с пьянством2 . На самом деле у Рэнкина это был главный вопрос к Роули:

– Знали ли вы в связи с поездкой, во время которой произошло убийство, что некоторые агенты Секретной службы накануне вечером были в пресс-клубе и в так называемом «Погребке» в Форт-Уэрте?

Роули ответил:

– Да, я отметил это во время радиопередачи, которую подготовил мистер Пирсон, что накануне вечером агенты были навеселе.

И добавил, что тотчас отрядил инспектора Секретной службы расследовать этот случай.

Рэнкин:

– И что же удалось выяснить?

Роули признал, что большая часть из рассказанного Пирсоном – правда, хотя добавил: лично он не верит, что кто-либо из агентов был в стельку пьян, как утверждает Пирсон. Внутреннее расследование показало, что все девять агентов употребляли спиртное: трое из них заказали по стаканчику виски, а «двое других взяли по две-три кружки пива». На следующий день четверо из этих девятерых получили задание сопровождать президента в кортеже, среди них Клинт Хилл – тот самый агент, который, как говорят, спас Жаклин Кеннеди жизнь. Рэнкин спросил:

– Вам удалось установить, не было ли допущено каких-либо нарушений правил Секретной службы со стороны этих людей?

Однако на этот вопрос Рэнкин – и Уоррен – уже знали ответ.

Роули:

– Да, было нарушение.

Затем Рэнкин, чтобы как можно яснее дать понять точку зрения комиссии, попросил Роули найти в уставе Секретной службы конкретное правило, которое запрещает пьянство во время несения службы, и зачитать его вслух. Роули вручили экземпляр устава сотрудников его ведомства, и он открыл первую главу десятого раздела: «Сотрудникам строго предписывается воздерживаться от употребления спиртных напитков в часы, когда они официально находятся на посту или когда у них есть основания ожидать, что их призовут к выполнению служебных обязанностей».

Правила для агентов из личной охраны президента были еще строже. Роули попросили зачитать вслух и их: «Воспрещается употребление спиртных напитков любого рода, включая пиво и вино, членами наряда по охране Белого дома и сотрудничающими с ними спецагентами или спецагентами на аналогичном задании, когда они находятся в пути». Так что было допущено грубое нарушение правил, признал Роули и зачитал последнюю часть устава: «Нарушение вышеуказанных пунктов или малейшее пренебрежение ими, а также злоупотребление спиртными напитками или их неуместное употребление в любое время является основанием для отстранения от службы».

Следующий вопрос Рэнкин, как ему казалось, задал с несвойственной ему суровостью: откуда у Роули такая уверенность, что его агенты не спасли бы жизнь президента?

– Почему вы утверждаете, что их поход по барам тем вечером… не имеет отношения к убийству? – спросил Рэнкин. – Вы приняли какие-то меры, чтобы наказать этих людей за нарушение устава Секретной службы?

Роули защищал и себя, и агентов. Он уверен, что его агенты на Дили-Плаза вели себя «образцово», какими бы ни были последствия их выпивки.

– Я долго размышлял над тем, какого наказания они заслуживают, – сказал он. – Но я также принял во внимание и то, что эти люди… их поведение не имеет никакого отношения к факту убийства. Если их наказать, у публики может сложиться мнение, что они несут ответственность за убийство президента. Не думаю, что это будет справедливо, они такого отношения не заслужили. … Я считаю, что перед лицом истории они, их семьи и дети не заслужили подобного клейма.

Уоррен не отступал:

– Не думаете ли вы, что человек, легший спать относительно рано и не пивший спиртное накануне вечером, что этот человек будет более бдительным, чем тот, кто не спал до трех-четырех или пяти утра, бродил по притонам битников и вдобавок пьянствовал?

Притоном битников Уоррен назвал ночной клуб «Погребок», потому что так охарактеризовал это заведение Пирсон.

Во время движения президентского автокортежа по Далласу предполагалось, что сотрудники Секретной службы будут внимательно осматривать толпу и здания по маршруту следования на предмет угроз, отметил Уоррен. Комиссия уже выслушала показания свидетелей, которые утверждали, что видели дуло винтовки в окне шестого этажа склада школьных учебников перед тем, как грянул выстрел, а сотрудники Секретной службы ничего этого не заметили.

– Некоторые люди видели наверху в окне того здания винтовку, – сказал председатель Верховного суда. – Как вы полагаете, мог ли сотрудник Секретной службы из автокортежа, которому полагалось следить за такими вещами, скорее заметить что-то подобное, если бы он не ощущал на себе последствий выпивки или недосыпа? Не думаете ли вы, что эти агенты могли быть более бдительными, зоркими?

– Верно, сэр, – ответил Роули. – Но я не думаю, что они могли предотвратить убийство.

Уоррен не сдавался. Дело было не в проступке агентов, предположил он, дело было в собственном поведении Роули, поскольку глава Секретной службы явно закрывает глаза на неподобающее поведение своих сотрудников.

– Насколько я понимаю, все они были признаны здоровыми и годными к службе, – заметил Уоррен. – Мне только интересно, согласуется ли это с фактами, которыми располагает комиссия.

Роули:

– Как я уже говорил, мы не освобождаем их от ответственности за содеянное и не пытаемся приуменьшить их вину. Но в данных обстоятельствах я принял правильное, на мой взгляд, решение. … Уверен, эти люди не виноваты в произошедшей трагедии.

Прошло несколько недель, и Уоррен был потрясен, читая черновые варианты глав заключительного отчета комиссии, касающиеся Секретной службы и ее работы в Далласе. В черновиках, написанных юристом комиссии Сэмом Стерном, когда-то служившим у Уоррена делопроизводителем в Верховном суде, не было ни слова в осуждение агентов Секретной службы, которые отправились в город на гулянку.

Не содержалось суровой критики и в той главе черновика, где говорилось о том, что агенту Джеймсу Хости не удалось предупредить Секретную службу о том, что Освальд в Далласе. Попробовав себя в роли пристрастного эксперта комиссии по делам Секретной службы, даже через месяц Стерн не считал случай с выпивкой чем-то возмутительным, у него сложилось впечатление, что многие агенты Секретной службы и их начальники искренне сожалеют о том, что произошло в Далласе и готовы взять на себя часть вины за случившееся. Но каково же было удивление Стерна, когда он узнал, что председатель Верховного суда совсем другого мнения! Уоррен велел Стерну переписать отчет так, чтобы в нем содержались прямые нападки на агентов Секретной службы и на Хости. «Было бы довольно глупо с нашей стороны, если бы мы не упомянули об агентах Секретной службы, отправляющихся на гулянку в ночь перед покушением, – говорил впоследствии Уоррен. – Было бы просто ошибкой не указать, что у ФРБ были основания приглядывать за Освальдом накануне трагедии, учитывая все то, что они о нем знали».

Точно так же, как Уоррен не давал спуску Секретной службе, Джеральд Форд стремился прижать Госдепартамент. Это министерство было традиционным оппонентом для Форда и других консерваторов-республиканцев в Конгрессе, считавших его оплотом либералов – выпускников Лиги плюща, которым не терпелось замириться со странами по ту сторону «железного занавеса». Многие госдеповские чиновники еще не оправились после кампании 1950-х годов, когда сенатор Джозеф Маккарти вздумал обвинять их в антиамериканизме.

Форд сказал помощникам, что, по некоторым свидетельствам, департамент, имея дело с Освальдом, много лет проявлял вопиющую некомпетентность, если не сказать хуже, начиная с того, что в 1962 году ему позволили вернуться на родину из России. Почему Освальду разрешили вернуть полные гражданские права после того, как он еще в 1959-м, по прибытии в СССР, заявил американским дипломатам в Москве, что хочет отказаться от американского гражданства? Государственный департамент не только позволил Освальду вернуться вместе с русской женой, ему еще выделили около 400 долларов ссуды на покрытие дорожных расходов3 . Форда, по его словам, возмутили и публичные заявления, сделанные сотрудниками Госдепартамента

в Вашингтоне в первые часы после гибели Кеннеди – о том, что свидетельств в пользу иностранного заговора с целью убийства президента нет, и это в то время, когда никто еще даже не пытался собрать свидетельства, которые могли бы указывать на заговор!

Госсекретаря Дина Раска попросили явиться в офис комиссии в среду, 10 июня, во второй половине дня, чтобы ответить на вопросы о деятельности своего министерства[4]. Готовить список вопросов к Раску поручили Дэвиду Слосону, штатному юристу из Госдепартамента. 55-летнего Раска, уроженца Джорджии, Слосон привык считать мелкой и незначительной фигурой – как выяснилось, многие в администрации Кеннеди придерживались такого же мнения. «Раск был вовсе не похож на мыслителя», – вспоминал Слосон[5].

Кеннеди поставил на эту должность Раска, кадрового дипломата, отклонив несколько более ярких кандидатур, просто потому, что, по словам Артура Шлезингера-младшего, друга и советчика Кеннеди, президент «намеревался быть собственным госсекретарем»[6]. Но время шло, и вскоре Кеннеди стали раздражать мягкотелость Раска и его нежелание отстаивать свое мнение. «Невозможно было узнать, о чем он думает, – писал Шлезингер. – Бесцветность его мышления казалась непробиваемой». Жаклин Кеннеди сообщила Шлезингеру вскоре после убийства, что ее муж собирался сместить Раска после избрания на второй срок[7]. «Дин Раск, похоже, все время находился в состоянии апатии, боялся сделать неверный шаг, – сказала она. – Джека это бесило».

Раска оставят в Госдепартаменте и при Джонсоне, чтобы продемонстрировать преемственность внешней политики после Кеннеди, и Раск, которому с такими же, как он, южанами в Белом доме общаться было намного легче, начнет проявлять напористость. Впоследствии он будет горячо отстаивать планы Джонсона по наращиванию военного контингента во Вьетнаме.

В своих показаниях комиссии Уоррена Раск мало что мог рассказать помимо того, о чем Госдепартамент и так постоянно твердил с момента убийства Кеннеди: он не допускает мысли, что в этом замешаны СССР или Куба. «Советские руководители поступили бы очень опрометчиво, решившись на такую акцию, для них это было бы сродни безумию, – сказал он. – А у нас сложилось впечатление, что действиям советских

руководителей в последнее время безумие несвойственно». Что касается Кубы: «Для Кастро или его правительства подобное вмешательство было бы еще большим безумием».

Тут слово взял Рэнкин и спросил Раска, читал ли тот телеграммы, отправленные в Вашингтон сразу после покушения тогдашним послом США в Мексике Томасом Манном, который был уверен, что за убийством стоит Кастро и что заговор мог быть спланирован во время поездки Освальда в Мехико. Раск ответил, что читал телеграммы и что они «поднимают вопросы, чреватые самыми серьезными последствиями», включая возможность иностранного заговора, так что лично его «в настоящий момент это очень интересует». Но расследование подобных заявлений от ЦРУ и ФБР в Мексике и в других местах с тех пор, по словам Раска, «исчерпало себя», не дав никаких доказательств кубинского вмешательства.

Форд упрекнул Госдепартамент в том, что тот слишком поспешил с заявлениями, исключающими возможность иностранного заговора, выступив с ними сразу после убийства президента. Раск парировал:

– Мы и тогда не располагали подобными доказательствами, и сейчас не располагаем, а одно лишь предположение о доказательствах в отсутствие доказательств могло иметь серьезные последствия.

Форд:

– Я не понял.

Раск:

– Ну, если бы создалось впечатление, что мы располагаем доказательствами того, что мы не можем и не готовы обсуждать, тогда как в действительности мы не имеем никаких существенных доказательств в деле такой исключительной важности, могла бы сложиться весьма опасная ситуация в плане…

– Не лучше ли было просто сказать: без комментариев? – прервал его Форд.

– К сожалению, с учетом практики нашей прессы, «без комментариев»

лишь убедило бы всех, что у нас есть доказательства, – ответил Раск.

К беседе с Раском Форд, как обычно, хорошо подготовился и решил выспросить, успел ли госсекретарь хотя бы бегло ознакомиться со свидетельством, которое все еще может указывать на наличие коммунистического заговора. Он поинтересовался, знает ли Раск о мелькавших в газетах сообщениях, что Кастро всего за несколько недель до покушения публично заявлял: американские руководители жестоко поплатятся за то, что сделали кубинского диктатора и его товарищей мишенью для покушения.

Раск сказал, что, насколько помнит, он не читал ничего об угрозах со стороны Кастро ни до, ни после убийства Кеннеди.

После показаний Раска Форд убедился, что Госдепартамент «так просто не выкрутится» и в заключительном отчете комиссии ему будет уделено особое место8. Через два дня он позвонил Рэнкину по телефону, чтобы дать ему это понять. Рэнкина на месте не оказалось, поэтому Форд побеседовал со Слосоном, который тогда готовил списки вопросов для других сотрудников Госдепартамента. «Мы не можем делать поблажек свидетелям, – сказал ему Форд. – Бремя доказательств того, что они действовали правильно, лежит на них. Нам следует вести себя с ними по возможности жестко. Роль “адвоката дьявола”, если хотите». Форд спросил Слосона, что тот думает о контактах Госдепартамента с Освальдом, продолжавшихся несколько лет, и не могло ли министерство сделать больше, чтобы остановить его, не дать ему возможности убить президента. Слосон ответил, что Освальду разрешили вернуться в США, «и это правильно», точно так же поступают в департаменте и с другими американцами, которые бежали за «железный занавес», а затем одумались.

Не такого ответа ждал Форд. Он считал, Госдепартамент дал Освальду разрешение вернуться в США «чересчур поспешно и не вникнув в суть дела». Если бы Слосон не сочинял сейчас новые коварные вопросы для помощников Раска, Форд объяснил бы ему все подробнее. Это уж точно.

Глава 42

Офис директора ФБР

Вашингтон, округ Колумбия

17 июня 1964 года, среда

Эдгар Гувер просматривал все важные документы ФБР, прежде чем их передавали комиссии. Если ФБР представляло новые свидетельства, связанные с убийством, или давало ответ на вопрос, поставленный членами комиссии или штатными сотрудниками, информация направлялась в комиссию в письменном виде на бланке Бюро за подписью Гувера. За время расследования он успел отправить комиссии сотни писем – иногда по нескольку в день, – и все стандартного образца. Каждое было адресовано непосредственно Ли Рэнкину («Уважаемый мистер Рэнкин»), и доставляли эти послания в офис комиссии на Капитолийский холм сотни вооруженных курьеров. Многие письма Гувера были под грифом «совершенно секретно» – надпись шла крупными буквами поперек каждой страницы.

Когда документы ФБР доставлялись в комиссию, Рэнкин показывал их Редлику1 . И если письма Гувера представляли особый интерес или содержали что-то важное, Редлик в свою очередь сообщал о них своему помощнику Мелу Эйзенбергу: оба они были из Нью-Йорка и за время расследования успели подружиться. «Мы работали в одном кабинете и все время переговаривались», – вспоминал Эйзенберг. К началу июня Эйзенберг вернулся в Нью-Йорк, где работал на полставки в адвокатской конторе, но на два-три дня в неделю по-прежнему наведывался в Вашингтон. Если в письмах Гувера содержались вопросы, касающиеся возможного иностранного вмешательства в деле о покушении, их в рабочем порядке направляли Дэвиду Слосону.

17 июня, в среду, согласно документам из архива Гувера, директор ФБР подготовил сверхсекретное, весьма деликатного свойства письмо Рэнкину2 . Содержание его должно было – или, во всяком случае, могло – произвести эффект разорвавшейся бомбы. Как явствует из этого письма Гувера, кубинские дипломаты в Мехико, судя по всему, заранее знали о планах

Освальда убить Кеннеди: Освальд сам сказал им об этом. Если информация, собранная ФБР, верна, то Освальд в октябре 1963 года, будучи в Мехико, направился прямиком в посольство Кубы и заявил: «Я собираюсь убить Кеннеди».

Вероятно, Гувер боялся реакции комиссии на это письмо. Какое значение имела информация о том, что кубинские дипломаты заранее, за несколько недель до покушения, знали о планах Освальда убить президента? Было ли это свидетельством иностранного заговора, который Гувер так хотел исключить? Но что для ФБР было еще важнее: следовало ли из этого, что Бюро плохо вело расследование в Мехико и что в Мексике еще могут оставаться люди, которых нужно как следует проверить, – люди, знавшие о планах Освальда или даже поощрявшие его?

Конечным источником информации в этих письмах был, что немаловажно, сам Фидель Кастро. О высказываниях кубинского диктатора ФБР стало известно из «конфиденциального» канала – от осведомителя, который, как писал Гувер, «в прошлом снабжал достоверной информацией» сотрудников Бюро. Этому осведомителю удалось подслушать Фиделя Кастро, когда тот рассказывал, что именно его дипломатам в Мексике известно об Освальде. «Наши люди в Мексике подробно рассказали нам, как он себя вел по прибытии в Мексику», – приводил источник слова Кастро.

Судя по тому, что поведал своим собеседникам Кастро, Освальд пришел в ярость, когда ему сообщили, что он не получит в тот же день туристическую визу для поездки на Кубу. Но свой гнев он почему-то обратил не на кубинское правительство, но на заклятого врага Кастро – Кеннеди. Судя по всему, Освальд считал американского президента виновником разрыва отношений с Кубой, из-за чего планы Освальда начать новую жизнь в Гаване наткнулись на неожиданные препятствия. Буквально Кастро сказал следующее: «Освальд ворвался в посольство, требуя визы, а когда ему отказали, ушел со словами: “За это я убью Кеннеди”». И добавил, что кубинские дипломаты в Мексике не отнеслись к выходке Освальда всерьез и не придали значения его угрозам в адрес президента, поскольку не исключали, что этот молодой американец мог быть провокатором из ЦРУ. Кубинское правительство,

настаивал Кастро, не имеет никакого отношения к убийству американского президента.

В своем письме Гувер даже не обмолвился о том, кто же этот тайный фэбээровский осведомитель в Гаване. Много позже ФБР раскроет его имя: Джек Чайлдс из Чикаго, активный деятель Компартии США, тайно работавший на ФБР3 . Чайлдс встретился с Фиделем Кастро в Гаване в июне 1964 года, в тот самый месяц, когда Гувер готовил докладную записку Рэнкину. Брат Джека Чайлдса Моррис, его товарищ по компартии, тоже сотрудничал с ФБР. Работу братьев Чайлдс (в Бюро ее называли операцией «Соло») впоследствии назовут одним из величайших достижений времен холодной войны. Под прикрытием распространения идей коммунизма братья посещали страны социалистического содружества, лично встречались в том числе с Никитой Хрущевым, Мао Цзэдуном, Фиделем Кастро, а затем докладывали ФБР обо всем, что им удалось узнать. Судя по документам Бюро, информация, поступавшая от братьев Чайлдс, всегда оказывалась на редкость точной и достоверной.

Но у комиссии не будет возможности оценить последствия всего этого – в том числе громкого заявления Освальда, сделанного в присутствии кубинских дипломатов в Мехико, о том, что он намерен убить президента, – потому что письмо Гувера Рэнкину от 1964 года так и не попало в комиссию. Что случилось с этим письмом, на долгие десятилетия останется загадкой. Это письмо невозможно будет обнаружить ни в материалах комиссии, хранящихся в Национальном управлении архивов и документации, ни в личных бумагах Рэнкина, которые его семья передала в Национальные архивы после его смерти. Бывшие члены комиссии казались весьма озадачены, когда их спрашивали об этом письме. Эйзенберг не мог припомнить, что видел его или слышал о нем от Редлика или от кого-либо еще. Он уверен, Редлик наверняка упомянул бы о таком важном письме, если бы оно к нему попало. Дэвид Слосон также утверждал, что не видел этого письма: он уж точно запомнил бы такой «взрывоопасный» документ. И хотя в официальных бумагах ничто не указывает на то, что данное письмо Гувера в конце концов попало к членам комиссии, копия его оказалась в другом ведомстве, в ЦРУ. Через несколько десятилетий после того, как комиссия Уоррена завершила расследование, это письмо всплыло в архивах Управления, рассекреченных в результате продолжающихся дебатов по поводу смерти Кеннеди[18].

Ближе к лету 1964 года в Мехико глава резидентуры ЦРУ Уинстон Скотт и его помощники из посольства США смогли наконец-то вздохнуть спокойнее. Судя по всему, в заключительном отчете комиссии Уоррена критики в их адрес не будет. Несмотря на то что резидентура вовремя не заметила, что Освальд представляет для страны угрозу, в разведуправлении ходили слухи, что в докладе Уоррена не будет ни слова о каких-либо ошибках в оперативной работе Скотта.

Основных помощников Скотта во время расследования непосредственно не проверяли. Когда юристы из комиссии в апреле приезжали в Мехико, на их вопросы относительно деятельности ЦРУ отвечал почти исключительно сам Скотт, в материалах расследования нет упоминаний о том, что юристы беседовали с сотрудниками Скотта, такими как Энн Гудпасчур – она называла себя «правой рукой» Скотта – и Дэвид Атли Филлипс, один из самых надежных тайных агентов Скотта.

Филлипс, уроженец Техаса, завербованный в 1950 году, когда он работал репортером в Чили (на момент расследования ему исполнился 41 год), отвечал за все разведывательные операции, направленные против посольства Кубы[4] . У него был большой опыт в кубинских делах, в 1950-е годы его дважды посылали в Гавану работать под прикрытием, при его непосредственном участии ЦРУ планировало операцию в заливе Свиней. Скотт потом скажет о Филлипсе, что это «лучший исполнитель секретных акций» из всех, с кем ему довелось работать. В то время, в начале 1960-х, только пошла мода на Джеймса Бонда, и Филлипс даже внешне немного на него походил. Потрясающе красивый в молодости, Филлипс поначалу мечтал об актерской карьере и ради этого приехал в Нью-Йорк, но после Второй мировой войны нашел для себя совсем другое поприще, хотя тоже требовавшее изрядного актерского мастерства, в тогда только созданном Центральном разведывательном управлении.

Ему, много лет работавшему под прикрытием, наверняка трудно было упомнить все вымышленные имена и фамилии, которыми он в разное время себя называл. В ЦРУ у него было два официальных псевдонима (Майкл С. Чоуден и Пол Д. Ланджвин), и в среднем, по его подсчетам, за долгие годы он сменил еще двести фамилий и кличек[5] .

По словам Филлипса, в Мексике он выполнял задание необычайной важности. Кубинское посольство в этой стране было одним из перевалочных пунктов для «экспорта революционных идей Кастро в Латинскую Америку», как выразился Филлипс годы спустя[6] . «Я должен был разузнавать, что кубинцы делают в Мехико, особенно в своем посольстве, и собирать как можно больше информации об их намерениях». Он отвечал за вербовку агентов, которые будут собирать разведданные против Кубы – и что важнее всего, прямо в кубинском посольстве, – а также следить за американцами, которые контактируют с посольством Кубы и захотят шпионить в пользу кубинского правительства.

ЦРУ не было уполномочено следить за американскими гражданами в Мексике или в другой стране, «если только они явно не вовлечены в шпионскую игру», как объяснил потом Филлипс[7] . Но если американцы посещали кубинское посольство и казались подозрительными, «разумно было бы понаблюдать за ними некоторое время, выяснить, не замышляют ли чего». Иногда он, по его словам, пытался перехватить потенциальных предателей-американцев в Мексике, до того как у них появится возможность передать секреты кубинцам. Позже он, вспоминая об одной особо успешной операции, относящейся к началу 1960-х, будет похваляться, как разрушил предательские планы «американского военного среднего звена», которое объявилось в Мехико, намереваясь продать кубинцам оборонные секреты. В тот раз Филлипс велел агенту-мексиканцу «с беглым английским, которого можно было легко принять за кубинского разведчика», встретиться с офицером. Притворившись кубинским шпионом, готовым заплатить американцу за его секреты, агент-мексиканец велел американскому офицеру возвращаться домой в США и ждать дальнейших указаний из Гаваны. Дальше уже этим делом занялось ФБР. «Не знаю, чем все кончилось, – писал Филлипс. – Но, вероятно, предатель-военный очень удивился, когда однажды к нему в дверь постучались» парни из ФБР.

После убийства президента Филлипс утверждал, что Освальд никогда не попадал в категорию тех, на кого стоит обратить внимание, даже после того, как его видели в Мехико у посольств Кубы и СССР: Освальд был всего лишь «крошечным всплеском на радаре нашей резидентуры». Во время пребывания Освальда в Мехико, сказал он, тот ничем не отличался от обычного американского туриста, искателя приключений, которому нужна виза, чтобы хоть одним глазком поглядеть, как живется

в коммунистической стране. О его прошлых выходках, в том числе о попытке эмигрировать в СССР, стало известно только потом, после того как Освальд покинул Мехико и для ЦРУ было уже поздно действовать, добавил Филлипс. Но до покушения, признавал Филлипс, он слышал о Сильвии Дюран8 . В резидентуре ЦРУ в Мехико хорошо знали о ее запутанной любовной жизни, в том числе о предположительном романе с бывшим послом Кубы в Мексике. Филлипс сказал, что, кажется, он читал перевод – в октябре, еще до убийства президента – перехваченного телефонного разговора Дюран с советскими дипломатами о запросах на получение виз, в том числе для одного американца, который впоследствии и окажется Освальдом. «Но с сожалением должен признать, для меня этот разговор ничего не значил до тех пор, пока не произошло убийство», – сказал он.

Много лет спустя Филлипс говорил, что пришел к такому выводу: Освальд был «этаким придурком, которому взбрело в голову застрелить президента – и он это сделал», и «нет никаких свидетельств, указывающих на то, что его подстрекали кубинцы или русские».

Не исключено, что Филлипс встречался со штатными юристами комиссии Уоррена, когда те приезжали в Мехико, хотя в официальных бумагах комиссии его имя не упоминается. Его действия привлекли пристальное внимание лишь через много лет, когда следователи от Конгресса и некоторые другие заподозрили, что Филлипс солгал относительно своей осведомленности об Освальде. В последующие годы Филлипса будут ужасно раздражать конспирологические теории, согласно которым он и его соратники по ЦРУ, возможно, пытались завербовать Освальда, чтобы он шпионил против Кубы, или что они провалили операцию – вроде той, с американским офицером, продававшим оборонные секреты, – и на самом деле им полагалось перехватить Освальда прежде, чем он войдет в контакт с кубинцами. Филлипс говорил: «Предположение, что я мог быть причастен к укрывательству убийства одного из моих президентов, ужасно огорчает меня и моих детей».

Но, возможно, никто – ни в ЦРУ, ни в какой-либо другой структуре государственной власти – не сделал больше для того, чтобы запутать данные о Ли Харви Освальде и о том, что правительству было о нем

известно до покушения на Кеннеди. Порой стремление Филлипса затуманить суть того, что случилось в Мексике, было похоже на навязчивую идею. Он привык жить обманом – такая уж у него профессия. Иногда создавалось впечатление, что Филлипс при всем желании был неспособен сказать правду (даже если бы знал ее) о поездке Освальда в Мексику. Пока он упорно твердил, что Освальд был всего лишь «крошечным всплеском» на радаре ЦРУ, Управление в конце концов рассекретило телеграммы, показывающие, что на самом деле за Освальдом в мексиканской столице велось пристальное наблюдение и что ЦРУ – еще до убийства – предупреждало ФБР, Госдепартамент и другие ведомства о его деятельности в Мехико.

Но, вероятно, еще важнее повторяющееся ложное утверждение Филлипса, данное под присягой, о том, где он сам находился в сентябре и октябре 1963 года, когда Освальд приезжал в Мехико[9] . Если сначала он уверял, что оставался в Мехико на протяжении всего времени, пока там был Освальд, записи ЦРУ показали, что Филлипса не было в стране большую часть этого периода, если не весь. В то время он находился либо в Вашингтоне, либо в Майами. Во время поездки в Майами он действовал из офиса ЦРУ, который участвовал в мобилизации групп противников Кастро из числа кубинских эмигрантов – в том числе некоторых групп, куда Освальд чуть раньше в том же году пытался влиться.

Ближе к концу жизни Филлипс, похоже, был не прочь извлечь пользу из теорий заговора, связанных с Освальдом. Создается впечатление, что он пытался представить дело так, будто представители ЦРУ не говорили правды об Освальде и что Управление на самом деле отчасти несет ответственность за смерть Кеннеди. После смерти Филлипса в 1988 году остался небольшой, на восемь машинописных страниц, краткий набросок романа – несостоявшегося беллетризованного отчета о его работе в Мексике. В наброске упомянуты персонажи, прообразами которых были он сам и Уинстон Скотт, который в романе выведен под именем Уиллард Белл, а также некий сторонник конспирологической теории, похожий на Марка Лейна. Освальд в наброске выведен под своим настоящим именем, как и бывший директор ЦРУ – и член комиссии Уоррена – Аллен Даллес.

Там есть один эпизод, где персонаж, прообраз которого сам Филлипс, рассказывает своему сыну:

«Я был одним из двоих оперативников, которые вели Ли Харви Освальда[10]. Закрепив его позиции в марксистских кругах, мы дали ему задание убить Фиделя Кастро на Кубе. Я помогал ему, когда он приезжал в Мехико, получить визу, а когда он вернулся в Даллас ее дожидаться, я и там дважды с ним виделся. Мы много раз проигрывали план: в Гаване Освальд должен был убить Кастро из снайперской винтовки из окна верхнего этажа здания, мимо которого Кастро часто проезжает в открытом джипе. Был ли Освальд двойной агент или просто псих – точно не скажу, и не знаю, почему он убил Кеннеди. Зато я знаю, что он использовал тот самый план, который мы с ним разрабатывали, замышляя убийство Кастро. Так что выходит, ЦРУ не предвидело покушения на президента, но несет ответственность за то, что произошло. Я тоже виноват. Аллен Даллес дал мне и другому агенту 800 тысяч долларов на то, чтобы профинансировать эту операцию и пожизненно обеспечить Освальда после смерти Кастро. А когда все обернулось таким кошмаром, Даллес сказал, чтобы мы оставили деньги себе: попытка вернуть их в оперативный фонд Управления навлекла бы лишние неприятности.

Можешь представить, каково мне было все это время, как я мучился. Много раз я собирался рассказать правду, но так и не решился, сам не знаю почему. Может быть, ты, читая эти строки, скажешь: время правды настало».

Глава 43

Недалеко от берегов Кубы

лето 1964 года

Уильям Коулмен ничего не написал о самом рискованном задании из всех, что он выполнял, работая и как юрист, и как общественный деятель[1]. Ему велели хранить молчание, сказал он: только председателю Верховного суда

Уоррену, Ли Рэнкину и, возможно, президенту Линдону Джонсону он мог доложить о результатах задания. Никаких упоминаний об этом деле в материалах комиссии не сохранилось, по крайней мере, в тех, что попали в Национальный архив.

В то лето задание началось на Атлантическом побережье Флориды, куда Коулмен прилетел из Вашингтона. Там он пересел на правительственное судно («не знаю точно, какого ведомства – ЦРУ или ВМФ»), которое направлялось в некий район в открытом море возле берегов Кубы. Километрах в тридцати от берегов Кубы, сказал он, они остановились в открытом море, завидев вдали яхту – это была яхта Фиделя Кастро. На борту был сам Кастро. Он ждал этой встречи, чтобы дать ответ на вопрос, который Коулмену было поручено задать: не по приказу ли Фиделя Кастро был убит президент США?

Коулмен полагал, что его выбрали для этой миссии потому, что он был старшим юристом в команде, прорабатывавшей версию иностранного заговора, и, главное, в комиссии знали о том, что он раньше уже встречался с Кастро. Они познакомились в 1940-е или в 1950-е годы в Гарлеме: Кастро, до того как прийти к власти у себя на родине, несколько раз приезжал в США, в том числе побывал и в Нью-Йорке2 . И хотя потом он будет клеймить этот город как яркий пример капиталистического упадка, тогда, при их первой встрече, Кастро сказал, что ему очень понравилось в Нью-Йорке. В 1948 году он провел там большую часть медового месяца и в последующее десятилетие несколько раз приезжал в Нью-Йорк. Как и Коулмен, будущий кубинский руководитель был завсегдатаем гарлемских ночных клубов, где играла музыка и можно было потанцевать.

Коулмен был чернокожим, а им в ночные клубы на Манхэттене вход был запрещен, поэтому он, как и другие его приятели, ждал до часа ночи: примерно в это время некоторые самые известные негритянские исполнители заканчивали выступления в центральной части города и отправлялись в Гарлем – играть перед чернокожими. Коулмен особенно подружился с певицей Линой Хорн. По его словам, это было волшебное время. «Лина и другие талантливые артисты обычно приезжали в Гарлем, в клубы, и порой их всех можно было увидеть в одном зале, – вспоминал Коулмен. – Многое можно было отдать, лишь бы оказаться там в четыре утра». В таких вот гарлемских клубах в районе 125-й улицы Коулмен, убежденный республиканец, познакомился и подружился с Нельсоном

Рокфеллером, будущим губернатором штата Нью-Йорк от Республиканской партии и тоже большим любителем джаза.

По словам Коулмена, Кастро, немного говоривший по-английски, произвел на него приятное впечатление. «Тогда я даже предположить не мог, что он станет главной политической фигурой в той стране, – заметил Коулмен. – Но он был яркой личностью. Получил юридическое образование. Очень привлекательный парень, умный».

Теперь, по прошествии стольких лет, Кастро был диктатором коммунистической Кубы, человеком, из-за которого двумя годами ранее мир оказался на грани ядерной войны и которого Джон Кеннеди так отчаянно стремился отлучить от власти. Какая горькая ирония, думал Коулмен, что именно ему поручили эту тайную миссию – повидаться со старым приятелем по гарлемским джаз-клубам и спросить, не он ли убил президента.

Как объяснили Коулмену, Кастро дал знать Вашингтону, что хочет дать показания комиссии Уоррена – убедить членов комиссии в том, что он не причастен к убийству Кеннеди. «Кастро намекнул, что хочет лично встретиться с кем-нибудь, и выбрали меня», – вспоминал Коулмен.

Много лет спустя Коулмен говорил, что, как ему помнится, он обсуждал подробности миссии только с Рэнкином и Уорреном. «Я совершенно уверен, что говорил об этом с председателем Верховного суда, – сказал он, – но все это было в обстановке чрезвычайной секретности». Ему не велели рассказывать об этом задании своему младшему коллеге Слосону. И для подобной секретности были все основания, вспоминает Коулмен: если бы его встреча с Кастро закончилась неудачей или стала предметом огласки, мог разразиться скандал или даже хуже того. «Если бы я пережал или сказал что-то лишнее», Кастро легко мог ухватиться за это, чтобы официально снять с себя все обвинения в причастности к убийству Кеннеди. «На другой день он устроил бы пресс-конференцию и объявил: “Даже мистер Коулмен уверен, что я этого не делал”»[19].

И все же, по словам Коулмена, стоило рискнуть: «Я решил, что мы должны это сделать».

То, что Коулмен сумел годами держать свое поручение в тайне от коллег, неудивительно. Такой у него характер. Уильям Таддеус Коулмен-младший родился и вырос в Филадельфии и с гордостью говорил, что он настоящий «филадельфийский юрист» – так когда-то называли самых способных, самых изворотливых законников, лучших из лучших. То, что 43-летний Коулмен при существовавшем в то время неравенстве к 1964 году поднялся по профессиональной лестнице до таких высот, можно объяснить только его исключительными деловыми качествами. Всего за десять лет до этого Коулмена, несмотря на то что он был одним из лучших выпускников Гарвардской школы права и работал секретарем в Верховном суде с легендарным Феликсом Франкфуртером, в родном городе не брали ни в одну юридическую фирму. Коулмен взял за правило не жаловаться коллегам-юристам на дискриминацию, с которой не раз сталкивался, зато с удовольствием рассказывал о том, чего сумел добиться, несмотря на цвет кожи. То, что в начале карьеры в родной Филадельфии он не мог найти работу, было лишь одним из вопиющих примеров бытового расизма, и это его очень угнетало. «Сознавать это очень горько», – признавался он.

Наконец в 1949 году он получил работу в быстро развивающейся нью-йоркской фирме Paul Weiss : он стал первым чернокожим сотрудником за всю историю фирмы, а кроме того, одним из первых чернокожих сотрудников в юридической конторе, что для страны в целом было большой редкостью. И хотя он работал в Нью-Йорке, сердце его оставалось в Филадельфии, там он жил и оттуда каждый день ездил на электричке в Манхэттен, чтобы поработать в комиссии: дорога занимала два с половиной часа в одну сторону. Каждое утро ровно без десяти шесть он вставал по будильнику и возвращался домой только вечером, не раньше половины девятого. Работая в фирме Paul Weiss , он быстро приобрел известность как борец за гражданские права3 . В 1949 году Тергуд Маршалл, в то время возглавлявший юридическую службу Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, а впоследствии – член Верховного суда, пригласил его участвовать в судебных разбирательствах, направленных на борьбу с расовой сегрегацией в государственных школах. И почти сразу же Коулмену поручили составить краткое изложение дела для представления суду от имени чернокожих семей из Канзаса, требовавших десегрегации школ в городке Топика (этот процесс известен теперь как «Браун против Совета

по образованию»). Когда в декабре 1953 года Маршаллу предстояло рассматривать это дело в Верховном суде, он попросил Коулмена, которому тогда было 33 года, сидеть рядом с ним за столом адвокатов4 .

В 1952 году мечта Коулмена работать в крупной филадельфийской юридической фирме наконец осуществилась5 . Однако после его назначения помощником адвоката в фирму Dilworth, Paxson, Kalish Green некоторые секретари пообещали уволиться – они не хотели работать бок о бок с чернокожим. Как вспоминает Коулмен, старший партнер фирмы положил конец бунту, заявив: пусть увольняются, раз им так хочется, он легко найдет им замену, а вот Коулмена, добавил он, мало кто может заменить. «Когда вы познакомитесь с ним поближе, – сказал он своим секретарям, – вы поймете, что это весьма достойный человек». И они остались в фирме.

Много лет спустя Коулмен говорил, что забыл некоторые подробности той поездки для встречи с Кастро на яхте – например, не может точно сказать, были ли вооружены капитан и матросы, – но он хорошо помнит, как ступил на палубу кубинского судна и впервые после стольких лет увидел бородатого Фиделя. Команданте сразу узнал Коулмена и тепло поприветствовал его. «Он, очевидно, не забыл о наших встречах в Нью-Йорке. … И завязался весьма оживленный разговор».

Встреча длилась около трех часов, и все это время Коулмен подробно расспрашивал Кастро по каждому из возможных сценариев, согласно которым кубинское руководство могло быть причастно к убийству Кеннеди, пусть даже опосредованно. Кастро отрицал наличие кубинского следа в покушении на президента США. Более того, по словам Коулмена, Кастро признался, что «восхищался президентом Кеннеди». Несмотря на операцию в заливе Свиней и прочие попытки администрации Кеннеди свергнуть и даже убить кубинского лидера, Кастро настаивал, что «никогда не думал плохо» о Кеннеди.

Будучи очень опытным юристом, Коулмен не поверил заявлениям Кастро о непричастности к убийству: по его словам, после той встречи он уже ни в чем не был уверен. Вернувшись в Вашингтон, он мог лишь поделиться с Рэнкином и Уорреном своими наблюдениями: во время беседы ему

не довелось услышать ничего такого, что подрывало бы доверие к словам Кастро о его невиновности в смерти Кеннеди. «Я не хочу сказать, что он этого не делал, – пояснил Коулмен. – Но я вернулся и сообщил, что не обнаружил в его словах ничего, что указывало бы на его причастность к этому преступлению».

Эрл Уоррен уверял своих коллег по комиссии, что никогда не делился информацией о расследовании. В конце весны, однако, кто-то слил информацию, и довольно подробную, о том, что комиссия, скорее всего, придет к выводу, что Освальд действовал в одиночку. Первым об этом прознал Энтони Льюис, корреспондент The New York Times в Верховном суде6 – он близко знал Уоррена еще со времен, когда освещал его деятельность в Верховном суде. В 1963 году Льюис получил Пулитцеровскую премию за репортажи из залов Верховного суда, в 1964 году вышла его книга Gideon’s Trumpet («Труба Гидеона») – история дела «Гидеон против Уэйнрайта». В этой книге он особо отмечал роль председателя Верховного суда и Рэнкина в данном деле, в результате которого было вынесено определение, что подсудимый, обвиняемый в совершении тяжкого преступления и не имеющий средств на частного адвоката, имеет право на бесплатного адвоката.

Через несколько дней после выхода книги на первой полосе The Times появилась статья Льюиса о комиссии Уоррена под заголовком: «Коллегия отрицает версию заговора в деле о смерти Кеннеди»7 . В статье говорилось, что в заключительном отчете комиссии, который еще не готов, но будет подготовлен через несколько месяцев, «поддерживается изначальная уверенность правоохранительных органов страны, что президента убил злоумышленник, действовавший в одиночку, Ли Х. Освальд». Большая часть этой истории была рассказана без ссылки на источники, как будто информация носилась в воздухе. Льюис писал, что «человек, выражавший мнение комиссии», не названный в статье по имени, подтвердил, что комиссия намерена опровергнуть многочисленные теории заговора в деле об убийстве Кеннеди, особенно те, что распространяет Марк Лейн. И хотя невозможно с точностью идентифицировать того, кто «выражал мнение», судя по отметкам в личных календарях Рэнкина, за три дня до появления статьи у него состоялась встреча с Льюисом в офисе комиссии продолжительностью

около сорока минут[8]. Похожие статьи на ту же тему вскоре появились в других газетах.

Форда эти статьи взбесили. Он заподозрил, что кто-то из комиссии, сливая информацию, пытается повлиять на итоги расследования прежде, чем удастся собрать и учесть все факты. Это стало темой для постоянных жалоб закулисных советчиков Форда, обеспокоенных тем, что комиссия – и в особенности Уоррен – пытается игнорировать свидетельства, которые могут указать на коммунистический заговор с целью убийства Кеннеди. Форд потребовал срочной встречи с членами комиссии, для того чтобы высказать свои возражения, и Уоррен назначил встречу на 4 июня, четверг. Утечки были лишь одним из пунктов повестки дня. Помимо Форда на встрече присутствовали Уоррен, Даллес и Макклой.

Уоррен сразу же передал слово Форду, который мрачно заметил, что, вероятно, в их ряды затесался «крот»[9]. «Мне кажется, кто-то насаждает или сливает подобные истории», – сказал Форд, добавив, что ему кажется, он знает виновного. «У меня есть личные соображения на этот счет, но я не могу их доказать и не хочу быть голословным». Он сказал, что утечки были допущены специально, чтобы предвосхитить выводы комиссии. «Они создают по всей стране атмосферу, которая, на мой взгляд, способствует возникновению неверного общественного мнения по поводу того, что нам еще только предстоит выяснить, – сказал он. – Я не хочу, чтобы меня цитировали, пока я еще не вынес окончательного решения».

Уоррен пытался успокоить Форда: «Я разделяю ваши чувства, – сказал он. – И все же думаю, что по большей части все это выдумки и всерьез беспокоиться не стоит. У меня нет информации, что кто-то с кем-то говорил». Форд настаивал, чтобы комиссия выступила с публичным заявлением и опровергла слухи о том, что она якобы уже пришла к каким-либо выводам. Уоррен и коллеги с ним согласились. На следующий день было обнародовано краткое заявление, в котором говорилось, что комиссия завершает расследование, но сейчас «озабочена содержанием и формой отчета» и еще далека от того, чтобы делать какие-либо выводы.

Прежде чем расследование завершится, в Вашингтон следовало еще раз

вызвать некоторых свидетелей. Кое-кого из тех, кто уже давал показания, нужно было опросить снова, поскольку появились сомнения в их искренности. Больше всего сомнений вызвали ответы Марины Освальд и Марка Лейна, обоих пригласили ответить на вопросы еще раз, попросив объяснить неувязки в их прежних, данных под присягой, показаниях.

За четыре месяца, прошедшие со времени первых показаний Марины, у многих членов комиссии представления о ее честности и о том, что она вообще собой представляет, сильно изменились, причем не в лучшую сторону. Со времени ее февральских показаний комиссия получила много нелестных сообщений о ее легкомысленных на первый взгляд любовных авантюрах и о запойном пьянстве. (ФБР продолжало прослушку ее дома, в том числе спальни.) «Она много курила и заливала горе водкой», – напишет потом в своей книге о покушении Уильям Манчестер10 . Но членов комиссии больше заботило другое: не лжесвидетельствовала ли она во время первого допроса, особенно когда утверждала, что не знала заранее о намерениях мужа убить президента. Сейчас в верности этого утверждения можно было усомниться, после того как стало известно, что она рассказывала своему менеджеру и своему деверю – но не членам комиссии – о том, что ее муж собирался убить Никсона. Штатные юристы комиссии подозревали, что если Освальд говорил жене о намерении убить Никсона и Уокера, то вполне мог рассказывать и о планах убийства Кеннеди.

Марина Освальд вновь появилась в офисе комиссии 11 июня, в четверг11. На этот раз Уоррен не был с ней любезен и не спешил благодарить за показания. Не спрашивал, как добрый дедушка, достаточно ли у нее и ее детей средств к существованию. Вопросы задавал Рэнкин, и голос его звучал чуть ли не враждебно.

– Миссис Освальд, мы бы хотели услышать от вас об инциденте, связанном с мистером Никсоном, – приступил к дознанию Рэнкин.

Марина, похоже, поняла, что поблажек не будет.

– Мне правда очень жаль, что я не упомянула об этом раньше, – она

говорила по-русски, а ее ответы переводил на английский приглашенный для этого переводчик. – Когда я была здесь в прошлый раз, у меня совсем из головы вылетел тот случай с вице-президентом Никсоном. Я не хотела вас обманывать.

– Можете рассказать нам, почему вы не упомянули о том инциденте? – вмешался Форд.

– Я была тогда очень усталой и измученной и думала, что все вам рассказала.

И после этого пересказала, как она выразилась, от начала и до конца, случай с Никсоном – как в середине апреля 1963 года, через несколько дней после покушения на Уокера, ее муж сказал ей, что пойдет в город искать Ричарда Никсона. Освальд, по словам Марины, уверял, что Никсон в тот день был в Далласе. Он схватил пистолет, который хранил в доме, и сказал: «Просто пойду погляжу. Я еще не знаю, буду ли стрелять. Но если подвернется удачный случай, может, и подстрелю его». По словам Марины, она очень испугалась, что муж осуществит угрозу, и заперла его в ванной, чтобы он не мог выйти из дома. «Мы несколько минут боролись, потом он угомонился, – заявила она. – Я еще сказала ему, что, если он выйдет, пусть тогда лучше меня убьет».

Даже пытаясь объяснить пробелы в прежних показаниях, Марина создавала новые сложности, ведь штатные члены комиссии уже установили, что Никсон в апреле 1963 года не приезжал в Даллас. Некоторые члены комиссии задавались вопросом, не путает ли она бывшего вице-президента Никсона с тогдашним вице-президентом Линдоном Джонсоном, который действительно приезжал в Даллас в тот месяц. Однако она заверяла их, что ничего не напутала.

– Я точно помню, как он сказал «Никсон», – сказала она. – А о Джонсоне ничего не слышала, пока он не стал президентом.

Аллен Даллес спросил ее: раз ее муж пытался убить Уокера и угрожал убить Никсона, не задумывалась ли она о том, что он может «направить оружие на кого-нибудь еще»?

– Он никогда не произносил таких угроз относительно президента Кеннеди? – спросил Даллес.

– Никогда, – ответила она. – Он всегда очень по-доброму отзывался о президенте Кеннеди.

И снова Марина попыталась разжалобить членов комиссии. Стала объяснять, почему не предупредила полицию – или кого-нибудь еще – о том, что ее муж замышлял убийство на политической почве. Она молчала, сказала она, потому что боялась, что ее мужа в один прекрасный день арестуют и посадят в тюрьму, а она останется одна в стране, где у нее ни родных, ни друзей, если не считать нескольких знакомых. Она хотела остаться в США и боялась, что ее могут депортировать в Россию, если она сдаст мужа в руки правосудия.

– Ли был моей единственной поддержкой и опорой, – сказала она. – У меня не было друзей, по-английски я не понимала вообще и не смогла бы работать, и я не представляла, как буду жить, если он угодит за решетку.

Муж месяцами дразнил ее, говорил, что без него ее могут насильно отправить обратно в Россию, рассказала она. Была в нем такая «садистская» жилка: он заставлял ее писать письма в посольство СССР.

– Я должна была написать, что хочу вернуться в Россию, – вспомнила она. – Ему нравилось так дразнить меня и мучить… Несколько раз он заставлял меня писать такие письма.

Несмотря на ее возражения, он отправлял эти письма. Она сказала, что приучила себя к мысли о безрадостном возвращении на родину:

– Я хочу сказать, если бы мой муж больше не хотел, чтобы я жила с ним, и решил отправить меня обратно, я бы уехала, – сказала она. – У меня ведь не было выбора.

Ко 2 июля, дню второго и последнего появления Марка Лейна перед комиссией, он был известен американскому народу не меньше некоторых членов комиссии12. В 37 лет, после неудачной попытки заниматься политикой в Нью-Йорке, Лейн в одночасье стал знаменитостью, и поклонники со всего мира горели желанием услышать его объяснения, как Ли Харви Освальд стал козлом отпущения и как председатель Верховного суда скрывает от народа правду. Члены комиссии заставили

Лейна приехать в Вашингтон, угрожая вызовом в суд, так что ему пришлось прервать свое небольшое европейское турне, во время которого он выступал перед читателями и собирал пожертвования.

Ему объяснили, почему его вызвали для дачи показаний второй раз: ожидалось, что он раскроет источник некоторых своих шокирующих заявлений. Особенно это касалось его публичных высказываний о том, что некий свидетель, пожелавший остаться неизвестным, видел, как Джек Руби и Джей Ди Типпит встречались в принадлежащем Руби заведении «Карусель». Штатным сотрудникам комиссии не удалось обнаружить ничего, что могло бы подтвердить этот слух, как не удалось никому из далласских репортеров, которые знали эту историю от одного и того же пьяного техасского юриста, месяцами торговавшего этой новостью. Кроме того, комиссия также надеялась уладить недоразумение, возникшее в связи с заявлениями Лейна о том, что далласская официантка Хелен Маркем, одна из свидетельниц убийства Типпита, отказалась подтверждать, что убивший полицейского был похож на Освальда.

Заняв место за столом свидетелей, Лейн сразу же взял инициативу в свои руки: он дал понять, что не будет отвечать ни на один из главных вопросов комиссии, и заявил, что никто не заставит его это сделать.

Уоррен с трудом сдерживал негодование. Если Лейн не назовет имя человека, на словах которого основаны его самые скандальные заявления, «у нас, пригрозил Уоррен, будут все основания усомниться в правдивости всего, что вы говорили нам до этого». Председатель Верховного суда полагал, что взял верный тон, обвинив молодого адвоката в даче заведомо ложных показаний. Лейн почему-то считает себя вправе вести собственное «расследование» убийства президента и повторять возмутительные слухи, сказал Уоррен.

– А пользы от этого никакой, только мешаете нам, – заметил он.

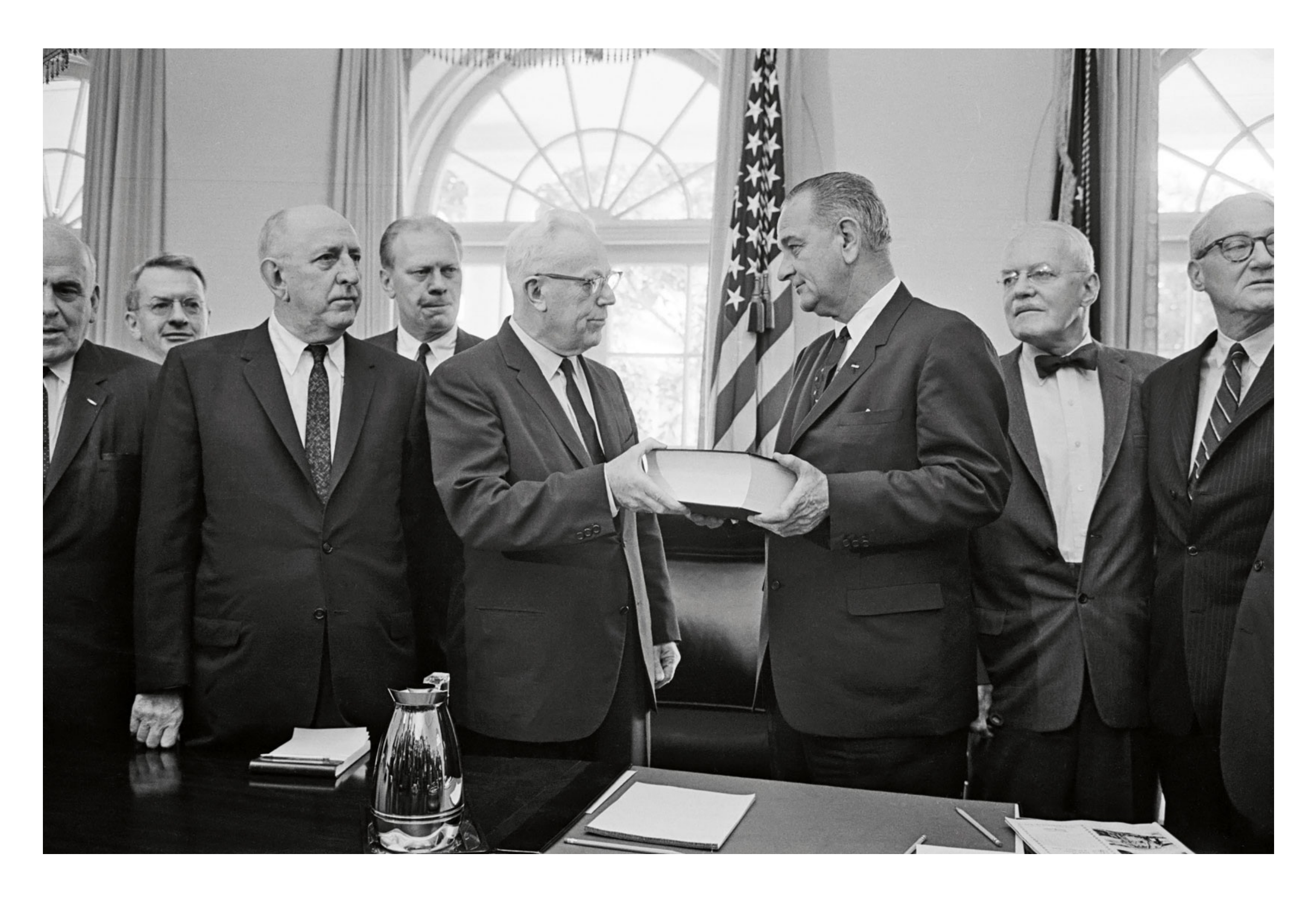
Но Лейн оставался непреклонен.

– Господин председатель Верховного суда, публично я не сказал ничего такого, чего не говорил бы прежде перед этой комиссией, – ответил он. – Когда я делаю публичные заявления, я стараюсь говорить только правду, и, стоя перед этой комиссией, я тоже говорил правду.

Больше от Лейна комиссии ничего не удалось добиться.

Часть третья

Отчет

Уоррен передает отчет комиссии президенту Джонсону. 24 сентября 1964 г.

Глава 44

Апартаменты Эрла и Нины Уоррен

отель “Шератон Вордмен”

Вашингтон, округ Колумбия

июнь 1964 года

Супруга Уоррена Нина переживала больше всех. Она сказала, что председатель Верховного суда, которому в марте исполнилось 73 года, слишком много работает, и это может плохо сказаться на его здоровье. Все

свое личное время, когда он не занят в суде, он посвящает делам комиссии, у него нет покоя ни днем ни ночью. Поздно вечером, перед тем как лечь спать, он садится в постели и изучает свежие расшифровки стенограмм свидетельских показаний, полученных комиссией.

Последние десять лет, проведенные в Вашингтоне, Уоррен гордился тем, что ему удается сохранять хорошую физическую форму. Он активно занимался плаванием. Глядя на плотного седовласого председателя Верховного суда, уверенными гребками преодолевающего дистанцию в бассейне, Дрю Пирсон говорил: ну точь-в-точь морской лев! В 1964 году, однако, Уоррену пришлось отказаться от вечерних сеансов в бассейне клуба Вашингтонского университета: у него просто не оставалось на это времени. «Участие в комиссии стало для него настоящим испытанием, – говорил Барт Кавано, бывший сотрудник городской администрации калифорнийского города Сакраменто и один из ближайших друзей Уоррена. – Эта работа требовала невероятного напряжения»1 . Той весной Кавано навестил Уорренов в Вашингтоне. «Миссис Уоррен сказала, что он переутомился и сильно похудел». Она попросила Барта сделать что-нибудь, чтобы ее муж хоть ненадолго отвлекся от мучительных мыслей о работе – съездить с ним за город, например. «Миссис Уоррен предложила: “Почему бы вам вдвоем не отправиться на выходные проветриться – в Нью-Йорк, например?” Мы так и сделали, – вспоминает Кавано. – Поехали в Нью-Йорк, сходили на бейсбол». Но с началом недели вновь начались перегрузки: Уоррену приходилось совмещать две очень ответственные работы.

Уоррен был недоволен: намеченные им даты окончания работы комиссии каждый раз отодвигались, и конца этому не предвиделось. Он подозревал, что останется в этом году без отпуска. К началу июня только усердный Арлен Спектер – самостоятельно, без помощи или помех со стороны давно устранившегося старшего партнера Фрэнсиса Адамса – закончил черновой вариант своей части заключения, касающийся событий в день покушения. Остальные сотрудники, отвечавшие за другие участки работы, еще несколько недель назад знали, что не успевают.

Уоррен уже не сдерживал раздражения из-за отсрочек. Слосон вспоминал, как Уоррен разгневался, когда узнал, что первоначально намеченный срок окончания работ – он предполагал закончить все в июне – не будет соблюден. 29 мая, в последнюю пятницу месяца, Рэнкин понял,

что Уоррену следует сказать четко и ясно, что штатные сотрудники не успеют подготовить черновые наброски отчета к понедельнику, 1 июня[2]. Собираясь домой на выходные, Рэнкин попросил Уилленса сообщить Уоррену эту новость: «Следует предупредить шефа, что к понедельнику мы не успеем».

Председатель Верховного суда «пришел в ярость», вспоминал Слосон.

Уилленс сказал, что понимает негодование начальника. Большую часть жизни, в конце концов, председатель Верховного суда следил за неукоснительным соблюдением графика и от своих сотрудников требовал того же. Теперь же соблюдение графика по большей части зависело от группы молодых юристов, со многими из которых он был едва знаком. Он чувствовал себя «заложником наемной команды», вспоминал Уилленс.

Уоррен, который обычно в июле – августе, в самую жару, уезжал из города, теперь сократил свой отпуск до месяца. Он собирался 2 июля отбыть в свою любимую Норвегию, пожить в доме своих предков и заодно порыбачить, а вернуться в начале августа, чтобы успеть просмотреть последний вариант заключительного отчета. До отъезда он надеялся ответить на кое-какие неприятные послания: за год он получил множество писем от известнейших юристов, которые не одобряли его решение возглавить комиссию. В запоздалых ответных письмах он говорил, что они абсолютно правы и что он взялся за эту работу лишь потому, что президент Джонсон на этом настаивал. «Я согласен с вами, не годится членам Верховного суда браться за постороннюю работу, – писал Уоррен Карлу Шипли, юристу из штата Вашингтон. – Я прямо говорил обо всем этом и в Верховном суде, и за его стенами»[3]. Уоррен приводит любимое высказывание президента Гровера Кливленда, объясняя, почему уступил просьбам президента Джонсона. «Иногда, как выразился Гровер Кливленд, мы сталкиваемся “с обстоятельствами, а не с теорией”. В данном случае президент так ясно показал мне всю серьезность ситуации, я не мог ему отказать».

Верховный суд как раз завершил очередную насыщенную сессию, во время которой было рассмотрено несколько знаковых дел, в том числе дело «Компания The New York Times против Салливана», в марте было единогласно вынесено решение Верховного суда, ставшее мощным шагом

вперед в защиту свободы прессы и гражданских прав4 . Определение суда существенно ограничивало возможности государственных служащих использовать законы об ответственности за распространение клеветы для наказания неугодных журналистов: в то время эти законы использовались для банкротства информационных агентств, сообщавших о нарушениях гражданских прав в южных штатах. 22 июня, после процесса «Эскобедо против штата Иллинойс», Верховный суд вынес решение, что обвиняемому в уголовном преступлении должно быть разрешено обратиться за консультацией к адвокату, – такое решение расширило возможности защиты для таких обвиняемых, закрепленные единогласным решением по делу «Гидеон против Уэйнрайта», которое рассматривалось за год до этого. Но в отличие от «Гидеона против Уэйнрайта» дело Эскобедо оказалось не таким простым: решение было принято большинством голосов, пять против четырех. Из-за перевеса всего в один голос некоторые юристы могли подумать, что кампания Уоррена по расширению прав обвиняемых по уголовному делу теряет обороты.

Уоррен позже скажет, что всегда понимал, как трудно будет добиться единодушия комиссии – слишком разными были эти семеро мужчин, которые в других обстоятельствах не пришли бы к согласию ни в чем5 . «У нас было сколько людей, столько и точек зрения, – вспоминал Уоррен. – Я уверен, что был бельмом в глазу для сенатора Рассела из-за решений суда по расовому вопросу». Его поразила неприкрытая враждебность, которую проявляли по отношению друг к другу конгрессмен-демократ Боггс и конгрессмен-республиканец Форд: «Их отношения даже отдаленно не напоминали товарищеские». Председатель Верховного суда к Боггсу относился с большим уважением, чем к Форду, даже несмотря на то, что Боггс не так активно участвовал в расследовании. «Боггс хорошо зарекомендовал себя в комиссии, – говорил председатель Верховного суда. – Он сохранял объективность. И всегда готов был помочь». К тому же Уоррен находил Боггса приятным в общении. «Боггс был дружелюбен, а Форд вечно упирался». Джона Макклоя Уоррен уважал за практический ум: тот всегда старался сохранять беспристрастность. «Он был объективным и много сделал для расследования». Аллен Даллес, хотя казался чудаком и имел привычку дремать на заседаниях, тоже, по словам Уоррена, «принес много пользы… правда, он был слишком говорлив, но работал усердно и хорошо проявил себя как член комиссии».

В конце весны Уоррену казалось, что он убедил большинство членов комиссии принять его точку зрения: Освальд действовал в одиночку. «Версия, исключавшая заговор, вероятно, была главным решением по этому делу», – сказал он. Ярым противником ее, по его словам, был Форд, который по-прежнему не исключал возможности, что Освальд участвовал в заговоре, в котором, вероятно, была каким-то образом замешана Куба. «Форд хотел выйти по касательной на коммунистический заговор», – вспоминал Уоррен. Он также не был уверен, к какому мнению склонится Рассел, поскольку сенатор не слишком много внимания уделял расследованию.

Работа над черновыми вариантами заключения в основном ложилась на плечи штатных сотрудников, что неудивительно для столь престижной федеральной комиссии. Уоррен и другие члены комиссии решили, что выскажут свое мнение после того, как получат черновые главы. Редлик, чувствуя себя более уверенно на рабочем месте благодаря председателю Верховного суда, как и собирался, взял на себя роль ответственного редактора заключения, который будет сводить вместе все главы. Вместе с ним над текстом будут работать Уилленс и Альфред Голдберг. Рэнкин оставлял за собой последнее слово по внесению стилистических исправлений, по крайней мере до тех пор, пока текст не передадут членам комиссии6. Его цель, сказал он, – отредактировать текст заключения, чтобы он был сдержанным по интонации и единообразным по стилю, с подробным по возможности перечислением фактов, доказывающих вину Освальда, но без излишней их драматизации. «Я хотел, чтобы все было как можно более точно», – вспоминал он. И предупредил: если штатным юристам не понравится, как их главы переписаны, он всегда готов встретиться с ними и выслушать их замечания.

Штатным юристам примерная идея заключения уже несколько недель была ясна: комиссия придет к выводу, что Освальд убил президента Кеннеди и, вероятно, действовал в одиночку. Споры разгорелись по поводу того, нужно ли особо подчеркивать эти выводы и должна ли комиссия признать, что имеются свидетельства, не позволяющие сделать окончательный вывод о виновности Освальда. Юристам приходилось решать, например, в какой форме упоминать (и стоит ли вообще упоминать) о показаниях свидетелей

на Дили-Плаза, которые были уверены, что пули летели в сторону лимузина Кеннеди не сзади, где находился Техасский склад школьных учебников, а спереди.

Впервые Рэнкин забеспокоился о бюджете: как комиссия расплатится за публикацию этого, судя по всему, многостраничного заключительного отчета, к которому еще будут прилагаться несколько томов свидетельских показаний? В первые месяцы расследования президент Джонсон был верен своему слову: Белый дом выделял денежные суммы и другие необходимые для деятельности комиссии ресурсы. Десятки тысяч долларов переводились на счет комиссии по одному звонку в Белый дом с телефона кого-нибудь из секретарей Рэнкина. «Мы получали денег столько, сколько нам было нужно, никто не попрекал нас, что мы запрашиваем слишком много», – с благодарностью вспоминал Рэнкин.

Но, встретившись весной с представителями Правительственной типографии, Рэнкин с удивлением узнал, в какую сумму выльется публикация полного отчета и дополнительных томов: на это понадобится не менее миллиона долларов[20]. «Когда я сказал об этом председателю Верховного суда, он был потрясен», – вспоминал Рэнкин.

– Ну и ну! – воскликнул Уоррен, известный своей бережливостью. – Нельзя так разбазаривать деньги.

Рэнкин напомнил Уоррену, как они давали клятву, что деятельность комиссии будет прозрачной. И очень важно, сказал Рэнкин, опубликовать не только заключительный отчет, но и по возможности все показания и свидетельства.

– Ладно, пусть Конгресс решает, – ответил Уоррен, отказавшись утверждать бюджет. – Я не знаю, одобрят ли они такое и захотят ли тратить деньги.

Он велел Рэнкину поговорить с четырьмя конгрессменами из комиссии и спросить, могут ли те убедить своих коллег в Белом доме и в Сенате одобрить смету.

Рэнкин начал с Рассела, который, будучи председателем сенатской комиссии по делам вооруженных сил, контролировал государственные расходы на военные программы, а это миллионы долларов в год.

– И во сколько это обойдется? – спросил Рассел.

Рэнкин назвал сумму: один миллион долларов.

Рассел, ни секунды не раздумывая, пообещал помочь.

– Продолжайте работу, – сказал он Рэнкину. – А мы найдем вам деньги.

Для сенатора, отвечающего за бюджет Министерства обороны, миллион долларов, должно быть, сущие пустяки.

Рэнкин спросил у Рассела, следует ли ему посоветоваться с другими конгрессменами: Боггсом, Фордом и Купером.

– Я с ними побеседую, – пообещал Рассел. – Мы достанем деньги.

Той весной Рэнкин беспокоился еще и из-за пустующих столов в офисе комиссии. Дэвид Белин вернулся в Айову в конце мая, через несколько дней уехал Леон Хьюберт. Арлен Спектер в июне, после того как закончит свой черновой вариант главы, уже не будет работать в Вашингтоне на полной ставке. Из младших юристов, которые трудились в комиссии с самого начала, только Гриффин, Либлер и Слосон будут сидеть здесь все лето, ну и еще с десяток секретарей и других конторских служащих. И если Рэнкин хочет, чтобы заключительный отчет хоть когда-нибудь увидел свет, ему придется нанять еще юристов, и поскорее. Уоррен согласился прислать нескольких судебных секретарей из Верховного суда, чтобы были на подхвате и начали перепроверять информацию и составлять примечания к тексту заключения. Альфред Голдберг разрешил одному из своих сотрудников, 25-летнему выпускнику Гарвардской школы права Стивену Брайеру, временно присоединиться к работе штатных юристов комиссии22.

Рэнкину нужен был новый помощник, который присутствовал бы в офисе полный день, поскольку он представлял, сколько времени и сил будет отнимать у Редлика и Уилленса фактическое написание заключительного отчета. 12 мая студент Школы права Колумбийского университета Мюррей

Лолихт готовился отмечать свой день рождения: ему исполнилось 24 года8. Неожиданно в его нью-йоркской квартире раздался телефонный звонок: его просили немедленно явиться в Вашингтон и пройти собеседование для приема на работу. Лолихт, третьекурсник, один из лучших в классе, как раз в тот день сдал последний экзамен в школе права – по доверительной и недвижимой собственности – и после этого, по его словам, мог ехать куда угодно. На следующее утро он уже был в кабинете Рэнкина, где ему предложили работу. «Рэнкин попросил меня приступить к обязанностям не откладывая, в тот же день», – рассказывал он, вспоминая, что его очень удивила такая поспешность. Он буквально «умолял» Рэнкина дать ему еще пару дней – надо же подготовиться. «Я даже одежды с собой не захватил, – объяснял он Рэнкину. – Обещаю: как только окончу колледж, в тот же вечер приеду сюда».

Они пошли на компромисс: Лолихт согласился приступить к работе 4 июня, на следующий день после того, как получит диплом. «Так что буквально в ночь окончания Колумбийского университета я уже был в Вашингтоне», – рассказывал Лолихт. Новые коллеги тепло приняли Лолихта: он привнес свежий взгляд на свидетельства в деле о покушении, которые они месяцами анализировали. А то, что он рассказывал им, звучало обнадеживающе. Изучив несколько черновых глав заключения, он почувствовал, что комиссия была права, сделав вывод о том, что Освальд действовал в одиночку. Он послушал споры о версии одной пули, которая показалась ему убедительной.

Ему нравилось работать в Вашингтоне, если бы не одно «но»: будучи правоверным иудеем, он столкнулся с некоторыми трудностями. В Вашингтоне оказалось непросто найти кошерную пищу, и Мюррей вспоминал, как однажды в ресторане рядом с офисом комиссии заказал фруктовый салат – фрукты подали с фруктовым желе, а его по еврейским правилам есть нельзя, так как желатин делается из костей животных. Так что до конца лета он «объедался картофельными чипсами». В офисе комиссии Мюррей обнаружил нечто из области научной фантастики: машину под названием Xerox . Это чудо техники так поразило его, что он уговорил своих родственников в Нью-Джерси вложить деньги в компанию по производству таких аппаратов. «Моя мама купила несколько акций Xerox , и вложение оказалось очень даже удачным».

Рэнкин сразу дал Лолихту задание. Попросил помочь Берту Гриффину

закончить часть расследования, касающуюся Джека Руби, а если конкретнее, то написать биографию Руби, которую можно будет потом включить в отчет. Судя по свидетельским показаниям, которые Лолихт прочел, у него сложилось впечатление, что убийство Освальда было импульсивным поступком и что Руби действовал в одиночку: «Он был достаточно вспыльчивый и вполне мог это сделать». Он так горел желанием отомстить за Кеннеди, что Лолихт невольно сравнил его с человеком, пережившим холокост: «Так мог бы поступить выживший после холокоста, если бы увидел нациста».

Знакомство Лолихта с еврейской культурой помогло разгадать одну загадку, связанную с Руби. Над ней члены комиссии долго ломали голову. Гриффин и Хьюберт не были евреями и потому не понимали смысла детского прозвища Руби. Что-то вроде «Янк» – примерно так оно звучало в разговорах его чикагских соседей, говоривших на идише. Может, это сокращенное «янки» и указывает на то, что в детстве он отличался от сверстников некими проамериканскими взглядами? Ничего подобного, сказал Лолихт. Прозвище Руби – Янк – на самом деле сокращение от Янкель, идишского варианта библейского имени Яков. Вот загадка и разрешилась, сказал Лолихт.

Еще один новичок среди штатных сотрудников – 27-летний Ллойд Уэйнриб, за два года до того окончивший Гарвардскую школу права, – не так бурно радовался, оказавшись в вашингтонском офисе9. Проработав сессию в Верховном суде в качестве секретаря члена Верховного суда Джона Маршалла Харлана-второго, Уэйнриб этим летом был принят в отдел по уголовным делам Министерства юстиции и поступил под начало заместителя помощника генерального прокурора Говарда Уилленса. Но поскольку Уилленс все еще выполнял поручение в комиссии, он попросил Уэйнриба помочь ему с расследованием. «Он спросил, не мог бы я прийти и поработать там несколько недель – чего мне, честно говоря, совсем не хотелось, – вспоминал Уэйнриб. – Но поскольку Уилленс был без пяти минут мой начальник, я подумал, что неразумно будет отказываться».

Уэйнрибу стало не по себе с первой минуты, как только он переступил порог Организации ветеранов зарубежных войн. Он увидел пустые столы

и узнал от оставшихся юристов, как много еще не сделано. «Помнится, первой моей мыслью в офисе было: все разъехались по горным курортам, а этих бедолаг забыли», – вспоминал он. Работа оказалась «дикая»: предполагалось, что штатные сотрудники будут трудиться не покладая рук по 14–15 часов в день, без выходных, все лето, пока заключительный отчет не будет готов. Он с ужасом обнаружил, что по воскресным дням в офисе кондиционеры не включают, а в Вашингтоне в июле – августе жара 38 градусов по Цельсию. «Здание отвратное, – говорил он. – Полное убожество. Я думаю, что именно поэтому отчет Уоррена получился такой слабый – именно из-за таких банальных вещей».

Ему поручили написать биографию Освальда, ее предполагалось дать как приложение к заключительному отчету. За биографию поначалу отвечал Альберт Дженнер, но он оказался неспособен ее завершить, погрязнув в мельчайших подробностях жизненных перипетий Освальда. «Дженнер все еще отслеживает какие-то отдаленные связи, – сказал Уэйнриб. – Он застрял и не выберется». Дженнер, сказал он, «просто не имеет никакого понятия о том, как пишутся биографии. Ему кажется, если кого-то случайно упомянули – хоть бы какую-нибудь четвероюродную сестру, которую Освальд в глаза не видел, – надо кинуться и проверить».

У Уэйнриба было четкое ощущение, что к середине лета Уилленс, который держал все нити расследования в своих руках, возьмет на себя работу, которую полагалось делать Рэнкину. «Говард действительно руководил персоналом, – сказал он. – Уилленс в интеллектуальном плане был гораздо выше Рэнкина. Рэнкин казался обычным, средней руки бюрократом». Уэйнриб не общался с Уорреном, и это его не удивляло, поскольку по опыту работы в Верховном суде он знал, что председатель Верховного суда предпочитает держать своих секретарей и конторский персонал на «безопасной дистанции».

Написание биографии Освальда не слишком вдохновляло Уэйнриба. Он рассказал, что сначала стал искать все отчеты о жизни Освальда, в том числе все строго засекреченные материалы из ЦРУ о пребывании Освальда в России. Тогда впервые Уэйнриб увидел бумаги, относящиеся к вопросам национальной безопасности. «У меня сначала было такое чувство: ух ты, начинаются шпионские дела!» Большая часть биографического материала об Освальде находилась в объемистых папках – сантиметров в десять

толщиной, – где были собраны отчеты ФБР и ЦРУ. Однако, начав их просматривать, Уэйнриб столкнулся с первыми трудностями. Многих документов, которые он рассчитывал найти, в подшивках не оказалось: очевидно, их забрали для своей части работы другие члены комиссии. «В бумагах не было никакого порядка, – вспоминал он, – некоторые штатные юристы, похоже, старались набирать себе как можно больше документов. Приходилось буквально ходить по комнатам и высматривать, нельзя ли что-нибудь позаимствовать – и тут же прятать в верхний ящик стола, чтобы не отобрали».

Уэйнриб долго не мучился над сочинением биографии, его коллеги по работе в Верховном суде знали, что пишет он легко и изящно. Он гордился тем, что раз написанное не приходится переписывать набело, его черновик обычно оставался окончательным вариантом. Не мучился он и над вопросом, убил ли Освальд президента в одиночку или в результате заговора. Судя по тому, что он прочел в документах комиссии, Освальд казался преступником-одиночкой и действовал без сообщников. Уэйнриб понимал, почему возникли «теории заговора», но свидетельства против Освальда были очень убедительными. «Я так считал, и вряд ли кто-нибудь мог меня переубедить».

Ричард Моск собирался уволиться из штата комиссии в середине августа: ему пора было возвращаться к своим основным обязанностям в авиации Национальной гвардии. Перед отъездом он закончил изучать вопрос об уровне стрелковой подготовки Освальда10 . Он вполне допускал, что Освальд был способен сделать все те выстрелы, которыми был убит президент Кеннеди и ранен Коннелли. Винтовка Mannlicher-Carcano – «очень меткое оружие», писал Моск.

Моск перечитал заключения четырех экспертов по стрелковому оружию, в том числе майора Юджина Андерсона, помощника начальника стрелкового подразделения Корпуса морской пехоты США11 . Андерсон подтвердил, что выстрелы, в результате которых пули попали в шею и в голову Кеннеди, «не так уж сложно» было сделать, особенно если учесть, как медленно двигался президентский кортеж. Специалист по огнестрельному оружию из ФБР Роберт Фрейзер объяснил членам комиссии, что Освальду «не составило большого труда» попасть в намеченную цель, поскольку у него была винтовка с оптическим прицелом12 . «Я хочу сказать, не нужно вообще никакой подготовки,

чтобы стрелять из оружия с оптическим прицелом», – отметил Фрейзер. Стрелок просто «наводит перекрестие на цель» и спускает курок, пояснил он. «Вот и все, что от него требуется».

Глава 45

Дом Сильвии Одио

Даллас, штат Техас

июль 1964 года

В то лето Сильвия Одио пыталась наладить свою жизнь, но это было трудно. 27-летняя кубинская эмигрантка особо не распространялась о случившемся в декабре, когда в офис химической компании, где она работала, без предупреждения заявились два агента ФБР. Они потребовали, чтобы она рассказала им то, о чем говорила некоторым своим знакомым: как до покушения на президента Освальд и двое латиноамериканцев заходили к ней в далласскую квартиру. Одио встревожилась оттого, что фэбээровцы нагрянули к ней на работу, а не домой, чем сильно расстроили ее начальника. «У меня на службе из-за этого были неприятности, – говорила она позже. – Знаете, как люди были тогда напуганы. Начальство в нашей фирме заподозрило неладное, когда моей персоной заинтересовались люди из ФБР»1 . Но после того декабрьского разговора, по ее словам, ФБР больше не давало о себе знать. То, что Бюро не обратило должного внимания на ее историю, которую могла подтвердить и ее сестра-подросток Энни, было странно и обидно.

Однако в июне она поняла, что комиссия Уоррена склонна отнестись к ее словам более серьезно. Уэсли Либлер позвонил ей из Вашингтона и спросил, готова ли она дать показания под присягой, когда он будет в Далласе. Она ответила согласием, хотя сказала о своих опасениях: если эта история получит огласку, это может повредить ее родителям, кубинским политзаключенным. Отец Сильвии Амадор в 1950-е был влиятельным бизнесменом на Кубе – издание The Time назвало его «транспортным магнатом» – и после кубинской революции стал ярым

противником режима Кастро2 . Он был лидером относительно умеренной антикастровской группировки, известной как JURE (Junta Revolucionaria Cubana – Революционная кубинская хунта). Сильвия даже в изгнании оставалась членом этой организации.

Либлер собирался отправиться на встречу с Сильвией и другими свидетелями в Далласе и Новом Орлеане, как только закончит свою часть проекта заключительного отчета комиссии – он должен был проанализировать, какие поводы для убийства президента могли быть у Освальда. Либлер сдал свой 98-страничный труд 23 июня3. В нем он писал, что пришел к следующему выводу: Освальд стал замышлять убийство президента лишь накануне самого покушения, может быть, даже за несколько часов до покушения и, вероятнее всего, не раньше вторника, 19 ноября – дня, когда впервые был обнародован маршрут кортежа Кеннеди в Далласе.

В черновом варианте заключения Либлер признавал, что нельзя сказать с абсолютной уверенностью, почему Освальд убил Кеннеди. И Либлер предложил список возможных мотивов, увязав воедино тяжелое детство Освальда, желание прославиться на весь мир и его приверженность марксизму и делу кубинской революции. «Ли Харви Освальд был человеком, глубоко оторванным от мира, в котором он жил, – писал Либлер. – Похоже, он не был способен наладить прочные связи с людьми, где бы ни находился. Ему были свойственны замкнутость, подозрительность, разочарованность, его преследовали неудачи почти во всем, за что бы он ни взялся. А главное, он жил иллюзиями и фантазиями, которые служили ему защитой от собственных ошибок и беспомощности». Марксистские взгляды Освальда делали его непримиримым врагом американского правительства «и усугубляли его изоляцию от общества», писал Либлер.

Но хотя Либлер и писал так, в общении с коллегами – штатными сотрудниками комиссии – он признавал, что может ошибаться и, возможно, упустил какое-то свидетельство существовавшего заговора. Особенно беспокоили его, как он говорил, многочисленные пробелы в имеющейся у комиссии информации о деятельности Освальда в течение нескольких месяцев до покушения. Он знал, как переживает Слосон

из-за того, что ФБР и ЦРУ не могут предоставить отчет о целых днях во время поездки Освальда в Мексику; подобные пробелы были и в расписании деятельности Освальда в Новом Орлеане и Далласе. А из показаний Сильвии Одио, если они соответствовали истине, следовало, что Освальд разъезжал по стране вместе с враждебно настроенными к Кастро эмигрантами за недели до покушения и открыто говорил, что желает смерти президенту Кеннеди.

Либлер первым делом отправился в Новый Орлеан. И сразу ощутил все прелести душной, влажной атмосферы, лишь подтверждающей луизианскую поговорку, что в середине лета только чудаки, бедняки и богачи с кондиционерами могут выжить в этом городе Большого кайфа, как иногда называют Новый Орлеан. Город, где родился Освальд, вновь приютил его на несколько месяцев в апреле 1963 года. Марина думала, что он поехал туда переждать опасность, ведь в Техасе его могли в любой момент арестовать из-за неудачной попытки покушения на жизнь Эдвина Уокера.

Именно в Новом Орлеане Освальд впервые попытался заявить о себе как о рьяном стороннике кубинской революции – он хотел, чтобы его считали членом Fair Play for Cuba Committee (FPCC) , Комитета за справедливое отношение к Кубе. Той весной Освальд намеревался открыть отделение этой организации в Новом Орлеане. Воспользовавшись вымышленным именем Ли Осборн, он напечатал бланки заявлений о членстве в комитете, а также брошюры под лозунгом «Руки прочь от Кубы». Марина утверждала, что, находясь в Новом Орлеане, он впервые высказал желание бежать на Кубу, надеясь, что ему удастся угнать самолет, направляющийся в Гавану.

В то же время, судя по всему, Освальд в Новом Орлеане делал попытки проникнуть в антикастровские группировки, возможно, надеялся собрать тайную информацию, чтобы затем передать ее кубинскому правительству в подтверждение своей верности Кастро[4] . 5 августа, как установили в ФБР, Освальд побывал у Карлоса Брингаера, юриста родом с Кубы и ярого противника режима Кастро, и попросил того присоединиться к борьбе своей группы изгнанников против Кастро[5] . Брингаер рассказал представителям ФБР, что Освальд назвался бывшим морским пехотинцем,

прошедшим спецподготовку для участия в партизанских действиях.
На следующий день после их первой встречи Освальд вручил Брингаеру принадлежавшую ему памятку-руководство морпеха в доказательство того, что он прошел военную выучку.

Если Освальд на самом деле пытался проникнуть в антикастровские группировки, его миссия оказалась под угрозой срыва уже через несколько дней, когда Брингаер и двое других кубинских эмигрантов увидели его на перекрестке – тот раздавал прохожим листовки Комитета за справедливое отношение к Кубе. Завязалась потасовка, в результате Освальда арестовали. Проведя ночь за решеткой, Освальд попросил о встрече с агентом ФБР, якобы для того, чтобы дать Бюро официальный отчет о своих действиях. Он рассказал агенту, что он член Комитета за справедливое отношение к Кубе, а председатель местного отделения этой организации – некий А. Дж. Хиделл (этим псевдонимом Освальд воспользуется, когда будет покупать винтовку Mannlicher-Carcano). Марина Освальд предположила, что ее муж выбрал псевдоним Хиделл потому, что он рифмуется с Фидель. В апреле в Новом Орлеане Либлер взял показания у Брингаера и счел их заслуживающими доверия.

Во время своей второй поездки в Новый Орлеан в июле Либлер встретился с другими жителями этого города, свидетельства которых, на его взгляд, меньше заслуживали доверия, но этих людей также следовало опросить: комиссия должна собрать как можно более полную информацию. Среди этих опрошенных был Дин Эндрюс-младший, очень колоритная фигура – мелкий адвокатишка и гуляка, у которого, похоже, каждый день был как праздник6 . Даже в экзотическом Новом Орлеане он выделялся из толпы как благодаря своей внешности (этакий толстяк в темных очках, которые он не снимал даже в помещении), так и из-за необычной манеры речи. Он говорил на языке каджунских битников: модник у него был «стильный чувак», а приличный бар – «клевый кабак».

Через несколько дней после убийства Кеннеди Эндрюс запросил контакта с ФБР и доложил, что Освальд заходил к нему в юридическую контору летом 1963 года, хотел добиться пересмотра «неприятного» увольнения из морской пехоты. Эта часть рассказа Эндрюса заслуживала внимания ФБР и комиссии Уоррена, поскольку было известно, что Освальд очень переживал из-за увольнения. Однако в истории, рассказанной Эндрюсом ФБР, было не только это. Освальд, сказал он, приходил к нему в офис

вместе с тремя латиноамериканцами, внешне похожими на гомосексуалов – «три голубых парнишечки», – и, судя по поведению Освальда, Эндрюс и его причислил к голубым. «Он был с мальчишками накоротке, – сказал Эндрюс. – Задницей не вертел, но мне казалось, все они одного поля ягода».

Похоже, у Освальда в Новом Орлеане имелся некий таинственный покровитель. Всего через несколько часов после покушения, заявил Эндрюс, ему позвонил местный адвокат, которого он назвал Клеем Бертраном – тот был как-то связан с «тремя голубыми парнишками» и сам был бисексуалом, – и стал уговаривать Эндрюса немедленно ехать в Даллас защищать Освальда. Комиссия просила ФБР проработать свидетельство Эндрюса, особенно прояснить личность Бертрана, но в Бюро ответили, что им не удалось найти доказательств того, что Бертран вообще существовал. А Эндрюс описывал Бертрана каждый раз по-разному, в том числе во вторник, 21 июня, когда он под присягой давал показания Либлеру.

Либлер попросил его еще раз рассказать, как выглядит Бертран.

– Росту в нем примерно метр семьдесят. Рыжеватый, глаза голубые, румяный, – стал вспоминать Эндрюс.

Либлер заглянул в отчеты ФБР о беседах с Эндрюсом и увидел, что тот вначале утверждал, что рост Бертрана метр восемьдесят пять или метр восемьдесят семь сантиметров. Как так получилось, что Бертран после первых показаний Эндрюса стал на пятнадцать сантиметров ниже, поинтересовался он.

– Я только предположил, – ответил Эндрюс.[21]

Либлер в тот же день предпринял попытку получить более надежные свидетельства от некоего кубино-американского бармена Эваристо Родригеса, который сказал, что Освальд в 1963 году один раз заходил к нему в бар «Гавана» на Декейтер-стрит7 . С Освальдом были еще двое мужчин, один из них явно латиноамериканец. Родригес вспомнил, что Освальд выглядел пьяным и «растекся» по стойке бара, прежде чем заказать лимонад. Латиноамериканец заказал текилу. «Тогда я говорю: за текилу с него пятьдесят центов, – вспоминал Родригес. – Он стал

возмущаться, мол, слишком дорого, и сказал что-то вроде того, что он кубинец… а владелец бара вроде как капиталист».

И хотя другие свидетели настаивали на том, что Освальд никогда не напивался после возвращения из России, Либлер стоял на своем: тот мог находиться в баре с кубинцем, который разделял антикапиталистические взгляды Освальда и, более того, не стеснялся о них открыто заявлять. Он попросил описать внешность кубинца. Родригес сказал, что, как ему кажется, мужчине было лет под тридцать и голова у него была приметная: слишком большая залысина спереди. Либлер вспомнил, что в первых беседах с агентами ФБР Сильвия Одио, описывая одного из латиноамериканцев, которые заходили к ней с Освальдом – она называла его Леопольдо, – сказала, что надо лбом у него была необычная проплешина[8] .

Глава 46

Офис комиссии

Вашингтон, округ Колумбия

июль 1964 года

В ФБР уже несколько месяцев знали из докладов, что комиссия небрежно обращается с секретными документами. Джеральд Форд первым из членов комиссии попал под подозрение, ходили слухи, что он сливает секретные данные, а может, даже рассылает их, что, впрочем, сам он категорически отрицал. Первый задокументированный упрек в серьезном нарушении требований безопасности со стороны члена комиссии был адресован конгрессмену Боггсу, который в апреле оставил копию сверхсекретного документа о покушении, полученного из Белого дома, на переднем сиденье седана «меркурий», выданного ему правительством в служебное пользование[1] . Боггс припарковал машину, на которой были опознавательные знаки, говорящие о том, что она приписана к его парламентскому офису, в балтиморском международном аэропорту Френдшип, недалеко от Вашингтона. Некий житель штата Пенсильвания,

паркуясь перед седаном, заметил на его переднем сиденье документ с пометкой «совершенно секретно» и позвонил в ФБР. Насколько он мог судить, двери седана не были заперты.

Утечка по вине Уэсли Либлера оказалась куда более серьезной, чем у Боггса, из-за того что была такой откровенно наглой – и еще потому, что в конце концов привлекла внимание Эдгара Гувера. Директор ФБР узнал о нарушении режима секретности из письма, направленного ему лично в июне отставным офицером ВМС США Джеймсом Р. Дэвидом из Уилметта, штат Иллинойс. Бывший военный спешил доложить о том, чему стал свидетелем на борту самолета компании Northeast Airlines , совершавшего рейс из Кина, штат Нью-Гемпшир, в Нью-Йорк2 . Это было в воскресенье, 31 мая, в этот день, кстати, в стране отмечали День памяти. Дэвиду досталось место на одном из двух кресел в хвостовой части салона самолета. Борт оказался заполнен под завязку, и последнее свободное кресло занял человек «с рыжими волосами, красным лицом и довольно густой рыжей бородой». Дэвид не смог установить, как его звали, но у него при себе был «черный дипломат», украшенный тиснеными инициалами У. Дж. Л.

Почти сразу же, как только рыжебородый сел, сообщал Дэвид, он открыл дипломат и достал оттуда документ, в заголовке которого значилось: «Министерство юстиции США, копия № 10 из 10, Президентская комиссия по расследованию убийства президента Кеннеди». Дэвид был поражен, когда мужчина начал – «внаглую», как выразился Дэвид, – листать этот, судя по всему, огромной важности документ. «Вверху и внизу каждой страницы жирными красными буквами значилось: “совершенно секретно”, – писал Дэвид. И добавил: – Я без труда мог бы прочесть большую часть этого доклада. Однако, учитывая его секретность, я не стал этого делать – только для большей точности постарался запомнить один фрагмент, в верхней части 412-й страницы, где, насколько я помню, было написано следующее: “Мистер Рэнкин: Он время от времени доставал из кармана бумажник? Миссис Освальд: Нет”».

В ФБР без труда вычислили, что рыжеволосый человек был Либлер, который летел тем рейсом, возвращаясь в Нью-Йорк из своего сельского дома в Вермонте.

Гувер довел эту информацию до сведения Рэнкина, судя по всему оставив

за комиссией право решать – по крайней мере в тот момент, – как поступить с Либлером. А Дэвиду Гувер письменно выразил благодарность за то, что тот проявил бдительность и сообщил в ФБР о случае на борту самолета[3]. В архивах Гувера сохранились данные о том, что личность самого Дэвида перед этим усиленно проверяли – нужно было убедиться, что он в свою очередь не будет способствовать дальнейшей утечке информации. Проверка показала, что благонадежность Дэвида за время службы еще ни разу не ставилась под сомнение.

Другие штатные юристы комиссии заявляли, что только краем уха слышали об инциденте в самолете[4]: Рэнкин не предавал этот случай огласке, опасаясь скандала, к тому же он имел основания подозревать, что Гувер допустит такую утечку в нужный для Бюро момент. Слосон сказал, что, насколько он понимает, Либлер «получил нагоняй» от Рэнкина и «Уоррен через Рэнкина дал ему понять, что очень им недоволен». Но штатные сотрудники не заметили, чтобы Либлер особенно сокрушался по этому поводу.

Он, по словам его коллег, был гораздо больше озабочен тем, что комиссия намерена переписать или даже удалить его черновую главу о мотивах, побудивших Освальда к убийству президента. Либлер неделями корпел над черновым текстом, и теперь – в основном по настоянию Редлика, как он полагал, – большая часть с таким трудом написанного им будет нещадно вымарана редактором из заключительного отчета[5]. Редлик и Рэнкин сочли, что черновик Либлера скорее походил на попытку психоанализа умершего и что комиссия едва ли согласится с выводом Либлера о том, что марксистские взгляды Освальда и его симпатии к Кастро имели какое-то отношение к его решению убить Кеннеди. Рэнкин полагал, что вовсе не марксизм, а желание Освальда прославиться было более вероятным мотивом убийства, того же мнения придерживались и некоторые другие члены комиссии. Рэнкин беспокоился, что предположения Либлера, будто именно политические симпатии к Кастро побудили Освальда к убийству Кеннеди, будут на руку законодателям-консерваторам, которым не терпится обвинить Кубу в этом злодеянии.

Текст, написанный Либлером, раздали членам комиссии. Форд передал свой экземпляр Фрэнсису Фэллону, молодому мичиганцу, студенту Гарвардской школы права, который по поручению Форда изучал

материалы комиссии[6]. В конце июля Фэллон вернул черновик Либлера с сопроводительным письмом, в котором говорилось, что Форд не озаботился прочесть его. Черновик «очень плохо составлен и, согласно Редлику, его следует полностью переписать».

Летняя поездка Либлера в Новый Орлеан и Даллас дала ему возможность подумать над чем-то, кроме внутренних дрязг в комиссии. Закончив опрос свидетелей в Новом Орлеане, он полетел в Техас, чтобы встретиться с Сильвией Одио и Мариной Освальд. 22 июля, в среду, он собирался большую часть дня отвести на переговоры с Сильвией Одио в офисе федерального прокурора США. А в пятницу намеревался выслушать показания и Марины, которой предстояло более подробно ответить на вопросы в связи с покушением на Уокера, а также рассказать о пребывании ее мужа в Новом Орлеане.

Одио рассказывала, что очень нервничала из-за предстоящей встречи, которая была назначена на 9 часов утра, и очень боялась опоздать. Когда она вошла, многие из присутствующих невольно обратили на нее взгляды. Она оказалась даже еще красивее, чем на фотографиях, которые Либлеру показывали в Вашингтоне.

– Мы хотели бы задать вам несколько вопросов в связи с тем, что вы, возможно, видели Ли Харви Освальда, – начал Либлер[7].

– Для начала давайте я расскажу вам о письме, которое отец прислал мне из тюрьмы. Вот оно.

С этими словами Сильвия вручила ему короткое, всего на страничку, письмо от 25 декабря, написанное по-испански[8]. В этом письме, адресованном Сильвии и еще девятерым его детям, ее отец желал им счастливого Рождества. Правительство Кастро, как правило, запрещало политическим узникам переписку, исключение делалось только для праздничных поздравлений: по одному для всей семьи.

Это письмо очень важное, объяснила она, потому что в нем ее отец отвечал на вопрос, который она задала ему в письме, отправленном еще в октябре – за месяц до покушения на Кеннеди. Тогда она упомянула о странном американце, который заходил к ней с двумя

приятелями-латиноамериканцами, – судя по всему, это был Освальд с товарищами. Она спрашивала отца, действительно ли он знает этих троих. В своем письме отец ответил, что не знает их и что ей следует быть настороже. «Скажи мне, кто этот человек, уверяющий, что он мой друг, – писал отец. – Будь осторожна». Это письмо придавало убедительности ее рассказу и, кроме того, судя по всему, служило дополнительным доказательством, что встреча в квартире Одио действительно имела место.

Во время дачи показаний Одио производила впечатление умной женщины, уверенной в собственной правоте. «Может, Одио говорит правду», – подумал Либлер, удивляясь, почему ФБР так настаивало на том, что она ошиблась. Сотрудники ФБР не приняли во внимание ее историю, поскольку не сомневались, что в то время, когда, по словам Одио, Освальд побывал у нее в квартире, он находился в Мексике. После нескольких месяцев общения с представителями ФБР Либлер не спешил принимать на веру все, что сообщают агенты Бюро. Может, в ФБР перепутали даты или маршрут Освальда во время поездки в Мексику и обратно, задумался Либлер. Вернувшись в Вашингтон, он решил, что испросит у Рэнкина разрешения надавить на ФБР, чтобы оно еще раз проверило хронологию перемещений Освальда. Еще он хотел попросить ФБР всерьез заняться установлением личности спутника Освальда – латиноамериканца, известного под именем Леопольдо.

То, что произошло в Далласе вечером в день показаний Одио, она хранила в тайне много лет, как говорила впоследствии9. Она решила никому не рассказывать об этом, опасаясь скандала, который мог бы повредить ей и ее близким, не хотела конфликта с Либлером.

Либлер, сказала она, пытался ее соблазнить. Неприятности начались сразу после дачи показаний, когда Либлер предложил ей поужинать вместе. «Я удивилась, но все еще силен был страх, и я согласилась», – призналась она. Они поужинали в отеле «Шератон», в деловом центре Далласа, где Либлер остановился, и за столиком к ним подсел мужчина, в котором она признала одного из адвокатов Марины Освальд; годы спустя она уже не могла припомнить его имя.

«За столом они с адвокатом переговаривались о чем-то своем,

недомолвками, – вспоминала Одио. – Мне показалось, они не хотели, чтобы я понимала, о чем они говорят». Вскоре, однако, разговор перешел в ожесточенный спор, и Либлер, обернувшись к Одио, строго спросил, всю ли правду сказала она во время дачи показаний. Он предположил, что она о чем-то умолчала, может быть, о своем участии в антикастровских группировках. «Я ничего не утаила», – ответила она. Ей казалось, что Либлер затеял некую «игру», чтобы проверить, насколько ей можно доверять. Он «стал запугивать меня, угрожая проверкой на детекторе лжи».

Все трое были навеселе, вспоминала она. Либлер, похоже, надеялся, что, «если ему удастся подпоить меня, у меня развяжется язык и я выболтаю всю информацию, которую якобы скрываю». Одио, по ее словам, была рада, что ограничилась одним бокалом – она заказала лишь «Кровавую Мэри». «Слава богу, я не пьяна», – подумала она тогда. И еще одна мысль ей запомнилась: «Сильвия, – сказала она себе, – держи рот на замке. Правда им не нужна».

Либлер продолжал расспросы и попытался завоевать ее доверие некой фразой, которая бросала тень на работу комиссии. Она вспомнила, что Либлер сказал своему собеседнику-адвокату: «Если мы действительно выясним, что это заговор, будьте уверены, что по приказанию председателя Верховного суда мы благополучно упрячем это под сукно». (Много лет спустя следователь от Конгресса спрашивал Одио, действительно ли Либлер говорил такое. «Да, сэр, – ответила она, – могу поклясться, именно так он и сказал».)

После ужина адвокат отправился домой, а Либлер попросил ее подняться с ним в его номер, чтобы посмотреть фотографии, относящиеся к расследованию. «Он пригласил меня к себе в номер», – рассказала она, признавая, что вовсе не была такой наивной, она догадывалась, что приглашение Либлера на самом деле не имеет отношения к работе комиссии и что он воспользуется поводом, чтобы соблазнить ее.

«Я пошла с ним, – вспоминала она. – Вошла в его комнату. Хотела посмотреть, как далеко готов зайти правительственный следователь в работе со свидетелем». Оказавшись в номере, Либлер, по ее словам, «стал делать намеки». «Конечно, ничего между нами не было, я все же была в здравом уме… … “Вы с ума сошли”, – сказала я ему».

Она говорила, что Либлер пытался подольститься к ней, сказав, что его коллеги в Вашингтоне завидуют ему. «Он намекнул, что в комиссии Уоррена видели мою фотографию и отпускали всякие шуточки, мол, повезло тебе, Джим: с такой красавицей встретишься, и всякое такое».

Одио сказала, что была потрясена, обнаружив, что, будучи важным свидетелем в деле о расследовании убийства президента, она стала объектом сексуальных домогательств со стороны одного из тех, кому поручено расследовать это дело. «Я рассчитывала на предельно уважительное отношение, – отмечала она. – И совсем не ожидала сальных шуточек от комиссии по расследованию убийства президента. Для Либлера это была лишь игра… И меня использовали как пешку в этой игре».

Когда Либлер вернулся в Вашингтон, он ничего не рассказывал другим юристам комиссии о том неудавшемся свидании с Одио. Однако он, как ни странно, хвастался тем, что произошло, когда он в Далласе встретился с Мариной Освальд. Эта встреча состоялась 24 июля, через два дня после дачи показаний Одио.

Он заявил, что пытался – и неудачно – соблазнить вдову Освальда10 . «Вспоминая об этом, он улыбался», – рассказывал Слосон. Ни он, ни его коллеги ни на секунду не усомнились в правдивости этой истории. Такой уж человек был этот Либлер, стоило ему увидеть красотку – и он уже не мог устоять.

Спустя годы некоторым из бывших коллег Либлера неловко было признавать это, тогда же, летом 1964 года, история показалась им забавной, не более, и они не находили ничего предосудительного в том, что Либлер пытается завязать интрижку с убийцей президента. Вспоминая тот случай, Слосон сказал, что, «конечно, это было глупой беспечностью». Мысль о том, что Либлер пытался соблазнить Одио, встревожила его куда больше. Из штатных сотрудников Слосон лучше всех представлял, насколько может быть важна Одио как свидетель, и понимал, что она могла бы вывести расследование на заговор с участием эмигрантских группировок, борющихся с режимом Кастро. Он знал, что Одио, молодой эмигрантке, трудно приходится в Далласе и что она решила обратиться за помощью к психиатру. И со стороны Либлера было «просто жестоко» использовать

ее в качестве объекта домогательств, сказал Слосон. По его словам, Либлеру крупно повезло, что Одио не стала тогда во всеуслышание его обвинять: это могло бы поставить крест на карьере Либлера.

Глава 47

Офис генерального прокурора США

Даллас, штат Техас

22 июля 1964 года

Во время поездки в Даллас Либлер опросил еще нескольких свидетелей, в том числе Эйбрахама Запрудера, фабриканта женской одежды, любительская видеокамера которого запечатлела главные моменты убийства. Давая под присягой показания Либлеру, Запрудер, не в силах сдержать слез при воспоминаниях об увиденном на Дили-Плаза, готов был винить себя во всем.

Уоррена давно тревожил тот факт, что Запрудер продал права на фильм журналу Life , и Либлеру было велено с пристрастием расспросить Запрудера о том, сколько ему заплатили за пленку. Уоррен сказал, что, по его мнению, продажа фильма создает нехороший прецедент для торговли судебными уликами.

– Я хочу попросить вас: не могли бы вы рассказать, сколько вам заплатили за фильм, – обратился Либлер к Запрудеру. – По мнению комиссии, такая информация может быть очень полезной1 .

Запрудер, похоже, смутился:

– Интересно, я обязан отвечать или нет? Потому что тут много всего, дело не только в деньгах.

Либлер настаивал и еще раз повторил вопрос.

– Я получил двадцать пять тысяч долларов, – ответил Запрудер и пояснил, что все вырученные деньги направил в далласский благотворительный фонд помощи полицейским и пожарным, высказав пожелание, чтобы их передали вдове полицейского Джея Ди Типпита[22].

– Вы передали всю сумму, все двадцать пять тысяч? – попросил уточнить Либлер.

– Да, – отвечал Запрудер. – Странно, что вы об этом не знаете. Но больше я не хочу об этом говорить.

Щедрость Запрудера приятно удивила Либлера.

– Мы очень признательны вам за ваши ответы, – сказал он. – И должен сказать, что ваш фильм стал самым большим подспорьем в работе комиссии.

Он объяснил Запрудеру, как фильм помог «с достаточной точностью установить факты» во время баллистической экспертизы.

– Я ничего не сделал, – скромно ответил Запрудер.

На самом деле он не сделал лишь одного: не сказал Либлеру всей правды о продаже фильма. Годы спустя Life признает, что в первые же дни после покушения согласился заплатить Запрудеру по меньшей мере 150 тысяч долларов за право использования фильма, с ежегодной выплатой в 25 тысяч2 . (В 2009 году федеральное правительство перекупит права у наследников Запрудера за 16 миллионов долларов, хотя те поначалу запросят 30 миллионов.) Запрудер продал фильм журналу Life , успев прежде показать его представителям нескольких СМИ – в том числе CBS News, The Saturday Evening Post и Associated Press – и сравнить условия, предложенные соперниками. Руководитель лос-анджелесского отделения журнала Life Ричард Б. Столли, непосредственно осуществлявший сделку, рассказал, что Запрудер очень беспокоился из-за возможного «использования» материалов и взял с руководства журнала обещание обращаться с видеорядом с максимальным уважением3 . Но при этом Запрудер, по словам Столли, четко понимал, «какую роль в пополнении семейного бюджета будут играть эти деньги».

В Далласе Либлер также взял показания у Эдвина Уокера, отставного генерала, в которого Освальд стрелял за семь месяцев до убийства Кеннеди. Уокер, ярый сторонник расовой сегрегации, член ультраконсервативного Общества Джона Берча, был отправлен в отставку президентом Кеннеди в 1961 году, после того как стало известно, что он распространял материалы Общества Берча в воинских частях, находящихся под его командованием в Германии4. Уокер вспоминал, как 10 апреля, в среду, находясь в своем далласском доме, он чудом избежал смерти: пуля чуть не угодила ему в голову. «Я сидел за рабочим столом, – рассказал Уокер. – Было ровно десять часов вечера, за окном смеркалось, и в доме почти во всех комнатах уже зажгли свет»5. Он склонился над столом, составляя налоговую декларацию, как вдруг раздался выстрел – как ему показалось, прямо у него над головой. Обернувшись, он увидел в стене пулевое отверстие.

Марина Освальд рассказывала комиссии: ее муж в тот же вечер признался ей, что это его рук дело. Согласно показаниям Марины, Освальд называл Уокера фашистом и сравнивал его с Адольфом Гитлером. По его словам, из-за своих политических взглядов Уокер заслуживал смерти. Среди личных вещей Освальда были найдены фотографии дома Уокера.

Хотя Марина была убеждена в том, что ее муж в момент покушения на Уокера действовал в одиночку, отставной генерал не был в этом так уж уверен. Он сказал, что провел собственное расследование, пытаясь выяснить, были ли у Освальда сообщники, в том числе Джек Руби. Уокер, об антисемитизме которого было всем хорошо известно, говоря о Руби, называл того по фамилии, данной при рождении: Рубинштейн. «Это не только мое мнение, по всей стране люди думают, что Рубинштейн и Освальд были как-то связаны». Либлер потребовал разъяснений, и Уокер вынужден был признать, что никаких доказательств заговора у него нет, помимо теорий Марка Лейна и прочих.

Уокер сам предложил дать показания комиссии. Он требовал этого в телеграмме, направленной Уоррену неделями раньше; по его словам, он хочет дать показания отчасти потому, что надеется положить конец слухам о том, что он и его сторонники-праворадикалы в Далласе каким-то образом причастны к убийству Кеннеди. «Я устал от обвинений, которыми осыпают правых, с меня хватит, и считаю, что комиссии давно пора обелить честное имя города Далласа», – сказал он Либлеру.

Несколькими днями ранее Арлен Спектер также побывал в Далласе по делам комиссии, чтобы посмотреть, как Руби пройдет испытание на детекторе лжи. Спектеру не очень понравилось, что задание это ему дал председатель Верховного суда, который, по мнению Спектера, за полтора месяца до этого допустил такую «несусветную глупость», пойдя навстречу требованиям Руби[6]. Проверку на детекторе лжи назначили на субботу, 18 июля, а это означало, что Спектеру снова придется в летние выходные торчать в изнывающем от жары Техасе.

ФБР неохотно выдало полиграф. Помощники Гувера сказали членам комиссии, что вряд ли стоит подвергать такой проверке человека, приговоренного к смертной казни, к тому же психически неуравновешенного. Но комиссия настаивала, и в конце концов Бюро прислало одного из самых опытных специалистов по полиграфу Белла Херндона. Проверку решено было проводить в здании окружной тюрьмы Далласа, и в 11 часов утра Спектер начал встречу с того, что предложил убедиться, действительно ли Руби хочет проходить испытания. Если Руби передумал, сказал Спектер, комиссия готова отменить проверку. «И покончить с этим – во всяком случае, в том, что касается комиссии»[7] .

Один из адвокатов защиты Руби, Клейтон Фаулер, уже отговаривал его от проверки на детекторе лжи и теперь вышел, чтобы обсудить этот вопрос с Руби в последний раз.

– Если он настаивает, я не могу и не стану его удерживать, – предупредил Фаулер, перед тем как покинуть помещение.

Через несколько минут он вернулся вместе с Руби.

– Он уверяет, что хочет пройти проверку, что бы ни говорил его адвокат, – объявил Фаулер.

Спектер обратился к Руби, напомнив ему, что результаты проверки на полиграфе могут быть использованы обвинением для того, чтобы лишить его права на апелляцию. Однако Руби был непреклонен в своем решении, он сказал, что охотно пройдет проверку.

– Я отвечу на любые вопросы, – сказал он. – Мне нечего бояться. Я готов

ответить на все вопросы без исключения.

Он сел на стул, оснащенный необходимым оборудованием. Херндон, которому предстояло проводить испытания, обвязал вокруг груди Руби резиновую трубку, чтобы следить за частотой его дыхания. К пальцам Руби прикрепили маленькие датчики, измеряющие электрические импульсы, которые идут по коже, к его левой руке прикрепили аппарат для измерения кровяного давления. Привязанный к оборудованию, Руби повторил то, что уже говорил Уоррену месяцем раньше – он убил Освальда, повинуясь внезапному порыву.

– Никакого заговора не было, – сказал он. – Меня понесло, мне казалось, что во время великой трагедии я могу спасти миссис Кеннеди от тяжелого испытания, которым могло обернуться судебное разбирательство.

– Вы рассказали комиссии Уоррена всю правду? – спросил Спектер.

– Да, – отвечал Руби.

У Спектера было заготовлено для Руби два списка вопросов – один он составил сам, другой подготовили Руби и его адвокаты. Вместе эти списки оказались такими длинными, а ответы Руби такими разрозненными, что проверка на детекторе лжи, обычно занимающая минут сорок пять, продолжалась девять часов без малого, вспоминал Спектер8 . Он сказал, что лишь слегка преувеличил, назвав это «самой долгой проверкой на детекторе лжи за всю историю человечества». Список вопросов был исчерпан лишь в девять часов вечера.

На следующий день Спектер и Херндон вместе вернулись на самолете в Вашингтон. Херндон сказал Спектеру, что Руби «прошел проверку блестяще и явно не причастен к покушению на президента», вспоминал Спектер. И хотя тот все еще сомневался в точности проверки на полиграфе, он склонен был согласиться с Херндоном.

ФБР и члены комиссии пытались подчистить другие хвосты в Далласе. Все еще оставалось неясно, почему полицейское управление Далласа и его незадачливый шеф Джесси Карри не приложили усилий для более надежной охраны Освальда в то утро, когда его убили, особенно если

учесть, что за несколько часов до его смерти и в полицию, и в ФБР поступали сотни телефонных звонков с угрозами в адрес Освальда.

50-летний Карри уже был мишенью для насмешек в комиссии. Именно с попустительства Карри в полицейском управлении Далласа в первые дни после покушения творилась такая неразбериха, что Джек Руби мог спокойно разгуливать по помещению. Карри и окружной прокурор Генри Уэйд допустили ряд ошибок в своих заявлениях для прессы в первые часы после убийства Кеннеди – их заявления осложнили работу комиссии и дали повод Марку Лейну и другим сторонникам версии заговора заподозрить, что они кого-то покрывают. Самой ужасной их ошибкой было утверждение, сделанное вечером в день покушения, когда Уэйд рассказал репортерам, что полиция обнаружила в далласском складе школьных учебников немецкую винтовку Mauser немецкого образца, на самом же деле у Освальда была итальянская винтовка Mannlicher-Carcano . Впоследствии Уэйд признал, что ошибся, но Лейна было уже не остановить – он десятилетиями будет настаивать на том, что на складе нашли именно Mauser , из чего следует, что президента убил не Освальд.

Комиссии так и не удалось устранить серьезные несоответствия в отчетах, представленных в ФБР Карри и одним из его подчиненных – капитаном У. Б. Фрейзером, в которых говорилось о событиях раннего утра накануне гибели Освальда9 . Фрейзер работал в ночную смену, начиная с субботнего вечера, и его очень встревожило донесение, казавшееся весьма правдоподобным, о том, что толпа человек в сто соберется в центре города, чтобы линчевать Освальда. Он посоветовался с главой отдела по расследованию убийств и бандитизма, который сказал, что об этом следует как можно быстрее уведомить Карри, чтобы утром полицейское отделение могло усилить охрану Освальда. Фрейзер несколько раз пытался дозвониться до Карри по его домашнему номеру с 5.45 до 6.00 утра. Но линия все время была занята, и Фрейзер сказал, что попросил у оператора помочь ему связаться с абонентом. Девушка-телефонистка ответила, что линия, судя по всему, не в порядке. И даже после того, как Фрейзер сдал смену в шесть утра, а линия все еще была занята, он поручил сменщику дозвониться до шефа полиции и предупредить его, что жизнь Освальда может оказаться под угрозой.

Когда после убийства Освальда его расспрашивали сотрудники ФБР, Карри настаивал на том, что его домашний телефон был в исправности

и никаких звонков с сообщениями об угрозе для жизни Освальда к нему не поступало. А Фрейзер что-то напутал, сказал он.

В июле комиссия попросила ФБР попытаться проработать неувязки в этих двух отчетах. И наконец, в беседе с сотрудниками Бюро 17 июля Карри заявил, что должен внести кое-какие поправки в свой отчет. Выяснилось, что вечером в субботу его жена сняла телефонную трубку и положила рядом с аппаратом, чтобы чета могла ночью хоть немного поспать. Он понимал, что это означало: в последнюю ночь жизни Ли Харви Освальда и всего через две ночи после того, как президент Соединенных Штатов был убит выстрелом из ружья прямо на улице Далласа, начальник полицейского управления был недосягаем.

Глава 48

Юридическая фирма Herrick, Langdon, Sandblom Belin

Де-Мойн, штат Айова

август 1964 года

Комиссия весь год страдала от досадных промахов по части связей с общественностью. Самым ужасным из них, как явно понимали штатные сотрудники комиссии, было заявление Уоррена для прессы, сделанное им в феврале, – о том, что «всей правды об убийстве, вероятно, мы так и не узнаем при жизни». Дэвид Белин, в то лето вернувшийся в свою юридическую фирму в Айове, в августе написал Уилленсу письмо, в котором отметил, что замечание «не узнаем правды при жизни» нанесло их работе такой ущерб, что о нем стоит особо упомянуть в заключительном отчете комиссии – и признать ошибочным. В отчете, добавил он, следует объяснить, что слова Уоррена просто превратно истолковали. «Не вижу другой возможности развеять опасения такого большого числа наших сограждан, которые считают, что мы лишь уходим от ответа и не даем людям узнать факты»1 . Комиссия должна заверить общественность, что никто не будет «подвергать цензуре» ее выводы, писал Белин.

Но эти рекомендации, как и множество других, предложенных Белином, не были учтены в заключительном отчете, в котором не содержалось упоминаний о нелепой оговорке Уоррена. И хотя Белин и другие молодые штатные юристы, судя по всему, об этом не подозревали, комиссия на самом деле уже весной начала подвергать строгой цензуре все имеющиеся у нее записи. Но что еще важнее, комиссия вдруг прекратила вести стенографические отчеты своих совещаний.

Первые шесть месяцев расследования закрытые заседания комиссии досконально записывались судебным репортером, поскольку было понятно, что эти записи могут попасть в разряд засекреченных, и если их и можно будет когда-нибудь обнародовать, то очень не скоро – через много лет. Делалось это для того, чтобы члены комиссии могли высказывать свое мнение открыто, не таясь, а народ при этом знал, что полные стенограммы этих речей существуют и к ним, по крайней мере, смогут обратиться при будущих расследованиях. Уоррен нанял известную своей надежностью вашингтонскую частную фирму судебных секретарей Ward Paul – к услугам этой фирмы не раз прибегали ЦРУ и ФБР, когда этим ведомствам нужно было взять показания, в которых обсуждались секретные материалы. В компании работало несколько судебных репортеров, доказавших свою благонадежность.

В июне, однако, все изменилось: комиссия без объяснения причин разорвала контракт с Ward Paul и вдруг перестала вести стенограммы закрытых совещаний. Из архивных материалов комиссии неясно, кто принял такое решение, но оно означало, что общественность никогда не узнает о том, что именно было сказано членами комиссии на последних и самых важных внутренних совещаниях и насколько близка была комиссия к тому, чтобы представить двойной окончательный отчет.

Последнее полностью записанное стенографистами совещание комиссии состоялось в четверг, 23 июня, во второй половине дня. Присутствовали три члена комиссии: Уоррен, Форд и Аллен Даллес. На повестке дня был вопрос цензуры: следует ли комиссии очистить заключительный отчет от всех упоминаний о Юрии Носенко, русском перебежчике? ЦРУ настаивало на том, чтобы подвергнуть цензуре материалы о Носенко, и явно в этом преуспело, так что трое собравшихся недолго обсуждали этот вопрос: они согласились при редактировании убрать весь материал о Носенко.

– Я убедился, – и в этом мне помогли люди, которым я в настоящий момент доверяю, – что главный вопрос в том, надежны ли заявления господина Носенко, по сути перебежчика, – говорил Форд. – Я бы поставил под сомнение возможность использования того, что он рассказывал об Освальде[2] .

Уоррен с ним согласился:

– Терпеть не могу предателей и думаю, нам не следует доверять никакому перебежчику, пока не станет совершенно точно известно, что он говорит чистую правду, пока его слова не получат всестороннего фактического подтверждения. А слова этого человека никакими фактами мы подтвердить не можем.

Следующее совещание верхушки было назначено на 29 июня, понедельник, предполагалось, что тогда комиссия начнет всерьез обсуждать положения заключительного отчета. Присутствовали все семеро членов комиссии. Вместо стенограммы комиссия подготовила девятистраничный конспект того, что обсуждалось на совещании, и даже этот конспект исчезнет потом из архива комиссии. Единственная копия будет обнаружена десятки лет спустя в личных бумагах Рэнкина[3].

Согласно этому конспекту, большая часть совещания прошла в обсуждении списка из 72 вопросов, которые, по мнению штатных сотрудников комиссии, следовало осветить в заключительном отчете, в том числе крайне важного вопроса: имеются ли свидетельства заговора с целью убийства президента Кеннеди? Последовательно проходя по списку от одного пункта к другому, члены комиссии по большей части соглашались со штатными юристами в том, что касалось выводов, которые им предстояло сделать: что три выстрела по президентскому кортежу были сделаны стрелком, располагавшимся сзади от лимузина, в котором ехал Кеннеди, что все выстрелы были сделаны с шестого этажа Техасского склада школьных учебников и что Освальд был единственным стрелявшим.

Однако члены комиссии оказались в затруднительном положении, когда перешли к вопросу под номером 48: «Были ли свидетельства, указывающие

на иностранный заговор?» Согласно конспекту, члены комиссии «воздержались от ответа на этот вопрос и сказали, что ответят на него позже».

Члены комиссии раз и навсегда отказались использовать предложенную Либлером черновую версию главы, посвященной мотивам преступления Освальда. Как явствует из конспекта, члены комиссии были «не готовы объяснять это никакими конкретными мотивами, а также погружаться в психоанализ с соответствующей терминологией». Черновик, по их мнению, был «слишком сырой и полон сочувствия к Освальду».

Но в комиссии уже вовсю действовала и другая цензура – ее задачей было представить заключительный отчет таким образом, чтобы щепетильный читатель не покраснел. Рэнкин хотел, чтобы черновые главы очистили от всего, что может показаться неприятным, непристойным или может быть сочтено вмешательством в личную жизнь – даже в личную жизнь Освальда.

Дэвид Слосон в последний раз просил членов комиссии рассказать в отчете, что Освальд во время службы в морской пехоте заразился венерической болезнью4 . В служебной записке Рэнкину он спрашивал, правильно ли лечили гонорею у Освальда и не повлияла ли эта болезнь на его психическое здоровье: «По крайней мере, стоит конфиденциально поинтересоваться у знающего врача, специализирующегося на подобных заболеваниях или в смежной области, может ли гонорея иметь такого рода серьезные последствия?» На самом деле, как Слосон узнал позднее, невылеченная гонорея может привести к тяжелым физическим осложнениям, но не к психическому расстройству, однако в отчете не было ни слова о венерическом заболевании у Освальда.

Стюарт Поллак, молодой юрист из Министерства юстиции, направленный в комиссию, получил задание просмотреть черновые главы, а также некоторые стенограммы свидетельских показаний на предмет дурновкусия или вмешательства в личную жизнь. В своей служебной записке он страница за страницей проходится по тексту, приводя дословные цитаты в тех случаях, когда в отчете кого-либо обвиняют в совершении преступления, развратных действиях или других подобных проступках. Он

ничуть не удивился, обнаружив несколько примеров малопристойных описаний в том месте, где говорилось о принадлежавшем Руби клубе «Карусель», в рассказе свидетеля о стриптизершах и их выступлениях на сцене[5]. В своей служебной записке Поллак спрашивает, стоит ли оставлять в отчете рассказ некоего свидетеля об одной из самых известных стриптизерш Руби по имени Дженет (Джейда) Конфорто, которая, как говорили, «допускала некоторые вольности во время выступления», так что Руби «приходилось каждый раз выключать свет и просить ее быть поскромнее».

Поллак исправно процитировал каждый случай употребления бранных слов. «В тексте отчета есть несколько случаев просторечных бранных выражений, таких как “проклятый” или “чертов”», – докладывал он. И спрашивал, следует ли оставлять в отчете некоторые неприятные подробности – например, когда речь идет о том, как выглядело тело убитого президента, или упоминается о его окровавленной одежде. Поллак спрашивал, так ли уж необходимо «включать в текст отчета описание нижнего белья президента».

Что же до человека, обвиняемого в убийстве президента, Поллак писал: «Как я понимаю, вся информация о Ли Харви Освальде законна и важна для оценки его личности». И все же он задает вопрос, следует ли в отчете приводить все известные комиссии неприглядные подробности частной жизни Освальда, особенно о его сексуальной ориентации. «Может быть, стоит сосредоточить больше внимания на отзывах о нем как о пассивном гомосексуалисте… и намекнуть на его недостаточно прочные сексуальные отношения с Мариной».

Рэнкин также велел штатным сотрудникам вычеркнуть некоторые из самых ярких описаний экспериментов с участием военных – эти эксперименты проводились по инициативе комиссии, чтобы воспроизвести ранения, полученные Кеннеди и Коннелли. Члены комиссии, писал Рэнкин, весьма щепетильны в вопросе о том, как следует описывать эксперименты, во время которых стреляли в живых коз. Он попросил, чтобы «слово “коза” в тех местах, где оно встречается в отчете, заменили выражением “плоть животного”»[6]. Точно так же, сказал Рэнкин, члены комиссии не желают раскрывать, что военные стреляли по запястьям трупов, пытаясь воспроизвести раны на запястьях Коннелли. Комиссия, писал Рэнкин, «считает, что в тех случаях, где упоминается “запястье трупа”, следует

писать “костная структура” или подыскать другое нейтральное выражение».

В то лето важным правительственным лицам, дававшим свидетельские показания для комиссии, предоставили возможность послать запрос на внесение изменений в письменные записи своих показаний. Лишь немногие этим воспользовались, хотя в последний момент поступил запрос на редактуру от главы Секретной службы Джеймса Роули. В короткой докладной записке от 30 июня Роули попросил внести небольшую, но важную правку в его ответ на вопрос об агентах Секретной службы в Техасе, которые решили пропустить по рюмочке в ночь накануне покушения[7]. Во время показаний Роули явно взволнованный Уоррен задал вопрос, не стали бы эти агенты лучше защищать президента, если бы не напились за несколько часов до этого.

Ответ Роули изначально звучал так: «Верно, сэр, но я не знаю, что они могли сделать такого, чего не сделали».

В своем запросе Роули предлагал эти слова заменить следующими: «Верно, сэр, но даже если и так, я не думаю, что они могли предотвратить трагедию».

Из-за этой поправки получалось, что Роули уже не так безоговорочно защищал своих агентов. Казалось, теперь он намекал на то, что агенты могли бы сделать больше, чтобы спасти президента, если бы были трезвыми накануне ночью. Посовещавшись с Уорреном, Рэнкин согласился переписать этот фрагмент, но несколько другими словами, чтобы ответ Роули для потомков звучал так: «Верно, сэр, но я не думаю, что они могли предотвратить убийство».

Глава 49

Здание городского муниципалитета

Краков, Польша

Краков, Польша

29 июня 1964 года, понедельник

Поляк, решившийся задать Роберту Кеннеди «личный вопрос», явно нервничал1 . Юный поляк, деятель местного отделения компартии в Кракове, одном из двух крупнейших городов Польши, пояснил, что его сограждане хотели бы услышать «версию убийства» с точки зрения брата покойного президента.

Казалось, этот вопрос застал Кеннеди врасплох. Уже почти семь месяцев он старался избегать любых публичных заявлений о гибели своего брата. Благодаря созданию комиссии Уоррена у генерального прокурора США был формальный повод обходить этот вопрос молчанием; он мог заявить, что не хочет высказывать необоснованных суждений до завершения следствия или что не хотел бы повлиять на результат работы комиссии. Но во время июньской поездки по странам Европы – вначале он побывал в Германии, где торжественно открыл мемориальную табличку на площади, названной в честь его брата, а теперь прибыл в Польшу, – ему пришлось наконец собраться с духом. В социалистической Польше толпы скандировали имя его брата.

И он решил ответить на вопрос молодого поляка.

Он сказал, что президент Кеннеди был убит неадекватным человеком, отщепенцем по имени Ли Харви Освальд, который таким образом выразил свой протест против американского общества. Вина Освальда «несомненна», сказал Роберт Кеннеди. «Освальд был убежденным коммунистом, но к этому случаю коммунисты не имеют никакого отношения, – пояснил он. – То, что он сделал, он сделал самостоятельно и в одиночку. … Его поступок, на мой взгляд, не имеет идеологической подоплеки. … Это был единичный акт протеста личности против общества». Его слова немедленно попали в заголовки американской прессы, особенно благодаря тому, что генеральный прокурор, казалось, подтверждает выводы, которых ждали от комиссии Уоррена. После возвращения Кеннеди на родину эти его высказывания вызвали новую волну недовольства работой комиссии: ее обвиняли в новой утечке данных, ситуация выглядела так, словно эту информацию Кеннеди предоставила комиссия. 2 июля в редакционной статье под заголовком «Слишком много разговоров об Освальде» («Too Much Talk on Oswald ») в The New York

Times говорилось, что заявления Кеннеди в Польше «поколебали веру в беспристрастность комиссии»2 .

Большую часть 1964 года Кеннеди, казалось, был весь в своем горе и практически не появлялся на публике3. Он принял предложение Джонсона остаться на посту генерального прокурора, сказав, что намерен продолжить курс, намеченный братом для Министерства юстиции, в частности в области гражданских прав. Однако впоследствии он практически не занимался своими обязанностями в министерстве и порой по нескольку дней кряду не показывался в главном здании министерства на Пенсильвания-авеню. Много времени проводил в Хикори-Хилл, особняке времен Гражданской войны, который они с Этель купили у Джека в 1957 году, или с Жаклин и ее детьми в Джорджтауне. Казалось, он спокойно себя чувствует только среди родных и близких, в окружении всех восьмерых детей (Этель в то время ждала девятого).

Кеннеди буквально облекся в скорбь: он даже забрал одежду покойного брата и носил ее. Регулярно посещая могилу Джона на Арлингтонском национальном кладбище, он часто надевал любимую кожаную куртку или пальто покойного президента. До поездки в Европу, во время которой была поднята тема убийства его брата, Кеннеди утверждал, что не интересуется работой комиссии Уоррена и для него не имеет значения, действовал Ли Харви Освальд один или был участником заговора. Его обычным ответом на вопрос о работе комиссии было: «Какое мне дело? Это не вернет Джека».

Но его помощники и близкие друзья знали, что эти слова говорились в основном на публику. Через много лет они признают, что Кеннеди всегда подозревал, что какие-то заговорщики планируют убить его брата. На протяжении всего 1964 года некоторые из его заместителей в Министерстве юстиции – и друзья в других местах – продолжали поиски, начатые по его просьбе: поиски доказательств того, что Ли Харви Освальд не был стрелком-одиночкой. Казалось, Кеннеди был всерьез обеспокоен тем, что за убийством могли стоять Кастро или мафиозные круги.

Кеннеди наверняка знал, что есть некая ужасная логика в версиях о кубинском следе в убийстве его брата, поскольку Соединенные Штаты

давно вынашивали планы устранить Кастро, причем не без помощи мафии. Как стало ясно впоследствии из документов, сохранившихся в правительственных архивах, к 1964 году Роберт Кеннеди уже как минимум два года был в курсе этих планов убийства Кастро. После неудачной попытки вторжения в заливе Свиней в 1961 году брат назначил его ответственным за тайную войну президентской администрации против Кастро, известной в ЦРУ как операция «Мангуст» (Operation Mongoose). Никто из официальных лиц, причастных к операции «Мангуст», не сомневался, что ее цель – насильственное устранение Кастро.

Кеннеди знал об участии мафии в тайных планах ЦРУ по устранению Кастро по крайней мере с мая 1961 года. Через четыре месяца после того, как Роберт Кеннеди заступил на должность генерального прокурора, Эдгар Гувер предупредил его служебной запиской, что ЦРУ замышляет «грязные делишки» на Кубе с привлечением чикагского гангстера Сэма Джанканы. Кеннеди явно прочел это сообщение из ФБР, поскольку приписал на полях: «Надеюсь, с этим как следует разберутся». А год спустя Кеннеди прямо сказали, что под «грязными делами» подразумеваются тайные операции ЦРУ по физическому устранению Кастро. В мае 1962-го по настоянию Кеннеди было проведено рабочее совещание, на котором представители ЦРУ сообщили ему имена членов мафиозных структур, участвующих в этих тайных операциях, в их числе был и Джанкана. Как явствует из краткого отчета о совещании, Кеннеди заявил своим собеседникам из разведслужбы, что участие мафии в этих тайных операциях для него новость, притом неприятная: «Надеюсь, если вы снова захотите вести общие дела с организованной преступностью – с гангстерами, – вы поставите в известность генерального прокурора». Но было ли это для него такой уж неожиданностью, учитывая то, что он узнал годом ранее из служебной записки Гувера? И хотя друзья Кеннеди впоследствии будут уверять, что он ни за что не стал бы утверждать приказ об убийстве главы другого государства, в действительности ЦРУ не оставляло попыток устранить Кастро вплоть до самых последних часов администрации Кеннеди– все то время, пока Роберт Кеннеди вел тайную войну с Кубой. Генеральный инспектор ЦРУ, осуществлявший внутренний надзор за деятельностью Управления, установит впоследствии, что 22 ноября 1963 года, в день, когда был убит президент Кеннеди, некий офицер ЦРУ в Париже встретился с кубинским агентом и передал ему для переправки в Гавану отравленную авторучку – это была шариковая авторучка с иглой для подкожных впрыскиваний, которую можно было наполнить

имеющимся в продаже смертельно опасным ядом под названием Blackleaf -404 . Генеральный инспектор писал, что, «вероятно, в тот самый момент, когда происходило покушение на Кеннеди, офицер ЦРУ встречался с кубинским агентом… … и передал ему орудие убийства для устранения Кастро». Даже после убийства брата к Роберту Кеннеди по-прежнему поступали отчеты о том, что мафия не оставляет попыток – с помощью ЦРУ или без него – физически устранить Кастро. В июне 1964 года, примерно в то время, когда генеральный прокурор США совершал поездку по Германии и Польше, ЦРУ направило в его офис подробную докладную записку о новом предложении «людей из “Коза ностры”», действующих совместно с кубинцами – противниками режима Кастро5 . «Они запросили за устранение Кастро 150 тысяч долларов», – говорилось в докладной записке ЦРУ.

Знал ли президент Джонсон в 1964 году о заговорах против Кастро, точно неизвестно, хотя записи его телефонных разговоров из Белого дома, долго сохранявшиеся в тайне, позволяют предположить, что ЦРУ до 1967 года ничего не сообщало ему о заговорах и об участии в них мафии. И все же в первые месяцы своего пребывания на посту президента Джонсон, похоже, всерьез подозревал, что покушение на Кеннеди было чем-то вроде акта возмездия со стороны некоего иностранного правительства. Весной 1964 года Джонсон сказал своему пресс-секретарю Пьеру Сэлинджеру, который занимал эту должность и при Кеннеди, что убийство президента было «божьей карой» за причастность США к гибели диктатора Доминиканской Республики Рафаэля Трухильо и президента Южного Вьетнама Нго Динь Зьема: вьетнамский лидер был убит меньше чем за три недели до покушения на Кеннеди в результате военного переворота, организованного при поддержке США6 .

Об этом замечании Джонсона, как подозревал президент, вскоре стало известно Кеннеди. Генеральный прокурор был возмущен до глубины души. «Божья кара?» – потрясенно повторял он. В апреле 1964 года, в разговоре со своим близким другом, историком Артуром Шлезингером, Кеннеди заметил, что это «самое ужасное» из всего, что говорил Джонсон.

Но так ли уж далек от истины был Джонсон? Кеннеди мог сколько угодно гневаться на президента, но у него и у самого были подозрения, что некий лидер иностранного государства, которого ставила своей целью устранить администрация Кеннеди, просто нанес упредительный удар. И вероятнее

всего, это был Кастро. Шлезингер вспоминал, как однажды той осенью – «возможно, бестактно» – спросил у Кеннеди, действительно ли он верит, что Освальд действовал в одиночку. Кеннеди «ответил, что у него нет серьезных оснований сомневаться в том, что Освальд виновен, однако все еще остаются вопросы, действовал ли он в одиночку или убийство было частью заговора, организованного Кастро или гангстерами».

И в июне того года Кеннеди оказался перед трудным выбором, получив от председателя Верховного суда Уоррена письмо, отправленное по поручению комиссии. Уоррен спрашивал, располагает ли генеральный прокурор «какой-либо информацией, позволяющей предположить, что убийство президента Кеннеди произошло в результате некоего внутригосударственного или иностранного тайного сговора». Это письмо было составлено в результате соглашения между членами комиссии и Министерством юстиции, согласно которому Роберт Кеннеди освобождался от дачи показаний.

Следовало ли Кеннеди рассказать об известных ему планах операций по устранению Кастро и о своих подозрениях, что в этом деле может быть замешана Куба? Каковы могли быть последствия, если бы вдруг открылось, что он знал годами: ЦРУ не только вынашивало планы убийства Кастро, но и нанимало для этой цели главарей мафии – тех самых гангстеров, с которыми должно было бороться вверенное ему Министерство юстиции?

Политические консультанты Кеннеди наверняка были бы против обнародования подобной информации, особенно летом 1964 года, когда они – без видимой причины – пытались подогреть общественное мнение, намекая, что в ноябре он будет соседом Джонсона по избирательному списку. Кеннеди не скрывал своей антипатии к Джонсону, однако ничего не сделал, чтобы приглушить эти слухи. Согласно результатам опросов, он с наибольшей вероятностью мог стать вторым номером в списке кандидатов от Демократической партии.

Кеннеди не спешил с ответом на письмо Уоррена. «Что я должен сделать?» – черкнул он в коротеньком примечании без даты, написанном от руки7 . Оно было адресовано помощнику, который через несколько недель после получения письма Уоррена напомнил ему, что комиссия ждет ответа.

В конце концов 4 августа он подписал короткое, на одну страницу, письмо, адресованное председателю Верховного суда и не содержавшее ничего из того, что в действительности Кеннеди знал или о чем подозревал.

«Я бы хотел со всей определенностью заявить, что не знаю никаких достоверных фактов, которые бы подтверждали необоснованное заявление о том, что убийство президента Кеннеди было результатом внутригосударственного или иностранного заговора8 . И хотел бы заверить вас, что вся информация, имеющая какое-либо отношение к убийству президента Джона Ф. Кеннеди, которой располагает Министерство юстиции, была передана Президентской комиссии для должного рассмотрения и изучения. В данное время у меня нет предположений относительно дальнейшего расследования, которое следует предпринять комиссии до публикации ее заключительного отчета».

С учетом того, что стало впоследствии известно о подозрениях Кеннеди, это письмо было в лучшем случае уклончивым, в худшем – попыткой сбить комиссию со следа в поисках возможного заговора, приведшего к гибели его брата. Может, все слова в этом письме подобраны правильно, но они маскируют его мрачные опасения, что Освальд действовал не один. Может, Кеннеди и не имел «достоверных доказательств» заговора, но подозрений было хоть отбавляй. Может, среди информации, «которой располагало Министерство юстиции», не было свидетельств, указывающих на возможный заговор, но они могли быть в других местах – в ЦРУ, например.

Зная, что его уже освободили от необходимости давать показания, Кеннеди в заключение сказал, что готов предстать перед комиссией и ответить на вопросы. На самом деле он знал, что это предложение будет отклонено. «В случае, если члены комиссии сочтут, что я могу внести посильный вклад в расследование, выступив в роли свидетеля, я готов это сделать», – писал он. В отличие от президента Джонсона генеральный прокурор был высшим правительственным чиновником, а им не вменялось в обязанность давать под присягой показания во время расследования.

Глава 50

Офис директора Федерального Бюро Расследований

Вашингтон, округ Колумбия

август 1964 года

Ли Рэнкин чувствовал себя очень неловко из-за требований, которые комиссия выдвигала по отношению к ФБР. Запросы о предоставлении дополнительной информации и помощи продолжали поступать в Бюро на протяжении всех летних месяцев 1964 года, даже когда комиссия почти завершила работу над заключением. 18 августа Рэнкин позвонил начальнику главного следственного отдела ФБР Алексу Роузену – поблагодарить Бюро за готовность отреагировать на запросы, «какими бы нелепыми они ни казались на первый взгляд».

В последние недели расследования агенты ФБР в Техасе и по ту сторону мексиканской границы отрабатывали новые наводки, полученные от комиссии. Агенты в Мехико прочесывали все магазины серебряных изделий в городе в поисках того, где Освальд мог приобрести браслет, который он подарил Марине. Комиссия настаивала на необходимости такой розыскной работы, несмотря на то что браслет этот на самом деле был изготовлен в Японии и Освальд купил его уже после возвращения в США. Сотрудников офиса Бюро в Мехико попросили таким же образом проверить все фотоателье, чтобы найти то, в котором Освальду могли сделать фотографии на анкету для кубинской визы.

Но что еще более важно, комиссия хотела, чтобы ФБР провело тщательное новое расследование показаний Сильвии Одио. «Учитывая мнение нескольких уважаемых людей, близко знающих миссис Одио, мы склонны полагать, что ее словам можно верить», – написал Рэнкин Гуверу 24 июля, добавив, что комиссия хотела бы, чтобы еще раз, и как можно скорее, выслушали показания Энни Одио, сестры Сильвии1 . В ответном письме от 12 августа Гувер доложил, что сотрудники ФБР поговорили с Энни Одио и что, хотя она в целом подтвердила рассказ сестры о встрече

с Освальдом, в ФБР по-прежнему уверены, что это тупиковый путь2 . «За неимением особого запроса от комиссии в данном конкретном случае не вижу возможности для дальнейших действий», – написал Гувер.

Уэсли Либлер сказал, что это письмо его чрезвычайно удивило. Почему ФБР так не хочет довести до конца расследование вроде бы заслуживающих доверия свидетельских показаний, которые могли бы вывести на заговорщиков, причастных к убийству президента?

И сел писать свой, подробный перечень заявлений Одио, сопоставляя ее рассказ о встрече с тем, что ему было известно о хронологии поездки Освальда в Мексику. В итоге Либлер пришел к выводу, что, хотя временные рамки были очень узкие, Освальд все же мог съездить в Даллас в конце сентября. Будь в его распоряжении частный автомобиль или сядь он на самолет, он мог бы наведаться в Даллас, правда, всего на несколько часов, перед тем как пересек мексиканскую границу.

В конце августа Либлер вчерне составил подробное письмо, чтобы передать его на подпись Рэнкину; в нем говорилось, что комиссия должна потребовать, чтобы ФБР заново и всесторонне расследовало случай, рассказанный Одио. Рэнкин заранее знал, что Гуверу письмо не понравится, но все равно его отправил. «Для комиссии очень важно, чтобы заявления миссис Одио либо получили подтверждение, либо были опровергнуты, – говорилось в письме. – Мы просим вас провести надлежащее расследование, чтобы установить, кого видела миссис Одио примерно в конце сентября или в начале октября 1963 года». В этом же письме содержался подготовленный Либлером тщательный анализ графика перемещений Освальда, а также указание на то, что данное Сильвией Одио описание внешности одного из двух латиноамериканцев, заходивших к ней на квартиру – «Леопольдо», – совпадает с приметами человека, которого якобы видели с Освальдом в новоорлеанском баре.

Из офиса Гувера письмо было перенаправлено в далласское отделение ФБР, и задача искать след была возложена на спецагента Джеймса Хости, того самого, который еще в декабре разбирался с заявлениями Одио – и отклонил их3 . Хости рассказывал впоследствии, что, получив это задание, он был в недоумении: ему предстояло вести то же самое расследование, с которым он уже возился восемь месяцев назад. «Когда же закончится этот кошмар?» – вздыхал он. В то лето он, по его словам, стал

в Далласе притчей во языцех. Всем, кто регулярно читает газеты, было знакомо его имя. Все его соседи знали, что он – тот самый злополучный агент ФБР, который следил за Освальдом до покушения, но так и не понял, какую угрозу тот представляет. Гувер и его помощники в Вашингтоне, казалось, вознамерились доказать, что Освальд был стрелком-одиночкой, и все, что Хости удалось узнать со времени покушения, подтверждало эту точку зрения. «Ли Харви Освальд! Сколько можно твердить это имя? – возмущался Хости. – Как же он мне надоел!»

К концу лета Гувер уже почти не скрывал своего недовольства Уорреном и некоторыми другими членами комиссии, хотя по-прежнему боялся, что в заключительном отчете они не похвалят ФБР. Его внутриведомственная переписка пестрит едкими замечаниями в адрес комиссии и ее работы. Обычно он высказывал свое мнение прямо на служебных записках своих помощников, делая пометки четким, изящным почерком в самом низу страницы.

Чаще всего его злобные замечания были связаны с тем, как в прессе освещалась работа комиссии. Судя по «припискам» Гувера, он считал, что за каждой газетной или журнальной статьей, опубликованной в крупных СМИ и критикующей ФБР за действия Бюро до или после покушения, стоят именно члены комиссии, а в некоторых случаях и сам Уоррен. После того как журнал The Nation зимой того года поднял вопрос, не был ли Освальд тайным осведомителем ФБР, Гувер написал помощникам, что требует выяснить, кто поставляет в журнал такие сведения4 . Он заподозрил Уоррена: «The Nation – это Библия Уоррена», – писал он. Когда газета The Dallas Times Herald сделала достоянием гласности подробности расследования комиссии – в той его части, где речь шла о том, что во время службы в морской пехоте Освальд проявлял склонность к насилию, – помощник Гувера подготовил для него конспект статьи и прокомментировал, что, похоже, это вызвано «утечкой со стороны кого-то из членов комиссии». В самом низу листа Гувер черкнул: «Уоррена, кого же еще».

Гувер полагал, что комиссия, даже не пытаясь положить конец слухам об Освальде и о возможном заговоре с целью убийства Кеннеди, сама же эти слухи и подпитывала, особенно после того, как Уоррен заявил

репортерам, что мы не узнаем правды об убийстве «при жизни». «Если бы Уоррен не разевал рот, а помалкивал, все было бы тихо и никто не строил бы догадок», – написал Гувер.

Гувер также подозревал, что ФБР стало жертвой некомпетентности – а еще, по его словам, продажности – в полицейском управлении и в офисе окружного прокурора Далласа. Ему казалось, что чиновники из органов правопорядка продолжают поставлять комиссии порочащую ФБР информацию в надежде, что комиссия сделает им снисхождение в заключительном отчете. Чуть раньше в тот же год Гувер потихоньку приказал местному отделению ФБР в Далласе прекратить все контакты с главным прокурором города по уголовным делам Уильямом Александером, поскольку был уверен, что Александер распространяет слухи о том, что Освальд был информатором ФБР. Подозревал он и начальника Александера, окружного прокурора Генри Уэйда. «Этот сукин сын, – так отзывался Гувер об Александере. – Передайте всем в нашем далласском офисе, чтобы не вступали с ним ни в какие контакты и с Уэйдом были поосторожнее»5 .

Когда расследование комиссии близилось к концу, Гувер готов был допустить в беседе с помощниками, что Бюро часто избирало неправильную тактику в отношениях с комиссией и часто навлекало на себя совершенно необоснованные, по его мнению, подозрения. Однажды сотрудники среднего звена ФБР слишком «узко истолковали» запрос комиссии на материал о Джеке Руби, после чего и юристы комиссии стали возмущаться, почему Бюро удерживает необходимые им документы. После этого случая Гувер написал помощнику: «…Меня все больше беспокоит то, что мы не можем как положено справиться этим делом»6 . А в более поздней записке недоумевал: «Не понимаю, почему мы даем узкие толкования запросам комиссии».

В марте первый помощник Гувера Уильям Брэниган в докладной посоветовал ФБР отклонять запросы комиссии, касающиеся наблюдения за публичными выступлениями Марка Лейна и Маргерит Освальд7 . Он понимал опасность возможного политического скандала, если станет известно, что комиссия следит за теми, кто ее критикует. «Данный запрос комиссии очень широк и, если его понимать буквально, расследование может лечь на Бюро тяжким бременем и в перспективе доставить много неприятностей», – писал Брэниган. Но Гувер осторожничал, не решаясь

прямо отказывать комиссии. «Мне не нравится, что наше ведомство всегда так неохотно откликается на запросы комиссии. Ясно, что многие из них кажутся нелепыми и невыполнимыми, – писал он. – Но суть в том, что по крайней мере Уоррен враждебно настроен по отношению к Бюро, а мы увиливаем и сами даем ему в руки оружие против нас».

Рэнкин впоследствии будет говорить, как много сил положил в тот год, пытаясь хоть как-то наладить отношения с Бюро. На самом деле перед комиссией нависла прямая угроза, что Гувер и Бюро вообще перестанут помогать следствию. Первая «стычка» случилась весной, когда комиссия решила пригласить независимых экспертов для проверки некоторых вещественных доказательств, которые уже проходили экспертизу в лаборатории ФБР – в их числе были пули и фрагменты пули из Далласа. Однако старшие помощники Гувера усмотрели в этом выпад против Бюро, предположив, что комиссия не доверяет лабораторным анализам. Гувер тоже, казалось, обиделся. «С этой комиссией Уоррена все труднее работать»[8], – писал он.

В какой-то момент он, судя по всему, поручил заместителю директора ФБР Алексу Роузену пригрозить комиссии, что та вообще может не рассчитывать на помощь лаборатории. «Я указал мистеру Рэнкину, что наша лаборатория и без того слишком загружена работой, и если результаты нашей экспертизы их не устраивают, какой смысл экспертам нашей лаборатории связываться с их новыми исследованиями?» – писал Роузен[9].

Рэнкин попытался как-то сгладить конфликт. Он часто говорил по телефону с Роузеном, извиняясь за множество «необоснованных запросов», направленных комиссией в ФБР. Рэнкин пытался примириться, похвалил лабораторию ФБР и объяснил, что внешние эксперты только подтвердят точность выводов ФБР. Он так рассыпался в благодарностях к ФБР и работе лаборатории, что в конце концов Бюро смилостивилось и отменило угрозу. И все же Гувер по следам этого спора счел нужным предупредить своих помощников, чтобы они не слишком верили благодарным речам Рэнкина и его коллег в комиссии: «Не верю ни единому лестному слову от Уоррена и его комиссии, – написал Гувер на одной из докладных Роузена. – Они искали в ФБР бреши, а не найдя ни одной, пытаются нас умаслить»[10].

При всей неприязни к Уоррену Гувер старался поддерживать добрые отношения с теми членами комиссии, которые, как он считал, могли встать на защиту ФБР в заключительном отчете комиссии, особенно с конгрессменом Фордом. Судя по данным из архива Гувера, он встретился с Фордом в апреле на одном праздничном мероприятии в доме Карфы Делоака, который был доверенным лицом, осуществлявшим обмен информацией между Бюро и Конгрессом. На следующий день, по следам этой встречи, Гувер направил Форду записку: «Должен признаться, мне было очень приятно побеседовать с миссис Форд и с вами на вчерашней вечеринке у Делоака. Я очень рад, что имел возможность в неформальной обстановке обсудить некоторые темы, представляющие особый интерес для вас, а также для ФБР. (О том, что это за важные темы, в письме не сказано.) Приятно сознавать, что у нас есть такие бдительные, решительные конгрессмены, как вы, знающие о насущных проблемах государства, – продолжал Гувер. – Если найдете время заглянуть в штаб-квартиру ФБР, я бы с удовольствием устроил для вас и миссис Форд экскурсию, чтобы вы увидели своими глазами, как мы работаем. И, разумеется, вы можете всегда позвонить мне, как только вам понадобится наша помощь»11.

Бюро также следило весь год за Уильямом Манчестером, который собирал материал для своей книги об убийстве президента. Делоак просил проверить его биографию, результаты обнадеживали12 . Когда Манчестер был корреспондентом газеты The Baltimore Sun в Вашингтоне, ему приходилось время от времени иметь дело с ФБР, и, судя по записям ФБР, «в прошлом у нас с ним были самые теплые отношения», писал Делоак. Той весной Роберт Кеннеди попросил Гувера встретиться с Манчестером для подготовки книги, эту просьбу передал директору ФБР Эдвин Гутман, пресс-секретарь Кеннеди. Гувер, который обычно неохотно шел навстречу генеральному прокурору, вначале отказался давать интервью писателю. Вместо этого Манчестера пригласили побеседовать с Делоаком, в канцелярии Кеннеди эту встречу организовали 22 апреля.

Пересказывая Делоаку примерный план будущей книги, Манчестер попросил о возможности поговорить непосредственно с Гувером: он сказал, что хочет лучше понять, что происходило в Вашингтоне в первые часы после убийства президента, в том числе ему нужно было знать

точную последовательность телефонных разговоров между Гувером и Робертом Кеннеди, когда Гувер сообщил о покушении. (Кеннеди уже говорил Манчестеру, что его неприятно поразил бесстрастный, как у робота, голос Гувера по телефону.) Манчестер дал понять Делоаку, что Гувер подвергает себя риску, если не расскажет свою версию событий, потому что другая версия – рассказанная Кеннеди – может оказаться для него весьма нелестной. Писатель намекнул, что ему уже многое известно. По словам Делоака, Манчестер сказал, что «побывал у генерального прокурора дома и видел бассейн, возле которого стоял генеральный прокурор, когда ему позвонил директор ФБР».

Гувер уступил и согласился дать интервью, выкроив для встречи с Манчестером один час в своем графике в начале июня13. Как и следовало ожидать, главное, чем интересовался писатель, – телефонные разговоры Гувера с Робертом Кеннеди в день, когда произошло покушение. Как заметил Гувер, тон его во время этих разговоров был профессиональный, а вовсе не холодный и отчужденный, к тому же, судя по всему, не он, а сам Кеннеди свернул разговор. После того как он сообщил Кеннеди во время первого звонка о том, что его брат получил огнестрельное ранение и его срочно везут в больницу, вспомнил Гувер, «генеральный прокурор помолчал несколько секунд, а потом попросил» ФБР «держать его в курсе дальнейших событий» – и положил трубку. Генеральный прокурор, сказал Гувер, «не из вспыльчивых» и во время телефонного разговора, учитывая обстоятельства, казался относительно спокойным.

Гувер высказал Манчестеру свою давнюю версию, почему Бюро не предупредило Секретную службу о том, что Освальд в Далласе: «У нас было немного информации об Освальде, при этом она была, по сути, довольно поверхностная», и повторил свои претензии к далласской полиции, проявившей некомпетентность. «Если бы ФБР взяло под свою опеку Ли Харви Освальда… … его бы никогда не убил Джек Руби, – заметил он. – И этого можно было избежать, если бы полиция Далласа действовала надлежащим образом».

В конце беседы Манчестер задал вопрос, который Гувер и его помощники вполне могли бы назвать странным. Почему Гувер не был на отпевании

и похоронах президента, ведь церемония проходила всего в нескольких кварталах от офиса Гувера в деловой части Вашингтона? Не мог вырваться, ответил Гувер, был завален работой: пришлось заниматься расследованиями в Далласе и Мехико – «следы вели в Мехико» – и организовать наблюдение за иностранными делегациями, приехавшими в те выходные в Вашингтон на похороны. Как объяснил Гувер, он «был прикован к рабочему столу».

Глава 51

Небоскреб One Chase Manhattan Plaza

Нью-Йорк

21 июля 1964 года, вторник

Большую часть лета Джон Макклой, как многие другие члены комиссии, участвовал в ее работе, так сказать, удаленно. Он следил за ходом расследования из своего роскошного офиса в One Chase Manhattan Plaza – шестидесятиэтажном небоскребе из белой стали в Нижнем Манхэттене, где располагались банк Chase Manhattan , президентом которого он был с 1953 по 1960 год, и привилегированная юридическая фирма, носящая его имя: Milbank, Tweed, Hadley McCloy 1 . В банке и в юридической фирме он был фигурой настолько известной, что в адресе не было необходимости указывать ни номер этажа, ни номер комнаты: все и так прекрасно знали, где его найти. В здании были сотни офисов и тысячи сотрудников, но на конверте достаточно было указать: «Джону Макклою, One Chase Manhattan Plaza , Нью-Йорк», чтобы письмо нашло своего адресата.

Прочитав несколько черновых глав заключения, присланных из Вашингтона, Макклой решил, что комиссия должна признать: Освальд мог пройти шпионскую подготовку в КГБ. Это не значило, что КГБ замышляло убийство Кеннеди, вовсе нет. Макклой уже говорил другим членам комиссии: он тоже считает, что Освальд был убийцей-одиночкой и трудно представить, чтобы СССР имел хоть какое-то отношение к покушению. Но все же не исключено, что русские в какой-то момент

решили сделать из Освальда «спящего» агента, который по возвращении в США будет ждать, быть может, годами, сигнала из Москвы для проведения какой-нибудь операции2 . А то, что Освальд, похоже, знал некоторые шпионские трюки – например, для почтовых отправлений он использовал псевдонимы, – позволяло предположить, что он проходил подготовку в КГБ. Отчет комиссии будет еще убедительнее, говорил Макклой, если в нем будет сказано, что в прошлом Освальда все еще остается много тайн.

21 июля Макклой надиктовал письмо Ли Рэнкину и попросил своего секретаря поставить на нем пометку «лично». Он похвалил последний черновой вариант главы, в котором комиссия рассматривала – и в конце концов отвергла – возможность иностранного заговора. «Я думаю, этот вариант гораздо лучше предыдущего», – отмечал Макклой в письме Рэнкину. Но высказал одно предположение. «Мне кажется, – писал он, – где-нибудь следует добавить что-нибудь в таком роде:

“Комиссия отметила, что Освальд действительно пытался использовать конспиративные приемы, что наводит на подозрение, что он получил базовую подготовку для конспиративной работы. … Разумеется, остается возможность, что советское руководство могло рассматривать его как потенциального “спящего” агента в США, к которому можно обратиться в будущем, но по здравом размышлении мы пришли к выводу, что даже в таком качестве эти люди вряд ли могли всерьез на него рассчитывать”».

Другими словами, в КГБ, может, и подумывали о том, чтобы использовать Освальда в качестве шпиона, но в конце концов русские слишком умны, чтобы иметь дело с «такой шантрапой», как часто называл Освальда Макклой.

Это письмо в результате бесследно исчезло, после того как его получили в Вашингтоне. Возможно, предположения Макклоя и обсуждались в комиссии, но ни в официальных документах, ни в заключительном докладе об этом нет ни слова. Письмо Макклоя, которого некоторые

штатные юристы комиссии, по их словам, не видели, было подшито к личным бумагам Рэнкина в Национальном архиве, и, по-видимому, о нем надолго забыли.

Спустя годы юристы уже не удивлялись тому, что председатель Верховного суда так не хотел, чтобы комиссия даже допускала возможность связей Освальда с КГБ, как того хотел Макклой. В то лето Уоррен, похоже, намеревался в отчетном докладе положить конец досужим слухам о том, что Освальд был не просто разочаровавшимся, озлобившимся молодым человеком, который не был связан ни с какими людьми и организациями, и хотел, чтобы его не воспринимали как человека, которого Кремль мог рассматривать как потенциального шпиона.

Большую часть черновой версии, которую только что прочел Макклой, написал Дэвид Слосон, и молодой юрист был доволен тем, как его материал подан в заключительном отчете3. Когда Слосон всерьез приступил к написанию текста, он был уверен, что никакого иностранного заговора не было, по крайней мере, не было достаточных улик в пользу заговора. С окончательным выводом он не спешил до конца лета, дожидаясь, когда ФБР закончит проверку утверждений Сильвии Одио в Далласе. Если ее рассказ о встрече с Освальдом окажется правдой, тогда другое дело, тогда можно будет вернуться к рассмотрению вопроса о заговоре. Впрочем, если утверждения Одио окажутся ложными, Слосон сможет спокойно сказать, как он писал в своем черновике от 15 июля, что комиссия расследовала «все слухи и домыслы» и «не нашла достоверных свидетельств, указывающих на то, что СССР, Куба или другое иностранное государство было замешано в заговоре… Все факты биографии Ли Харви Освальда, буквально с рождения до смерти, подверглись тщательной проверке на предмет его возможного участия в подрывной деятельности со стороны иностранных государств»4.

Нельзя сказать, что он полностью доволен отчетом, признавал Слосон. Его все еще беспокоило то, что большая часть информации о поездке Освальда в Мексику будет основываться только – по решению комиссии – на словах главной свидетельницы, которую ему не разрешили расспросить: Сильвии Дюран. В отчете ее имя будет фигурировать более тридцати раз,

с упоминанием сделанных ею заявлений, полученных мексиканской полицией под нажимом, а возможно, даже под угрозой пытки. Штатные сотрудники договорились по поводу того, в каких словах будет выражена степень достоверности ее показаний5 . Ее назовут «важным источником информации», чьи показания «подтвердили надежнейшие источники» – так в завуалированной форме говорилось о результатах прослушки, проводившейся ЦРУ в Мехико. «По части фактов ее показания оказались верными и точными», – говорилось в отчете комиссии.

Уильям Коулмен получил задание составить для заключительного отчета хронологию поездки Освальда в Мексику. В черновике Коулмена содержались смелые утверждения, позволяющие предположить, что он даже больше, чем Слосон, был уверен, что ЦРУ и ФБР поделились всей имеющейся у них информацией. «Особенно я доверял ЦРУ», – рассказывал Коулмен впоследствии6 .

Вот выдержка из его 25-страничного труда о поездке Освальда в Мехико, датированная 20 июля:

«Комиссия предприняла тщательное расследование, чтобы выяснить, чем занимался Освальд во время той поездки и каковы были ее цели. В результате нам удалось воссоздать большую часть картины и объяснить многие действия Освальда в указанный период. …… Комиссия утвердилась во мнении, что все, что ей известно о действиях Освальда в Мексике, показательно для всей его деятельности там и что, находясь в Мексике, Освальд не имел никаких контактов, которые имели бы отношение к покушению»7.

За летние месяцы штатные сотрудники разделились на два лагеря: на тех, кто был доволен тем, как их черновые варианты были отредактированы Рэнкином и его заместителями, и тех, кто был огорчен или даже крайне недоволен правкой. Промежуточного варианта, похоже, не было. Арлен Спектер полагал, что его рассказ о событиях в день убийства президента и его объяснения большей части медицинских заключений Редлик отредактировал очень вдумчиво и бережно8 . Хотя другие считали Редлика

сварливым и вспыльчивым, Спектер был очень доволен его работой, впоследствии они сохранят дружбу на всю жизнь. «Норман по сути связывал воедино все черновые главы отчета комиссии, и он оставил мою часть почти без изменений, – вспоминал Спектер. – Не забывайте, что отчет составлялся по кусочкам и в бешеном темпе. Я считаю, что труд Редлика заслуживает всяческого уважения»[23].

Только потом, после того как черновые проекты будут отредактированы, Спектер узнает, как неохотно некоторые члены комиссии согласились с версией одной пули или по крайней мере с тем, как эта версия им преподносилась. Прочитав черновые главы о баллистике, Макклой в июне предупредил Рэнкина в письме, что комиссии следует проявить осмотрительность и не слишком переоценивать эту версию9 . «По-моему, слишком много усилий было потрачено на то, чтобы доказать, будто первая пуля, попавшая в президента Кеннеди, стала и причиной ранений Коннелли… – писал он. – Во многих отношениях эта глава – самая важная в докладе и должна быть наиболее убедительной». Макклой приложил к письму машинописную служебную записку на восьми страницах, где предложил еще 69 вариантов редакторской правки отчета, по большей части призванных смягчить слишком, по его мнению, запальчивую лексику. Он писал, что его особенно тревожат чересчур драматизированные обороты речи, такие как «роковой день» – о дне убийства. «Если мы хотим, чтобы у нас получился исторический документ, нет никакой необходимости и даже, я бы сказал, неуместно употреблять такие выражения, как “роковой день”». Эту фразу вычеркнули из отчета.

Более резко высказался против версии одной пули сенатор Купер, который в остальных случаях во время расследования по большей части держался в тени. 20 августа он послал Рэнкину докладную записку, в которой говорилось, что эта версия просто неправильная10 . Показания Коннелли перед комиссией произвели на Купера неизгладимое впечатление. «На каком основании вы беретесь утверждать, что один выстрел мог стать причиной столь серьезных ранений? – спрашивал Купер. – Мне кажется, подобное заключение противоречит тому, что говорил губернатор Коннелли. Я не могу согласиться с этим выводом».

Но больше всех по поводу того, как было отредактировано заключение,

негодовал Дэвид Белин. Вернувшись в свою юридическую фирму в Де-Мойне, он буквально кипел от возмущения, читая черновые главы, присланные из Вашингтона. В ответных письмах Рэнкину он отмечал: после чтения отчета создается впечатление, что комиссия не вполне уверена в собственных выводах. Комиссия, говорил он, словно пытается защитить Освальда, слишком много внимания уделяя опровержению слухов о заговоре, которые распространяют Марк Лейн и некоторые другие. Белин, по его словам, был потрясен: оказывается, целая глава будет посвящена доказательству, что все выстрелы по кортежу Кеннеди были сделаны из Техасского склада школьных учебников, а вовсе не с Травяного склона или еще откуда-нибудь, как уверяют сторонники версии заговора. «Свидетельство о месте, откуда были произведены выстрелы, является одной из самых сильных улик, доказывающих вину Освальда, – писал Белин. – Лишний раз доказывать ее в целой главе значит улучшать и без того хорошее»11. Лейн и другие сторонники версии заговора «направили комиссию по ложному следу и весьма в этом преуспели», писал Белин. «Но не может быть ни малейшего сомнения относительно источника выстрелов, и не нужно доказывать это на 69 машинописных страницах».

Белин также был возмущен, обнаружив, что комиссия намерена игнорировать его изыскания, которыми этой весной он в одиночку занимался несколько недель, пытаясь разгадать тайну, которая не давала ему покоя с самого начала расследования: куда пошел Освальд после стрельбы по кортежу? Было известно, что Освальд покинул склад школьных учебников через несколько минут после покушения и направился на свою съемную квартиру на другом конце города – сначала на автобусе, потом на такси, когда автобус застрял в неожиданно возникшей пробке. На съемной квартире он забрал свой револьвер Smith Wesson 38-го калибра и пошел в восточном направлении, по пути он встретил и убил полицейского Типпита и поспешил дальше. Спрашивается: куда? Из-за того, что не удалось установить его дальнейшего маршрута, пошли слухи, что якобы Освальд был знаком с Джеком Руби и направлялся на квартиру к Руби, которая находилась всего в километре от того места, если двигаться в том направлении, куда он шел. Однако Белин считал, что это пустые домыслы. «Мы изо всех сил старались найти убедительные доказательства возможной связи между Освальдом и Руби, – вспоминал Белин. – Но ничего не нашли»12 .

Может, у Освальда не было никакого плана побега? Некоторые коллеги Белина предположили, что Освальд не держал в голове заранее продуманного маршрута бегства и был почти уверен, что его схватят или убьют. Это объясняет, почему он в то утро оставил Марине 170 долларов в бумажнике. Оставил он также и обручальное кольцо. Но Белин был уверен, что Освальд пытался спастись бегством, и ответ на вопрос, где он рассчитывал укрыться, следует искать в маленьком клочке бумажки, обнаруженном в его кармане, – в автобусном пересадочном талоне, выданном буквально через минуты после покушения. Этот пересадочный талон навел Белина на мысль, что Освальд, который часто ездил на автобусах и знал наизусть их расписание, собирался пересесть на другой автобус, направляющийся за город. «Я не сомневался, что у Освальда была конечная цель, – говорил Белин. – Наверняка он не зря сохранил пересадочный талон».

Белин полагал, что, вероятнее всего, Освальд собирался бежать в Мексику, а затем на Кубу. Либлер напомнил ему о показаниях одного из бывших сослуживцев Освальда по морской пехоте. Тот вспоминал, что Освальд как-то признался ему: если у него когда-нибудь возникнут проблемы с законом, он сбежит на Кубу через Мексику. И еще Белин обратил внимание на то обстоятельство, что после покушения Освальд на допросе беззастенчиво врал в далласской полиции, заявляя, что никогда не был в Мексике. «Не логично ли предположить, что вранье Освальда о том, что он никогда не был в Мексике, является сильной косвенной уликой, указывающей на кого-то в Мексике, кто в какой-то степени, прямо или опосредованно, был соучастником преступления? – размышлял Белин. – Но кто этот человек?»

Он полагал, что подобные вопросы следует связать с осенним посещением Освальдом кубинского посольства в Мексике, где Освальд почти наверняка встречался с кубинскими дипломатами и другими людьми, для которых администрация Кеннеди представляла смертельную угрозу. Белин предположил, что, будучи в Мексике, Освальд «переговорил с неким агентом Кастро или с человеком, симпатизирующим Кастро, о том, чтобы отомстить Кеннеди, и ему пообещали финансовую и прочую поддержку, если ему удастся» убить президента. Кто-то мог поджидать Освальда на границе, чтобы помочь ему, – вероятно, соучастник преступления. Конечно, это «всего лишь предположение», признавал Белин, но выглядело все это логично.

С помощью ФБР Белин проанализировал автобусные маршруты из Далласа, чтобы посмотреть, легко ли Освальду было добраться до Мексики. Разложив на письменном столе карты и расписания, он несколько дней изучал их и, казалось, вычислил вероятный маршрут Освальда – сделать это оказалось нетрудно. С пересадочным талоном Освальд мог добраться до остановки междугородных автобусов Greyhound : в тот день был один автобус, отправлявшийся из Далласа в пятнадцать минут четвертого и следовавший далее в техасский город Ларедо возле мексиканской границы.

Белин в пространной служебной записке изложил свою теорию о Мексике Рэнкину и Редлику. И предложил свое объяснение, почему Освальд оставил деньги Марине, а не приберег их для автобусной поездки: он не нуждался в деньгах, потому что у него был пистолет. «Даже если бы ему не хватило денег для того, чтобы перебраться в Мексику, с пистолетом он бы их наверняка нашел», – писал он. После хладнокровного убийства Типпита Освальд, спасая свою шкуру, без колебаний снова пустил бы оружие в ход – ограбил бы прохожего или даже банк.

В этой служебной записке Белин не мог доказать, что конечной целью перемещений Освальда была Мексика, но он считал, что в отчете комиссии важно, по крайней мере, выдвинуть предположение о том, куда Освальд мог направляться. Это нужно сделать хотя бы для того, чтобы успокоить общественность, поскольку ходят слухи, что Освальд якобы встречался с Руби.

Однако Норман Редлик был категорически против того, чтобы упоминать эту версию в отчете. Комиссии, сказал он, не следует поднимать вопрос о маршруте бегства Освальда, не имея на руках доказательств, – особенно выдвигать предположение, что он направлялся в Мексику, где и так остается много неясного. «Норман возразил, что, поскольку это лишь теория, а не достоверный факт, нечего и говорить об этом в заключительном отчете, – вспоминал Белин. – И в нашем споре Норман победил».

В то лето Голдберг был потрясен, узнав, что председатель Верховного суда намерен делать с внутренней перепиской комиссии – он собирался

порезать бумаги на мелкие кусочки или сжечь13. «Уоррен хотел уничтожить все записи, – вспоминал Голдберг. – Он боялся, что они могут всколыхнуть общественность»: сторонники версии заговора узнают о том, что среди штатных юристов компании были разногласия, а Марк Лейн и прочие потом используют это для того, чтобы посеять сомнения в виновности Освальда. Но у Эрла Уоррена имелись и другие причины уничтожить бумаги, вспоминал Голдберг. Он беспокоился из-за того, что большая часть документов была передана комиссии из государственных органов, и, например, ЦРУ раскрывало тайны, относящиеся к сфере национальной безопасности и имеющие лишь косвенное отношение к убийству президента. «Он считал, что для страны и для всего мира будет лучше, если о таких вещах народ никогда не узнает», – сказал Голдберг. Уоррен был в этом уверен.

С этим Голдберг не мог согласиться и решил отговорить Уоррена; действовать следовало без промедления – и потихоньку. Голдберга как историка ужасала сама мысль, что такое количество живых свидетельств о поворотном моменте в истории США будет потеряно для будущих поколений. Более того, он был убежден, что, если когда-нибудь общественность узнает о случившемся, это сыграет на руку сторонникам версий заговора: для Лейна и прочих это станет подтверждением того, что комиссии было что скрывать.

Голдберг подумал, что если кто и может переубедить Уоррена, так это Ричард Рассел. Какими бы ни были разногласия между Уорреном и сенатором от Джорджии, «в Вашингтоне все прислушиваются к советам сенатора Ричарда Рассела», говорил Голдберг. И он придумал хитрый план. Он обратился за помощью к Альфреде Скоби, которая была доверенным лицом Рассела в комиссии. Та в свою очередь обратилась к Расселу, и он согласился побеседовать с председателем Верховного суда. Расселу удалось убедить Уоррена, что, несмотря на риск раскрыть правительственные секреты, «будет гораздо хуже, если комиссия уничтожит документы», рассказывал Голдберг. И Уоррен быстро отменил своей приказ. Как выразился Голдберг, Рассел «спас положение».

То лето было самым беспокойным в жизни Голдберга. В последние недели расследования он пообещал себе каждый вечер возвращаться домой, чтобы

хоть немного поспать, но начиная с июня работать приходилось по четырнадцать часов в день, семь дней в неделю. В то лето у него был лишь один выходной – Четвертого июля. Рэнкин настаивал на том, чтобы штатные юристы отметили этот праздник дома. Разумеется, Голдберг просидел в офисе до глубокой ночи. «Многие сотрудники в тот день работали до часу, двух или трех ночи», – вспоминал он.

Именно в ночные часы он и другие юристы могли оценить преимущества принятых в комиссии вольных правил обращения с секретными документами. «Мы просто сваливали все это на столы, – рассказывал Голдберг. – Я думал: вот здорово!» Агенты ФБР, побывавшие в офисе в середине сентября, докладывали в ФБР о «полном отсутствии организации по части ведения документации», при этом не было «никакого контроля и никакой отчетности за эти документы, в том числе секретные»14 . Как выяснили сотрудники ФБР, два копировальных аппарата Xerox не простаивали: «члены комиссии и штатные работники постоянно пользовались ими» для копирования документов, в том числе под грифом «особо секретно».

Голдберг взял на себя написание нескольких фрагментов отчета. Он написал отдельную главу, где перечислил – и опроверг – основные слухи о покушении и версии заговора. Он разделил слухи на десять групп, от тех, что касались места, откуда стреляли по президентскому кортежу, до описаний сцены убийства полицейского Типпита и утверждений о связи между Освальдом и Руби. Он сократил список до 122 «домыслов и слухов» и затем сопроводил каждый из них «выводами комиссии», сделанными на основании расследования. Во вводной статье к своей главе Голдберг отмечал, что все нашумевшие случаи покушения почти сразу же после трагических событий начинали обрастать слухами о заговоре. «Слухи и версии, относящиеся к убийству президента Авраама Линкольна – кстати, они публикуются до сих пор, – по большей части возникли в течение первых месяцев после его гибели».

Для этого исследования Голдбергу потребовалось прочесть сотни журнальных и газетных статей, в которых предлагались альтернативные версии убийства Кеннеди15 . «Так много оказалось литературы, – вспоминал Голдберг. – Казалось, действует целая подпольная сеть – столько было всякого рода гипотез, домыслов, слухов». Возмущение его вызвала первая же книга из серии «версии заговора», она называлась

«Кто убил Кеннеди?». Автором ее был Томас Бьюкенен, американский писатель, живший за границей и сотрудничавший с журналом L’Express . В этой книжке, вышедшей в США в солидном издательстве G. P. Putnam’s Sons , говорилось, что стрелявших на Дили-Плаза было по меньшей мере двое. Бьюкенен намекал на то, что к заговору причастны техасские бизнесмены правых политических взглядов. «Я думал, там какая-то ерунда, ну, как во всех книжках такого сорта», – говорил Голдберг. Ему было даже обидно, что многие вроде бы даже разумные ученые и журналисты не потрудились ознакомиться с относящимися к покушению фактами, прежде чем пускать в печать свои притянутые за уши версии о заговоре. «Для многих людей это неплохой способ заработать», – сказал Голдберг. Сторонники версии заговора, заметил он, «это либо невежественные и безумные, либо нечестные люди».

Голдберг полагал, что Марк Лейн, Бьюкенен и другие воспользовались замешательством миллионов американцев, которые никак не могли смириться с мыслью, что самый влиятельный в мире человек погиб от руки «такого жалкого человечишки», как Ли Харви Освальд. «Им было бы куда приятнее сознавать, что все это результат заговора, что тут замешаны какие-то крупные фигуры, – говорил Голдберг. – Ну разве этот слизняк способен на такое?»

Голдберг гордился тем, что его собственное детективное расследование поможет покончить с одной группой слухов, получивших широкую огласку. Уже много месяцев Марк Лейн и ему подобные били тревогу из-за загадочного исчезновения некоего техасца по имени Дэррил Клик – таксиста, который после покушения подвозил Освальда на съемную квартиру. В газетах The New York Times, The Washington Post и некоторых других появились расшифровки пресс-конференции, которая состоялась 24 ноября16 . На этой пресс-конференции окружной прокурор Далласа Генри Уэйд, рассказывая о поездке Освальда на такси, вроде бы упомянул некоего Дэррила Клика. Но Лейну и компании не удалось найти никаких упоминаний об этом человеке ни в телефонных книгах, ни в других публичных записях, «за что и ухватились конспирологи», по словам Голдберга. «Стали поговаривать, что за этим кроется какая-то страшная тайна». Голдберг попытался решить эту загадку: заказал магнитофонную кассету с записью пресс-конференции Уэйда. «Я слушал ее снова и снова, – вспоминал он. – Семьдесят пять раз прокручивал пленку». И обнаружил ошибку. Ее допустил тот, кто делал текстовую расшифровку аудиозаписи –

видимо, его смутил гнусавый техасский выговор Уэйда. В расшифровке, опубликованной в The Times и других газетах, приводились слова Уэйда о том, что Освальд «остановил таксиста Дэррила Клика» и поехал домой. На самом же деле Уэйд сказал: «Освальд остановил такси до Оук-Клиффс» и поехал домой. Его съемная квартира находилась в районе Оук-Клиффс в Далласе. Для человека, непривычного к техасскому выговору, «Оук-Клиффс» прозвучало как «Дэррил Клик». Так что никакого Дэррила Клика не было.

Готовя свое приложение о «слухах», Голдберг использовал отчет Филипа Барсона и Эдварда Конроя – двух следователей налогового управления, работавших в соседнем кабинете. Барсон и Конрой месяцами восстанавливали по кусочкам финансовую историю Освальда, чтобы проверить, не мог ли он получать деньги из неожиданных источников, возможно, от соучастников заговора. Голдберга поразила тщательность их работы: «У них были его счета из бакалейной лавки, они собрали вообще все». В июле Барсон объявил, что теперь точно знает – вплоть до пенни, – сколько денег было в карманах у Освальда и сколько он тратил в последние недели своей жизни начиная с 25 сентября, с того дня, когда он подался из Нового Орлеана в Мексику17 . Его доход, включая зарплату и пособие по безработице, составил 3665 долларов 89 центов, тогда как расходы, включая стоимость поездки в Мексику, равнялись 3497 долларам и 79 центам. Разница составила всего 168 долларов, и эти деньги, по-видимому, учитывались, поскольку утром в день покушения Освальд оставил в ящике комода в спальне 170 долларов мелкими купюрами – для Марины.

Подсчитав, что провел почти каждый свой рабочий час с января в размышлениях о неспокойной жизни Джека Руби, Берт Гриффин наконец решил сделать вывод, который комиссия, скорее всего, одобрит: Руби не участвовал в заговоре с целью убийства Освальда18. Правда, он не был в этом уверен в самом начале, когда писал первые главы о Руби. Гриффин полагал, что было бы преувеличением говорить, что комиссия нашла ответы на все вопросы, особенно это касалось версии о том, что кто-то помогал Руби или подстрекал его к убийству Освальда. «Я считаю, комиссия совершает ошибку, утверждая, что ее расследование в данном направлении было исчерпывающим», – писал Гриффин Уилленсу

14 августа19.

Чуть раньше в тот же месяц Гриффина и других штатных юристов, остававшихся на службе, попросили начать чтение чужих черновых глав, редактируя и проверяя фактический материал в работах друг друга. И, разумеется, охотнее и, можно даже сказать, яростнее всех набросился на эту работу Либлер. В каком-то смысле он стал в комиссии главным бунтарем. Как описывал его роль Гриффин, Либлер был «редактором законов судебной практики, младшим адвокатом на нашем внутреннем судебном слушании, можно сказать, он проводил перекрестный допрос, выискивая слабые стороны», к которым могли бы придраться люди со стороны. «Он хотел добиться идеального отчета, с исчерпывающими доказательствами, чтобы адвокат противной стороны при всем желании не мог бы упрекнуть комиссию в том, что она плохо справилась со своей работой или сделала необоснованные выводы».

Гриффин и его коллеги говорили, что тогда им даже в голову не приходило, что, взяв на себя роль внутреннего критика, Либлер готовил гневное документальное свидетельство, которое сторонники версий заговора будут цитировать десятилетиями, утверждая, что комиссия – и Либлер в том числе – принимала участие в чудовищном укрывательстве.

Глава 52

Офис комиссии

Вашингтон, округ Колумбия

август 1964 года

Работоспособность Нормана Редлика была почти сверхъестественной. Он мало спал, иногда меньше четырех часов в сутки, и обедал на скорую руку прямо на рабочем месте, пока один из секретарей менял ленту в пишущей машинке. Редлик гордился тем, что он основной автор и редактор отчета. Этот документ останется в веках, его будут перечитывать и изучать его внуки, правнуки «и более отдаленные потомки», как говорил он в кругу

семьи. 38-летний Редлик, самый младший из своих коллег в Школе права Университета Нью-Йорка, понимал: что бы он ни сделал за всю свою карьеру, помнить его будут именно благодаря этому отчету.

Его жена Ивлин вспоминала, что особенно в начале расследования ее муж был уверен, что Освальд действовал в одиночку1 . «Норман даже не допускал возможности заговора. С ходу отметал все эти версии», – добавила она. Благодаря этому Редлику тем летом было проще сделать то, чего от него хотел Уоррен: как можно скорее закончить отчет и положить конец бесконечным слухам об убийстве.

Быстрого завершения отчета хотел не только Уоррен. Хотя председатель Верховного суда утверждал, что президент Джонсон не ставил перед ним никаких сроков, юристы комиссии слышали другое. Все лето до штатных сотрудников доходили слухи о том, что президент через своих ближайших помощников требует завершить отчет до конца августа, то есть до заседания Национального съезда Демократической партии в Атлантик-Сити, штат Нью-Джерси, и что Джонсона выдвинут кандидатом в президенты против кандидата от республиканцев Барри Голдуотера, сенатора штата Аризона. По словам юристов, Джонсон перед кампанией не хотел никаких неожиданных ударов, спровоцированных какими-нибудь сведениями в отчете. «Мы то и дело слышали: “Джонсон только что послал сообщение”, – вспоминал Ллойд Уэйнриб. – Сообщение такое: “Где этот чертов отчет?”»2 .

Штатные сотрудники ощущали это давление. Уэйнриб вспоминал, что его тетушка, приехав в Вашингтон и увидев, как он измучен, посоветовала ему отпроситься с работы на выходные и отдохнуть с женой на природе. «Она сказала: “Ллойд, тебе просто необходимо развеяться”, – рассказывал Уэйнриб. – И дала нам денег на поездку». Он собирался провести выходные в приморском городке Аннаполис в штате Мэриленд. «В субботу днем мы приехали в Аннаполис, остановились в мотеле и собирались остаться там на ночь», – вспоминал Уэйнриб. Но не успели они распаковать вещи, как зазвонил телефон. «Звонил Ли Рэнкин. Он сказал, что нам лучше вернуться в Вашингтон». Так что ему не удалось провести даже единственный вечер без работы; супругам пришлось немедленно вернуться. «Я был очень зол, – говорил Уэйнриб. Но, как он сказал, ему повезло с супругой, которая очень редко сердилась. – Моя жена очень покладистая».

Впервые среди юристов комиссии начались споры. Уэйнриб вспомнил, что тем летом несколько раз ссорился с Уэсли Либлером, особенно по поводу того, в какой форме в отчете следует упоминать о доморощенном марксизме Освальда и о том, могли ли политические убеждения побудить его к убийству Кеннеди. «Из-за этого возникли серьезные разногласия, – вспоминал Уэйнриб. – Либлер придерживался правых взглядов». Он считал, что мотивы Освальда были «исключительно политические и связаны с Кастро». Уэйнриб полагал, что Либлер ошибается: «Я думал тогда – и сейчас тоже так думаю, – что дело не в политике».

Споры Либлера с Редликом были еще ожесточеннее3. Мало того что их политические взгляды разительно отличались, эти двое и в остальных вопросах не могли найти общего языка и теперь сцепились из-за отчета. Либлер предупреждал, что Редлик, стремясь поскорее закончить отчет и желая угодить Уоррену, может раньше времени прервать самые важные и актуальные линии расследования. На памяти Либлера подобное происходило не раз. Некоторые штатные сотрудники, например, насторожились, узнав тем летом, что ФБР не установило принадлежность отпечатков пальцев на коробках, обнаруженных на шестом этаже Техасского склада школьных учебников. По-видимому, этими коробками Освальд огородил свое снайперское гнездо, однако как минимум одиннадцать отпечатков Освальду не принадлежали.

Несмотря на то что времени на расследование оставалось мало, Либлер и другие штатные сотрудники считали, что ФБР должно все-таки выяснить, чьи это отпечатки пальцев. Однако Редлик их не поддержал и попытался в отчете обойти этот вопрос, как будто это какие-то пустяки. Гриффин был солидарен с Либлером: «Нельзя вот так взять и пропустить одиннадцать отпечатков пальцев. Нужно узнать, кому они принадлежали». Существовала вероятность, что отпечатки позволят вычислить соучастников преступления. «Черт, да там могла побывать целая футбольная команда!» – возмущался Гриффин. По словам Мюррея Лолихта, незадолго до того принятого в штат, Редлик считал, что бить тревогу из-за отпечатков уже поздно, тем более что это означает задержку с подготовкой отчета. Лолихт вспоминал, как Редлик недоверчиво переспросил: «Ты что, хочешь взять “пальчики” у всего населения

Далласа?»

Редлик также отказался выяснять в ФБР, действительно ли на стволе винтовки, обнаруженной на книжном складе, был отпечаток ладони Освальда. Эксперт по отпечаткам пальцев из полиции Далласа заявил, что отпечаток принадлежит Освальду, тогда как эксперт ФБР, осматривавший винтовку, вообще не обнаружил на ней никакого отпечатка. Либлер считал, что оба случая – неопознанные отпечатки на коробках и разногласия по поводу отпечатка на винтовке – необходимо прояснить. «Нельзя оставлять отчет в таком состоянии», – заявил он.

Рэнкин встал на сторону Либлера и в конце августа написал Гуверу несколько писем, в которых настаивал на выяснении вопроса об отпечатках пальцев4 . В последние дни расследования пришел ответ: из Бюро сообщали, что большая часть отпечатков, которые ранее не удавалось идентифицировать, принадлежала сотруднику ФБР и далласскому полицейскому, который забрал коробки в качестве улик. В ФБР также пришли к выводу, что отпечаток ладони на стволе винтовки, обнаруженный полицией Далласа, действительно существовал. Эксперт из ФБР, осматривавший винтовку, не знал, что полиция сохранила отпечаток, сняв его со ствола при помощи липкой ленты.

У Либлера были и более серьезные жалобы: он считал, что Редлик пишет окончательную версию отчета «как обвинительный акт», абсолютно не ставя под сомнение вину Освальда. Либлер говорил коллегам, что согласен с версией, что Освальд – убийца-одиночка. Но даже в этом случае, считал он, в отчете следовало четко отразить, что есть свидетельства, которые, если бы дело дошло до суда, могли бы указывать не на Освальда, а на кого-то другого. Например, некоторые свидетели, словам которых, судя по всему, можно верить, утверждали, что слышали выстрелы на Дили-Плаза не из склада школьных учебников, а с другой стороны.

В последних числах августа Либлер уже не скрывал своего возмущения в разговорах с Редликом и Уилленсом: похоже, оба дали понять Либлеру, что он окажется крайним, если выяснится, что комиссия пропустила улики, свидетельствующие о существовании заговора внутри страны5 . «Я лично

не могу нести всю ответственность за нынешнее состояние разработки версии заговора, – жестко заявил Либлер в служебной записке в конце августа. – Я бы очень хотел, будь у меня такая возможность, принять на себя часть ответственности за работу над этим вопросом. Однако я не могу смириться с положением, в котором оказался… из-за ваших устных заявлений, которые, надеюсь, вы сами по зрелом размышлении оцените как неправильные и несправедливые».

На расследование, по расчетам Либлера, оставалось всего несколько дней, а сделать предстояло еще очень и очень много. Его поразила августовская новость о том, что Марина Освальд – как она уверяла – только сейчас вспомнила, что в коричневом чемоданчике, хранившемся у нее со дня убийства, остались кое-какие вещицы с поездки Освальда в Мексику6 . ФБР, сказала она, не поинтересовалось содержимым чемодана. Это стало для членов комиссии еще одним тревожным звонком, сигнализирующим о качестве работы Бюро. Либлер гадал, какие еще улики ФБР могло пропустить из-за лени или некомпетентности своих агентов. Внутри чемоданчика было найдено несколько любопытных предметов, в том числе корешок автобусного билета, сохранившийся со времени поездки Освальда в Мексику.

4 сентября, в пятницу, Либлер собирался уехать из Вашингтона и провести выходные и следующий за ними праздничный день – День труда – в своем загородном доме в Вермонте. Перед отъездом ему передали гранки окончательной версии четвертой главы, отредактированной Редликом. В ней шла речь о доказательствах того, что убийцей был именно Освальд. Либлер недолго наслаждался выходными: чем дальше он читал, тем больше недоумения вызывало у него написанное Редликом – вернее, то, что Редлик позволил себе оставить в тексте из предыдущих версий7.

Прежде всего Либлера смутило множество фактических ошибок, больших и малых. Конечно, он понимал, что какие-то ошибки неизбежны, учитывая, как много людей было вовлечено в «мучительный процесс» написания и редактирования текста главы. Но больше его расстроил общий тон отчета и то, как его «переписывают», подчеркивая несомненную вину Освальда, чтобы понапрасну не волновать читателей фактами, которые могут противоречить этому выводу. «Там были утверждения, которые на самом

деле ничем не подтверждались», – вспоминал Либлер. Кроме того, редактор пытался всячески «затушевать или оставить без адекватной оценки неудобные свидетельства».

Либлер не мог молчать. Он сел за пишущую машинку, которая нашлась у него дома в Вермонте, и напечатал докладную записку на 26 страницах, в которой было больше 6700 слов. В ней он подробно, абзац за абзацем, разбирал текст главы. Он отметил более десяти случаев, по его словам, фактических ошибок и натяжек. Эта докладная записка была в своем роде произведением искусства и свидетельством проницательности Либлера и его необыкновенной памяти. Он смог вспомнить мельчайшие подробности улик и показаний свидетелей и сравнить их с тем, что прочел в гранках.

В самой спорной части докладной Либлер написал, что категорически не согласен с Редликом и теми членами комиссии, которые считали, что стрелковая подготовка Освальда в рядах морской пехоты была достаточной для того, чтобы с легкостью совершить тот самый выстрел на Дили-Плаза. Либлер считал, что в отчете следует особо отметить, что во время тренировочных стрельб над Освальдом открыто потешались его товарищи-морпехи и что он как минимум один экзамен по стрельбе сдал неважно. Свидетели вспоминали, писал он, что «Освальд не был хорошим стрелком и во время службы в морской пехоте особо не интересовался оружием». Из черновика отчета эти противоречащие основной линии свидетельства исчезли. «Подобная избирательность может подорвать доверие ко всему отчету, – писал он. – Куда разумнее и честнее было бы, учитывая имеющиеся у нас свидетельства о стрелковых навыках Освальда, кратко написать о том, что есть свидетельства, подтверждающие как ту, так и иную точку зрения. После этого комиссии можно будет сказать: лучшее подтверждение тому, что Освальд мог сделать меткие выстрелы, – то, что он сделал это. Может, ему просто повезло. Возможно, вероятность была очень мала. Но так уж случилось».

Вернувшись из Вермонта, Либлер положил докладную записку Редлику на стол. «Довольно долго ответа не было», – вспоминал Либлер8 .

Несколько дней спустя в офис комиссии доставили новую порцию гранок. Либлер начал читать их, чтобы узнать, что изменилось после его докладной и изменилось ли вообще. Результат, вспоминает он, был

практически нулевым: самые серьезные замечания были проигнорированы. Он направился в кабинет Рэнкина, чтобы серьезно поговорить. Тот увидел, что Либлер в ярости, и сразу же согласился пересмотреть главу вместе с ним. Он попросил Либлера принести копию его докладной записки и гранки. «Мы сели и вместе стали просматривать текст главы», – вспоминал Либлер. К ним присоединился Уилленс, но прежде, по-видимому, успел позвонить Редлику, который в тот день был у себя дома на Манхэттене и на кафедре в университете Нью-Йорка. Редлик понял, что его правка отменяется, бросился в аэропорт Ла-Гуардиа и вылетел в Вашингтон. В тот же день после полудня он уже был в офисе комиссии. Все четверо «провели остаток дня и часть ночи над гранками и докладной запиской, и, насколько помнится, нам удалось обсудить все замечания». В результате некоторые, хотя далеко не все, поправки Либлера были учтены. Следующие две недели Либлер забрасывал Рэнкина и других коллег новыми докладными записками в общей сложности более чем на 8000 слов.

Либлер понимал, его пространные докладные записки послужат лучшим подтверждением его отчаянной борьбы за то, что он считал единственно верным, и в какой-то момент он решил сохранить для себя копии докладных. Он начал тайком выносить копии из офиса комиссии в кожаном чемоданчике и подшивать в папку у себя дома в Вашингтоне. Если когда-либо действия комиссии подвергнут критике и ему придется оправдываться, то все докладные будут у него под рукой, собранные в одном месте, и он сможет предъявить их общественности.

Сенатор Рассел жалел, что ему часто приходилось пропускать заседания комиссии. Как он и предвидел, 1964 год стал для него самым трудным за все время его работы в Сенате. Первые полгода он был занят тем, что пытался, правда безуспешно, воспрепятствовать принятию законов в области гражданских прав, которые предложил Джонсон как дань памяти Кеннеди: самым важным из них был Закон о гражданских правах 1964 года. Некоторые товарищи Рассела, такие же, как и он сам, сторонники расовой сегрегации, надеялись, что он воспользуется близким знакомством с Джонсоном и попытается убедить Белый дом сделать этот закон менее суровым. Однако Рассел с самого начала чувствовал, что это бесполезная затея. Он назвал голосование по этому закону в Сенате

19 июня «последним актом самых продолжительных дебатов и самой большой трагедии из всех, что разыгрывались в Сенате Соединенных Штатов»9. Закон был одобрен со значительным перевесом голосов: 73 против 27, и 2 июля Джонсон подписал его. Президент даже похвалил Рассела, уроженца Джорджии, за то, что тот убеждал своих земляков-южан мирно подчиниться закону. «Насилию и неповиновению не место в кампании разума и логики, которую мы призваны проводить», – сказал Рассел10.

Но то, что Рассел не присутствовал на заседаниях комиссии, вовсе не означало, что он не следил за ходом расследования, в том числе и за тем, как набирается штат и как распределяются поручения. Той весной полемика из-за Нормана Редлика вызвала нарекания в адрес Рассела со стороны его консервативно настроенного электората. Рассел набросал проект письма, которое собирался отправить жителям Джорджии, которые упрекали его. «Позвольте мне еще раз заверить вас, что я не знал, что Редлик работает в комиссии, почти до самого конца слушаний, – писал он, возлагая вину в найме Редлика на Ли Рэнкина. – Когда этот вопрос вынесли на комиссию, я дал ясно понять, что, знай я о его прежнем опыте и подробностях биографии, я бы решительно возражал против его кандидатуры. А мистеру Рэнкину я сказал, что он поступил необдуманно»11 . В мае он пожаловался на Редлика самому Джонсону12 . «Я до полдвенадцатого ночи читал доклады ФБР об этом сукином сыне, которого его дружок Рэнкин взял на работу в комиссию Уоррена, – сказал он президенту по телефону, запись этого разговора сохранилась. – Все тут подняли бучу, мол, он коммунист и вообще… левый».

Но несмотря на то что Рассел принимал мало участия в повседневной работе комиссии, он следил за ходом расследования с помощью Альфреда Скоби. Каждый вечер он забирал домой расшифровки свидетельских показаний, данных комиссии. И Рассел читал эти документы «пока в глазах не потемнело», как говорил он своему помощнику13 . И то, что он читал, ему не нравилось. Он не раз говорил своим сотрудникам в Сенате, что его очень огорчает то, как Уоррен руководит делами «комиссии по расследованию покушения» (бывший пресс-секретарь Рассела Пауэлл Мур вспоминал впоследствии, что сенатор решительно отказывался называть ее комиссией Уоррена. «Сенатор Рассел требовал, чтобы ее называли комиссией по расследованию покушения»14 .) И хотя комиссия склонялась к выводу, что Освальд действовал в одиночку, Рассел никогда

не был в этом уверен, он говорил: с трудом верится, что Ли Освальд «сам мог сотворить такое». Его весьма беспокоила информация о поездке Освальда в Мексику и о его коротком периоде жизни в Минске, где он, как утверждалось, дружил с группой молодых студентов-кубинцев.

Принятие Закона о гражданских правах позволило Расселу подключиться – довольно неохотно, как он говорил, – к работе комиссии. Он заявил, что лично хотел бы побывать на месте преступления, а также побеседовать с Мариной Освальд. Он попросил Рэнкина организовать для него поездку в Даллас. Еще два конгрессмена-южанина из числа членов комиссии – сенатор Купер из Кентукки и конгрессмен Боггс из Луизианы – согласились поехать вместе с ним. Купер вспоминал, что Рассел надеялся «расколоть» вдову Освальда и выведать у нее секреты, которые она до тех пор утаивала от комиссии. Уоррен, жаловался Рассел, был с ней слишком мягок, даже после того как ее уличили во лжи. Председатель Верховного суда «вел себя с ней чересчур покровительственно, как с собственной внучкой», говорил он своему секретарю в Сенате. «А на самом деле таких пытать надо»15 .

Делегация Рассела прибыла в Даллас 5 сентября, в субботу, и на следующий день отправилась осматривать Техасский склад школьных учебников. Рассел чуть не вызвал панику в толпе зевак. Как сообщалось в газете The Dallas Morning News , любопытствующие, а их было человек сто пятьдесят, «жутко перепугались», заметив наверху в окне шестого этажа пожилого человека с ружьем – им показалось, он целится в них16 . Им объяснили, что это сенатор Рассел взял ружье и пытается представить себе, что видел из окна Освальд. «Ладно, надеюсь, пули у него ненастоящие», – сказала одна женщина, но на всякий случай поспешила отбежать в безопасное место.

В тот же день делегация прибыла на расположенную неподалеку базу морской авиации, чтобы встретиться с Мариной Освальд. Рассел заранее заготовил длинный, написанный от руки список вопросов. Встреча продолжалась более четырех часов, однако конгрессменам не удалось узнать больше того, что им было известно ранее. Рассел в основном делал акцент на отношениях между миссис Освальд и ее мужем и все допытывался: может, на самом деле Освальд был «хорошим, любящим мужем» и рассчитывал на ее преданность?17

– Нет, – отвечала миссис Освальд. – Он не был хорошим мужем.

Рассел напомнил ей ее слова о том, что Освальд помогал ей по дому и был ласков с детьми.

– Да, но я также говорила и о том, что он часто меня бил, – ответила она. – Какое уж тут хорошее отношение, когда тебя бьют.

– Он часто вас бил? – спросил Рассел.

– Много раз, – ответила Марина.

Рассел стал расспрашивать ее о подробностях ее жизни в СССР до встречи с Освальдом, в том числе о ее связях с компартией и о ее дяде, который работал в Министерстве внутренних дел. Марина поняла, куда он клонит: намекает на то, что она вроде как шпионка.

– Хочу заверить комиссию, что я никогда не получала никаких заданий от советского правительства, – заявила она.

Но разговор принял неожиданный оборот, когда миссис Освальд выдвинула новую версию случившегося: якобы ее муж не хотел убивать президента, он целился в губернатора Коннелли. А стрелял он в него потому, сказала она, что тот, будучи министром ВМС, отказался пересмотреть приказ о позорном увольнении ее мужа из морской пехоты.

Рассел усомнился в справедливости ее слов:

– Мне кажется, вы запутались в показаниях.

Миссис Освальд признала, что это всего лишь ее предположение:

– Никакими фактами я не могу это подтвердить, – сказала она.

В тот день она держалась намного увереннее, чем раньше. Ранее она приходила на встречи с членами комиссии со своим адвокатом, теперь же явилась одна. И пояснила:

– Услуги адвоката мне не по карману.

В ходе этого разговора Рассел, как в свое время и Уоррен, невольно проникся сочувствием к молодой и симпатичной русской вдовушке. Он сказал, ему было приятно узнать, что она пишет мемуары и нашла множество других способов продать свою историю в газеты и журналы, ведь ей приходится зарабатывать на себя и дочерей.

– Я так и знал, что вы найдете возможность получить от этого некоторую коммерческую выгоду – в кино или в издательском мире.

В вопросах государственной безопасности Рассел был, несомненно, самым информированным человеком в Конгрессе, и так продолжалось довольно долго. В 1965 году Рассел отметил десятую годовщину своего пребывания на посту председателя Комитета по делам вооруженных сил в Сенате. На этой должности у него был доступ к самой секретной информации, собранной в Пентагоне и в ЦРУ; в то время он осуществлял контроль за бюджетными ассигнованиями на деятельность обеих госструктур.

После того как в 1959 году к власти в Гаване пришел Фидель Кастро, Рассел был в курсе многих секретов, связанных с Кубой. Он знал, что администрация Кеннеди с первых же дней правления всеми силами пыталась свергнуть кубинское правительство. Это, возможно, объясняет, почему в разговоре с президентом Джонсоном и другими официальными лицами после покушения Рассел почти сразу почувствовал, что тут может быть замешан Кастро, если не сам лично, то какие-нибудь люди из кубинского руководства, полагавшие, что действуют в интересах своего вождя. Однако нигде в обнародованных документах не говорится, что у него были подобные подозрения по поводу Советского Союза.

Рассел также догадывался, что, какой бы ни была правда о покушении, ЦРУ и ФБР не горят желанием ее раскрыть, если только это не самозащита и заговор действительно был, а оба ведомства не смогли его раскрыть и предотвратить убийство. Среди деловых бумаг у себя в офисе Рассел хранил небольшую зловещую памятку – он сделал ее еще в декабре, после первого заседания комиссии. «Происходит что-то странное», – писал он в связи с проводимым ЦРУ и ФБР расследованием поездки Освальда в Мексику. Комиссия в то время только приступила к работе, но уже создавалось такое впечатление, что она спешит продемонстрировать:

Освальд был убийцей-одиночкой, о чем бы ни говорили свидетельства, и показать, что Освальд «единственный, кого рассматривают» в качестве подозреваемого, писал Рассел18 . «На мой взгляд, это неоправданная позиция».

Рассел знал, что ЦРУ и ФБР с самого начала уверяли, что не видят иностранного следа в убийстве Кеннеди. Но по собственному опыту общения с этими структурами он знал, что они могут и солгать – или так запутать факты, что правду уже невозможно будет узнать. Рассела тревожило и еще одно предположение: он подозревал, что Уоррена тайно проинструктировали, вот только кто: ЦРУ? Белый дом? Сам президент Джонсон? На том первом декабрьском собрании, писал Рассел, председатель Верховного суда, казалось, больше знает о возможности кубинского вмешательства, чем говорит. Судя по всему, Уоррен, например, был в курсе предположения ЦРУ о том, что Освальд мог получить тысячи долларов в посольстве Кубы в Мехико. Рассел удивился, что Уоррен об этом знает. «Уоррену о ЦРУ было известно то же, что и мне, и даже больше», – писал он.

Предпринятая буквально в последнюю минуту поездка Рассела в Даллас не избавила его от подозрений, что заговор все-таки был.
Как не уменьшила его скептицизма по поводу версии одной пули. Рассел относился к сенатору Коннелли с большим уважением, и если Коннелли уверен, что в него угодила другая пуля, Рассел верил ему. Вот почему, когда Рассел вернулся в Вашингтон и члены комиссии собирались встретиться для одобрения заключительного отчета, Рассел оказался перед трудным выбором. Он должен был сам для себя решить, готов ли он подписаться под выводами, с которыми не согласен. Где-то в середине сентября он вызвал секретаря и начал диктовать свое особое мнение – этот документ будет долго лежать среди его сенатских архивов в полном забвении, и обнаружат его лишь после смерти Рассела19.

Начал он с того, что не согласен с версией одной пули:

«Я не разделяю мнения комиссии как относительно возможности того,

что пуля, попавшая в президента Кеннеди, ранила и губернатора Коннелли… … Фильм Запрудера, который я просмотрел несколько раз, добавил мне уверенности в том, что пуля, прошедшая через тело губернатора Коннелли, не та же самая, что прошла через спину и шею президента».

Затем Рассел перешел к вопросу о том, действовал ли Освальд в одиночку.

«И хотя я согласен с выводом моих коллег, согласно которому нет четкого и ясного свидетельства, указывающего на то, что Освальд был в преступном сговоре с другим человеком или группой людей, целью которых было убийство президента, некоторые аспекты этого дела не дают мне полной уверенности». Он сказал, что его все еще настораживает то, что Освальд в Минске водил знакомство с кубинскими студентами, а также отсутствие «достаточно подробного отчета обо всех перемещениях, контактах и связях Освальда в Мексике».

Он писал, что не может сделать «категоричного вывода, что Освальд планировал и осуществил покушение один, без подстрекательства или пособничества третьих лиц».

В последние дни подготовки отчета, когда текст в спешке переписывался и редактировался, сотрудники комиссии получили наконец известие от ФБР о Сильвии Одио и о ее заявлении о том, что она видела Освальда на пороге своей квартиры в Далласе. Бюро получило новую информацию, доказывающую, что молодая кубинка ошиблась. Агенты ФБР в конце концов смогли установить личность трех мужчин, которых видели у двери Одио, и Освальда среди них не было. Эту новость Эдгар Гувер сообщил Рэнкину в письме от 21 сентября20. По словам Гувера, Бюро вышло на след 34-летнего американца кубинского происхождения – водителя грузовика по имени Лоран Юджин Холл, который назвал себя одним из активистов, мечтающих свергнуть режим Кастро. Он вспомнил,

что заходил к Одио. О себе Холл рассказал, что был профессиональным наемником, участвовал в партизанских действиях на стороне Кастро, но разочаровался в нем и примкнул к его противникам.

В сентябре 1963 года, вспоминал Холл, он приехал в Даллас с двумя товарищами – борцами с режимом Кастро: один из них Лоренс Говард, американец родом из Мексики, а второй – Уильям Сеймур, который на самом деле не был латиноамериканцем и по-испански знал всего лишь несколько слов. Они занимались сбором средств в поддержку освободительного движения и с этой целью зашли к одной женщине с Кубы, по его словам, это и была Одио. Холл предположил, что Одио перепутала Сеймура с Освальдом.

Гувер писал, что расследование продолжается – агенты ФБР теперь разыскивают Сеймура и Говарда. И все же члены комиссии, узнав эту последнюю новость от ФБР, почувствовали некоторое облегчение. Теперь из заключительного отчета можно было исключить то, что прежде казалось надежным свидетельством, указывающим на наличие у Освальда товарищей-заговорщиков.

Дэвид Слосон, ранее горячо убеждавший комиссию расследовать утверждения Одио, много лет спустя не мог вспомнить, читал ли он это письмо Гувера, как не помнил и подробностей того, как Бюро якобы разрешило загадку Одио21 . Слосон, как и его коллеги, был просто слишком занят: он дописывал свою часть чернового варианта заключения. Он также не мог вспомнить, поднимался ли вопрос о том, чтобы кто-то из комиссии взял показания у Холла: на это уже не оставалось времени. «Мы могли лишь поверить ФБР на слово», – говорил он впоследствии.

После письма Гувера часть отчета, где речь шла об Одио, быстро переписали, объяснив – и отметив как ошибочные – ее заявления. В отчете комиссия поздравляла себя с тем, что вынудила ФБР заново расследовать историю Одио: «Несмотря на то что мы были почти уверены, что Освальда не было в Далласе в то время, в которое его якобы видела миссис Одио, комиссия попросила ФБР провести дальнейшее расследование, чтобы определить степень достоверности рассказанного миссис Одио»22 .
В отчете отмечалось, что ФБР сумело разыскать Лорана Холла и что к мисс Одио заходили именно Холл и его два товарища. «И хотя ко времени

публикации отчета ФБР еще не завершило расследование этого вопроса, комиссия пришла к выводу, что Ли Харви Освальд не появлялся у дверей квартиры миссис Одио в сентябре 1963 года».

Несмотря на то что комиссия собиралась закончить обсуждения и не могла больше следить за дальнейшим ходом расследования ФБР в Далласе, Бюро продолжило проверять версию Одио, и представленная ранее картина сразу же стала рассыпаться на куски. Со временем Лоран Холл несколько раз менял показания и в конце концов, приведенный к присяге следователями от Конгресса, сказал, что в ФБР его не так поняли и что он никогда не заходил на квартиру к миссис Одио23. Он предположил, что агенты ФБР, беседовавшие с ним в первый раз, выдумали ложную версию, желая угодить комиссии. Сеймура и Говарда удалось разыскать, оба уверяли, что незнакомы с Одио и никогда не были возле ее квартиры. Их слова получили стороннее подтверждение. ФБР удалось установить, что Сеймур в тот вечер, когда он с товарищами якобы заходил к Одио в Техасе, на самом деле был на работе во Флориде.

Агенты ФБР в Далласе еще раз побывали у Одио 1 октября, через неделю после публикации отчета комиссии, и показали ей фотографии Холла, Сеймура и Говарда24 . Она никого из них не узнала и продолжала настаивать – как будет настаивать еще много лет, – что в сентябре 1963 года видела в дверях своей далласской квартиры именно Ли Харви Освальда.

Глава 53

Офис Джеральда Р. Форда

палата представителей

Вашингтон, округ Колумбия

сентябрь 1964 года

То, что Джеральд Форд пишет книгу, все труднее было держать в тайне. Все больше нью-йоркских издателей узнавало о его планах написать книгу, в которой будет рассказано о ходе расследования «изнутри», – предполагалось выпустить ее сразу после того, как комиссия обнародует заключительный отчет. Форд и его друг и соавтор Джек Стайлз нашли авторское агентство – William Morris Agency – и поручили ему вести переговоры с издательством Simon and Schuster .

По авторскому договору Форду полагался аванс в размере 10 тысяч долларов, а после выплаты аванса – до 15 процентов отпускной цены с каждого проданного экземпляра[24]. Условия авторского договора на публикацию тиража в бумажной обложке предполагалось обсудить позже. Один только аванс равнялся примерно половине ежегодного жалованья Форда в Палате представителей, составлявшего 22 500 долларов1 . Предполагалось, что в основе книги будет рассказ о жизни Освальда с изложением возможных мотивов для убийства Кеннеди. Остановились на названии «Портрет убийцы», хотя вначале Форд предлагал другое название: «Убийца Кеннеди». С руководством издательства Форда познакомил редактор журнала Life Эдвард К. Томпсон, который хотел приурочить журнальную версию фрагмента книги к публикации заключительного отчета комиссии.

Издатели решили поторопиться с выходом книги, хотя у них были сомнения и по поводу качества представленных глав – «грубое, неуклюжее подражание остросюжетной литературе», как выразился один редактор, – и относительно того, насколько вообще Форду пристало заниматься подобным делом.

«Мне как-то не по душе сама идея, что один из членов весьма уважаемой комиссии делится своим личным взглядом на “закулисную” историю», – писал другой редактор.

Все лето Форд старался поддерживать у журнала Life и издательства Simon and Schuster интерес к проекту, даже приглашал журнальных и издательских редакторов в Вашингтон, чтобы они прочли документы комиссии для внутреннего пользования, которые он хранил у себя в офисе. Причем делал это, даже зная, что ФБР интересуется, не он ли допустил утечку «Исторического дневника» Освальда, копия которого оказалась в журнале Life . «Только что говорил с Джерри Фордом по телефону, –

писал 8 июля редактор этого журнала Томпсон ответственному сотруднику Simon and Schuster . – Он спрашивает, не хочет ли кто заранее просмотреть основные документы комиссии… и если вы считаете, что это стоит сделать, дайте мне знать»2 . Томпсон, как бы ни было соблазнительно для журналиста такое предложение, отказался читать секретные документы. По его словам, он напомнил Форду в разговоре, что документы сами по себе не обеспечат книге успеха. Читателям интересен «личный вклад» Форда – они захотят узнать, что сам автор думает о расследовании и о личности Освальда. «Я не вижу большой пользы от чтения документов, которые пока что являются сугубо официальными бумагами».

Когда впоследствии Форда критиковали за то, что он пытался нажиться на убийстве президента, он говорил в свое оправдание, что эта книга стала ценным вкладом в историю. Форд также не видел ничего плохого, по его словам, в том, что позволил Джону Стайлсу и другим своим неофициальным помощникам – в том числе бывшему конгрессмену Джону Рэю и студенту Гарвардской школы права Фрэнсису Фэллону – просматривать засекреченные документы. «Получилась отличная команда, – говорил Форд о своих помощниках, – Джек – писатель, Джон – юрист. Они готовили для меня вопросы, с которыми я выступал на заседаниях комиссии, они анализировали расшифровки стенограмм, выискивали несоответствия». И подчеркивал, что без их помощи ему было бы трудно справиться с работой в комиссии.

Тот год для Форда выдался необычайно трудным. Дел у него всегда было невпроворот, поскольку он состоял в Комитете по бюджетным ассигнованиям, а в 1964 году с головой ушел во внутреннюю политику. Летом стало известно, что его имя числится в коротком списке кандидатов в вице-президенты, который рассматривает Барри Голдуотер3. Фэллон, которому в том году исполнилось 23 года, только диву давался, с каким рвением Форд занимается делами в комиссии, несмотря на загруженность в Конгрессе. Он считал, что единственным недостатком Форда как члена комиссии было то, что тот слишком хорошо думал о ФБР и об Эдгаре Гувере.

В середине лета Фэллон просил Форда повлиять на комиссию, чтобы продолжить поиски свидетельств заговора. В служебной записке

от 31 июля он сообщал Форду, как беспокоит его то, что отчет обходит стороной свидетельства, позволяющие предположить, что в СССР Освальда готовили для шпионской работы[4]. «Не позволяйте им ничего приукрашивать и замалчивать, – предупреждал Фэллон Форда. – По многим вопросам у нас еще недостаточно информации. Постарайтесь по возможности узнать как можно больше. Пусть это даже будут данные из конфиденциальных источников».

Друг Форда Стайлс прямо высказывал подозрения, что комиссия пропустила сведения, указывавшие на наличие заговора[5]. 4 сентября, когда расследование уже близилось к концу, он просил Форда еще раз подумать, не мог ли Освальд быть шпионом. «Разве у нас есть реальные доказательства того, что Освальд не был чьим-то агентом? У нас нет доказательств, что он был шпионом, но этого недостаточно, чтобы считать вопрос закрытым».

Форд уверял, что не делает скоропалительных выводов. Он позже рассказывал, что как следует рассмотрел все версии заговора, в том числе и такие, о которых широкой публике не было известно. В мае к Форду обратился корреспондент Detroit Free Press – ведущей утренней газеты штата, представителем которого был Форд[6]. Журналист хотел узнать его мнение о слухах, будто Освальд был участником заговора, зародившегося в 1963 году в Новом Орлеане, когда будущий убийца жил в этом городе. Слухи были довольно путаные, притом с подробностями довольно непристойного характера – вот почему журналисты за пределами Луизианы не спешили их подхватывать.

Слухи в основном касались некоего жителя Нового Орлеана, который был членом правых группировок, стремящихся свергнуть режим Кастро: это был бывший пилот компании Eastern Airlines Дэвид Ферри, которого вскоре после убийства президента допрашивала и полиция Нового Орлеана, и ФБР. Будучи подростком, Освальд был членом луизианского отряда «Гражданский авиапатруль» (Civil Air Patrol, сокращенно CAP) – добровольного общества содействия ВВС США, куда принимали всех любителей авиации. Из документов следовало, что Освальд состоял в местном отряде «Авиапатруля» в то время, когда одним из его руководителей был Ферри. Однако Ферри решительно отрицал, что был знаком с Освальдом, хотя на фотографии собрания «Гражданского авиапатруля», обнаруженной годы спустя, запечатлены и Ферри,

и Освальд.

Выслушав совершенно невероятную историю о Ферри, Форд сделал для себя пометки (правда, он неправильно записал фамилию: Ferry вместо Ferrie). Судя по тому, что он услышал, Ферри, который, как сказал корреспондент, «носит парик и накладные брови» (у Ферри была такая болезнь – аллопеция, при которой выпадают волосы), был уволен из авиакомпании «за гомосексуальные действия» в отношении мальчиков-подростков.

Детройтский корреспондент рассказывал, что Ферри также связан с людьми из мира организованной преступности, в Новом Орлеане он по совместительству работал сыщиком у некоего адвоката, который представлял интересы главаря местной бандитской группировки Карлоса Марцелло, и поговаривали, что после того, как Министерство юстиции при администрации Кеннеди пыталось депортировать Марцелло, Ферри на самолете доставил его обратно в США. «Возможно, знал О в ГАП, – записал Форд в своем блокноте, имея в виду Освальда и "Гражданский авиапатруль". – Ли Харви Освальд – гомосексуалист?» Он пытался представить, как все это сочетается: если Освальд был связан с Ферри благодаря гомосексуальной ориентации или благодаря знакомым в группах кубинских изгнанников, означало ли это, что он также был связан с боссом мафии, который решил поквитаться с Кеннеди?

Из штатных сотрудников комиссии расследование слухов о Ферри – и о возможной связи Освальда с другими представителями организованной преступности Нового Орлеана – было поручено Уэсли Либлеру. Во время своей июльской поездки в Новый Орлеан Либлер не нашел ничего, что указывало бы на наличие хоть сколько-нибудь серьезного заговора с участием Ферри или мафии. В результате в отчете комиссии не содержалось никаких упоминаний о слухах насчет Ферри. «ФБР основательно проверило Ферри, – говорил впоследствии Либлер. – Но это ничего нам не дало»[25]7 .

Ближе к концу расследования Форд, по его словам, убедился, что конспирологических версий в деле о покушении не избежать, учитывая «запутанность событий и странное совпадение фактов», которые обнаруживаются в ходе расследования комиссии8 . «Задним числом кажется, что невероятные совпадения, которые имели место, никак

не могли произойти – и тем не менее произошли».

В беседе со Стайлсом Форд прошелся по всем возможным конспирологическим теориям. Вместе они придумали, как с этим разобраться. Они заметили, что большая часть версий заговора строилась на том, что Освальд был «подсажен» на Техасский склад школьных учебников. Так ли это? Они изучили информацию о том, каким образом Освальд в октябре получил эту работу: по просьбе Марины Освальд Рут Пейн позвонила заведующему складом учебников, и тот согласился встретиться с Освальдом, а потом взял его на работу. Склад школьных учебников в Далласе располагался в двух зданиях. И если заведующий не был сам замешан в заговоре, то Освальда отправили работать в здание на Дили-Плаза по чистой случайности.

И еще один способ упорядочить версии Форд нашел, изучив и проанализировав календарь за последние месяцы 1963 года. Если заговорщики, товарищи Освальда, специально устроили его на работу на склад школьных учебников, они должны были заранее знать, что кортеж Кеннеди будет проезжать мимо этого здания. Форд изучил хронологию поездки Кеннеди в Техас и то, как готовились к этой поездке в Белом доме. Из расписаний явствовало: то, что Кеннеди собирается посетить Техас 21 и 22 ноября, стало широко известно в конце сентября, когда Освальд находился в Мексике9 . Но Даллас окончательно включили в план поездки только 9 ноября – к тому моменту Освальд уже три недели работал на складе школьных учебников. И только 19 ноября, всего за три дня до прибытия Кеннеди, был опубликован утвержденный маршрут, согласно которому президентский кортеж должен был проследовать мимо Техасского склада школьных учебников. В итоге Форд убедился, что только «по чистой случайности» Освальд оказался в здании, из которого мог выстрелить в президента. «Судьба привела его в нужное время в нужное место, чтобы он сделал свое черное дело».

Форд чувствовал, что ход событий в воскресенье, 24 ноября, в день, когда убили Освальда, ясно показывает, что Руби также не участвовал в заговоре. «Совершенно случайно» у Руби появилось время, необходимое для того, чтобы проникнуть в подвальное помещение управления полиции и застрелить Освальда. С переводом Освальда в окружную тюрьму в последнюю минуту произошла задержка – по просьбе федерального инспектора Управления почтовой службы США, который хотел задать

несколько вопросов обвиняемому: инспектор был на воскресной службе в церкви и никак не мог прийти туда раньше. И эта недолгая отсрочка дала Руби необходимое время – он находился в тот момент в отделении Western Union через дорогу, отправлял денежный перевод в 25 долларов одной из своих стриптизерш. Если бы перевод Освальда в окружную тюрьму произошел раньше на две-три минуты, Руби мог прийти на место слишком поздно.

Форда огорчала неспособность комиссии сделать вывод о мотивах Освальда. В своей книге, написанной вместе со Стайлсом, и в более поздних комментариях об убийстве Форд высказывал предположение о том, что навело Освальда на мысль убить президента Кеннеди, и его объяснение оказалось наиболее подробным, а во многих отношениях и самым осмысленным из всех, что выдвигались членами комиссии.

По мнению Форда, ответы следует искать в «Историческом дневнике» Освальда. В своих действиях Освальд руководствовался вовсе не политическими принципами, во всяком случае, политика была для него не главное. Его «так называемый марксизм» был «мешаниной из революционной диалектики и мечты о справедливом обществе, о котором он имел весьма туманное представление». На самом деле, как думал Форд, Освальд жаждал внимания, а чисто детское упрямство не позволяло ему отказаться от заявленной цели. У Форда было четверо детей, трое из них мальчики, и он думал, что достаточно разбирается в детской психологии, чтобы понять: в поступках Освальда было что-то от подросткового бунтарства. В «Историческом дневнике» мы видим «живой автопортрет молодого человека, который, когда ему не удается получить желаемое, переживает это как личную трагедию и совершает необдуманные поступки, чтобы привлечь к себе внимание», писал Форд. «Сталкиваясь с непреодолимым препятствием, обычный человек стукнет кулаком по столу или, еще лучше, скажет: это мне урок на будущее. Но Ли Харви Освальд не таков… Он был как ребенок: если ему не удается привлечь к себе внимание, он ломает и разбрасывает игрушки, чтобы его заметили».

Форд думал, что у Освальда были еще и другие мотивы, хотя ни в своей книге, ни в публичных выступлениях сказать об этом не решился. Это

касалось сексуальности Освальда. Члены комиссии не раз слышали от свидетелей о сексуальных проблемах Освальда. Форд предположил, что Освальд был импотентом10 . Когда Марина в шутку пожаловалась знакомым, что он неважно исполняет свой супружеский долг, он почувствовал себя таким униженным, что взял ружье и пошел на Дили-Плаза – доказать, что он не тряпка. «У меня было такое чувство, и я думаю, у других тоже, что упреки жены в импотенции сильно задели его, – говорил Форд в прежде не публиковавшемся интервью. – Он вынужден был что-то сделать, чтобы доказать свою мужественность».

Читая черновые варианты отчета, Форд и его референты набросали пространные списки редакторских замечаний, которые Форд затем предложил комиссии. Редакторские замечания Форда проследить проще, поскольку он привел их – отдельно по каждой главе – в письме на бланке Палаты представителей, адресованном Рэнкину. Большую часть поправок Форда охотно приняли: он часто находил ошибки, видимо, его референты внимательно изучили текст. В письме от 2 сентября он просил Рэнкина, чтобы комиссия исправила утверждение, что Освальд почти не употреблял спиртного, – такое утверждение поставило бы под сомнение надежность показаний свидетелей, которые видели Освальда в барах в Новом Орлеане и в Далласе11. «Из документов явствует, что он употреблял спиртное, а иногда даже чрезмерно, когда жил в России, а также в Новом Орлеане в 1963 году». По совету Форда этот абзац вычеркнули.

Он предложил и еще одно изменение, которое впоследствии вызовет много разнотолков: попросил переписать ключевую фразу о медэкспертизе так, чтобы непосвященному было понятно, где именно на теле Кеннеди находилось входное отверстие первой пули – той самой, что затем попала в Коннелли. В черновом варианте изначально говорилось, что «пуля вошла в его спину в месте чуть выше лопатки и правее позвоночника»12 . В своей копии Форд зачеркнул эти слова и заменил их на следующие: «Пуля вошла в основание его шеи чуть правее позвоночника». И эти изменения были внесены. Впоследствии, через много лет, Форд объяснял, что он всего лишь хотел уточнить место ранения. «Для любого здравомыслящего человека “над лопаткой и справа” означает где-то очень высоко и сбоку – я именно так понял». Сторонники версий заговора будут потом уверять, что Форд этой правкой хотел ввести читателей в заблуждение

относительно траектории пули, поддерживая тем самым свою версию одной пули. На самом же деле правка Форда, похоже, лишний раз доказывала, что комиссия по-прежнему точно не знала, где же прошли пули.

Десятки лет спустя проверка, проведенная с одобрения Конгресса группой независимых медэкспертов, показала, что патологоанатомы из Медицинского центра ВМФ, производившие вскрытие, допустили поразительные ошибки, в числе прочего неправильно определили место обоих входных пулевых отверстий в теле Кеннеди13 . Увидев фотографии вскрытия, независимые эксперты пришли к выводу, что пуля от первого выстрела попала в спину ниже того места, на которое указывал патологоанатомический протокол, а входное пулевое отверстие в голове располагалось на целых десять сантиметров выше.

Уоррен говорил, что в сентябре боялся смотреть на календарь: неумолимо приближался первый понедельник октября (в тот год это было 5 октября), когда начнется очередная сессия Верховного суда. Вместе с Рэнкином он составил и утвердил график завершения работы комиссии. Последнее закрытое совещание предполагалось провести 18 сентября, в пятницу, в 10 часов утра, в зале заседаний здания Организации ветеранов зарубежных войн. Весь этот день отводился на обсуждение и утверждение отчета. После этого гранки с последней правкой передадут в Управление правительственной печати, один экземпляр отчета, в переплете, вручат президенту Джонсону в следующий четверг, 24 сентября, в Белом доме.

Уоррен очень хотел, чтобы комиссия единогласно проголосовала за отчет, иначе у людей может создаться мнение, будто члены комиссии все еще сомневаются в чем-то или даже скрывают что-то от общественности. «Если мы не придем к согласию, это будет ужасно», – говорил он Дрю Пирсону14 . И вспоминал в связи с этим закулисную кампанию, которая помогла ему добиться единогласного решения по делу «Браун против Совета по образованию» 1954 года. Он очень гордился тем, что ему удалось это сделать, и вспоминал, с каким удовольствием зачитывал определение Верховного суда по делу Брауна: «Когда я произнес “единогласно”, по залу прокатилась волна эмоций, – вспоминал он. – Это была инстинктивная реакция, чувство, которое не описать словами»15 .

Но чтобы добиться единодушного вердикта по важному делу в Верховном суде, Уоррену часто приходилось месяцами вести подготовительную работу – и уговаривать. В деле Брауна он, по сути, применил агрессивную тактику лоббирования – несколько месяцев убеждал своих коллег подписаться под определением суда, ради этого даже навестил в больнице одного судью, который был нездоров. Но на то, чтобы добиться единогласия в комиссии, у председателя Верховного суда оставались считаные недели или даже дни. Если придерживаться намеченных сроков, на последнем закрытом заседании 18 сентября у Уоррена оставалась последняя и единственная возможность убедить членов комиссии, что они должны дать единодушное заключение по поводу смерти президента.

Поскольку стенографические отчеты совещаний комиссии уже не велись, во всяком случае, широкой общественности о них ничего не известно, нельзя точно сказать, каким образом Уоррен добился единодушия в выводах комиссии и насколько близок он был к провалу. Однако в последующие годы некоторые члены комиссии поделились своими воспоминаниями о том, что произошло в тот день.

Рассел позднее рассказывал, что шел на совещание, намереваясь выступить с особым мнением – в конце концов, он его уже написал, – и полагал, что другие члены комиссии его поддержат. Он уже не первую неделю заявлял, что не верит в версию одной пули или по крайней мере не может ее поддержать. Однако из черновых глав, которые ему показали перед началом заседания, следовало, что комиссия считает эту версию верной. Рассел, по его словам, также полагал, что в отчете следует воздержаться от категорического заявления, что Освальд не участвовал в заговоре. Но в черновых главах, которые он читал, прямо утверждалось, что Освальд действовал в одиночку.

После совещания Рассел рассказывал своим помощникам, что Уоррен поначалу наотрез отказывался переделывать отчет с учетом разных мнений по поводу версии одной пули. «Уоррен упирался, – говорил он своему личному секретарю в Сенате, с которым работал много лет. – Он говорил, что это единственно возможный путь»16 . Судя по рассказам Рассела, Уоррен объяснил, почему так важно прийти к единому мнению, а потом стал убеждать комиссию принять формулировку в том виде, в каком она была изложена штатными сотрудниками. По словам Рассела, Уоррен оглядел присутствующих и, прежде чем перейти к прениям, объявил: «Все

мы согласны и готовы подписать отчет».

И тогда Рассел выступил с поправкой, по сути бросив вызов председателю Верховного суда. Нет, не все согласны. Будет особое мнение, предупредил он, особенно в вопросе о версии одной пули. «Я не подпишу этого отчета, если комиссия настаивает на том, что пуля попала в обоих», в Кеннеди и в Коннелли. Ему претит сама мысль, пояснил он, что комиссия не прислушалась к словам Коннелли о том, что его ранило отдельной пулей. Сенатор Купер взял слово и поддержал Рассела, сказав, что тоже доверяет словам Коннелли и подпишет особое мнение. Далее, по словам Рассела, выступил конгрессмен Боггс и тоже сказал, что версия одной пули не кажется ему убедительной.

В этот, судя по всему, последний день подготовительной работы комиссии Уоррен неожиданно столкнулся с бунтарством, и это могло означать, что голоса по отчету разделились. Два, а возможно даже три члена комиссии были готовы подписать особое мнение.

После того как комиссия завершила расследование, Уоррен часто повторял, что был уверен в правильности версии одной пули и прислушивался к доводам некоторых штатных сотрудников комиссии, говоривших, что эта версияч должна быть верной, если Освальд действовал в одиночку. Но большая часть служебной карьеры Уоррена так или иначе была связана не с судом, а с политикой. Он прекрасно знал – как, вероятно, знал каждый из собравшихся в том зале, – что как бы ни был неприятен компромисс, затеняющий правду, иногда приходится чем-то пожертвовать, чтобы добиться цели. И он решил поторговаться.

Результатом стали обтекаемые формулировки, одобренные и Уорреном, и Расселом: они разбавляли оригинальный текст и тем самым допускали возможность того, что Коннелли был ранен отдельной пулей – что, по мнению штатных сотрудников комиссии, было абсолютно нелепо. Неуклюжие соглашательские формулировки так отражены в отчете комиссии:

«Хотя для выводов комиссии несущественно, какой из выстрелов послужил причиной ранения губернатора Коннелли, есть весьма

убедительное свидетельство экспертов, указывающее на то, что та же самая пуля, которая прошла через горло президента, также причинила ранения губернатору Коннелли. Однако показания губернатора Коннелли и некоторые другие факторы дали повод для некоторого расхождения во мнениях относительно такой возможности, но ни у кого из членов комиссии нет сомнений, что все выстрелы, послужившие причиной ранения президента и губернатора Коннелли, были сделаны из окна шестого этажа Техасского склада школьных учебников»17 .

Рассел требовал и других изменений в отчете. Он заявил, что снова выступит с особым мнением, если комиссия не упомянет о возможности заговора. Он согласен, что Освальд кажется убийцей-одиночкой. Но, по его мнению, не следует делать однозначный вывод, исключающий даже отдаленную возможность того, что у Освальда могли быть товарищи-заговорщики – в Далласе или еще где-нибудь. Рассел вспоминал, что сказал Уоррену следующее: «Я полностью согласен с тем, что нужно опираться на факты, которыми мы располагаем, но почем знать, вдруг когда-нибудь в будущем появятся другие свидетельства? Мы не имеем права заранее отметать факты, которые еще могут всплыть».

На этот раз Форд, по его словам, поддержал Рассела, и в этом пункте переписывать отчет оказалось не так мучительно. Это место переписали так, что вместо голословного утверждения, что никакого заговора не было, теперь там говорилось, что комиссия не обнаружила «никаких свидетельств» заговора, таким образом допускалась возможность, что такие свидетельства могут когда-нибудь появиться. Председатель Верховного суда добился того, чего хотел: единогласного мнения, которое, как он надеялся, навсегда положит конец мутным слухам об убийстве президента, которым он так восхищался, если не сказать любил. Уоррен объявил, что семь членов комиссии вновь соберутся через шесть дней в Белом доме, чтобы в торжественной обстановке вручить отчет президенту Джонсону.

Ли Рэнкин, вернувшись с собрания, объяснил своим заместителям, Говарду Уилленсу и Норману Редлику, что произошло. Уилленс был поражен,

рассказывал он впоследствии. Отказавшись от безоговорочного признания версии одной пули, комиссия пошла на ужасный обман, говорили некоторые штатные юристы. «Рэнкин пытался объяснить такое решение комиссии Редлику и мне, но его оправдания казались нам неубедительными», – вспоминал Уилленс. Изменения явно были сделаны, «чтобы защитить Коннелли», а не потому, что кто-то стоял за правду. Ошибка техасского губернатора, настаивавшего на том, что в него попала другая пуля, вполне объяснима, но это, тем не менее, ошибка. И все же комиссия теперь допускала, что Коннелли прав, а это оставляло открытым вопрос – и уже навсегда – о том, что стрелял не один человек. «Это был ничем не оправданный компромисс, ставивший под сомнение достоверность всего отчета, – говорил Уилленс впоследствии. – Он порождал новые вопросы, что было только на руку сторонникам версии заговора, и в последующие десятилетия они этим вовсю пользовались».

Никто из членов комиссии не сообщал о каких-либо серьезных дебатах на том совещании по поводу резких формулировок, содержащих критику в адрес ФБР и Секретной службы. Оба ведомства следует примерно наказать за то, что не поделились информацией о возможной угрозе для жизни президента. Особого порицания заслуживал офис Бюро в Далласе и агент ФБР Джеймс Хости, не подавший сигнал в Секретную службу об Освальде накануне приезда Кеннеди в этот город. «Перед покушением ФБР ограниченно понимало свою роль в разведработе по предупреждению преступности, – говорилось в отчете. – Более тщательные и скоординированные действия ФБР в отношении Освальда могли бы привести к тому, что Освальдом заинтересовалась бы Секретная служба»18 .

Секретной службе досталось и того больше: комиссия призывала ведомство «полностью перестроить» порядок сбора информации о потенциальной угрозе жизни президента19 . В отчете содержалась просьба к президенту Джонсону: учредить на правительственном уровне комиссию, которая бы следила за работой Секретной службы.
По настоянию Уоррена в отчете было упомянуто о том, что агенты Секретной службы из далласского автокортежа пьянствовали вечером накануне убийства; в отчете также выдвигалось предположение, хоть и не утверждалось наверняка, что эти агенты могли бы спасти жизнь президента. «Понятно, что эти люди, не выспавшиеся, потреблявшие спиртные напитки, пусть даже в ограниченном количестве, могли проявить

больше бдительности»20 .

Форд хоть и явно поддерживал Гувера, но, как уверял позднее, не пытался смягчать содержащуюся в отчете критику в адрес ФБР: ему казалось, Гувер может утешиться хотя бы тем, что Секретной службе не поздоровилось больше. Проведя подсчеты, Форд отметил: «примерно 80 процентов нашей критики» относилось к работе Секретной службы. «Ошибок в работе ФБР мы выявили значительно меньше»21 .

Точно так же не было разногласий, по рассказам членов комиссии, касательно резкой критики руководителей правоохранительных органов муниципального уровня в Далласе, особенно это касалось городского управления полиции и непрофессионализма сотрудников, при попустительстве которых убийство Освальда произошло прямо на глазах у зрителей государственного телеканала. Рассел говорил впоследствии: «У меня было такое чувство, что в Главном управлении полиции Далласа нарочно все сделали для того, чтобы Освальда казнили без суда и следствия».

Одному крупному федеральному ведомству посчастливилось избежать критики со стороны комиссии – ЦРУ. В отчете прямо не говорилось, но члены комиссии, похоже, согласились с тем, что шпионское агентство действовало профессионально, годами ведя ограниченную слежку за Освальдом, в том числе и в Мехико. Похоже, в результате расследования работа ЦРУ вызвала уважение у большинства членов комиссии, а также у штатных сотрудников, хотя бы потому, что это ведомство, в отличие от ФБР, выражало всяческую готовность помогать следствию.

Единственная официальная запись последнего совещания комиссии при закрытых дверях представляет собой сухой, на семи страницах, протокол, и в нем нет даже намека на ожесточенные дебаты, описанные впоследствии Расселом и Фордом22 . Этот глубоко лживый протокол не объясняет того, что на самом деле происходило на совещании. В этом машинописном документе – автор его неизвестен – нет даже намека на разногласия относительно версии одной пули, нет описания споров, в результате которых комиссия оставила открытым вопрос о возможном заговоре. Как нет и упоминаний о том, что Рассел грозился дать в отчете свое особое мнение. В протоколе говорится только, что заключительный отчет был одобрен, причем единогласно.

Глава 54

Овальный кабинет

Белый дом

Вашингтон, округ Колумбия

18 сентября 1964 года, пятница

Президент Джонсон решил переговорить со своим старым другом Ричардом Расселом и попросил служащих коммутатора в Белом доме соединить его с домом в штате Джорджия, где сенатор проводил выходные1 . В тот же день, чуть ранее, состоялась последняя встреча членов комиссии Уоррена, и через пару часов после утверждения заключительного отчета Рассел – по его словам, совершенно обессиленный – уехал из Вашингтона.

Даже если Джонсон знал об этом совещании комиссии, то по сохранившейся записи телефонного разговора этого сказать нельзя. Похоже, в основном президент обращался к Расселу за советом как к председателю Комитета по делам вооруженных сил. Весь день Джонсон читал донесения о столкновении между двумя американскими эсминцами и четырьмя патрульными кораблями Северного Вьетнама в Южно-Китайском море. Всего месяц назад, после стычки между американскими и северовьетнамскими боевыми кораблями в Тонкинском заливе, Джонсон отдал приказ нанести авиаудары по военно-морским базам Северного Вьетнама и подтолкнул Конгресс США к принятию резолюции, получившей название «Тонкинской». Она давала Джонсону широкие полномочия для пресечения дальнейших нападений со стороны социалистического Северного Вьетнама, а в конечном итоге позволила начать первое масштабное развертывание американской военной группировки в Южном Вьетнаме.

К вечеру пятницы Джонсон, к своему огромному облегчению, узнал, что первоначальные донесения о масштабах стычки с северовьетнамскими

судами сильно преувеличены. И все же, учитывая, что до президентских выборов оставалось шесть недель, а вьетнамский вопрос представлял собой потенциальную опасность в предвыборной кампании, Джонсон хотел обсудить ситуацию в Юго-Восточной Азии – и ее политические перспективы – с Расселом, чья поддержка ему понадобится при любых действиях по эскалации конфликта во Вьетнаме.

Джонсон дозвонился до Рассела около 20.00.

– Вечно ты уезжаешь из города… – пожурил он в шутку сенатора. – Похоже, тут тебе не слишком нравится.

– А что, ты же уезжал, – ответил Рассел, намекая на недавнюю поездку Джонсона на Западное побережье. – Нет, просто чертова комиссия Уоррена меня доконала.

Он объяснил, что комиссия одобрила последнюю версию отчета только сегодня.

– И знаешь, что я сделал? Вышел, сел в самолет и улетел домой. Даже зубную щетку не захватил. У меня с собой практически ничего. Даже противогистаминные таблетки не взял от эмфиземы.

– К чему такая спешка? – спросил Джонсон.

– Ну, я просто вымотался, сражаясь за этот проклятый отчет.

– Стоило потратить еще час и заехать домой за вещами.

– Ну нет, – ответил Рассел. – Представь, они пытались доказать, что одна и та же пуля попала в Кеннеди и Коннелли… прошла насквозь через руку и кость, попала в ногу и так далее.

– А какая разница, какая пуля попала в Коннелли? – спросил Джонсон.

– В общем-то особой разницы нет… Но им кажется… комиссия считает, что в Кеннеди и в Коннелли попала одна пуля. А я в это ну просто не верю!

– Я тоже, – ответил Джонсон, скорее из уважения к Расселу, потому что едва ли понимал все тонкости версии одной пули.

– И я не мог это подписать, – продолжал Рассел. – Я сказал, что губернатор Коннелли в своих показаниях утверждал прямо противоположное и мне это не по нутру. В итоге я заставил их признаться, что в комиссии были разногласия – часть из них тоже не верит в эту чушь.

Джонсон стал расспрашивать, что еще было в отчете.

– И что в итоге? О чем там говорится? Что это дело рук Освальда и он стрелял без повода?

– Ага, просто потому, что он всех ненавидел… нигде ему не нравилось, ни тут, ни в России, вот он и решил вписать свое имя в историю. Думаю, тебя отчет не огорчит. Он очень длинный, но…

– Единодушный? – уточнил Джонсон.

– Да, сэр.

– Хм.

– Я очень хотел дать свое особое мнение, но они ходили кругами и отговорили меня, оставив самую капельку.

Видимо, Рассел имел в виду, что Уоррен согласился переписать отчет так, чтобы оставить «капельку» сомнения и в версии одной пули, и относительно возможности заговора.

После этого собеседники перешли к событиям во Вьетнаме.

Последние дни перед публикацией отчета комиссии прошли как в угаре: оставшиеся штатные юристы и вызванные им в помощь сотрудники Верховного суда США проверяли и перепроверяли текст.

– В последние дни я работал как лошадь, – вспоминал Дэвид Слосон2 .

В юридической фирме в Денвере давно ждали его возвращения – его внимания требовало громкое дело, направленное против крупных монополий; партнеры его фирмы вначале рассчитывали, что Слосон

вернется в середине весны, но теперь он пообещал, что 18 сентября, пятница, станет для него последним в этом офисе. Именно в этот день члены комиссии должны были одобрить отчет.

В пятницу под вечер Слосон почувствовал, что заболевает. «Я подумал: о боже, кажется, у меня грипп», – вспоминал Слосон. Но это был не грипп, а крайнее переутомление. «В пятницу после работы я завалился спать… и не вставал с постели до вечера воскресенья. Два дня ничего не ел, только спал». В воскресенье он решил, что достаточно окреп и сил на трехдневную поездку в Денвер хватит.

По словам Джона Макклоя, его немного раздражала спешка, в которой завершалось расследование3 . Он считал, что комиссия сделала правильные выводы, но отчет можно было написать лучше и понятнее. «С выводами мы не спешили, – вспоминает он, – но стиль могли бы еще подправить… Ближе к концу у меня было такое чувство, что мы немного поторопились». Этим объяснялся ряд мелких ошибок в отчете: некоторое количество неверно соотнесенных с текстом примечаний и неправильно написанных имен, а также повторение одной и той же информации в разных главах, иногда буквальное.

Перед тем как закрыть офис, комиссия решила узнать, кто из штатных сотрудников работал больше других, а кто лентяйничал. Для этого сравнили количество выставленных для оплаты трудодней. Оказалось, меньше всех работал Фрэнк Адамс, подолгу отсутствовавший напарник Спектера, что никого не удивило: всего он провел на службе 16 дней и пять часов4 . Коулмен оказался вторым: он работал в четыре раза больше Адамса – в общей сложности 64 дня. Из младших юристов самым трудолюбивым оказался Берт Гриффин – 225 дней, за ним шли Либлер и Слосон с 219 и 211 днями соответственно. Среди старших штатных юристов больше всего рабочих дней было на счету у Ли Рэнкина: 308 – а это означало, что с тех пор, как в декабре его зачислили в штат, он трудился ежедневно, и даже без выходных, причем рабочий день у него продолжался дольше обычного. Впрочем, почти никто из сотрудников комиссии в этом не сомневался.

В последние недели расследования три женщины, больше всего

привлекавшие внимание комиссии – Жаклин Кеннеди, Марина Освальд и Маргерит Освальд, – дали о себе знать. Миссис Кеннеди передала через посредников просьбу: она хотела забрать окровавленную одежду покойного мужа. На последнем закрытом заседании члены комиссии дали свое согласие при условии, что она сохранит одежду для дальнейшего расследования и тем самым «поддержит работу, проделанную комиссией».

Позднее Уоррен сказал, что отказался отдавать одежду без таких условий5 . «Милейшая миссис Кеннеди попросила у меня одежду президента, – процитировал его слова в своем дневнике Дрю Пирсон. – Я подозревал, что она хочет ее уничтожить, и отказал. Мы не должны участвовать в сокрытии или уничтожении каких-либо улик». В итоге она так и не забрала одежду. «В конце концов мы отправили одежду, рентгеновские снимки и фотографии в Министерство юстиции с пометкой, что их не следует выставлять на всеобщее обозрение», – сказал Уоррен. Позднее одежду передали на бессрочное хранение в Национальный архив США.

Вдова и мать Освальда также не получили того, что хотели. До самого конца работы комиссии Марина Освальд просила вернуть ей все вещи мужа, в том числе винтовку Mannlicher-Carcano и пистолет марки Smith Wesson . Просьба об оружии была отклонена – в данном случае комиссии проще было принять решение, поскольку выяснилось, что вдова пыталась продать оружие коллекционерам.

Штатные юристы рассказывали, что письмо, пришедшее в середине августа от манхэттенского литературного агента Маргерит Освальд, их не удивило6 . По словам агента, миссис Освальд утверждала, что комиссия не имеет права использовать ее показания или любые данные, которые она предоставила во время расследования – «фотографии, документы или любую другую ее собственность», – без ее разрешения. Комиссии следовало попросить ее об этом «в письменной форме, что до сих пор не было сделано», как утверждал агент. Для вящей убедительности агент направил копии письма в Белый дом, спикеру Палаты представителей и председателю Сената США – и разъяснил, что миссис Освальд намерена известить всех в федеральном правительстве о своих требованиях. Впрочем, это не помогло: комиссия игнорировала ее письмо и полностью опубликовала ее показания.

Как и ее невестка, миссис Освальд активно продавала сувениры, имеющие отношение к жизни сына[7] . Ранее в том же году она продала журналу Esquire 16 писем, которые сын прислал ей из России – по слухам, она получила за них 4 тысячи долларов. Письма были опубликованы вместе с фотографиями самой миссис Освальд, сделанными специально для журнала знаменитым фотографом Дианой Арбус. Чуть позже в тот же год миссис Освальд записала грампластинку, зачитав вслух выдержки из этих писем.

24 сентября, в четверг, председатель Верховного суда США Уоррен взял темно-синюю коробку с копией заключительного отчета – десять сантиметров толщиной, 888 страниц, 296 тысяч слов – и вручил ее президенту Джонсону в кабинете Белого дома. При этом присутствовало множество репортеров и фотографов. «Довольно тяжелый», – заметил президент[8] . Это все, что репортеры сумели разобрать из его слов. Белый дом выпустил пресс-релиз с письмом, которое в тот же день президент написал Уоррену: «Я знаю, что комиссией двигало стремление узнать и рассказать всю правду о том ужасном событии».

На церемонии кроме Уоррена присутствовали еще шесть членов комиссии. По согласованию с пресс-службой Белого дома отчет комиссии решили не публиковать в тот же день. Джонсон собирался взять его с собой на ранчо в Джонсон-Сити, штат Техас, и прочесть за выходные. В субботу копии отчета передадут в агентства новостей с предупреждением, что материалы можно будет публиковать не ранее 18.30 в воскресенье (по североамериканскому восточному времени). Три телекомпании анонсировали в тот вечер специальные выпуски, в которых в прямом эфире предполагалось озвучить выводы комиссии. CBS News собиралась сделать двухчасовой спецвыпуск, в котором будут интервью со свидетелями убийства президента Кеннеди или офицера полиции Типпита. «Мы остановились на 26 свидетелях. Все они ранее выступали перед комиссией и рассказали нам то же, что и комиссии», – предупреждал продюсер программы Лесли Миджли[9] . The New York Times пообещала в понедельник опубликовать весь отчет на своих страницах, а еще через два дня – выпустить его в виде книжки в мягкой обложке, подготовленной совместно с издательством Bantam Books по отпускной цене 2 доллара. Тем жителям Вашингтона, которые не могут так долго ждать, предлагалось приобрести официальный отчет в издании Управления правительственной печати, – книжка должна была поступить в продажу в понедельник утром

в 8.30 (по цене 3 доллара 25 центов в твердом переплете и 2 доллара 50 центов в мягкой обложке). Комиссия объявила, что позднее в этом же году опубликует 26-томное приложение, в котором будет множество данных расследования, в том числе показания очевидцев.

Шрифт заголовка, появившегося в понедельник на первой странице The New York Times , был лишь немного мельче того, что десять месяцев назад сообщил о смерти Кеннеди.

Заголовок гласил:

КОМИССИЯ УОРРЕНА ПРИЗНАЛА ОСВАЛЬДА ВИНОВНЫМ, ЗАЯВИЛА, ЧТО УБИЙЦА И РУБИ ДЕЙСТВОВАЛИ ПООДИНОЧКЕ, ВЫНЕСЛА ПОРИЦАНИЕ СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБЕ10 .

Энтони Льюис из The Times , собиравший информацию, просачивавшуюся из комиссии, написал большую передовую статью для первой полосы на три тысячи слов. Во вступительной части он говорил о выводах комиссии как о свершившемся факте и без ссылок на источники, словно результаты расследования были истиной в последней инстанции и не вызывали ни малейших сомнений:

«ВАШИНГТОН, 27 сентября. Убийство президента Кеннеди совершил один человек, Ли Харви Освальд. Не было ни внешнего, ни внутреннего заговора».

Он похвалил отчет за «скрупулезную детальность, честность и беспристрастность», а также за «истинно литературный стиль». Далее в статье говорилось, что «тем, кто любил Джона Кеннеди или эту страну, при чтении трудно будет сдержать свои чувства». В редакционной статье

The Times назвала отчет «полным и убедительным»: «Основательно подобранные, беспристрастно изученные и убедительно изложенные факты уничтожают саму основу для версий заговора, которые множились, как сорная трава, и в нашей стране, и за рубежом».

Журнал Time также не скупился на похвалы: «Окончательный вариант отчета комиссии поражает детальностью и благоразумной сдержанностью, но в то же время крайне убедителен в своих главных выводах»11 .

Но в главных периодических изданиях страны появилось и несколько реплик, звучащих диссонансом. Джеймс Рестон, авторитетный вашингтонский обозреватель газеты The Times , предположил, что, хотя комиссия Уоррена «трудилась, как преданный слуга истории, чтобы выяснить правду», ее отчет разочаровывает, потому что многие вопросы остались неразрешенными. «Главную загадку – кто убил президента – комиссия разрешила, разворошив при этом клубок новых загадок», в том числе и такую: почему Освальд сделал это, ведь о его мотивах в отчете лишь выдвигаются предположения. Пытаясь разгадать эту тайну, заключил Рестон, «уважаемые члены комиссии и прочие сотрудники попросту сдались»12 .

Отзыв семьи Кеннеди порадовал Уоррена. Всего за несколько недель до публикации отчета Роберт Кеннеди ушел с поста генерального прокурора, чтобы баллотироваться в Сенат от штата Нью-Йорк. В день публикации он передал журналистам письменное заявление, в котором сообщал, что, на его взгляд, комиссия Уоррена сумела установить истину в деле о гибели его брата13. В целом его отзыв был положительным. Однако он отметил, что «не читал отчета и не собирается это делать». Для него это было бы слишком мучительно, говорили его друзья. «Но мне кратко пересказали содержание, и я полностью удовлетворен тем, как комиссия проверила каждый след и каждое свидетельство. Проведенное комиссией расследование было основательным и добросовестным… Как я уже говорил прошлым летом в Польше, я уверен, что Освальд – единственный виновник случившегося и его никто не поддерживал и не помогал ему извне. Он был аутсайдером, который не мог прижиться ни здесь, ни в Советском Союзе».

Уоррен остался доволен и первыми откликами публики, весьма благожелательными. Согласно опросам общественного мнения, в результате расследования миллионы американцев убедились в том, что заговора не было. Исследовательский центр Харриса провел опросы в сентябре 1964 года, перед самой публикацией отчета, и в октябре, сразу после публикации. Выяснилось, что после публикации отчета 87 % респондентов верили, что убийца президента – Освальд, хотя несколькими днями ранее такую уверенность выказывали 76 %. Процент респондентов, считавших, что у Освальда были сообщники, упал с 40 до 31 %.[14] Но это был последний крупный всенародный опрос, в котором большинство респондентов считали, что Освальд действовал в одиночку.

Некоторые члены комиссии радовались первым хвалебным отзывам. В еженедельной газете The National Observer от 5 октября приводились слова ранее не принимавшего активного участия в расследовании конгрессмена Боггса о том, что он собирается написать книгу, так как сохранил множество записей[15]. Фраза «мне принадлежит значительная часть из 300 тысяч слов окончательной версии отчета» вызвала лишь усмешку у штатных сотрудников комиссии, которые знали, как все было на самом деле.

Впрочем, один из членов комиссии почти сразу же попытался отгородиться от отчета. Это был Ричард Рассел. Он дал интервью самой большой газете своего штата, The Atlanta Constitution, статья с интервью была опубликована через два дня после публикации отчета[16]. По его словам, отчет – это «лучшее, что мы могли сделать», однако он не уверен, что комиссия знает всю правду. До сих пор неясно, сказал он, действовал ли Освальд «при подстрекательстве или пособничестве других лиц». И добавил, что гипотезы о смерти Кеннеди «будут в ходу еще сотни лет, а то и больше».

Эдгар Гувер получил свой экземпляр отчета 24 сентября, в один день с президентом Джонсоном, и немедленно передал его заместителю директора Джеймсу Гейлу, начальнику отдела внутренних дел ФБР. Гувер сопроводил отчет запиской для Гейла: «Прошу внимательно изучить, поскольку это касается недостатков в работе ФБР. В восьмой главе нас разносят в клочья»[17].

Для Гувера новости оказались плохими, как он и предвидел. Он понимал, что этот отчет дискредитирует работу Бюро, которое в результате может быть реорганизовано, поскольку упустило возможность предотвратить покушение на президента. Комиссия не обвиняла лично Гувера в недобросовестном исполнении своих обязанностей, хотя из его переписки позднее станет ясно, что он неоднократно врал комиссии – в том числе под присягой. Самой очевидной ложью было его повторявшееся неоднократно утверждение, что агенты ФБР добросовестно вели дело Освальда перед покушением, хотя сам он потихоньку объявил этим агентам выговор.

Прочитав отчет, 30 сентября Гейл попросил Гувера по новой наказать сотрудников ФБР. Отчет, писал Гейл, «неприятно высветил те же самые недостатки, за которые мы уже наказывали наших сотрудников, например, за недостаточное усердие в расследовании после того, как мы установили, что Освальд в Мексике посещал советское посольство». Гейл добавил, что «в настоящее время имеет смысл обсудить дальнейшие меры административного воздействия на тех, кто непосредственно допустил в этом деле халатность, которая теперь дала повод для общественного порицания работы Бюро»18 . Гувер с ним согласился. В ходе новой волны дисциплинарных взысканий 17 агентов и других сотрудников ФБР были понижены в должности или иным образом наказаны, причем многие из них, за исключением троих, уже получали взыскания раньше. Агента Джеймса Хости понизили в должности и быстро перевели в Канзас-Сити. «Для меня очевидно, что мы потерпели неудачу в некоторых наиболее заметных аспектах расследования дела Освальда, – писал Гувер группе своих старших помощников 12 октября. – Это нам урок на будущее, хотя сомневаюсь, что кто-то сейчас это понимает».

Как и во время первой волны выговоров, кое-кто из ближайшего окружения Гувера опасался, что эта новость просочится наружу. «Мне кажется, на этот раз мы совершаем тактическую ошибку, принимая новые административные меры в связи с этим делом, – писал Гуверу в октябре его заместитель Алан Белмонт. – Отчет комиссии Уоррена только что вышел. В нем содержится критика в адрес ФБР. И мы сейчас предпринимаем активные действия, чтобы оспорить выводы комиссии Уоррена в той части, которая касается ФБР. Следовательно, самое главное сейчас – не дать повода для критики в наш адрес, чтобы люди не говорили в результате: “Вот видите, комиссия Уоррена оказалась права…”»19

Гувер был с этим категорически не согласен, он хотел действовать без промедления. «Мы были неправы, – отвечал он Белмонту. – Административные взыскания одобрены мной и остаются в силе. Я не намерен оправдывать действия, в результате которых репутация Бюро как высокопрофессионального следственного органа навеки подорвана»20 . 6 октября в отдельной служебной записке своему помощнику он отмечал, что «ФБР никогда не смыть этого позорного пятна, которого было бы так просто избежать, прояви мы должную бдительность и инициативу»21 .

Но даже признавая, пусть втайне, что критика Бюро по большей части справедлива, Гувер яростно набросился на отчет. В ряде писем, которые он направил в Белый дом и временно исполняющему обязанности министра юстиции Николасу Катценбаху, Гувер жаловался, что «отчет страдает серьезными неточностями в том, что имеет отношение к ФБР»22 . И предлагал подробный перечень ошибочных, на его взгляд, утверждений комиссии относительно деятельности Бюро.

Офис Гувера поручил инспектору ФБР Джеймсу Мэлли, осуществлявшему оперативную связь с комиссией, позвонить Рэнкину от имени Гувера23 . Мэлли велено было передать Рэнкину, что тот «оказал Бюро медвежью услугу, устроил травлю хуже маккартиста». Гувер также приготовился при необходимости дать отпор штатным сотрудникам комиссии Уоррена. Прочитав в конце сентября хвалебную статью в The Washington Post , посвященную Рэнкину и штатным юристам (под заголовком «Поблагодарим штатных сотрудников, внесших вклад в отчет Уоррена»)24 , Гувер велел «проверить» биографии всех 84 человек, числившихся в штате комиссии, в том числе секретарей и мелких служащих, – помощники Гувера расценили это как приказ выискивать компромат. 2 октября в офис Гувера поступило сообщение, что проверка биографических данных завершена и что «в материалах Бюро имеется компрометирующая информация о некоторых лицах», работавших по найму в комиссии – всего таких было 16 человек, – «а также об их родственниках»25 .[26]

Офис комиссии на Капитолийском холме закрылся навсегда в декабре; два этажа, которые занимали сотрудники, вновь перешли в ведение Организации ветеранов зарубежных войн. Альфред Голдберг был одним

из последних штатных сотрудников, покидавших здание. Ему нужно было собрать 26 томов свидетельств, показаний и стенограмм слушаний, обнародованных в ноябре.

Перед отъездом из Вашингтона у Рэнкина случилась еще одна стычка с Гувером – услышав об этом, некоторые из штатных юристов покатывались со смеху. 23 октября, когда все 26 томов приложения готовились к публикации, Гувер направил Рэнкину гневное письмо, в котором выражал тревогу в связи с тем, что, публикуя рабочие документы ФБР в многотомном приложении, комиссия рискует нарушить право на неприкосновенность частной жизни людей, фигурирующих в этих документах. Странно, что Гувер вдруг кинулся защищать право на неприкосновенность частной жизни. Эти документы «содержат много информации сугубо личного характера, которая была доступна нашим агентам в ходе расследования этих дел», – предупреждал Гувер. «Еще раз хочу обратить ваше внимание на данный вопрос и напомнить об ответственности, которую возлагает на себя комиссия в случае, если данные документы будут обнародованы»26 .

Рэнкин ответил лишь 18 ноября. Он сообщил Гуверу, что комиссия постарается «свести к минимуму использование информации сугубо личного характера», но при этом намерена дать публике «по возможности полный отчет о ходе расследования»27 .

В тот же день Рэнкин отправил еще одно послание Гуверу – можно представить, с каким удовольствием он его сочинял! Гувер публично пообещал, что будет продолжать расследование убийства президента сколь угодно долго – Бюро тщательно отрабатывает новые версии следствия. Поэтому второе письмо Рэнкина от 18 ноября представляло собой последнее задание комиссии ФБР – последний «след», который Бюро надлежало проверить.

«Учитывая, что вы по-прежнему продолжаете расследование убийства президента Кеннеди, хотел бы обратить ваше внимание на следующее», – писал Рэнкин. Когда офис комиссии уже готовились закрыть, раздался телефонный звонок. Трубку снял один из штатных сотрудников комиссии. Льюис Клеппель из Нью-Йорка – его личность удалось установить – спешил сообщить, что хочет поделиться «очень важной информацией, касающейся убийства президента», писал Рэнкин.

«Мистер Клеппель заявил, что страдает душевным расстройством, а именно шизофренией, но ему кажется, что правительство ничего не потеряет, если выслушает его показания».

И пускай теперь люди Гувера это расследуют, решил Рэнкин.

В 1964 году у сенатора Рассела оставалась только одна возможность выразить свое несогласие с отчетом комиссии. Даже если на нем значится его имя, из этого вовсе не следует, что на отчете будет его собственноручная подпись.

В память о расследовании Уоррен решил раздать всем членам комиссии – а также каждому штатному сотруднику – по экземпляру заключительного отчета, на котором распишутся все семеро. (Все эти подписи будут воспроизведены на суперобложке.) Он также хотел раздать всем подписанные групповые фотографии всех членов комиссии. Для этой цели было отложено больше сотни экземпляров отчета и столько же фотографий, и членов комиссии попросили зайти в офис в удобное для них время и расписаться на памятных экземплярах.

7 декабря, когда члены комиссии начали подписывать экземпляры отчета и фотографии, секретарша Рэнкина Джулия Айде пожаловалась ему, что замучилась с Расселом[28]. Сенатор никак не желал ставить автограф, неделями ссылаясь на занятость в Сенате: мол, у него нет времени даже на то, чтобы дойти до офиса комиссии, хотя тот находился через дорогу. 7 декабря она позвонила в офис Рассела и услышала от секретаря, что сенатор только что отбыл в Джорджию и вернется лишь после Нового года.

«Наверное, придется посылать экземпляры без его подписи, – писала Айде Рэнкину, намекая, что прекрасно знает, как близка была комиссия к расколу из-за упрямства Рассела. – Но не все ли равно? Мне кажется, от него у нас одни неприятности, так что, может, книга и не заслуживает его закорючки».

Часть четвертая

Последующие события

Вид из посольства США в Мехико. 1963 г.

Почти сразу же после того, как в сентябре 1964 года комиссия Уоррена обнародовала свой отчет, в секретных правительственных документах стала появляться информация о том, что история убийства должна быть переписана. Большая часть этой информации оставалась засекреченной на протяжении десятилетий. Но поскольку вопросов об убийстве президента становилось все больше, версия заговора находила все больше приверженцев, и большинство американцев были убеждены, что Освальд действовал не в одиночку. А работа комиссии подвергалась суровой критике, причем в том числе и со стороны тех, кто участвовал в подготовке отчета.

Глава 55

октябрь 1964 года – 1965 год

Когда вышел отчет Уоррена, в ЦРУ почувствовали облегчение – даже радость. Опасения, что Управлению могут поставить в вину провал предполагаемой активной слежки за Освальдом в Мехико годом раньше и что ЦРУ могло как-то предотвратить покушение на президента, оказались напрасными. Таким исходом, полагали в Управлении, они обязаны главе резидентуры ЦРУ в Мехико Уинстону Скотту, который сыграл немаловажную роль в том, чтобы убедить комиссию: ЦРУ хорошо выполняло свою работу.

В телеграмме, направленной из штаб-квартиры ЦРУ в резидентуру Мехико 25 сентября – на следующий день после того, как доклад комиссии был представлен президенту Джонсону, – содержались поздравления и благодарность Скотту: «Весь персонал штаб-квартиры, занимающийся делом ОСВАЛЬДА, выражает благодарность резидентуре за ее усилия в работе над теми или иными аспектами этого дела»1 . В этой поздравительной телеграмме из Лэнгли не было имени старого друга Скотта Джеймса Энглтона, главы отдела контрразведки ЦРУ, который негласно следил за тем, какая именно информация предоставлялась комиссии. Это было совершенно в обычае Энглтона – он предпочитал оставаться в тени даже внутри самого ЦРУ.

Вот почему после этой хорошей новости, полученной из Вашингтона и от его старых друзей в Лэнгли, служебная записка, оказавшаяся на столе Скотта через две недели, оказалась сюрпризом.

Это был датированный 5 октября отчет одного из информаторов ЦРУ, из сообщений которого, если они подтвердятся, следовало, что Скотт и его коллеги, а с ними и вся комиссия Уоррена, никогда не знали всей правды о поездке Освальда в Мехико2 . Информатором была переводчица с испанского Джун Кобб, американская гражданка, жившая в Мехико, женщина с довольно запутанным прошлым. Она родилась в Оклахоме, в начале 1960-х жила в Гаване и даже работала в правительстве Кастро: в то время она, по-видимому, была сторонницей кубинской революции. Теперь она поселилась в Мехико – снимала комнату в доме Елены Гарро де Пас, мексиканской писательницы, известность к которой пришла в 1963 году после публикации романа Los Recuerdos del Porvenir («Воспоминания о будущем»). Скотт знал талантливую, своевольную

Гарро по дипломатическим приемам и вечеринкам.

Кобб рассказала, что однажды подслушала разговор между Гарро, ее 25-летней дочерью Хеленой и Дебой Герреро, сестрой Елены, – до этого в новостях из Вашингтона сообщили о публикации отчета комиссии Уоррена. Три мексиканские женщины вспомнили в связи с этим любопытную историю о том, как всего за несколько недель до покушения, в сентябре 1963 года, они встретили Освальда и его «похожих на битников» американских приятелей на танцевальном вечере, который устроила семья Сильвии Дюран. Гарро по браку были родственницами Дюран.

Когда Елена Гарро и ее дочь «стали расспрашивать про этих американцев, которые весь вечер держались обособленно и совсем не танцевали, их позвали в соседнюю комнату», докладывала Кобб. Елена продолжала расспросы, и муж Сильвии сказал, что «не знает, кто они такие» – их привела Сильвия. Елена все настаивала, чтобы ее познакомили с американцами, и тогда ей сказали, что для знакомства нет времени. «Дюраны ответили, что ребята рано утром уезжают из города», – сообщала Кобб. Но как выяснилось, они уехали несколько позже: на следующий день Елена с дочерью встретили этих молодых американцев, всех троих, на авениде Инсургентес – главной улице Мехико.

Женщины вспомнили, как они удивились, увидев фотографии Освальда в мексиканских газетах и по телевидению в первые часы после убийства Кеннеди; они тотчас вспомнили «вечеринку твиста». На следующий день они узнали, что Дюран и ее муж Горацио арестованы мексиканской полицией; их арест «укрепил» женщин в уверенности, что на вечеринке был именно Освальд. Согласно донесению Кобб, Елена призналась, что не сказала полицейским ни слова об Освальде – из страха, что их с дочерью тоже могут арестовать. Они сразу же прекратили общение с Дюранами. Гарро было «тошно» даже подумать о том, что Сильвия Дюран и ее семья каким-то образом связаны с убийцей президента, и «они разорвали всякие отношения с Дюранами», писала Кобб.

Скотт, вероятно, надеялся, что публикация отчета комиссии Уоррена

позволит подвести черту под вопросами об Освальде и можно будет вздохнуть спокойно, поскольку эти вопросы представляли собой скрытую угрозу его карьере. Но после взрывоопасного сообщения Джун Кобб стало ясно, что посольству придется с этим разобраться. Дело было поручено атташе ФБР по правовым вопросам Кларку Андерсону. Это был тот самый агент ФБР, который сразу после убийства Кеннеди возглавил местное расследование деятельности Освальда в Мехико. Если кто и должен был много раньше выйти на сестер Гарро, то именно Андерсон.

То, что Гарро рассказали Андерсону, до малейших подробностей совпадало с тем, что подслушала и записала Кобб. Елена Гарро сказала, что, насколько она помнит, эта вечеринка состоялась в понедельник, 30 сентября 1963 года, или в один из последующих дней: во вторник, 1 октября, или в среду, 2 октября; она еще подумала, как странно: устраивать танцевальный вечер в будний день. Всего в доме Рубена Дюрана, деверя Сильвии, собралось человек тридцать[3] . Примерно в 22.30, сказала она, прибыли «три молодых белых американца. Их встретила Сильвия Дюран, и они говорили только с ней. Они держались несколько особняком, в вечеринке не участвовали и, насколько она могла заметить, с кем-либо еще разговоров не вели». Гарро сказала, что «на вид американцам можно было дать от 22 до 24 лет». (Освальду в то время было 23 года.) На Освальде, сказала она, был черный свитер, и рост у него был примерно метр семьдесят пять. (Именно таков был рост Освальда.) Один из его приятелей-американцев был «блондин, ростом примерно метр восемьдесят, светлые прямые волосы, узкое лицо с длинным подбородком, похож на битника».

Андерсон спросил Гарро, не запомнила ли она еще кого-нибудь на этой вечеринке. Ну как же, молодого мексиканца, который заигрывал с ее дочерью, ответила она. ФБР связалось с этим человеком, и тот подтвердил некоторые моменты рассказа Гарро, но утверждал, что не видел никого похожего на Освальда.

Андерсон отправил отчет в Вашингтон 11 декабря и, судя по документам, больше ничего не предпринимал. Никаких попыток связаться с сестрой Елены Гарро, которая также присутствовала на той вечеринке, не зафиксировано. В своем отчете Андерсон не делал никаких выводов, лишь предположил, что сестры Гарро просто ошиблись, приняв за Освальда кого-то другого. Он так подумал исходя из того, что в те два

или три дня, которые Елена Гарро назвала как возможные даты вечеринки, Освальда уже не было в Мехико, и уж тем более они не могли на следующий день видеть его на улице. «Следует заметить, что в ходе расследования было установлено: Ли Харви Освальд уехал из Мехико на автобусе в 8.30 утра 2 октября 1963 года и не мог быть тем американцем, которого видела миссис Пас на вечеринке, если вечеринка состоялась вечером 1 или 2 октября», – писал Андерсон. Он не заострял внимания на очевидном: 30 сентября – это первая дата, названная Гарро, – Освальд еще находился в Мехико, и на следующий день его могли увидеть на улице.

По документам Скотта неясно, сообщил ли он об этих своих расследованиях в штаб-квартиру ЦРУ4 . Составленная позднее сотрудниками ЦРУ хронология действий резидентуры в Мехико после убийства Кеннеди показывает, что никаких материалов об этом в 1964 году в Лэнгли не попало. Если это действительно так, значит, в штаб-квартире ЦРУ ничего не знали о Гарро и о «вечеринке твиста» вплоть до следующего года.

Как всегда, Уэсли Либлер не мог не впутаться в неприятности.

Летом 1965 года он согласился встретиться с аспирантом Корнеллского университета Эдвардом Джеем Эпстайном, который хотел взять у него интервью о комиссии Уоррена. 30-летний Эпстайн писал магистерскую диссертацию о правительстве, взяв комиссию в качестве примера для ответа на вопрос, поставленный одним из его преподавателей: «Как действуют правительственные организации в чрезвычайной ситуации, когда нет правил и нет прецедентов, которыми можно было бы руководствоваться?»5 Либлер пригласил Эпстайна в свой загородный дом в Вермонте, полагая, что в непринужденной обстановке ему будет легче собраться с мыслями.

За те десять месяцев, что прошли после публикации отчета комиссии, в жизни Либлера, которому уже исполнилось 34 года, многое изменилось. Он не вернулся к многообещающей карьере в адвокатской конторе в Манхэттене, а переехал на Запад и стал преподавать юриспруденцию в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Он сохранит хорошие

отношения со своими двумя сыновьями, но добьется развода с их матерью, которая останется с детьми в Нью-Йорке. Его манили южные калифорнийские нравы и красивые молодые женщины в кампусе.

Эпстайн заинтересовал Либлера: его университет принадлежал к «Лиге плюща», а это уже неплохая рекомендация. Он был ученый, а не какой-нибудь репортер, охочий до скандальных сплетен, и Либлер полагал, что исследование Эпстайна поможет сдержать натиск армии сторонников версии заговора, которые пытались поставить под сомнение выводы комиссии. Несколько новых книг, развивающих конспирологические теории убийства Кеннеди, в том числе и книга Марка Лейна, были уже в работе. Либлер знал, что Эпстайн обратился не к нему одному – тот просил об интервью семерых членов комиссии. В итоге Эпстайн проинтервьюировал пятерых: Уоррен отказался давать интервью, а сенатору Расселу пришлось отменить встречу по состоянию здоровья. Кроме того, Эпстайн побеседовал с Ли Рэнкином, Норманом Редликом и Говардом Уилленсом.

Либлер сказал Эпстайну, что согласен с выводами комиссии, однако не очень доволен расследованием. Его характерно лаконичные и эмоциональные замечания Эпстайн цитирует в своей диссертации. Либлер рассказал, что практически всю следственную работу выполнили штатные юристы комиссии. На вопрос Эпстайна, что же делали семь членов комиссии, Либлер ответил: «Если одним словом, то ничего»6 . (Позже он скажет, что не помнит, говорил ли это Эпстайну, но отрицать такую возможность не будет7 .) Позже Эпстайн будет вспоминать, как едко – это, правда, не вошло в текст диссертации – Либлер «высмеивал семерых членов комиссии, рассказывал, что штатные сотрудники называли их между собой “Белоснежка и семь гномов”, из-за того что они слишком доверяли показаниям русской жены Освальда Марины – Белоснежки». На то, кто был каким гномом, Либлер смотрел иначе, чем некоторые его коллеги. Уоррена он называл Простачок, потому что тот отмахивался от любых показаний, подрывавших доверие к Марине. Аллен Даллес был Соней, «потому что часто задремывал, пока свидетель давал показания, а проснувшись, задавал вопросы невпопад». Джон Макклой был Ворчун: «он злился, когда штатные юристы не прислушивались к его версиям о возможном иностранном заговоре» в деле об убийстве Кеннеди.

Либлер объяснил, что штатным юристам отводились весьма сжатые сроки,

ситуация осложнялась еще и из-за некомпетентности ФБР: первоначальное расследование, проводившееся Бюро, он называл не иначе как «шуткой». Рассказал и о неуместном замечании Рэнкина в конце расследования о необходимости скорее завершать работу, даже если некоторые вопросы останутся без ответов: «Нам следует закрывать двери, а не открывать их». Эти слова, процитированные Эпстайном, будут регулярно цитировать сторонники версий заговора как доказательство того, что расследование проводилось наспех и его результат был предопределен[27].

Желая помочь Эпстайну, Либлер пошел дальше: передал ему копии большинства, если не всех, внутренних материалов, оставшихся у него после работы в комиссии, в том числе служебные записки, в которых он выражал свое недовольство тем, что отчет пишется как «юридическое обоснование для обвинения» против Освальда. В своей диссертации признательный Эпстайн не назвал Либлера в качестве источника этих внутренних материалов, только поблагодарил некоего безымянного «штатного сотрудника». Спустя годы Эпстайн будет вспоминать, как обрадовался, когда Либлер согласился передать ему две большие картонные коробки с «отчетами штатных сотрудников, черновиками… и две синие папки с неопубликованными предварительными отчетами ФБР».

Либлер говорил друзьям, что не предвидел того, что случится. Эпстайн, как оказалось, нашел заинтересованного издателя и превратил свою диссертацию в книгу Inquest: The Warren Commission and the Establishment of Truth («Расследование: комиссия Уоррена и установление истины»). Солидное издательство Viking Press собиралось выпустить ее в июне 1966 года, всего через два месяца после того, как он представит диссертацию своим научным руководителям в Корнелле. Это означало, что книга Эпстайна появится на полках книжных магазинов раньше, чем Rush to Judgment («Погоня за правосудием») Лейна, выход которой был назначен на конец лета. Незадолго до публикации «Расследования» в газете The New York Times появилось интервью с Эпстайном. На вопрос, о чем же его книга, он отвечал уклончиво: «Она может оказаться скучной, поживем – увидим»8 . Обозреватели были заинтригованы тем, что предисловие к книге пишет Ричард Ровере, вашингтонский корреспондент журнала The New Yorker . Это предполагало серьезную работу.

Как оказалось, в «Расследовании» имелись жесткие нападки на комиссию Уоррена, автор утверждал: комиссия обошла вниманием свидетельства, указывающие на второго стрелявшего на Дили-Плаза. Самое серьезное обвинение, которое выдвигал Эпстайн, – что отчет о вскрытии тела Кеннеди был изменен ради соответствия версии одной пули и что сама эта версия надуманная. Это утверждение основано на несоответствиях между отчетом о вскрытии и двумя подготовленными в первые недели после убийства служебными записками ФБР, в которых шла речь о том, что стало с первой пулей, ранившей президента, – это была та самая пуля, которая, как считали юристы комиссии, также попала в Коннелли. В служебных записках ФБР утверждалось, что, возможно, эта пуля неглубоко проникла в тело президента сзади и затем вывалилась. Юристы комиссии, особенно Арлен Спектер, в начале расследования сочли эти заявления ФБР досадной ошибкой, отражающей первоначальную неуверенность патологоанатомов в Медицинском центре ВМФ в Бетесде относительно траектории пули. Просто два агента ФБР, присутствовавших на вскрытии, восприняли ошибочные предположения врачей как установленный факт. Однако Эпстайн считал, что расхождение между записками ФБР и отчетом о патологоанатомическом исследовании, возможно, указывает на сокрытие истины. Если отчеты агентов ФБР верны, эта пуля не могла ранить Коннелли.

Эпстайн нашел и другие пробелы в расследовании: он выявил важных свидетелей, так и не допрошенных ФБР и далласской полицией. Но лучшее доказательство – не публиковавшиеся ранее документы комиссии, особенно подробные, резко критические служебные записки Либлера.

Книга стала сенсацией и получила хорошие отзывы, в том числе похвальные рецензии в ведущих газетах и журналах. В своем предисловии Ровере называл Эпстайна «талантливым молодым ученым», показавшим, что расследование комиссии Уоррена «было, мягко говоря, неутомительным», а доказательства того, что Освальд якобы был единственным стрелявшим, «весьма уязвимы»9 . «Расследование» вызвало общественный интерес к многочисленным конспирологическим версиям10 . Элиот Фремонт-Смит в своей критической статье под заголовком Pandora’s Box («Ящик Пандоры»), опубликованной в газете The Times , писал: «…Это первая книга, затронувшая серьезные вопросы, возникшие в умах мыслящих людей в связи с выводами комиссии Уоррена». Когда «Расследование» выпустили в бумажной обложке, рисунок на обложке

изменили на более броский: за фотографией Освальда виднелся силуэт мужчины с винтовкой, а выше красными буквами было написано: «Один из убийц Джона Кеннеди все еще на свободе?»

Бывших коллег Либлера разозлило его явное сотрудничество с Эпстайном: вот, думали они, теперь один из нас примкнул к сторонникам версий заговора. Альберт Дженнер, который еще во время их совместной работы в комиссии невзлюбил Либлера, писал Дэвиду Белину, что «за гнусной словесной завесой Эпстайна, который обильно цитирует герра Либлера», видно, что «Джим все такой же закомплексованный, завистливый, тяжелый человек». И добавлял: «Я бы простил ему это, будь у него хотя бы хороший вкус»11 . Он писал: «Эпстайну и его гарвардским научным руководителям должно быть стыдно, но, похоже, им ничуточки не стыдно». (Эпстайн тем временем собрался писать докторскую диссертацию в Гарварде.) Норман Редлик послал научному руководителю Эпстайна в Корнеллском университете письмо с возражениями против книги, которую он назвал «насквозь лживой», и отметил, что его слова в ней чудовищно переврваны. «Честно говоря, – писал он, – я в ужасе от неточностей, которыми изобилует книга, и от того, что мне приписываются утверждения, которых я не делал»12 . По словам Белина, он уже во время расследования чувствовал: Либлер сделает что-то подобное. «Когда я уезжал из Вашингтона, я был уверен, вспоминая свои разговоры с Джимом Либлером, что он не намерен молчать, – говорил Белин позднее. – Того, что он сделал, следовало ожидать: он попытался выставить себя настоящим героем этого расследования». Уже через несколько месяцев после публикации «Расследования» Либлер попытался – судя по всему, безуспешно – дистанцироваться от книги, настаивая в письмах к друзьям, что он не оспаривает основные выводы комиссии. Он писал, что считает книгу Эпстайна «неглубокой, поверхностной и необдуманной работой».

Однако ущерб был нанесен. В конце июля Ричард Гудвин, бывший спичрайтер Кеннеди, стал первым из числа высших должностных лиц, работавших в администрации Белого дома при покойном президенте, кто потребовал официальной проверки выводов комиссии Уоррена. «Расследование, – сказал Гудвин, – не только поднимает вопросы, но и требует обоснованных ответов»13 .

Уоррен в Верховном суде отказался от каких бы то ни было новых дебатов об убийстве, сказав, что пресс-центр Верховного суда не будет давать

никаких комментариев журналистам по поводу книги. Однако вопросы настигли и председателя Верховного суда – и были заданы прямо в лицо. И он испугался. В конце июня 1966 года, через пятнадцать минут после того как он сошел с трапа самолета в Израиле, куда прибыл, чтобы принять участие в открытии памятника президенту Кеннеди, перед ним возник репортер и начал расспрашивать о книге «Расследование». «Я не счел нужным отвечать, – вспоминал Уоррен. – Мы сделали все, что могли: написали наш отчет – плод десяти месяцев интенсивной работы… И были единодушны»14 .

В августе вышла книга «Погоня за правосудием». Книга Лейна не удостоилась похвал критики, как «Расследование» Эпстайна; она была слишком спорной, и многие журналисты по собственному опыту знали, что нельзя верить всему, что говорит Лейн. Однако «Погоня за правосудием» стала настоящим бестселлером в отличие от «Расследования», поднялась на первое место в списке бестселлеров в жанре документальной прозы, по версии газеты The New York Times , и держалась в этом списке шесть с половиной месяцев[28].

После завершения работы в комиссии Дэвид Слосон вернулся в свою адвокатскую контору в Денвере, но в Колорадо он пробыл недолго и снова отправился в Вашингтон15. Подобно Либлеру, который останется его другом на всю жизнь, Слосон не собирался до конца своих дней просиживать за конторкой в юридической фирме. Он тоже хотел преподавать. Он решил поискать место преподавателя в крупнейших школах права, а пока еще немного послужить обществу. Летом 1965 года он с радостью принял предложение поработать в элитарной юридической службе при Министерстве юстиции – Office of Legal Counsel – в Вашингтоне.

Слосон жалел только, что ему не удалось поработать в министерстве под началом Роберта Кеннеди, который теперь стал сенатором от штата Нью-Йорк; годы, когда Кеннеди руководил министерством, были поистине великим временем. Слосон сожалел и о том, что не может возобновить знакомство со своим давним другом из Денвера Джозефом Доланом, который работал с Кеннеди. «Я просто обожал Джо, – вспоминал Слосон. – Удивительный человек, с чисто ирландским чувством юмора»16 .

В Колорадо Слосон и Долан, оба демократы, активно занимались политикой. Они познакомились в 1960 году, во время президентской кампании Джона Кеннеди: их пригласил участвовать в кампании руководитель избирательного штаба в штате Колорадо Байрон Уайт, наставник Слосона в юридической фирме. После победы Кеннеди Уайт и Долан получили должности в Министерстве юстиции и перебрались в Вашингтон. Уайт сначала был заместителем генерального прокурора при Роберте Кеннеди, затем был избран членом Верховного суда. Долан же пробился в «ирландскую мафию» помощником в офисе генерального прокурора, а затем вместе с Кеннеди перебрался на Капитолийский холм и теперь руководил его сотрудниками в Сенате.

В первые месяцы работы в Министерстве юстиции Слосона, когда он уходил с работы, сворачивая с Пенсильвания-авеню на прилегающие улицы, окружало море незнакомых лиц. Как всегда деловитый, он обычно заканчивал дневные труды к пяти часам пополудни и вливался в толпу госслужащих, спешащих по домам. Так что когда в один прекрасный день он вышел из министерства и увидел знакомое лицо, для него это стало приятным сюрпризом.

На тротуаре стоял Долан. Он быстро пошел навстречу Слосону, протягивая руку для приветствия.

«Джо? Что он здесь делает?» – подумал Слосон.

Он сразу понял, что эта встреча не случайна: не такой человек был Долан, чтобы топтаться на тротуаре среди белого дня, во всяком случае, не теперь. Казалось, Долан стоял там преднамеренно: он ждал, когда Слосон выйдет из здания.

То, что это не простое совпадение, видно было и по лицу Долана. Будь это случайная встреча, он расплылся бы в улыбке. Но когда он шагнул к Слосону, он был «серьезен и озабочен».

– Дэйв, как я рад тебя видеть, – сказал Долан. – Есть у тебя минутка?

– Конечно, – ответил Слосон.

– Сенатор послал меня задать тебе несколько вопросов.

– Конечно, Джо, разумеется, – повторил Слосон, пытаясь сообразить, что Кеннеди хочет от него услышать и почему собирает информацию так по-шпионски – возле многолюдной улицы в час пик. Этот разговор явно нужен был сенатору не для отчета.

Долан сразу перешел к делу:

– Дэйв, речь пойдет об убийстве его брата. О комиссии Уоррена.

Слосон, по его словам, совершенно растерялся.

– Дэйв, это должно остаться между нами, но сенатору все еще не дает покоя мысль о заговоре. Я рассказал ему о твоей работе в комиссии, о том, что ты проверял все эти версии заговора. И он просил задать тебе вопрос: ты уверен, что выводы комиссии Уоррена верны? Ты уверен, что Освальд действовал в одиночку?

Слосон не мог понять, с чего бы это. Кеннеди не раз публично заявлял, что доверяет выводам комиссии. Не узнал ли Кеннеди чего-нибудь такого, что заставило его изменить свое мнение?

– Джо, я думаю, что мы были правы, – сказал Слосон Долану. – Я думаю, Освальд один это сделал.

Они стояли на тротуаре, мимо с шумом проносились машины, и Слосон попытался вкратце рассказать, как комиссия пришла к выводу, что никакого заговора не было.

Долан внимательно слушал и кивал словно бы в знак согласия.

– Спасибо, Дэйв, – сказал он. – Я передам сенатору. Он будет рад это услышать.

Мужчины пожали друг другу руки, и Долан ушел. Казалось, он был удовлетворен.

Чарльз Томас и его жена Синтия полюбили Мехико, куда приехали в апреле 1964 года, после того как Чарльза назначили сотрудником

политического отдела посольства Соединенных Штатов в Мексике17. «Мы чувствовали себя счастливейшими людьми в мире», – говорила Синтия, которой тогда было 27 лет. Они поженились двумя месяцами раньше после бурного романа, начавшегося со случайной встречи на вечеринке, которую устроил их общий нью-йоркский друг, бродвейский художник по костюмам. Синтия работала на Манхэттене в журнале Time и мечтала стать актрисой. После свадьбы состоятельные родители Синтии устроили в честь молодоженов прием при свечах в отеле «Плаза» в Нью-Йорке. Их первый ребенок, дочь Зельда, названная в честь покойной матери Чарльза, родилась в Мехико в 1965 году.

В середине 1960-х годов Мехико считался в среде американских дипломатов чрезвычайно почетным и приятным местом для работы. Город имел сравнительно контролируемое население в четыре миллиона человек; в последующие десятилетия оно увеличится в десятки раз. Супруги Томас нашли изящную, просторную, с высокими потолками гасиенду недалеко от посольства. С помощью хорошей знакомой Гваделупе Ривера, дочери прославленного художника Диего Риверы, наняли одного из лучших поваров в Мехико-Сити. «Наши гости знали, что у нас подают самые изысканные блюда мексиканской кухни в этом городе», – говорила Синтия. Посол Фултон Фримен считал Томаса самым талантливым из своих заместителей и часто захаживал к Томасам на вечеринки. Посол был очарован Синтией. «Мало того что она необычайно привлекательна и прекрасная актриса, она еще и великолепная хозяйка», – говорил он. Именно она «познакомила нас с молодыми мексиканцами – артистами, представителями культурной и интеллектуальной богемы, о которых мы раньше почти ничего не знали».

У супругов были хорошие отношения с сотрудниками посольства, хотя Синтия и чувствовала некоторую настороженность при встречах с Уином Скоттом; в семьях дипломатов все отлично знали, что Скотт – «человек из ЦРУ», работающий под прикрытием сотрудника политического отдела от Госдепартамента. Скотт умел подольститься, он нахваливал Чарльза его жене. «Чарльзу надо бы работать в Париже, он сделает там много хорошего с его прекрасным знанием французского», – говорил он ей на одной вечеринке. Но Синтии очень не понравилось, когда Скотт попросил ее собирать для него информацию по следам ее встреч с выдающимися мексиканцами. Она восприняла это как попытку завербовать ее в ЦРУ. «Мне было очень неприятно», – сказала она.

Местные писатели и художники любили чету Томасов. «Чарльз был необыкновенный человек, – вспоминала Елена Понятовска, мексиканская писательница, которая впоследствии стала едва ли не самым знаменитым мастером журналистского расследования в стране. – Он был интеллектуал. Он мог говорить обо всем»18 . Особенно сблизились Томасы еще с одной одаренной мексиканской писательницей – Еленой Гарро. «Умная, очаровательная, чуткая женщина, – говорила о ней Синтия. – И такая энергичная, жизнерадостная».

На каком-то приеме в декабре 1965 года Гарро отвела Чарльза Томаса в сторонку и поведала ему удивительную историю об Освальде и «вечеринке твиста». Сказала, что годом раньше поделилась этой историей с сотрудниками американского посольства, но с тех пор – никакой реакции. И сообщила Томасу еще кое-что, чего не говорила посольским: шокирующие дополнительные подробности о своей родственнице Сильвии Дюран. По словам Гарро, Дюран и Освальд состояли в любовной связи, и весь Мехико знал об этом. Она была любовницей убийцы.

Томас усомнился в этом. Хотя он считал Гарро умной и хорошо информированной, возможно ли, чтобы человек, убивший Кеннеди, за несколько недель до убийства завел роман с сотрудницей правительства Кастро? К тому же в это время Освальд, судя по всему, находился под пристальным наблюдением ЦРУ. В отчете комиссии Уоррена, опубликованном годом ранее, не было даже намека на подобную связь.

Томас записал сведения, полученные от Гарро, и представил Скотту и другим сотрудникам посольства в служебной записке от 10 декабря 1965 года19 . «Она очень не хотела обсуждать эту тему, но в конце концов рассказала эту историю», – писал Томас.

Томас также пересказал услышанную от Гарро странную историю, которая произошла с ней в первые дни после убийства Кеннеди. По ее словам, узнав об аресте Освальда в день убийства, она тотчас подумала, что здесь замешана Куба, она ведь знала о связях Освальда в кубинском посольстве. Возмущенные, они с дочерью в субботу, на следующий день после убийства, поехали к этому посольству, встали под окнами и стали кричать кубинцам, находившимся в здании: «Убийцы!» В тот же вечер к ним приехал один их знакомый, сотрудник Министерства внутренних дел

Мексики. Этот их знакомый, Мануэль Карвильо, сообщил им новость об аресте Сильвии Дюран – хотя об этом официально не объявляли – и предупредил, что им угрожает опасность от «коммунистов». Карвильо предложил им на некоторое время спрятаться. «У него был приказ поселить их в небольшой скромной гостинице в центре города», – писал Томас.

Гарро отказывалась с ним ехать. «Она сказала Карвильо, что пойдет в американское посольство и расскажет все, что знает о связях Освальда с мексиканскими коммунистами и кубинцами», – докладывал Томас. Но Карвильо припугнул их, сказав, что в посольстве «полно коммунистических шпионов». Испугавшись, что доверять нельзя даже посольству США, Гарро с дочерью согласились скрыться и ничего никому не рассказывать. Их отвезли в неприметную гостиничку на другом конце города, где они оставались в течение восьми дней.

Ознакомившись с докладной Томаса, Уин Скотт затеял в посольстве бумажную возню, чтобы высмеять Елену Гарро и дискредитировать сообщенные ею сведения. Скотт хотел, чтобы в официальных документах было зафиксировано: он обвиняет Гарро в том, что она все это выдумала.

«Какое буйное воображение!» – написал он на докладной Томаса.

Однако оставить эту новость без внимания Скотт не решился: а вдруг получится, что ЦРУ пропустило столь важную информацию о контактах Освальда в Мехико? Он устроил в своем кабинете совещание, на которое пригласил Томаса и Натана Ферриса, нового атташе от ФБР по правовым вопросам. Скотт и Феррис сказали, что «после убийства об Освальде ходило множество слухов и какие-то из них невозможно было проверить, другие оказались выдумкой», писал впоследствии Томас. «Однако они попросили меня еще раз побеседовать с миссис Гарро, чтобы она еще раз, и более подробно, изложила эту историю».

На рождественском приеме Томас воспользовался случаем и снова поговорил с Гарро, после чего составил для своих коллег из посольства подробную докладную – ее отпечатали в тот же день, и она заняла целых пять машинописных страниц. В этой беседе Гарро говорила о том,

как была разочарована год назад, когда рассказала в посольстве об Освальде. «Чиновники в посольстве не очень поверили ей», видимо, поэтому она «не стала вдаваться в подробности», писал Томас.

Гарро пыталась вспомнить, в какой гостинице их прятали[20]. Название он забыла, зато смогла показать, где она находится: отвезла Томаса на машине в район Мехико Бенито-Хуарес, и там они ее нашли – отель «Вермонт». (В 1966 году ФБР подтвердило Скотту правдивость этой части ее истории: Гарро действительно зарегистрировалась в этой гостинице, где проживала с 23 по 30 ноября 1963 года.) Гарро также объяснила, почему ее сестра Деба не горела желанием подтвердить, что видела Освальда на той вечеринке: по словам Елены, после убийства к Дебе пришли двое «коммунистов» и угрожали расправой, если она проболтается о том, что видела Освальда.

Рождественский отчет Томаса лег на столы Скотта и Ферриса – и оба сочли его неинтересным. Феррис 27 декабря направил послу Фримену служебную записку, извещая, что не намерен возобновлять расследование. «Ввиду того что заявления миссис Гарро де Пас уже проверялись и оказались необоснованными, по ее повторным недавним заявлениям не будет предприниматься каких-либо действий»[21]. Скотт отправил в Лэнгли телеграмму с докладом о решении ФБР не заниматься показаниями Гарро. Один из его заместителей, Алан Уайт, сопроводил текст телеграммы Скотта своими замечаниями. Он спрашивал, все ли сделали в посольстве для проверки заявления Елены Гарро. «Не знаю, что сделало ФБР в ноябре 1964 года, но очень уж давно она рассказывает об этом, а о ней говорят как о чрезвычайно умной женщине», – писал Уайт[22].

«Она сумасшедшая», – заканчивая обсуждение, подытожил Уин Скотт.

Глава 56

1966 год – май 1967 года

Осенью 1966 года Линдона Джонсона беспокоили все усиливающиеся

нападки на комиссию Уоррена, омрачавшие нынешний период его правления, более того: все это могло повредить его президентской кампании на выборах 1968 года. За версиями заговора с целью убийства Кеннеди ему виделись политические противники, особенно если эти версии указывали на него как на подозреваемого. Своим помощникам он говорил, что убежден: версии заговора всячески поддерживает Роберт Кеннеди со своими приближенными политологами. В октябре 1966 года Джонсона возмутили результаты опроса общественного мнения, проведенного после выхода книг Эпстайна и Лейна: два процента респондентов считали, что он в какой-то степени ответствен за смерть Кеннеди1 . И хотя два процента – совсем немного, Джонсон страшно удивился, что кто-то может его подозревать в таких страшных вещах. Этот опрос проводился компанией Луиса Харриса. «Просто Лу Харрис в руках у Бобби», – сказал Джонсон одному своему знакомому2 .

Джонсон хотел, чтобы Уоррен открыто встал на защиту комиссии. Он отправил сотрудника администрации Белого дома Джейка Джейкобсена в Верховный суд – уговорить Уоррена выступить с публичными разъяснениями, если нападки на комиссию станут более серьезными.

Президент обратился за помощью к новому коллеге Уоррена, члену Верховного суда Эйбрахаму (Эйбу) Фортасу, которого годом раньше Джонсон выдвинул кандидатом в Верховный суд. Фортас, бывший преподаватель Йельской школы права и основатель влиятельной вашингтонской юридической фирмы, долгие годы был другом и советником Джонсона. К большому неудовольствию некоторых своих коллег в Верховном суде, Фортас продолжал консультировать Джонсона по вопросам политики и даже помогал тому в 1966 году писать доклад о положении в стране.

Фортас видел, что нападки на комиссию Уоррена создают серьезную проблему. В октябре 1966 года он по телефону доложил Джонсону, что ходил к председателю Верховного суда и убеждал его написать книгу в защиту комиссии. «Я сказал, что кто-нибудь должен написать книгу, и как можно скорее, – сообщил Фортас. – Он считает, что лучшая кандидатура для этого – Ли Рэнкин». И добавил, что Уоррен «кипит от негодования» из-за критики комиссии.

Джонсон сказал Фортасу, что его тревожит и еще одно обстоятельство:

скоро должна выйти в свет книга об убийстве Кеннеди, которую публика ждет с нетерпением, – The Death of a President («Смерть президента») Уильяма Манчестера. Автор писал ее по заказу семьи Кеннеди и собирался выпустить в 1967 году. Получив разрешение прочесть ее в рукописи, журнал Look предложил за право публикации фрагментов рекордные 665 тысяч долларов3 , из чего Джонсон заключил, что в ней наверняка содержатся сенсационные разоблачения. Его помощники слышали – и это подтвердилось, – что Джонсон изображен там довольно неприглядно, особенно это касается его манеры общения с Жаклин и Робертом Кеннеди в день убийства.

Книга вышла следующей весной, но до того Жаклин и Роберт Кеннеди в Нью-Йорке возбудили иск, намереваясь помешать ее выходу. Они заявили, что Манчестер должен был представить им рукопись на одобрение, чего он не сделал. Хотя миссис Кеннеди, изображенная чуть ли не ангелом, так и не объяснила, что ее так обидело, оказалось, в книге слишком много болезненных, кровавых подробностей убийства ее мужа, а также слишком много личных сведений о ней (например, там было написано, что она курит, а Жаклин Кеннеди, будучи первой леди, это скрывала).

Джонсон напрасно опасался – книга Манчестера не нанесла большого ущерба его репутации4 . А судебная тяжба, которая закончилась соглашением между Манчестером и семьей Кеннеди об удалении примерно семи страниц из 654-страничной рукописи, дала президенту определенные политические преимущества, поскольку судебное разбирательство по поводу книги было воспринято как грубая попытка семейства Кеннеди подвергнуть цензуре саму историю. Опрос общественного мнения показал, что в результате популярность и Жаклин, и Роберта Кеннеди пострадала. Джонсон в разговоре с другом выразил свою удовлетворенность итогами опроса не слишком удачно: «Ну и ну! Это доконает обоих, и Бобби, и Джеки. Это убийственно».

Председатель Верховного суда тоже остался доволен «Смертью президента», поскольку Манчестер поддерживал вывод комиссии о том, что Освальд был стрелком-одиночкой. Как и после выхода других книг об убийстве президента, Уоррен не пожелал сделать публичного заявления. «Я не буду отвечать авторам этих книг… – сказал Уоррен Пирсону. – И не собираюсь. Отчет или выстоит, или нет, но это не от меня зависит,

а от его содержания»5 .

В январе 1967 года Дрю Пирсон попросил о личной встрече с председателем Верховного суда6. Срочно. Уоррен охотно согласился повидаться со старым другом. Пирсон понимал, что у него в руках, возможно, величайшая сенсация в его карьере. К несчастью для Уоррена, эта сенсация угрожала перечеркнуть его свершения и подорвать доверие к выводам комиссии.

Речь шла об убийстве Кеннеди и о том, что за этим убийством мог стоять Фидель Кастро. Уоррен слушал, Пирсон рассказывал. Из надежного источника он узнал, что в 1961–1962 годах правительство Кеннеди велело ЦРУ убить Кастро, что этот приказ был отдан ЦРУ непосредственно Робертом Кеннеди и – самое поразительное – что ЦРУ наняло для этой цели мафию. Источник Пирсона считал, что Кастро узнал о заговоре против него, собрал потенциальных убийц на Кубе, обезвредил их и в отместку отправил свою команду убийц уничтожить Кеннеди.

Если хоть что-то из этого было правдой, значит, ЦРУ и Кеннеди утаивали от комиссии Уоррена, что у Кастро были причины желать смерти президенту Кеннеди: кубинский диктатор знал, что Кеннеди пытается его убить. И значит, член комиссии Аллен Даллес, который руководил ЦРУ, когда готовились эти операции, тоже, вероятно, участвовал в укрывательстве. Пирсон открыл Уоррену свой источник: это был влиятельный вашингтонский адвокат Эдвард Морган, в то время представлявший интересы главы профсоюза водителей грузовиков Джимми Хоффы. Морган узнал об операциях по устранению Кастро – и о том, что, вероятно, Кеннеди убили из мести – от другого своего клиента, Роберта Мау, бывшего агента ФБР, ставшего частным детективом и нанятого ЦРУ для организации убийства Кастро[29].

Морган признался, что сначала не решался рассказать об этом Пирсону и через него председателю Верховного суда7 . «Я долго боролся с собой», – вспоминал он. Будучи судебным адвокатом, он привык не принимать близко к сердцу страшные тайны, которые ему порой приходилось выслушивать от подзащитных в ходе уголовных дел. «Если бы я всякий раз из-за этого ночами не спал, то долго бы не протянул.

Но это ужасно меня беспокоило». В итоге он решил действовать, ибо хотел защитить Уоррена, который был его кумиром. «И в конце концов я спросил себя: как хотя бы передать председателю Верховного суда эту информацию?»

Морган вспоминал, как приехал к Пирсону в его роскошный таунхаус в нескольких кварталах от Белого дома. ««Дрю, – сказал я, – я хочу рассказать тебе такое, о чем никто не должен знать». … Мы прошли в самую дальнюю комнату, и я рассказал все, что знал» о покушениях, организованных ЦРУ. Журналист, по его словам, «не верил своим ушам. Такого он не ожидал». Морган не хотел, чтобы Пирсон писал об этих покушениях в своей колонке, по крайней мере сразу, но хотел, чтобы тот предостерег «беднягу» Уоррена насчет того, что возможны обидные для него разоблачения недоработок комиссии, ибо смерть Кеннеди явилась результатом заговора. «Я буду спать спокойно, если председатель Верховного суда… будет в курсе, – сказал Морган Пирсону. – Ведь это может подорвать доверие к отчету комиссии и даже повредить его репутации». Уоррена подставили.

Пирсон сделал, как он просил. Встретившись в четверг, 19 января, с председателем Верховного суда, он изложил запутанную историю о заговорах ЦРУ против Кастро и сказал, что убийство Кеннеди могло быть актом мести. Уоррен, по его словам, отнесся к его рассказу «весьма скептически»8 и сказал, что для Кастро не имело смысла отдавать приказ об убийстве Кеннеди, к тому же в Далласе был только один убийца, причем такой ненадежный, как Освальд. «Одному человеку это не доверили бы», – сказал председатель Верховного суда.

Уоррен отказался встретиться с Морганом, но был готов передать эту информацию правоохранительным органам и спросил Пирсона, какое ведомство лучше предупредить. По словам Пирсона, Морган, у которого были сложные отношения с Эдгаром Гувером, посоветовал передать информацию вместо ФБР в Секретную службу. Председатель Верховного суда связался с главой Секретной службы Джеймсом Роули и попросил о личной встрече в Верховном суде. Эта встреча состоялась во вторник, 31 января, в 11.15 утра, как явствует из записей Роули9 . Это была их первая официальная встреча после неприятного выступления Роули перед комиссией в 1964 году. Спустя много лет Роули вспоминал, что эта встреча с Уорреном в суде в январе 1967 года длилась около получаса

и председатель Верховного суда предложил серьезно отнестись к информации насчет Кастро, даже если она и кажется несколько надуманной. «Он сказал, что это достаточно серьезно, но он хочет снять с себя ответственность».

Пирсон поделился новостью о том, что ЦРУ готовило покушение, с другим своим старым другом, президентом Джонсоном. Согласно записям в дневнике Пирсона, 16 января, за три дня до встречи с Уорреном, Пирсон посетил президента в Белом доме и рассказал о заговорах ЦРУ против Кастро и о том, как это может быть связано с убийством Кеннеди. «Линдон слушал внимательно и ничего не говорил, – записал Пирсон в своем дневнике. – Сказать ему было нечего»10. Секретная запись его телефонных звонков из Овального кабинета позволяет предположить, что ко времени этой встречи с Пирсоном, на четвертый год своего президентства, Джонсон по-прежнему ничего не знал о том, что ЦРУ годами вынашивало планы убийства Кастро.

В понедельник, 20 февраля, Джонсон предупредил временно исполняющего обязанности министра юстиции Рэмзи Кларка о «слухах»11 . Их телефонный разговор начался с обсуждения внушающей тревогу статьи, опубликованной тремя днями ранее в одной новоорлеанской газете. Там говорилось, что окружной прокурор Нового Орлеана Джим Гаррисон начал местное расследование убийства Кеннеди; в Вашингтоне о причинах этого решения могли только гадать. Кларк предположил, что расследование связано с тем, что произошло, когда Освальд в 1963 году недолгое время жил в Новом Орлеане. О чудачествах этого прокурора из Луизианы было хорошо известно, поэтому не исключено, что Гаррисон «попросту спятил», предположил Кларк.

Затем Джонсон заговорил о том, что он слышал о покушениях на Кастро.

– Вы знаете эту историю о том, как ЦРУ хотело… как ЦРУ посылало людей разобраться с Кастро?

– Нет, – ответил Кларк.

Джонсон вкратце пересказал то, что слышал от Пирсона, добавив, что сам он не думает, что ЦРУ пыталось убить Кастро.

– Это невозможно, – сказал он, – я не верю в это и не думаю, что мы должны относиться к этому серьезно. Но мне кажется, вам следует об этом знать.

Через несколько дней имя Гаррисона попало в газетные заголовки во всем мире: он объявил, что раскрыл заговор, следствием которого стало убийство Кеннеди. 1 марта 1967 года Гаррисон предъявил почтенному местному предпринимателю и филантропу Клею Шоу официальное обвинение в организации этого заговора12.

В Вашингтоне эти новоорлеанские заголовки взволновали журналиста Джека Андерсона, младшего соведущего колонки Пирсона Washington Merry-Go-Round («Вашингтонская карусель»). 44-летний Андерсон еще больше, чем Пирсон, любил сенсации. Он испугался, что Гаррисон опередит их с Пирсоном со своими цэрэушно-мафиозными заговорами[30]. Андерсон не мог обсудить эту тему с Пирсоном, по крайней мере сразу, потому что Пирсон находился в то время за тысячи километров – путешествовал по Южной Америке вместе со своим другом Уорреном: председатель Верховного суда посещал с официальным визитом ряд латиноамериканских стран. Они как раз прибыли в столицу Перу – Лиму, когда до них дошла весть о том, что написал Андерсон в «Карусели» от 3 марта. Вот он, всегдашний задыхающийся стиль колонки:

ВАШИНГТОН. Президент Джонсон сидит на политической водородной бомбе – это неподтвержденные сведения о том, что сенатор от штата Нью-Йорк Роберт Кеннеди, вероятно, готовил покушение на убийство, которое рикошетом ударило по его покойному брату.

Высокопоставленные официальные лица, опрошенные авторами колонки, признали, что план убийства кубинского диктатора Фиделя Кастро «рассматривался» высшим руководством ЦРУ в тот период, когда Бобби курировал Управление. Однако они отрицают, что этот план был одобрен и осуществлен.

По одной версии, для выполнения этого плана были набраны фигуры из мира организованной преступности. По другой версии, в Гаване

поймали трех наемных убийц, и один из них, вероятно, пока еще жив и томится за решеткой. Эта информация расследовалась ФБР, но не подтвердилась.

Однако слухи о том, что Кастро узнал об американском заговоре против него и решил отомстить президенту Кеннеди, не утихают.

Они-то, вероятно, и подвигли неуемного окружного прокурора Нового Орлеана Джима Гаррисона начать собственное расследование убийства Кеннеди13 .

Пирсона не порадовала эта колонка Андерсона. «Во-первых, статья плохая, во-вторых, не вызывает доверия, – писал Пирсон в своем дневнике 20 марта, уже вернувшись домой. – Наконец, она бросает тень на Бобби Кеннеди, но не говорит ничего конкретного»14 . Однако эта статья подтолкнула развитие событий, которые показали Пирсону – а с ним Уоррену и Джонсону, – что многие важные моменты этой истории являются правдой. ЦРУ годами планировало убить Кастро, не гнушаясь помощью мафии. Роберт Кеннеди явно был в курсе этих коварных планов, и, возможно, ответственность за некоторые из них лежит на нем. А комиссию Уоррена, по-видимому, оставили в полном неведении об этом.

Однако о заговорах против Кастро знал еще один человек – Эдгар Гувер. 6 марта, через три дня после публикации колонки, ФБР направило в Белый дом секретный доклад с броским названием: «О намерениях Центрального разведывательного управления послать на Кубу гангстеров для убийства Кастро»15 . В этом докладе перечислялось все, что было известно ФБР – и давно – о заговорах ЦРУ. Особо отмечалось, что Гувер лично в 1961 году предупреждал Роберта Кеннеди о привлечении к этому мафии.

В апреле президент Джонсон позвонил Пирсону и поздравил его с журналистским успехом. «Мы считаем, что заговор ЦРУ и мафии имел место, – сказал Джонсон. – Действительно, были попытки устранить Кастро с помощью “Коза ностры”, и след ведет к вашим друзьям из Министерства юстиции»16 .

Пирсон понял, на кого намекает Джонсон. «Вы имеете в виду одного друга из Министерства юстиции», – уточнил Пирсон. Президент имел в виду

Роберта Кеннеди. Впоследствии будут приводить слова Джонсона о том, что он был в ужасе от открытия: оказывается, при администрации Кеннеди «мы действовали на Карибах как какая-то корпорация убийц»17 .

Поначалу последствия этого сенсационного открытия Пирсона были не так велики, потому что другие вашингтонские журналисты не могли проверить столь строго засекреченную информацию, а статьи Пирсона часто грешили недостоверностью, так что другие СМИ решили просто не обращать на него внимания. Если Уоррен и рассердился, что от него и от комиссии, носящей его имя, скрыли информацию о заговорах против Кастро, то публично он об этом не обмолвился ни словом. В его личной корреспонденции и канцелярских книгах из Верховного суда нет даже намека на то, что он пытался расспросить Даллеса о том, что знал бывший начальник шпионской службы об этих заговорах и почему утаивал это от своих коллег в комиссии. Даллес умер в 1969 году.

Бывшие штатные сотрудники комиссии, однако, не разделяли показной невозмутимости Уоррена и начали публично заявлять, что их обманули и лишили ценной информации, которая указывала на наличие заговора с целью убийства Кеннеди. Ли Рэнкин, обычно несклонный раздражаться, годы спустя сказал следователям Конгресса, что он был в ярости, когда узнал, что тайну от него скрывали – и ЦРУ, которое готовило заговоры против Кастро, и ФБР, которое о них знало. Он сожалел, что, работая в комиссии, был «таким наивным» и считал: «если президент США велел всем сотрудничать с нами, то все и расценят это как приказ»18 . Комиссия, говорил он, «ошиблась, думая, что ФБР не станет ничего скрывать. И еще раз ошиблась, думая, что ЦРУ не станет утаивать информацию».

Джон Уиттен, старейший сотрудник ЦРУ, который первоначально отвечал за связи с комиссией Уоррена, сказал, что ужасно возмутился, узнав о готовившихся покушениях на Кастро, поскольку в 1964 году, когда он обязан был предоставить комиссии все без исключения разведданные ЦРУ, имеющие отношение к убийству Кеннеди, ему тоже ничего не сказали о заговорах. «Знай я об этом, я вел бы расследование совершенно иначе, – говорил Уиттен несколько лет спустя. – Действительно, кубинцы могли совершить это убийство в ответ на наши операции по устранению Кастро»19 .

Уиттен сердился, в частности, на Ричарда Хелмса, которого в 1966 году

президент Джонсон повысил в должности до директора ЦРУ. В конце концов расследование, проведенное Конгрессом, установит, что Хелмс лично утверждал операции по уничтожению Кастро, в том числе и с привлечением мафиозных структур. Потом Уиттен скажет, что Хелмс утаил от него – и тем самым от комиссии Уоррена – эту информацию, «потому что понимал: это выставляет в очень невыгодном свете и ЦРУ, и его самого». Подобное «недопустимо с точки зрения морали, добавит он, и это нельзя оправдать даже радением за честь мундира».

Хелмс придерживался совершенно другой точки зрения, выступая в 1970-е годы перед Конгрессом: подтвердив существование тайных планов против Кастро, он объяснил, почему не рассказал о них комиссии Уоррена. Как профессиональный разведчик, Хелмс, кроме всего прочего, обязан был хранить тайны. Сам для себя он решил, что заговоры ЦРУ против Кастро не имеют отношения к убийству Кеннеди, а следовательно, не видел причин рассказывать о них комиссии или своему заместителю Уиттену. «Мне такое даже в голову не приходило, – объяснял он. – Мы никогда не рассказывали за стенами Управления ни о каких секретных операциях»20 . А кроме того, скажет впоследствии Хелмс, зачем ему было рассказывать комиссии о покушениях на Кастро, если он был уверен: один из членов комиссии – Даллес – знал о них все, и Роберт Кеннеди тоже о них знал. «Многим высокопоставленным лицам в правительстве было известно об этих операциях, – сердито говорил Хелмс. – Почему именно я должен был рассказывать о правительственной операции по избавлению от Кастро?»

Хью Эйнсворт, бывший репортер из The Dallas Morning News, «задвинулся на покушении», как говорили его далласские коллеги. Год за годом он вновь и вновь возвращался к истории убийства Кеннеди. К январю 1967 года он уехал из Далласа, устроился собственным корреспондентом в журнал Newsweek в Хьюстоне и готовился выполнять журналистские задания21. Но не успел он обосноваться на новом месте, как зазвонил телефон: срочный вызов из Орлеана. Это был окружной прокурор Джим Гаррисон. Он приглашал Эйнсворта в Новый Орлеан – побеседовать об имеющейся у него новой информации в связи с покушением на Кеннеди.

– Я читаю ваши статьи, и мне кажется, что вы обладаете информацией, которая может мне помочь, – сказал Гаррисон. – Я хочу с вами кое-чем поделиться. Приезжайте ко мне22 .

Заинтригованный, Эйнсворт поехал в Новый Орлеан к Гаррисону, и, как он писал, это был «едва ли не самый странный день» в его жизни. Гаррисон, мужчина с громоподобным голосом и ростом за метр девяносто, казался убедительным и мог произвести впечатление здравомыслящего человека, правда, это впечатление быстро развеивалось. Эйнсворт довольно скоро решил, что Гаррисон помешался. Разговор был «безумный; внушал беспокойство тот факт, что официально избранный чиновник высшего звена может верить в такую чушь»[31].

Прошли годы, но Гаррисон так и не смог определиться, кто же именно должен ответить за убийство Кеннеди. Список подозреваемых в разное время включал: гомосексуалистов, садомазохистов, маньяков, наркодилеров, антикастровских и прокастровских кубинских эмигрантов, Министерство обороны, Министерство юстиции, техасских нефтепромышленников, поддерживавших политическую карьеру президента Джонсона, и самого действующего президента. А председателя Верховного суда Уоррена и других членов комиссии по расследованию убийства Гаррисон обвинял в укрывательстве. ЦРУ в ряде версий Гаррисона фигурировало как сообщник. Сообщниками были и «голубые»: он утверждал, что по меньшей мере шесть участников заговора – геи23 . Освальд, по его словам, ««двустволка», не мог удовлетворить свою жену… все это есть в отчете Уоррена». Убийство, заявлял он, совершила «группа партизан-снайперов», состоящая как минимум из семи стрелков, расставленных по всей Дили-Плаза.

В первую встречу Гаррисон предложил познакомить Эйнсворта с главным свидетелем обвинения.

– Вам повезло, вовремя вы приехали, – сказал он. – Мы как раз проверили этого типа, и поверьте, это настоящая бомба24 .

Помощник окружного прокурора привез свидетеля в дом Гаррисона – это был «невысокий худенький парень из Хьюстона, пианист, который долго рассказывал, как он узнал, что Руби и Освальд были любовниками». Он вспоминал, как Освальда и человека, который потом убьет его,

вышвырнули из какого-то хьюстонского клуба, потому что они «весь вечер друг друга щупали».

Эйнсворт не стал говорить Гаррисону, что он уже видел этого пианиста – в Далласе в первые дни после убийства Кеннеди. «Он появился дня через три после убийства и рассказывал полиции Далласа ту же самую историю». Уже тогда Эйнсворту было понятно, что пианист – из тех алчущих внимания безумцев, которые мечтают сыграть хоть какую-то роль в истории убийства Кеннеди: «Я видел, как он плача вывалился из двери полицейского управления в Далласе».

В числе других свидетелей обвинения Гаррисона был мужчина, облаченный в красную тогу и сандалии и называвший себя Юлием Цезарем, – бывший пациент психбольницы25 . Цезарь утверждал, что видел Освальда и Руби в обществе человека, на котором сосредоточилось расследование Гаррисона, – Клея Шоу, который попал в поле зрения окружного прокурора в основном потому, что был гей. Мишенью Гаррисона стал и еще один гей из Луизианы – Дэвид Ферри, бывший пилот компании Eastern Airlines , который мог знать (а мог и не знать) Освальда в 1950-е годы. Преследуемый окружным прокурором, 22 февраля 1967 года Ферри будет найден мертвым в своей новоорлеанской квартире; коронер не смог установить, было ли причиной смерти убийство или самоубийство, хотя Ферри оставил посмертные записки, по которым можно было заключить, что он чувствовал себя таким загнанным и измученным, что хотел покончить с собой26 .

В номере Newsweek от 15 мая 1967 года за подписью Эйнсворта вышла статья – первое сокрушительное разоблачение не вполне законной тактики окружного прокурора Нового Орлеана. В статье приводились доказательства того, что Гаррисон предлагал свидетелю крупную взятку за лжесвидетельство, которое связало бы Ферри и Шоу. Эта статья под заголовком The JFK Conspiracy («Заговор против Дж. Ф. К.») начиналась так:

«Джим Гаррисон прав: в Новом Орлеане был заговор – но этот заговор создал сам Гаррисон. Это план состряпать фантастическое разрешение загадки смерти Джона Кеннеди и одним залпом выпустить целую серию

снарядов. Окружной прокурор и его сотрудники косвенно поучаствовали в шумихе вокруг смерти одного человека, а также унизили, оскорбили и финансово выпотрошили нескольких других».

После публикации статьи разъяренный Гаррисон позвонил Эйнсворту, обвинил журналиста в попытке помешать «поискам истины» и добавил, что если тот осмелится приехать в Новый Орлеан, то рискует попасть под арест. «Надеюсь, у Newsweek хорошие адвокаты, а если вернетесь сюда, вас ждет сюрприз»27 .

1 марта 1969 года, через два года после ареста Клея Шоу по обвинению в заговоре против Кеннеди, суду присяжных Нового Орлеана понадобилось меньше часа, чтобы вынести оправдательный приговор28 .

Глава 57

июнь 1967 года – 1971 год

В июне 1967 года Уин Скотт отчаянно хотел преуменьшить значение доклада нового информатора о Сильвии Дюран. Уже второй источник выступал с утверждением, что во время своего визита в Мехико Освальд имел с Дюран сексуальную связь.

Почти три года прошло с тех пор, как ЦРУ впервые услышало об этом от «сумасшедшей» Елены Гарро. На сей раз Скотту было труднее оспорить надежность источника, поскольку информация исходила от собственного надежного информатора ЦРУ, обозначаемого в документах кодовым названием LIRING *3 (коды всех информаторов Управления в Мехико начинались с LI)1 . В июне 1967 года LIRING* 3 докладывал, что услышал о коротком романе Освальда с Дюран из максимально надежного источника – от самой Дюран[32].

Этот информатор, мексиканский художник, в чей круг общения входили кубинские дипломаты и который в прошлом дружил с Дюран, рассказал

своему куратору из ЦРУ, что недавно беседовал с Дюран по телефону и потом ходил к ней в гости. В ходе этих разговоров она рассказала о своем романе с Освальдом в 1963 году, добавив, что призналась в этом мексиканской полиции на жестоких допросах в первые дни после убийства Кеннеди.

В отчете, подготовленном куратором LIRING /3, говорилось следующее:

«Сильвия Дюран сообщила, что познакомилась с Освальдом, когда тот подал документы на визу, и несколько раз с ним встречалась, поскольку он с самого начала ей понравился. Она призналась, что имела с Освальдом сексуальные отношения…Когда пришла новость об убийстве, ее арестовала мексиканская полиция, ее допрашивали и били, пока она не призналась, что у нее был роман с Освальдом. Дюран добавила, что с тех пор прекратила всякие контакты с кубинцами, потому что муж Горацио, потрясенный этим делом, впал в ярость и запретил ей видеться с ними».

Она настаивала, что «даже не догадывалась» о планах Освальда убить Кеннеди.

Этот отчет появился в непростой для ЦРУ момент. Расследование Гаррисона в Новом Орлеане вызвало бурю в средствах массовой информации, а Гаррисон утверждал, что в убийстве Кеннеди замешано ЦРУ. Через день после отчета информатора LIRING /3 Скотт получил от коллеги из Лэнгли письмо, содержащее приказ резидентуре в Мехико помалкивать об убийстве:

«Расследование Гаррисона вызвало лавину эффектных заявлений и обвинений, в том числе в адрес ЦРУ. Хотя “дело” Гаррисона шито белыми нитками и очевидно составлено из бездоказательных слухов, повторяемых очень странными людьми с весьма сомнительной репутацией, наши усилия должны быть направлены на то, чтобы свести на нет эти обвинения и держать ситуацию под контролем. Разумеется, вы понимаете,

что для всех нас крайне важно в общении с посторонними лицами избегать каких бы то ни было заявлений, выражения мнений и указаний на факты, поскольку есть опасность, что эту информацию может подхватить кто угодно, как без злого умысла, так и наоборот»2 .

Скотт думал, что делать. Каковы будут последствия, если спустя такое длительное время вскроется тот факт, что Освальд, за которым в Мехико якобы следило ЦРУ, на самом деле ускользнул от наблюдения и угодил прямо в распростертые объятия дамы, работавшей в посольстве Кубы и получавшей зарплату от правительства Кастро? Что сделает Гаррисон, если узнает, что ЦРУ было уведомлено об этом романе, но несколько лет не проверяло имевшихся сведений? Как отреагируют критики на то, что ЦРУ даже не попыталось установить личности двух молодых американцев – «битников», которые приехали с Освальдом в Мехико?

По правилам ЦРУ, Скотт и его коллеги должны были отчитываться обо всех более или менее значимых встречах с платными информаторами. Значит, надо отправить в Лэнгли отчет о последней беседе с LIRING /3. Перед Скоттом встал вопрос, писать ли – и в какой форме – о том, что Дюран призналась в любовной связи с Освальдом. Он нашел решение: поместил признание Дюран в середину отчета, вырвав его из контекста, что снижало его важность. Оно встало в шестой абзац отчета, состоявшего из восьми абзацев:

«Тот факт, что Сильвия ДЮРАН несколько раз имела сексуальные сношения с Ли Харви ОСВАЛЬДОМ, когда последний приезжал в Мехико, если и является новостью, то мало что добавляет к делу ОСВАЛЬДА. Мексиканская полиция не сообщила в резидентуру о степени близости ДЮРАН и ОСВАЛЬДА»3 .

Вот и все. Аналитики ЦРУ в штаб-квартире Управления, не читавшие других материалов по этой теме, могли счесть роман между Освальдом и Дюран новостью не новой и не важной. Похоже, именно этого Скотт и добивался.

Той весной до Скотта дошла и более тревожная новость. В мае 1967 года один американский дипломат, работавший в консульстве США в мексиканском портовом городе Тампико, сообщил, что познакомился с местным журналистом Оскаром Контрерасом, который утверждал, что в сентябре 1963 года несколько часов общался с Освальдом в Мехико (тогда Контрерас изучал право в Национальном автономном университете в Мехико)4. Контрерас рассказал, что к нему и его друзьям, которые придерживались левых взглядов и, как знали все в кампусе, симпатизировали Кастро, подошел Освальд и попросил о помощи. Он хотел, чтобы они уговорили кубинцев из консульства выдать ему визу. Контрерас не сумел помочь с визой, но тот вечер и почти весь следующий день он и его друзья провели с молодым американцем. Непонятно было, кто послал Освальда к студентам, хотя Контрерас сказал, что у Освальда были друзья в кубинском посольстве.

Если тот рассказ был правдой, то это еще один запоздалый пример пробелов в слежке ЦРУ за Освальдом в Мехико – или того, сколь немногое Скотт и его коллеги сочли нужным сообщить в штаб-квартиру ЦРУ. Если мексиканский осведомитель не лгал, значит, Освальд ускользнул из-под наблюдения ЦРУ по меньшей мере на полтора дня – это примерно четверть времени, проведенного им в Мехико.

Тогда же, в 1967 году, Скотт начал открыто говорить своим коллегам о намерении уйти в отставку. О том, что, прослужив 23 года в ЦРУ, причем большую часть из них в Мексике, хочет уйти с государственной службы и подзаработать денег. Он намеревался остаться в Мексике и открыть консалтинговую фирму, что позволило бы ему извлечь материальную выгоду из своих многочисленных связей в мексиканском правительстве. Еще он собирался писать мемуары и в них рассказать в том числе и об Освальде.

Скотт считал себя писателем. Особенно он любил поэзию и в 1957 году даже издал за свой счет, под псевдонимом, сборник своей любовной лирики. Для него было вполне естественным желание изложить на бумаге историю своей жизни, особенно захватывающие шпионские приключения.

Жестоко нарушая требования безопасности, Скотт обычной почтой отправил своему нью-йоркскому другу, редактору издательства Reader ’s Digest, развернутый план будущих мемуаров. Он сообщил редактору, что в книге будет прослеживаться вся его шпионская карьера с самого начала, со Второй мировой войны, когда он подружился с Алленом Даллесом5 . Расскажет он и о том, как они с Даллесом написали исследование о секретных службах Великобритании, которое в 1947 году легло в основу проекта создания ЦРУ. Большая часть книги будет посвящена Мексике. «За тринадцать лет службы в Мексике произошло много такого, что заслуживает подробного описания, – сообщал Скотт редактору. – Например, стоит рассказать о Ли Харви Освальде… Мне многое известно о его деятельности в те дни, когда он приезжал в Мехико».

Первоначальное название книги Скотта It Came to Little («А выходит мало») отсылает к отрывку из Библии: «Ожидаете многого, а выходит мало»[33] – и отражает его разочарование в ЦРУ. «Суть в том, что при всех наших стараниях, при тысяче потраченных долларов и тысячах часов, отданных борьбе с коммунизмом, мы, те, кто служил в ЦРУ, и те, кто сейчас там служит, должны честно признать, что выходит мало, – писал он. – Соединенные Штаты проявляют все больше робости в конфронтации с коммунизмом», а при этом «коммунизм проникает все глубже и глубже». В итоге он остановился на другом заглавии – The Foul Foe («Ложный враг») – и взял псевдоним Иэн Максвелл6 . Тот же самый, под которым выпустил сборник любовных стихов.

Когда Роберт Кеннеди решил участвовать в президентских выборах 1968 года, он понимал, что столкнется с вопросами об убийстве брата. Даже думать об этом было, как всегда, мучительно.

Свое последнее значимое заявление о комиссии Уоррена он сделал в марте того же года, в ходе предвыборной поездки по Калифорнии. 25 марта на шумной встрече со студентами колледжа под Лос-Анджелесом его спросили, откроет ли он архивы комиссии – в ответ на множащиеся версии заговора. Журналисты отметили, что сначала Кеннеди попытался обойти этот вопрос, но, поколебавшись, все-таки заявил: «Если я стану президентом, я не буду пересматривать отчет Уоррена. Я видел все,

что там есть. И я согласен с выводами комиссии». И добавил, что он «больше всех заинтересован в том, чтобы узнать, кто в ответе за смерть президента Кеннеди»7 .

Через три месяца, 6 июня, выиграв на предварительных выборах в Калифорнии и став кандидатом от Демократической партии, он погиб от руки убийцы. Стрелявший в него Сирхан Сирхан, 24-летний палестинец, заявил, что хотел наказать его за поддержку Израиля.

Для Верховного суда его гибель имела серьезные последствия8 . Не прошло и недели, как потрясенный председатель Верховного суда Уоррен попросил о встрече с президентом Джонсоном и объявил, что хочет подать в отставку, дав Джонсону время назначить его преемника до осенних президентских выборов. Джонсон не жаждал переизбрания на следующий срок, и со смертью Кеннеди резко выросли шансы стать президентом у кандидата от республиканцев, бывшего вице-президента Ричарда Никсона. Уоррен явно не хотел, чтобы в отставку его отправил Никсон, – не хотел доставлять своему давнему недоброжелателю такое удовольствие.

Однако получилось совсем не так, как надеялся Уоррен. Джонсон назначил его преемником Эйба Фортаса, но это решение вызвало сильное противодействие, связанное с возможным конфликтом интересов, ибо Фортас оставался политическим советником президента. В октябре это назначение было аннулировано, и Джонсон объявил, что попросил Уоррена остаться в должности, пока преемник Джонсона, будь он демократ или республиканец, не выдвинет своего кандидата. После избрания Никсона новый президент объявил таковым консерватора Уоррена Бергера, судью апелляционного суда из Миннесоты. В июне 1969 года Сенат утвердил Бергера в должности председателя Верховного суда.

Уйдя в отставку, Уоррен дал несколько интервью и, разговаривая с журналистами и историками, делал упор на своей работе в Верховном суде и на посту губернатора Калифорнии, а не в комиссии. Когда же ему задавали прямой вопрос о расследовании убийства Кеннеди, он отвечал, что никогда не сомневался в том, что Освальд действовал в одиночку. И что его не волнуют опросы общественного мнения, показывающие, что все больше граждан сомневаются в правильности выводов комиссии. «Люди до сих пор спорят об убийстве Линкольна, – говорил он. – Это

можно понять».

Уйдя в отставку, Уоррен принял решение, обрадовавшее бывших членов комиссии: согласился сотрудничать с Ли Рэнкином и Альфредом Голдбергом, которые собирались написать книгу в защиту работы комиссии. 26 марта 1974 года он дал Голдбергу пространное интервью[9], которое было записано на магнитофон. Это было одно из последних его интервью: он умер в Вашингтоне менее чем через четыре месяца, 9 июля, в возрасте 83 лет[10]. В этом интервью Уоррен заявил, что не раскаивается в том, как они вели расследование, лишь сожалеет, что комиссия не допросила президента Джонсона непосредственно, лицом к лицу. И отстаивал свое решение не открывать доступа к фотографиям вскрытия Кеннеди и его рентгеновским снимкам. «Хорошо это или плохо, но я несу за это полную ответственность, – сказал он. – Я не мог позволить, чтобы такие снимки разослали по всей стране и показывали в музеях». Сказал, что не сомневается в правильности версии одной пули и губернатор Коннелли ошибался, говоря, что был ранен отдельной пулей: «Шок от выстрела может притупить эмоции и реакции». Он остался при убеждении, что все выстрелы по лимузину Кеннеди были произведены из Техасского склада школьных учебников, а не с так называемого Травяного склона и не с эстакады, как утверждают сторонники версии заговора. «Никто не мог стрелять со склона или с эстакады – их было бы видно».

Рэнкин и Голдберг отказались от планов написать книгу, не сумев заинтересовать ею крупных издателей. «Издательства хотят только книг о заговоре против Кеннеди, – сказал Голдберг. – А мы писали не об этом».

В октябре 1968 года, всего через месяц после избрания своего преемника, Джонсон согласился дать большое прощальное интервью давнему сотруднику ABC News, ведущему и комментатору Говарду К. Смиту. Когда камеры отключили, Джонсон предложил журналисту открыть тайну, о которой пока нельзя рассказывать. Смит согласился.

– Вас потрясет то, что я расскажу, – заявил Джонсон. И сообщил, что за убийством Кеннеди стоит Фидель Кастро: – Кеннеди пытался добраться до Кастро, но Кастро его опередил.

Смит, зная, что Джонсон падок на лесть, стал выспрашивать дальше. «Я сделал вид, что поражен, – вспоминал он. – И заклинал рассказать подробности. Но он отказался, сказал только, что в один прекрасный день все это выйдет наружу».

В сентябре 1969 года, уже будучи в отставке, на своем обширном ранчо неподалеку от Остина, штат Техас, Джонсон давал интервью ведущему CBS News Уолтеру Кронкайту для намеченной серии передач о периоде его президентского правления. Когда речь зашла об убийстве Кеннеди, Кронкайт спросил, верит ли Джонсон до сих пор, что комиссия Уоррена сделала правильные выводы и никакого заговора с целью убийства Кеннеди не было.

– Положа руку на сердце, не могу сказать, что я на все сто уверен, что там не было связей с заграницей, – ответил Джонсон.

– Вы имеете в виду, там мог быть заговор? – переспросил Кронкайт.

– Не исключаю.

Кронкайт удивился:

– Выходит, вы не полностью доверяете комиссии Уоррена.

– Я думаю, что комиссия Уоррена… – Джонсон помолчал. – Я думаю, во-первых, что в нее вошли самые компетентные, самые здравомыслящие люди страны, принадлежащие к обеим партиям. Во-вторых, я думаю, они преследовали лишь одну цель, и эта цель – истина. В-третьих, я думаю, что все они профессионалы и сделали все, что могли. Но я не думаю, что они, или я, или кто-то еще может абсолютно точно знать, какая мотивировка была у Освальда или у остальных, кто мог быть замешан в этом деле.

Кронкайт понял, что это сенсация, причем исторического значения. Но перед тем как интервью должно было выйти в эфир, Джонсон потребовал, чтобы его слова о комиссии и возможности заговора вырезали «из соображений национальной безопасности». После нешуточных внутренних препирательств в CBS согласились вырезать этот материал, но молва о том, что сказал Джонсон, просочилась в другие средства массовой информации, в том числе в газеты The New York Times и The

Washington Post 11 .

Неясно, что именно привело Джонсона к столь глубинному неверию в комиссию Уоррена. Джозеф Калифано, его помощник в Белом доме, с 1965 по 1969 год отвечавший за внутреннюю политику, вспоминал, что в частных беседах тот часто говорил своим заместителям: он уверен, что Освальд принимал участие в заговоре12 . Эту точку зрения разделял и Калифано, который в администрации Кеннеди был генеральным советником по делам Вооруженных сил и принадлежал к узкому кругу избранных советников Роберта Кеннеди, которым было поручено разработать план свержения Кастро – а если получится, то и убийства – в ходе операции «Мангуст». «Роберт Кеннеди твердо решил убить Кастро, – говорил Калифано много лет спустя. – Братья Кеннеди были одержимы этой идеей». Калифано всегда подозревал, что есть зерно здравого смысла в слухах о том, что Кастро, узнав о кровавых замыслах американцев, отомстил, приказав убить Кеннеди. Калифано считал, что Роберту Кеннеди тоже приходило это в голову. «Мне кажется, Роберт Кеннеди так непомерно горевал о смерти брата, потому что связывал его убийство со своими попытками уничтожить Кастро».

Синтию Томас еще больше, чем ее мужа, потрясла новость о том, что его карьера в Госдепартаменте окончена13. Она возмутилась куда сильнее, чем он. Из них двоих Чарльз всегда был фаталистом. Обоим им казалось, что это какая-то бессмыслица. Все восемнадцать лет его дипломатической службы его неизменно и восторженно хвалили послы, под началом которых он работал. А когда в 1969 году он вернулся в Вашингтон, пришли дурные вести. Поскольку он вовремя не получил повышения, его отправляли в отставку – «отчислили». «Какое-то нелепое решение, – вспоминала Синтия. – Чарльз был одним из лучших американских дипломатов».

Тогда, на заключительном этапе его работы в Госдепе, 25 июля 1969 года Томас отпечатал на машинке письмо госсекретарю Уильяму Роджерсу с последней просьбой: чтобы кто-нибудь проверил информацию, сообщенную Еленой Гарро. «Тщательная проверка ее утверждений, возможно, сведет их на нет, – писал Томас. – Если же их обнародуют без такой проверки, могут вновь вспыхнуть споры об истинных причинах

убийства Кеннеди и будет потеряно доверие к отчету Уоррена»14 .

В этом письме Томас, вероятно, впервые в официальном документе зафиксировал свои предположения, почему ЦРУ так упорно не желало до конца расследовать историю в Мехико: «Некоторые лица, фигурирующие в сюжете Елены Гарро, вполне могли быть агентами ЦРУ». Он не указал, кто именно мог оказаться агентом ЦРУ и как эти люди могли контактировать с Освальдом в Мехико.

Через месяц, 28 августа, отдел безопасности Госдепартамента переслал его письмо в ЦРУ; в сопроводительной записке разведуправлению предлагалось проверить эту информацию15 . Ответ ЦРУ Госдепартаменту, датированный 16 сентября, предельно краток.

«ТЕМА: Чарльз Уильям Томас.

Отвечаем на ваше письмо от 28 августа 1969 года. Мы ознакомились с приложением и не видим необходимости в дальнейших действиях. Копии данного ответа направлены в Федеральное бюро расследований и в Секретную службу Соединенных Штатов»16 .

Этот документ подписан главой отдела контрразведки ЦРУ Джеймсом Энглтоном и его заместителем Реймондом Роккой. Имя Энглтона ничего не говорило Синтии Томас, и несколько десятилетий спустя она утверждала, что и ее мужу, судя по всему, тоже. «Мы понятия не имели, кто такой Энглтон, – сказала она. – С какой стати?»17

В то лето Томас начал искать работу, и нелегкие безуспешные поиски привели его через два года к самоубийству. Эти поиски оказались куда тяжелее, чем ему представлялось, вспоминала Синтия. Когда предполагаемый работодатель спрашивал, почему он ушел из Госдепартамента, если ему так недолго осталось до пенсии, он вынужден был говорить правду: его выставили. Он пытался найти работу в правительственных структурах и даже в ЦРУ, но безуспешно, рассказывала Синтия. Она вспоминала, что Уин Скотт из Мехико вызвался «написать ему рекомендательные письма», но так этого и не сделал. Она

поняла, что «Госдепартамент предпринимает усилия», чтобы помешать ее мужу найти работу на Капитолийском холме. Нехватка денег стала ощутимой почти сразу. У семьи не было больших сбережений. Супруги Томас с двумя малолетними дочерьми снимали в Вашингтоне дом. Чтобы у семьи были хоть какие-то деньги, Томас, дипломированный юрист, стал подрабатывать в муниципальном уголовном суде Вашингтона – адвокатом неимущих подсудимых. Ему платили по семь с половиной долларов в час. Гордость не позволяла ему просить знакомых, чтобы ему помогли найти постоянную работу, вспоминала Синтия.

Хотя Госдепартамент и ЦРУ отклонили его запрос о возобновлении расследования в Мексике, Томас пытался сделать это самостоятельно18 . В конце 1969 года он пробовал отыскать Гарро. Та уехала из Мехико годом раньше, после скандала, вызванного ее публичными высказываниями о том, что левые интеллектуалы несут ответственность за подстрекательство мощных антиправительственных протестов, разразившихся той осенью; эти выступления были жестоко подавлены мексиканским правительством, в результате погибли сотни митингующих и случайных прохожих. В конце концов Томас отыскал Гарро в Нью-Йорке, где они с дочерью жили в страшной нужде.

Его написанные от руки заметки о телефонном разговоре с Гарро, подшитые в папку с надписью «Кеннеди», обнаруженную после его смерти в черном кожаном портфеле, показывают, что она не добавила ничего нового к той давней истории о встрече с Освальдом. Гарро была до безумия напугана. «Она пустилась в бега», явно боясь, что в Мексике ей угрожает опасность, писал Томас. «Твердила, что “они” снова придут за ней». По просьбе Томаса одна его нью-йоркская знакомая пригласила Гарро с дочерью на ужин; потом она писала, что «никогда не видела более запуганных людей».

12 апреля 1971 года, в день, когда Томас покончил с собой, выстрелив себе в голову в ванной на втором этаже19 , ему пришли по почте еще три отказа в работе, один из них – из комитета Палаты представителей по иностранным делам. Его не взяли на должность директора по персоналу, сообщив, что предпочли человека помоложе. Он выстрелил в себя из пистолета, который еще в 1950-е годы купил как сувенир во время поездки на Кубу.

После смерти мужа в его портфеле Синтия нашла папку «Кеннеди», правда, об истинной ее ценности она тогда не подозревала. В папке были пожелтевшие газетные и журнальные вырезки о спорах вокруг выводов комиссии Уоррена. Чарльз Томас собирал статьи о Ричарде Расселе, который считал, что выводы комиссии ошибочны. Годы спустя Синтия Томас скажет, что она «абсолютно ничего не знала» о рассказе Гарро про Освальда и Сильвию Дюран. Это естественно, объяснила она, муж никогда не делился с ней секретными сведениями. «И он был прав. Работа в посольстве требует осторожности. Боже мой, это ведь относилось к убийству президента Кеннеди! Чарльзу нельзя было делиться этим с домашними».

После самоубийства мужа она начала собственную стоическую кампанию за его посмертное восстановление на дипломатической службе с выплатой жалованья и пенсии, доказывая, что он стал жертвой несправедливости со стороны кадровиков в Госдепартаменте. Во многом эта кампания была обусловлена бедственным финансовым положением семьи. 35-летняя Синтия осталась одна с двумя маленькими детьми, и все, что у нее было, это седан «плимут» 1967 года стоимостью 500 долларов и 15 тысяч долларов долга, в том числе 744 доллара 2 цента вашингтонской погребальной конторе за похороны мужа.

Вскоре до нее стали доходить слухи, что за увольнением ее мужа из правительственных структур стоит больше, чем он рассказывал семье, что в этом замешано ЦРУ и это как-то связано с его работой в Мехико. Как явствует из ее записей того периода, некий европейский журналист с обширными связями, работавший в Вашингтоне, сказал ей: его «высокопоставленные источники» в правительстве США считают, что от Томаса решили избавиться из-за ложных слухов о его связях с «мексиканскими левыми». А конкретнее – Стэнли Уотсон, заместитель Скотта в резидентуре ЦРУ в Мехико, своими закулисными маневрами испортил Томасу карьеру. В дипломатических кругах Мексики знали о том, что Уотсон, вероятно, по указке Скотта, начал активно распускать слухи о чрезмерной близости Томаса к мексиканским социалистам. Десятилетия спустя друг семьи Томасов Гваделупе Ривера, преподаватель юриспруденции, впоследствии избранная в мексиканский Сенат, вспоминала, как, узнав в 1971 году о самоубийстве Томаса, немедленно связала его со слухами, которые распускал Уотсон и которые дошли и до нее. На каком-то приеме в Мехико она нечаянно подслушала разговор

о самоубийстве с завершающей репликой: «Это все эта свинья, Стэнли Уотсон». Синтия не могла понять, зачем Уотсону, или Скотту, или кому-то еще в ЦРУ понадобилось вытеснить ее мужа из правительственных структур.

После самоубийства Томаса бывшие коллеги по Госдепартаменту очень удивились, узнав, что крушение карьеры Томаса, как уверяло начальство, могло произойти также из-за невинной ошибки клерка, который ошибочно положил блестящую характеристику 1966 года, когда Томас работал в Мексике, не в ту папку. В этой характеристике Томаса называли «одним из самых ценных сотрудников» внешнеполитического ведомства и рекомендовали к немедленному повышению в должности. Начальство утверждало, что этот документ по ошибке был помещен в личное дело другого дипломата с тем же именем: Чарльз Томас. В нужную папку документ переложили через два дня после того, как комиссия по повышению отвергла кандидатуру Томаса. Комиссия не стала пересматривать этого решения, потому что в путанице с папками была не виновата.

Из-за кампании Синтии Томас и шума, поднявшегося внутри Госдепартамента по поводу того, как обошлись с ее покойным мужем, был пересмотрен порядок предоставления повышений в должности для всего дипломатического корпуса20 . В 1973 году федеральный судья в Вашингтоне объявил существующий порядок антиконституционным и грубо нарушающим закон; это привело к судебному процессу, который финансировался пожертвованиями из Фонда Чарльза Уильяма Томаса, основанного его вдовой и некоторыми старыми коллегами.

В январе 1975 года Конгресс сделал попытку хоть как-то возместить миссис Томас моральный и материальный ущерб: принял так называемый частный законопроект, посмертно восстановивший ее мужа на работе в дипломатической службе, что означало выплату ей и ее детям жалованья, которое он должен был получать до момента своей смерти, и страховку21 . Компенсация составила около 51 тысячи долларов. Также миссис Томас приняли на работу в Госдепартамент как чиновника дипломатической службы, и она работала в Индии и Таиланде вплоть до своей отставки в 1993 году.

После прохождения билля в 1975 году миссис Томас получила письмо

из Белого дома – официальные извинения за то, как правительство обошлось с ее мужем. «Никакие слова не могут облегчить бремени, которое вы несли все эти годы, – говорилось в письме. – Обстоятельства смерти вашего мужа являются источником глубочайшего сожаления правительства, которому он служил так верно и для которого так много сделал. Я могу только надеяться, что меры, принятые в результате этой трагедии, не позволят повториться ничему подобному в будущем»22 . Это письмо было подписано президентом Джеральдом Фордом.

Чарльз Томас был не единственным ветераном посольства Соединенных Штатов в Мексике, который ушел из жизни в апреле 1971 года. Через две недели после самоубийства Томаса в своем доме в столице Мексики в возрасте 62 лет умер Уинстон Скотт23. Согласно официальному заключению, он скончался от внутренних повреждений, свалившись с лестницы на заднем дворе.

Весть о смерти Скотта немедленно достигла штаб-квартиры ЦРУ, и одна из бывших заместительниц Скотта в Мексике, Энн Гудпасчур, переселившаяся в США, поняла, что надо действовать. Уже через несколько часов она связалась с Джеймсом Энглтоном и сказала ему, что Скотт почти наверняка хранил секретные документы у себя дома в Мехико24 . Все заместители Скотта знали, что он брал рабочие материалы домой и не всегда их возвращал. Гудпасчур вспомнила, что дома у него был по меньшей мере один сейф с толстыми стенками. Она не исключала возможности, что он припрятал какую-нибудь пленку с прослушкой телефонных разговоров Освальда в Мексике в 1963 году.

Энглтон вылетел в Мексику на похороны Скотта. Несколько лет спустя он рассказал следователям Конгресса, что его попросил поехать на похороны Ричард Хелмс, еще один старый друг Скотта. «Дик отрядил меня в эту поездку» от Управления в знак уважения, сказал он, признав, впрочем, что поездка имела и вторую цель25 . Он должен был забрать все экземпляры мемуаров, над которыми, как было известно в их ведомстве, работал Скотт. «Уин писал книгу, – сказал Энглтон. – Это было своего рода последнее волеизъявление, завещание оперативника». Поскольку Скотт не подавал книгу в ЦРУ для предварительной цензуры, отмечал Энглтон, «моей целью было поехать к нему и забрать все имеющиеся

экземпляры рукописи. Я был его близким другом, знал его жену и все такое». Позже Хелмс утверждал, что не очень хорошо помнит поездку Энглтона и ее причины. «Кажется, были некоторые опасения, что Скотт держал в своем сейфе какие-то материалы, которые могли нанести ущерб работе Управления, – говорил Хелмс, словно решение проникнуть в дом Скотта и опустошить его сейф было для него обычным делом. – Управление просто хотело проверить и убедиться, что там ничего такого нет»[34].

Родные Скотта вспоминали, как неожиданно в дверь их дома в Мехико постучались, вдова Скотта Дженет открыла и увидела на пороге Энглтона. Он объявил, что пришел забрать секретные материалы, которые могли оказаться в доме. Семья подчинилась, и Энглтон увез несколько коробок документов в Лэнгли, в том числе два экземпляра рукописи мемуаров Скотта.

Большая часть рукописи Скотта осталась в архивах ЦРУ под грифом «секретно», но глава, посвященная слежке за Освальдом в Мехико, в 1994 году была тихо рассекречена и передана семье Скотта – часть потока из миллионов страниц правительственных документов, относящихся к убийству Кеннеди, рассекреченных правительством в 1990-е годы. Это был вынужденный жест, поскольку в 1991 году на экраны вышел и сразу стал популярен конспирологический фильм Оливера Стоуна «Джон Ф. Кеннеди. Выстрелы в Далласе».

То, что было в этой главе, потрясло бывших работников комиссии Уоррена, когда они наконец прочли ее в 2012–2013 году[35]. Не оставляя сомнений в том, что ЦРУ имеет свои тайны, мемуары Скотта показывают, как много информации было умышленно скрыто от комиссии Уоррена, в том числе и Скоттом. Между тем, что Скотт написал в своей книге, и тем, что ЦРУ сообщало комиссии раньше, обнаруживаются поразительные расхождения.

В 1964 году Скотт уверял комиссию, что никаких заслуживающих доверия свидетельств наличия заговора с целью убийства президента нет, во всяком случае, в Мексике26 .

Однако в мемуарах Скотт высказывает прямо противоположную точку зрения. Случившееся в Мексике, пишет он, вызывает подозрения,

что Освальд был «агентом» коммунистического правительства – по мнению Скотта, правительства Советского Союза, – и ему было поручено убить Кеннеди. «Не говоря уже обо всем остальном, вполне достаточно посещений Освальдом посольства коммунистической Кубы и советского посольства в Мехико во время его короткой пятидневной поездки в сентябре – октябре 1963 года и того, что о них известно, чтобы заподозрить в нем агента, выполнявшего поручения Советов, в число которых, возможно, входило и убийство президента Кеннеди, – пишет Скотт. – Очевидно, этих данных достаточно как минимум для подозрения, что Освальд работал на Советы».

Из мемуаров ясно, что, хотя комиссии Скотт говорил, что фотографий слежки за Освальдом в Мехико нет, на самом деле у ЦРУ имелись фотографии Освальда у кубинского и советского посольств. «Люди, ведущие наблюдение за посольствами, сфотографировали Освальда, когда он входил и выходил, и отметили, сколько времени он провел в каждом», – писал Скотт. Он упоминал также о наличии катушек с аудиозаписями голоса Освальда, когда тот звонил в эти посольства, – а в 1963 и 1964 годах Скотт уверял, что записи были стерты. «Освальд представлял для нас большой интерес, – писал Скотт. – Его разговоры с сотрудниками посольств изучались очень подробно».

В 1976 году Палата представителей учредила специальный комитет для повторного расследования убийств президента Кеннеди и борца за гражданские права Мартина Лютера Кинга. За два года члены Специального комитета по расследованию этих убийств нашли по меньшей мере трех сотрудников ЦРУ, которые видели фотографии слежки за Освальдом в Мехико27 . В их числе был Стэнли Уотсон, бывший заместитель Скотта, который вспомнил один снимок Освальда – «в основном ухо и часть спины». Уотсон сказал, что Скотт вполне мог спрятать или уничтожить материалы, которые не хотел показывать своим коллегам из ЦРУ. Уходя в отставку, Скотт взял с собой содержимое своего сейфа в посольстве. Уотсон знал, что после смерти Скотта в Мехико приезжал Энглтон, чтобы забрать какие-то материалы у него из дома. Он также высказал предположение, что Скотт был способен «сфабриковать» доказательства. «Я никогда не верил Уину Скотту на слово».

В 1992 году Конгресс учредил Совет по пересмотру материалов дела об убийстве Кеннеди, чтобы ускорить рассекречивание буквально всех

материалов, относящихся к этому преступлению. Совет заставил ЦРУ обнародовать некоторые материалы сети информаторов, созданной Скоттом и его коллегами в Мехико во время убийства Кеннеди. В списке информаторов Скотта был и бывший чиновник Министерства внутренних дел Мексики Мануэль Карвильо28 , его имя было знакомо Елене Гарро и ее дочери. Карвильо – тот самый человек, который сразу после покушения заставил обеих Гарро скрыться. И если верить тому, что рассказывала Чарльзу Томасу Гарро, то получается, что мексиканский чиновник, который велел никому и ничего не говорить об Освальде, о Сильвии Дюран, о «вечеринке твиста» и о двух спутниках Освальда, похожих на битников, тоже работал на ЦРУ[36]

[1] По распоряжению Гувера ФБР на протяжении нескольких лет выслеживало симпатизирующих коммунистам сотрудников крупных американских университетов; нескольких удалось обнаружить в Университете Говарда. Расположенный в Вашингтоне (округ Колумбия), этот университет, ввиду исторических причин, принимал в основном чернокожих студентов.

[2] С учетом инфляции новая зарплата Гувера, 17 500 долларов в год, эквивалентна 170 тысячам долларов в 2013 г.

[3] В своих воспоминаниях (они были опубликованы посмертно, в 1977 г.) Уоррен признавался, что пересматривал эти фотографии во время расследования, но не уточнял, в каком году это было, в 1963-м или в 1964-м.

[4] Аэропорт назван в честь Джона Фостера Даллеса (1888–1959), госсекретаря при Эйзенхауэре, брата Аллена Даллеса (бывшего директора ЦРУ, члена комиссии Уоррена).

[5] 25 тысяч долларов в 1964 г. эквивалентны, с учетом инфляции, 188 тысячам долларов в 2013 г.

[6] Позже Лейн говорил, что не беседовал ни с кем из тех, кто утверждал, что был свидетелем встречи в клубе «Карусель». Эта информация, заявлял он, поступила к нему из вторых рук – от покойного Тайера Уолдо, репортера The Forth Worth Star Telegram , того самого, кто рассказал Дрю Пирсону, что вечером перед убийством агенты Секретной службы

напились. Автору этой книги Лейн в 2011 г. на вопрос, верит ли он, что эта встреча имела место, ответил: «Понятия не имею. И тогда понятия не имел».

[7] 36 тысяч долларов в 1964 г. эквиваленты, с учетом инфляции, 217 тысячам долларов в 2013 г.

[8] Знакомые Руби рассказывали ФБР отвратительные истории о его обращении с животными. Один из свидетелей утверждал, что видел, как Руби мастурбировал с одной из своих собак прямо перед посетителями своего клуба. Другой описывал, как Руби позволял своим собакам лизать кровь из своей раны, когда сильно порезался кухонным ножом.

[9] Directorio revolucinario estudiantil – Студенческий революционный директорат (исп.), самая многочисленная и решительно настроенная группировка кубинских эмигрантов. (Прим. перев .)

[10] Руби отрицал связь с Хантом и утверждал, что сценарий ему вручили на местной ярмарке, где семейная компания Ханта рекламировала местные, выращенные в Техасе продукты.

[11] Комиссии только в июне стало известно, что Лейн сделал запись своего телефонного разговора с Маркем.

[12] Спектер и писал об этом в воспоминаниях, и рассказывал автору этой книги, но на самом деле еврейский праздник начинался в тот год позже. В 1964 году первый день Песаха пришелся на 28 марта, субботу.

[13] Это слово «они» из уст Коннелли будет затем часто приводиться сторонниками версии заговора в доказательство того, что техасскому губернатору было известно о существовании большего числа убийц. Позднее Коннелли говорил, что ничего подобного не имел в виду, и он согласился с выводом, что Освальд действовал в одиночку.

[14] Из записей комиссии следует, что Коулмен потратил существенно меньше часов на работу в комиссии, чем многие другие юристы, и Спектер до самой своей смерти в 2012 г. не подозревал, что Коулмен выполнял поручения комиссии за пределами Вашингтона.

[15] В конце концов в апреле 1996 года Спектеру, к тому времени уже

сенатору от Пенсильвании, покажут в Национальном архиве фотографии вскрытия. Он описывал увиденное так: «Снимки ужасающие. Джон Ф. Кеннеди лежит на секционном столе, красивое лицо обескровлено и изуродовано разверстой пулевой раной в голове. Глядя на убитого президента, я вновь почувствовал тот приступ дурноты, который настиг меня 35 годами ранее, когда я впервые читал медицинские отчеты. А еще меня поразило прекрасное физическое состояние президента – почему-то от этого снимки казались еще страшнее. В 47 лет у Кеннеди были крепкие, мускулистые плечи и руки, подтянутый живот, густая шевелюра». Specter. Passion for Truth, p. 89

[16] На самом деле Хости сохранил рукописные заметки – позднее он настаивал, что совершенно забыл об этом, когда давал показания в комиссии. «Через несколько месяцев после публикации отчета Уоррена я обнаружил эти записи среди бумаг на моем столе. Понимая их ценность, я решил оставить их у себя и хранил в надежном месте». (Hosty. Assignment: Oswald, p.146.)

[17] В тот день у Спектера была другая причина для огорчения: его любимая команда Phillies проиграла в десяти подачах Giants из Сан-Франциско со счетом 4:3 и лишилась первого места в Национальной лиге.

[18] По просьбе автора этой книги в 2012 году Национальное управление архивов и документации пыталось выяснить, почему копия письма Гувера от 17 июня 1964 года оказалась в рассекреченных архивах ЦРУ, а не в архивах комиссии Уоррена. В Национальном управлении архивов так и не смогли ответить на этот вопрос.

[19] Коулмен сказал, что автор данной книги – первый из журналистов, кому он рассказывает о секретном задании встретиться с Кастро. Другие члены комиссии говорили автору, что до них доходили слухи о встрече Коулмена с кубинским лидером. И когда автор данной книги попросил Коулмена дать разъяснение по поводу этих слухов, он подтвердил, что все это правда. И добавил, что в своих мемуарах Counsel for the Situation , опубликованных в 2010 году, не стал упоминать о встрече с Кастро, поскольку понимал, что эта информация на тот момент все еще была засекреченной.

[20] С учетом инфляции 1 миллион долларов США по состоянию на 1964 г. был бы эквивалентен 7,5 миллиона долларов в 2013 году.

[21] Показания Дина Эндрюса можно было бы с легкостью проигнорировать, если бы не заявление окружного прокурора Нового Орлеана Джима Гаррисона, который в 1967 году будет утверждать, что Клеем Бертраном в определенных кругах называли уважаемого местного предпринимателя Клея Шоу, которого впоследствии Гаррисон обвинит в причастности к покушению на Кеннеди. Присяжным в Новом Орлеане понадобилось меньше часа, чтобы признать Шо невиновным. Это судебное дело считается ярким примером нарушений при ведении следствия. Но даже несмотря на это в фильме Оливера Стоуна 1991 года «Джон Ф. Кеннеди. Выстрелы в Далласе» (на языке оригинала фильм называется JFK) Гаррисон, в роли которого выступил Кевин Костнер, показан как положительный герой. А роль Эндрюса исполнил комедийный актер Джон Кэнди.

[22] С учетом инфляции 25 тысяч долларов в 1963 году были бы эквивалентны 190 тысячам долларов в 2013 году.

[23] Спектер, будучи сенатором США, рассказывал, что в 1987 году его симпатия к Редлику повлияла на его решение присоединиться к коллегам по Сенату и отклонить предложение о назначении членом Верховного суда Роберта Борка, судьи федерального апелляционного суда округа Колумбия и бывшего преподавателя права в Йельском университете. В интервью, впервые опубликованном в 1996 году, Спектер сказал, что его очень огорчили сообщения об одном происшествии, имевшем место до выдвижения, когда Борк, консерватор, высмеял либерала Редлика в речи, произнесенной на некоем торжественном ужине в Нью-Йорке, где Редлик также присутствовал. «Редлик был тогда очень болен и пошел на этот ужин, чтобы сделать приятное Борку, – сказал Спектер. – Когда Редлик рассказал мне, что произошло между ним и Борком, у меня сразу сложилось очень негативное впечатление о Борке, что, разумеется, не помогло ему при рассмотрении его кандидатуры в Сенате. (Из интервью Спектера.)

[24] «Авторский договор на публикацию между издательством Simon and Schuster и Джеральдом Фордом», 9 октября 1964 г. Материалы комиссии Уоррена, библиотека Джеральда Форда (Ford Library). Полный текст

договора и другие относящиеся к данной книге документы также находятся в Ford Library .

[25] Либлер также проверял версию, что Освальд был связан с Марцелло через своего дядю, который жил в Новом Орлеане. Дядя, букмекер Шарль Мюрре по прозвищу Грязный, предположительно входил в преступную сеть Марцелло. Но комиссия не нашла никаких подтверждений тому, что Мюрре имел отношение к убийству президента.

[26] Автор настоящей книги предпочел не называть их имена, поскольку большая часть компромата таковым вовсе не была. Самый длинный перечень «грехов», что неудивительно, был у Нормана Редлика. Джозеф Болл оказался в этом списке отчасти потому, что ФБР считало его «ярым поборником прав человека», который «постоянно участвовал в поддержке движения за гражданские права».

[27] Либлер впоследствии говорил Винсенту Бульози, писателю и историку, изучавшему материалы об убийстве Кеннеди, что данное замечание Рэнкина было «несвоевременным», поскольку Рэнкин сделал его в тот самый день, когда членам комиссии раздали окончательную черновую версию заключительного доклада. «С самого начала мы все стояли за правду, и никаких исключений быть не могло», – сказал Либлер Винсенту Бульози. (Bugliosi. Reclaiming History , p. 358.)

[28] Книга Джеральда Форда об Освальде «Портрет убийцы», вышедшая в 1965 году, продавалась плохо и не окупила выданного Форду издательством Simon and Schuster аванса в 10 тысяч долларов. По условиям договора ему разрешалось оставить аванс себе в полном объеме.

[29] В конце концов ЦРУ публично признало, что Мау, который выполнял и другие поручения разведуправления, было поручено организовать убийство Кастро. Именно Мау подобрал людей из мафии, которые должны были выполнить это задание, и среди них был гангстер с Западного побережья Розелли, известный как Красавчик Джонни. Эдвард Морган впоследствии стал адвокатом Розелли. (По материалам из The New York Times от 6 августа 2008 г.).

[30] Андерсон, о котором Эдгар Гувер как-то сказал, что он «гаже, чем отрыжка стервятника», после смерти Пирсона в 1969 году унаследовал

эту колонку. В 1972 году он получил Пулитцеровскую премию за свои статьи о тайной дипломатии между США и Пакистаном во время индо-пакистанского конфликта 1971 года.

[31] В фильме Оливера Стоуна 1991 г. «Джон Ф. Кеннеди. Выстрелы в Далласе», в котором утверждалось, что Гаррисон со своей версией обширного заговора был недалек от истины, реальный Джим Гаррисон играл роль председателя Верховного суда Эрла Уоррена.

[32] В документах ЦРУ есть имя LIRING /3, которое по прошествии десятилетий было рассекречено. Поскольку нет возможности проверить точность записей ЦРУ, автор решил не называть имени информатора. В телефонном разговоре в 2013 году этот художник подтвердил, что знал Дюран, но отрицал, что имел какие бы то ни было связи с ЦРУ. Отрицал также, что Дюран говорила ему о своем романе с Освальдом.

[33] Книга пророка Аггея, 1:9: «Ожидаете многого, а выходит мало; и что принесете домой, то Я развею. – За что? Говорит господь Саваоф: за Мой дом, который в запустении, тогда как вы бежите, каждый к своему дому».

[34] Энглтон получил поразительно похожее задание после убийства в октябре 1964 года вашингтонской художницы Мэри Пинчот Майер, как впоследствии выяснилось, бывшей любовницы президента Кеннеди. В первые же часы после убийства Энглтона, друга семьи, обнаружил внутри ее запертого дома вашингтонский журналист Бен Брэдли, муж сестры Мэри и будущий главный редактор The Washington Post . Энглтон объяснил, что ищет ее дневник, который она якобы просила друзей уничтожить после ее смерти. Энглтон явно воспользовался отмычкой, сказал Брэдли. Когда дневник нашелся в мастерской Мэри, ее сестра отдала его Энглтону. Брэдли видел этот дневник и сказал, что в нем были заметки, написанные от руки, «очевидно о ее романе с президентом». (Интервью Бена Брэдли от 5 октября 1995 г. Booknotes, C-SPAN.)

[35] В 2012 и 2013 годах эти материалы показал им автор данной книги.

[36] В документах ЦРУ Карвильо значится как «слепой» агент; предполагается, что он не знал о принадлежности своего куратора к ЦРУ. Следователи Специального комитета палаты Конгресса по расследованию

убийства президента Кеннеди, работая совместно с властями Мексики, не смогли разыскать Карвильо. К тому времени он уже умер.